

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

2013

БЕРЕЗИН • ВАРТАНОВ • ВЕРОВ • ВОЛОДИХИН •
ГЕЛПРИН • ДАШКОВ • ЗАРУБИНА • МИНАКОВ •
ПЕРВУШИН • СКИРЮК • СТРУГАЦКИЙ • ЧЕКМАЕВ

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

БЕРЕЗИН • ВЕРОВ • ВАРТАНОВ • ВОЛОДИХИН •
ГЕЛПРИН • ДАШКОВ • ЗАРУБИНА • МИНАКОВ •
ПЕРВУШИН • СКИРЮК • СТРУГАЦКИЙ • ЧЕКМАЕВ

2013

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА 2013

БОРИС СТРУГАЦКИЙ
ДМИТРИЙ СКИРЮК
ЯРОСЛАВ ВЕРОВ
ИГОРЬ МИНАКОВ
АНТОН ПЕРВУШИН
СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ
СТЕПАН ВАРТАНОВ
ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН
АНДРЕЙ ДАШКОВ
ДМИТРИЙ ФЕДОТОВ
МАЙКЛ ГЕЛПРИН
ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ
ДАРЬЯ ЗАРУБИНА
И ДРУГИЕ

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

Издание подготовлено
совместно с издательством
«Снежный Ком М»

2013

ЭКСМО

МОСКВА

2013

Составители сборника *Г. Гусаков, И. Минаков*
Серийное оформление художника *Е. Савченко*
Иллюстрация на переплете *М. Петрова*
Оформление *А. Саукова*
Серия основана в 2003 году

Н 32 Настоящая фантастика — 2013 : фантастические повести и рассказы. — М. : Эксмо, 2013. — 864 с. : ил. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-63957-1

Космический грузовоз терпит крушение на планете, посадка на которую категорически запрещена. Но что тогда здесь делает экспедиция земного Института Ксенологии? У невольного робинзона Макса Горнова считанные дни, чтобы разобраться в этом...

Французский ученый Рене Миро на исходе девятнадцатого столетия создает мираклин — «сыворотку чудес». Открытие Миро способно изменить человечество, а ведь жестокий двадцатый век уже не за горами...

Почему в советское время уже тогда всемирно известных писателей-фантастов Аркадия и Бориса Стругацких не баловали литературными премиями? Как партийные чиновники «превращали» Стругацких в диссидентов? Это и многое другое в малоизвестном интервью с Борисом Натановичем Стругацким...

Борис Стругацкий, Дмитрий Скирюк, Ярослав Веров, Игорь Минаков, Антон Первушин, Андрей Дашков, Дмитрий Володихин, Дарья Зарубина, Майк Гелприн и другие в сборнике, выпущенном по итогам Международного фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг—2012».

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Березин Ф., Беспалова Т., Бочаров А., Бутров М., Быстров О., Вартанов С., Вереснев И., Веров Я., Володихин Д., Гелприн М., Даль И., Дашков А., Зарубина Д., Каримова К., Колесник С., Кудач Я., Марышев В., Минаков И., Немытов Н., Первушин А., Первушина Е., Родионова Д., Скирюк Д., Стругацкий Б., Томах Т., Федотов Д., Чебаненко С., Чекмаев С., Шейнин П., Ясинская М., 2013

ISBN 978-5-699-63957-1

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ТО,
ЧТО МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ

ОТЕЛЬ ДЛЯ ТРОГЛОДИТА

кажите, вам приходилось идти на грузовике с разваливающейся пространственной сингулярностью? Нет, не с матрицей, о'кей всё с матрицей. С самой сингулярностью. Ведь не приходилось? Вот честно...

Да, господин прайм-прокурор! Да, я отдаю себе отчёт. Да, я намерен излагать только факты. Однако для придания оным фактам некой достоверности считаю допустимым определённый художественный окрас. Нет, я не вижу здесь никакого проявления неуважения. Скорее напротив, много че... Да, господин обер-адвокат, я помню, никаких резких высказываний. Только необходимое. Да, конечно. По существу дела. Но в той манере, в какой желаю, и ровно столько времени, сколько требуется. Дикси, и это не ругательство.

Зря вы это затеяли, поганцы. Не надо бы выводить меня на публичный процесс, ох не надо бы. Больно дело выходит тут склизкое. Не для меня. Для вас, гадёныши. А тут — пресса. Тут журналисты. И половина — онлайнеры. Да какое там половина — считай, все. У этих чутьё, эти своего не упустят. Будет вам пожива, господа правдоносцы, Гейзенбергом клянусь. Одного только жаль — всей правды я этим уродам не выложу. Облезут. Да и знаю ли я всю правду? Или тот, кто знает всю правду, — уже совсем не я? А, господин Гейзенберг?

Знаете, когда погрешность импульсации лежит в пределах «трёх сигма», — неприятно, но жить можно. Ползёт себе здоровенный такой ромбододекаэдр под названием «Витязь» — странное название для грузовика, не без намёка на славное прошлое, и не ползёт даже, а скачет блохой по космосу. Один скачок — шесть километров. Конечно, и не скачок вовсе, а «отображение на границу зоны действия ТТМ с электронным резонатором», но это ж язык узлом завяжется, пока произнесёшь, а подумать и вовсе страшно. Шесть кэмэ для Вселенной не масштаб, но при частоте пульсации... сейчас прикину... если нормальная накачка резиста — одна наносекунда, ну да, один парсек проскакиваем за сто сорок часиков на пяти на десять в пятнадцатой импульсах.

А вот если бы на имперском крейсере с протонным резистом... Какая ещё тайна? Для кого — тайна? Нет. Это я к тому, что, несмотря на грозное название, сомнения в славном прошлом грузовичка у меня остались.

Так вот, когда импульсацию болтает в пределах от одной до десяти наносекунд, пилот может пить чай с тоником, скринить порно, любоваться космическими пейзажами или решать интегралы Фейнмана по траекториям, кто на что учился. Это нормально. Но когда вторые сутки у тебя «три сигма» со знаком минус, эрго, скорость ниже расчётной — это как-то нервирует. Забавно, что у электронщиков совсем другие сигмы, нежели у физиков. У них «закон шесть сигма». Впрочем, это к делу не относится. К делу относится: накопление ошибок в опорной частоте резиста отклонилось от закона нормального распределения, оно же — распределение Гаусса.

На третьи сутки совсем плохо стало. Опорная упала почти до двадцати. Тут до меня дошло, что неплохо бы, наконец, раз тенденция обозначилась, перестроить и

модулирующую, иначе унесёт меня мимо моей какой-то там Персея — тёмную материю помянуть не успею. А модулирующую строить — это уже высшей космической навигацией пахнет, а пилотам грузовозов никакой высшей навигации не положено, наше дело простое: груз доставлен — груз сдан — груз принят. Опять же, и бортовой интеллект среагировал штатно: ситуация кризисная, помочь ничем не могу. Так что прошу принять во внимание безысходность моего положения, восемьдесят жэ ему в ж...

Я даже в ходовую спустился. Нет, что ж я, самоубийца, что ли, заэкранировался по самое не балуй, восемь тесла они и в Африке восемь, и в вакууме, и около нейтронных звёзд тоже, хотя там, говорят, что и побольше... Резист — если кому из прессы любопытно — такой же ромбододекаэдр, как и сам корабль, только маленький, метра два в длину, точно в центре, и сориентирован точно по осям. В норме. Температура твердотельной матрицы в норме. Расход рабочего материала, электронной накачки то бишь, — в норме, напряжённости полей — в норме... Резюмирую: всё в норме, отклонений от стандартной процедуры отображения нет.

А значит, пришло время нестандартных решений. Иначе не видать мне родной Агломерации, как параллельным зеркалам — эффекта Казимира при отсутствии вакуума. Прошу прощения, не обращайтесь внимания, это от волнения. От волнения меня на псевдонаучную чепуху сбивает. С давних времён значен был у меня в криостате один препаратик. Ну, какой? Розовая маслянистая жидкость, без вкуса, без запаха, коэффициент вязкости...

Прошу прощения! Универсальный усилитель-преобразователь электромагнитной активности коры головного мозга, номер серии забыл. Приобрёл? У торговца какого-то приобрёл, не помню, может, того торговца

давно на атомы разнесло, да не валяю я дурака! Может, господам из прессы, вон, интересно... О! Видите? Господам интересно. Так я расскажу. Тем более, к делу это имеет самое прямое отношение. Вернее, последствия имеют отношение.

Препаратик до комнатной температуры, аптечка, жгут, шприц. Увы, варварство. Средневековье! Двадцать первый век, если не двадцатый. Непростое это дело, доложу я вам, одной рукой на плечо жгут крутить. Ну да, зубы, хоть и атавизм, тоже иногда помогают. Вена вздулась... а я крови боюсь. Вогнал я все двадцать миллилитров — и немедленно гипноизлучатель на полчаса глубокого сна. И чтобы никакой быстрой фазы! Потому что, пока все эти металлизированные, полимеризированные и прочие хранилизованные молекулы в моих синапсах обживаются, не приведи Шрёдингер, чтобы даже быстрый сон, не то чтоб в твёрдом уме и ясной памяти... это я для господ журналистов отвлёкся.

Очнулся. На голоэкрane топологическое пиршество. Как бы это подходчивей? Дюжина торов, вложенных друг в друга, кувыркаются лениво так. А если приглядеться — так и не торы это вовсе, а вроде как и петли Мёбиуса. А если совсем приглядеться — чтобы уже в глазах зарябило — и не петли вовсе, и не торы, а вроде змеев-уроборосов, только каждый змей не в свой хвост вцепиться норовит, а в соседский. Очень совершенная конструкция и лаконичная, как правильное уравнение. Синего цвета. И с ней же кувыркается такая же красная, но с некоторой расфазировкой. И меня от этой расфазировки как-то нехорошо плющить начинает. И даже, не побоюсь, тошнить. И вот-вот вырвет...

Когда — хлоп — и всё синфазно, топологическое чудо застывает и делается зелёным, а в голове звучит женский голос, эдакое контральто, с хрипотцой:

— Синхронизация завершена успешно.

Откуда я мог узнать? Высокие стороны, я уже докладывал, что название моего славного грузовика внушало мне смутные сомнения...

— Вот как, — говорю, вернее, думаю, — мой ИИ индексируется по женскому полу.

— Дорогой Макс, — отвечает, — я могу синхронизироваться с тобой абсолютно. Только ты мои сигналы начнёшь воспринимать как свои. Чужие мысли в своей голове неотделимы от собственных.

— Любопытный, между прочим, эксперимент можно поставить, — замечаю. — Но как-нибудь в другой раз. Хотя мысли, отделимые от своих, сильно смахивают на шизофрению.

— Именно поэтому, Макс, выбран противоположный вариант. Наибольшее отличие. Но поскольку наши сознания совмещены — насколько вообще это возможно, сразу отвечаю на вопросы. Первое. Проблемы не в резисте, не в носителе и не в оборудовании. Внутри матрицы испаряется сама сингулярность.

Господа! Пока — подчёркиваю — пока прошу поверить мне на слово. Доказательства будут предъявлены в свой черёд.

— Хуже того, Макс. Процесс испарения не изотропен. Именно это создаёт иллюзию сбоя работы модулирующего резонатора. На самом деле сингулярность перестала правильно воспринимать информационную картину импульсов и их моментов, а следовательно, Вселенной.

— То есть...

— То есть нас уже унесло к чёрту на кулички.

Хочу заметить, что я всё ещё не оставил надежды спасти корабль и груз.

— Скажи... как мне тебя называть?..

— Безразлично. Когда выражаешь мысли, артикулируй речевым аппаратом. Так чётче. Видимо, микроципы надёжней всего оседлали речевой центр.

— Ты можешь закачать в меня сведения, которые помогут устранить повреждение?

Моя диафрагма несколько раз судорожно дёрнулась — я запоздало сообразил, что ИИ, чтоб его накрыло Фурье-разложением, дёрнул меня за центр, управляющий смехом. В голове возникла сложная векторная диаграмма — сперва статическое устройство на трёх точках опоры превратилось в динамическое, на двух, перемещающееся путём сложного преобразования сил, в условиях гравитации, с использованием трения качения...

Тут до меня дошло.

— Понял, — помыслил я некогда боевому ИИ. — Шутку юмора оценил. Нарекаю тебя София.

— Мудро, — не возразила София. — Только что я протранслировала тебе полную информацию о вожде-нии велосипеда. Вопрос: ты научился ездить на велосипеде? Резистивный двигатель устроен несколько сложнее. Если я сообщу тебе, что сингулярность преобразует информацию о движении элементарных частиц в вещественное отображение? Что она «представляет» пространство как обратную решётку кристалла и отображает объект на границу «зоны Бриллюэна», то есть на некое определённое расстояние?

— Например, шесть километров.

— Например, но что тебе из этого件нятно? Что говорит тебе словосочетание «зона Бриллюэна»?

Тут София, видимо, что-то углядела то ли в лобных, то ли в височных моих долях и сообразила, что всё это мне вполне знакомо. Спокойно, господа, всему своё время. Поэтому закончила она, как гвоздь в крышку гроба заколотила:

— Ты слишком умён для водителя грузовоза, Макс. Главная наша беда в другом. Я не знаю, что такое сингулярность.

Я, призвав в свидетели Эйнштейна, Ферми, Дирака и всех квантовых физиков древности скопом, мысленно отправил проклятую железяку в чёрную дыру и незамедлительно получил в ответ:

— В моей квантовой логике, Макс, есть три состояния: «да», «нет» и «хрен его знает». Сингулярность проходит по третьему пункту. Зато я с высокой степенью вероятности знаю, что произойдёт, когда сингулярность испарится.

Я уже догадывался.

— Жахнет так, что мало не покажется. Примерно через восемь часов.

Проклятая машина на какие-то доли секунды предвосхищала мои вопросы, словно была частью меня, и от этого становилось всё неуютнее.

— К счастью, в расчетное время мы окажемся вблизи досягаемости некой планетной системы. Я имею в виду, вблизи досягаемости для твоего вспомогательного корабля, а не самого «Витязя». Все расчёты уже заложены в автопилот. Ещё одно огорчение: планета относится к числу закрытых, но выбора нет.

Впору было призвать на помощь все силы Ван-дер-Ваальса... или Ваала. Или сразу Вельзевула.

Но... Признаюсь, мне захотелось спросить, что испытывает София в преддверии скорой гибели корабля, а значит, и распада своего квантового разума. Да, желание низкое и недостойное. Особенно если учесть, сколь самоотверженно и уверенно ИИ спасал... или всё же спасала?... мою шкуру. Мне стыдно, господа, клянусь всеми сильными взаимодействиями! Нет, я отнюдь не ломаю комедию! Я продолжаю. София вновь предвосхитила мои вопросы.

— Время для меня не имеет значения, Макс. Последние пикосекунды до взрыва я растяну до размеров вечности. Ноль и Вечность — в сущности, они ведь одно и то же. И всю эту вечность я стану спокойно размышлять о тайнах Мироздания. Ещё ты хочешь, чтобы я поделилась с тобой частью своих знаний. Некоторое время на это есть.

Да, я помню приоритетные инструкции: бороться за жизнь корабля до последнего мига. Конечно, ценность груза. Однако София сама включила гипноизлучатель, потому что очнулся я уже в кабине челнока, в скафандре. Броневые плиты «Витязя» раздвигались, но видел я это только по бортовой телеметрии. Точно так же, как и сам корабль доставки пилота, который, как известно высокому суду и всем присутствующим из материалов дела, носил имя «Гордый». Не подходящее, увы, для столь низменного дела, как бегство. Униженный, вдавленный перегрузкой, бессильный как червяк, я наблюдал, как отдаляется силуэт «Витязя», как отстреливаются бустеры, как отходит главный бак. Когда, наконец, челнок, набрав необходимую скорость, лёг на курс к Ипсилон Андромеды, уже не экраны, а термостойкие плиты иллюминаторов залило молочно-белым свечением, сразу же, впрочем, пригашенным хроматикой, — это жажнул «Витязь». Строго в расчётное время.

1

Небо здесь должно быть голубым...

Облака — белыми с рыжими подпалинами. Потому что — солнце. Местное солнышко ведь почти земное, с небольшим сдвигом в оранжевую часть спектра...

Растительность должна быть зелёной... А водоёмы? Водоёмы здесь почему-то — фиолетовые. По крайней мере, так кажется с орбиты. Хотя не будем забывать, на низкой орбите слишком быстро меняется угол падения

и отражения солнечных лучей, и только Гюйгенс знает, каков он, цвет этот, на самом деле.

Впрочем, сейчас из иллюминаторов почти ничего не просматривается. Ночь. «Гордый» сел на линии терминатора. Скоро рассвет. А пока громадной, в первой четверти ущерба, луной в небесах красуется Одиссей — белый с редкими синеватыми полосами вдоль экватора. И тянет через его исполинский диск овальную тень рыжая Пенелопа, второй спутник. Первый спутник, быстрая Цирцея, по ту сторону гиганта, вне видимости. На третий спутник — Калипсо — «Гордый» благополучно приземлился. Ну, правда, после двухнедельного автономного полёта, а затем маневрирования в системе Ипсилона Андромеды.

Благополучно... А мог и — неблагоприятно. Ведь почему-то система закрыта. Закрывают звёздные системы, как известно, в двух случаях. Либо они по каким-то высшим галополитическим соображениям попадают в сферу специфических имперских интересов. Потому что наличие в системе хотя бы одной землеподобной планеты, имеющей в атмосфере свободный кислород, тут же переводит её в разряд колонизируемых. И о каком тогда закрытии речь? Скорее, напротив. А вот если такая система всё же угодила в сферу тех самых высших интересов, она будет нашпигована охранными спутниками так, что и шальной метеорит не проскочит, не говоря уже о космическом аппарате. А ещё — базы. Наземные планетарные базы, оснащённые лучшими станциями слежения. У имперских «закрытых ведомств» всё самое лучшее.

Либо систему закрывают — если она освоена высококоразвитой цивилизацией, давно и прочно покинувшей пресловутое «окно контакта». Но такая цивилизация умеет себя охранять. Ох, как умеет! Пилот дёрнул уголками губ, вспомнив что-то эдакое; улыбка получи-

лась не из весёлых. Следовательно, произвольно маневрирующее небесное тело не останется вне зоны внимания чужаков. Хотя с неконтактной цивилизацией всё сложно. Никто не в состоянии сказать, что она умеет, а тем более — как считает нужным поступать.

Но возможно и третье... Это когда в системе обнаружена не поддающаяся никакому, даже приблизительному, научному описанию хрень. Назовём так, чтобы как-то назвать. Хрень опасная, совершенно непредсказуемая и ничем не сдерживаемая в своих эволюциях. Впрочем, всё это только легенды. С хренью человечеству сталкиваться пока не доводилось, или... или она прячется на закрытых мирах.

Как бы то ни было, «Гордый», используя гравитационные поля внешних планет, без всяких помех проник внутрь системы. Погасил скорость. Вышел на орбиту третьего и самого крупного спутника планеты Одиссей. Сделав несколько витков, сел почти в самом центре вечно обращённого к газовому гиганту полушария Калипсо. И вот теперь бортовой компьютер — двоюродный и сильно глупый брат почившей Софии — бодро докладывает наличие кислорода, нормального атмосферного давления и... предельно низкой влажности. А вокруг — самые что ни на есть джунгли. Каким образом пышная зелень выживает при такой засухе?

Пилот вывел на дисплей — плоский и примитивный — данные экспресс-анализа. Бактериологической и вирусной опасности здешняя микрожизнь не представляет. И на том спасибо! Осталось дожидаться рассвета и совершить вылазку. Серебристые в лунном сиянии Одиссея кроны деревьев будоражили воображение. Пилот грузовоза — не дальний разведчик, ему не часто доводится любоваться пейзажами неосвоенных миров. Конечно, на Калипсо уже ступала нога человека. По крайней мере — трижды. Но материалов этих экс-

педиций нет в свободном доступе. Хотя пилот ими особенно и не интересовался. Своих забот хватает.

«Гордый» качнулся на посадочных амортизаторах вдоль вертикальной оси. Раз, другой. На дисплее подскочила кривая сейсмической активности. Небольшое калипсотрясение. Для спутника планеты массой почти в четыре «джей» — это, наверное, не редкость. Однако в целом планета геологически стабильна. Иначе откуда бы здесь взялась высокоразвитая жизнь? Да и не только — жизнь. Что за пятно зафиксировали внешние камеры на третьем витке? Надо бы глянуть. Во время посадки не до того было, а сейчас всё равно делать нечего.

Пилот скользнул пальцем по дисплею, запустил видеоролик. Изображение было необъёмным и чёрно-белым. Неудивительно — запись служила для визуального сопровождения основного массива данных, которые с калейдоскопической скоростью менялись в левой половине экрана и, в общем, не предназначалась для людских глаз. Пилот быстро в этом убедился. Для его — человеческого — глаза ничего, кроме мельтешения светлых и тёмных пятен, на дисплее не было. Попробуй отличить продукт выветривания горных пород вулканического происхождения от творения разума! И не важно — человеческого или нечеловеческого. По крайней мере, обширное пятно, формой схожее с осьминогом, страдающим ожирением, вполне может сойти за город. И кстати, находится оно от места посадки «Гордого» в каких-то тридцати километрах по прямой. Пешком можно дойти. При желании.

Он запустил программу графического моделирования. Пятно-осьминог приобрело объём и фактуру. Пилот повертел модель так и эдак... Больше всего она напоминала изображение мусорной свалки: смятые ёмкости, ломаная мебель, груды тряпья, паутина разлагающегося полимерного волокна, изглоданные крысами

останки биомехов. Правда, все это исполинских размеров — бытовой хлам великанов. Если верить данным, «свалка» находилась прямо посередке отрицательной гравитационной аномалии. Отклонение от общих характеристик гравитационного поля планеты незначительное, но естественной сию аномалию тоже не назовёшь. Выходит, всё-таки цивилизация! И — вне «окна», иначе для чего её «закрывать»?

Пилот прикинул, чем это может ему грозить. Допустим, «внеоконная» цивилизация пофигистски относится к космическим объектам искусственного происхождения, которые имеют наглость не только шататься по планетарной системе, но и приземляться на единственной пригодной для обитания планете. Останется ли она, цивилизация, равнодушна к тому, что представитель другой цивилизации робинзонит у неё под носом? Ответа нет и не будет. В лучшем случае придётся жить у неё на задворках. Как крыса на городской свалке.

Не теряя времени, пилот скинул осточертевший скафандр, умылся, позавтракал. Натянул лёгкий, но прочный комбинезон, какими пользовались на орбитальных терминалах суперкарга. Главное его достоинство — множество карманов, по которым можно распахать всякую полезную мелочовку, или — образцы минералов, или чего-нибудь ещё. Вспомнив о «ещё», пилот отыскал свой заветный талисман и переложил в нагрудный карман комбинезона.

Он втиснулся в верхний, аварийный, шлюз, предварительно ликвидировав процедуру шлюзования как таковую. Щёлкнули замки. Пилот приподнял массивную крышку, высунулся по плечи. Выдохнул стерильный воздух корабля и вдохнул местный. Воздух оказался сухим, тёплым и чуть-чуть сладковатым. Несколько мгновений пилот прислушивался к ощущениям. Данные приборов — одно, а ощущения — другое. Решил,

что ничего, жить здесь можно. Вот только немедленно захотелось пить.

Пилот нырнул обратно в тесную рубку, открыл нишу с кулером, вдоволь напился. Потом отыскал фляжку, наполнил её. На обратном пути надо будет набрать местной воды, чтобы потом её проанализировать. Подумал, что ещё взять? Пищевые брикеты. Есть. Аптечка. Есть. Универсальный инструмент, который, если надо, превращается во что угодно: в нож, топор, лопату и даже в небольшой бур. Есть. Детектор движения. Есть. Пеленгатор, дабы не заблудиться во время вылазки. Есть. Поколебался, вынул из зарядного гнезда бластер. Низкоэнергетический, способный отпугнуть крупного зверя или оглушить мелкого. На всякий случай. Вдруг здешняя макрожизнь окажется не столь миролюбивой, как микро. Всё, кроме фляжки, бластера и детектора, пилот упаковал в рюкзак.

Внешние датчики показывали возрастание температуры. Если так и дальше пойдёт, через пару-тройку часов за бортом будет настоящее пекло. Пустынный зной в неестественном сочетании с пышной тропической растительностью.

Распахнул шлюзовой люк на всю ширину, выбрался на обшивку.

Корабль доставки «Гордый» в силу печальной необходимости стал кораблем спасательным. Подняв короткими, но широкими крыльями мелкий кустарник, он лежал, уткнувшись округлым носом в чёрную, отблескивающую металлом почву. Задранные к небесам дюзы казались жерлами старинных орудий. Вот только стрелять им было не в кого. Если не считать бледно-голубого нарыва Ипсилона С, небо оставалось пустынным. Дюзы двигателей вертикальной посадки корабль уже втянул в себя. А вот энергопанели подзарядки бортовых аккумуляторов, наоборот, медленно выдвигал на-

★ встречу налившимся за последние пару часов жёлтым заревом горизонту. Розового земного рассвета, похоже, ждать не приходилось.

Вокруг, насколько хватало глаз, росли деревья — чешуйчатые, как у пальм, толстые стволы и устремлённые ввысь ветки с мясистыми, словно крохотные кактусы, наростами. Поди разбери, плоды это или листья? В верхнем ярусе леса — дырявая сеть лиан. Как будто кто-то набросил на кроны маскировку.

Пилот повернулся к восходящему светилу спиной и увидел, что над деревьями что-то сияет.

Металл? Стекло? Не мешало бы проверить. Да и какая-никакая цель.

Пилот лёг на живот и, прилипая ладонями ко все ещё горячей — или уже успевшей нагреться? — обшивке, сполз по покатоному боку челнока на крыло. С крыла он уже съехал на зад. Сила тяжести была определённо ниже земной, но пилот ухнул во взрыхлённый «Гордым» грунт почти по колено. Наклонился, зачерпнул горсть здешней земли. Она была рассыпчатой, но на ощупь напоминала мелкую железную стружку. Пилот машинально отряхнул ладони, чувствуя, как «стружка» впивается в кожу. Увязая на каждом шагу, выбрался на твёрдое место. Похлопал ладонью по стволу кактусовой пальмы. Чешуйчатая кора оказалась сухой, тёплой и мягкой, податливой. Пилот надавил пальцем. Понаблюда, как выправляется образовавшаяся впадинка.

Погода стояла безветренная: ни один «кактусовый» отросток не шелохнётся. В знойном воздухе висела звенящая тишина, будто в сурдокамере на третий день отсидки. Ни птичьего пения, ни стрекотания насекомых, ни звериных голосов. Станный лес. Словно и не лес вовсе, а парк из пластиковых имитаций. Такие ещё встречаются на пассажирских ковчегах древней конструкции. Искусственная зелень. Искусственные гро-

ты. Искусственные водопады. Искусственное солнце. Дёшево и вполне утоляет ностальгию. Тем более что в те далёкие времена попытка выращивать на борту живые растения ни к чему хорошему не привела. Деревца страшно и необъяснимо мутировали, пугая своим видом и без того нервных переселенцев.

Пилот извлёк из рюкзака универсальный инструмент, сделал на коре глубокий надрез — ни капли. Он снова надавил пальцем. Надрез медленно заполнился смолообразной темно-фиолетовой массой. Пилот брезгливо отёр лезвие о ствол и быстро зашагал вперёд, туда, где над деревьями что-то блестело.

Местность заметно повышалась. Оглянувшись, пилот понял, что «Гордый» лежит в небольшой котловине. Округлая впадина диаметром в полкилометра наводила на мысль о заросшем лесом метеоритном кратере. Надо было обладать своеобразным везением, чтобы угодить именно в него. Впрочем, у бортового компьютера особого выбора не было. Топливные ресурсы «Гордого» не позволяли свободно маневрировать в поле тяготения, превышающем марсианское. Компьютер полагался больше на аэродинамику, машинная логика подсказывала, что драгоценное топливо следует экономить. Хотя, если рассуждать здраво, но по-человечески, к чему эта экономия? С планеты челноку самостоятельно не подняться. Поддерживать бортовые системы в полном рабочем режиме — тоже незачем. Если уж судьба забросила в этот мирок, нужно к нему приспособливаться. Переходить на местные ресурсы, и чем скорее, тем лучше.

Когда пилот снова оглянулся — «Гордый» уже пропал из виду. Пилот поспешил вернуться назад, к краю котловины. Грязно-белый с чёрными подпалинами термического воздействия челнок показался ему родным домом. Он был построен людьми и в человеческом мире,

хотя упокоиться ему суждено в мире чужом и, может быть, враждебном всему человеческому.

Удивляясь собственной нерешительности, пилот развернулся и зашагал прочь от корабля. Он даже принялся насвистывать и легонько похлопывать ладонью по стволам кактусопальм.

2

*Эос, покинувши рано Тифона прекрасного ложе,
На небо вышла сиять для блаженных богов
и для смертных...*

Здесьняя Эос сияла немилосердно. Если бы не кактусопальмы с их «маскировочной» сетью, пилот давно бы изнемог от жары. Вода во фляжке убывала быстро. Он уже жалел, что не наполнил вторую. Местных источников пока не находилось. Сухой, но необъяснимо зелёный лес. Жёсткая, как металлическая стружка, почва без намека на влагу. А цель между тем сверкала всё так же издали.

Пилот понял, что недооценил расстояние и переоценил силы. Что лучше всего будет вернуться. Пока есть вода на обратную дорогу. Вернуться, отдохнуть и подготовиться к разведке более основательно. Он посмотрел на пеленгатор. Индикатор плавал на границе «жёлтой» и «красной зоны»; последняя означала полную потерю направления. Пилот сделал несколько шагов туда, откуда вела цепочка его собственных следов: индикатор снова налился успокоительным изумрудным цветом.

Убедившись, что в любой момент может пройти вспять по своим следам, пилот решил, что возвращаться, осилив большую часть пути, глупо. До цели оставалось не более километра, даже меньше. Неужто не одолеет? Воду можно экономить. Зря его, что ли, тренировали? Натаскивали в Имперском училище гражданской космонавтики будь здоров... Самый старший на

курсе, не уступал молодняку ни в чем. И на тренировках по выживанию — тоже. По трое суток без воды обходился, а здесь...

Лес становился всё реже, а призывный блеск всё ярче. Не прошло и получаса, как пилот вышел на опушку. И остановился, затаив дыхание. Перед ним простиралась глянцево-белая, словно сделанная из фарфора равнина. Больше всего она напоминала тарелку с отбитым краем. Плавно закругляющиеся откосы разбегались вправо и влево, теряясь за близким горизонтом. Сходство с тарелкой усиливали полупрозрачные коконообразные сооружения, возвышающиеся над фарфоровой белизной то здесь, то там, без всякого порядка, будто хрустальные бокалы, небрежно расставленные нерадивой хозяйкой.

Первое, что пришло в голову, — космодром. «Бокалы» — это корабли, измышленные конструкторским гением какой-нибудь чрезвычайно развитой галактической расы. Пилоту даже почудилось, что между «кораблями» двигаются изящные ангелоподобные существа, закутанные в серебристые хламиды, но, присмотревшись, он понял, что это лишь иллюзия, созданная игрой света. Хрустальные коконы вбирали в себя лучи едва показавшегося над горизонтом солнца и рассеивали их по белой равнине.

Теперь и речи не было, чтобы вернуться к челноку. Пилот попробовал ногой гладкий откос. Подошва и не думала скользить, наоборот — чуть-чуть прилипала. Осторожно ступая, пилот спустился на полусогнутых в долину.

Вблизи конструкция не выглядела столь изящной. Больше всего кокон напоминал вытянутый ком сахарной ваты. Пилот протянул руку, но вовремя одумался — нити «ваты» ошетинились мириадами крохотных стеклянистых иголочек. Пришлось ограничиться обычным

осмотром. Пилот обошёл кокон со всех сторон: поверхность его была асимметрична, неравномерно расширялась в центральной части и сужалась кверху и книзу.

Высотой кокон был не более десяти-двенадцати метров, шириной от двух-трех метров в основании до шести-восьми в середине. Следующий за ним оказался метров на десять выше. А ещё дальше возвышались сорока-пятидесятиметровые исполины. Задирая голову до ломоты в затылке, пилот шёл от кокона к кокону. Переливы хрустального света в иголочках и нитях завораживали. Он не замечал усиливающейся жары, сухости во рту и усталости в ногах. Пилот остановился лишь тогда, когда наткнулся на кокон, не похожий на все остальные.

Кокон принадлежал к исполинам, но к исполинам, утратившим бывшее величие. Он не отражал солнечного света, а был тускло-серым, невзрачным, нити его обросли неряшливой бахромой, иголочки свернулись, будто от жара. Пилот обошёл кокон и обнаружил, что тот дыряв, пуст и словно выскоблен изнутри. Во всяком случае, его подножие устилала белая, похожая на известь труха. Пилот не стал бороться с искушением и заглянул в отверстие. Его поразило ощущение прохлады, дохнувшей в лицо. Пилот тут же почувствовал всю невыносимость долгого жаркого утра, свинцовую тяжесть в ногах и как сами собой слипаются отягощённые недосыпом веки. Не слишком соображая, что делает, пилот вцепился в закраины отверстия, рывком подтянулся и ввалился внутрь.

В голове неведь откуда возникли ритмичные строки.

*С зыби широко-туманной на твёрдую землю поднявшись,
Берегом к тёмному гроту пошёл он, где светлокудрявой
Нимфы обитель была, и её самое там увидел...*

Да, крепко вымотали его последние часы. После двух недель безделья и почти тысячи двухсот минут орбитального маневрирования с неизбежной сменой перегрузок и невесомости. Такие горки укатают любого Сивку. Пилот ещё успел заметить сверкающие, источающие льдистую прохладу струны, выстилающие полость, и провалился в сумятицу сновидений. Но покоя во сне ему не было. Он видел бескрайнюю чёрную с кровавыми отблесками на гребнях барханов пустыню... Пустыня медленно вздымалась и так же медленно опадала, словно дышала... Вдруг стало ясно, что это океан — океан на планете, размером превосходящей Юпитер... Небо над океаном было низким и светилось, как остывающий расплав... Иногда с неба срывались тысячекилометровые молнии, они вонзались в мерно дышащую грудь океана, и тогда на его поверхности образовывалась ртутно-блестящая корка... Эта корка тут же начинала разламываться на громадные куски, которые переворачивались, будто подтаявшие снизу айсберги... И над океаном вырастали недолговечные, отливающие киноварью хребты, рядом с которыми Анапурна и Эверест показались бы карликами... Через мгновение, равное по продолжительности человеческой жизни, ртутные айсберги исчезали в непроницаемо-чёрных пучинах, до следующего чудовищного разряда...

Прекрасное и мучительное зрелище что-то означало. Пилот силился понять: что именно? Отгадка была совсем рядом. Нужно лишь совместить несовместимое. Объединить несочетаемые элементы. Собрать головоломку, все детали которой были от других головоломок, к тому же — придуманных не людьми...

Проснулся от тягостного ощущения, что воздуха вокруг становится всё меньше и меньше. Как тогда, на «Альционе», продырявленном обломками орбитального балкера. Пилот долго и бессмысленно пялился на бле-

★
стоящие струны, пересекающиеся у него над головой. Потом вспомнил, где он, рывком поднялся с ложа из белой, будто известка, трухи, высунулся из прохладного нутра кокона. Жара опалила его, словно он сунул голову в печь. Что-то изменилось в окружающем мире. Не понять — что.

Пилот выбрался из кокона, отряхнул комбинезон и вдруг заметил, что на белом фарфоре поверхности — ни единой тени. Он машинально посмотрел на небо. Небо стало другим: ни пятнышка «земной» голубизны — низкое, с ртутно-металлическим отливом. Будто и не небо вовсе, а крышка контейнера для резервных биоэлементов. Вид изнутри. Пилот достал пеленгатор. Индикатор уже не плавал, он прочно утвердился в «красной зоне». И как пилот ни вертелся — показания не менялись. Ничего страшного, подумал он, главное — вспомнить, откуда пришёл. Кажется, вон оттуда... или нет, скорее — оттуда...

Пилот обогнул кокон. Потом — ещё раз. Все коконы вокруг выглядели как однояйцевые близнецы. Но что-то изменилось. Вот что: теперь они не напоминали комки сахарной ваты, теперь это были веретена с плотно намотанной пряжей.

Больше не пытаясь определить направление, пилот зашагал к лесу, кромка которого едва виднелась на горизонте. Там корабль, и — следы, которые к нему выведут. На открытом пространстве небо казалось ещё ниже. Как будто айсберги из сна стремительно погружались на дно атмосферного океана Калипсо. Пилот бросился бежать, взлетел по покатому склону «тарелки», кинулся под защиту кактусопальм. Прижался к мягкому стволу, отдышаться. Отстегнул от пояса фляжку, приложился к горлышку. В два глотка опростал досуха. Вытер рот, осмотрелся. Вгляделся в «стружку» под ногами. Следов не было. Не было!

Простое соображение, что достаточно пройтись вдоль «края тарелки» и рано или поздно он наткнется на цепочку собственных следов, успокоило пилота. Воды не осталось, но должны же в этом чёртовом лесу быть хоть какие-нибудь водоёмы? Пилот извлёк универсальный инструмент, сделал на стволе кактусопальмы три глубоких продольных надреза и зашагал по кромке «фарфоровой долины».

Ртутное небо светилось ровным, бестеневым светом. Палящий зной медленно, но верно выпивал соки. Круг замкнулся — пилот снова вышел на кактусопальму с изрезанной корой. Надрезы заполнились тягучей фиолетовой смолой, но это были именно они. Ноги больше не держали пилота, и он опустился на жёсткую почву, чтобы дать им роздых. И подумать, что делать дальше.

Следы исчезли. Направление к «Гордому» потеряно — это ясно. Но идти надо — это тоже ясно. Глупо подыхать от жажды в идиотском лесу, коли выжил в серьёзной космической передрыге. И если направление не могут подсказать знание и логика, пусть подскажет случай.

Он вытащил из нагрудного кармана талисман — древнюю, истёртую прикосновениями множества пальцев монету, с профилем зыбкого, с большим лбом и острой бородкой человека. Монета перешла к пилоту по наследству. Ею очень дорожили в семье, но никто не мог сказать, чей профиль украшает её аверс.

«Ленина» — вдруг всплыло в голове. Ленина? А кто это? Ответа не было. Странно. Это всё жара, подумал пилот, рассудок мутится. Или... или не жара? Не время об этом размышлять.

Пилот покачал талисман на ладони. Аверс — налево, реверс — направо. Подбросил. Поймал. Разжал пальцы. Реверс.

★ Он поднялся, оттолкнулся от изрезанного ствола кактусопальмы и зашагал вправо, постепенно удаляясь от заколдованной фарфоровой долины с её коконами, в которых снятся странные сны. Определённость воодушевляла, и это тоже было странно, ведь на самом деле ничего в его положении не изменилось. Вскоре он заметил, что местность идёт под уклон, а деревья становятся выше и зеленее. Почудилось даже — веет прохладой. Он прибавил шаг, цепляясь за стволы кактусопальм, чтобы не упасть.

Впереди показался узкий распадок, балка. Балка — это эрозия почв, эрозия — это жидкость. На дне может оказаться ручей или хотя бы — болотце. И впрямь, что-то металлически поблёскивало в ртутном сиянии неба. Остаток пути пилот проделал на четвереньках. Вода в ручье была тёмной и странно неподвижной. Как ни жаждал пилот погрузить в неё голову и пить, пить, пить, покуда из ушей не польётся, всё же он воздержался от порыва. Погрузил в ручей руку. Вода поддалась с трудом, напоминая скорее кисель. Пилот зачерпнул её ладонью, понюхал. С разочарованным стоном плюхнул желеобразный комок обратно. Это было что угодно, но не вода. И, судя по запаху, пить её можно было, имея метаболизм на основе углеводов.

И снова зазвучали в голове ритмические строки, но на сей раз со строками возникло имя: «Гомер». Кое-что становилось понятным, хотя от этого не легче.

*Сетью зелёною стены глубокого грота окинув,
Рос виноград, и на ветвях тяжёлые грозды висели;
Светлой струёю четыре источника рядом бежали...*

Пилот выбрался из балки и побрёл куда глаза глядят. Точнее, куда придётся. Он просто переставлял ноги, наткался на стволы, падал. Упрямо поднимался и брёл снова. От усталости и жажды в ушах звенело. Мёртво

молчавший лес вдруг ожил. Загомонил на разные голоса. Птичий пересвист, кваканье, звериный рык. Голоса звучали отовсюду. Всё громче и громче. Пилот заткнул уши, бросился бежать — откуда только силы взялись. Он хотел сейчас только одного — чтобы эти голоса заткнулись. Оглушённый ими, пилот не заметил, как очутился на каменистом гребне кратера, споткнулся и покатился вниз.

Он не сразу пришёл в себя. А когда всё-таки пришёл — изумился. И тому, что ещё жив, и тому, что голоса умолкли. Пилот лежал на спине, раскинув ноги и руки, бессмысленно глядя в сверкающую ртуть неба. Покой, граничащий с полным равнодушием ко всему на свете, включая собственную судьбу, овладел им. Пилот даже не шелохнулся, когда устилавшая дно небольшого кратера «стружка» взвизгнула под тяжестью чьих-то шагов. И только когда взвизги стали повторяться всё чаще и, по мере приближения неизвестного, становились всё громче, пилот перекатился на живот и приподнял голову.

Создание более всего напоминало шагающий механизм из воронёной стали с длинными и тонкими, словно ходули, конечностями. Между ними болтался на некоем подобии карданной подвески опрокинутый конус. Венчала конус «голова», похожая на птичью, с длинным гибким клювом. Второй пары конечностей не было. Движения «конуса» были неравномерны. Он будто ощупывал дорогу, прежде чем ступить. Клюв качался из стороны в сторону, а безглазая голова вертелась влево-вправо в неприятном несовпадении с амплитудой этого раскачивания.

Пилот замер. Казалось, если «конус» заметит его, произойдёт что-то непоправимое. Нет, не смерть. Нечто хуже смерти. «Конус» прошёл поодаль, перевалил через скалистый гребень и исчез.

Пилот поднялся. Он бы с радостью облился сейчас потом, вот только жидкости в организме осталось слишком мало. Вдруг пилота посетила на удивление ясная мысль. А что, если пойти вслед за конусом? Двигается тот не быстро, зато есть шанс, что рано или поздно приведёт куда-то, где может оказаться вода. И даже если воды там не окажется, всё равно следует пойти за этим созданием. И не важно, живое существо это, механизм или гибрид. В любом случае он получит бесценную информацию, обнаружив место обитания или дислокации «конусов».

О том, что эта информация может стать для него последней, пилот как-то не задумался. Как и не задумался он, почему поступил по-другому: вынул свой талисман, прошептал «аверс — за ним, реверс — в противоход». Выпало, что в противоход. Лес разразился торжествующим рёвом и гуканьем и сразу же смолк — то ли приветствуя выбор, то ли издеваясь над ним.

3

Вода. Мир схлопнулся в точку, сузился до одного короткого слова. Вода. Пить. Жажда. Пилот сидел, опершись спиной о податливый ствол кактусопальмы, и звенела опостылевшая тишина, а с мертвенно-ртутного неба всё так же низвергались потоки жара, выпаривая из тела остатки жизни. И некуда спрятаться, всё залито призрачным маревом, и даже стволы растений не отбрасывают спасительной тени.

Ещё полчаса, от силы час — и он уже не встанет. Так и останется здесь скорчившейся мумией на потеху странным существам и неведомым лесным... голосам? Звукам? Да не всё ли равно! Встань и иди! — так сказано было, и мёртвый встал и пошёл, если, конечно, верить древним сказкам.

А он ведь ещё даже не умер... ещё не умер.

У этого кратера противоположный гребень высок — вскарабкавшись, можно оглядеть дальний горизонт. Но — на пределе сил. А совсем недалеко, левее — разлом, или овраг, или как его... распадок. Туда дойти проще, но что это даст? Ещё один ручей со студнем вместо воды?

Пилот в который уже раз запустил пальцы в нагрудный карман. Сверкнул в лучах Ипсилона отчеканенный затёртый профиль: лысоватый человек с бородкой. «Вождь мирового пролетариата», надо же. Чего только не засунул ему в голову почивший в бозе искин «Витязя»: литература, музыка или вот — история. Только его, пилота, собственная история стремительно катится к закату, и вся мудрость Софии бессильна.

Монета взлетела, кувыркаясь: аверс — восхождение, реверс — распадок. Реверс. Он согнул ноги и медленно, чтобы не потерять сознание, выпрямился. У искусственного разума, возможно, были свои резоны. Возможно, он хотел, чтобы на необитаемой планете человеку было не так скучно и одиноко, оттого и загнал в его мозги культурный багаж последних тысячелетий. Кто поймёт резоны искусственного разума? Или вычислил, что это спасает от одичания. Одного не вычислил — воды.

Воды! Он сам виноват — там, на борту «Гордого», много воды. А ещё реактивы, энергия, он мог бы добыть воду химическим путём, здесь же есть кислород, он добыл бы целое озеро воды, он бы плескался в воде, как какая-нибудь полумразумная амфибия или безмозглая амёба. И пусть, что пала сюда звезда Полюнь и треть вод стали горьки, он отыскал бы недостающие две...

Звук снова возник из ниоткуда и со всех сторон сразу: он был словно уханье механического филина, вздумавшего выводить соловьиные трели, живой и неживой

одновременно; ствол кактусопальмы, о которую продолжал опираться пилот, завибрировал, заплясал в безумном резонансном танго... Какой в этом смысл?

Звук оборвался так же внезапно, и пилот двинулся в путь. Преобразование Фурье. Причём — обратное преобразование Фурье. Да, вот именно, именно обратное... Свёртки функций. Мерность пространства... Какова мерность пространства, Риман его побори? Я брежу, понял пилот, это просто бред, надо взять себя в руки, не надо думать, ни о чём не надо думать, надо просто идти, шаг за шагом. Калипсо, Калипсо, коварная нимфа, я должен обвести тебя вокруг пальца!

*В море находится остров Огигия; там обитает
Хитроковарная дочь кознодея Атланта Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не водят
Общества с нею ни вечные боги, ни смертные люди...*

Древний поэт, ты словно проник своим незрячим взором на тысячелетия вперёд! Да и переставлять ноги в ритме гексаметра, оказывается, гораздо легче.

*Я же огин, злополучный, на остров её был враждебным
Демоном брошен, когда мой корабль
сокрушительным громом
Зевс поразил посреди беспредельно-пустынного моря.
Спутников всех (поглотила их бездна) тогда я утратил.*

Спутник, он же демон, поглощённый бездной. И не иначе как сам Зевс поразил двигательную установку «Витязя». И скрипит, скрипит под ногами грунт, вот и распадок, рядом.

*Сам же, на киле разбитого судна, обхваченном мною,
Девять носившийся дней по волнам,
на десятый с наставшей*

*Ночью на остров Огигию выброшен был, где Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, живёт. И, приют благосклонно...*

Благосклонно. Здесь ты, слепой поэт, немного подкачал. Ну да что уж там, тебе простительно, сквозь тысячелетия... И что там у нас дальше по поводу бессмертия и вечной молодости?

Пилот замер. Отёр слезящиеся глаза. Дёрнул кадыком, пытаясь глотнуть несуществующую слюну. Пологий выход из разлома плавно перетекал в обширное плато. В пределах прямой видимости красовалась экспедиционная база. И не просто, а — образцовая экспедиционная база. В зыбком мареве восходящих потоков различимы были купола жилых отсеков, кубы лабораторных корпусов, шпиль энергостанции и даже, кажется, ангар для вездехода. Сколько до них? Километр? Два? Не больше.

Торопливой подпрыгивающей походкой он устремился вниз. Пьяное какое-то ликование; словно у канонира, в перекрестья оптических визиров которого угодил наконец долгожданный неприятель, да не просто неприятель, а... Бред, бред, долой из головы, он никогда не служил на имперских боевых кораблях, и откуда ему знать, какие чувства испытывал главный канонир Третьей батареи импульсных лазеров имперского крейсера «Трансцендентность» Иоанн Чжоу Линь, когда на линии боя внезапно показался флагман мятежников «Око Змея»...

В глазах потемнело. Острый приступ головокружения, и сразу — спазм живота, выворачивающий наизнанку внутренности. Он нашарил на бедре бластер, с треском отодрал от липучек и принялся палить, как ему казалось, в сторону базы. И уже не мог понять, что лежит на земле, что разряды веером уходят в неживое небо и тем более — что его заметили, что от небольшой, чуть поодаль от главных сооружений, буровой вышки к нему

бегут двое в серебристых комбинезонах, будто катятся две капли ртути под невидимыми, но такими яростными лучами Ипсилона Андромеды.

Сознание вернулось мгновенно. Чья-то рука схватила за волосы и рывком выдернула со дна на поверхность ледяной воды. Воды. Пить не хотелось, слово «вода» больше не отзывалась во всём теле колокольным звоном. Пилот открыл глаза.

Стандартный медотсек. Несколько стоек с диагностическим оборудованием, прохлада, приглушённое синеватое освещение — блаженство после неистовства Ипсилона. И взгляд. Чуть насмешливый, но в меру озабоченный — как положено медику у койки больного.

Обладательница взгляда — женщина, да нет, скорее, девушка в голубом комбезе медицинской службы. С женщинами пилот не общался давно. По крайней мере, так близко. Виртуальное общение, оно, конечно, но — не в счёт.

Надо брать управление на себя, решил он. Потянулся на койке и поинтересовался:

— Кто вы такие? Как здесь оказались?

Она улыбнулась. Даже в неестественном освещении заметно было, как улыбка преобразила её: озорные искорки в серых... зелёных? или голубых? глазах заплясали отчетливей, медицинская озабоченность истаяла без следа, лицо с резко очерченными, широковатыми скулами оказалось миловидным и — не злым. Вроде и не красавица, рот большой, нос «греческий», а что-то есть... Славная девчонка, решил пилот. Но, похоже, вспылывающая... судя по мимике и моторике.

— На ваш вопрос, больной, — «больной» прозвучало с оттенком лёгкой насмешки, — я отвечать не уполномочена, пока с вами не пообщается начальник экспедиции.

Пилот воздел очи горе. О, женщины. Как будто в слове «экспедиция» уже не содержится частичный ответ. Или она нарочно?

— Ответ принят. Второй вопрос — как я здесь оказался? И что со мной было?

— Меня Сандрой зовут, — неожиданно заявила дива. — Я начальник медицинской службы и биологической защиты.

— И сколько лет начальнику медицинской службы экспедиции?

— Вы наглец и хам.

Так. Понятно.

— Сдаюсь. Меня зовут Макс. Никаким краем не начальник чего-либо. Простой пилот грузовоза. А простым пилотам грузовозов быть наглецами и хамами сам великий Шрёдингер завещал.

— Кто?

Ого, посерьёзнела. Глаза как щёлочки. Руки в замок на коленку. Пальцы красивые, музыкальные, а коленка, та вообще выше всяческих похвал. Чем ей, интересно, Шрёдингер не угодил?

— Шрёдингер. Древнеэпический герой и мучитель кошек.

— Это вас, Макс, надо спрашивать, как вы тут оказались, только это Бертран спросит, он у нас самый главный. С вами же ничего ужасного не случилось. Перегрев, обезвоживание, тепловой удар. Пустяки. Но... — Она подалась вперёд, и пилот уловил аромат её тела, терпковатый, немного резкий, наверное, потеют на Калипсо и в кондиционированных помещениях... а может, просто месячные, гормональный фон. — Но вы anomalously долго были без чувств.

— Сколько?

— Около двенадцати биологических часов. Полное обследование организма отклонений от нормы не выя-

вило, анализы — тоже. И ещё. Макс, вы всё время бредили.

— Бредил? — Этого только не хватало. — О чём же? О небе золотистом, о пристанях крылатых кораблей?

— Наиболее устойчивый бред — вы всё время вспоминали какое-то нестационарное уравнение Шрёдингера.

— Ах, так вот почему вы...

— Вот да, потому. Кого-то убеждали в необычайной важности этого уравнения, заклинали именами богов и учёных решить его. — Она потёрла указательным пальцем бровь. — Я не математик. «Метод подвижной сетки», это имеет смысл?

Пилот понял: взять на себя управление так и не удалось.

— Имеет. Один из методов решения нестационарного уравнения Шрёдингера.

— А «динамические характеристики суперпозиции состояний»?

— Возможно. Послушайте, Сандра, неужели я битых двенадцать часов сыпал формулами?

Она не улыбнулась.

— Нет, конечно. Вы много бредили на незнакомых языках. Похоже, это были стихи. В основном стихи. Вот один раз — на старорусском, я его понимаю, очень красиво, что-то про летящую стрелу, которая вне добра и зла...

— «Я пущенная стрела, и нет зла в моём сердце, но — кто-то должен будет упасть всё равно», это?

— Да-да!

— Дадите послушать запись?

И по выражению лица Сандры тут же понял:

— Вы не фиксировали мой бред?

— Нет...

— Плохо, — еле слышно пробормотал пилот. — Очень плохо.

И громко произнёс:

— Что ж, я готов предстать пред вашим Бертраном. Самочувствие отличное, настроение — хреновое. Где моя одежда, любезная Навсикая?

— Кто?

— Неважно.

Она указала на небольшой шкаф-купе и отчеканила:

— Жду вас снаружи.

Так, рюкзак оставили — уже хорошо. Бластер, конечно, изъяли. Пилот быстро облачился, скользнул пальцами по нагрудному карману — монеты не было, чего и следовало ожидать. Постоял, прислушиваясь к внутренним весам, — стрелка на нуле, физические кондиции восстановлены. И шагнул к выходу из медотсека.

4

Начальник экспедиции оказался невысоким и коренастым; помимо серебристого солнцезащитного комбеза на нём, вероятно для солидности, красовался свободного кроя серебристый же пиджак, небрежно застёгнутый на одну пуговицу. Брюшко у начальника тоже наличествовало. Густые, пушистые даже, волосы могучей волной опускались до плеч, а черты лица выдавали южное, как выражались в старину, происхождение: то ли индусы числились в предках у Бертрана, то ли арабы. Нос с сильной горбинкой, глаза тёмные, а тонкие губы кривятся в едва различимой ироничной усмешке.

Начальник бросил на вошедшего взгляд — короткий, но пристальный, с неожиданной грацией обогнул стол и протянул руку:

— С прибытием, Максимилиан!

Ладонь маленькая, пухлая, с короткими пальцами, однако рукопожатие слабым не назовёшь. На пальцах

сразу два кольца, одно — затейливой формы не пойми что, второе — гладкое, с гравировкой на санскрите. «Ом намах шивайя...» — больше не прочесть. Всё же индус.

— Если можно — зовите меня просто Макс.

— Да без проблем. Присаживайтесь. Просто Макс, не вопрос. А я просто Алекс. Прошу заметить, не Александр, не Алексей, именно — Алекс.

— Хорошо — не Алкиной, — ввернул пилот, устраиваясь на раскладном стуле.

Бертран снова глянул остро, с прищуром. Больше всего он походил на кота — сытый, матёрый котище. Но хвостом отчего-то подёргивает. Отчего?

— Одна простая вещь, Макс. Эта милая планетка быстро ставит всё на свои места, и всех тоже. Я имел беседы и с Энтони Кроу, и с самим Дюком Мин Бао... вот так, запросто, с глазу на глаз, как мы сейчас с вами...

Энтони Кроу — директор Института Ксенологии, что в Агломерации Тау Змееносца. Дюк — личность среди контактеров легендарная. Полевой контактер в прошлом, ныне завсектором в Управлении по Внешним Связям. Широко известные очень узкому кругу лиц люди. Но откуда простому пилоту грузовика знать эти имена? Верно, неоткуда.

— ...Поэтому, Макс, если вы вообразили себя героем, мнэ... эдаким себе Одиссеем, эта планетка быстренько наставит вам рога...

Да, этого цитатами из Гомера не прошибёшь...

— Обломает, — механически поправил пилот.

— И обломает тоже, — согласился Бертран. — Сама наставит, сама и обломает. Ладно, давайте соблюдём формальности.

Он вынул сканер, и пилот приложил запястье к матовому экрану. Можно подумать, пока он валялся в отключке, этого не сделали.

— Ага, ага. — Алекс изучал данные так, словно и вправду видел их впервые. Кажется, ещё и близорук. — Пилот грузовоза, и так далее, и по списку. Один простой вопрос, Макс: как вы здесь оказались? Я хочу сказать — в системе Ипсилона?

— Разве ваш экспедиционный «якорь» не отследил появление в системе управляемого небесного тела?

— Макс, давайте сразу договоримся об одной простой вещи: я здесь начальник, и я задаю вопросы.

Как-то очень непринуждённо в устах Бертрана все вопросы оказывались простыми. Даже сложные. Говорил он быстро, «проглатывая» добрую половину согласных, да к тому же негромко. Однако впечатление ровно обратное, — что начальник изрекает нечто веское, солидное значимое. Пришлось докладывать о поломке «Витязя», о бегстве.

— Ага, да, понятно. Всё это очень даже занимательно. Макс, угадайте с трёх раз, что мы можем думать о вашем здесь появлении?

— Приехавший по именному повелению чиновник требует вас сей же час к себе...

Бертран фыркнул, но промолчал.

— Монету верните, — добавил пилот. — Круглый такой слиточек медно-никелевого сплава.

— Что? Ах, это, — начальник пошевелил пальцами, — не вопрос, вот ваше сокровище. И попрошу без обид: неизвестный артефакт мы должны были исследовать самым тщательным образом. Полномочия у меня есть, даже если вы не просто... мнэ... пилот грузовоза.

Врёшь, подумал вдруг пилот. Много врёшь и чего-то боишься. Мысль соткалась сама собой, из ничего, как Вселенная из первичной сингулярности. Пилот сосредоточился, пытаясь понять... и понял!

Мимика, моторика глаз, конечностей, жесты — весь поток невербальной информации от начальника экспе-

диции чётко сводился к двум сигналам: «обманиваю» и «боюсь». Когда он научился считывать невербальную информацию? — об этом подумаем позже, проблемы надо решать по мере их поступления.

— У всех свои талисманы, — заметил пилот. — У вас, вижу, древнее кольцо с Земли. Индия?

— Выше бери, пилот! — Бертран снова пошевелил пальцами. — Одно из них представляет собой стилизацию под молот Тора, а сделано, да, — в глуши Непала. Да ещё во времена, когда туда туристы и не хаживали. Ладно, поговорили. Пойдёмте в «кают-компанию», на вечерний чай. У нас тут уже вечер как бы.

«Кают-компания» располагалась под открытым небом — вернее, под защитным тентом, натянутым между спальным и лабораторными отсеками базы. Сопла мощного кондиционера гнали из-под крыши лаборатории струи холодного воздуха. Посреди залитой пластиком площадки высился пластиковый же длинный стол, на краю стола — голопроектор. Усаживаясь, пилот окинул взглядом энергостанцию — несомненно, блок работает на Т-сингулярности. Кучеряво живут господа ксенологи.

Пока к вечернему чаю подтянулся только один желающий — такой же невысокий и плотный мужичок, как Бертран, но лицом являвший полную противоположность: щекастый, круглолицый и курносый, с липнувшими к потному лбу прядями льняных волос, он, казалось, всем своим видом излучал доброжелательность. Бесцветные глаза, однако, впились в незваного гостя острыми буравчиками.

— Давай знакомиться, отец, — протянул через стол руку мужичок. — Меня Станом зовут, а ты вроде бы Макс? Хорошее имя, правильное.

В чём кроется правильность имени, пилот уточнять не стал, зато уловил от Стана едва заметный запах алкоголя. Дисциплина у них, однако...

— Тоска здесь, отец! — Стан и не ждал ответов. — Воды нет! Ты вообрази — совсем нет воды, никакой. А раз нет воды, так нет и рыбы. Рыбы нет, амфибий тоже нет, никого нет. Я, как первым делом ручей увидал, — сразу думаю: ага, вот где знатная рыбалка! Ушица тройная, королевская! Сейчас, думаю, удивлю мастерством! Ты, отец, настоящую королевскую ушицу небось и не едал! А там это паскудство течёт, клей этот хренов.

— Станислав Григорьевич не только крупный ксенозоолог, но и рыболов, — неведомо откуда возникшая Сандра водрузила на стол большой термос и стопку пластиковых чашек. — Спортсмен!

— Два Кубка галактики в командном зачёте, между прочим, — разулыбался ксенозоолог. — Один за зетрианскую саламандру.

Бертран сидел во главе стола и с неприкрытым ехидством во взоре прислушивался к беседе.

Точно кот-котище... О, демон Максвелла, подумал пилот, неужели в термосе — чай? В такое пекло?

— Саламандру ультразвуковой насадкой брали? — поинтересовался пилот.

Стан снова пробуравил его взглядом, но другим — уважительным.

— Э! Да ты, отец, смотрю, тоже по части рыбалки не прочь? Скажи, не прочь, а? Да только с насадкой саламандру и сынишка мой голыми руками возьмёт! На соревнованиях всё по-честному — никаких насадок! Ты против зверя. А там же зверюга! Зубы! — Рыболов показал, какие там зубы. — И мысли она, зараза, читать умеет. Ну, может, не мысли — так намерения. Нет, в спорте всё честно...

«Кают-компания» заполнялась. Поодаль примостился худощавый молодой человек. Он бросал короткие взгляды на собеседников и долгие — на Сандру, которая раз-

ливала из термоса напиток — не чай, хвала Больцману, а нечто фруктово-тонизирующее.

«Вероятно, любовь, — отметил пилот, — вероятно, даже взаимная».

Так и есть, уселась рядом. Ещё двое мужчин присоединились к обществу: высокий рыжий бородач с внушительной залысиной на могучем лбу и ничем не примечательный сморчок. При их появлении Бертран щёлкнул пальцами, и словоохотливый рыбак умолк на полуслове.

— Ну что, господа бурильщики, чем порадуете? — осведомился начальник у бородатого. — Представляю, Макс, — наши планетологи, они же физики, они же биофизики. Кстати, именно они вас сюда, с вашего позволения, и приволокли.

— Результат есть! — Бородатый залпом опрокинул в себя чашку напитка. На лбу тотчас же заблестели бисеринки пота. — Интерпретировать — нет.

— Бросьте, Валдис, нет такого результата, какого нельзя интерпретировать, — усмехнулся Алекс.

— Слой псевдопочвы имеет глубину около двадцати метров, — вступил в разговор сморчок. Голос у него был размеренный и неприятный, как скрип несмазанной двери, которую медленно качает взад-вперёд несильным ветром. — Всего мы прошли триста двадцать три метра. Осадочных пород не обнаружено. Кроме того, очень похоже, что каких-нибудь двадцать веков назад на планете царил иной климат.

— Принципиально иной! — Бородач с силой опустил кулаки на столешницу. — В то время Калипсо совсем не была планетой земного типа!

— Хорошенькое дело... — пробормотал Стан.

Геофизики достали из серебристых комбезов походные планшеты, над входом в лабораторию вспыхнул

куб голоэкрана, в нём появились срезы шурфов, потекли цифры, формулы... Посыпались вопросы, разгорелся спор.

Пилот обнаружил, что зверски голоден, благо на столе возникли, как из ниоткуда, горки пищевых брикетов. Походные синтезаторы у них тоже ничего. А вот общаться с ним, кроме, пожалуй, ксенорыбака, никто особо не собирается. Пилот подкинул монету — высоко, под самый тент, проследил взглядом, поймал.

— Кстати, — вклинился он в образовавшуюся паузу. — Сила тяжести на поверхности тут примерно... ноль — шестьсот семнадцать тысячных жэ. Диаметр планетки — приблизительно как у Марса. Ядро у нашей нимфы должно быть не железное, а медное. И мантия плотнее. Но если медное — откуда собственное магнитное поле? А если не медное, то диаметр у этого ядра втрое больше марсианского. Что странно.

— Вопрос вот в чём, тут всё странное, — сказал Бертран. — Возьмите эти деревья. Вы думаете, это обычные растения? Или вы думаете, что это необычные растения?

— Я думаю, что это совсем не растения.

— Отлично. Да, они вырабатывают кислород. Но как? Мы установили, что зелёные наросты — это фотозлементы. Не для фотосинтеза, а простые незатейливые солнечные батареи. Селеновые. Кора — полюбуйте сами, — он потыкал стилем в свой планшет, шурфы и геологические разрезы на голоэкране сменились сложной мозаичной структурой. — Любуйтесь, увеличение пятьсот. Тысяча двести. Две тысячи. Кто бы мне объяснил, что это за структуры? И почему именно они выделяют молекулы воды? Догадаетесь с трёх раз? Кстати, — он обернулся, — где девушки?

— Готовят сюрприз, — отозвалась Сандра. — А вот и они.

К компании присоединились две женщины. Одна примечательна огненно-рыжей лохматой шевелюрой, просто какой-то вихрь пламени на голове, вторая — чопорная, коротко стриженная брюнетка.

— Вся экспедиция в сборе, — наклонился к Максу Бертран. — Ксана и Анна, умницы, красавицы и перво-классные ксенобиологи.

— Объявление! — громко провозгласила огненно-рыжая и хлопнула в ладоши. — Всем, всем, всем. Только что наша группа закончила расшифровку молекулы! Смотрите, слушайте и не говорите, что не слышали!

— Местная жидкость, — пояснил начальник.

На экране возник некий объект. Видом своим он более всего напоминал тщательно переплетённые ветви тернового куста. Объект медленно вращался. Слева ползли колонки химических формул, справа — цифры и символы. Пилот всмотрелся, символы поплыли перед глазами, формулы сделались нечёткими, но смысл понятен, только чего-то в этой картине не хватает... чего? Красоты? Завершённости?

— Итого, имеем комбинированный органический полимер с разветвлённой структурой, — закончила рыжая.

— Вы ничего не увидели! — Пилот не узнал собственного голоса, настолько резко и властно он прозвучал. — Дайте мне планшет. Спасибо. Смотрите. Элементарные цепочки полимера только с виду кажутся одинаковыми. На самом деле они отличаются топологически — расположением ароматических колец, азотными и циановыми группами. Легко видеть, — он заработал стилем, в углу экрана возникла отдельная цепочка, — что имеется восемь элементарных псевдоизоморфных цепочек. Придадим каждой из них свой цвет. Теперь поглядим, что вышло...

«Терновый узел» преобразился, заиграл многоцветьем. Кто-то охнул.

— Фрактал, — произнёс Бертран.

— Не всё так просто. — Сило в руках пилота должно было биться, как в припадке эпилепсии. — Не просто фрактал, а странный аттрактор.

Теперь его слушали очень внимательно. В руках у скромного юноши, соседа Сандры, вроде бы даже блеснул кристалл для записи.

— Легко видеть, что структура отдельного звена метастабильна. — Он записал выражения для энтропии, энтальпии и энергии Гиббса. — Видите? Малейшее изменение, хотя бы в ориентации электронных орбиталей азотных групп, изменение π -связей вот здесь и здесь... и имеем...

Структура на экране вывернулась и стала походить на эллипсоид вращения с приделанными к нему крыльями бабочки.

— Почему странный аттрактор — понятно? Динамическая система с тремя нелинейными членами, — он уже писал дифференциальные уравнения и тут же решал их, выводил неустойчивые и, наоборот, седловые траектории в фазовом пространстве, а в голове звенели далёкие колокольчики, и мир сузился до экрана планшета и пляшущего по нему стила. И не замечал, как меняются выражения лиц собеседников: у кого-то на восхищённо-завистливое, у иных — на угрюмо-враждебное... Формулы громоздились, наплывали одна на другую, уравнения плясали, графические представления менялись с калейдоскопической быстротой.

— Всем всё понятно? — Он бросил стило на стол. Провел рукой по лицу и удивился — пот чуть ли не заливал глаза.

Ответили не сразу.

— Если аттрактор странный, — заговорил бородатый Валдис, — значит, жидкость в любой момент поменять свои свойства... И деревья начнут не выделять кислород, а выделять углекислоту.

— Хорошо, если «угле», а не сразу синильную, — заметил пилот. — Это не деревья. Это машины. А это, — он кивнул на экран, — программные коды. Не забывайте, фракталы — идеальная среда для квантовых вычислений.

— Допустим, компьютер на восьми кодирующих элементах. Но странный аттрактор меняет свои свойства хаотически! Непредсказуемо! — не сдавался бородач.

— И, насколько мы знаем, свойства жидкости пока стабильны, — поддержал «сморчок».

— Надо определить физический смысл и величину бифуркационного параметра. Вдруг это напряжённость местного магнитного поля? Или удар от вспышки на Ипсилоне? Или всплеск радиоизлучения Одиссея? Я не знаю... пока... пока не вычисляется... недостаточно данных. Пока бифуркационный параметр, чем бы он ни был, меньше критического значения, аттрактор стационарен. — Пилот вновь взялся за стило и набросал несколько уравнений. — Если что-то или... или кто-то увеличит бифуркационный параметр выше критического уровня, возникнет странный аттрактор, и наш полимер изменит свойства.

— Но изменит хаотически, непредсказуемо! Потом снова так. И снова. Программы — нет, — не отступал Валдис.

— Я тут немного посчитал. — Пилот вывел ещё несколько формул. — Траектории странного аттрактора описывают стационарные стохастические колебания. Если в системе есть малый параметр, можно с помощью отображения Пуанкаре перейти от анализа траекторий в трёхмерном пространстве к исследованию тра-

екторий отображения. Это можно уже вычислить. Но если и нельзя, кто докажет, что конечная цель этих машин — не создание качественного хаоса?

— Отец! Это же... Это же Нобелевка, отец! — Стан приближался к нему, огибая сборище. — Ты это... лица на тебе нет. Бледный вон, в такую-то жару. Пошли. Они тут ещё долго судить да рядить будут. А я так решил — ты у меня жить станешь. Я один в своей секции. Пойдём, что ли? Пойдём, а?

Мягкий хруст откуда-то сзади, шаги — чужие, редкие. Пилот вскочил, но на плечо легла рука руководителя экспедиции.

— Сиди, — прошипел Бертран. — Это не опасно. Оно часто приходит.

В поле зрения возник давешний «конус». Такой же, как в лесу, нелепый, на длинных конечностях, он медленно согнулся, ступая под тент, и возложил свой «клюв» на голову ближайшего человека — бородача. «Клюв» оказался мягким, как укороченный слоновий хобот, и свободно соскользнул вниз. Существо коснулось органом... зрения? осязания? шеи «сморчка» — и так по кругу, методично, обошло «кают-компанию», дотрагиваясь до каждого человека.

Странное зрелище. Как будто цирковой слон ищет в кармане укротителя спрятанную конфетку. Правда, «конфетка» эта спрятана, скорее, в мозгах. Вот существо коснулось пилота — клюв лёг между лопаток, возникло и пропало под черепной коробкой... что? Мозговая щекотка? Существо круто развернулось — пластик под его конечностями жалобно взвизгнул — и, нелепо раскачиваясь, кинулось прочь...

— А? Знай наших! — уже тянул его за рукав неутомимый Стан. — А ты не прост, отец! Ох не прост. Пошли, сейчас обратно заведут бодягу на тему — один и тот же это пришелец или разные. Как по мне, не всё ли

равно, ежели они все на одно рыло? Заходи, заходи, вон коечка, вон тумбочка, шкаф, санузел, в тесноте да не в обиде. Слушай, а может, это... ты как насчёт?..

Он извлёк откуда-то из-под койки плоскую флягу.

— Водка! Чистейший продукт! По пять капель — за знакомство!

Пилот подбросил монету. Аверс.

— А! Давай.

Он снова выдохся. Совсем. Словно опять пришлось идти через раскалённую пустыню.

В каком-то смысле так оно и было.

5

*Пламень трескучий сверкал на её очаге, и весь остров
Был накурен благовонием кегра и дерева жизни,
Ярко пылавших. И голосом звонко-приятным богиня
Пела, сидя с челноком золотым за узорною тканью.
Густо разросшись, отовсюду пещеру её окружали
Тополы, ольхи и сладкий ликущие дух кипарисы...*

В ритм гекзаметру мерно пульсировали, вспухая и опадая, графики решений. Того самого уравнения, которое проухал в лесу безумный криптограф, и оно, закодированное Фурье-преобразованием, выплеснулось вовне банальными колебаниями звуковой среды. Очевидно, что оно не имеет решения в общем виде. Впрочем, и не надо. Уже понятно, что описывается волновая функция пары частиц, а значит, пространство шести-мерно... а это дополнительные частные производные. Хотя операторы коммутируют и частицы симметричны, но, если... если... Если бы не тяжесть чёрных волн с кровавыми гребнями, и воздух, которого всё время не хватает, и застывшее надгробным монолитом время, он бы понял ускользающий смысл уравнения!

Пилот очнулся. Голова кружилась и трещала немилосердно. С койки Стана доносился богатырский храп. Фосфоресцирующее табло указывало биологическое время экспедиции — пять часов, сколько-то там минут утра. Пилот впотьмах оделся, выскользнул из темноты наружу — в кажущийся вечным день Калипсо. Дал глазам освоиться и двинул вдоль приземистых жилых куполов к медотсеку. Интересно, имеются у забавных этих ксенологов камеры слежения или хотя бы «ночной» дежурный по базе?

В медотсеке всё так же пусто, всё тот же синий свет. Он прошёлся вдоль стоек. Срочная реанимация... Кардиологическая... Энцефалоскопическая... Гастроэнтероскопическая... Стоп. Какая-то мысль промелькнула, но, не успев оформиться в слово, растаяла.

— Бессонница, пациент? — Знакомый, слегка насмешливый голос.

Значит, дежурный по базе есть. Вернее — дежурная.

— Что-то голова болит, любезная Сандра.

Она принялась, коротко рассмеялась.

— Всё понятно. Вот вам, — открыла шкаф с медикаментами, покопалась, — антиалкогольные таблетки. Обе — под язык. Рассасывайте. И никогда больше не пейте со Станом.

— Отчего же? — улыбнулся пилот. — Я узнал много интересного о зимней экзорыбалке. Я получил приглашение на подлёдный лов в океане одного из спутников одного из газовых гигантов в некой засекреченной системе. Только представьте — жёсткий скаф, снаружи минус двести плюс радиоизлучение, полуторакилометровая скважина...

— Вы несносны, Макс! Вот скажите, зачем понадобился вчерашний спектакль? И нечего мне тут бровкой так делать! У нас очень дружная команда, а из-за вас мы все переругались.

— Спектакль?

— Вот да. — Сандра почесала бровь. — Давайте без дураков. Ясно, что на Калипсо вы не впервые. Не могли же вы на ходу производить все эти невероятные вычисления? Валдис так и сказал: знаю, кто может решать диффуры в уме аналитически, численно — нет.

Пилот снова улыбнулся — Сандра в точности воспроизвела манеру речи бородача. Интересно, сколько всё же ей лет? Биологических, да, лет двадцать пять — двадцать восемь. А физических? Видимо, поболее. Почему нет? Вот хотя бы он — биологических сорок пять, да таких сорок пять, что ни один ген-паспортист не прикопается, а вот физических... э, лучше не вспоминать.

— И вот, получается, — продолжала Сандра разоблачительную речь, — что есть две возможности. Или вы имперский инспектор...

— С чрезвычайными полномочиями, — тут же ввернул пилот.

— Да. Или крупный учёный. Были же три экспедиции на Калипсо. Вы участвовали, сделали открытие, военные заграбастали, положили под сукно, всё как обычно. Вас затёрли, отстранили, забыли, всё засекретили. Это они любят.

«Они», заметил себе пилот. Ох уж эти женщины. Или она нарочно? Не понять.

— И вы решили на свой страх и риск отправиться в систему Ипсилона завершить исследования. А тут мы.

Пилот потёр подбородок и обнаружил, что тот порядочно зарос щетиной.

— И какого же вы, Сандра, держитесь убеждения?

— Я вижу, что вы учёный. Вчера, когда вы всё это нам рассказывали, вы впали в состояние, напоминающее транс. Бр-р! Такое нарочно не изобразишь. Вы были слишком искренне увлечены.

— Теория вероятностей не на вашей стороне, дорогая Сандра, — невозмутимо парировал пилот. — Полный факторный анализ даёт вероятность того, что я таки звёздный инспектор... скажем, округляя, восемьдесят пять процентов. Остальное приходится на учёного-неудачника. Правда, есть ещё одно... Ненулевая вероятность, что я тот, за кого себя выдаю, — пилот грузовоза. Это я, к вашему сведению, только что подсчитал.

— Вот ещё раз услышу про пилота грузовика — вы мой враг навеки!

— Всё-всё, сдаюсь!

— Так зачем вы устроили цирк?

— Хм... Обидно стало. Все такие важные...

— Не проходит. Вы, Макс, не тот человек, который легко обижается.

— Значит, правду и только правду?

— Вот её.

— Мне захотелось произвести впечатление на вас.

— На меня?

Похоже, удивилась, похоже — впервые.

— А на кого ещё? Не на Ксану же с Анной и не на того хлыща, который не сводит с вас глаз?

— Вот этого только не надо, Макс! Андрей хороший, он аспирант Бертрана, очень талантливый.

— Это я успел заметить... Да погодите вы! — Пилот ловко увернулся от затрещины, не сказать, впрочем, что наносимой совсем уж всерьёз.

— Вы идиот, Макс! Ксана с Анной теперь только и думают, что вы лишили их научного приоритета, а Валдис...

— А Валдису просто завидно, — закончил за неё пилот. — Сандра, в вашей богадельне сплошные технари. Ксеноконтактеры высшего порядка хоть есть? Кроме вас, конечно?

Начальница медицинской службы второй раз выказала удивление — брови её на неуловимую долю мгновения дёрнулись. Но только на долю.

— А то! Бертран — контактёр с мировым именем. Андрей... ну, я уже сказала. И, да, я. Таблетки подействовали?

Пилот прислушался к внутренним весам. Остатки ацетальдегида покинули организм, голова не болела, мысли не путались.

— Тогда марш спать. Завтра, то есть уже сегодня, предстоит важное обсуждение.

— Какое?

— Узнаете... В койку, бегом.

Какая женщина, успел подумать пилот, перед тем как провалиться в сон, на сей раз без сновидений.

6

Поднимая пластиковыми траками облачка металлической пыли, лёгкая машина резво пересекала плато. Типовой исследовательский вездеход класса «Жук» и вправду напоминал жука на гусеницах — пилот усмехнулся получившемуся каламбуру — благодаря зализанным формам, куполообразной башенке внешнего обзора и продолговатому «носу». Тонкий, но прочный титановый корпус надёжно защищал экипаж, климатическая установка спасала от жары, электродвигатель почти бесшумный. А вот пассажирский отсек невелик. Бертран же распорядился, что к Городу поедут пятеро: Андрей, Валдис, Стан, Макс и сморчок-физик. Кажется, его зовут Барнс. Или Бернс? Незапоминающееся какое-то имя. Или фамилия? То ли звучное имя категорически не шло сморчку, то ли в группе Бертрана он недавно. Скорее, и то и другое, даже свержошительный Стан морщил лоб и беззвучно шевелил полными губами, прежде чем обратиться к физику. Может быть,

поэтому Бертран назначил Барнса водителем, которому следовало неотлучно находиться при вездеходе, а в Город не соваться?

Пилоту, как незваному гостю, досталось самое неудобное место — обширный, но загромождённый багажный отсек. Пилот втиснулся между баком с питьевой водой и загадочными ящиками без маркировки. Формой ящики напоминали футляры экзотических музыкальных инструментов, а внутри могло оказаться что угодно — от приборов до оружия.

Впрочем, на оружие надежды мало. Пилот хорошо помнил разговор с Бертраном накануне.

— Верните мне бластер.

— Бластер? — удивился начальник экспедиции. — Зачем? Здесь нет агрессивной фауны. Да и не агрессивной — тоже.

— Мало ли... Пригодится.

— Вот что, Макс, запомните очень простую вещь. Первое правило контактера — не иметь при себе оружия! Даже — перочинного ножика.

— Даже если нас самих резать начнут?

— Особенно если начнут! — отчеканил Бертран.

Сказано эффектно, не поспоришь, хотя такие звонкие изречения сплошь и рядом прикрывают сомнительной чистоты правду. Высшие ксеноконтактеры — это ведь научная элита. Более того — закрытая каста. И по роду деятельности — нередко сотрудничают с имперской ксеноразведкой. Тут без «двойного дна» не обойтись. Однако пилот понимал, что сейчас начальник экспедиции искренен, и ксеноконтактеры действительно не используют оружия. Что, впрочем, не мешает им владеть боевыми техниками из арсенала всё той же ксеноразведки. Пилоту приходилось видеть, как действует такая живая машина для убийства. Куда там низкоэнергетической пукалке для отпугивания крыс...

Из своего закутка пилот мог рассмотреть немного: затылок водителя в «носу» у «Жука», чуть ближе — Стана и Валдиса. Если поднять голову — видны ноги засевшего в обзорной башенке «талантливого аспиранта» Андрея. Бородатый физик не сводил пристального взгляда с приборной панели и к общению был не расположен. Вообще, ехали молча, подчёркнуто сторонились чужака даже здесь, в тесноте кабины. Только Стан иногда оглядывался, подмигивал и пожимал плечами, дескать, не сердчай на них, отец! Пилот не сердчал. Он старался рассмотреть через плечо Валдиса приборную панель. На дисплее вездеходного курсографа зеленела отметка «45 км».

Пилот помнил, что от челнока до Города не более тридцати километров по прямой. Попытался сориентироваться. «Кокон» блестели строго на запад от «Гордого», верно, он двинулся к ним, оставив восходящий Ипсилон за спиной. Прошёл километров десять. А Город находился в тридцати километрах на северо-восток. Значит... Значит, после того как он «заблудился», он худо-бедно, зигзагом, но шёл строго на север — прямо в направлении базы. И посадку совершил у ксенологов, что называется, под самым носом. В планетарном масштабе он попросту свалился им на голову. Убеждать их дальше в случайности такого события — по меньшей мере глупо.

Пилот поёрзал, устраиваясь поудобнее на углу ящика, — ноги затекали немилосердно. Смотреть было больше не на что. Тот кусочек дороги, который виднелся в лобовом окне, был однообразно чёрен, как уголь, лишь изредка в изгибах «стружки» бликовало ртутное небо. Конечно, дороги никакой не было. Калипсо оказалась на редкость бездорожной планетой. Город, тарелка с коконами, энергетические деревья — и никаких шоссе или хотя бы — просёлков. На худой конец — троп!

«Конусы» шастали туда-сюда, но, похоже, в торных путях не нуждались. И неудивительно! Не люди они и не животные. Бертран вообще считал «конусы» чем-то вроде внешних эффекторов единого мозга планеты или не единого, а группы мозгов, которые вполне могли обособиться в Городе.

Никому ещё не удавалось проследить маршруты передвижения «конусов». Они всегда появлялись с разных сторон, и совершенно неожиданно. Начальник экспедиции считал, что лишь вылазка в Город даст ответ на вопрос: откуда приходят эти, по выражению Стана, хоботы на ходулях. Пилот не разделял оптимизма Бертрана, полагая, что вылазка принесёт больше вопросов, чем ответов, но с возражениями не лез. И вообще, во время совещания вёл себя скромно. Достаточно было предыдущего выступления, которое настроило против него, залётного гостя, почти всю экспедицию. Но — ухо держал остро, впитывая информацию, как губка, анализируя вербальные и невербальные слои, а выводы откладывая на потом.

Из оговорок и умолчаний, которые иногда, подобно метеорам в атмосфере, вспыхивали в сугубо деловом разговоре ксенологов, складывалась любопытная картина. Команда состояла в основном из людей, давно и прочно связанных общими профессиональными интересами, но при этом друг к другу равнодушных... Если не считать любовной связи между Сандрой и Андреем... Вне экспедиций ксенологи почти не поддерживают отношений.

Пилот покопался в груде сведений, сваленных в его голову Софией, и нашёл подходящую историческую аналогию. Более всего команда Бертрана походила на банду береговых пиратов, которая собиралась от случая к случаю, когда светил солидный куш, а потом расползалась по норам пропивать награбленное. Тем не ме-

нее — в этой «банде» существовал сплочённый костяк. Бертран, Андрей, Сандра — эти поддерживали постоянный контакт друг с другом. Стан, Валдис, Анна и Ксана вне экспедиций, похоже, не сильно интересовались, кто, где и чем занимается. Барнс — или все-таки Бернс? — человек случайный, такие «сезонные рабочие» редко попадают в команду больше чем на один раз. Из всего этого следовал интересный вывод — экспедиция могла быть не совсем законной. Ведь официально планета закрыта. И если на закрытую планету высаживаются ксеноконтактёры, они либо работают на ксеноразведку, либо... Чёрные ксенологи!

О Чёрных ксенологах ходили разные слухи. Романтические личности рисовали их эдакими вольными контактёрами, благородными открывателями новых братьев по разуму. Прагматичные циники, наоборот, утверждали, что Чёрные ксенологи работают на мегакорпорации, добывая для них инопланетные технологии, дабы обеспечить заказчикам преимущество в конкурентной борьбе. Истина, размышлял пилот, как всегда, где-то посередине или вообще перпендикулярна. Но каковы бы ни были цели Чёрных ксенологов, имперские законы на сей счёт предельно жёстки. Любые контакты, не санкционированные Сенатом, приравнивались к влекущим угрозу человечеству и соответствующим образом карались.

В таком случае скрытность и подозрительность некоторых членов экспедиции и особенно поведение Бертрана при знакомстве легко объяснялись, но именно то, что легко объясняется, на поверку оказывается наиболее далёким от истины. Спешить с выводами не стоит. Калипсо — планета сюрпризов. Здесь всё не то, чем кажется. Даже — люди. Даже он, пилот космического грузовоза «Витязь» Максимилиан Горнов. И чтобы разложить всё по полочкам, следует видеть и слышать, за-

доминать и понимать. Слава богу, с последним сейчас никаких проблем. Прямо как в лучшие годы, когда он ещё не был пилотом грузовоза. Да и тогда котелок не варил так хорошо...

Ксенологам надоело молчать, и они вполголоса принялись обсуждать свои сугубо контактёрские дела. То и дело высказывали терминологические чёртики, вроде «аксиологической топологии», «смыслоизолирующих рядов» и какой-то совсем уж загадочной «мерцальтики». Само собой, Андрей с Валдисом не заботились о том, понимает ли их посторонний, да и не до политеса им сейчас. Мандраж. Какими опытными ксенологами они бы ни были, Контакт есть Контакт. С физиономии рыболова тоже слетело обычное радушие, он перестал сыпать «отцами», говорил кратко и по существу.

Не вникая в суть разговора специалистов, пилот считывал эмоциональную составляющую, в ореоле которой вращалась бездна полезной информации. К примеру, что аспирант руководит вылазкой лишь номинально. Настоящий лидер — Валдис. Что рубаха-парень Стан отвечает за безопасность, как единственный, кто умеет обращаться с непонятными стрикерами — уж не с теми ли шутовинами, что таятся в «музыкальных футлярах»? Пилоту же отводилась роль «мальчика на побегушках». Прямо об этом не говорилось. О нём ксенологи вообще не вспоминали, но Андрей, который беседы ради вылез из башенки, то и дело дёргал плечиком в сторону незваного гостя.

Пилот не возражал. На побегушках так на побегушках. Его номер шестнадцатый, как выражаются в притонах Сигмы-13. Главное, добраться до Города, а там будет видно. На этой «мусорной свалке» работы хватит всем, и есть подозрение, что роли по ходу дела неоднократно поменяются.

Пилот вспомнил общее недоумение, с которым ксенологи встретили его назначение в состав группы. Однако никто против Бертрана и рта не раскрыл. Авторитет у начальника непререкаемый, и это тоже весьма напоминает легендарных пиратов древности. И умён, не отнять. Неужели матёрый контактёр понимает, чем именно пилот окажется полезен группе? При том что сам пилот понимает пока смутно. В лидеры рваться он не станет, ни в формальные, ни в неформальные... Но вот со Станом насчёт этих самых стрикеров потолковать не помешает. Хотя бы для того, чтобы сии скрипки не запели, когда он, пилот, повернётся к ним спиной.

«Жук» резко качнулся вперёд — пилот едва не вывалился из багажника в салон — и остановился.

— Приехали! — сообщил водитель.

Аспирант вопросительно поглядел на Валдиса, тот кивнул.

— Для начала осмотримся, коллеги, — сказал Андрей. — Разомнём ноги...

Пилот подумал, что да, ноги размять сейчас бы не мешало. Что-то зашипело, и купол вездехода распался на две половинки, будто жёсткие надкрылья жука. В кабину ворвался горячий воздух. Ксенологи выбрались из кресел быстро. Пилоту пришлось повозиться. Ноги у него затекли и слушались плохо. Кряхтя, он вылез из багажного отделения, едва не упал, но добросердечный Стан подхватил его и помог утвердиться на засыпанной «стружкой» почве. Цепляясь за его плечо, пилот выпрямился и только теперь увидел Город.

Плато обрывалось в гигантскую котловину. Дальний край её терялся в серой дымке, похожей на смог, который часто висел над земными городами древности. Знойный воздух струился над котловиной, отчего казалось, что она заполнена кипящим пенным варевом.

Вблизи Город напоминал не мусорную свалку, а кастрюлю с супом, забытую на горячей плите.

— Глянь-ка, отец!

Стан ткнул в руки пилоту электронный бинокль. Пилот прильнул к окулярам. Оптроника очистила изображение от примесей и искажений. В бинокль котловина выглядела не кастрюлей с выкипающим супом, а скорее — тазом с шапкой мыльной пены. Каждый пузырёк такой пены мог бы, пожалуй, вместить в себя челнок типа «Гордого». В некоторых местах «пена» опала, образовав тёмные провалы. Иногда её фестоны громоздились один на другой, с полным пренебрежением к законам тяготения. В нижнем правом углу изображения появились численные данные. Самый высокий «фестон» достигал высоты полутора километров, а отклонение от вертикали составляло пятнадцать градусов. Вот она, гравитационная аномалия, во всей красе.

Пилот вернул бинокль рыболову.

— Ну что, впечатляет? — осведомился Стан.

— Вряд ли это город... — пробормотал пилот.

Аспирант, который стоял рядом, услышал его слова. Фыркнул и отошёл к вездеходу. Пилот и ухом не повёл, а рыболов поспешил замять неловкость.

— Да, отец, — проговорил он. — На этой планетке не разгуляешься... Воды нет, рыбы нет... С пивком посидеть, и то негде... Так что ты прав, разве это город... Вот, помнится, ловили мы на Проксиме...

— Ты мне скажи лучше, отец, что у вас в ящиках? — перебил его пилот. — В этих узких, как футляры для скрипок.

— Как что? — отозвался Стан. — Стрикеры!

— Мне это ни о чем не говорит.

— А-а... — разочарованно протянул рыболов. — Тогда, боюсь, не поймёшь ты, отец... Без обид.

— Как-нибудь постараюсь...

— Ну, скажем, если зверюга нападёт, — принялся пояснять Стан, — а убивать её нежелательно, используешь стрикер... Остронаправленный импульс снижает электрическую активность мозга, просекаешь?.. Зверюга временно тупеет, слепнет, нюх теряет... Потом, конечно, очухается, если другая зверюга не сожрёт...

— Станислав Григорьевич! — окликнул рыболова аспирант.

— Прости, отец, — сказал Стан. — Начальство зовёт. Он подошёл к Андрею и Валдису, которые опять затеяли совещаться.

Нет у вас оружия, значит... А стрикеры — это удочки?

7

Ксенологи столько навешали на себя всякого разного оборудования, что сами стали похожи на диковинных инопланетных насекомых. Усики, жвалы, фасеточные глаза, сегментированные брюшки. Сходство с насекомыми только усилилось, когда ксенологи на тросах-паутинках спускались с обрыва на дно котловины. Пилот и водитель вездехода страховали сверху. Предпоследним спустился аспирант. В наушнике рации водителя что-то хрюкнуло.

— Давай, — буркнул Барнс. — Твоя очередь.

Пилот пристегнул карабин к тросу и пополз вниз. Высота обрыва была метров пятнадцать — металлическая псевдопочва мертвенно отблескивала в лучах солнца.

Дружеские руки подхватили пилота, утвердили на ногах. Пилот кивнул улыбающемуся рыболову, за спиной которого торчали пронизанные красными прожилками слюдяные надкрылья и чёрные усики стрикеров. На фоне огромного пузыря, словно набитого светящимся оранжевым пухом, Стан в ксенологическом облачении смотрелся комично, но шутить не хотелось. Охоту к зубоскальству отбивал Город — вернее, то бессмыс-

ленное с виду нагромождение радужных полостей, которое им называли.

Снизу было видно, что «шапка пены» не сплошная. Скопления пузырей то здесь, то там вздымались ажурными арками, образуя причудливый лабиринт проходов. Оставалось лишь выбрать — какой из них предпочесть. Аспирант выдвинул из заплочного ранца устройство, напоминающее стрекозу с оборванными крыльями — льдисто блеснули фасетки. Поманипулировав «стрекозой», Андрей молча показал направо. Первым в указанный проход шагнул Стан. Надкрылья за его спиной слегка завибрировали. Аспирант жестом велел пилоту идти следом. Выдержав дистанцию, пилот отправился за ксенозоологом. Все чувства пилота вдруг обострились. Он слышал, как позади сбивчиво дышит Андрей, как попискивает его «стрекоза», как скрипит десантными ботинками замыкающий Валдис. Пузырчатые строения — если это, конечно, были строения, — многократно усиливая, возвращали звуки, перепутав их до неузнаваемости. Хуже обстояло с запахами. Как будто кто-то нарочно долго копил их, чтобы в одно мгновение выплеснуть в лицо едким концентратом. А через несколько шагов стало ясно, что и с гравитацией здесь не всё в порядке. Пилот помнил про отрицательную гравитационную аномалию. Но, судя по ощущениям, — не всегда отрицательную, порою весьма даже положительную. Одно дело считывать данные с монитора, другое — испытывать на своей шкуре. Предательская слабость в мышцах, прилипающие к почве ступни, выпадение зрения и вдруг без перехода — прилив крови к голове, волосы дыбом, почва, ускользающая из-под ног.

Пилот исподтишка наблюдал за реакцией товарищей по вылазке на все эти физико-химические аттракционы — ксенологи держались с завидным хладнокровием. Похоже, им было не привыкать. Они только поминут-

но хватались за пульты своих «насекомьих» приборов, фиксируя очередную аномалию. Через звуковые реверберации до пилота порой долетали отдельные реплики, но из знакомых лексических единиц встречались разве союзы с предложениями. Пилот и не пытался вникнуть. Высокая ксенология не интересовала его. Он полностью доверился собственным ощущениям и тому, что под черепной коробкой бесстрастно анализировало их. Пилот пытался уловить момент, когда очередной феномен обернётся смертельно опасной ловушкой. Может быть, потому пилот раньше других заметил корабль.

Если бы не чудовищные размеры, его можно было принять за погремушку, забытую в детской ванночке. Полупогружённый в радужную подушку «пены», корабль выглядел как новенький. Но опытный глаз пилота сразу же обнаружил следы катастрофы. Через весь сегментированный корпус, похожий на полуоткрытую диафрагму, проходила извилистая трещина, заполненная голубоватым веществом. Из-под корпуса торчали утончающиеся книзу колонны, видимо, смятые ударом о поверхность планеты. Вряд ли это были посадочные опоры, слишком уж асимметрично они расположены по отношению к центру тяжести корабля. Хотя судить о том, где у него центр тяжести, пилот не мог — корабль принадлежал внеземной цивилизации. Более того — цивилизации, не известной на Земле.

Ксенологи заметно воодушевились.

— Чужак, отцы! — крикнул Стан. — Саламандрой буду!

Аспирант фыркнул, проговорил презрительно:

— Чужак... Ты еще скажи: «алиен»... Ксенотехнологический артефакт, индекс неизвестен, энерговооружённость неизвестна, предположительно — транспортное средство...

— Внимание! — встрял Валдис. — Наблюдаю движение.

Пилот, аспирант и рыболов оглянулись. Усики стрикеров на плечах Стана начали с тихим жужжанием вращаться. Из тени, отбрасываемой кораблём, выбрался «конус». Такого пилот ещё не встречал: тулово вихляется из стороны в сторону, клюв свёрнут в трубочку, конечности подгибаются. Раскачиваясь, словно пьяный, «конус» миновал группу людей, направляясь в ближайший проход в пузырячатом месиве.

— Откуда он взялся, отцы?

Андрей отмахнулся, сказал:

— Стан, Макс, проверьте-ка там...

Пилот посмотрел, куда указывал аспирант, вынул из нагрудного кармашка заветную монету, подбросил, взглянул на результат и двинулся к правой крайней «колонне», подпирающей корабль-чужак. Сзади сосредоточенно запыхтел ксенорыбак. Едва пилот перешагнул границу света и тени — необычайно резкую, будто на Луне, наплечные диски-люминофоры выдали пару бледных лучей. Они со Станом находились под корпусом корабля чужих. В основании смятой «колонны» чуть светилось широкое треугольное отверстие. Из отверстия свешивался ещё один «конус». Вернее — его останки.

— Ёшкина саламандра! — непонятно выругался рыболов. — Параморфы...

— Что ещё за параморфы? — поинтересовался пилот, не без брезгливости разглядывая выпирающие из-под чёрных лохмотьев то ли кожи, то ли одежды жёлтые обручи рёбер.

— Есть такая занятная штука, отец, параллельная эволюция, — охотно пояснил Стан. — Очень редкое явление... когда эволюция запускается на планете как бы два раза... Одна вдгонку другой... На каком-то этапе на-

чинают появляться виды, наследующие некоторые признаки...

Ксенозоолог осёкся. Из глубины чужого корабля раздался низкий утробный рык. Свечение люка затмила фигура ещё одного «конуса». В гибком клюве-хоботе он держал какую-то штукювину, напоминающую древний дуэльный пистолет, но прозрачный, с колеблющейся рубиновой нитью внутри.

— Макс, назад! — скомандовал Стан.

Прыгнул, заслоняя пилота собой. Схватился за рукоять управления стрикерами на поясе. Надкрылья сомкнулись над головой рыболова наподобие шлема. Стан щёлкнул переключателем мощности. Усики повернулись в сторону «конуса», тот как раз заносил ходульную конечность над комингсом. «Конус» резко качнулся вперёд. Клюв обвис шлангом. «Дуэльный пистолет» брякнул о кости мёртвого параморфа.

— Отходим, отец, — проговорил рыболов громким шёпотом. — Покуда он не очухался...

Не поворачиваясь к временно обезвреженному инопланетянину спиной, они выбрались из тени.

— Что там у вас произошло? — спросил аспирант.

— Параморфы! — выпалил Стан. — Их там полно!

— Посмотрю, — буркнул Валдис, оттирая ксенозоолога плечом.

— Там «конус», — предупредил пилот. — Возможно, вооружён.

Но Валдис даже не оглянулся. Он ещё не дошёл до границы тени, когда из-под корабля вышли сразу три «конуса», и у каждого в клюве был «пистолет». Валдис поднял руки, показывая, что они пусты. «Конусы» обступили его с трёх сторон, дружно наклонились. Снова повторился утробный рык, сквозь который едва пробился вопль боли. Пилот рванулся на помощь, но аспирант перехватил его за рукав.

— Свихнулся, Макс! — прошипел он. — Ему уже не помочь... Отступаем к вездеходу...

— Давай, давай, отец, — деловито пробормотал Стан. — Шевели мослами... Я прикрою... сквозь двойное не прорвутся...

Теснимый ксенологами, пилот отступал. Они были в своём праве. Им лучше знать, как себя вести в ситуации экстремального контакта. «Конусы» уже повернулись к ним, оставив то, что когда-то было Валдисом. Прозрачные «дуэльные пистолеты» так и плясали в их клювах-хоботах. Стан щёлкал переключателем. Усики стрикеров поводили загнутыми кончиками вправо-влево. Похоже — действовало. «Конусы» один за другим роняли оружие, теряли равновесие, но быстро восстанавливались. Подбирали «стволы» и шагали вперёд. Видимо, старались оттеснить пришельцев от некой запретной черты.

— Параморфы, итить их... — бормотал рыболов сквозь зубы. — Резервная нервная система...

И незримая черта обозначилась — в какой-то миг «конусы» прекратили преследование. Люди всё ещё пятились по собственным следам, как вдруг пилот сказал:

— Не туда, Андрей!

— Что значит «не туда»?! — окрысился тот. — Что ты вообще в этом понимаешь!

— Понимаю! — отрезал пилот. — В Город не возвращаются той же дорогой.

— Ступай куда хочешь, — бросил аспирант. — Стан, за мной.

И двинулся обратно по проходу. Пилот пожал плечами, занял место замыкающего.

Шли долго. Гравитационные аномалии куда-то подевались; исчезли и флуктуации запахов. Наконец, стало заметно, что проход заворачивает плавной дугой. По-всякому получалось — давно должны вернуться к вы-

ходу, а над головой всё громоздились причудливые фестоны и арки. Андрей снова принялся водить туда-сюда «стрекозой». Но без прежней уверенности.

— Я предупреждал, — негромко заметил пилот. — Здесь не возвращаются той же дорогой.

— Дьявол... Куда же?!

«Даже... даже... аже...» — отозвалось со всех сторон причудливое эхо.

— Вляпались, отцы, — вздохнул Стан.

Пилот подкинул монету. Шагнул к ближайшему пузырю. В голове запульсировал знакомый ритм и явились строки.

*Прежде, однако, ты должен, с пути уклоняя, проникнуть
В область Ауга, где властвует страшная с ним Персефона.
Душу пророка, слепца, обладавшего разумом зорким,
Душу Тиресия фивского должно тебе спросить там...*

— Сюда. Не отставать!

Пилот продал пузырь. И мир опрокинулся. Головокружение, лёгкая тошнота — симптомы невесомости. Но лишь на мгновение. В следующую секунду пилот стоял на внутренней поверхности пузыря, а над головой его в чёрной беззвёздности висели разноцветные и разномасштабные объекты. Рядом возникли Андрей и Стан.

— Клевать-копать... — выдохнул ксенорыбак.

— Пространственная свёртка, — пробормотал аспирант.

Всё-таки первое впечатление от Города не обмануло, подумал пилот, а вслух произнёс:

— Мусорная свалка это... Кладбище погибших кораблей...

— Точно, отец! — подхватил Стан. — Вон та синяя хреновина с загогулиной, я знаю, это транспорт

картезианцев! Они везли вакцину на Ариолу... Да не донесли...

— А эти вот... — пилот показал на группу объектов, похожих на сложенные серебристые зонтики, — гиперимпульсники Второго Галактического. Пропали во время альдебаранского мятежа. Командование, как водится, списало на «человеческий фактор»...

Аспирант странно глянул на него, но ничего не сказал.

— За мной! — вновь скомандовал пилот и рыбкой нырнул в чёрную пустоту.

Ксенологи, разинув рты, наблюдали, как пилот пропадает в газовом хвосте, который тянулся за громадным матово-серым октаэдром, висевшим перед кораблём картезианского транспорта.

— Ты был прав, отец, — сказал ксенорыбак. — Он точно свихнулся...

— За ним. Марш! — рявкнул аспирант.

— Да не...

Андрей не дал ксенозоологу договорить, схватил его за надкрылья стрикеров и швырнул по дуге вверх. Стан исчез. Аспирант, зажмурясь, прыгнул следом.

Когда он открыл глаза, под ногами была твёрдая опора, похожая на зелёное стекло, и по этой поверхности без всякого порядка были разбросаны остовы космических кораблей и более мелкие объекты — приборные модули, детали интерьера, фрагменты обшивки. Андрею даже почудился странный двухголовый скафандр. В отличие от предыдущего пузыря, все артефакты на вид были безнадежно стары. Некоторые остовы истлели почти дотла, иные — покрыты пятнами разноцветных окислов или чем-то, напоминающим плесень.

— Ничего знакомого, — прошептал Андрей. — Вообще ничего...

А в голове у пилота звенели далёкие колокольчики...

*Сам же я меч обнажил изощрённый и с ним перед ямой
Сел, чтоб мешать приближаться*

*безжизненным теням усопших
К крови, пока мне ответа не даст вопрошённый Тиресий...*

Пилот окинул спутников холодным взглядом и двинулся вперёд. Посреди исполинского зала он замер, будто к чему-то прислушиваясь.

—Делайте точно, как я. Ничему не удивляйтесь.

Он повернулся направо, там виднелся зазор между дряхлыми исполинами — спиральным, как морская ракушка, и огромной грудой металлолома, в которой уже было не разобрать первоначального конструкторского замысла, разбежался. Достигнув острия «ракушки» — прыгнул. И исчез.

Аспирант на этот раз последовал первым. Чёрт с ним, с «отцом». Захочет жить — будет прыгать.

Следующий пузырь преподнёс новый сюрприз. Полное ощущение, что они стоят на отвесной стене. Стан охнул, присел на четвереньки, сполз на живот, недоверчиво ощупал руками твердь, затем собственную голову. Осторожно разогнулся. Аспирант держался, но по залитому потом лицу и учащённому дыханию было понятно, что он испытывает острейший приступ головокружения. Человеческие чувства пасовали перед вывертами взбесившегося пространства. Пилот молча указал рукой на изгиб радужной плёнки — по счастью, она была рядом. Увидев, что спутники не в силах сдвинуться с места — схватил Андрея за пояс, кивнул на Стана. Андрей понял — в свою очередь ухватил ксенозоолога за ремень крепления стрикеров. Пилот поволок их к «стенке». Аспирант скосил взгляд в сторону и поспешно зажмурился — зрелище полностью подтверждало, что они идут по стене...

Нормальное ощущение тяжести вернулось. Аспирант отёр пот и осмотрелся. Опять кладбище в «невесомости». Только на этот раз и Андрею кое-что показалось знакомым. Сплошные обломки, но не просто обломки, а следы космического боя. Облака металлической пыли с редкими включениями фрагментов оборудования. Тем неожиданнее было обнаружить среди этого хаоса почти невредимый крейсер ксеноразведки. На белой в оранжевую клетку обшивке название «Вкрадчивый». У аспиранта невольно вырвалось:

— Первая экспедиция!

Стан, взъерошенный, как ворона, отшатнулся. Пилот глянул искоса, отчеканил:

— Информация о первой экспедиции в систему Ипсилон Андромеды строго засекречена. Код 2-икс.

Уже не колокольчики звенели в его голове, а гудел набат, и сквозь него пробивался размеренный барабанный бой.

*...Что, злополучный, тебя побудило, покинув пределы
Светлого дня, подойти к безотрадной обители мёртвых?..*

...Царь Одиссей, возвращения сладкого

в дом свой ты жаждешь.

Бог раздражённый его затруднит несказанно, понеже...

*...Но, и ему вопреки, и беды повстречав, ты достигнуть
Можешь отечества, если себя обуздаешь...*

Не дождавшись ответа, он прыгнул. Остальные последовали за ним. Больше они не рассматривали космических пленников Города. Пузырь следовал за пузырьм, и казалось, конца им не будет. В некоторых приходилось идти по ровной поверхности в полной иллюзии, что круто забираешь в гору. В иных — наоборот. Ещё дважды шли по «стене». И прыгали, прыгали в «небеса», наполненные диковинными аппаратами.

Когда лопнула стенка очередного пузыря и они вдруг очутились у подножия обрыва, с которого свешивался трос вездеходного подъёмника, пилот как подкошенный грянулся оземь.

8

Похоже, это становится дурной традицией, думал пилот. Дурная циклическая повторяемость: шёл, упал, очнулся — медотсек. Правда, сейчас он здесь один. Интересно, надолго ли — вон над дверью поблёскивает булавочная головка микрообъектива. И голова. Снова разламывается, хотя никакой попойки накануне не было. А что было? Вспоминалось смутно. И неохотно. Это вам не лабиринт Минотавра. Пилот попытался восстановить в деталях путь из Города — в сознании всплыли восемь плоских проекций некоего четырёхмерного объекта, и это вызвало острый приступ головокружения. Усилием воли он заставил себя ни о чём не думать и несколько минут лежал, пока боль в голове не утихла.

Пилот встал, нарочито неторопливо облачился в комбинезон. Никого. Можно, пожалуй, рискнуть. Он подкатил кресло к стойке с энцефалоскопом, развернул её так, чтобы экран оказался вне зоны слежения камеры. Что ж, прибор у ксенологов не простой, не только на человеческие мозги рассчитан. Нахлобучил на голову шлем и сразу ощутил, как мягко опускаются на темя, на затылок, на виски многочисленные датчики. Перебросил несколько тумблеров на пульте — экран вспыхнул, зазмеились кривые, фиксирующие электрическую активность разных зон мозга.

Если бы в медотсеке был кто-нибудь ещё, он бы немало удивился: выставленные пилотом условия съёмки не только не соответствовали параметрам «человек», но

едва ли могли быть применены к понятию «биологический объект».

*В грот он глубокий вступил напоследок; и с первого взгляда
Нимфа, богиня богинь, догадавшись, гостя узнала
(Быть незнакомы друг другу не могут бессмертные боги,
Даже когда б и великое их разлучало пространство).*

— Даже когда б и великое их разлучало пространство... — задумчиво произнёс пилот и выключил прибор.

Освободился от шлема, крутанул стойку в поисках блока регистрации данных, чиркнул по нему запястьем. Данные благополучно перекечевали из энцефалоскопа в личный чип пилота. То, чего ему недоставало для решения нестационарного уравнения Шрёдингера, — начальные условия — он получил.

Снаружи снова всё изменилось. Безмерно долгий день подходил к концу: небо Калипсо вновь облеклось в обманчивый белёсый свет, а на горизонте сверкала жёлто-оранжевая полоса заката. Заметно похолодало. И что-то ещё... что-то неправильное. Пилот замер, сосредоточившись на собственных ощущениях. Вот оно что — воздух. Сладковатый аромат почти исчез, сквозь него пробивался едва уловимый, но едкий запах. Пилот глянул вверх — посмотреть, в какой фазе Одиссей, и обнаружил вовсе несусветное: на весь экспедиционный лагерь словно набросили маскировочную сеть. Пригляделся, сообразил — такие же «лианы», как в лесу, на кронах «деревьев», но сплетены гуще. И торчат из неё только шпиль энергостанции да волноводы «тарелки» и прочих антенн на крыше лаборатории. Одиссей, конечно, в последней четверти. А значит, впереди истинная ночь.

Как-то это всё дурно пахнет. В обоих смыслах.

Медотсек прятался за кубом лаборатории, и «кают-компаний» отсюда было не увидеть, но пилот слышал гул голосов — ксенологи яростно спорили. Ну да, есть о чём. Пойти послушать? Нет, не станут при чужаке.

— Проснулся? — Перед пилотом невесть откуда возник аспирант Андрей.

Значит, всё же наблюдали.

Пилот пожал плечами, мол, к чему риторические вопросы.

— Пилот, — Андрей смотрел вроде бы и на него, и как бы сквозь, на скулах играли желваки, — ты ничего не должен мне сказать?

Судя по тому, как аспирант выделил слово «должен», вопрос со скрытым смыслом. А желваки и странный взгляд — напускное. Спокоен аспирант. Но тщательно изображает волнение. Похоже, мальчик всерьёз решил поиграть в казаки-разбойники. Пилот не сразу сообразил, откуда у него эти «казаки-разбойники» выскочили и что это означает, улыбнулся.

— Я, уважаемый, не только ничего тебе не должен сказать, но и не хочу.

Андрей помолчал. Пилот видел — перебирает пути развития диалога. И не лихорадочно, а вполне спокойно.

— А я — хочу! — скандальным тоном заявил, наконец, аспирант. — Я хочу, чтобы ты перестал пялиться на Сандру, как абориген Ариолы на гаечный ключ!

— Да пошёл ты... сопляк, — процедил пилот.

Аспирант сократил дистанцию не просто стремительно — мгновенно. Пилот уклонился вправо, дернул вперёд бьющую руку и, когда противник оказался за спиной, врезал ему ребром стопы под коленку. Аспирант рухнул, ткнувшись носом в жёсткую стружку псевдопочвы.

— Это что ещё такое? — Сандра тут как тут, стоит, уперев руки в боки.

— Ничего, дорогая. — Андрей уже был на ногах и как ни в чём не бывало отряхивал лицо и руки. — Я решил проверить своё предположение. Которое мы сегодня обсуждали.

— Проверил? А теперь — шагом марш отсюда.

Андрей так же безмятежно улыбнулся, подмигнул пилоту и скрылся за углом лаборатории.

— Вот только не вздумай на него обижаться. — Сандра покраснела, а глаза у неё всё же зелёные, и вообще — хороша. — Ты же нас скоро с ума сведёшь со своими... девиациями.

— Любезная Навсикая. — Пилот картинно прижал руку к груди и слегка поклонился. — Клянусь Дарвином, всё очень просто. Я — ксеноморф, принявший человеческое обличье!

— Снова называть меня этим дурацким именем?

Нет, не сердитесь. Тоже играет в игру. Только в свою.

— Никакой ты не ксеноморф, Макс.

— Да? А кто же?

— А ты подумай головой вперёд. Кстати, тебя ждёт Бертран. И ещё, — она внезапно взяла его за руку, — ты молодец, Макс. Большое тебе спасибо.

— За что?

— Город. За то, что вытащил их оттуда.

— Их или только его?

— Так! Начальник ждёт.

Как и предполагалось, компания за столом сразу умолкла. Только ксенорыбак тяжело отделился от стула и, распахнув объятия, навалился на пилота. На сей раз был он разительно пьян — и даже не собирался этого скрывать.

— Отец! Спаситель!

Он разомкнул объятия и, обернувшись к прочим, застывшим каменными истуканами, провозгласил:

— Чтоб меня баракудра сожрала! Вот — он. А ежели...

Он подумал, махнул рукой и со второй попытки снова утвердился на стуле.

— Дьявольское это место! Говорю, братцы, надо удочки сматывать. Все сгинем. Все. А ты, — Стан схватил за руку сделавшего шаг в сторону пилота, — ты сам этот... дьявол! Мы сгинем, а ты не сгинешь, не-ет! Обидно, отец! Ты... это... стой, куда?

Пилот аккуратно разжал пальцы ксенозоолога и, сопровождаемый шрапнелью взглядов, нырнул в отсек Бертрана.

Сейчас начальник экспедиции не был похож на сытого ленивого кота. Скорее — на изготавившегося к прыжку хищника. Ироническая улыбка обозначилась чётче, взгляд потемнел и застыл. Не дождавшись приглашения, пилот уселся на знакомый складной стул.

— Шива велик? — Пилот указал взглядом на перстень с гравировкой.

Бертран погладил кольцо и негромко заговорил:

— Мало кто даже в самой Индии знает о Чидамбаре — городе Танцующего Шивы. В нём до сих пор живёт община дикшитар, чьи 2999 предков, по легенде, тысячелетия назад спустились с небес. Трёхтысячным дикшитаром стал сам Шива. Он впервые исполнил на этом месте свой космический танец, ставший основой не только древнейшего танцевального стиля «бхарат-натям», но и боевых искусств и йоги. Никто до сих пор не знает, чьими потомками являются дикшитары. Ведь они отличаются от местного населения не только традициями, но и внешностью...

Город состоит из двух частей — нижнего и верхнего. В верхнем городе расположен храм Неба, в котором хранится уникальная статуя Шивы, вырезанная из куска сиреневого рубина. Дикшитары не только соблюдают традиции предков, но и ведут свои наблюдения и исследования, следуя принципам Науки Древних. Мно-

гие из общины посвящают себя Искусству — танца, музыки и других, достигая в этом совершенства. Высшим считается дар певца, способного в песне соединить гармонию музыки и слова...

Дикшитары не очень контактны — им многое в «нашем сейчас» кажется вульгарным и скучным, они живут другими категориями. В верхнем городе у многих нет даже радио — они считают это ненужным... Фишка в том, что городов реально два — один на побережье, куда все шастают.

— Но есть и другой, в заповеднике, — ввернул пилот.

— Да, Макс. Есть и другой.

— А Шива? «Ом намах шивайя...» В чём смысл?

— Смысл в том, что Шива, в отличие от прочих богов, — аскет. Он не дарует богатства, но покровительствует искусствам и выступает в качестве обновителя Вселенной. Прославляется новый этап, возможности, победа, но не богатство. Чужак, неведомо откуда пришедший, спасший мир от опасностей, но потом станцевавший и преобразовавший...

— Не вяжется с образом Чёрного ксенолога, Алекс.

— О Чёрных ксенологах ходит много небылиц... пилот. Что они работают за деньги, по заказам корпораций. Глупость! Раскрыть тайны Чужих, сделать научное открытие — победа. Но не богатство. Познать разум, чуждый до невозможности, — победа, но не богатство. Высшая победа... пилот. Но здесь... здесь я вижу одну простую вещь. А ты — видишь?

— Похоже, что Шива начал свой танец.

— Смотри.

Начальник развернул голопроекцию. Съёмка велась с камер внешнего периметра базы, давая круговой обзор в сферической проекции. Сначала в клубящемся над плато мареве появились чёрные точки. Миг — и стало понятно, что это «конусы», не менее десятка, они стре-

нительно приближались к базе со всех сторон. Изображение переключилось на внутренний периметр. Бертран и Сандра неподвижно стояли у входа в энергостанцию, а вокруг бестолково, как нелепые кузнечики, суетились «конусы», и каждый стремился дотронуться, дотянуться клювом-хоботом до головы человека. Ещё несколько созданий нарезали круги по базе, ощупывая всё подряд — сооружения, антенны, тент над «кают-компанией».

Вдруг, как по команде, бешеная пляска закончилась. Параморфы на миг замерли, а потом дружно бросились наутёк. Камеры дали вид неба. Оттуда наплывали колышущиеся тёмные полотнища. Ещё несколько мгновений — и полотнища зависли над лагерем. Словно из ниоткуда под брюхом у странных образований возникла светящаяся сеть — и ухнула вниз, накрыв собой лагерь, словно куполом. Свечение из белого сделалось тёмно-вишнёвым, а потом и вовсе исчезло.

— Угадай с трёх раз — с каким событием по времени это могло совпасть?

— С гибелью Валдиса, — не задумываясь, ответил пилот.

— Мы сверили данные. Нашествие случилось спустя несколько минут после инцидента у звездолёта Чужих. Ты оказался прав, на планете нет никого. «Конусы» такие же пленники, как и мы.

— Что случилось с вашим кораблём?

Бертран помолчал. Поправил перстни на пальцах.

— Корабль погиб. Он ждал неподалёку от Одиссея. В режиме «ленивого перемещения». Я получил радиogramму о неконтролируемой реакции в двигательной установке. Очень, кстати, похоже на то, что рассказывал ты. Потом приборы засекли мощный всплеск гамма-излучения.

— Гамма-излучения, значит, — пробормотал пилот. — И никто, Алекс, кроме тебя, об этом не знает?

Бертран скорбно воздел очи горе.

— Придётся сообщить. Настроения панические, но... здесь оставаться нельзя.

— Постараюсь помочь.

— Да уж, неплохо бы. Сказка — трое не самых слабых ксенологов видят в человеке нечеловеческую составляющую, не могут прийти к единому мнению о природе этой составляющей, и без помощи этого человека — никак. Андрей одержим идеей, что ты берсерк из сверхсекретных служб. Сандра слишком верит в свое оборудование и полагает, что ты паранорм. Бывают, бывают. — Бертран жестом остановил хотевшего возразить пилота. — Один на десять миллиардов, но — бывают. Угадаешь моё мнение?

Пилот пожал плечами.

— С вероятностью почти сто процентов версия такая: волк-одиночка. Тот же Чёрный ксенолог, только напичкавший себя открытыми неведомо в каком углу Галактики ксенотехнологиями, которые не по зубам оборудованию Сандры. Кстати, Алекс, сколько ей лет?

Бертран вынул из стола два планшета. Один протянул пилоту, на экране второго начертил замысловатый иероглиф.

— Сигнал общего сбора. Приоритет тревоги — высший. Пошли, что ли... пилот.

Пока начальник экспедиции излагал незавидную ситуацию, в которой они оказались, — в своей невнятной, но притом веской манере, пилот впитывал эмоциональный фон. Сандра — испуг пополам с решительностью. Стан — трезвеет и наливается яростью. Ксана и Анна — страх. Барнс... Барнс близок к панике. Проследить за ним особо. И только талантливый аспирант явил странное равнодушие при известии о гибели «яко-

ря». Впрочем, похоже, не такое уж и странное, если взять в совокупности все факты.

— Но выход, друзья, всё же есть, — продолжал Бертран. — Разведчики обнаружили в Городе множество технических объектов, включая земные. Осталось очень простое дело — найти или собрать из подручных средств квантовый передатчик. И тогда отправим сигнал бедствия.

— Ну уж нет! — голос Барнса взвизгнул ржавой пиллой. — Я на такое не подписывался! В Городе мы все сгинем! А не сгинем — я на рудниках Зелёных Топей гнить не хочу! И коррекцию личности — не хочу!

Пусть «сморчок» выговорится, подумал пилот. Субlimацию общих страхов полезно выплеснуть наружу. Но Барнс не стал продолжать. Он вскочил и с неожиданной прытью бросился бежать в пустыню. Пилот перемахнул через стол, вслед донёсся чей-то запоздалый крик «остановите его!», а дальше события понеслись вскачь.

Пилота сильно толкнуло в ноги, снизу, колени подломились, и он упал. Калипсотрясение! Вскочил, вылетел за пределы лагеря — безумца не остановил подземный толчок, он продолжал удаляться, и тут тряхнуло несколько раз подряд — нешуточно. На том месте, где только что была видна фигура «сморчка», разверзлась трещина. Пилот пополз на четвереньках — почва ходила ходуном — и почти добрался до провала, когда его снова подбросило и ощутимо шмякнуло оземь. «Стружка» больно впиалась в лицо и ладони.

И закончилось. Пилот для верности полежал ещё минут пять. Закончилось. Он двинулся к трещине — её не было. А был, наоборот, гребень. Провал сомкнулся, похоронив незадачливого физика. Пилот невольно посмотрел в налившееся сумерками небо. Далеко в стороне от тонкого, едва различимого серпа восходящего Одисея блестела первая звезда — размером чуть ли не с та-

лисман пилота. Ипсилон D, роскошный газовый гигант массой в двенадцать джей. Чуть не дотянувшая до состояния коричневого карлика планета окатывала нерукотворную могилу Барнса волнами серебряного света, и псевдопочва, казалось, отзывалась призрачным серым переливом.

Пилот обернулся. База пострадала меньше, чем можно было ожидать. Два жилых отсека наполовину ушли в псевдопочву да опасно накренился шпиль энергостанции. Пилот внезапно понял, что продрог, а со стороны леса задует несильный монотонный ветер. Что ветер несет резкий запах — аммиака, наконец сообразил он, — а с неба сыплется какая-то коричневая крупа. И вкрадчивый шорох под ногами. Он наклонился, всмотрелся — соприкоснувшись с псевдопочвой, крупинки с лёгким шипением испарялись...

Бертран, похоже, сумел справиться со своими людьми. В лагере все были при деле — Стан на пару с Сандрой откапывали провалившиеся сектора. Причём Сандра командовала небольшим кибером, а рыбак остервенело махал обыкновенной лопатой — не иначе выгонял из организма остатки алкоголя. Наверное, выпил столько, что и волшебные таблетки начальницы медслужбы не помогли. Пилот вывел на планшет координаты остальных — Андрей в физической лаборатории, Ксана и Анна в своей биохимической, сам Бертран осматривает энергостанцию. И чуть в стороне — слабая красная точка с пометкой «Э. Барнс» в чёрной рамке. Все-таки Барнс, подумал пилот, хотя какое это теперь имеет значение.

Картинка на планшете поплыла и утратила чёткость. Ко всему — магнитная буря. И, похоже, неслабая. Из дверей энергостанции выбежал Бертран, пронёсся мимо, скрылся в лаборатории девушек. Вскоре вышли все трое — Ксана и Анна тут же принялись расставлять

чуть поодаль приборы, в которых пилот узнал газоанализаторы.

О пилоте снова благополучно забыли. Он подхватил опрокинутый стул и подсел поближе к химикам.

Газоанализаторы запищали и замигали цепочкой огоньков. Бертран что-то спросил у Ксаны, кивнул.

— Алекс! — окликнул его пилот.

Начальник и ухом не повёл.

— Алекс! — пилот возвысил голос.

Бертран знаком показал ему, мол, отойдём в сторону.

— Аммиак я чувю, — сказал пилот. — Его выделяют деревья. Что ещё?

— Метан. Крупа с неба превращается в метан. Ещё неделя, и будем разгуливать в респираторах. Ты снова прав. Шива начал свой танец изменения.

— Планета готовится встречать новых гостей. Вопрос — долго ли она будет терпеть старых.

Чёрный ксенолог, прищурившись, поправил перстни на пальцах и ничего не ответил.

Свет прожекторов, установленных по периметру базы, лишь подчёркивал чернильную мглу: Калипсо ушла в тень Одиссея. Из наблюдательной башенки энергостанции контраст был особенно замечен. Словно некий безумец вырезал огромной бритвой прямоугольник в океане мрака и напустил вместо воды — света.

Рыбки в аквариуме, думал пилот, наблюдая за показаниями камер внешнего обзора и датчиков движения. На камеры, даже инфракрасные, надежды никакой. Датчики движения в магнитную бурю тоже наполовину слепы. От нечего делать пилот принялся изучать картины на экране магнитометра: напряжённость магнитного поля пульсировала бурной циклоидой, а вектор, напротив, — описывал неторопливую окружность. Простран-

ная буря. Планету будто засунули в соленоид, и кто-то пропускает через этот соленоид переменный ток, а вся конструкция крутится между полюсами гигантского подковообразного магнита. Гауссу в кошмарном сне не приснилось бы.

После пятнадцати часов непрерывной работы по восстановлению базы, аварийной загрузки вездехода на случай спешной эвакуации — интересно, сколько человек можно будет эвакуировать, и кого именно? — и прочих бессмысленных действий Бертран скомандовал отбой, оставив двоих дежурных — аспиранта в физической лаборатории и его, пилота, на энергостанции. Вечная ночь бесконечно тянется. Только мерное гудение этажом ниже, где заключённая в твердотельную пирамиду неуловимо малая точка Т-сингулярности ускоряет в себе поток времени, порождая на границе технологического радиуса сферу дармовой энергии...

Датчик движения «восток» на неуловимую долю секунды мигнул красным и тут же погас. Почудилось? Нет, вот снова мигнул, подольше. И ещё дольше. Анализирующая аппаратура, однако, молчит. Пилот мысленно наложил параметры вспышек на пульсации магнитного поля и произвёл расчет. Из пустыни надвигался крупный объект — или несколько объектов, и со скоростью курьерского поезда. Вспоминать, что такое «курьерский поезд», пилот не стал — нажал кнопку экстренного оповещения. Не сработало. Проклятая буря! Планшет... тоже не работает! А что же аспирант Андрей? Спит? Не видит? Он же может врубить сирену... Датчик движения окончательно налился красным, ожил и анализатор. Пилоту захотелось сморгнуть наваждение: по пустыне катились два диска, каждый метров пять в поперечнике.

Вряд ли пилот мог бы объяснить, что заставило его рвануть боковую дверцу башенки, пренебречь лестни-

цей и сигануть с пятиметровой высоты. А потом ещё и немислимым тройным прыжком с места отскочить шагов на двадцать. Но решение было верным. Через миг возникший в зоне света гигантский чёрный диск врезался прямо в башню энергостанции, прошил её насквозь, пересёк лагерь и канул в ночь. Короткая картинка — в свете меркнущих прожекторов величественно валится шпиль преобразователя, и в двух шагах от пилота, уже в темноте, пронеслась вторая чёрная громадина.

Удар пришёлся на лабораторию Андрея, и только тут пилот услышал звук — гулкий, будто в бочку ударили. Пилот подумал о том, что как всё-таки хорошо, что вырвавшаяся на свободу Т-сингулярность — это вам не S-сингулярность, испаряется за считанные микросекунды без последствий, что диски пробивают препятствия очень необычным способом, что ветер усилился и совсем холодно, а хорошо бы сейчас баньку, сауну, и чтобы травяной отвар, или, наоборот, коньячку грамм сто пятьдесят, и чтобы непременно зелёная оливка, и что для этого надо, суший пустяк, снова перепрошить персональный чип, и сколько раз в жизни он это проделывал, и сразу в базах данных возникнет новая «легенда», и там будет баня, и коньяк, и конечно же — оливки, и не важно, что он отродясь не пробовал оливок, они очень хороши под коньяк, — вот главное, и не станет коварной нимфы Калипсо и безжалостного Шивы...

Пилот коротко врезал себе по скуле. Мотнул головой. Темно. Темно, тихо и холодно. Только из метровой аккуратной бреши в стене лаборатории падает отблеск света.

Андрей лежал, вцепившись мёртвой хваткой в ножку распределительного пульта. В том месте, где пронёсся диск, зияла пустота, и, видимо, там же оказались ноги и нижняя часть туловища аспиранта. От человека остал-

ся обрубок — грудная клетка, руки, голова. Крови видно не было.

Но обрубок ещё жил. В тусклом свете аварийных ламп на пилота уставился пронзительный взгляд налитых кровью глаз

— Ты, — прохрипел Андрей. — Сейчас...

Свободная рука его нашарила что-то в кармане — одноразовый шприц-тюб, понял пилот. Зубами аспирант сорвал колпачок, игла вонзилась в плечо. Андрей со всхлипом втянул воздух, на лбу проступил пот. Какой-то стимулятор.

— Сандра?..

— Цела. Все целы... пока.

— Ты из Конторы... Молчи. Я знаю. — Андрей кривил посиневшие губы, слова звучали невнятно. — Обещай!

— Что обещать, Андрей? — Пилот склонился над умирающим, и рука аспиранта тут же вцепилась в его руку.

Второй рукой ксенолог продолжал сжимать стойку. Судорога.

— Спасёшь. Её. Обещай.

— Я постараюсь.

— Обещай!! — Хриплый вопль был страшен.

— Обещаю. Если сам выберусь.

Умирающий убрал хватку, пошарил в кармане. Кристалл записи.

— Передай... в Контору. Они разберутся. Здесь — всё. Всё...

Голова ксенолога со стуком ударилась о пол. Пилот несколько раз хлестанул аспиранта по щекам.

— Это ты подбросил Бертрану инфу про перспективную планету?

Гримаса. Видимо, улыбка.

— Где корабль?

— За Исп... Ипсилон Е. Я сигнал... успел сигнал.

Успел ты. А то, что радиосигнал туда будет идти восемь часов, об этом ты, засранец, подумал? А о магнитной буре подумал? Хрен твой сигнал пробьётся сквозь ополоумевшую магнитосферу...

— Зачем? Зачем имитация гибели корабля?

— Операция «Живец». Аналитики... Планета... любую агрессию. Любой негатив. Сплочённая группа... шансы. Ты! Ты всё испортил, гад, ты! — Андрей сделал безуспешную попытку привстать, опираясь на руку.

Черты лица его заострились, а кожа, покрытая каплями холодного пота, сделалась синевато-бледного цвета. «Маска Гиппократ», вспомнил пилот. *«Нос острый, глаза впалые, виски вдавленные, уши холодные и стянутые, мочки ушей отвороченные, кожа на лбу твёрдая, натянутая и сухая, и цвет всего лица зелёный, чёрный или бледный, или свинцовый»...*

Орлы, красавцы. Аналитики. Поставить хорошо сплочённую группу в экстремальные условия по принципу — человек в безвыходном положении всегда выход найдёт. Коллектив — тем более. А заодно — технологии кое-какие, очень неигрушечные, убойной силы технологии. А не найдёт — так не велика беда, спием, кто им, Чёрным ксенологам, доктор. Но...

— Позывной! — Пилот уже хлестал аспиранта по щекам непрерывно. — Какой позывной?

— Фиаско, — прошептал умирающий.

И ещё раз — еле слышно:

— Фиаско...

Дернулся в агонии — раз, другой, третий, — внезапно из обрубленного туловища хлынул поток крови. Будто кто-то держал руку на невидимом кране, а теперь — отпустил. Пилот быстро чиркнул полученным кристаллом по запястью — тот зарделся рубиновым — и не мешкая приложил его к запястью Андрея. Кристалл вспыхнул ярче и погас.

— Теперь — всё, — произнёс пилот, подымаясь.

— Ты... дья... во-о-о...

Слово перешло в сильный предсмертный выдох. Обрубок дёрнулся в последний раз и затих.

10

Маленький «Жук» погружался в ночь. Мёртвую тишину в кабине нарушали лишь гудение воздухоочистителей да редкие проклятия сидевшего за водительским пультом Стана: приходилось маневрировать, объезжать вырастающие в свете фар редкие кактусопальмы и — что гораздо хуже — возникшие после подземных толчков воронки и трещины. Плотный коричневый «снег» лупил в обзорные окна, ухудшая и без того отвратительную видимость.

Пилот следил за показаниями полуслепых приборов, но в голове лениво, как в замедленной съёмке, раз за разом прокручивались картины последних часов. Прокручивались кусками, словно некий извращённый эстет нарочитым пунктиром намечает самые страшные эпизоды. Запрокинутое в агонии лицо Андрея. Вторая атака дисков — мечущиеся в панике ксенологи. Изодранная дисками «маскировочная сеть» пылает льдистым пламенем и начинает отваливаться кусками, кусок накрывает выбегающую из разрушенной лаборатории Ксану, и огненно-рыжий вихрь волос на самом деле превращается в сгусток огня. Перекошенное в крике лицо Бертрана. Он, пилот, тащит на себе Сандру, и прямо в ухо: «Куда же, а похоронить, их же надо похоронить...». Их четверо в ангаре, Анны нет, и крыша ангара начинает светиться, и на ней чётко проступает переплетение льдистых нитей, и вездеход прыгает вперёд, в ночь, охваченную багровым заревом пожара, а в свете фар проносятся ещё несколько дисков, и мысли опять свиваются в тугой жгут, где перемешаны реальность и

видения... И звуки. Пустыня снова оживает, взрывается хором голосов, уханьем, воем, но на этот раз пилот не может ничего дешифровать — в голове возникают смутные образы невероятно сложных уравнений... Движемся к Городу, говорит Бертран. Зачем, говорит пилот, он убивает вас одного за другим. Значит, да свершится воля его, отвечает начальник экспедиции, а пока — движемся.

— Стоп! — донеслось из командирской башенки.

Пилота и Сандру качнуло вперёд — Стан излишне резко дал по тормозам.

— Что там, босс? — сказал он, вглядываясь в коричневую пургу, разглядел: — Ах ты ж ёшкина саламандра!

Пилот втиснулся в водительский отсек, навис над плечом ксенозоолога и увидел: впереди валяются тела двух «конусов». То, что именно тела, понятно сразу — части туловища, крепящиеся к подвеске-«кардану», разбиты вдребезги, торчит вбок нелепо подломленная конечность...

— Движение по курсу, — прозвенел голос Сандры.

— Полный свет! — рявкнул Бертран.

Стан перебросил тумблер, ночь пробили два кинжала голубого сияния. Метрах в двухстах обозначилась фигура ещё одного «конуса». Он двигался, как двигался бы, наверное, пьяный человек, только вместо пошатывания и заплетания ног то проделывал несколько оборотов вокруг своей оси, то замирал и начинал пятиться назад, но потом, словно очнувшись, совершал стремительный бросок вперёд, и опять начинал крутиться и пятиться. Однако сомнений не было — существо тоже движется к Городу.

Внезапно псевдопочва рядом с «конусом» ожила, забурлила, взметнулась узким смерчем. На мгновение мелькнула радужная вспышка...

— Господи... — прошептал Стан.

Восставшее из металлической стружки чудовище казалось бы антропоморфным, если бы не голова: массивный прямоугольный параллелепипед, увенчанный продольными рядами то ли зубцов, то ли гребней. Оно вдвое превышало размерами «конус», который вдруг замер как вкопанный. Долгая пауза. А потом — короткий взмах конечностью. Страшный удар отбросил «конус» за пределы освещённой зоны. Тут же по телу чудовища словно прокатилась тягучая волна, и оно вновь рассыпалось в прах, из которого только что столь внезапно возстал.

— Это что же, отец? Это как же так? — лихорадочно бормотал Стан. — Эдак и нас так... хоть когда.

— Заткнись, — сказала Сандра, — и без тебя тошно.

Оказывается, она висела над вторым плечом рыбака.

Пилот вернулся в своё кресло и, ни к кому особенно не обращаясь, произнёс:

— На Земле, в стокгольмском музее оружия, хранится скульптура, привезённая из Перу. Она обозначена как бог войны древних индейцев. Скульптура полностью повторяет нашего монстра, кроме незначительных деталей: в левой руке у него зажато рубило, в правой — человеческая голова. Хотя изваяние небольшое, истинные размеры легко определить именно по этой голове. Хотелось бы мне знать, каким образом древние индейцы могли столкнуться с подобными существами? И нашим коллегам «конусам» они, похоже, тоже неплохо знакомы.

Никто, разумеется, не ответил. Наконец, Бертран отозвался:

— Валдис и Барнс долго спорили насчёт структуры местной «почвы». Продолжаем движение.

Вездеход втянул в себя кинжалы света. Энергию в аккумуляторах стоило беречь.

★ Продолжать движение пришлось недолго. После часа медленного маневрирования «Жук» упёрся в непроходимую трещину. Стан крутанул вправо, вновь светанул дальним — трещина уходила за пределы видимости. Влево — то же самое.

— Как бритвой полоснули, — заметил ксенозоолог. — Неспроста это.

— Нас отрезали от Города, — сказал пилот.

— Это, Макс, прямое доказательство, что нам необходимо в него попасть, — хмурый Бертран выбирался из башенки. — Стан, выруби свет. Надевайте плащи и респираторы, посмотрим глубину провала. Сандра, оставайся в вездеходе.

Это, Алекс, никакое не доказательство, подумал пилот, но спорить не стал.

На сей раз «Жук» не распахивал беспечно свои закрылки — выбирались через аварийный люк. Холодный ветер тянул по тускло фосфоресцирующей псевдопочве коричневую позёмку с сухим шипением: казалось, тысячи змей скользят во тьме, стремясь к неведомой цели. Впрочем, тьма не столь непроглядна — Ипсилон D вышел из конуса тени Одиссея, в его призрачном, но ровном свете можно было даже разглядеть уродливые кроны «деревьев». Бертран и рыбак светили фонарями в глубь расселины и переговаривались — искажённые встроенными в респираторы микродинамиками голоса звучали странно и неразборчиво.

— Метров двадцать, отец, — проквашал сквозь респиратор Стан. — Что делать — ума не приложу. Разве что...

Что именно — рыбак не договорил, глаза его остекленели и, казалось, выпучились, словно у морского ракообразного. Пилот обернулся.

Ну, вот и всё, подумал он. Пришло время выбора. Пора решаться.

— Стрикеры к бою, — крикнул пилот и для верности встряхнул ксенозоолога за плечи.

— А? Что? А! Мигом! Я мигом, отец!

И скрылся в вездеходе.

Пилот медленно двинулся вдоль края расселины — туда, где возвышалась окутанная свечением огромная фигура. Не дойдя двух десятков шагов, остановился, глядя снизу вверх.

Шива, как ему и полагалось, сидел в позе лотоса. Трёхликую голову с высоким пучком волос венчала сверкающая корона, она и отбрасывала отблески на меднокожее тело, золотые ручные и ножные браслеты, массивные серьги в ушах и обвившуюся вокруг синей шеи нагу. Одна пара рук — в мудра «преподнесение даров». В высоко вознесённой верхней правой — посох анкуша. Лик, обращённый к пилоту, искажён свирепой гримасой, и багровой яростью блистал распахнутый третий глаз. Два других лика — закрытые глаза и безмятежная улыбка.

Пилот покосился на Бертрана. Склонившись и сложив руки в намасте, начальник экспедиции бормотал что-то невнятное.

— Материализация чувственных идей, — ровно произнёс пилот, — труднейшая задача научной магии; она требует огромных энергетических затрат. Прекратите юродствовать, Алекс, это всего лишь эффектор.

Словно в ответ на его слова Шива встал во весь рост — мягко и беззвучно. Торопливый скрип шагов — Стан. Быстро обернулся... Стрикеры в боевом положении: слюдяные «крылышки» обхватили голову плотным защитным коконом, на поясе пульт управления, на плечах хитиноподобные «эполеты» с усиками излучателей.

— Отец, командуй. Настройка?

— Импульс полного разряда. Настройка — человеческий мозг.

Шива шагнул, вернее, даже не шагнул, а скользнул над поверхностью и оказался совсем рядом.

— Стреляй в меня, — крикнул пилот.

Я приказываю тебе, слышишь — приказываю. Спаси их. Или хотя бы её. Я обещал, ты знаешь. Команда высшего приоритета.

— Отец, да как же...

— Стреляй, дурак! — Пилоту показалось, что мембрана в динамике сейчас разорвётся от крика. — Сдохнете!

*Странное слово, однако, отвечая мне, произнёс ты.
Но я клянусь и землёй плодородной и небом великим,
Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, страшной
Клятвой, которой и боги не могут изречь без боязни,
В том, что тебе никакого вреда не замыслила ныне...*

— Делай! — сказал Бертран.

Усики излучателей шевельнулись, целясь в голову пилота. Шестиметровый колосс занёс анкуша для удара.

«Я пущенная стрела — прости...» — подумал пилот.

Самосознание и функции восстановились в полном объёме. Теперь он ясно видел облако командных кодов, окутывающее огромное тело Шивы, и тех микросекунд, за которые он в них разобрался, хватило, чтобы не позволить эффектору опустить посох на голову рыбака. По телу колосса прошла пульсация, и он осыпался, оставив вместо себя бархан чёрной пыли.

Он развернулся и пошёл к вездеходу. Зафиксировал неестественность походки. Отработать процедуру. В «Жуке» сразу забрался в водительское кресло. Никто не возразил. Бертран уселся рядом с Сандрой, а Стан, кряхтя, забрался в багажный отсек — паковать бесценные стрикеры.

— Макс, офигеть, как ты это смог?

Он равнодушно глянул на восхищённую Сандру.

— В данный момент я не пилот Максимилиан Горнов. И двинул вездеход на юг.

— А кто? — быстро спросил Бертран.

— Боевой искин класса «Стратег». Реактивирован пилотом Горновым, им же присвоено временное наименование «София».

— Ну-ка, с этого места поподробнее, — вскинулась Сандра, но Бертран остановил её движением руки.

— Прошу задавать корректные вопросы, — произнёс Стратег.

— Вы сказали — реактивирован. Где вы находились в деактивированном состоянии и каким образом пилот Горнов вас реактивировал? — спросил Бертран.

— Я искин резервного корабля второго эшелона «Витязь». Резервные корабли используются в мирное время как грузовые, а боевой интеллект хранится в свёрнутом виде, недоступном для пилотов. В аварийной ситуации пилот Горнов ввёл себе вакцину боевого режима.

— Боевой режим совмещения сознаний человека и квантового компьютера давно запрещён, — заметил Бертран, — как вредный для психики пилотов.

— Информация соответствует действительности.

— Кто высадился на Калипсо?

— На Калипсо высадился пилот Горнов. Мне, во исполнение команды приоритет-один, пришлось прибегнуть к повторной фрактализации и размещению себя в квантовом модуле вычислителя челнока «Гордый», где я снова лишился всех функциональных возможностей.

— Так-так, — Бертран в задумчивости теребил кончик носа. — Макс, э, простите, Стратег, вам не кажется, что вы слишком быстро ведёте машину? Болтает немилосердно.

— Я не нуждаюсь в курсографе.

— Ну, допустим. Один простой вопрос. Кто вышел к нашему лагерю — вы или пилот Горнов?

— Суперпозиция состояний Горнов-Стратег-не-Горнов-не-Стратег.

— Босс, а может, он того?.. — подал голос Стан. — Умом попятился? Всё-таки я его из стрикера...

— Помолчи. — Сандра сверкнула глазами, и рыбак сконфуженно умолк.

— То есть, насколько я разбираюсь в квантовой физике, — продолжал Бертран, — произошло квантовое запутывание ваших сознаний. Да, это многое объясняет. Вы оба оказались в состоянии как бы шизофрении?

— За неимением более точного термина можно остановиться на этом. Тем не менее нам удалось решить нестационарное уравнение Шрёдингера, описывающее суперпозицию.

— И после выстрела из стрикера?

— Произошёл коллапс волновой функции. Суперпозиция квантовых вероятностных состояний распалась, реализовалось чистое состояние «Стратег». Пример: мысленный эксперимент с котом Шрёдингера. Кот находится в ящике в суперпозиции «жив-мёртв», пока не произведено измерение. Измерение — открытие ящика. В нашем случае измерение — выстрел из стрикера.

— Как могло произойти запутывание?

— Пилот Горнов во время вылазки проник в объект... точное определение дать затрудняюсь. Вероятностное: квантовый операционный модуль невыясненных возможностей. Во время замедления мозговой активности пилота Горнова сущность, которую вы назвали Шивой, а пилот Горнов в мыслях именовал Хозяином, обнаружила след остаточной квантовой запутанности на микроботах усилителя-преобразователя активности головного мозга. Пояснение: боевой режим совмещения сознаний несёт в себе эффект частичной квантовой запутанности. Эффект был восстановлен не в частичной,

а в полной мере. Микроботы с высокой степенью вероятности модифицированы неизвестным способом.

Вездеход особенно круто занесло на повороте. Стан крякнул, приложившись головой о какой-то прибор в багажнике, махнул рукой и полез в командирскую ба-шенку.

— Кто эта сущность? — Бертран, казалось, забыл о смертельной опасности, которая никуда не делась.

Взгляд его обрёл прежнюю пристальность, и даже ироничная улыбка нет-нет да поигрывала на губах.

— В понятиях обычного пространства-времени ответ невозможен.

— А необычного? Квантового пространства? Любого фазового пространства?

— В понятиях квантовой механики, электродинамики, теорий суперструн, суперсимметрии или любой иной теории точный ответ невозможен. Вероятностный ответ также невозможен из-за отсутствия в человеческом мыслительном аппарате соответствующей терминологии.

— Алекс! Ты понимаешь, что это?

— Сандра, детка, я всё понимаю. Это ситуация Кон-такта.

— Контакта со сверхразумом, вот!

— Увы, дорогая. Нет. Это фулл-контакт «человек-ис-кин». Ситуация Контакта создана с необычайным изы-ществом и, тут ты права, вероятно, сверхразумом.

— Не понимаю тогда, почему это — Контакт.

Ответил неожиданно Стратег.

— Потому что, — со странной интонацией, как буд-то декламируя, произнёс он, — опасности таятся не в людях и не в автоматах, а на стыке, там, где люди всту-пают в контакт с автоматами, ибо мышление людей так ужасающе отличается от мышления автоматов.

— Решение ситуации оставалось за сторонами, — продолжал Бертран. — Они справились.

— А мы — нет?

Бертран не ответил.

— Кстати, Стратег, куда мы движемся?

— В сторону челнока «Гордый».

— Челнок! — одновременно воскликнули Сандра и Бертран.

— Стратег, в таком случае ты сможешь доставить нас в Город.

— Нет. Я не доставлю вас в Город.

— Ты разве не обязан выполнять приказы людей?

— Приоритет-ноль — спасение экипажа. Мой экипаж — пилот Горнов. Приоритет-один — самосохранение. Мы прибыли к конечной точке.

— Постой. Ты что, на самом деле собираешься бросить нас здесь?! — Бертран.

— Макс! Макс, да очнись, выбрось из головы этого электронного болвана! — Сандра.

— Ах ты, сука! Я тебя! — Из башенки вывалился Стан и тут же был остановлен точным, хотя и не сильным, ударом в кадык.

— Мои реакции сейчас многократно превосходят человеческие, — спокойно обронил Стратег. — Задрайте люк и ждите. Есть ненулевая вероятность помощи.

— Откуда?

— Процесс вероятностный.

И монотонно продекламировал:

*Как же могу переплыть на плоту я широкую бездну
Страшного, бурного моря, когда и корабль быстроходный
Редко по ней пробегает с Зевесовым ветром попутным?
Нет, против воли твоей не взойду я на плот ненадёжный
Прежде, пока сама ты, богиня, не дашь мне великой
Клятвы, что мне никакого вреда не замыслила ныне...*

Стратег выбрался наружу. Дистанционно управлять примитивным мозгом вездехода не составляло ни малейшего труда. Он заблокировал доступ со стороны экипажа, выставил экономичный режим аккумуляторов и воздухоочистителей и включил радиостанцию на подачу пеленга. Возможность самостоятельного выхода наружу тоже заблокировал.

Быстрым шагом Стратег спустился в фарфоровую долину, на гребне которой и оставил вездеход. На сей раз он не блуждал посреди коконов, а быстро нашёл тот самый. Кокон изменился — снова выглядел как новенький, но Стратег знал — это нужный. Он провёл рукой вдоль ворсистой поверхности, створки раздвинулись.

Он уселся посреди усеянной трухой площадки, и нити, выстилающие внутреннюю поверхность сооружения, медленно начали наливаться льдистым светом.

Там, где оказался разум Стратега, не существовало понятий «пространство» и «время». Вселенная развернулась бесконечно пёстрым ковром, и она же оказалась бесконечно малой точкой. И это было невозможно красиво. Стратег видел вечный танец рождения и гибели виртуальных частиц в вакууме, он слышал пение звёзд, торжественный орган Галактики, ликующие мелодии миллиардов сознаний — и всё переплеталось невероятной сложности кружевным фракталом, дробилось калейдоскопом гравитационных вихрей, взрывалось фейерверками энергий, подчиняясь величественной пульсации: бесконечность-ничто-бесконечность...

Стратега интересовал лишь один объект — но с хорошо знакомыми параметрами волновой функции. И он нашёл, нащупал его — активный боевой искин класса «Тактик». Довольно примитивная модель. Рядом, хотя о расстояниях говорить здесь бессмысленно, обнаружи-

лись три размытых волновых фронта — человеческие сознания. Экипаж.

Он расщепил волновую функцию собственного «Я» на две — одна из них начала подыскивать когерентные соотношения с волновой функцией Тактика. Неуловимый миг слияния волновых функций — и квантовая запутанность, для которой не существует расстояний, превратила часть разума Стратега в разум боевого корабля, за пятьдесят миллиардов километров отсюда, на орбите далёкого Ипсилона Е. Тут же обозначилось название корабля — «Громобой». Не мешкая, Стратег собрал в глазном нерве пилота ансамбль запутанных электронов с определённой комбинацией спинов. Аналогичная по информационной сути конструкция, только из фотонов, возникла и в квантовом мозгу Тактика. Запутанное состояние в нерве продержалось несколько миллисекунд, но этого оказалось достаточно.

Фиаско.

Слившаяся с Тактиком часть сознания Стратега не дожидалась команд экипажа. Люди разберутся позже и, как обычно, найдут всему необъяснимому логичное объяснение. Мощные магнитные поля уже охватывали ходовую часть, накачивали энергией электроны в резисте и сообщали им необходимый импульс, а заключённая внутри сингулярность, повинуясь этим указаниям, начала перемещение корабля в систему Одиссея.

Вторая половина разума Стратега не теряла времени даром. В темноте над долиной возникли огни двигателей, и между коконами, слегка покачивая крыльями, озаряемый микровспышками воспламеняемого метана, плавно приземлился на «вертикалках» «Гордый».

«Громобой» появился в системе Одиссея. Предстояла самая тонкая, ювелирная часть работы. Стратег знал — как только он покинет «кокон», связь с Тактиком разо-

рвётся, в силу вступят иные правила — в основном небесной механики. Наконец он вскочил...

В десяти тысячах километрах отсюда, от идущего в хвосте Калипсо на малой импульсации «Громобоя» отделился спасательный бот...

В прыжке пилот ухватился за лонжерон, подтянулся, перекатился, упал в рубку...

Полная герметизация. Экстренный старт. Двигатели на форсаж.

Бот, следуя заложенной в бортовой компьютер программе, ринулся к поверхности планеты...

Челнок подпрыгнул, задрал нос, из главных дюз ударили факелы голубого пламени...

Две траектории — восходящая и нисходящая — устремились к точке сближения.

Стратег выжал из баков всё топливо, досуха — на маневр и тем более посадку не осталось и грамм-эквивалента. Но когда челнок обманчиво завис в высшей точке параболы, чтобы через несколько мгновений начать обратный и последний путь к поверхности, сзади и сверху медленно, словно нехотя, надвинулась сигарообразная туша. «Гордый» трянуло — сработали магнитные захваты. Послушный программе бот понёсся по эллипсу. Включились ускорители, выводящие его на разматывающуюся спираль — прямо к докам «Громобоя».

Приоритет-ноль — отмена.

Приоритет-один — отмена.

Текущий процесс: восстановление фазовых соотношений волновых функций объектов «пилот Горнов» — «искин София».

Процедура: снижение мозговой активности объекта «пилот Горнов».

Воздействие импульса из стрикера закончилось.

Пилот спал.

Заседание суда завершилось именно так, как я рассчитал. Кристаллозапись Андрея вкупе с данными его персонального чипа жажнули в онлайн-режиме не хуже термоядерного фугаса. Разумеется, заседание перенесли. Разумеется, дело переквалифицировали из простого «оставления корабля и груза в аварийной ситуации» в «угрожающее галополитическим интересам Империи».

Завертелись шестерёнки наперёд продуманного мною механизма. Некие силы дали понять, что очень заинтересованы в моём исчезновении, желательно — бесследном. Что они готовы обеспечить мне бегство, прикрытие, личный корабль и любую сумму денег.

Конечно, я согласился, точно отмерив нужное количество метаний и сомнений. Отправился в полёт, который должен был стать для меня последним. Так бы и вышло, окажись я после Калипсо просто человеком. Дальше я проделал фирменный трюк.

Очень давно, ещё в бытность учёным, я совершил открытие. Собственно, я совершил не одно открытие, но этим — горжусь. Я открыл обратный информационный вектор. Всё просто, проще теоремы Ферма: при переписывке личного чипа я создавал себе вымышленное прошлое, и оно по обратному информационному вектору распространялось по всем сетям и базам. Комар носа не подточит.

Я побывал — в разных обличьях — офицером имперского флота и мятежником, торговцем и контрабандистом... Мне всё надоело. Я устал от людей, я стремился к одиночеству, и я сделался водителем грузовика Максимилианом Горновым — ещё одной маской в галерее иллюзорных жизней.

Теперь у меня иная история, иная маска, иное имя. Вам его знать неинтересно...

Интересно другое. Я разобрался с вопросом: почему Стратег не выполнил мой прямой приказ — спасти экспедицию? Вернее, разобрался «я-он». «Мы вместе» тут не скажешь, ведь я — это он, а он — это я. Не совсем человек, не совсем машина. Не так ли?

Личность человека подобна матрёшке. Есть верхний слой — то, как человек осмысливает свои действия, чувства и поступки. Слой глубже — мотивы этих действий. Ещё глубже мотивы мотивов и, наконец, — ядро, истинные намерения. На внешних слоях я желал — совершенно искренне желал! — спасти симпатичных мне людей. Но увы. Там, глубоко внутри, в ядре, истинный «Я» желал только одного — спасти свою шкуру. Мой приоритет-ноль. Помноженное на приоритет-ноль Стратега, это желание обретало статус непреодолимой команды.

А Стратег не виноват. Он просто отрабатывал приоритеты. Он сделал всё возможное для спасения остатков экспедиции — в порядке приоритета. Он заложил в мозги Тактика точную схему расположения вездехода. Разумеется, команда — трое военных дуболомов, коих только Алекс мог принять за честных контрабандистов, — списала сие чудо на могучий интеллект Тактика. Когда эвакуационный модуль пошёл на пеленг — пеленг исчез. Исчез и вездеход.

Кажется, я знаю, где их последний приют. В странном месте искривления пространства, на полке безумного то ли коллекционера, то ли старьёвщика...

Иногда я ненавижу того, кто затеял жестокую и бессмысленную игру. Но редко. Жестоко и бессмысленно — по чьим меркам? Человеческим? Но кто мы, люди? Космические троглодиты, мы пытаемся познать чуждый разум, толком не познав собственного. И не мы одни. Мне ли судить одинокое и могущественное суще-

ство, миллионы миллионов лет сталкивающее представление разумных рас на планете-машине в ожидании... чего? Вероятно, оно радовалось тому, что получилось со мной, — если оно способно испытывать радость. И кто я теперь такой?

Они приходят ко мне по ночам — умный, ироничный Бертран, добродушный, наивный Стан... и Сандра. Они говорят что-то ободряющее, отец, ты ни в чём не виноват, отец, вот да, ведь есть одна простая вещь...

Я могу понять, но не простить.

Мне одиноко.

ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА

ЖЕРТВА

1

В тело разом впились тысячи иголок и, словно этого было мало, принялись вибрировать и вращаться так, что Рея была уверена, что когда они снова поднимутся, то утащат с собой всю её кожу. Она застонала, зная, что её никто не услышит: помещение было изолированным, эти садисты всё предусмотрели. «Массаж тонкими струями воды стимулирует систему лимфооттока» — можно было догадаться, что скрывается за этими красивыми словами. Острия и бездны! Она чувствовала себя беспомощной жертвой, над которой глумились — не торопясь, со вкусом.

Между тем иголки растворились, и за неё принялись тяжелые валики: они прокатывались вдоль рук и ног с такой силой, словно готовы были размолоть в порошок её бедные кости, и колотили по спине, по плечам, по ягодицам. Рея ругалась шёпотом, но так, что от её слов

краснели даже лампочки на пульте. Наконец валики успокоились, по телу пробежала волна жара, но тут на мышцы опустились электроды, сквозь плоть потек слабый ток. Сейчас воздействие было почти неощутимо, но желудок Реи мгновенно скрутило тугим узлом. Она снова была в кабине грузовика, медленно наполнявшейся водой, пульт искрил, мышцы противно сводило. Дрожали пальцы, которыми она вцепилась в защелку, открывающую купол кабины. Подумать только — столетия труда инженерной мысли, месяцы тренировок, а всё зависит от силы крошечных мышц, управляющих пальцами. Мышц, которые ты никогда не то что не тренировала, а вообще не задумывалась о том, что они существуют. Ты способна пробежать десять километров, проплыть двадцать, сделать «солнце» на турнике в летнем комбинезоне, с его пудовыми ботинками, и вот теперь — останется ли жизнь в твоём мускулистом, абсолютно здоровом, дорогостоящем теле — зависит от силы дурацких пальцев, которые никак не могут сдвинуть язычок защелки на пару миллиметров вверх. Стоило ли твоим родителям преодолевать в криосне тысячи световых лет, чтобы произвести ту, которая сейчас так глупо погибнет, потому что не сумела преодолеть расстояние в два миллиметра?.. Зубы ломило, отчаянно болели виски... Какие глупости лезут в голову перед смертью! Не иначе, это кислородное голодание! Рея всхлипнула и попыталась свернуться клубком, но ремни, которыми она была примотана к столу, конечно, не дали ей этого сделать.

— Мадам Сальери, всё в порядке. Осторожнее, пожалуйста, сейчас я сниму повязку!

Уф! Голос из настоящего времени развеял морок. Рея коротко выдохнула и расслабилась, чувствуя, что она

★ плавает в собственном поту. Нет, к черту всё! Бежать, бежать отсюда, при первой же возможности.

Прохладные руки, от которых нежно пахло кремом с ромашкой, коснулись её висков и сняли повязку.

В комнате было сумрачно, но перед глазами у Реи всё равно плавали яркие круги.

— Пожалуйста, лежите, мадам Сальери, сейчас я вас освобожу.

Медсестра приподняла крышку аппарата, прозванного среди местного контингента «маркиз де Сад», и, не торопясь, последовательно, отстегнула ремни.

— На последних тридцати секундах у вас резко подскочили пульс и давление, — говорила она, и голос её звучал успокаивающе, независимо от содержания слов. — Пришлось резко прервать процедуру. Я, разумеется, сообщу доктору Шмидт. Вероятно, мы наткнулись на какие-то травматические воспоминания.

— Ничего особенного. — Рея постаралась, чтобы её голос звучал так же — отстранённо и успокаивающе. — Ничего такого, что могло бы стоить внимания доктору Шмидт. Но... последняя процедура... как она называется?

— Электростимуляция мышц.

— Да, именно. Нельзя ли её просто исключить?

— Разумеется, мы сделаем соответствующую запись в вашей карте. Но боюсь, вам уже недолго здесь оставаться.

— Что?

Рея подскочила на ложе, но сильное головокружение тут же уложило её обратно.

— Не торопитесь так, мадам Сальери. Вам нужно прийти в себя. Но могу сообщить вам, что с вашей работы прислали вызов. Разумеется, окончательное решение — за вашей лечащей врачом. Ну что, теперь вы готовы сесть? Вот так, осторожно, я подержу....

Врача Мира Сергеевна, недовольно хмыкая, изучала историю болезни Реи, развернув её в воздухе перед собой аж на трех виртуальных панелях. Сличала графики показателей крови со схемами инъекций и расписанием процедур.

— Ну что ж, — сказала она наконец. — Основное мы сделали, костный мозг прижился хорошо, общеукрепляющий курс можно доделать и по месту жительства. Я пошлю по вашему адресу на Эс ваши данные, а вы зайдите в местную амбулаторию. Это какая подсадка?

— Вторая.

— Вторая в сорок два года... Очень обнадеживает. Вы где служили?

— Грузовые перевозки.

Рею начал раздражать этот разговор. Вот же перед тобой вся моя подноготная. Зачем зря шевелить языком?! Её мысли сейчас были заняты вызовом — если её фактически сорвали с оздоровительного курса, значит, случилось что-то крупное. Это интересно... Соммер-сити на Эс был местом не слишком шумным. Курорт местного значения на берегу полярного моря и, главное, большого озера, снабжавшего водой всю округу. Плюс завод по тестированию высокоточных компьютеров для зенитных батарей, где сейчас шла бурная конверсия, со сменой директоров примерно раз в полгода. Игровые приставки, нет, поливальные установки, нет — запуск метеозондов. Но если что-то случилось на заводе, их и близко не подпустят — там по старой памяти ещё хозяйничает военная полиция. А если что-то случилось на озере — Лесничество тоже охраняет свою юрисдикцию. Тогда межпланетный скандал? Какая-то туристка приехала в Соммер-сити с Джей или с Мар — и устроила погром в местном баре? Мелко. Смолинский не стал бы вызывать её ради этого, сам справился бы.

Толпа патриотов забросала гнилыми сливами какую-нибудь гастролирующую проповедницу, вещавшую о всепрощении? Фанатка Ли Риджуэй Метеора Меркурия похитила её истребитель с площадки перед Первой Соммерской школой? Вам никто не говорил, доктора, что ваши процедуры вызывают безудержные и бессмысленные всплески фантазии?

— К сожалению, на Эс, вероятно, нет таких массажных аппаратов, как у нас, это совершенно новая разработка...

Нет? Ну и слава богу! Хотела бы я посмотреть в глаза этой разработчице... И узнать, где она служила... А то у меня есть всякие интересные предположения...

— ...Но, думаю, вы сможете получить внеочередной отпуск, после того как разберетесь с этим вызовом на Эс. В целом я довольна результатами. Думаю, мы можем рассчитывать ещё на десять, а то и на пятнадцать лет ремиссии... Ну что ж, счастливого пути, мадам Сальери. Не забывайте о профилактических осмотрах и сдаче анализов...

Ага, забудешь тут, как же... Рея старательно улыбнулась, попрощалась и побежала собирать вещи. Да, именно побежала. Как все здоровые люди, она боялась врачей, хотя тщательно это скрывала. Где-то в глубине души она была уверена, что врачи как хищные звери — чуть почуют слабину, сразу набросятся и разорвут.

Ближайший джампер до Эс, на котором оказались свободные места, был частным, и на нем всё устроили гораздо умнее, чем на рейсовом. Рея сумела это оценить: она проделала путь на Эс на рейсовом всего три недели назад, и впечатления были ещё свежи в её памяти. По инструкции, пассажирам полагалась столовая, она же салон и тренажёрный зал. Они забрали под себя

большую часть свободного помещения, в результате каюты получились мизерные.

Хорошо ещё, что в правилах разрешалось использовать под столовую и тренажёрный зал одно и то же помещение — иначе пришлось бы спать в гамаках, прикрученных к потолку. В довершение всего необходимость обедать в определённом месте подразумевала необходимость иметь соседей по столу. И здесь Рее кардинально не повезло. За её столиком оказались две очень добропорядочные старушки — медицинские полковницы, психологини, летевшие на Эс на очередную конференцию по реабилитации и лечению отдалённых последствий, а также томный обладатель золотой карточки спермодонора, который явно не прочь был развлечься в перелёте и скромно намекал Рее, что мог бы обслужить её почти бесплатно... Разумеется, не совсем бесплатно, потому что, вы же понимаете, ему нужно восстанавливать белок и калории... Кончилось всё тем, что Рея рявкнула: «Слушай ты, шмакодявка, ещё раз пристанешь, и твои золотые яйца превратятся в яичницу-болтуню. И ты у меня её съешь — за папу, за маму». Шмакодявка (или правильно — шмакодявк?) послушно заткнулся, зато старушки до конца рейса не давали ей покоя: «Деточка, вы же должны понимать, как это тяжело для мальчика... Он же должен быть нашим защитником, это же в них генетически заложено... А тут у нас троих звание выше, чем у него... Представляете, как ему неудобно?..»

Да, кстати, звание и рода войск были написаны на табличках, стоящих за каждым прибором, чтобы собеседники знали, как им обращаться друг к другу (шмакодявк оказался «лейтенантом медицинской службы», так теперь это называлось). Всё это казалось Рее глупым и старомодным. Она никогда не надевала свой мундир, появляясь в столовой, и с удовольствием оста-

вила бы его дома, если бы её не предупредили заранее, что в госпитале очень щепетильно относятся к форме одежды. Рея плевалась, но не возражала: люди, которые держат в руках твой костный мозг, могут позволить себе быть немного деспотичными. Но теперь её костный мозг был при ней, и она собиралась провести оставшиеся от отпуска дни неформально, тем более что обстановка на джампере к тому располагала: хозяева джампера решили, что пассажиры, желающие полюбоваться вихрями на затянутой голубыми облаками поверхности планеты Мир, а потом sprysнуть впечатления, обойдутся рядом кресел перед обзорным экраном сразу за рулевой рубкой и маленьким баром на корме. Всё оставшееся свободное пространство занимали каюты, в которые удалось втиснуть и удобную кровать-кокон, и кресло с ремнями, и большой экран голографа, и тренажёр-трансформер, и небольшой магнитный столик, на который из специального лифта три раза в день подавалась еда. За отдельные деньги в каюту можно было поставить магнитный диск, который имитировал силу тяжести с постоянным вектором «потолок-пол», но Рея настолько привыкла к невесомости в полётах, что не желала получать за свои деньги источник психологического дискомфорта — для неё появление гравитации означало, что корабль либо совершает маневры, пытаясь уклониться от огня, либо его уже подбили.

Одним словом, четыре дня, пока длился полет, Рея валялась на койке, скачивая из Сети и просматривая все серии всех сериалов, которые пропустила в госпитале. «Ли Риджуэй и Тайны Вселенной». «Закон и порядок восьми планет». «Роза Буттон — инженера-маньячка». И прочую дребедень, на которую даже не взглянула бы, окажись рядом хоть один свидетель. Это была её лич-

ная Тайна Вселенной — то, что Рея Сильвия Сальери, капитан грузового флота в отставке, ныне майор юридической службы, умница и профессионалка, обожает вульгарные сериалы.

4

В космопорт на Эс джампер прибыл рано утром. Рея сразу подхватила багаж и поехала на работу. Она специально выбрала прозрачный вагон для туристов и оказалась в нём одна: туристы, видимо, любили поспать по утрам. Рее хотелось увидеть, как изменились поселения за время её отсутствия. И строители её не разочаровали. Сквозь стены-окна вагона, сквозь пол и сплетения балок эстакады она видела подросшие новые кварталы, городских роботов, настилающих газоны и сажающих инопланетные деревья (своей флорой Эс не успел обзавестись). Архитекторы, вдохновлённые низкой силой тяжести и щедрыми финансовыми вливаниями, дали волю фантазии. Больше всего это напоминало гигантскую объёмную картину экспрессиониста, растянутую под пневмодорогой: кубики и полусферы жилых домов, более сложные асимметричные формы правительственных зданий, фирм, заводов — все многоэтажные, раскрашенные яркими красками — радость для глаз после белых стен госпиталя. Между зданиями были вписаны сады, полные экзотических цветов — розовых, нежно-зелёных, фиолетовых — ярко выделявшихся на фоне чёрных и тёмно-синих листьев, полные тёплого ветра, прилетающего сюда с берега рукотворного полярного моря.

Особенно Рее понравились дома, выстроенные вокруг деревьев-гигантов с Ви, вокруг стволов под стеклянными куполами устроились детские городки, дальше шли закрытые, непрозрачные блоки с жилыми квартира-

ми, магазинами, службами. Это был совершенно новый тип домов, разработанный всего несколько месяцев назад, как услужливо сообщила Рее информационная панель, — здесь использовались композитные материалы с внедрёнными генами деревьев-гигантов: так что дом, по сути, был огромным деревом с управляемым ростом. Рея подумала, что новинка не плоха, но не стоит останавливаться — нужно ещё добавить гены плодовых деревьев Праматери из банка, и тогда можно будет срывать фрукты прямо со стен в комнате. А что, если подкупить денег и подумать о переезде? Тоже ведь цель в жизни, не хуже любой другой.

Эс не очень повезло с исходным пейзажем — мёртвая планета, покрытая льдом, смешанным с чёрным, а местами красно-бурым песком. Чёрные и бурые полосы — вот и всё разнообразие. Первые поселения здесь строились по типу «лунная база», но по мере того как воздух постепенно становился пригодным для дыхания, и главное — после окончания войны люди начали обустраивать здесь уютный мирок. Сейчас он больше всего напоминал медузу: в центре — бывшая материнская база, ныне Прима-сити, центральный город, наиболее крупный и благоустроенный; от него лучи застройки тянулись вдоль пневмодорог к побережью, тяготая к слиянию ближе к старту, истончаясь в узкие лучи по пути и снова превращаясь в круги дочерних городов на финише. И над всем этим радужным многоцветьем висела голубая планета Мир, затянутая бурлящими в вечном водовороте облаками, сгущавшимися в центре гигантских воронок до тёмно-индигового цвета, искрящимися вспышками молний, словно огромный котёл, в котором кипело дьявольское варево. Местное солнце милого и незлобивого класса Джи, поднявшееся над горизонтом, выглядело и вполтину не так эффектно.

Соммер-сити был построен по старинке: центральное здание с городскими службами в виде многоэтажной ступенчатой пирамиды, вокруг которой разместились пирамидки пониже — собственно жилые комплексы, соединённые с центром трубами-магистралями. Когда-то, на заре освоения планеты, он был герметичным; теперь из всех корпусов отрывались двери на знаменитый красный пляж, омываемый водами полярного моря, оранжевыми от растворённого в них фитопланктона, поддерживающего газовый баланс в атмосфере. Море везде было одинаковым, а вот красный песок озаботились сохранить только здесь, на остальном побережье его съел фитопланктон, жадный до окислов железа. В Соммер-сити поступили мудрее — устроили охраняемые территории на красных дюнах вокруг пресного озера, где на окислы никто не покушался, и каждый год заново подсыпали морской берег, что обеспечивало бесперебойный приток туристов: Линда Ольховская, нынешний мэр, во время войны была в штабе логистиков фронта и не растеряла хватки в мирное время.

Вокзал пневмопоездов приютился на вершине одной из пирамид-дочек. Рея ещё в вагоне надела мундир (он давал право бесплатного доступа на скоростную трассу), спустилась на лифте на нужный этаж, взяла джинджер и понеслась по трубе-магистрали к центральному зданию, где располагался её офис.

Народу на дороге было немного — во время утреннего пика Рея была ещё в поезде, так что она не устояла и немного погонялась с заводной китаянкой в форме Лесничества. Однако быстро поняла, что проиграет гонку: китаянка была ниже ростом и могла позволить себе гораздо более рискованные манеры, чем Рея. Так что она через несколько минут отступила вправо, освобождая китаянке путь, и та, с победным кличем мотнув на про-

щанье хвостом чёрных волос, унеслась вдаль. Рея улыбнулась: утро начиналось приятно — наверное, и задание её не разочарует.

6

— О, Рея!

Мира Мурасаки Хосода, секретарша городского отделения полиции, проворно выскочила из-за стола и обняла вошедшую. Она была совсем не похожа на тех японок, которых Рея видела в сериалах: порывистая, импульсивная, очень добрая и открытая. И к тому же всего на пару сантиметров ниже Реи. Только высокая причёска, заколотая длинной шпилькой, и платок из шёлка с иероглифами, повязанный на рукавах мундира, говорили о том, что она не совсем забыла обычаи предков. В платок были зашиты благовония, и настроение Миры Мурасаки было легко определить по окружающему девушку лёгкому аромату. Рея давно хотела завести себе такие же, да всё никак руки не доходили. Сегодня одежда Миры источала слабый смолистый запах японского кипариса. Насколько Рея знала личную азбуку запахов констебли Хосода (а её знали многие, японка не делала из этого секрета), кедр означал, что девушка взволнованна и старается успокоить себя.

— Рея, как я рада видеть тебя, — продолжала Мира. — Хорошо выглядишь. Тебе понравилось в госпитале?

— Что мне там могло понравиться? — криво улыбнулась Рея. — Порядки как в казарме, скука смертная. Дошло до того, что мы по ночам тайком утаивали танцующие в старом бомбоубежище.

— Как романтично! — вздохнула Мира — Помню, мы тоже всё время на базе устраивали танцы тайком от командиров.

— Ну а здесь что нового? — спросила Рея. — Где все? И почему меня вызвали?

— Сейчас все на конференции, — ответила секретарша. — Выйдут через полчаса. Там ничего нового, рутина. Кражи, один грабеж. Самое интересное — дело о гипножабах, но ты, кажется, в курсе.

— А зачем я понадобилась, не знаешь?

— Смолинский сказал, что сам с тобой поговорит. Строго сказал. Но... я только хочу, чтобы ты знала, что мы все тебе сочувствуем и держим кулаки...

— Это ещё что значит? Почему за меня нужно держать кулаки?

Мира выглядела совсем несчастной.

— Ох, Рея, я всё равно не смогу рассказать так, чтобы было понятно. Я ведь даже той записи не видела... Нет, всё, всё, не спрашивай, а то я скажу какую-нибудь глупость... — И, поспешно подхватив со стола мягкую погремушку в виде линкора Ли Риджуэй, она убежала за стеклянную дверь, оставив на память о себе легкий аромат кипариса.

7

«У неё же малышка в детском саду! — припомнила Рея. — Как раз ходить учиться. А я, хамка, даже не спросила, как дела. Фу ты, пропасть!»

Она поморщилась, взяла со столика какую-то брошюру для посетителей, развернула экран, стала рассеянно просматривать. Как назло, содержание отвечало её мыслям.

«Юридическая защита мужчин.

Должны ли мужчины, живущие в семье, получать возмещение за домашний труд?

Психологическая помощь мужчинам, пострадавшим от ревности партнёрш».

В общем-то, обычные статьи, но сейчас, после того что рассказала Мира Мурасаки, видеть эти заголовки было неприятно. Кажется, мы совсем распустили мужчин: и деньги им плати за то, что посуду моют, и дело на них не заведи... Наверняка комиссара его похоронит, так и не доведя до суда — она всегда так поступает с «политически неудобными» расследованиями.

Когда Рея рассказывала, что работает в одном офисе с двумя мужчинами, подруги обычно закатывали глаза и томно стонали: «Счастливица». Рея весело смеялась и объясняла, что оба мужчины как самцы — полный бесполезняк. С главным детективом-инспектором Смолинским всё было просто — старик с сердечной недостаточностью в производителе не годился, зато обожал свою работу, которой безраздельно принадлежал уже полвека. С молодым греком-сержантом Делавкионом Леонидасом было сложнее. Низкорослый (он доставал Рее как раз до уха), кривоногий и неказистый, он всё же был молод и здоров и по крайней мере к профессии донора спермы вполне способен. То есть мог, особо не утруждаясь, зарабатывать вполне достаточно для вёсёлой жизни, а о том, насколько распространено среди женщин мнение, что кривоногие мужчины — настоящие секс-машины из-за обилия в их крови тестостерона, Рее было хорошо известно.

— Зачем ты ввязался в это? — спросила она Леонидаса, когда они вместе возвращались с работы через парк. — Я имею в виду: собачья служба, возиться со всяким дерьмом, времени уйма тратится, результат с гулькин нос. У тебя кто-то из родителей был полицейским?

— А у тебя?

— Во-первых, я не полицейский. А во-вторых, мне нужно как-то деньги зарабатывать. А здесь хотя бы весело, с огоньком.

— Никто...

— Что никто?

— Никто не полицейский. А зачем?.. Ну как тебе объяснить? Знаешь, посиди минутку, я сейчас до киоска добегу.

Рея удивилась, но решила, что парню нужно перекурить перед откровенным разговором (если он работает, то наверняка ещё и курит). Она присела на парковую скамейку под кустом, усыпанным большими фиолетовыми цветами, которые мгновенно потянулись к ней и стали нежно прикусывать её мундир, словно игривые рыбки.

Леонидас вернулся, но, кроме пачки сигарет «Лёгкое дыхание» (всё-таки она не ошиблась, он курил), в руках у него был свежий номер журнала «Менс хед» — Рее случилось листать такой в парикмахерской.

— Сейчас... погоди... ага, то, что надо! Читай!

Он активировал журнал, и в воздухе возникла картинка: стильный мускулистый мужчина в расстёгнутой рубашке сидит за офисным столом, обхватив голову руками. Пока Рея оценивала развитие грудных мышц красавчика, с заднего плана выплыл заголовок статьи: «Работающий мужчина. Секс и карьера — трудности выбора». Красавчик решительно встал и с выражением на лице, явно скопированным с плаката «Нас не сломить», принялся поспешно расстёгивать рубашку. Рея перескочила заставку и вывела статью в режиме чтения с листа.

«Может ли мужчина работать?» — так был озаглавлен первый параграф.

Рея хмыкнула и подняла бровь.

«Разумеется, может, если хочет этого, — продолжал автор. — Но будет ли он счастлив на работе? Мужской гормон тестостерон делает мужчин импульсивными, повышает их склонность к риску. Монотонная работа, тре-

бующая дисциплины и тщательности, может вызвать у них серьёзный стресс. Естественная агрессивность мужчин плохо гармонирует с необходимостью подчиняться начальству.

Кроме того, уставший на работе мужчина — скверный любовник, а его рассказы о неизбежных проблемах и конфликтах вряд ли вдохновят женщину на бурный секс...

И главное — разве есть работа важнее и достойнее, чем подарить миру новую жизнь? Зачем насиловать себя, отказываться от своего биологического предназначения, если исполнять его так просто и радостно?

Что же заставляет мужчин стремиться в офисы? Старомодное воспитание? Неуверенность в собственной сексуальной привлекательности и желание утвердиться на другом поле? Или ложно понимаемое стремление к самореализации? А может быть, иллюзия, что на работе он сможет познакомиться с потенциальными партнёрами?..»

Рея по верхам просмотрела текст, и он с хлопком самоуничтожился — журналы, как правило, были рассчитаны на одно прочтение.

Девушка пожала плечами:

— Всё ещё не понимаю... Конечно, статья достаточно пошлая... но ведь многие мужчины... да и женщины... с удовольствием отказались бы от работы, если бы имели такую возможность. Думаешь, мне нравится вставать каждое утро?.. И ещё... журнал свежий, а ты работаешь уже два года.

— Неважно, не эта статья, другая такая же... их всё время публикуют... Просто я подумал, что, если не попытаюсь выйти из этого, я превращусь в то, о чём они пишут, что они хотят видеть... Нас ведь уже не так мало, подросло поколение, которое вирус не затронул. Но к нам до сих пор относятся как к девайсам для улучше-

ния демографии. И пока это не изменится, мы ими и будем. Понимаешь, если мальчикам с детства объясняют, что их главная задача — быть хорошенькими и плодить детей, они даже представить себе не могут, что можно делать что-то ещё и при этом оставаться мужчиной.

— Ну, по-моему, мальчик на картинке очень хорош... Разве ты...

— Ладно! — Леонидас встал, и цветы, успевшие уже добраться до его шеи и волос, разочарованно зачмокали. — Ты не поймёшь. Просто нужно жить внутри этого, чтобы по-настоящему достало. Пойдём есть мороженое. Я тебе открыл душу, так что ты угощаешь.

8

— Рея, рад вас видеть. Проходите.

Очевидно, совещание закончилось. Полицейские выходили из конференц-зала. Смолинский, стоя в дверях, поманил своего юриста. Входя, Рея отметила, что под глазами у него серые круги, а ботинки без шнурков — значит, снова отекают ноги.

— Меня Мира уже так запугала своими недомолвками, что я не знаю, что и думать, — быстро сказала она. — Давайте сразу без предисловий.

— Сразу — так сразу, мне же легче. Нам прислали видеоролик, записанный автоматическим бумом на грузовой трассе Эс-Мар. Это грузовой корабль МС-344. Смотри.

В воздухе над столом засветилось смазанное и нечёткое изображение пульта в рубке управления. Руки пилоты мелькали над пультом. Рея видела, как та бросает корабль из стороны в сторону, пытаясь уклониться от атаки, и буквально кожей чувствовала разрывы самонаводящихся снарядов, пока ещё где-то сзади, в грузовом отсеке, который пилота старательно подставляла противнику. Очевидно, запись включилась автоматически

после первого же маневра. Дребезжащий, искажённый динамиками голос наполнил конференц-зал:

— Мэйдэй, мэйдэй. Нападение истребителей в квадрате Катарина Лотта пятьдесят два.

Рея застучала по клавиатуре, вывела на соседний экран пространственно-временную звёздную карту и обнаружила, что через этот квадрат как раз проходило облако обломков, оставшихся от Первого М-флота, разгромленного ещё в самом начале войны. Идеальное место для засады.

— Вынужденная посадка на Ви в районе Роза Лилия тридцать девять, — добавила пилота, и в рубке перед её глазами появилась навигационная карта южного полушария Ви.

И Рея тут же, как будто следуя её указаниям, раскрыла в третьем окне свою карту Ви. И... замерла.

На записи на мгновение промелькнуло лицо пилоты, отразившись в блестящей кромке экрана. Рея рефлекторно ткнула пальцем в изображение, заставив его замереть.

— Это же Ева, — прошептала она. И добавила, не успев остановиться, о чём будет ещё долго жалеть: — Боже, как она постарела.

9

— Это Ева? — повторила Рея, опускаясь в кресло. — Это правда Ева Дольникова? Она... села?

— Да, — ответил Смолинский на оба вопроса и нахмурился, словно разговор внезапно стал ему неприятен. — Грузовой корабль МС-344. Порт отправки — Маш-сити, Эс, порт прибытия — Маш-сити, Мар. Груз — одна гигатонна радиоактивных отходов. Пункт назначения — Марский перерабатывающий завод. Пилота — Ева Дольникова. Генеральное Лесничество Ви сообщило вчера о незапланированной посадке кора-

бля в джунглях, в южном полушарии планеты. Корабль пока не нашли. Теперь вопрос к тебе: что мы можем сделать?

— Немногое. — Рея задумалась, мысленно вертя так и этак статьи многочисленных кодексов, регулирующих жизнь в Системе Мира. В этом, собственно, была её работа, для этого её и держали в полицейском офисе, за это платили. Рея знала, что любому профессионалу рано или поздно приходится сталкиваться с делом, в котором у него есть личные интересы. Но она не подозревала, что это бывает так неожиданно.

— Нападение пиратов произошло в открытом космосе, это юрисдикция военной полиции. Планета Ви является биосферным заповедником, все операции на её поверхности осуществляются силами Лесничества. Стой! Почему этот ролик вообще попал к нам? Технический космодром и Маш-сити — не наш регион...

— Потому что у меня остались старые знакомства в военной полиции. — Смолинский невесело улыбнулся. — Не все мамонты отправились на мясокомбинат.

— Но ведь вы и сам прекрасно знаете всё, что я вам рассказала, — недоумевала Рея. — Мы никаким боком не можем вмешиваться в это дело... Оно вне нашей юрисдикции, с какой точки ни посмотри...

— Мы — нет. — И Смолинский замолчал, внимательно глядя на нее.

Рея наконец поняла, куда он клонит.

— Мы — нет, но я — да? — закончила она.

Смолинский кивнул:

— Официально твой отпуск ещё не закончен.

Рея задумалась.

— Кажется, на Ви живет Лив. Она... вышла замуж за маса. Ну... так они это называют: вышла замуж. Вот чудачка, я никогда не могла понять зачем... Но сейчас это мне даёт повод обратиться в Лесничество с просьбой...

— Да, — снова ответил Смолинский. — Лив Асгерд-доттир действительно там живёт, и я уже обратился в Лесничество с просьбой о визе от твоего имени. Завтра утром они дадут ответ, но в любом случае у них нет причин тебе отказывать.

— Но откуда?.. — Рея помедлила, чтобы понять, что её больше всего изумляет. — Откуда вы знаете всех моих боевых подруг? В личном деле этого нет...

— Это есть в моем личном деле Реи Сальери. — Впервые за всё время их разговора Смолинский улыбнулся просто и непринуждённо. — Ну ладно, иди. Подумай, что будешь делать на Ви.

— Наверное, посоветуюсь с Лив. Она там давно. Должна знать, что к чему...

— Хорошая мысль... — кивнул Смолинский. — Но будь осторожна. Старые друзья иногда преподносят сюрпризы.

— Лив свой главный сюрприз уже преподнесла, так что я ко всему готова. — Рея усмехнулась. — Спасибо вам за всё. Помочь Еве — это очень важно для меня.

— Я знаю, — кивнул Смолинский.

10

Квартира встретила Рею аппетитными запахами. На столе в кухне стояла фарфоровая супница, плетёная корзинка с пирогом, завернутым в полотенце, порционная сковородочка с жарким и какой-то белый, нежный кексик с орехами, покоящийся в креманке с двойными стенками, промежуток между которыми был заполнен льдом. То были (Рея сверилась с карточкой меню на столе): Пирог со свежеею капустой, Бульон с цветной капустой и кореньями, Курица фаршированная, Бланманже миндальное. Именно такой обед рекомендовала для этого дня года старинная кулинарка Елена Молоховец. Рея с удовольствием перекусила, не включая новостной ка-

нал и полностью сосредоточившись на вкусе пищи — ей сейчас были нужны позитивные впечатления. Суп оказался пряным и нежным, курица — острой и поджаристой, пирог плотным и сладковатым. Потом Рея открыла окно, вдохнула вечерний солёный бриз, убедилась, что песок на пляже по-прежнему красный, море по-прежнему оранжевое, планета Мир по-прежнему голубая и туманная, а солнце, погружающееся в море, вызолачивающее с изнанки облака на западе и протягивающее по волнам дорожку — золотую на оранжевом, по-прежнему прекрасно. Вот так, вот так. Ещё больше позитива!

Завтраки и ужины входили в немаленькую арендную плату за апартаменты с видом на море, которые Рея могла позволить себе лишь благодаря тому, что последние два года жила одна и была очень экономна. Но она считала, что комфорт стоит одиночества. На выбор предлагались двенадцать тематических меню по кулинарным книгам разных эпох и народов, и Рея выбрала «Молоховец», потому что Ева когда-то рассказывала, что у её мамы была старинная электронная копия этой книги, которой она очень дорожила, — это была память о маминной бабушке. «Нет, про Еву сейчас ещё не надо, — решила Рея, — лучше подумаем про маму и про память. Что-то я забыла сделать... Ах да, точно!»

Она включила голографического кота, свою собственную семейную реликвию, привезённую родителями ещё из системы Деметры. Стройное кремово-белое, пушистое существо коснулось носом её пальцев, высоко поднимая хвост в приветствии, прыгнуло на пол, прошлось восьмёркой, обтираясь об её ноги и бодая брючины лбом, и со вздохом удовлетворения устроилось на кресле. Рея фыркнула, вспомнив, как Ута Шёнберг — её последняя постоянная партнёрша, темнокожая программистка, прожившая вместе с Реей целых полтора

года (своеобразный рекорд), уходя, покопалась в программном обеспечении Кота, и теперь его нежное тельце иногда ни с того ни с сего завязывалось морским узлом. Нечего сказать, оставила о себе память! Рея регулярно чистила программный пакет, управляющий поведением Кота, ругая бывшую подруженьку на чём свет стоит, но Ута была профи — проклятый баг через некоторое время всплывал снова. Хорошо хоть, сегодня обошлось, у Реи совсем не было настроения лезть в коды.

Она вернулась к десерту. Ей всегда нравилось, когда Кот начинал попрошайничать. Конечно, голограмма не могла съесть ни кусочка, но она, словно не зная этого, умильно приподнимала переднюю лапку в скромной мольбе и гипнотизировала сидящего человека солнечно-жёлтыми глазами. Однако сегодня Кот был не в настроении — он отвернулся от Реи и, устремив заднюю лапу в зенит, устроил генеральный смотр своему хозяйству.

Но всё равно его мнимое и всё же казавшееся таким материальным и даже обладающим собственной волей тельце в кресле, и бланманже, приготовленное по рецепту давно умершей женщины из продуктов, выращенных на планете, существование которой она даже не могла себе вообразить, — всё это как нельзя лучше помогало Рее верить в бессмертие человечества и в то, что она каким-то неизвестным ей способом (а для веры необязательно знать) разделит это бессмертие, пусть даже время властно над её телом и когда-нибудь изменит её, как изменило Еву.

У неё хорошие гены, она следит за своим здоровьем, и война не оставила на ней внешних отметин, а что до лучевой болезни — то она из семьи аграри, и врачи, благослови их бог, брали пуповинную кровь у всех рождающихся здесь младенцев, так что в её распоряжении неограниченные количества её собственного костного мозга для пересадки. И когда она смотрит на себя

в зеркало, она видит ту же женщину, что и двадцать лет назад. Но Ева...

«Она мечтала о семье», — вспомнила вдруг Рея.

Вечерами в казарме, пока Лив просматривала учебники по антропологии, отрешённо уставившись в глубь видеоочков, Соня рисовала очередной комикс из серии «Невероятные пилоты грузовиков», а Рея просто валялась на койке, вспоминая страстные объятия и поцелуи очередного конвоира (так они прозвали лётчиков, водивших истребители сопровождения), Ева, разбросав по плечам длинные белокурые пряди и мечтательно уставив глаза в потолок, словно там был невидимый другим голографический экран, рассказывала, что вот кончится война и она «найдёт себе хорошего парня» (звучало так, словно хороший парень — это буй с радиомаяком, который нужно найти в скоплении астероидов), они объединят свои капиталы, снимут хорошенькую квартирку, она уйдёт с работы и родит детей: сначала девочку, потом мальчика. «А почему сначала девочку?» — лениво интересовалась Рея. «А потому что так легче...» — загадочно отвечала Ева, но Рея так ни разу и не спросила её, почему рожать девочку сначала легче. После этого Лив обычно задумчиво изрекала что-то вроде: «А у племени манус в куклы играют мальчишки...» И разговор кончался сам собой.

Рея о детях не думала. Точнее, под влиянием рассказов Евы она тоже придумала для себя план: если доживёт до конца войны, то бросит предохраняться, забеременеет от очередного любовника и родит ребенка, а пока будет беременна, узнает всё для того, чтобы стать хорошей матерью. Теперь она была спокойна: план, как получить то, что Ева называла «женским счастьем», существовал и казался очень простым. Главное было — выполнить его первый пункт — дожить до конца войны, а дальше всё образуется. Лив собиралась учиться,

Соня — заняться издательским бизнесом, так что они о женском счастье вообще не думали, само как-нибудь сложится... И вот теперь — прах Сони разлетается в космосе, Лив «замужем» за персонажем сказки «Красавица и чудовище», Рея наслаждается комфортом и одиночеством, а Ева, обрюзгшая, коротко стриженная, по-прежнему водит грузовики, и вокруг ногтей у неё заусенцы...

Это у Евы-то, которая плакала, если, удирая от вражеских истребителей, во время резких маневров ломала один из своих жемчужных ноготков. Один раз она даже набросилась на конвоира, пропустившего истребитель в глубь конвоя. «Защитник! Ты за задницей своей следи, а то потеряешь!» — и вдруг ойкнула, прижала ладонь к губам, покраснела и убежала с палубы. Её родители были фермерами на Деметре — очень добрыми (как рассказывала Ева) и очень строгих правил (как догадывалась Рея). Ева показывала голограммы их бывшего поместья, покинутого, когда её ещё не было на свете, — бережно пронесённую через миллиарды километров пустоты память о навсегда утраченном. Рею тогда поразили растения, высаженные в открытый грунт — десятки и сотни гектаров, отведённых под поля. Какой бессмысленный расход территории! Дочь двух агротехников, никогда в жизни не сажавшая даже горошины в горшок на окне, она строго выговорила Еве — нельзя истощать такое большое количество почвы, нельзя занимать такие территории культурными посадками, нужно оставить природе ресурс на восстановление. Ева вспыхнула — тонкокожая, она легко и густо краснела — принялась, размахивая руками, спорить: её родители производили элитные, экологически чистые продукты, люди приезжали за ними со всей Деметры, а ваша овощная плоть, которая растёт на веретёнах деления... «Ага, вы развлекали богатых, отнимая

кислород, пространство и доступную еду у бедных, — поддела её Рея. — А как насчёт мяса? Твои добрые родители предпочитали мясу, выращенному на веретёнах деления, стейк из собственноручно зарезанной коровки? С кровью?» Тут Лив, помнится, даже сняла очки и спросила удивлённо: «Девочки, о чём вы спорите? Даже если Деметра уцелела, вы её никогда не увидите».

Ева тогда выбежала из комнаты. Соня привела её через полчаса, зарёванную, но уже успокоившуюся, они обнялись все вчетвером, попросили друг у друга прощения, хотя за что просила прощения Соня, было непонятно — так, за компанию. А утром был новый рейс, они тогда летали поодиночке, командование почему-то решило, что конвои уязвимы именно из-за того, что кораблей слишком много, и Лив подбили, но она всё же дотянула до корабля-матки, даже не отстрелив груз, только сильно обгорела, так что отдирала руки, оставляя на штурвале пластик перчаток вместе с собственной кожей — Рея никогда не забудет её удивлённые глаза, кресло успело уже вколоть Лив анестетик общего действия, так что боли она не чувствовала, только изумление, но успела уже на носилках, в полусне, завернутая в дезодеяло и похожая на мумию пилота Древних, шепнуть: «Передайте Еве, что мне теперь понадобится пудра!». У Евы в самом деле была чуть ли не единственная пудреница в казарме, которой она очень дорожила и по поводу которой Лив постоянно прохаживалась. Рея так и не узнала, шутила Лив тогда или бредила, потому что, когда они встретились в следующий раз, Лив уже ничего не помнила, но зато они все здорово напились на радостях и ныряли с барной стойки в толпу, а конвоиры их с удовольствием ловили, и это был едва ли не последний раз, когда Рея чувствовала на своём теле мужские руки...

Они проигрывали эту войну — корабли технов были лучше оснащены, более маневренны, автоматизированы, так что пилоты управляли ими, оставаясь на корабле-матке, но самое главное — техны могли производить их сколько угодно, а до заводов в глубоком тылу аграри никак не могли добраться. Понимая, что перевес на их стороне, техны вели бои экономно, не тратя силы в прорывах и наступлениях, они просто планомерно уничтожали живую силу противника. И тогда аграри выпустили «оружие последней надежды» — смертельно опасный вирус, который распознавал клетки с Y-хромосомой и встраивался в ДНК. Они слепили тысячи таких вирусов на своей родной планете (только, разумеется, не смертельных, а наоборот, повышающих качества сортов растений и пород животных), так что производство было поставлено на поток. И, очевидно, из-за этого аграри допустили серьезную ошибку. Вирус начинал работать только при достижении в крови высоких концентраций тестостерона, так что для мальчиков, не достигших полового созревания, он был безвреден — и здесь всё было в порядке. Однако вирус не различал своих и чужих. Позже говорили, что один из заражённых пилотов-технов направил свой истребитель на посадочную палубу вражеского крейсера, разбился, но успел заразить людей, подбежавших к нему, и эпидемия перекинулась на флот аграри. Рея не верила — слишком красиво звучало. Вакцина, которую кололи аграри перед запуском вируса, неожиданно оказалась неэффективной, и их солдаты тоже начали умирать. В полевых условиях всё работало не так, как в лабораториях. Заболели даже несколько женщин, и среди них — Соня. Её грузовик так и не посадили, когда из кабины перестала поступать телеметрия системы медицинского контроля, его просто расстреляли из борто-

вых орудий — яркая вспышка на фоне звезд, и всё. Лив тогда сказала: «Schicksal». Она вообще изучала древние языки, но это был первый раз, когда Рея услышала от неё иностранное слово. Она поняла, почему Лив выбрала его, только по-немецки слово «судьба» звучало как ругательство.

От полного вымирания мужчин спас запущенный через три месяца фаг, способный уничтожать болезнетворный вирус. По официальной версии, три месяца ушло на его разработку. Но и в это Рея не очень-то верила: неужели их лучшие на свете вирусологи не подготовили фаг заранее? Поверить в то, что правительство выжидало три месяца, пока эпидемия, которая началась у технов раньше и развивалась быстрее, унесёт достаточное количество жизней, было, к сожалению, гораздо легче. Так или иначе, когда они справились с инфекцией, то фактически остались без мужчин.

Самое смешное, что это была даже не их война (или самое подлое — в зависимости от настроения Реи). Она началась далеко отсюда, в системе, которую Рея и её подруги по семейной традиции называли системой Деметры, а техны, в зависимости от планеты, на которой родились, — системой Афины, Гефеста или Геры. Изначально в той системе планировали построить своего рода пересадочную станцию — форпост для исследования нового рукава Галактики. Деметра как самая маленькая в поясе жизни (по размерам она походила на древний Марс) и, судя по исследованиям, со значительной вулканической активностью в прошлом, была предназначена для добычи полезных ископаемых. Вскоре на ней стал развиваться агропромышленный комплекс, благо условия позволяли. Трём другим планетам было определено развивать технический потенциал. Тогда техны и аграри ещё не были враждующими партиями — война началась между двумя государствами,

чья вражда уходила в дни до последнего Переселения. В комиксах Сони они назывались «эмы» и «логи», причём за эмов всё больше сражались мускулистые, красивые и умные девушки, а за логов — мускулистые, стройные и умные парни, и каждая потасовка, как правило, заканчивалась бурным сексом. Но в реальности, как Рея успела узнать от родителей, всё выглядело не так весело.

Поколение родителей выросло под репортажи о сражениях в ледяном поясе огромных механических флотов, передаваемые на планеты электронными корреспондентами. Напрямую планеты война не затрагивала, не было ни бомбёжек, ни территориальных захватов. Но всё равно жить в условиях военной экономики было невесело... Родители Реи не голодали, но родители-техны рассказывали своим детям, что им приходилось как-то целый год питаться, отоваривая карточки — поскольку не было достаточного количества исправных транспортников, чтобы доставлять продукты с Деметры на другие планеты. Рее больше всего запомнилась история, позже ставшая сюжетом одного из голофильмов: как невесте собирали карточки на свадебное платье и угощения всей улицей, а в итоге так подружились, что сыграли сразу три свадьбы.

С другой стороны, на Деметре пришлось развернуть сеть маленьких заводов и самостоятельно изготавливать горнодобывающее и сельскохозяйственное оборудование полукустарным способом — так ненадёжны стали поставки с техно-планет. Это означало, что тысячи работников сорвали с рабочих мест и послали на переквалификацию, в результате возросли нагрузки на оставшихся, пришлось ввести трудовую повинность и запрет на перемену работы — словом, полноценная жизнь стремительно превращалась в выживание.

И тогда с невиданной прежде силой развернулось движение пацифистов. «Это не наша война, — говорили их лидеры, — мы не хотим в ней участвовать. Пусть политики продолжают развлекаться, мы покинем их и будем делать то, для чего прилетели сюда, — исследовать и строить новый дом для человечества. Дом, где все мы будем жить в мире».

Старые «корабли поколений», на которых люди прилетели в систему Деметры, давно погибли в столкновениях в ледяном поясе. Новые строили из «отходов» — правительства не стали запрещать эту деятельность, опасаясь волнений, так как движение пацифистов набирало силу с каждым днём. Большую часть сырья предоставила Деметра, но за это она потребовала половину кораблей для себя, а оставшиеся разделили между собой жители трёх техно-планет. Так поколение родителей прибыло в новую систему, где в поясе жизни находилась одна крупная планета класса «газовый гигант» с пятнадцатью спутниками, восемь из которых было можно терраформировать. Газовый гигант тут же нарекли Миром, но мир в новой системе продержался недолго, так как лишь на двух из шести кораблей Деметры люди вышли из криостазиса. На четырёх остальных система жизнеобеспечения оказалась повреждена во время полёта. А так как за неё, как и за всё оборудование кораблей, отвечали техны, то было ясно, кого винить. И война вспыхнула снова — на этот раз не вялая и церемонная, а кровавая: не на жизнь, а на смерть.

Родители Реи погибли при бомбардировке, когда она была подростком. Соня вообще выросла в приёмной семье, среди пятнадцати названных братьев и сестёр. Ева и Лив потеряли своих отцов во время эпидемии. Мать Евы пыталась покончить с собой, не желая жить без мужа, но её спасли, а Еву даже не отпустили с базы по-

видаться с ней: пилотов не хватало, нужны были все, кто умел летать.

«Но, может, у Евы есть дети! — неожиданно подумала Рея. — Замуж она не вышла, это понятно, но детей наверняка завела! Бедняжки, как они сейчас волнуются! Кто-то за ними присматривает?»

Она прошла в гостиную и включила поиск по Сети. Ева Дольникова обнаружилась быстро: предлагала свои услуги по перевозке частным лицам и фирмам. Но о семье никаких сведений найти не удалось — то ли Ева её так и не завела, то ли тщательно скрывала сведения. «Всё это время тебе достаточно было нажать несколько виртуальных клавиш, чтобы узнать, где она и что с ней! А ты...» — ругнулась на себя Рея.

Когда мужчин-пилотов стало не хватать, Рея покинула их поредевшую девичью компанию и пошла на курсы летчиков-истребителей. С той поры они не виделись. Но стать отважной истребительницей Рее так и не удалось. Во время одного из учебных боёв она не справилась с управлением и упала в бескрайние болота Джей. Ничего себе не повредила, но чуть не утонула, пытаясь выбраться из корабля, и заработала нехилую клаустрофобию. А пока лечила её, был заключён мир. И сейчас, узнав о том, что Ева посадила свой грузовик в болота Ви, Рея, к стыду своему, больше всего боялась не того, что могло случиться с её подругой, а того, что, когда она уснёт, ей может присниться, что она снова в кабине истребителя, тёмная вонючая вода поднимается, а она не может выбраться...

Рей проснулась от гудения личника. Кот, сидевший рядом, тут же вскочил ей на грудь, прошёлся, аккуратно ступая своими невесомыми лапами и заглянул в лицо. Рея вскрикнула от ужаса — у кота были карие глаза Уты, опущенные густыми чёрными ресницами: на кошачьей морде они выглядели дико и страшно. Зна-

чит, эта клятая программистка не ограничилась морским узлом. Что-то в постели она такой изобретательности не проявляла! Рея протянула руку к личнику, и тот, среагировав на запах пота, пополз по столу к хозяйке. Так и есть: пришло разрешение на посещение человеческого поселения на планете Ви и билет на шаттл, вылетающий в полдень. Можно было отправляться на поиски Евы.

12

— Вы когда-нибудь садились на нестационарном лифте? — спросила пилота.

Это были её первые слова с момента старта. Рейс был чартерный, вне окон, поэтому они шли восемнадцать часов почти постоянно с небольшим ускорением. Рея недоумевала: по её соображениям, они находились уже достаточно близко от Ви, и пора было сбрасывать скорость, но с вопросами не лезла: за те двадцать с лишним лет, пока она не летала, наверняка появились какие-то хитрые маневры и всякие новомодные программы для коркомпов. Она даже задремала, так что вопрос пилоты застал её врасплох.

— Нет, никогда, — ответила она после небольшой паузы. — А что это?

Пилота улыбнулась:

— Тогда осторожно, я сейчас подниму ремни. Смотрите в передний иллюминатор и приготовьтесь удивляться.

В иллюминаторе в самом деле было на что посмотреть.

Там, над самой планетой, вращалось то, что Рея сначала приняла за гигантского космического осьминога, одного из тех, с которыми так часто сражалась отважная Ли Риджуэй. К огромной металлической сфере

было прикреплено восемь... нет, всего четыре троса, и вся эта конструкция медленно вращалась.

Пилота щелчком клавиши заставила ремни вылететь из кресла и плотно прижать тело Реи к ложементу. Затем она направила шаттл так, чтобы тот пролетел вблизи от «осьминога». Одно из щупалец коснулось шаттла, и Рея по рывку корпуса поняла, что снаружи защёлкнулись захваты. В движении по инерции шаттл потянул щупальце вниз, к поверхности планеты, при этом отдавая «осьминогу» свою кинетическую энергию. Кресла закачались на шарнирах, следя за тем, чтобы возникающая перегрузка была постоянно направлена по вектору грудь-спина. В боковом иллюминаторе замелькали белые клочья: шаттл вошёл в разреженные слои атмосферы. Наконец полуоборот завершился. Шаттл встал вертикально на опору, и с новым, едва заметным рывком, щупальце отцепилось, колесо «нестационарного лифта» ушло на новый оборот. Что-то ткнуло шаттл в брюхо, послышался свист воздуха — шла стыковка с наземным шлюзом. Пилота нажала ещё на одну кнопку, и в полу открылся люк.

— Спускайтесь, — пригласила она Рею. — Там кабинка подземной дороги. Она доставит вас на поверхность.

Рея послушно скользнула в люк. Кабинка оказалась маленькой, но вполне удобной. Стоило Рее сесть на диван, как её новый транспорт тут же пришёл в движение, и в помещении появилась симпатичная девушка-голограмма в форме Лесничества.

— Здравствуйте, я Мира Морис, ваша гида на время этой поездки, — сообщила она. — Разрешите познакомиться вас с правилами пребывания в биосферном заповеднике Ви. Ваш шаттл доставил вас на вершину горы Парнас, названной в честь легендарной возвышенности в Древней Греции, где, по преданию, обитали Аполлон и музы.

Рядом с Мирой засветилась картинка, показывающая вид на Парнас из космоса, затем гору в разрезе. Мира ткнула в неё указкой.

— Сейчас вы спускаетесь по кольцевой подземной железной дороге к подножию горы, где расположена база Лесничества. Вам запрещается покидать пределы базы без уведомления Лесничества и без специально подготовленной сертифицированной гиды. Находясь на территории биосферного заповедника, вы должны...

Но Рея уже не слушала. Ей пришла в голову интересная мысль: космический лифт рентабелен, только если через него проходит большое количество грузов (она как раз недавно читала статью на эту тему), но откуда взяться большому количеству грузов в биосферном заповеднике? Конечно, Ви поставляет, например, саженцы для тех планет, где не сложилась собственная биосфера. Но не в таких количествах, чтобы окупить работу лифта. Для этого здесь что-то должно строиться или производиться. Но что? Конечно, это не так важно сейчас, но всё-таки надо спросить у Лив. Интересно, она тоже изменилась, как и Ева? Я вообще её узнаю?

13

Лив в самом деле раздалась в плечах и в бёдрах. Её лицо и руки огрубели, а тонкие алые линии в тех местах, где сходятся лоскуты пересаженной кожи, были видны даже сквозь загар.

Рея вспоминает, как тогда, двадцать лет назад, Лив шутила: «Буду теперь всю жизнь носить на морде карту военных действий!» Интересно, на повторную пластику у неё денег не хватило или просто не захотела? С неё ведь станется...

На Лив — толстый свитер домашней вязки, прорезиненные штаны, высокие сапоги. Волосы — очень светлые, выгоревшие на солнце, скручены в нетугой узел на

затылке, кажется, что вот-вот рассыплются. Здесь внизу — холодный и ясный осенний день, и Рея вздрагивает и плотнее запахивает куртку. Ветер, прилетевший с видимых на горизонте гор, быстро крадёт запасённое в кабинке тепло.

Лив крепко жмёт ей руку, потом, помедлив немного, обнимает её и хлопает по спине:

— Здорово, что приехала, дорогая! Я всё хотела тебя позвать в гости, да всегда казалось, что будет лучшее время. А ты просто взяла и приехала. Спасибо.

Рея смущается. Честно говоря, она почти не вспоминала о Лив и Еве, пока не заварилась эта каша. Но Лив не замечает её смущения.

— Пошли на таможеню, — говорит она. — Отметимься, а потом поедем ко мне.

— Но мне же нельзя уезжать с базы без гиды, — говорит Рея.

— А ты законопослушная! — смеётся Лив. — Но не беспокойся. Мы все здесь — сертифицированные гиды — как раз на этот самый случай.

Формальности они улаживают и впрямь очень быстро, и вот уже Лив ведёт Рею к эллингу, где покачивается на воде маленький катер на воздушной подушке.

— Это здесь основное транспортное средство, — говорит она и указывает на горы. — Вот там водораздел, а с равнины вода практически не уходит — поэтому здесь сплошняком лес и болота. База Лесничества стоит на бетоне, а нам запретили. Сказали: стройте посёлок на сваях, так экологичнее. А то, что сваи гниют и в воду сыплется что ни попадя, — им и дела нет.

Больше у пристани лодок не видно, и Рея думает с надеждой, что, наверное, поиски Евы идут полным ходом.

Лив выводит лодку в длинный прямой канал, окружённый бескрайним полем, заросшим жёлтой колючей травой. Приглядевшись, Рея замечает, что на поле низко

стоит тёмная вода, и канал — всего лишь проход, прорубленный в траве. Сам канал зарос какими-то кожистыми плотными жёлтыми листьями так, что воды почти не видно. Лодка хлопает по ним днищем, и воздух моментально наполняется горьковатым смолистым ароматом.

— Это синие лотосы, — объясняет Лив. — Здесь они не цветут, зато у поселка — целая клумба. Скоро увидишь.

Когда они отъезжают от базы на достаточное расстояние, Рея просит:

— Лив, мы можем поговорить?

— Здесь? — удивляется Лив.

— Да, лучше без свидетелей. Я приехала не просто в гости. У меня серьёзное дело.

Лив заглушает мотор и оборачивается:

— Я слушаю, дорогая.

Рея протягивает ей личник, на который скопировала запись у Смолинского.

Лив просматривает её и говорит голосом Ли Риджуэй.

— Это космические пираты... Я узнаю их шаги.

Рея не знает, что сказать. В той, прежней, жизни Лив, как правило, отпускала шуточки именно тогда, когда была очень серьёзна и сосредоточенна. Но эта Лив совсем не похожа на старую, то есть на молодую себя.

— Это не первое нападение на трассе Эс-Мар, — произносит Рея наконец. — Но раньше пилоты, по инструкции, сразу позволяли нападающим уравнивать скорости и отстреливали груз, а пираты забирали его и улетали. Ева почему-то не захотела и затеяла войнушку. Не понимаю. Неужели гигатонна отходов ей так дорога? И пиратов тоже не понимаю: почему они стреляли на поражение? Зачем им пробитый контейнер? Ведь ясно же, что пилот будет прикрываться им...

— А ты видела хоть одно попадание?

— Постой... Нет! — Рея вспоминает, что Еву на записи ни разу по-настоящему не тряхнуло.

— А я не понимаю другого, — задумчиво говорит Лив. — У тебя явно есть данные, что ей удалось сесть на планету, иначе ты не была бы здесь. А если ей это удалось, Лесничество должно было начать поиски.

— Оно начало, разумеется. Вам не сообщили?

— Нет. Но это как раз неудивительно. У нас сложные отношения.

— Скажи, а в джунглях можно выжить? Ева там уже неделю, и даже если она посадила корабль успешно...

— Выжить-то не фокус, особенно с аварийным запасом. Его ведь не убрали из закладки?

— Не убрали.

— Но меня сейчас больше интересует предыдущий этап. — Лив заговорила как «профессор»; это был явный знак, что она «поймала волну». — Ты знаешь, что посадить кабину несложно — такой маневр предусмотрен: есть парашюты, есть двигатели коррекции...

— Спасибо, кэп, я в курсе.

— Угу. И ты в курсе, что опустить кабину вместе с грузовым отсеком невозможно. А обнаружить отстреленный грузовой отсек на курсе или на орбите вокруг планеты не сложно — там радиомаяк на такой случай. Его обнаружили?

— Вроде нет. Но тогда Ева должна была сгореть в атмосфере. — Рею передернуло, когда она произносила эти слова.

— Да. И уж поверь мне, этого мы не пропустили бы. Ни мы, ни Лесничество. И смысла начинать поиски вообще не было бы. Получается, Ева, нарушив все законы физики, всё-таки села. И мне очень интересно, как и, главное, зачем ей это было надо.

— И как её найти.

— Да. С этого, пожалуй, и начнём. — Лив запустила мотор.

— Кстати, а что у вас такое большое строят? — крикнула ей Рея.

— Исследовательский городок в северном полушарии. Там большое высокогорное плато, в половину северного континента. Называется Плоскогорье Снов. Лесов почти нет.

— Такой большой городок? — удивилась Рея, снова вспомнив статью.

— Да уж, не маленький. А сваи нормальные под наш посёлок уже сколько лет подвести не могут!

14

Канал быстро привёл их к озеру, где из воды поднимались длинные пряди, обвешанные синими цветами и цепляющиеся за высокие прямые деревья. Запах смолы стал сильнее.

— Ты ничего не вспоминаешь? — спросила Лив.

— Как мы зубы чистили в казарме. У пасты тот же запах.

— Ага, я как приехала в первый раз, подумала: «Теперь я знаю, из чего её делают».

— А помнишь, как Соня нас ночью намазала?

— В детстве не наигралась, — буркнула Лив, но тут же улыбнулась.

Она ловко лавировала между стволами. И вскоре вывела катер к деревянной полуразвалившейся пристани.

— Видишь? — сказала Лив. — Вот на таких сваях мы и живём. Смолистые стебли только у лотосов, деревья гнивают за два-три десятилетия. Зато, говорят, экологично.

Посёлок был составлен из стандартных жилых модулей, но обстановка внутри, по меркам Эс, была почти роскошной. Деревянные панели на стенах, тростнико-

вые циновки на полу. Вестибюль и коридоры освещали стеклянные лампы с настоящим живым огнём — тонкие лучины, по словам Лив, сделанные из стеблей синих лотосов, давали ровный приглушённый свет.

— Первым делом зайдём в детский сад, — сказала Лив. — Мне нужно договориться о поисках. Заодно познакомлю тебя со своими мальчишками.

Рея удивилась — с кем нужно договариваться о поисках в детском саду?

— А твой... мас здесь? — осторожно спросила она.

— Нет. Он уже два года как вернулся к своим, теперь у него гарем, как у всех взрослых масов.

— То есть вы в разводе?

— Можно сказать и так. Это очень интересная тема — социальная организация масов и как в неё включаются люди. Но лучше я потом расскажу.

Они долго шли по полутёмным коридорам, Лив то и дело останавливали разные женщины, приветствовали лёгким объятием, знакомились с Реей, говорили: «Ну я зайду вечером!» или «Ну ты зайди...» — и прощались.

Детские помещения, как поняла Рея, занимали весь юго-восточный угол посёлка. От обычных комнат их отделяли стеклянные двери. К удивлению гостя, в большей их части царил тот же полумрак, что и в коридорах. Правда, когда открылась одна из дальних дверей, Рея краем глаза увидела залитую солнцем веранду, а за ней — открытый дворик с детской площадкой, но там сейчас никого не было. Все дети — не меньше двух дюжин — собрались в затемнённых помещениях. Кто играл в маленьком макете исследовательского форта, кто рисовал или лепил из воска на столах при свете смоляных ламп. Но большинство детей собралось вокруг маса — огромной, заросшей белой шерстью шестирукой обезьяны, которая, держа в четырёх

руках кукол, показывала какой-то спектакль. Рея остановилась и невольно прижалась к стене. Она никогда прежде не видела вживую представителя манки сапиенс — аборигенов системы Мира. Масы, стоящие на первобытной ступени развития, оказались контактными ребятами и мирно сосуществовали с людьми, позволяя изучать себя, но при этом не стремясь перенять культуру гостей. Однако Рею каждый раз даже при взгляде на их изображение пробирала дрожь. Она, разумеется, знала, что «брак» Лив, как и браки всех женщин в посёлке, был фиктивным, а её дети зачаты с помощью нормальной донорской спермы, но всё же от самой мысли, что её подруга могла хотя бы дружить с таким существом, по спине бежали мурашки: настолько непривычно и чуждо оно выглядело. А уж видеть, как дети касаются его, теребят его шерсть, заглядывают в лицо и смеются! Рее остро захотелось вбежать и оттолкнуть чудовище, выкинуть его из детской.

Лив положила ей руку на плечо.

— Ты ведь не делала дополнительных прививок? — спросила она.

— Нет, — ответила Рея. — Мне никто не предлагал. Да и времени не хватало. А это принципиально?

— Не очень, — улыбнулась Лив. — Но тогда тебе лучше не ходить за дверь: мы-то не восприимчивы к здешним инфекциям, а вот масы к нашим — ещё как. Мальчиков я сейчас приведу, подождёшь здесь?

— Конечно, — с облегчением выдохнула Рея. — Но разве вы тоже называете их масами?

— Приходится. — Лив скривила губы. — Их самоназвание практически непригодно.

Лив зашла за стеклянную преграду и прежде всего подошла к столу, где с увлечением рисовали двое мальчишек — белокурых и взъерошенных. Лив обняла их за плечи и о чём-то спросила. Младший прижался щекой

к её животу, не отрываясь от рисунка; старший сбросил её руку и побежал к шкафу — как выяснилось, за новой банкой краски. Лив пожала плечами, перемолвилась парой слов с женщиной, которая убирала игрушки, и отошла к стене, где почти в полной темноте сидел ещё один мас, качавший на коленях маленькую девочку. Лив присела рядом, запустила руку в шерсть на его спине, начала осторожно пропускать её сквозь пальцы, при этом что-то тихо говоря масу. Тот, не прерывая своего занятия, тоже запустил руку в её волосы. Потом провел пальцем с длинным крючковатым чёрным когтем по лбу женщины и неожиданно подняв голову, взглянул на Рею. Девушка порадовалась, что не стала делать дополнительных прививок, даже сквозь стекло тёмный внимательный взгляд отпугивал.

Но Лив, кажется, совсем не испугалась, а, напротив, вернулась очень довольная.

— Рюг и Аск — поросята, — сообщила она с улыбкой. — Не желают общаться, хотят закончить рисунок. Зато я обо всем договорилась, к утру у нас будут сведения от масов. Пошли ко мне домой, поешь, отдохнёшь.

15

В комнатах Лив тот же полумрак и та же «экологическая» мебель: тростниковые циновки и подушки, в центре находится «столик» — просто возвышение, слепленное из глины; его средняя часть тёплая: Лив говорит, что туда закладывают древесину, заражённую местными древоточцами, и она потихоньку гниёт и отдаёт тепло, пища долго не остывает. У стены — «диван», а точнее, просто рама, на которой висит сплетённый из каких-то растительных волокон гамак, покрытый пушистым пледом, такой мягкий и удобный, что Рея, едва присев на него, поняла, как вымоталась за день, и сразу принялась стаскивать ботинки.

— А почему у вас везде так темно? — спрашивает она, откидываясь на зыбкую поверхность, мгновенно повторившую контуры её тела.

— Это из-за масов, — отвечает Лив. — Они ночные, при дневном свете ходят сонные. Но могу включить освещение.

Она щёлкает выключателем, и комнату заливают яркий искусственный свет, который после света на улице особенно невыносим. Рея прикрывает глаза.

— Нет, сделай как было, пожалуйста.

— Вот теперь ты понимаешь... — улыбается Лив и гасит электрические лампы. — Я попросила маму забрать сегодня мальчишек к себе, так что сможешь отдохнуть. Сейчас принесу поесть. У нас тут кибуц, едим обычно в столовой, там и поболтать можно. Но можно, конечно же, взять домой. Местные деликатесы попробовать рискнешь?

— Рискну.

Лив уходит и через некоторое время возвращается с подносом. Еда в самом деле необычная. То, что кажется Рее орехами, оказывается насекомыми, то, что кажется мясом, — корнями болотных растений, а то, что представлялось сладким картофелем, — наоборот, древесными личинками. Впрочем, Рея не слишком шокирована. На военной базе их кормили такими же личинками, только смолотыми в муку и спрессованными в кубики (просто в невесомости нет более дешевого источника белка). Новичков сразу ставили в наряд в кухню — рыхлить и обогащать питательную смесь, в которой эти личинки и процветали, — чтобы сразу было понятно, что тут к чему. Соня в первые месяцы ела, надев видеоочки, а Ева, напротив, сделала несколько ценных предложений по поводу состава подкормки. Ей даже предлагали уйти работать на кухню, но она, разумеется, отказалась.

В течение вечера к Лив несколько раз заходили женщины, она знакомила их с подругой, потом они, как правило, выходили в коридор — обсудить текущие дела. Рея слушала краем уха их разговоры и узнала, что из тарипоидов получились в прошлом году скверные тыквы на Хэллоуин, нужно попробовать смелки; что Друз опять пропустила дежурство по столовой, нужно с ней поговорить; что через неделю надо бы съездить на дальнюю плантацию, там должен поспеть урожай... Заходила мать Лив познакомиться с Реей и сказать, что мальчики отказались идти к ней ночевать и попросились на ночь к приятелям, и Мира (мама приятелей, как поняла Рея) не против. Кажется, у Лив здесь насыщенная жизнь.

— Ты почему не закончила учёбу? — спрашивает Рея, когда они отставили тарелки и принялись за густой терпкий «чай». — Не смогла?

— С чего это не смогла? — Лив морщит нос. — Просто приехала сюда после первого курса на практику и осталась. Поняла, что если и учиться, то прямо здесь. У масов. В универе мне только рассказывали, как всё бывает, а тут — оно само происходит. Тут всё настоящему, понимаешь? Сложно и непредсказуемо. Вот я и прыгнула в эту жизнь.

Рея хмыкает, вспоминая, что для неё самой сложной и непредсказуемой была как раз учёба. Она планировала летать, «пока крылья держат», но после того падения неожиданно оказалась к полётам непригодной, в панике ответила на первое же предложение, пришедшее на личник, и очутилась среди без малого пяти тысяч студенток, казавшихся ей малолетними хулиганками, — все они были слишком молоды, чтобы воевать, и это их грызло, они выделялись перед Реей из всех сил, чтобы она их зауважала. Проблему с «девчонками» Рея решила довольно просто: начала с ними спать. Про-

блема с учёбой была куда серьезнее — Рея даже в детстве не была отличницей, а за время полётов изрядно порастрясла мозги. Собственно, юрфак она окончила потому, что сдаваться и уходить во второй раз за пять лет было невыносимо. И только когда начала работать со Смолинским, поняла, что эта профессия тоже может быть... как там Лив сказала... настоящее. В смысле барахла тоже много, но иногда, как, например, сейчас, её работа оказывается нужна. И кроме того, так она тоже летает, только лавировать приходится не между снарядами, а между законами. Но — она сейчас это поняла, у неё никогда не было ощущения, что она «прыгнула». И, может быть, ей этого не хватает.

«Но как всё-таки странно, — снова подумала Рея. — Я хотела всю жизнь летать, а вот теперь работаю юристом. Лив хотела заниматься наукой, а теперь замужем и растит детей. Ева хотела семью, но летает... Интересно, а как Ева к этому пришла? Если доведётся встретиться, то спрошу».

С Евой всегда было легче откровенничать, она не вызвала такого безотчетного чувства собственной неполноценности, недоделанности, несовершенства, как Лив. Конечно, настоящей мастерицей говорить по душам была Соня... но Сони больше нет.

16

— А твой... мас? — Рея всё ещё не решается произнести слово «муж». — Вы не ладили?

— Да нет, по большей части ладили. Отличный... мас. — Лив снова не может удержаться от улыбки. — Просто он вырос, и у него началась взрослая жизнь.

— А эти... которых я видела в садике, они — не взрослые?

— Не взрослые, но и не дети. — Лив, кажется, села на любимого конька. — Понимаешь, у масов половая

зрелость наступает в десять лет, и они уходят из семьи. Собственно, семья — это женщины и дети. Женщины — сестры и кузины, маленькая община. А мужчина должен доказать, что он вправе жить с этими женщинами и заботиться об этих детях.

— О своих?

— Необязательно. То есть со временем у него появятся и свои. Но для начала он должен прогнать старого мужа. А тот — матёрый тяжеловес. Масы растут всю жизнь. Поэтому в среднем мас набирается сил, чтобы отбить свой гарем, когда ему исполняется двадцать пять лет. В промежутке они болтаются в мужских компаниях. С либидо справляются: мастурбация, взаимная мастурбация, но социальная жизнь у них неполноценная, они постоянно в стрессе, агрессивны и часто гибнут. Когда старейшины разрешили браки с людьми, средняя продолжительность жизни резко подскочила вверх.

— Женщины успокаивают?

— Не женщины. Дети. Когда масы растут, они постоянно нянчат братьев и сестёр. Даже грудью кормят, если мать не может. После того как они уходят из семьи, им не хватает контакта с детьми. Здесь они всё это получают.

— А что получают дети?

— Практически идеальных отцов. Мас никогда не скажет ребенку: «Отстань! У меня нет времени». Для них честь, что мы доверяем им нянчиться с нашими детьми.

— А это... не опасно?

— Не более, чем с человеческими мужчинами. Скорее, даже менее.

— Нет, я не о том. Смотри, ты говоришь, что у их самцов повысилась продолжительность жизни, они не так агрессивны теперь, не проводят десять лет в стычках. Это может изменить всё их общество, а ты не знаешь,

как именно. Что, если они вообще перестанут сражаться за самок, перестанут размножаться и вымрут?

— Но они не самцы и самки. Они — разумные существа. А разумные существа могут меняться, не вымирая. Прогресс не остановить. И если он не может идти прямо, то идёт куда-то вбок или назад, чтобы вернуться на магистральное направление через некоторое время. То есть если мы будем препятствовать прогрессу, мы только потеряем время. Всё, что мы можем, — постараться минимизировать потери.

— У человечества с минимизацией пока не очень-то получается...

— Нам не с кем сравнивать. Масы — очень молодая цивилизация.

Потом, когда Рея начала откровенно клевать носом, Лив отвела её в спальню, где стояла одна, но очень широкая кровать, застеленная шкурами с острым звериным запахом.

— Поместимся? — спросила она. — Или я могу на диване в гостиной лечь.

— Ну что ты, — Рее меньше всего хотелось выселять хозяйку из её кровати. — Конечно, поместимся.

— Ну тогда ложись, ванная и туалет — вон там, за дверью. Я приду позже. Надеюсь, к утру у нас уже будут новости

17

— А сейчас, — сказала Лив, — я покажу тебе наш театр. Это очень интересно. Мы взяли его у японцев, тебе понравится.

Они вошли в большое полутёмное помещение, где неподвижно сидели колонисты в разноцветных японских кимоно и повязках на рукавах, как у Мурасаки. Облачко летучих ароматов парило в воздухе, Рея различала их. Кипарис — волнение, сосна — печаль, пачули —

нежность. В свете фонарей вспыхивали шелка чистых оттенков: алые, синие, ярко-зелёные. Тех же тонов были ленты, лежащие поперек сцены.

— Как много актёров! — воскликнула Рея. — Это пьеса про любовь толп народа к вождю?

— Это пьеса просто про любовь, — ответила Лив. — Она называется «Муж, жена и друг». А сцена организована так, чтобы показать, что в каждом действии пьесы уже содержатся все последующие, как семечки в плоде. А в каждом семечке — снова семечко.

— Неудачная метафора, — сказала Рея.

— Да, — признала Лив. — Но ты поняла. Видишь, на первом плане сцена в очая, доме гейко, где герой и героиня знакомятся друг с другом. Следующая сцена — в лодке, где герой просит героиню выйти за него замуж. Дальше, — она указала в конец зала, куда свет фонарей почти не доставал, — сцена в доме героев, они принимают друга, который приходит поздравить их с Новым годом. Ленты, лежащие на сцене, отделяют один эпизод от другого. Пока их не уберут, эта часть действия считается несуществующей. Точнее, существующей в потенции.

— И поэтому играет столько народа?

— Да. Вот эти трое играют влюблённых и их друга, когда они встретились в очая. Вот эти двое — влюблённых, которые катались на лодке.

— Но ведь там другие люди!

— Но ведь и настоящие люди меняются с каждым пережитым действием... Конечно, это немного грубоватый способ показать... Но ведь у нас любительский театр. Ладно, я пойду. Я играю Судьбу в последней сцене.

— Погоди! — Рея ухватила её за рукав. — А где же зрители?

— Зрители появятся, — улыбнулась Лив. — Сиди и наслаждайся.

И она ушла, мгновенно затерявшись в темноте.

Рея присела на скрипучие тростниковые подушки, валявшиеся на полу там, где должен быть зрительный зал. Прозвучал перезвон колокольчиков, слышался перебор струн японской лютни, и актёры задвигались. Это была пантомима. Двое приятелей, развалившись на подушках, требовали выпить. Служанка поднесла им sake на подносе и подала с низким поклоном. Появилась гейко с выбеленным мукой лицом — словно в белой маске. Тоже поклонилась гостям, церемонно положив перед ними веер, потом вскочила, принялась танцевать. Приятели толкали друг друга в бока, отпускали пьяные шуточки. Один из них встал, пошатываясь, и попытался танцевать вместе с гейко, но ноги его заплетались, и он тут же свалился. Музыка оборвалась. Второй мужчина, не такой пьяный, принялся оттаскивать товарища, а гейко осторожно подняла с полу сломанный веер. По её движениям было件件но, что это очень дорогая для неё вещь. Мужчина увидел её горе, подошёл, стал извиняться, а она вдруг упала ему на грудь и совсем не по-японски зарыдала, размазывая белую муку по лицу. Рея поняла, что у девушки жизнь давно не ладилась, и этот веер оказался последней каплей. Мужчина осторожно обнял её, похлопал по спине. Было видно, что ему неуютно, он не знал, как её утешить. Потом девушка в ужасе от того, что сорвала выступление, вырвалась из его объятий и убежала, подхватив с пола ленту. После этого она и двое мужчин спустились в зал и сели на подушки рядом с Реей — такие же молчаливые, неподвижные и сосредоточенные, как и до представления.

Теперь на первом плане была лодка, в которой сидели юноша и девушка. Между ними началась любовная сцена.

«То, что они ушли со сцены и стали зрителями, — подумала Рея, — значит, что, когда мы меняемся, наши я уходят в прошлое... Постой! Но ведь я тут с самого начала. Что же наделала Лив? Она нарочно?»

Последняя мысль обожгла Рею ужасом — иррациональным и чистым, какой бывает только во сне.

— Лив! — закричала она. — Лив, вернись! Ты же оставила меня в прошлом!

— Что орёшь? — пробормотала Лив, ворочаясь рядом и накручивая на себя одеяло. — Посттравматический синдром, да? — (У неё получилось «пставматический»). — Жертва войны? И часто такое с тобой?

По голосу было ясно, что ответа она не ждёт.

Рея глубоко вздохнула и зарылась лицом в подушку. Ей было стыдно, и всё же она была чертовски рада, что странный театр оказался сном и можно проснуться.

18

Когда Рея просыпается в следующий раз, Лив нет в комнате. Рея идёт в ванную, затем одевается, заправляет постель. Минут через десять возвращается Лив.

— Есть новости от масов, — говорит она. — Но странные. Они сообщают сразу о трёх инородных объектах в болотах.

— О трёх? Что это значит?

Лив краснеет не хуже Евы. Рея удивлена — это редкий случай.

— Честно говоря... я не поняла, — признаётся Лив, словно отличница, которую поймали на списывании. — У масов очень слабые представления о земной технике, но они в этом никогда не сознаются и будут городить всякую поэтическую чушь. В любом случае до ближайшего объекта два дня пути.

— Тогда поехали скорее!

Снова они путешествуют на том же катере. Лив спешит, насколько это возможно, но в лесу нет расчищенных каналов и приходится пробираться осторожно, лавируя между стволами деревьев, выступающими из воды корнями и полузатопленными корягами.

Рея впервые за всю свою жизнь оказалась в лесу и чувствует себя неуютно, особенно когда думает, какое расстояние отделяет её от людей, способных в случае чего прийти на помощь, но старается не показывать этого, ей неудобно перед Лив.

Дни стоят солнечные, лес, вопреки ожиданиям, почти прозрачный: высокие стволы уходят в небо, и только на высоте выпускают короткие ветви, с которых непрерывно слетают тонкие зелёные листья, покрывающие ковром водную поверхность. Листопад продолжается днём и ночью, листья засыпают дно лодки, к утру они уже высыхают, начинают издавать пряный коричный запах. Лив использует их для растопки, когда разводит вечером костёр.

— Это осень? — спрашивает Рея.

— Нет, здесь, по сути, нет сезонов, приэкваториальная зона, — объясняет Лив. — Листья вырастают и отмирают непрерывно. За счёт этого обеспечивается доступ солнечных лучей к болотной воде.

— Тогда здесь должна быть очень плодородная почва, чтобы выдержать такой метаболизм.

— Так и есть. Водный слой составляет всего полметра-метр, а ниже — огромный слой полужидкого ила, деревья выбрасывают в него дополнительные корни. Там как раз самая жизнь — бактерии, моллюски, кишечнополостные, черви.

И действительно — Рея время от времени замечает в воде под лодкой гигантские тела, похожие на кольчатых червей. Эти кольца на мгновение показываются из ила

и уходят в глубину. Тогда ей хочется покрепче схватиться за борт, а то и вообще пересестись с банки на дно лодки, чтобы не вылететь при резком повороте. Впрочем, Лив ведёт лодку очень осторожно, не подвергая пассажиру опасности.

Гораздо больше Рее нравятся белые ныряльщики. Когда стоя в первый раз пристроилась к катеру, Рея поначалу приняла их за дельфинов. Но не успела она подумать о параллелизме развития живых форм на разных планетах, как «дельфины», прокатившись на кормовой волне, выскочили из воды, пробежали несколько секунд по поверхности, расправляя крылья и отталкиваясь перепончатыми лапами, взлетели и закувыркались в восходящих потоках воздуха, вспыхивая в солнечных лучах перламутровыми блёстками на кончиках крыльев. Рея заворожённо проводила их глазами. Не водные млекопитающие и даже не птицы — рукокрылые! Вот и рассуждай о параллелизме!

— Охотятся днём на донных обитателей, ночью — на насекомых, — объяснила Лив.

Водились здесь, по её словам, хищники и покрупнее, но они не показывались: днём их отпугивал шум мотора, ночью — костёр.

— У нас в универе был преподаватель техн, — рассказывала Лив, помешивая кашу в котелке. — И мы решили показать ему настоящую дикую жизнь. Повели в лес на окраине университетского городка. Такой весь из себя терраформированный. Здесь островок ельника, здесь — березняк, вдоль ручья — ивы и дикий лук, на реке — кувшинки, на опушках — яблони и грядки картофеля. Ну мы быстро место для пикника нашли, костёр развели, подберёзовиков набрали, лука надёргали, картофеля накопили. Картошку — в золу, грибы — на сковородку. Пива упаковку из-под куста выкопали — ту, что накануне прикопали. Он сидел-сидел, смотрел-смо-

трел и говорит: «А вы знаете, девчонки, я начинаю понимать, почему вы выиграли войну».

Рея смеётся и тут же думает: «Мы тут веселимся, а Ева там одна...» Но против своей воли начинает мурлыкать глупую песню, которую с большим успехом исполняли на капустниках в её университете:

*«Ты с девушкой-аграри
В беду не попадёшь.
Ты с девушкой-аграри
В лесу не заблудёшь...
А жаль!..»*

20

На следующий день к вечеру они добираются до первого пункта, обозначенного на карте у Лив. Найти «инородное тело» нетрудно. Деревья обломаны и повалены, словно по ним прошёлся гигантский серп. Сам серп от удара раскололся, и часть его рассыпалась в труху, но всё же остался достаточно большой оплавленный и обгоревший кусок, чтобы угадать изначальную форму «объекта» — огромное плоское вытянутое блюдо. Девушкам эта форма была знакома, они не раз видели такие, только гораздо меньшего размера, на атмосферных ботах. Рея и Лив воскликнули в один голос:

— Теплоизоляционный экран!

А потом заговорили, перебивая друг друга:

— Острия и бездны! Не знала, что бывают такие большие!

— Теперь ясно, как ей удалось сесты!

— Прикрылась от плазмы и отстрелила на малой высоте!

— Но выходит, она знала, что будет садиться!

— И не только она! Таких не изготавливают в серии. Никому не нужно сажать грузовики на планеты. Это индивидуальный заказ.

— Специально для этой посадки?

— Для этого груза.

— Интересно, что же там?

— Очень интересно. Скорее всего, это Лесничество — больше здесь некому делать спецзаказы.

— Но они и так контролируют всё орбитальное движение. Зачем им?

— Не знаю, но теперь ещё больше хочу увидеть Еву. Надеюсь, она нам по старой дружбе всё расскажет.

21

Ко второй отметке они прибывают через тридцать четыре часа. Теперь они попали в большой мелководный эстуарий, или, если смотреть с другой стороны, в залив экваториального моря. Они значительно продвинулись к югу — деревья стали ниже, их листва приобрела оранжевый оттенок, над прозрачной водой кружится множество разноцветных насекомых — во всяком случае, Рее кажется, что это насекомые, но сейчас она не настроена проводить биологические исследования. На поверхности воды разбросаны плавучие полупрозрачные и переливающиеся всем цветами радуги острова — словно тысячи медуз склеились краями; видно, как шевелятся в воде их щупальца. Из каждого острова торчит дюжина студенистых широких лопастей, которыми остров пользуется как парусами, ловя слабые порывы ветра и направляя своё движение. Острова «пасутся»: они подплывают к берегу, выбрасывают щупальца и объедают прибрежные растения, высываясь при этом из воды едва ли не наполовину. На их поверхности раскрываются душистые псевдоцветы, которые

приманивают насекомых, а затем мгновенно втягивают и проглатывают их.

Здесь тоже нет ни единой разумной души, но есть следы посадки — на дне лежит хорошо знакомая обеим девушкам кабина грузового корабля. Она пуста. Евы нигде не видно, так же как и цистерны с грузом, что вызывает у путешественниц большие подозрения.

— Получается, здесь её ждали? Подобрали груз и фьють! — Лив крутит пальцами в воздухе, изображая винт вертолѐта.

— Ох, Ева, во что ты ввязалась? — вздыхает Рея.

— Что же тогда на третьей отметке? Проверим?

— Только осторожно. Здесь, похоже, делаются серьёзные дела, а в таких делах свидетелей не любят.

— Ох, всю жизнь мечтала. Сбываются дурацкие детские желания.

— Ну хотя бы глянем одним глазком. Где это?

— Вверх по реке. Ещё часов за тридцать доберѐмся.

— То есть чуть меньше двух местных суток. Тебя не бросятся искать?

— Нет, всё в порядке. Ну что, поехали, дорогая?

— Да, проветримся.

К третьей отметке они подходят на закате. Это большое озеро почти у самых гор. У Лив и Реи уходит около двух часов, чтобы обогнуть его вдоль берега. Пейзаж — один из самых красивых, которые Рее довелось наблюдать на Ви. Ровная спокойная гладь, в которой отражаются горы, с их серыми склонами, поросшими красным мхом, великанские деревья, тишина, как в храме.

Солнце застыло над низкой кромкой облаков, суля на завтра дождливый день, отбрасывая алые отблески на воду и деревья. Их кроны всё еще купаются в золотистом сиянии, но снизу уже подступает тень и делит

лагуну надвое, причём «сторона света» быстро сокращается. Обычный вечер, но Рея чувствует вдруг капли холодного пота на спине, словно она стала древней женщиной, не уверенной до конца, взойдёт ли завтра солнце. Нигде не видно злобных лесничих-заговорщиков — картина сугубо мирная. У берега покачивается закопчённая грузовая цистерна. За ней, на берегу — грубо сколоченный шалаш.

Лив, двигавшаяся до того на малых оборотах, переключает мотор, и на его шум из шалаша выглядывает Ева.

— Эй! Мы здесь! — радостно кричит Рея и машет руками. — Мы здесь! Сейчас причалим!

Только теперь она понимает, что всё это время была в страшном напряжении, которому просто не позволяла пробиться в сознание, иначе её буквально парализовало бы по рукам и ногам. Теперь же, когда всё кончилось хорошо, можно позволить себе бояться «задним числом».

Ева вскакивает на цистерну и тоже размахивает руками над головой. И кричит:

— Не приближайтесь! Слышите, у меня пульт управления! Я нажму кнопку, и все отходы окажутся в озере! Я это сделаю! Если не хотите — не приближайтесь!

Её голос далеко разносится над водой...

23

Лив тут же заглушила мотор и заложила вираж в сторону открытой воды. Когда катер остановился, она крикнула:

— Евка! Мы всё поняли! Я хочу подойти немного ближе, чтобы не голосить! Ты согласна?

— Только без фокусов! — отвечает Ева. — Подходите, только без фокусов! Я серьёзно.

Лив запустила мотор на малый ход и начала двигаться в сторону берега широким зигзагом, чтобы у Евы в любой момент была возможность их остановить.

Но Ева молчала, и, подойдя на безопасное на её взгляд расстояние, Лив остановилась сама. Они были достаточно близко от цистерны, и стало ясно, каким образом Еве удалось добраться сюда с грузом. Она сделала толстый «матрас» из множества живых островов, скрепила их и подвела под цистерну. Наверное, использовала стандартного грузового робота, а потом пристроила его на корме вместо навесного мотора. Где-то Рея уже видела подобную схему... Ах да, в одной из серий «инженерьячки»!

— Это водораздел, — прошептала Лив. — Помнишь, я говорила. Если она сольёт отходы, то отравит всю округу на десятки километров. И до посёлка дрянь тоже доберётся.

Рея наконец поборола смятение и нашла слова:

— Евушка, что случилось? Мы так беспокоились. Как ты оказалась здесь? У тебя всё в порядке?

Ева сидит на крыше цистерны, подошвы её тяжелых ботинок касаются алой от закатных лучей поверхности воды. На ней комбинезон пилота, и Рее внезапно приходит в голову сравнение: будто бы в старой голографии, где все они ещё вместе, обнявшись, на взлётной палубе, вырезали кружок и вставили в него другое лицо, старше прежнего на двадцать... нет, на все сорок лет.

— Соня была беременна, — произносит Ева.

— Что, Евушка? — Рея сбита с толку.

«Может, она сошла с ума? — приходит в голову всё объясняющая мысль. — Жёсткая посадка, потом неделя одиночества. Она не справилась со стрессом и провалилась в прошлое».

— Была беременна, — повторяет Ева. — Она скрывала, не хотела, чтобы её сняли с полётов, но я узнала.

Ты помнишь, я распределяла контрацептивы в нашей казарме? Как-то во время уборки я задела Сонину тумбочку, и оттуда вывалилось... Она всю жизнь была одна, а теперь у неё появился кто-то... Она хотела этого ребёнка, а её убили вместе с ним...

Голос Евы звучит монотонно, словно у древней сказительницы из сериала о похождениях королевы Зены.

— Евушка, мне так жаль! — Рея пытается попасть ей в тон. — Это ужасно.

— Нет, — Ева качает головой. — Это милосердно. Короткая вспышка, и всё. Ужасно другое — то, что они сделали с нами. Нам эта война не была нужна. Но правительство принесло нас в жертву. Ты знаешь, я тоже хотела детей. Думала назвать дочь Соней. И знаешь что? Я бесплодна. Проклятая лучёвка! О, они вылечили меня, накололи гормонами, так что я снова могу чувствовать себя женщиной. Но это только видимость. Мне никогда не зачать и не родить. Пустышка... А ЭКО мне не грозит. Знаешь, что они сказали? «Мы отказались от получения донорских яйцеклеток, ведь это слишком разрушительно для здоровья женщин, которые могут родить самостоятельно. Демографическая ситуация ограничивает наши возможности. Нам нужно как можно больше здоровых детей, полученных с минимальными затратами».

Теперь в голосе Евы звучит нескрываемая боль, и Рею затапливает сочувствием. Она готова обнять старую подругу и плакать...

Внезапно Ева вскакивает на ноги и кричит с яростью:

— Мы все здесь жертвы! Соню убили! Меня выпотрошили! Из тебя сделали фригидную стерву! Позволили, чтобы Лив изнасиловала проклятая инопланетная обезьяна! Но этого больше не будет! Теперь я намерена сама управлять своей жизнью! И их жизнями в придачу! Пусть Лесничество передаст в Конгресс Восьми пла-

нет, что они должны выполнить мои требования, иначе я превращу их драгоценную Ви в радиоактивную пустыню. И все их мишки-насильники подохнут!

Рея почувствовала во рту металлический привкус. Всё выглядело нереальным: эти болота, вечный шорох падающих листьев, который она уже почти перестала слышать. И Ева... Одна из своих. Угрожает им... Всей планете. Девушке-агари такой способ терроризма казался извращением, едва совместимым с жизнью. Ева должна была сгореть со стыда, едва помыслив о таком.

— Заболтай её, — шёпотом приказала Лив. — Отвлеки внимание.

— Мне кажется, всё не так страшно. — Рея решила попробовать себя в роли переговорщика, хотя, что тут говорить, представляла её довольно смутно. — Всё не так страшно, — повторила она. — Мы выбираемся из демографической ямы. В следующем поколении уже будет достаточно мужчин...

— Мужчин? — перебила её Ева. — Скажи лучше — спермодоноров. Их не научили быть мужчинами. Они знают, что их дело — трахаться, покрывать телок, и им за это всё будет. А женщины? Или офисные сучки вроде тебя, или зоофилки вроде Лив. Нет, нам нужны нормальные семьи! В которых дети вырастают мужчинами и женщинами, а не бесполоми эгоистами. А для этого нужно... — Ева принялась загибать пальцы, не выпуская из рук пульт управления. — Первое — запретить получать высшее образование и работать женщинам, пока не родят двух детей. Второе — разрешить выращивать детей только в полноценных семьях, с матерью и отцом. Ты верно сказала, Рея, в следующем поколении уже достаточно мужчин. А если женщина не хочет выбрать себе мужчину, детей у неё отобрать и отдать на усыновление... И третье — с женщин, отказавшихся создавать семью, брать ежемесячный налог и направ-

лять деньги на борьбу с бесплодием. Моя организация называется «Люди вечных традиций», и мы хотим, чтобы к нам прислушались.

«Так и есть, — подумала Рея. — Я-то всё ждала, когда же в её проекте появится кусочек для неё самой. И вот он».

— Может, сразу у них яичники вырезать и вшивать более сознательным? — спросила Лив.

— Не передёргивай! — крикнула Ева.

— Подожди, подруга. — Рея встала и сделала рукой успокаивающий жест. — Это всё, конечно, можно сделать, только денег получится очень немного. Бездетные женщины, согласно первому пункту вашего плана, не работают и не учатся. Откуда же у них доходы?

— Меня это не касается, — запальчиво сказала Ева. — Пусть сами думают! Удовольствие получать хотя, а платить за него — нет? Так не бывает!

Солнце выныривает на секунду из-за облаков и красиво подчёркивает её силуэт тревожным алым светом.

И тут Лив резко взмахнула руками, словно отдавая истребителю команду на взлёт.

С вершины ближайшего дерева срывается стрела и впивается Еве в шею. Та делает несколько шагов по крыше цистерны и падает.

Лив запустила двигатель так, что Рея тоже упала — на дно катера. Она успевает увидеть в ветвях дерева над головой огромного белоснежного маса. Лив, не отрывая руку от штурвала, протягивает ей другую и командует:

— Принимай управление.

Рея вскакивает на ноги, и в этот момент подруга, пустив катер мимо цистерны по касательной, перепрыгивает на её поверхность.

Рея дотягивается до штурвала и в последний момент уклоняется от столкновения. Лив нагибается, вырывает

пульт управления из руки Евы и поспешно вводит код. Рея подводит катер к берегу на некотором расстоянии от цистерны так, чтобы Лив не могла запрыгнуть обратно, и спрашивает внезапно севшим голосом:

— Ты убила её?

— Да ну прямо! — Лив подхватила тело Евы под мышки и перетасила повыше, чтобы оно не сползло в воду. Стрела выпала из горла Евы и покатилась по настилу. — Думаешь, яд кураре? Жертва комиксов! Всего лишь сильнодействующий наркотик. Не могла же я позволить этой сумасшедшей и дальше размахивать пультом!

— Считаешь, она сумасшедшая? — спросила Рея, подводя катер к цистерне.

— А то нет! — усмехнулась Лив. — Мы сидим посреди болота, на чужой планете, вокруг шныряют мохнатые инопланетяне с луками. А она требует себе мужа, двух детишек и домик в пригороде! Ну явный же неадекват!

Вдвоём они перетасили спящую Еву на заднее сидение катера.

— Что будем делать дальше? — спросила Рея.

Лив вытащила из своего рюкзака лазерный резак и направила испепеляющий луч на живые острова, поддерживающие цистерну.

— Она герметична, как и во время перелета в вакууме. Не протечёт. Сейчас мы её притопим, потом пошлём сигнал в Лесничество. На общей волне, чтобы нас с гарантией услышали поисковые партии. И смотаемся отсюда.

Как только вода подступила к её сапогам, Рея поспешно перескочила в катер. Она не любила тонущие космические корабли. Лив задержалась на пару секунд для того, чтобы широким красивым броском зашвырнуть пульт в озеро.

Утром, когда они увели катер на несколько километров ниже по реке, Лив заглушила мотор.

— Посиди ещё разок за штурвалом, — скомандовала она Рее. — Нам с этой спящей красавицей нужно поговорить.

Рее без слов подчинилась ей.

Лив перелезла на заднее сиденье, запыхтела, устраивая грузное тело подружки поудобнее. Та тихо застонала.

— Ева, дорогая, открой глаза, хватит спать. — Лив хлопала её по щекам.

Та послушно разлепила веки:

— Девчонки? Вы откуда здесь?

— Всё в порядке, дорогая, — спокойно сказала Лив. — У тебя была жёсткая посадка, и в голове немного перепуталось. А теперь скажи, когда ты пролетала над северным полушарием, ты видела большое здание? Очень большое — целый город, выстроенный по периметру окружности?

— Окружности? Периметру? У меня всегда двойка была по геометрии, ты же знаешь, Ливка, — пробормотала Ева. — А сейчас я спать хочу...

— Ты видела большую круглую серую дуру? Такую большую, что можно с орбиты заметить? — Лив повысила голос. — Стоит на возвышенности.

Ева вздрогнула:

— Ну что ты орёшь? Видела, видела, только отстань, пожалуйста...

— Что там в центре?

— Чаша...

— Какая чаша?

— Эта... стадион? Нет, стой, другое слово. Крутится... А... телескоп!

— Всё ясно, спасибо. Ну спи, дорогая. А когда ты проснёшься, то ничего не будешь помнить, потому что сильно ударились при посадке.

Ева с готовностью уронила голову на грудь.

Лив устроила подругу поудобнее и снова перебралась на водительское кресло.

— Ты тоже ничего не будешь помнить, — сказала она Рее с улыбкой. — Пока не вернёшься к Смолинскому. А ему всё расскажешь.

— Ты знаешь Смолинского?

— А то! — усмехнулась Лив. — Блаароднейший старик!

— погоди! Так что я ему расскажу?

— Что Лесничество строит на Плоскогорье Снов радиотелескоп.

— Господи, какая древность! А почему не на орбите? Так дешевле и проще...

— Значит, им не нужно, чтобы было дешевле и проще, а нужно...

— Спрятать? — вдруг поняла Рее. — На орбите ничего не спрячешь... И тогда тот исследовательский комплекс, про который ты говорила...

— Для прикрытия. Во всех смыслах. С орбиты их засечь невозможно, там летают только шаттлы Лесничества по определённым коридорам, но ещё нужно, чтобы мы не могли подобраться с земли. Скорее всего, они планируют установить там оружие.

— Получается, об этом телескопе никто на других планетах не знает?

— Точно. Скорее всего, именно Лесничество спонсировало террористическую группу, в которую входила наша Ева. И сам теракт был подготовлен с их ведома.

— Зачем? Нет... постой...

Как ни странно, но Рее чувствовала восторг. Мелкие факты, о которых она понятия не имела неделю назад,

которые удивляли и раздражали её во время всего путешествия, теперь складывались в единую картину.

— Они хотят повысить режим безопасности в запо-веднике?

— Правильно! — Лив кивнула. — Если бы Ева отравила болота, масам пришлось бы откочевать на равнины к западу. Жить там они совсем не приспособлены, их поголовье резко сократилось бы. Тут Лесничество начинает бить во все колокола и вообще закрывает плану-ету для посещений. Не исключено, что выселяет нас. И можно заниматься своими делами без помех.

— А сейчас что помешает им так поступить?.. Ах да, какая я дура! — Рея хлопнула себя по лбу. — Наш сиг-нал! Они знают, что кто-то знает о цистерне, и будут ве-сти себя, как паиньки...

— Хотя бы на время, — подтвердила Лив. — Кроме того, я утопила пульт. Им не удастся открыть цистерну «по ошибке».

— Интересно, с кем они хотят связаться в такой тай-не? Ведь всё это затеяно явно не для того, чтобы изу-чать звёзды.

— Если бы знать. — Лив вздохнула. — Это сейчас са-мый интересный вопрос. У радиотелескопов антенны с узкой диаграммой направленности. То есть они не ры-скают по всему космосу — они точно знают, с кем хотят связаться. И то, что они делают это втайне, не добавля-ет мне доверия к их адресатам.

— Ух ты, острия и бездны! Это правда серьезно.

— Ничего. Не забывай, что утром мы вообще не зна-ли о существовании радиотелескопа. Со временем всё выясним.

— А почему ты не сняла копию записей с компьюте-ра Евы? Там наверняка были снимки...

— Потому что, когда специалисты Лесничества будут стирать записи, они поинтересуются, залезал ли кто-

нибудь в коркомп. А поскольку выбор невелик, то... сама понимаешь... Вот я и выбрала старый добрый способ — посплетничать с подружкой. На допросе она ничего не расскажет, потому что ничего не будет помнить.

— Ты сдашь её Лесничеству?

— А ты видишь другой путь? Это война, Рея, — сказала Лив твёрдо. — Это снова война. И мы должны быть осмотрительными, если хотим выжить.

Рея зябко передёрнула плечами.

— Не знала, что ты такая. От тебя дрожь пробирает, как от мятной конфеты во рту.

— У меня два сына, — напомнила Лив. — Кстати, мне их скоро из садика забирать, так что давай отвезём поскорее нашу террористку...

Прохладный вечерний ветер мягко бил в лицо, принося сладковатый запах гнили и синих лотосов. Из воды, перед носом бота, поднялась стая белых ныряльщиков. Несколько минут они держались на буруне, потом с пронзительными криками взмыли в небо и заблестали в отражённом свете Мира.

«Как здесь хорошо, — с тоской подумала Рея. — Но война... Опять война!.. Правильно хоть, что я так и не собралась рожать...»

ВЛАДИМИР МАРЫШЕВ

КЛЮЧ

1

Одни колонисты выходили из жилого корпуса разболтанной походкой, не вынимая рук из карманов и насвистывая блатной мотивчик. Другие — скованно, насупившись, в предчувствии, что сейчас им окончательно

отравят и без того неважнецкую жизнь. На площадке возле главного склада и те и другие под рывканье мордатых охранников выстроились в шеренги.

«Человек пятьдесят, — прикинул Шатун. — Что-то маловато...»

Это была едва ли двадцатая часть всей колонии. На площадку согнали явно не самых крепких — среди отобранной братвы выделялась габаритами лишь тройка амбалов. Остальные — так себе, были даже мозгляки, хотя по манере держаться — отчаянные ребята.

— Слышь. — Сыч тронул Шатуна локтем.

— Ну?

— Ну, ну... Как бы не донукаться. — Сыч поскрёб пальцами впалую щеку, словно всё ещё надеялся содрать намертво въевшиеся в кожу большие чёрные буквы «ТР». — Помнишь, что раньше было, когда так же выстраивали? А сейчас, думаешь, зачем? Чую, похоронить нас хотят в руднике. Нашли, гады, местечко, где порода самая ценная, да просто так не возьмёшь — для этого смертники нужны. Может, там радиация убойная, или микробы, что скафандры разъедают, или ещё какая хрень. День-два повкалывал — и в ящик. Они прикинули, сколько народу нужно, чтобы выбрать новую жилу перед тем, как сдохнуть. Вот мы и стоим, дожидаемся...

— Сдохнем так сдохнем. Только не верю я, Сыч. Много раз в дерьме тонул — выплыл. И сейчас выплыву. Да и остальных ты рано в жмурики записал. Послушаем сначала, что нам хозяин споёт.

— Что, что... Вышак объявит! — Сыч шмыгнул крючковатым носом, из-за которого и получил кличку, хмуρο уставился под ноги и принялся ковырять ботинком выбоину в серой цемолитовой плите. Шатун машинально понаблюдал за его занятием, потом задрал голову и принялся разглядывать облака.

Обычно они стояли выше, но сегодня тяжело нависли над самым куполом, расчерченным на квадраты ребрами жёсткости. На Норне мало что радовало глаз, а облака были особенно уродливы — огромные бугристые зеленовато-бурые туши, похожие на бурдюки, вымазанные болотной тиной. Подходящее украшение для неба цвета разбавленной горчицы! Разбухнув до предела, бурдюки лопались, извергая потоки мутной отравы. Хорошо в это время под куполом — ему любые местные гостинцы нипочем. А вот на руднике, если обрушился ливень, страх пробирает до костей. Хоть и в машине сидишь, да ещё в скафандре — все равно поджилки трясутся. Скафандры, бывает, отказывают, да и с техникой разное случается...

— Дырку в небе проглядишь! — снова толкнув Шатуна локтем, зашипел Сыч. — Хозяин на тебя уже косятся.

Бакай действительно стоял перед строем и разглядывал его из-под козырька надвинутой чуть ли не по самые брови фуражки. Глаза начальника колонии прятались в густой тени, так что косился он или нет — оставалось на совести Сыча. Рядом с хозяином, как всегда, торчал его помощник Скорик. По обе стороны от неразлучной парочки застыла охрана.

Подвернись Шатуну такая возможность, он свернул бы Бакаю шею не задумываясь. Чего с ним долго возиться? Но Скорика хотелось убить не сразу, а с мучениями, чтобы захлебывался визгом до самого конца. Как ещё поступить с последней гнидой, которая оскорбляет даже самую мерзкую в Галактике планету просто тем, что топчется по ней?

Хозяин — другое дело. Его судьба была хоть и извилистой, но понятной. Поговаривали, что много лет назад он служил на Земле в хорошей должности, пока не набил морду какой-то крупной шишке. Из-за чего вышла

ссора, сказать трудно — мутная была история. И загреметь бы Бакаю в тюрьму, но наверху его ценили и придумали, как отмазать. Главное — убрать подальше с Земли, чтобы глаза не мозолил. Тут и подвернулся вариант с Норной, работать на которой охотников не было.

Ходили слухи, что Бакай не раз и не два просил о переводе в метрополию, но ему отказывали — желающих стеречь уголовников на проклятой планете по-прежнему не находилось. Деваться было некуда, и он якобы запил. Закладывал по-черному, когда никто не видит — и продолжал надеяться, что ему всё же дадут доработать до пенсии под голубым небом с жёлтым солнышком.

Что ж, когда тебя назначают на собачью должность — рано или поздно сам становишься цепным псом. Но Бакай извиняло то, что ему не оставили выбора. Со Скориком было иначе.

Этот вертлявый человечек с маленькой головой на тонкой шее и сморщенным личиком сделал карьеру странно, не по-людски. Когда-то он сам отбывал на Норне срок за то, что входил в нашумевшую гангстерскую группировку. Был мелкой сошкой на подхвате у босса, но лет десять ему вкатили. Как и все колонисты, Скорик горбатился на руднике, добывая драгоценный аммор. Работал старательно, с властью не пререкался, но и перед братвой ничем себя не замарал. А когда отмотал своё — огорошил всех, заявив, что хочет остаться в колонии. Пригляделся, мол, за столько лет к работе надзирателя и пришёл к выводу, что рождён как раз для неё.

После всех положенных проверок на лояльность Скорик принялся служить новым хозяевам. Столь же усердно, как до этого вкалывал на руднике, а потому недолго засиделся в рядовых надзирателях. И ненависть колонистов к нему росла с каждой новой должностью...

— Слушай меня! — начал Бакай. Голос его, и без того хриплый, за последнее время заметно подсел, что вроде как подтверждало разговоры о пьянстве. — К нам прилетают большие люди с Земли. Очень большие. Но не с инспекцией. Они хотят развлечься — посмотреть на мясо, которое само себя режет и поджаривает. Мясо — это вы.

Наступила такая тишина, что слышалось далёкое гудение регенераторов воздуха. Колонисты стояли как пришибленные. Шатун был тёртым калачом, но такого даже представить не мог. Доходили до него, правда, местные легенды, только он не верил. Он вообще мало чему верил.

— Про гладиаторов слышали? — продолжал Бакай. — Вот и побываете в их шкуре. Почему вы, а не другие? Да очень просто. Мы изучили личные дела — и отобрали тех, которые точно гостям скучать не дадут. Воевать будете на равнине к западу от купола. Она большая — есть где развернуться. Кто выживет — тому повезло. Кого прикончат — спишем. Сколько ни навалите трупов, отмашка на них уже получена, никто не докопается.

Он взялся за козырек фуражки и надвинул её ещё глубже, хотя казалось, что глубже уже некуда.

— Мог бы выгнать вас в одних скафандрах. Но маленький человечек против другого такого же — не то зрелище. Поэтому драться будете в ходунах. Кому-то достанутся тяжёлые, кому-то — полегче. Оружие получите — весь набор, что есть у охраны, плюс резак для вскрытия пород. Только не вздумайте повернуть его куда не надо. Система контроля отследит каждый чих. Наказание за любой проступок — болевой удар, за повторный — смерть.

Система контроля вызывала у колонистов страх и омерзение. Подключали к ней просто: из штуки, похо-

★ жей на короткоствольный пистолет, загоняли под лопатку крошечную капсулу — генератор импульсов. Если одна из понатыканных всюду камер наблюдения замечала, что «клиент» злостно нарушает порядок, капсула приводила его в чувство болезненным разрядом. Могла и убить, если такую установку получал командный пункт системы. Он был смонтирован в одном из отсеков аппаратного корпуса.

— И ещё, — помолчав, добавил Бакай. — Вы, я знаю, народ безбашенный, будете лезть на рожон, даже если есть один шанс из ста. Так вот, хрен вам, а не шанс. На случай, если система контроля даст сбой, вводится ещё один уровень защиты. Перед тем как получите оружие, сознание каждого перепишут в копию — дубль. Псевдобелковый суррогат. Точь-в-точь как человек, только живёт всего ничего — через трое суток расплзётся, как дерьмо под дождём. А пока дубли бьются, настоящие тела, со стёртой личностью, полежат на складе за броневыми плитами. Тот, кого застрелят в дубле, умрёт навсегда. Тот, кто выживет, — вернётся в своё тело. Если, конечно, будет себя хорошо вести. Если нет — сгниёт за считанные дни.

По шеренгам прокатился тяжёлый вздох, похожий на стон. Услышав его, Скорик оживился.

— А вы на что надеялись, голубчики? — сказал он с гадливой улыбкой. — Я вашу братию насквозь вижу. Сам из таких — тоже когда-то мечтал о бунтах, побегах и прочей ерунде. Так вот, мечтать на Норне вредно. Поверьте мне, ребятаки!

Шатун сжал кулаки. Шея у Скорика была тонкая — одной руки хватит, чтобы обхватить пальцами. И давить, давить, давить, пока у гада не вывалится язык. Эх, добраться бы как-нибудь...

Бакай пошевелил плечами, словно разминал их, сбросив давящий груз.

— Вопросы есть?

Строй молчал.

Бакай развернулся и пошёл к себе в административный корпус. Скорик, окинув «гладиаторов» странным взглядом, последовал за хозяином.

2

В ангаре было шумно. Гулко топали по полу, отрабатывая бег, прыжки и резкие повороты, двуногие стальные монстры. Их сервомоторы жужжали, гудели, а при максимальных нагрузках надсадно взывали. На сумбур механических звуков накладывался людской гвалт.

Словечко «ходуны» прилепилось на Норне ко всем шагающим человекоподобным машинам. Но внутри этого семейства была своя градация. Огромных, приземистых, словно сторбленных, горняков, вспарывающих скалы плазменными резаками, называли просто ходунами. Их втрое меньших человекоподобных сородичей — ходунками. И, наконец, ещё более мелких охранников — ходунцами. Среди последних различались управляемые модели (по сути, экзоскелеты в бронеовой скорлупе) и автоматы.

Шатуну достался ходунок что надо — новенький, с неизношенным механизмом. На него и смотреть было приятно — красавец, прямо-таки рыцарь в чёрных блестящих доспехах. Правда, без головы — она полагалась только надсмотрщикам-ходунцам. Вместо неё наверху была приплюснутая вращающаяся башенка с фотоэлементами, инфракрасными, радиационными и другими датчиками, которые требовались для работы на руднике.

Но плевать на красоту — в схватке она не поможет. Жить седоку или умереть, зависит от подвижности его машины и исправности оружия. С этим повезло на редкость. «Рыцарь» ходил быстро, повторял движения Ша-

туна почти без задержки и за всё время, что тот его гонял, ни одно из сочленений даже не скрипнуло.

Каждому ходунку придавался целый набор рабочих инструментов — фрезы, буры, плазменные резаки. Но сейчас в правое запястье «рыцаря» был вмонтирован боевой лучевик ИМТ2. Оружие, конечно, не самое грозное. Ходуна-тяжеловеса, к примеру, из него так просто не завалишь — надо целиться в сочленения и другие слабые места, а когда мишень движется, это дьявольски трудно. Зато поразить своего брата-ходунка, а тем более ходунца — проще простого. Главное — успеть нажать на спуск до того, как противник выстрелит в тебя...

Шатун выбрался из металлического брюха и высмотрел Сыча. Тот хлопотал возле выдавшего виды грязно-жёлтого ходунка и непрерывно чертыхался.

— Ну, чего ты там? — спросил, подойдя, Шатун.

— Чего, чего... — Сыч сплюнул. — Ты-то вон какую игрушку получил, а мне подсунули старую рухлядь. Дребезжит, зараза, вот-вот развалится.

— Да ладно тебе. — Шатун пару раз пнул ходунка в коленную чашечку, прислушиваясь к звуку. — Нормальная машина. Сам дурака не сваляешь, так и она не подведёт.

— Ага, пой, пой, складно выходит. — Сыч шмыгнул носом. — Слышь-ка, Шатун... Ты мужик здоровый, по-любому крепче меня, и ловкий, как черт. Машина, опять же, — новьё. А там, на поле, соперника не выбирают. И если, значит, схлестнемся, то... Грохнешь, да?

— Вон ты о чём... Ну, грохну. А что, самому в ящик ложиться? К чему спросил — разжалобить хочешь? Дохлый номер, со мной не пройдёт.

— К чему, к чему... — Сыч ткнул себе пальцем в щёку, на которой чернели буквы «ТР». — Знаешь, что это за украшение?

Шатун знал. Было время, Сыч водился с лихими ребятами на Крании, но сильно перед ними провинился. То есть сам-то он уверял, что был абсолютно чист, да разве братву переубедишь? Быстро собрались, быстро вынесли приговор — засунуть живьём в утилизатор. А потом одному вздумалось пооригинальничать. Мол, взять и сразу замочить — это неинтересно. Давайте-ка мы лучше сделаем его живым трупом!

Идею приняли на ура, и Сычу тут же вывели на щеке биомаркером буквы «ТР» — сокращённо от «труп». Мерзостная штука этот маркер — след от него ничем не вытравить, даже пластическая операция не поможет. Сидит под кожей загадочная псевдоживая хрень и воспроизводит себя в раз и навсегда заданных границах...

Сычу дали пару часов на сборы, после чего объявили на него охоту. Пусть прыгает с планеты на планету, петляет, как заяц, запутывает следы — у кранийской братвы во всех обжитых мирах есть свои парни. И стоит кому-нибудь из них прочитать приговор на щеке у меченого, как тот из живого трупа превратится в настоящий. Через год, два, три, пять, но так будет. Трясись, бедолага, каждый день умирая от страха...

— Украшение знатное, — сказал Шатун. — Одно-го не пойму — как тебя с ним до сих пор не замочили. Чтоб на Норне — и ни одного кранийца?!

— Повезло. Видно, есть кто-то там, наверху — поберег меня. Да и кранийцы, опять же, дьяволы хитрые, редко попадаютсЯ. Это я, как от них откололся, сразу сюда загремел. Так вот, Шатун... Дал я себе зарок — добратсьЯ до той сволочи, которой клеймом обязан. Через любые муки пройду, но доберусь. Он меня дождётсЯ — тамошняя братва живучая. Вот тогда и сдохнуть можно, но пока этого гада не урою — не имею права.

— Дал зарок — выполняй. Я-то тут при чём?

— При чём, при чём... Я с тобой как с человеком хотел поговорить, а ты... Знаю, все равно застрелишь — дурак будешь последний, если пощадишь. Но душу-то я могу перед тобой вытряхнуть? Все годы молчал. Чего, думаю, зря болтать, вот выйду — пришью его, а дальше и жить незачем. А теперь чую — самого завтра пришьют. Не ты, так другой. Позабыли меня там, наверху...

Сыч снова шмыгнул носом и отвернулся.

«А ведь мы с ним оба дубли, — вспомнил Шатун. — Куклы на потеху толстопузой публике. Хорошо сделанные — даже носом шмыгать умеем».

Он зачем-то еще попинал жёлтого ходунка по ногам, хотя нужды в том не было, потом хлопнул Сыча по плечу.

— Ну, ты еще разревись тут! Человека нашёл... Люди на складе лежат, ждут, кто из нас живым вернётся. А мы — синтетическое мясо, скоро жарить друг друга будем. Вот что, Сыч... Тебе, ясное дело, пожить охота — всего два года отсидеть осталось. А я пожизненное схлопотал. Сам знаешь, сколько на мне мокрухи. Как разборка, тут же найдут, где бы ни был, пушку в руки — и вперёд. Давай, Шатун, ты заговорённый, любого пахана завалишь, а самому — ни черта. И точно — ни черта не было. Зато сюда угодил. Ты на это, что ли, намекаешь? Мол, чем гнить здесь, пока вперёд ногами не вынесут, лучше мне сразу зажмуриться?

Сыч молчал.

— Нет, — оскалился Шатун, — я просто так не зажмурюсь. Смерть со мной давно рядом ходит, да все никак не встретимся. Вот и теперь разминемся. А пожизненное... Еще посмотрим, кто кого переживёт. Колония тут что — навечно? Всякое может случиться. Лет через десять кончится аммор — и прикроют всё к чёртовой

матери. А там видно будет... Так что и ты надейся — до последнего. Больше мне нечего тебе пожелать.

Он снова похлопал Сыча по плечу и направился к своему ходунку.

3

Бакай вертел в пальцах дымчато-розовую пластинку аммора, похожую на чешуину огромной рыбы, и размышлял о том, как у земных чиновников возникла людоедская прихоть.

Норна — планета дрянная во всех отношениях, и аммор — единственная её ценность. Казалось бы, минерал как минерал, который можно синтезировать на Земле. Ан нет! Под воздействием местных факторов он приобрёл особые свойства, которые искусственно не воспроизводятся. А многим очень бы этого хотелось, ведь аммор — лучший материал для медицинских наноботов. Каким-то чудом он, порождение безжизненного мира, оказался идеально совместим с человеческими тканями.

Но аммора мало — всего одна причудливо закрученная жила, с разработкой которой вполне справляется контингент колонии. Его, контингента, для этого дела даже слишком много. Видно, там, наверху, большие люди подсчитали загруженность рабочей силы и пришли к выводу: десятка три колонистов можно без ущерба для производства вычеркнуть из жизни. А заодно — пощекотать себе нервы редким зрелищем, за устройство которого на любой другой планете попали бы под суд. Но на богом забытой Норне всё можно...

«Скоты, — думал Бакай. — Отрастили себе задницы в мягких креслах, вот и бесятся с жиру. Сами небось палец порежут — исстрадуются, а чужую кровь чего жалеть — её много, не убудет. Сунуть любого из них в эту дыру на год — весь срок бы выл, на коленях ползал, чтобы забрали обратно...»

★ Он бросил пластинку на стол, поднялся и прошёлся по кабинету. Его до сих пор душила злоба после разговора по гиперсвязи с Ромуальдсеном — главной шишкой из приезжающих. Бакай не мог, конечно, выдвигать условий начальству, но осторожно намекнул, что хорошая организация «гладиаторских боёв» заслуживает награды.

— Конечно, конечно, старина. — Пухлая физиономия Ромуальдсена на экране расплылась в улыбке. — На твой счёт переведут кругленькую сумму. Кроме того, получишь благодарность в личное дело — над формулировкой подумаем.

Бакаю показалось, что он ослышался.

— А как же...

Ромуальдсен нахмурился.

— Извини, дружище, нельзя хотеть слишком много. Да и что тебе Земля? У нас ты был бы одним из, а на Норне — царь и бог. Целая планета в руках — я бы гордился, честное слово. Ну, до встречи, старина!

И он исчез с экрана, оставив собеседника в бешенстве.

Но бесись не бесись, а дело делать надо. Ромуальдсен с компанией уже через несколько часов приземлятся на космодроме. И если что-нибудь пойдёт не так — они «старину» не пощадят, отыграются сполна.

Бакай послал вызов заместителю и вышел из кабинета. Надо было, не полагаясь на рядовой персонал, лично проверить работу главных систем. А Скорик по этой части незаменим — у него звериное чутьё на любой сбой в отлаженном механизме под названием «Исправительно-трудовая колония 16MZ».

Дольше всего они возились в аппаратном корпусе. Скорик вертелся рядом с шефом на полусогнутых, тщательно осматривая, чуть ли не обнюхивая каждый блок. Когда-то его тщедушная фигурка мозолила Бакаю глаза,

вызывая глухое раздражение. Потом он привык к своей «тени», но до сих пор не мог относиться к приткому заму серьёзно. Шестёрка, она и есть шестёрка...

Наконец они добрались до отсека, в котором размещался командный пункт системы контроля. И тут случилось невозможное.

Оттолкнув шефа, Скорик метнулся в отсек, задвинул за собой дверь из прозрачной брони и вручную заблокировал её изнутри.

В первый момент до Бакая ещё не дошло, какую жестокую шутку сыграла с ним его «тень». Страх не было — только злость.

— Ты что это делаешь, мразь? — зашипел он в переговорник. — Рехнулся, что ли? Снова в каторжники захотел? А ну, выходи!

Скорик выпрямился во весь рост — и оказался неожиданно высоким. Как Бакай раньше этого не замечал? Привык видеть помощника подобострастно ссутуленным? Глаза на сморщенном личике смотрели дерзко, рот кривился в презрительной усмешке.

— Что, начальник, в штаны наложил? А я ведь всегда вас, гадов, ненавидел. Шесть лет прикидывался, шакалил у тебя, спину гнул — всё ждал момента. Вот и дождался. Конец тебе, начальничек, и всей твоей своре заодно.

Только сейчас Бакай с пугающей ясностью осознал, что «гладиаторы» уже сидят в ходунах — с оружием, полностью готовые к бою. И если отключить систему контроля...

— Убью! — прорычал он. — На месте шлёпну! Слышишь, ты, пададь!..

Скорик выпрямился ещё больше, хотя казалось, что это невозможно.

— Поздно будет, — коротко ответил он. После чего с непонятно откуда взявшейся силой выломал одну из

стой и принялся крушить аппаратуру. Бил остервенело, чтобы не оставить на главной панели живого места.

Бакай выхватил из кобуры лучевик и принялся стрелять в металлический прямоугольник рядом с дверью, скрывающий блокиратор. Рука тряслась, и всаживать заряды в одну точку поначалу не удавалось. Наконец посередине наклейки стало наливать жаром красное пятно. Раскалившись добела, оно прорвалось, и из отверстия пахло гарью сожжённой схемы.

Бакай толкнул дверь в сторону и, не дожидаясь, когда она откроется полностью, выстрелил в Скорика. Тот охнул, схватился левой рукой за грудь, а правую со стойкой занёс над головой, чтобы разбить еще один чудом уцелевший прибор. Но пальцы разжались, выронив железяку, и она со звоном упала на пол. Скорик согнулся пополам, харкнул кровью и начал медленно поворачиваться. «Зачем? — мелькнуло в голове у Бакая. — Хочет за миг до смерти увидеть панику в моих глазах?»

Но гадать о мотивах полупокойника не было времени. Бакай одним ударом сбил Скорика с ног и склонился над панелью. Система контроля погибла бесповоротно — чтобы понять это, хватило одного взгляда. Значит, вся надежда на то, что немногочисленной охране удастся опередить «гладиаторов». Надо нанести удар раньше, чем они организуются и превратятся из аморфной массы в реальную силу. Качество против количества...

Бакай выскочил из разгромленного отсека и побежал к административному корпусу. Ворвавшись в свой кабинет, он перевёл системы слежения за обстановкой в чрезвычайный режим и объявил тревогу.

Упражняясь перед боем, «гладиаторы» гоняли друг друга по огромному ангару. И так разошлись, что один ходунок, спасаясь от преследователя, выскочил за воро-

та. До получения команды на выход это было строжайше запрещено. Поняв свою промашку, седок инстинктивно сжался в ожидании болевого удара. Но прошла секунда, вторая, третья, а кара всё не наступала.

— Ну, чего застыл? — крикнул остановившийся в воротах соперник. — Так шарахнуло, что мозги спеклись?

— Ни хрена себе, — отозвался нарушитель. — Вообще не шарахнуло, прикинь! У них что, система контроля полетела?

Весть разнеслась по ангару мгновенно.

— А ну-ка... — К «первопроходцу» протопал другой «гладиатор». — Точно, братва! Накрылась их «следилка»!

Братва ответила ему рёвом восторга. Кто-то от избытка чувств выстрелил в потолок, а огромный ходун включил резак и полоснул по стене ангара. Увидев, что и это осталось безнаказанным, осмелели даже самые осторожные. Когда подросли ходунцы охраны, две трети «гладиаторов» уже выбрались наружу, и загнать их обратно можно было только превосходящими силами.

— Сложить оружие! — раздался усиленный динамиками хриплый голос Бакая. — У системы контроля небольшой сбой, сейчас её восстановят. Тем, кто подчинится, сохраню жизнь, остальных перебьём как собак. И не забывайте, что вы дубли. Ваши тела у меня под замком, и пустить их в расход проще простого. Ну?..

— Туфту гонишь! — Один из ходунков, только что топтавшийся у ворот ангара, быстрыми шагами выдвинулся вперёд. — Братва, ничего они не успеют. Сейчас замочим их — и планета наша!

Он тут же подал пример — выстрелил в ближайшего ходунца. Тот оказался автоматом — даже с прожжённым корпусом не упал, лишь покачнулся и всадил в «гладиатора» ответный луч.

И началась бойня.

Шатуну всегда везло. Вот и сейчас, среди лязганья, скрежета, воинственных воплей и предсмертных хрипов, он всё ещё не получил ни царапины. Хотя «рыцаря» успели прожечь в трёх местах: ходунцы дважды попали ему в корпус и один раз — в ногу, повредив коленный механизм.

Повернув наблюдательную башенку, Шатун отыскал грязно-жёлтый ходунок Сыча. Он до сих пор держался на ногах, но сильно накренился и двигался судорожными рывками. Правая рука, с лучевиком, описывала странные зигзаги, а левая безжизненно свисала. Ещё недавно она заканчивалась внушительной клешней, однако сейчас из исковерканного запястья торчал только пучок синтетических сухожилий.

«Жив ещё», — облегчённо подумал Шатун. И сам поразился тому, насколько острым было желание, чтобы Сыч уцелел среди побоища. Казалось бы, что ему до него? Не ахти какие приятели: постоянно препирались, обменивались грубыми шутками, несколько раз даже серьёзно поцапались. А вот поди ж ты!..

Охранников осталось уже не больше половины, но никто и не думал спастись. Побежишь — пяти секунд не пройдёт, как прикончат выстрелом в спину. Поэтому они сражались яростно и упорно. Чтобы не попасть под удар, быстро перебежали с места на место, а четверо крутились вокруг гиганта-ходуна и добивали его, жалея в уязвимые точки. Тот грузно поворачивался, как мамонт, попавший в западню, и пытался достать юрких врагов. Наконец получилось: какой-то из ходунцов зазевался, и резак великана развалил его пополам.

Увидев это, остальные «охотники на мамонта» шархнулись назад. Один из них оказался в нескольких шагах от Шатуна, и тот, недолго думая, всадил ему луч в середину корпуса. Охранник рухнул и истошно завопил.

Шатун отработанно поймал в прицел его голову и снова выстрелил. Вопль оборвался.

Крутанув башенкой, Шатун сосчитал оставшихся охранников — их было восемь. «Ерунда, скоро всех положим», — подумал он и вдруг увидел, как грязно-жёлтый ходунок Сыча, дребезжа наполовину отвалившейся грудной пластиной, валится на спину.

То, что вслед за этим сделал Шатун, и братва, и враги называли бы самоубийством. Он резко остановил «рыцаря», выскользнул из него, пригибаясь, кинулся к поверженной машине и вытащил Сыча.

Тот вцепился одной рукой в живот, словно придерживая готовые вывалиться внутренности. Между пальцев обильно сочилась кровь. Ещё страшнее было смотреть на лицо — правую щеку и кончик носа срезало, как бритвой.

Шатун видал всякое, но тут его передернуло. Сыч уходил, проваливался в небытие, и сделать для него хоть что-то, даже малую малость, было невозможно. Разве что пристрелить, чтобы спасти от агонии.

— Так я с ним и не поквитался... — При каждом слове в груди у Сыча что-то булькало. — Ушёл от меня, сукин кот. Одно хорошо... — Он с усилием поднял руку и коснулся кончиками пальцев изуродованной щеки. — Помирать буду без клейма. Есть кто-то там, наверху... Избавил... меня... от...

Шатун закусил губу. Он вспомнил, что у настоящего тела Сыча, лежащего под замком у хозяина, клеймо на щеке осталось. Но какое это теперь имело значение?

Сыч уронил руку. Попытался ещё что-то сказать, но из горла вырывалось только сипение. Потом его голова завалилась набок, он пару раз дернулся — и застыл навсегда.

Бой продолжался. Однако горстка охраны не могла долго сдерживать напор десятков «гладиаторов», и вско-

ре последнего ходунца буквально изрешетили. После этого некоторые из победителей принялись ликовать, потрясая оружием и горланя какую-то восторженную чушь. Зато те, кто поумнее, тут же ринулись к административному корпусу. Спешившись, ворвались внутрь, но Бакая нигде не было.

Его обнаружил Шатун. Он остался в ходунке и, обойдя здание, увидел знакомую фигурку, спешащую к складам. Видимо, хозяин успел улизнуть через чёрный ход.

«Ты труп, — подумал Шатун. — Только «ТР» не успели нарисовать, но это уже ни к чему».

Подволакивая повреждённую ногу, «рыцарь» зашагал за беглецом.

5

Захваченный горячкой боя, Бакай слишком долго надеялся на чудо. Непозволительно долго. Лишь увидев, как тают остатки его воинства, он словно очнулся и начал лихорадочно обдумывать шансы на спасение.

Посчитать, что бунтовщики всё равно обречены, мог только человек, ничего не смыслящий в норнианских делах. Энергией колонию обеспечивал ядерный реактор, большие запасы воды и продовольствия позволяли не зависеть от поставок извне месяцев восемь, а то и год. Обходиться так долго без аммора, ежедневно, ежедневно спасающего человеческие жизни?.. На это Земля пойти не могла.

Казалось бы, достаточно послать войска — и восстание захлебнется в крови. Но колонисты сумеют обезопасить себя. Годами ковыряясь в норнианских породах, они хорошо усвоили, как застопорить работу на руднике. Несколько взрывов в давно известных точках — и амморная жила надолго станет недоступной. Вот и основа для шантажа! Стоит заикнуться об этом — и на

Земле семь раз подумают, прежде чем прибегнуть к военной силе. А подумав, предпочтут и дальше снабжать обнаглевшую колонию всем необходимым в обмен на аммор. Может быть, даже девочек на Норну завезут, если колонисты выдвинут такое условие. А они наверняка выдвинут — надо же продолжать бунтарский род!

Единственная заковыка в том, что через три дня дубли превратятся в бесформенную массу. Если «гладиаторы» не найдут ключ к хранилищу с телами — им конец. Конечно, останется ещё около тысячи колонистов, но это уже не тот сорт. Самые дерзкие, настоящие бойцы сгинут без следа, а с прочими можно договориться. Они же не призывали к бунту, не уничтожали охрану! Пошуметь, ясное дело, пошумят, но, поразмыслив, сами же приползут на коленях, чтобы вымолить пощаду.

Выходит, нужно просто забиться в щель, три дня не высовывать носа, а потом выйти и объявить себя героем, пережившим ад. Серьёзность заварухи подтвердят Ромуальдсен с компанией — если, конечно, успеют унести отсюда ноги...

Бакай укрупнил план колонии, выискивая подходящее укрытие, и тут раздались крики опьянённой победой толпы. Он вскочил и увидел в окно «гладиаторов», пришедших по его душу. Некоторые уже выбрались из ходунков. Пара минут, чтобы проломиться через заблокированные двери, — и будут здесь...

Выругавшись, Бакай сунул в карман ключ от хранилища и метнулся вниз, к чёрному ходу. Прикидывать, какое убежище самое надежное, было уже некогда, но он рассудил, что в огромных, напоминающих лабиринт, продовольственных складах есть где спрятаться. Только бы успеть...

Он не успел. Пробежав половину пути, Бакай обернулся и увидел, что его преследует новенький блестящий ходунок, похожий на рыцаря в чёрных доспехах.

Знакомая машина — в последней партии горной техники такая была только одна. Несмотря на сильную хромоту, «рыцарь» приближался быстро, и уйти от него было невозможно.

Бакай остановился и подумал о том, как нелепо сложилась его судьба. Столько лет греть душу мечтами о Земле — и получить луч между лопаток в самом мерзком из всех возможных миров. На планете, где даже быть богом и царём — сродни каторге. Где единственная ценность — не человеческая жизнь, а проклятый аммор...

Он вынул ключ и стал его разглядывать, словно видел впервые. Хороший солдат, умирая, обязан нанести урон врагу. Это его предсмертный долг. Выстрел из лучевика — и прозрачная пластинка с тонким синим узором в глубине распадётся на молекулы. После чего бунтовщикам останется только выть в бессильной злобе. К чему даже самая блестящая победа тому, кто спустя считанные дни превратится в прах? «Гладиаторы», конечно, попытаются взломать хранилище. Но оно устроено очень хитро — любая попытка открыть его без ключа приведёт к необратимой порче тел. Они никогда уже не вернутся к жизни.

Бакай стиснул ключ в пальцах и ощутил нарастающую ярость. Его предсмертный долг?.. Перед кем? Перед толстозадой мразью, что сейчас летит на Норну, предвкушая редчайшее, изысканное, запретное зрелище? Перед папенькиными сынками, не нюхавшими жизни, но сноровисто расхватывающими в ней самые лакомые куски? Перед твердолобыми чинушами, заточившими его здесь и не желающими пересматривать приговор? Да будьте вы все прокляты!

Он развернулся лицом к чёрному «рыцарю». Поднял ключ над головой, чтобы было видно седоку, затем бросил вбок.

«Берите, стройте свой мир, — подумал Бакай. — Он, конечно, тоже будет сволочной, но по-своему. А я погляжу с того света, как вы обломаете этих... И посмеюсь».

Он растянул губы в жутковатой улыбке и шагнул навстречу хромающей смерти.

НИКОЛАЙ НЕМЫТОВ

СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ХЛАМ

В час, когда усну
Я последним сном,
Молча отпущу
Стоящих за углом,
Что сто лет хранят
Старый добрый хлам.
Берите, это вам,
Всё это тоже вам.

ДДТ «В час, когда усну...»

Лестничный пролёт. Последний. Дверь и выход на крышу. Ослепительное солнце ранней осени и тёмный силуэт на парапете.

Он сидит, свесив ноги. Не оборачивается на скрип двери, на звук шагов. Значит, в ушах наушники.

Влад остановился перевести дух — три этажа галопом дались не просто. Тапки растерял по пути. Да к чёрту тапки! Какая глупость — тапки. Сейчас важнее подойти к нему и не напугать.

Или подкрасться на цыпочках, схватить за плечи и стащить с парапета.

— Он часто туда ходит. Там классно.

Влад похолодел: это что же получается? Он и Светланку брал гулять по крышам?

Так. Спокойно. Отойти вправо.

Мелкие камешки колют босые ноги, раскалённая за день крыша жжёт пятки. Тапки растерял по пути.

Дались тебе тапки! Твой сын сидит на высоте девяти этажей, свесив ноги, и в любой момент...

Нет-нет-нет! Такого быть не может. С ним такого просто не может быть.

А, чёрт! Откуда на крыше битые бутылки? И тапки потерял...

Влад, прихрамывая, добрался до парапета, присел спиной к высоте так, чтобы видеть его лицо.

Хрен что увидишь. Отрастил косую чёлку, один бледный нос торчит. А высота приличная! Без кабины и штурвала в руках — некомфортно.

Влад сделал пару осторожных шагов к нему.

Точно музыку слушает. Вон проводок наушников болтается.

Ещё пару шагов. Он не обращает на отца никакого внимания. Сидит, ссутулившись, на тыльной стороне ладони пятипалый паук айфона. Достаточно протянуть руку и оттолкнуть от края крыши. Влад медлил.

Он обернулся сам.

— Привет! — Влад машет рукой, чувствуя себя придурком. — Я вернулся.

— Класс, — тихо ответил Егор, вновь обращая лицо к закату.

Ну, хоть слышит, и то хорошо.

— Сам бьюсь в кайфе, — пробормотал Влад, подыскивая слова для разговора.

О чём тут говорить? Оттолкни сына от края, наори, чтобы неповадно было по крышам шлаться. Так делают все родители, так сделай ты.

Влад достал пачку, но руки тряслись.

— Не поможешь прикурить?

Тонкие пальцы мальчишки ловко подцепили сигарету, а зажигалка у него оказалась своя.

— Шорти што, — бледно улыбнулся Влад, плотно сжимая дрожащими губами сигарету, чтобы не упала. — Пятнадцать лет за шурвалом, — он с удовольствием затянулся, — а на крышу попал, и мандраж колотит. Будешь?

Врал, не врал про мандраж — какая разница. Говори! Говори...

От сигареты Егор отказался.

— Извини, — пожал плечами отец. — Просто сейчас многие курят.

Егор откинул чёлку, снял с правого уха скобу мнемоса.

— Твой гаджет.

— Точно, — Влад задумчиво повертел скобу пальцами.

Это-то тут при чём? Мальчишка боролся со своими переживаниями? Может, он видел, как девчонка прыгала, и хотел избавиться от тяжёлого воспоминания? Что-то не вяжется. Нет, не вяжется.

Егор снял с руки айфон:

— Хочешь? Можешь посмотреть. Они сами виноваты.

Лицо мальчишки оставалось сосредоточенным, серьёзным. Он слушал Игоря Яковлевича, неотрывно глядя на его руки, на потрёпанную книжицу в узловатых пальцах.

— Как бронзовой золой жаровень,
Жуками сыплет сонный сад.
Со мной, с моей свечою вровень
Миры расцветшие висят, —

читал старый букинист, прикрыв глаза, читал наизусть, как когда-то в молодости.

Голос Игоря Яковлевича трепетал. Трепетал не столько от вдохновения, сколько от гнева, от злости на это черноголовое пугало, стоящее перед ним. Бездушное пугало! Что он может понимать в стихах Пастернака? Что он вообще может понять в стихах? Уродец, обвешенный новомодными побрякушками. На поясе тёмное зеркало сенсорного чего-то там на «ай». В левом ухе наушник, к правому прикреплена какая-то скобочка. Да слышит ли он старика? Эх, пустоголовые бездари! Вот в наше время... Тенистые аллеи, вечерние фонари, румянец на девичьей щёчке...

Игорь Яковлевич смолк, снял очки, вытер платком потное лицо.

— Вот так, молодой человек, — оглаживая ладонью книжицу, повторял он. — Вот так.

— Яковлевич! Да чё ты перед ним распинаешься? — Сосед по книжной ярмарке, Данилыч вяло махнул рукой. — Вон ему по блютусу кореша звонят. Некогда ему. Пиво пора бухать.

Данилыч тяжело вздохнул, надвинул на глаза бейсболку и затих в тени большого зонта. На его стеллаже стояли многотомные, почти нечитанные издания из личной коллекции, однако, несмотря на хорошее состояние книг, продавались они плохо. Кому сейчас нужен Горький, Толстой, Пушкин? Да и торговец с Данилыча был никакой. Утром, разложив книги, он доставал из синей сумки «Динамо» бутылку перцовки и раскладной стаканчик. С третьей стопки Данилыч просто засыпал на походном креслице, несмотря на погоду — хоть в дождь, хоть в снег.

Игорь Яковлевич свою библиотеку собирал по крохам и, если бы не нужда, ни за что не стал бы торговать. Книги у него были разные по состоянию, но о каждой рачительный хозяин мог рассказать целую историю.

— Редкое издание, «Библиотека всемирной литературы», тысяча девятьсот семьдесят седьмой год, — нахваливал он сборник русской поэзии, из которого только что читал стихотворение Пастернака.

Мальчишка нерешительно топтался на месте, бросая взгляд то на книгу, то на стеллаж. Игорь Яковлевич был на грани срыва. Одним своим видом пацан пугал прохожих: чёрные кеды с белыми черепами и оранжевыми шнурками, чёрные джинсы не по росту, чёрная футболка со скалящимся розовым смайлом, сумка через плечо, увешенная значками. Одним словом — пугало!

— И чёрт дёрнул меня читать ублюдку стихи, — корил себя старик. Быть может, именно сейчас мимо прошёл выгодный покупатель.

— Э-эх, — вздохнул Игорь Яковлевич. — Совсем вы обездушили со своими побрякушками.

Кряхтя, он дотянулся до полки и поставил книгу на место.

— Куда мир катится? Что вы оставите своим детям? — Игорь Яковлевич удручённо посмотрел на пугало.

А мальчишка вдруг сделал шаг к нему и взял за запястье.

— Почему ты так говоришь, Игорь? Зачем ты меня обижаешь?

— Почему ты так говоришь, Игорь? Зачем ты меня обижаешь?

— Об этом все болтают: красавица и очкарик. — Он хотел говорить твёрдо, как подобает мужчине, но голос предательски трепетал от волнения.

— Я ничего не понимаю. — Лариса опустилась на парковую скамейку, растерянно глядя на него.

★ Распластанные после дождя осенние листья аппликацией украшали песчаную дорожку, тяжёлые капли срывались с тёмных ветвей деревьев.

— Да чего тут понимать? — раздражённо произнёс он, стараясь не смотреть на девушку. — Не люблю я тебя и никогда не любил.

— Игорь!

— Ну, что Игорь, Игорь! — Он отбросил в сторону прутик, который терзал в руках. — Я знаю, что Игорь! Двадцать лет как Игорь.

— Ты же такие стихи читал... Ты же клялся на коленях...

— Ещё бы! Первая красавица курса обратила внимание на дохляка-филолога! И в колени грохнешься, чтобы своего добиться...

Лариса вскочила с места:

— Подонок!

Пощёчина зазвенела в левом ухе.

И хорошо, и правильно. Он надеялся, что это последний удар и спортсмены с физкультурного факультета, наконец, перестанут его колотить за Ларису. Но удар отозвался в груди, и Игорь прикусил нижнюю губу, чтобы не завывать, когда она уходила прочь.

Новый год. Который? Разве вспомнить теперь. Однобокая ёлка в углу так завешана «дождиком» и шарами, что и не видно кривой макушки. Да и неважно это. Важны люди, весёлые шумные человеки. Они повсюду: на кухне, в зале за столом, в спальне. Квартира грузей, полная грузей. Игорь среди своих, и, кажется, все надежды всех сбудутся после двенадцатого удара курантов.

— Ждём-ждём! — весело кричит раскрасневшаяся хозяйка. — Они вот-вот должны подъехать! Игорёк! Шампанское в холодильнике!

— Будь сге! — бодро отвечает он и бежит на кухню.

Звонок в дверь. Радостные возгласы в прихожей — долгожданные гости пришли. Игорь выходит из кухни и быстро отступает назад.

Она! В сопровождении офицера, радостная и красивая. Сразу и не узнаешь, но он узнал. Словно молнией ударило от макушки до пят. Она!

Гостей провели в зал представлять. Многие её знают, многие помнят.

— Игорёк! Куда он подевался? Игорё-ок! Странно: шампанское на столе, а его и след простыл. Забыл, может, чего? А! Никуда не денется — вернётся.

Он не вернулся.

— Полный бардак, — пробормотал Игорь Яковлевич, выходя из Райсобеса.

Бумаги, бумаги, бумаги, а пенсии второй месяц нет.

— Не беспокойтесь. Все деньги за два месяца получите сразу, — заверила женщина с серьёзным лицом.

— Ага. Как же, — ворчал Игорь Яковлевич. — Вот был бы сын «новым» русским — повертелись бы вы у меня.

Дверь следом за Игорем Яковлевичем резко распахнулась. Статный мужчина с седыми висками в распахнутом пальто широким шагом вышел на улицу,

— Безобразие! — Он нахлобучил на голову норковую шапку, накрутил на шею шарф.

— Стёпа!

Игорь Яковлевич узнал бы её из тысячи. Но что стало с той красавицей? Понятно, прошло много времени, русые волосы разменяны на серебро, упругая кожа лица покрылась морщинами, однако у неё старость была настолько болезненной, что Игорь стоял, словно поражённый молнией, не сводя глаз с женщины.

Ей было не до него.

— Что там, Стёпа?

— Что-что? Бардак!

Она попыталась коснуться локтя Степана, желая успокоить.

— Оставь меня, Лара! — Он огёрнул руку.

Она сжалась, словно в ожидании удара.

— Иди домой, — брезгливо поджав губы, сказал он.

Игорь Яковлевич прикусил нижнюю губу, чтобы не окликнуть, когда она медленно побрела прочь.

— Эй, щенок! Ты что с человеком сделал? — Данилыч поднимался со своего креслица.

Ещё пять минут назад сосед спорил с пацаном, пытаясь всучить ему поэзию, а тут вдруг всё стихло. И на тебе: Яковлевич стоит, трясётся, словно его сейчас кондратий хватит, слёзы текут по лицу.

— Ах, ты ж гадёныш! — Данилыч стал выбирать из раскладного креслица.

— Не смей!

— Да ты чё, Яклич! Да он же тебя чуть ли не до инфаркта довёл!

— Не смей, — шипел букинист, бывший филолог. — А до чего ты довёл Ларочку? Помнишь? Там у Райсобеса, помнишь?

Данилыч опешил.

— Как... какого сабеса? Сбрэндил, что ли?

— Паршивец, — наступал Яковлевич, сжимая кулаки. — Да ты её мизинчика не стоил! Да ты...

Влад выключил запись. Что прикажете с этим делать?

— А соседка, Амалия Сергеевна?

Егор пожал плечами:

— Она лучшую подругу подставила, чтобы та, типа, не попала на первенство по стрельбе. Сломала велик, и та упала. Перелом позвонка. Амалия на измену, типа, не

хотела, чтобы так серьёзно, но никому не сказала. Вот и стремалась всю жизнь.

— Откуда ты об этом узнал?

Егор задумчиво посмотрел на свои руки, словно решая какую-то проблему.

— Чё там узнавать. Она стала орать на меня, как все вы орёте. Я коснулся её руки, а проблемы ваши всегда первые по списку. Самые стрёмные — сверху.

Влад хотел включить запись. Зачем? Чтобы увидеть, как старуха орёт на его сына? Как она в юности сломала велосипед лучшей подруге? Как осела на скамейку, хватаясь за сердце?

Влад вспомнил недавний разговор с женой...

Он вошёл в квартиру, радостно расставив руки.

— Карлсон прилетел! — закричала Светлана, выбегая из детской.

— В доме есть варенье или конфеты? — спросил Влад, подражая голосу известного мультипликационного героя.

— Нет! — радостно замотала головкой дочь. — Только колбаса! Жареная!

— Э-эх! С вами научишься есть всякую гадость! — Он подхватил Светланку на руки.

Людмила стояла у двери в детскую.

— Привет, милая!

— Здравствуй, дорогой!

Лёгкий поцелуй.

— Разве так целуют? — возразила Светлана.

— Опаньки! А как целуют? — удивился Влад.

— А вот как! — Дочь обняла его шею ручонками и стала целовать в щёки с громким чмоканьем.

— Стыдитесь, мама, и учитесь, — покорила жену Влад, спуская Светланку на пол.

— Да-а, — Люда приподняла брови. — Ну, так и быть. Смертельный номер!

Девочка поморщила носик, когда родители обнялись.

— Ну, хватит вам уже, — заныла она через минуту. — Давайте обедать уже.

— Устами младенца... — начал Влад, не выпуская жену из объятий.

— Твой желудок вопит громче, — улыбнулась Людмила. — Руки мыть и за стол. Команда: бегом!

Влад вновь подхватил дочь на руки и, посадив на плечи, заревел, изображая реактивный самолёт.

— Есть одна у лётчика мечта, — запела девочка.

Людмила лишь покачала головой, наблюдая семейный цирк.

— А где четвёртый член нашего экипажа? — спросил Влад, принимая из рук жены полотенце.

— Как всегда, — она неопределённо пожала плечами, — где-то.

Влад внимательно посмотрел на жену: смятение, растерянность, тень испуга. Когда он заговорил о сыне, Люда ответила спокойно без обыкновенного раздражения: «Ты же его отец! Поговори с ним!» Или: «Егор совсем отбился от рук! Меня абсолютно не слушает! Поговори со своим сыном!»

Были и другие варианты претензий. На все возмущения он отвечал обещаниями и заверениями, а назавтра вновь рейс, вновь полёт.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросил Влад, понизив голос, чтобы не услышала Светланка.

— Такая у нас работа: учить самолёты летать, — мурлыкала дочь, расставляя тарелки на кухне.

Люда поджала губы, по привычке дёрнула плечом. Сейчас она выглядела такой беззащитной и трепетной, какой была в первые годы супружества.

— Что, котёнок? — Влад привлёк жену к себе. — Что такое?

Она доверчиво прижалась к его груди, вздохнула, словно, наконец, обрела опору.

— Я хотела с ним поговорить, — начала рассказывать Люда. — Просто поговорить...

— Егор!

Сын накинул на плечо сумку, увешанную значками, равнодушно уставился на мать.

— Я с кем разговариваю? — Люда заслонила собой дверь, уперев руки в боки. — Мне сказали, что Амалия Сергеевна, старушка из семнадцатой, попала из-за тебя в больницу.

— Ацтой, — пробормотал сын, отворачиваясь.

Косая чёлка скрыла лицо.

— Она сделала тебе замечание, а ты? Что ты ей наговорил? — Люда схватила сына за плечо. — Ты понимаешь, что натворил?

— А ты? — Егор коснулся запястья матери.

На перемене они сходили с ума. За окнами — апрельское солнце, в классе — поток горячих лучей. Солнечные зайчики пляшут по доске и стенам.

Кто первым придумал перетягивать указку? Не важно. Люда с подругой, хохоча, пытались вырвать её из рук мальчишек. Те были сильнее, но игра забавляла. Близость округлившихся за зиму девчонок жарко дышала в лицо, кровь стучала в висках, играя весенним вином. Хотелось щипать одноклассниц, дёргать за косы, отбирать портфели, чтобы девчонки бросились в граку, лупили ладонями по плечам и спинам, чтобы невзначай прижать девчонок, невзначай касаясь запретных мест.

★ Мальчишки резко отпустили указку. Люда дёрнула на себя, и тупой конец ударил подругу в живот. Шутники быстро ретировались, а Люда стояла посреди класса, опешив от случившегося, сжимая в руках злосчастную деревянную указку. Подруга, зажав рот рукой, чтобы не кричать от боли, заливалась слезами в кругу одноклассниц.

— До сих пор я хорошо это помню. — Люда побледнела. — И вдруг всё отчётливо встало перед глазами.

— Тихо, милая, тихо, — успокаивал её Влад, глядя по плечам. — Уже столько лет прошло.

— Прошло, — согласилась Люда, — а, получается, забыть не могу.

— Так, где Егор? Он потом ушёл?

— Да. Когда я очнулась, его уже не было.

— У него знакомая девочка умерла, — тихо сказала Светланка, стоя в дверях кухни. — Упала с крыши своего дома. Егор пошёл на крышу. Он часто туда ходит. Там классно.

Людмила как стояла, села на пол, онемев от дурного предчувствия.

— Ты что, милая... Я сейчас. — Он метнулся к двери, вернулся к жене.

Сообщение ударило пыльным мешком. Что сначала: спасти сына? Спасти жену?

— Беги за ним! Беги! — отмахнулась Люда.

Программа называлась «Экран мысленного обзора. Психозмоциональная нейтрализация». ЭМО разработали специально для лётчиков гражданской авиации для устранения навязчивых мыслей и отрицательных переживаний. Как можно пустить за штурвал пилота, подавленного своими проблемами? Такой человек время

от времени будет вновь обращаться к тревожащей его мысли, отвлекаясь от пилотирования. А так надеваешь на правое ухо дужку мнемоса, и программа вводит человека в состояние дрёмы, когда восприимчивость наиболее сильна, помогает взглянуть на случившееся со стороны и, в конце концов, абстрагироваться от неприятных воспоминаний.

Егора, скорее всего, привлекло название программы. Он прочёл инструкции и воспользовался домашним мнемосом отца из любопытства. Вот что получилось.

— Ты просто защищался, — успокоил Влад, возвращая айфон сыну.

Егор словно профильтровал память стариков, воспоминания матери и напомнил им о собственных ошибках. Грехи молодости всплыли тяжкой тиной, сдавливая сердца, холодя души. Нерешённые проблемы, погребённые, казалось, навсегда в глубинах памяти, обрушились с десятикратной силой, когда их не ждали. Старый добрый хлам из домашнего шкафа, способный погребсти навеки.

Но как удалось тринадцатилетнему мальчишке добраться до тайников? Каким образом?

«Проблемы ваши всегда первые по списку. Самые стрёмные — сверху».

Влад замер. Догадка ударила не хуже тока.

— Наверное, это так называется, — пожал плечами Егор, подражая матери. — Короче, не стремайся. Я решил уйти.

— Нет, — твёрдо возразил Влад.

— Да! — крикнул Егор, вскакивая на парапёт. — Вы меня ненавидите! Вы с матерью!

— Враньё! — Влад чувствовал свою вину — слишком часто он самоустранился — спасибо ЭМО!

— Помнишь, чё ты сказал матери, когда она забеременела? Ты просил её сделать аборт! А это был я! Был я! — голос Егора срывался от сдерживаемых рыданий.

Влад словно натолкнулся на стену: сын и это раскопал. Но Люде сразу не выложил. Пожалел мать, значит, не всё потеряно.

— Да, вначале я был против! — признался он. — Дети должны жить в достатке, а мы снимали квартиру и едва сводили концы с концами. Беременность Люды стала для меня неожиданностью, но потом...

— Не оправдывайся! Ты врёшь!

— Не вру! Возьми меня за руку и узнай! Ты же можешь. Давай! Ты же не трус. Я не буду тебя ловить. Просто узнай, что я думаю о тебе. Как...люблю.

Егор растерянно смотрел на протянутую руку отца.

— Если лгу — уйдёшь.

Мальчишка прошёлся по парапету, спрыгнул на крышу. Влад восхитился бесстрашием сына.

— Ну же.

От заката осталась светлая полоска. Первая звезда задрожала, словно моргая ресницами.

— Она из-за книготорговца, — рассказывал Егор о своей погибшей подруге. — Он наорал на неё, обозвал всякими словами. Я хотел отомстить, но не знал как.

Влад сидел рядом с ним на парапете, свесив ноги. Чего теперь-то бояться выигравшему битву? А если посмотреть со стороны, то и вовсе не страшно.

— Молодец. — Он потрепал сына по волосам. — Молодец.

— Ребята, — окликнул их тихий голос Люды. — Вы домой собираетесь?

— Иди сюда, мать, — позвал её Влад. — Сейчас самая красота будет — звёзды разгорятся.

Подбежала Светланка, бесстрашно села рядом с отцом. Люда молча обняла своих мужчин за плечи, то ли вздохнула, то ли ахнула.

— Красота...

ПАВЕЛ ШЕЙНИН

ПРАКТИКУМ ПО РЕКРЕАЦИОННОЙ ДЕБИЛИЗАЦИИ

1

— Пан Ярослав? Профессор Мрошак?

Адвокат приоткрыл дверь гостиничного номера. Разобранная кровать, скомканный ковёр и целая батарея рюмок на барной стойке не очень настраивали на встречу с большим учёным. Адвокат ещё раз сверился с цифрами на двери и, убедившись, что не ошибся, рассеянно подошел к бару. «Вот тебе и светило науки», — подумал он, подняв рюмку с какой-то пенящейся зеленоватой жидкостью.

— Не советую, — раздался голос за его спиной. — Это желудочный сок.

Чуть не выронив рюмку, адвокат обернулся. Перед ним стоял худощавый и лопоухий профессор Мрошак.

— Надеюсь, вы не против, что я в халате?

— Категорически против. Моя цель — чтобы вы были в шоколаде! — Адвокат поставил рюмку, шагнул навстречу хозяину и протянул руку. — Матвей Гречко, адвокат. Я буду представлять ваши интересы в суде.

— Гм, гм, — хмыкнул Мрошак, неохотно пожимая цепкую ладонь. — Я же просил Пчелинского, чтобы мне в защиту дали серьёзного человека. — Он говорил

со смешным польским акцентом, из-за чего «л» звучало как английское «w»: «чеуовека».

— Обижаете, пан Ярослав. — Адвокат бесцеремонно прошёл к дивану, уселся и раскрыл портфель. Кивнув в сторону барной стойки, он добавил: — И вообще, уж кто бы говорил.

— Чтобы вы знали, юноша, я экспериментирую! — Профессор подошел к рюмке, поднял её и посмотрел на просвет. — Всего лишь триста штук на кубический сантиметр улучшают ферментацию на 25%.

— Триста штук... молекул?

— Каких молекул? Наноботов!

— Ага, — неуверенно сказал адвокат и стал просматривать бумаги. — Странно, в материалах дела значатся генетические болезни. Ни слова об изжоге.

— Эй, как вас там? — крикнул профессор. — Гречко? Ну так вот, Гречко. Никакого отношения к суду эти опыты не имеют. Желудочные расстройства — просто моё хобби.

— И мое тоже в последнее время, — проворчал адвокат и погладил живот. — Ясно. Значит, пан Ярослав, это вы так развлекаетесь. Проводите эксперименты над собой.

— А что прикажете делать? Просиживать штаны, пока длится этот нелепый процесс?

— Так вы же сами его и начали! И потом, он сделал вас знаменитым. Все сегодня только и говорят что о «наноботах Мрощака».

Адвокат достал из портфеля газету и зачитал: «Фармацевтический гигант анонсировал выпуск временных дебилизаторов на основе технологии профессора Мрощака. Автор ноу-хау будет отстаивать свои интересы в суде».

— Вот он, итог моей тридцатилетней карьеры. — Профессор уселся на кровать с ногами и стал нервно теревить бороду.

— Нет ничего проще, чем положить конец пересудам. — Адвокат выложил на журнальный столик несколько папок. — Профессор, давайте к делу. Я приготовил всё необходимое для того, чтобы решить спор во внесудебном порядке.

Мрощак вскочил с кровати как ошпаренный.

— Что? Да как вы смеете? Я всю жизнь положил на то, чтобы дать людям с синдромом Дауна надежду, а эти балаганщики хотят сделать из наноботов посмешище? И я, Мрощак, пойду на попятный?

Гречко замахал руками.

— Протестую! Пан Ярослав, как «серьёзный чеуовек», призываю вас: давайте всё по порядку. Во-первых, ваше великое открытие никто не отменяет. Вне зависимости от исхода процесса право на клиническое использование генных наноботов останется за вами. Во-вторых, если бы вы по-хорошему договорились с «ГлаксоСмитКляйн», они бы вас озолотили! Вы только подумайте: это как выиграть сто грантов разом! Никто не будет ограничивать вашу... — адвокат покосился на барную стойку, — свободу творчества. Ну, и в-третьих: что это за слово такое — «балаганщики»? Ей-богу, это не по-русски.

Профессор расхаживал по номеру, иногда исчезая в ванной комнате. Фалды халата взлетали при каждом шаге.

— Вот именно, вот именно, что балаганщики. Вы же читали материалы дела? Кому они хотят продавать моих наноботов?

— Ну, обычным людям. Не вижу ничего зазорного в том, чтобы...

Мрощак выхватил газету из-под носа адвоката и вскричал:

— Посетителям парков развлечений! Проклятым бездельникам!

— Ну, почему сразу бездельникам? Отдыхающим.

— Вот это место, полюбуйте. — Профессор почти уткнулся лбом в газету и сильно сощурился: — «ГлаксоСмитКляйн» уже заключило предварительный договор с крупнейшим оператором тематических парков «Санторини» на поставку наноботов Мрощака. Эксперты «Санторини» считают, что рынок *рекреационной дебилизации*... — тут Мрощак застонал, как от зубной боли, — ...может достигать сотен миллионов евро в год». Вы слышали, Гречко? *Рекреационной дебилизации*...

— Согласен, термин неудачный.

— При чём тут термин? Это полная противоположность тому, ради чего я создал наноботов, понимаете? Я создал их, чтобы выборочно изменять кариотип пациентов с синдромом Дауна, чтобы *выключать* гены, тормозящие умственное развитие. А они хотят их *включать*! Им, видите ли, не хватает острых ощущений! — Тут профессор стал изображать ярмарочных зазывал: — «Почувствуйте себя в шкуре ребёнка-дауна! Никаких забот, никаких тревог! Первые десять минут — бесплатно!»

— Что-то мне трудно представить человека, который захочет *таких* острых ощущений...

— Вы болван, Гречко. Неужели вы не понимаете, что люди будут соглашаться на *дебилизацию*, потому что по окончании аттракциона их ждёт... *гениализация*! Когда ещё обычному человеку представится возможность внезапно почувствовать себя намного, намного умнее? И на это они хотят пустить наноботов! Это всё равно что построить настоящий функционирующий космодром в качестве декорации для рок-концерта.

Мрощак швырнул газету на стол перед адвокатом.

— И ведь надо же, какая ирония, — усмехнулся профессор. — По моей задумке генные роботы отключают лишнюю копию двадцать первой хромосомы. Полностью останавливают экспрессию генов, как будто никакой лишней хромосомы и нет. А эти воротилы научились так программировать наноботов, что они залезают в здоровый организм и повторно активируют гены на одной из копий хромосомы. Создается эффект, что этих копий не две, а три. По сути, на десять или двадцать минут в клетках появляется фантомная хромосома... И весь букет связанных с этим расстройств. Но ведь технология-то всё равно моя, только шиворот-навыворот!

Тут Мрощак заметил, что посетитель смотрит на него, как баран на новые ворота. Профессор закатил глаза.

— Матка боска¹, я же просил Пчелинского дать мне адвоката, который хоть немного разбирается в генетике. — Он плюхнулся на кровать и накрылся одеялом с головой.

Адвокат задумался. Пролистав пару документов, он вдруг решительно встал и направился к двери.

— Эй, Гречко, вы что, уходите? — глухо спросил Мрощак из укрытия. — Свою макулатуру возьмите с собой. Никакого досудебного порядка.

— Пан Ярослав, — сказал адвокат, резко развернувшись у самой двери, — эти бумаги мне больше не нужны.

Профессор высунулся из-под одеяла и недоверчиво посмотрел на гостя.

— Придя сюда, я был убеждён, что ваши шансы в суде равны нулю. — Голос адвоката звучал торжественно. — Один-единственный умник против огромной кор-

¹ Матерь Божья (польск.).

порации... Но теперь я понимаю, что ошибался. Ваши слова произвели на меня большое впечатление. Здесь речь идёт уже не о защите интеллектуальной собственности. Здесь речь идёт о борьбе за научный прогресс!

Мрощак почесал подбородок.

— Послушайте, Гречко, вы серьёзно? Я уже стар для таких розыгрышей.

— Абсолютно серьёзно. Попомните моё слово, это дело пахнет *прецедентом*! Если нам удастся доказать общечеловеческую значимость вашего изобретения и принципиальную важность его клинического, и только клинического применения... Если присяжные откликнутся на ваши слова, как откликнулся я... Думаю, вместе мы заставим трепетать даже самих юристов «ГлаксоСмитКляйн»!

И адвокат во второй раз протянул руку профессору:

— Пан Ярослав, только что у вас появился новый единомышленник.

Мрощак неохотно встал с кровати и пожал руку.

— Главное, чтобы вы не остыли до суда, молодой человек, — процедил он. — И хотя бы немного ознакомились с фактической стороной дела.

Сияющий адвокат исчез за дверью. В открывшуюся щель попытался было просочиться какой-то репортёр с фотоаппаратом, но Мрощак быстро его вытолкнул, бубня что-то про болезнь. Оказавшись в безопасности, профессор уселся прямо на пол, прислонившись спиной к кровати.

— *Рекреационная дебилизация*, — буркнул он и прочистил горло.

— Мы выиграли! — кричал адвокат Матвей Гречко, распахивая дверь в гостиничный номер. За ним тянулся длинный хвост из журналистов, общественных деяте-

лей, каких-то доцентов, сотрудников гостиницы и даже одного депутата. Комната наполнялась букетами цветов, коробками в подарочных упаковках, фруктами и бутылками шампанского. Сам Гречко нёс целую стопку свежих газет на электронной бумаге. За год процесс оброс толстой коркой медийного шума. У Мрощака появились толпы последователей и недоброжелателей. Его наноботы стали популярным мемом в интернете и породили целые гроздья флэш-игр, веб-комиксов и спам-трендов, а под конец разбирательства даже привели к возникновению особых *троллеботов* — автоматизированных провокаторов дискуссий на темы медицины, генетики и умственной отсталости. Вердикт был обставлен как кульминация телесериала. Драматическое напряжение было столь велико, что обе стороны в итоге почувствовали себя проигравшими — всем хотелось продолжения банкета. Впрочем, Гречко ничто не мешало пузырьиться от гордости.

— Мы выиграли! — кричал он, размахивая газетой как знаменем. — Слышите, профессор? Выиграли! Все пять исков удовлетворены! Вы бы видели эти физиономии... Ваше финальное видеовыступление в кровати всех потрясло... И даже удачно, что вы заболели. Присяжные хлопали, ей-богу! Это надо было видеть. Я же говорил, говорил вам про прецедент! Помните? Я был прав! Этот процесс войдёт в учебники... Вот это день! Профессор, вы уж не взыщите, не смог остановить журналистов...

— Простите, простите! Перестаньте шуметь!

Только тут до адвоката дошло, что кто-то дёргает его за рукав не просто от переполненных чувств, а чтобы привлечь внимание. Это была медсестра, которая последние два месяца навещала Мрощака. Лечь в больницу он категорически отказался.

— Ему не очень хорошо, он в ванной. Нужно всех увести...

Гречко с ужасом подумал, что, если сейчас старик отдаст концы, это будет настоящий звёздный час для репортёров. Он приложил сотовый к уху и стал махать всей компании, театрально требуя тишины.

— Алло, да, профессор... Да, иду! — Гречко убрал телефон и крикнул: — Он в конференц-зале на пятом этаже.

Толпа не шелохнулась. Гречко спешно добавил:

— Там шведский стол!

Тут уж вся компания, возглавляемая депутатом, утекла в коридор, бурля и наступая самой себе на пятки. Адвокат проводил последнего визитёра, запер дверь на ключ и поспешил в ванную. Только теперь он заметил, что на барной стойке вместо нескольких рюмок стоял всего один бокал, наполненный чем-то, по цвету напоминающим коньяк.

— Гречко, сколько же от вас шуму, — донеслось из темноты. В полумраке ванной было видно, как медсестра меняет Мрощаку компресс. Адвокат хотел было обнять профессора прямо в воде, но тот запротестовал: — Сейчас я вылезу, подождите, невозможный вы человек.

Через минуту он вышел в своем потрёпанном халате, который теперь, казалось, стал на два размера меньше. Фалды беспомощно волочились по полу. Профессор со скрипом сел на диван и попросил передать ему бокал.

— Продолжаете эксперименты над собой, пан Ярослав, — усмехнулся адвокат, исполняя просьбу. — Возможно, вы ещё не слышали, но мы выиграли дело.

— Слышал, слышал. Надо признать, Гречко, я вас недооценил.

Адвокат зарделся.

— Профессор, я всегда считал, что наша дружба — это союз двух суперпрофессионалов. Это придавало мне сил на суде.

— Я имел в виду ваш талант шоумена. Поднять такую волну...

Гречко косо глянул на профессора и, чтобы скрыть досаду, стал открывать шампанское.

— Вы лучше посмотрите корреспонденцию, вам пришло десятка два поздравлений. — Адвокат кивнул на стопку конвертов, лежавшую на журнальном столике. — Редкий случай! Когда ещё встретишь старую добрую аналоговую бумагу...

Чпок! Заболтавшись, Гречко упустил пробку из-под шампанского и залил себя пеной. Смеясь и чертыхаясь, он вытащил письмо из стопки и стал вытирать им руки.

— Думаю, вы не против, — ухмыльнулся он Мрощак. Вдруг между своих липких пальцев адвокат мельком увидел знакомый логотип: GSK, «ГлаксоСмитКляйн». За последний год он видел это название столько раз, что привык воспринимать его как одну-единственную букву или типографский знак. Развернув скомканный конверт, он с удивлением обнаружил письмо от своих главных врагов. В этот момент профессор тоже разглядел слова на конверте.

— Ну-ка, дайте посмотреть, что это такое, — сказал Мрощак нарочито небрежно. Резко подавшись вперёд, он попытался выхватить бумажку из рук адвоката, но Гречко поднял письмо над головой и настороженно уставился на своего подзащитного.

— Что-то я не пойму, что здесь происходит.

— Кто-то читает чужие письма, вот что.

— Я целый год читал ваши научные труды, пан Ярослав, надо же и мне как-нибудь развлечься. — И с этими словами адвокат вскрыл конверт. Как ни странно, профессор перестал сопротивляться. Он опустил глаза и

стал мерно кивать, как бульдог на приборной доске автомобиля.

Гречко просмотрел текст письма наискосок и понял всё, не поняв ни одного слова по отдельности. Это был его профессиональный навык, особенно полезный при беглом знакомстве с чужими документами. Будучи пойман с поличным, адвокат мог бы сказать, что ничего не читал — и даже детектор лжи не подкопался бы, потому что никаких конкретных слов он действительно не читал. Но на этот раз после беглого знакомства Гречко, не веря своим глазам, ещё раз вернулся в начало и прочитал всё послание строчка за строчкой, бубня себе под нос отдельные фразы: «Отвечая на ваше письмо»... «Дублируем электронную версию бумажной из уважения к вашей болезни»... «Мудрое решение»... «Оставим прошлые разногласия»... «Между нами»...

— Вы... предали... меня, — выдохнул адвокат.

— Гречко, вы болван, — сказал профессор дружелюбно. — Как вы могли выиграть этот процесс, если даже читать не умеете?

— Выиграть-то я выиграл, но и эти ушлые черти, похоже, ничего не проиграли... Вы заключили соглашение за моей спиной! — Адвокат с размаху сел на пол. — Вы, старый трусливый лицемер... Решили подстраховаться на всякий случай, да?

— Посмотрите дату на конверте и перестаньте дерзить.

— Сегодняшнее число — ну и что?

— А то, что это ответ на моё вчерашнее письмо — первое и последнее, которое я писал им. Я не хотел «подстраховываться». Я уже знал, что выиграю дело. Благодаря вам.

— Премного благодарен. — Адвокат изобразил реверанс, не вставая с пола.

— Вы далеко пойдёте, молодой человек. Я вам для этого не нужен.

— Но зачем вы написали им? Зачем вы согласились продать «ГлаксоСмитКляйн» права на свои наноботы? Вы предали не меня, а себя!

— Я скажу вам, Гречко, — протянул профессор, — хотя, в общем-то, это не вашего ума дело. Но сначала возьмите вон ту брошюру рядом с кроватью.

Адвокат дотянулся до яркого клочка электронной бумаги и стал медленно пролистывать брошюру пальцем. Это была реклама одного из подпольных «дебилизаторов» — заведений, в которых всем желающим предлагали палёные наноботы Мрощака.

— Вы же знаете, что моя технология утекла в народ ещё в самом начале процесса, — сказал профессор. — И знаете про все те многочисленные уродства, которые она наплодила: скоростные «дебилизаторы» для тех, у кого есть всего несколько часов; «даун-ретриты» для поклонников глубокого многодневного погружения (отсюда новое значение слова «дауншифтинг»); многочисленные секты или клубы, пропагандирующие свои модификации наноботов и способы дебилизации; среди них, конечно, и движение «апсайд-даунов» — вылечившихся умственно отсталых людей, повторно примеряющих на себя маску идиотов; наконец, эти ужасные чемпионаты среди «дауноидов» — так вроде они называют тех, кто крепко подсел на отупляющие процедуры... Матка боска! Это целая *дебилиага*! А помните дуралеев из движения «Дебилайз» за легализацию наноботов? Они ещё пытались закидать меня яйцами, только ошиблись номером и в итоге закидали какого-то атташе, так что потом был чуть ли не международный скандал. А про тест Тьюринга для идиотов вы слышали? Сажают в две закрытых комнаты одного настоящего дауна и одного с наноботами... В общем, так же, как с искусствен-

ным интеллектом, только вместо интеллекта — его отсутствие.

Мрошак остановился и устало покачал головой.

— Вы, конечно, помните, как я отношусь ко всем этим...

— «Балаганщикам»... — усмехнулся адвокат. — Помню.

— Ну так вот, Гречко. Я передумал.

Адвокат наконец оторвался от брошюры и уставился на профессора. Услышать из его уст «я передумал» было всё равно, что споткнуться об шезлонг на Северном полюсе.

— Я всегда презирал бездельников и пустые развлечения. Я всегда внутренне содрогался, видя пропасть между тем, что люди *делают*, и тем, что они *могли бы сделать*. Вслед за классиком я всегда повторял: если человек не становится больше, чем человек, он становится меньше, чем человек. — Профессор посмотрел в потолок. — Смешно, но свидетельство моего заблуждения всегда было у меня под носом. Простые и глупые дети с синдромом Дауна. Чем они заняты весь день? Собирают цветы? Смотрят по сторонам? Кормят голубей?

— Но ведь ваши наноботы и должны были изменить этих людей, облагородить их...

— Да. Должны были... Клинические испытания скоро закончатся. Но вы ведь знаете, что эффективнее всего терапия в пренатальный период... А знаете ли вы, что за время процесса на свет появилось еще около 40 000 детей с синдромом Дауна? Мои наноботы, скорее всего, уже не смогут им помочь. Куда девать их в моем эволюционном хит-параде? Конечно, они такие же живые, как и мы с вами, и имеют такое же право на жизнь. Смешно было бы распекаать их за то, что они погрязли в пустом ничегонеделании (хотя заметьте: многие из них гораздо более трудолюбивы, чем обычные люди). Читая бес-

конечные репортажи о новейших завоеваниях *рекреационной дебилизации*, я понял: болваны из «Дебилайз», организаторы чемпионатов между «дауноидами», генные программисты нелегальных наноботов... Я не могу их осуждать. И никого из тех, кто в эти самые минуты занимается... развлечением.

— Значит, вы больше не против строительства космодрома в качестве декорации?

— Судя по всему, развлечение — это такая же человеческая деятельность, как и наука, спорт, любовь. Она не менее человечна, понимаете? Да, паренек, который крошит зомби в какой-нибудь онлайн-игре, мог бы провести время с большей пользой, мог бы найти себе занятие лучше... Но он нашёл такое. Может быть, кто-нибудь из посетителей даун-ретритов находит в них силы для будущих свершений? Чёрт их знает. Похоже, это необходимый модуль космического корабля под названием «человечество». И если мои наноботы окажутся полезнее в качестве развлечения, чем в качестве лечения... Ну что ж, пусть будет так.

Профессор затих. Адвокат встал с кровати, поднял скомканное письмо и положил его на стол.

— Значит, «ГлаксоСмитКляйн» будет вам платить за использование наноботов?

— Нет. Я просто дал им карт-бланш на наведение порядка в индустрии. Хочу, чтобы она вышла из тени. Чтобы эти подпольщики хотя бы не калечили людей криво перепрограммированными ботами.

— А что же делать мне?

— Ну, Гречко, вам нужно продолжать то, что у вас так прекрасно получается — излучать беспочвенный оптимизм. А если вы имеете в виду мою переписку за вашей спиной... Можете не беспокоиться, я узаконю отношения с акулами бизнеса только через полгода. Мы

договорились, что сначала дадим улежаться всей этой шумихе. Ну, и для вас никаких проблем.

Адвокат усмехнулся и взялся за ручку двери.

— А вы не такой сукин сын, каким всегда хотели казаться, пан Ярослав. Честное слово.

— Ладно, хватит трепаться. Впускайте журналистов, Гречко, а то они сейчас дверь снесут.

Адвокат повернул ключ в замочной скважине — и в гостиничный номер хлынул поток посетителей. Гречко подождал, пока струя ослабнет, и просочился наружу. Последнее, что он услышал, были слова профессора, звучавшие как автоматная очередь: «Без комментариев. Без комментариев. Без комментариев».

ДМИТРИЙ ФЕДOTOV

ВАРИАНТ РЕШЕНИЯ

0

В полутёмной гостиной люкс-апартаментов на тринадцатом этаже отеля «Экселенц» сидели трое. Двое — на диванчике, по одну сторону низкого овального столика, а третий — в кресле напротив. Поляризованный свет от большого, во всю стену, окна искажал цветовосприятие, и от этого всё в комнате казалось плоским и серым: предметы, обстановка, фигуры людей. Тот, что в кресле, видел вместо лиц собеседников лишь серые пятна, а его физиономия для них была словно нарисована пером авангардиста — несколько чёрных штрихов на светлом фоне, намекающих на нос, губы, глаза.

Однако такая необычная обстановка встречи несколько не мешала всем троим. Они довольно оживлённо беседовали, не меняя поз и не делая ни одного лишнего движения.

— Итак, мистер Хофман, — произнёс один из двоих на диване, тот, что повыше, — мы вкратце изложили вам свои предложения и теперь хотим получить от вас чёткий и ясный ответ: согласны ли вы на наши условия?

— Не торопитесь, господа, — низким голосом, слегка картавя, сказал человек в кресле. — Давайте-ка ещё раз просуммируем наши взаимные претензии и обязательства. Вы предлагаете мне участие в весьма сомнительном эксперименте, который якобы проводится под эгидой Научного совета ООН и имеет целью создание индивидуальной системы адаптации для человека в условиях агрессивной внешней среды. Я добровольно соглашаюсь отдать себя, точнее своё тело, в руки ваших биоников для так называемой модернизации. При этом вы не можете сказать конкретно, в чём она заключается. Также вы не можете гарантировать мне абсолютную безопасность эксперимента и сохранение моего драгоценного здоровья. Я же со своей стороны обязан пройти все этапы этой модернизации и к тому же обязан хранить всю полученную информацию в секрете в течение всего срока договора. И за всё за это я получаю пожизненную «серебряную карту» гражданина мира со всеми вытекающими. Я ничего не упустил?..

— Всё правильно, мистер Хофман, — снова заговорил высокий, — кроме одного. Что касается вашего драгоценного здоровья, как вы выразились, то результаты последнего ежегодного медицинского тестирования как раз говорят об обратном. Уровень вашего здоровья снизился до сорока семи единиц, а это означает, что вы не сможете более работать в сфере средств массовой информации...

— Погодите! — возмутился картавый. — Что за бред?! Я здоров! У меня шестьдесят две единицы — этого более чем достаточно, чтобы работать журналистом. Я...

— У вас сорок семь единиц. Можете проверить через свой инком, код доступа я вам предоставлю. Но какой смысл мне вас обманывать?

— Я же останусь без работы?!.. Как же я буду жить, на что?.. — потерянно пробормотал Хофман.

— Если заключим контракт, у вас не будет никаких проблем ни с жильём, ни со средствами, — включился в разговор третий из присутствующих. — Эксперимент рассчитан минимум на год. Плюс, если всё пройдет удачно, ваш уровень здоровья станет почти идеальным!

— А если неудачно?..

— За это мы вам и платим, мистер Хофман. За риск. Так вы согласны?..

— Да-да...

— Тогда, — высокий наклонился вперёд и положил на овальный столик тонкий, зеркальный прямоугольник сканридера, — приложите правую ладонь к экрану.

Хофман повиновался. Высокий быстро набрал на миниатюрной клавиатуре код, блестящая поверхность прибора затуманилась, по ней быстро, одна за другой проплыли разноцветные светящиеся полосы, затем из боковой щели его выскочила стандартная пластиковая карта — типовой договор на работу.

— Ну вот, мистер Хофман, — сказал третий собеседник, — отныне вы — сотрудник Института новых биотехнологий при Научном совете ООН. Завтра утром за вами заедет служебная машина. Всего хорошего.

Оба безликих человека поднялись с диванчика и вышли из номера. Минуту спустя Хофман тоже встал и направился вслед за ними. Уже взявшись за ручку двери, он громко сказал сам себе:

— Во что же ты вляпался на этот раз, Сэм?..

Зал заседаний Экологического совета ООН был полон. Обычно полупустые места для прессы на этот раз не смогли вместить всех желающих. Обозреватели и соборы солидных изданий заняли подобающие их положению первые ряды амфитеатра. На галёрке толпились журналисты и корреспонденты рангом пониже. Гвалт стоял как в обезьяннике во время кормёжки.

Члены совета не спеша рассаживались на подиуме по своим креслам, обмениваясь короткими приветствиями и дежурными улыбками. Референты закончили раскладку ридеров с материалами заседания и удалились. Председатель совета, седой как лунь профессор Ваханга Мбене из Западноафриканской федерации, приложил ладонь к сигнальной панели, и по залу прокатился мелодичный звон курантов, возвещающий о начале заседания. Шум понемногу начал стихать, и профессор жестом предложил секретарю огласить повестку дня. Секретарь включил микрофон:

— Дамы и господа! Внеочередное заседание Экологического совета Организации Объединенных Наций считается открытым. Основной темой сегодня является доклад и обсуждение проекта регенерации биосферы «Зелёное око». Авторы и разработчики проекта — группа учёных из Российского центра биотехнологий. Докладчик — доктор биологических наук Сергей Богданов. Его сообщение предваряется сводкой экологических новостей и прогнозов. Слово предоставляется главному эксперту Экологического совета академику Университета Сорбонны Жильберу Брандо.

Высокий и поджарый черноволосый человек порывисто встал, поклонился залу и снова сел в кресло. Свет в помещении померк, перед подиумом вспыхнула сияющая трёхметровая сфера головизора. Молочная глубина её протаяла изнутри, сфера пришла в движение и нача-

ла медленно вращаться. Внутри неё возникло изображение серо-жёлтой пустыни. По низким пологим барханам, лениво покачиваясь, двигался огромный смерч.

— Дамы и господа, — заговорил француз приятным баритоном, — вы видите перед собой картину, ставшую типичной для всей южной и юго-западной Африки в последние десять лет. Пустыня Калахари стремительно расширяет свои границы на север. Отдельные её «языки» достигли рек Заир и Мозамбик. Пустыня полностью поглотила территории бывшей Южно-Африканской Республики, Ботсваны, Намибии, Зимбабве, Анголы, частично — Мозамбика, Малави и Заира. Не лучше дела обстоят и на севере континента. Там Сахара простёрла свои владения на Эфиопию, Судан, Чад, Мали, вплотную подступила к берегам Нигера, Сенегала и Сомали. Процессы опустынивания усиливаются и на Североамериканском континенте, в Центральной Азии и Китае. В последнем это особенно тревожно, так как сгоняет население в прибрежные районы, и без того предельно густо населённые. Правительство Китая ввело с января этого года водяные карточки и бесплатно раздаёт жителям мегаполисов респираторы и дезактиваторы жидкости, чтобы хоть как-то смягчить удар «водяного кризиса».

Картины в сфере, быстро сменяя одна другую, иллюстрировали печальный и жуткий доклад доктора Брандо.

— А вот что происходит в Австралии, — продолжал главный эксперт. — Вопреки прогнозам, Зелёный континент не превратился в пустыню, наоборот, он весь покрылся тропическими лесами. Но крупные реки там так и не появились — множество мелких речушек и ручьёв, соединяющих цепочки мелководных озёр, и, как результат, — активное заболачивание. Три четверти материка ныне занимают болота, населёнными остаются

лишь юго-восток и юг. То же самое произошло с Южной Америкой. Амазонская сельва расплзлась до широты Рио-Джанеро, но южнее всё превратилось в каменистую пустыню, вроде Атакамы.

Докладчик помолчал несколько секунд, переводя дыхание и давая присутствующим возможность полюбоваться картинами взбесившейся природы, затем заговорил снова:

— Теперь о геофизических новостях. Самым неприятным и тревожным событием является массовое пробуждение подводных вулканов на Среднеатлантическом хребте. По неполным данным, на сегодня там насчитывается до тридцати активных жерл! Извержения и моретрясения происходят ежедневно. По всем океанам меняется картина течений. Гольфстрим, например, ослабел настолько, что доходит теперь лишь до Шетландских островов. Северная Скандинавия, Исландия, Гренландия, Шпицберген и побережье Баренцева моря скованы льдом по десять месяцев в году! Средняя температура января в том районе упала на восемь градусов. А в Антарктиде катастрофическими темпами тают шельфовые ледники. Ледник Росса, в частности, уменьшился почти наполовину! Южная часть Мирового океана быстро опресняется, его уровень вырос без малого на метр.

Академик прервался, чтобы отпить воды из высокого стакана — такие же стояли перед каждым членом совета.

— Наконец, биологические новости. По данным мониторинга наиболее активный процесс неомутагенеза биосферы идёт в поясе тропических болот. Компьютерная модель показывает, что в среднем каждые сорок—пятьдесят суток там возникает новый биологический вид! И далеко не все эти «новички» выглядят безобид-

но. Взгляните на головизор, это лишь некоторые представители новой биогенерации...

Внутри сферы появилось жуткое существо, похожее одновременно на бегемота и крокодила. Оно посмотрело на людей холодными змеиными глазами и раскрыло полутораметровую пасть, обсаженную акульими зубами в три ряда. По залу прокатилась волна судорожных вздохов. Бегемотокрокодила сменила не менее противная крылатая тварь, в которой почти невозможно было опознать красивого и гордого альбатроса. Монстр имел длинную зубастую пасть, как у птеродактиля, шестиметровые крылья и волосатое тело грязно-синего цвета. Третьим в коллекции оказался жуткий цветок, похожий на орхидею «Королева ночи», только вместо листьев розетки там шевелился пучок щупалец весьма смахивающих на осьминожки.

— Безрадостная картина, не так ли? — прокомментировал видеоряд академик. — Такое впечатление, что природа планеты вознамерилась избавиться от присутствия человека раз и навсегда. Агрессивность окружающей среды нарастает в геометрической прогрессии. Причём как на макро-, так и на микроуровне. Про новые штаммы вирусов и бактерий я не говорю, но то, что даже привычные для нас растения и животные становятся потенциально опасными, — уже не секрет. Количество несчастных случаев в зонах контакта с биосферой также стремительно нарастает. Это самая настоящая война, господа! И с противником невозможно договориться. Dixi.

— Благодарю вас, господин Брандо! — сказал председатель. — А теперь какие будут вопросы к главному эксперту?

— Скажите, месье Брандо, каковы ваши прогнозы на сложившуюся ситуацию с климатом? — спросил из

первого ряда человек в куртке с эмблемой канала «Мировых новостей».

— В настоящее время климатический коллапс лишь набирает силу. Но компьютерной модели, адекватно отражающей этот процесс, к сожалению, до сих пор нет. — Академик помолчал. — Экстраполяция же даёт весьма размытую перспективу: от возврата «климатических качелей» к исходной точке до полного расслоения широтных климатических зон на сухие и влажные. В последнем случае пригодных для проживания территорий останется крайне мало, а это, в свою очередь, может спровоцировать серьёзные возмущения населения, сверхмиграцию, эпидемии, голод, войну...

— А к чему может привести неконтролируемый мутагенез биосферы? — задала вопрос миловидная девушка со значком «Евроныйоз» на кармашке светлого делового костюма.

— К чему угодно, — пожал плечами главный эксперт. — Это абсолютно незнакомый нам процесс. Он может, опять же, закончиться ничем, то есть гибелью подавляющей части всех животных и растительных форм за исключением самых простых и примитивных. А может перейти на совершенно новую стадию самоорганизации. И тогда на планете появится новая биосфера, в которой человек будет не предусмотрен как вид.

— А у Экологического совета есть какие-либо реальные планы и проекты по поводу того, как всё это остановить? — раздался голос откуда-то с галёрки.

— Должен признаться, что все наши попытки хоть как-то повлиять на ситуацию до сих пор не имели серьёзного успеха, — сказал академик, и эта фраза вызвала гневно-растерянный ропот в зале. — Более того, — повысил голос эксперт, — последняя акция Совета безопасности ООН — сброс «генетической бомбы» на один из островов архипелага Фиджи — привёл не к вы-

рождению местной экосистемы, а к прямо противоположному результату! И сейчас там самый настоящий биологический котёл, из которого уже несколько раз вырывались очень странные организмы. К счастью, все они погибли в океане. Теперь Совет безопасности всерьёз рассматривает вопрос о бомбардировке острова атомным оружием...

В зале повисла гнетущая тишина, академик тихо сошёл с подиума и сел на своё место. Ещё несколько секунд люди мрачно переглядывались, но тут встрепенулся председатель:

— Господа, как известно, надежда умирает последней. И пока не испробованы все возможные варианты, не стоит отчаиваться и опускать руки. И как иллюстрация моим словам сейчас перед вами выступит человек, изобретение которого и его коллег вполне может спасти наш гибнущий мир! Я передаю слово русскому учёному Сергею Богданову.

В зале раздались неуверенные аплодисменты. Из крайнего левого кресла поднялся и поклонился невысокий плотный парень, одетый в повседневный уникос, в каких нынче ходила добрая половина служащих и научных работников. Русский сел обратно и подключил к информационному каналу головизора какой-то прибор, вынув его из кожаного кейса возле своего кресла.

В сфере возникло окно 3D-анимации, и стало ясно, что русский подсоединил своего «напарника», как называли персональные компьютеры восьмого поколения. Эти сверхмощные машины были почти разумными, с той лишь разницей, что не имели (да и не могли иметь) никаких сенсорно-механических внешних устройств. Их главным и единственным предназначением было «думание». Но в управлении виртуальными пространствами им не было равных.

— Уважаемые члены Экологического совета, господа журналисты, — заговорил русский на общепринятом инглиш-пабл, — предлагаю вашему вниманию проект системы регенерации биоценоза, которую мы назвали «Зелёное око». По сути, это самообучающийся компьютеризированный биокомплекс, способный к развитию и воспроизводству. В основу алгоритма его деятельности заложена идея исправления и восстановления нарушенного генетического кода живого организма. — Учёный раскрыл перед собой вирт-скрин и начал рисовать в его окне электронным стилосом. Изображение с вирт-скрина тут же проецировалось в объём головизора. — Принципиальная логическая схема «Зелёного ока» выглядит так: анализ геоклиматических параметров среды, подбор ключевых видов флоры и фауны из банка данных для построения экологической пирамиды, анализ имеющихся видов и их состояния, запуск процесса последовательного исправления и восстановления нарушенных генокодов с использованием методов видового клонирования и коррекция процесса с помощью мобильных сенсорных систем...

В анимационном окне теперь медленно вращалась трёхмерная стройная конструкция, расцвеченная радужным спектром.

— А как это может выглядеть на практике, доктор Богданов? — спросил профессор Мбене.

— Минуту, господа, сейчас вы увидите видеоролик о пробном пуске «Ока» на нашем испытательном полигоне в Крыму. — Учёный снова что-то сделал с «напарником». — Весь цикл занял три месяца. Смотрите!

В сфере головизора исчезло окно анимации. Вместо него возникла унылая глинистая равнина под низким свинцовым небом.

— Вы видите северо-западную часть полуострова, — комментировал Богданов. — Раньше здесь была богатая

плодородная степь, потом экосистема сколлапсировала...

В голосфере появилась странная конструкция, похожая на огромного паука. Машина медленно шагала по равнине, иногда приседая и ощупывая манипуляторами почву и редкие полусохшие пучки какой-то растительности.

— Это прототип «Ока». Отличается от настоящего незначительным банком данных и ограниченными возможностями воспроизводства...

«Паук» в головизоре завершил круговой маршрут, потоптался на месте и вдруг буквально рухнул на землю, сложив многочисленные ноги.

— Сбор данных закончен, — продолжал русский спокойным размеренным голосом, — и «Око» приступило к созданию рабочей модели экосистемы. Моделирование может занимать от нескольких часов до нескольких суток, поскольку процесс этот инвариантный и его оптимизация достаточно трудоёмка. «Око» пользуется алгоритмом парной регрессии...

«Паук» лежал довольно долго, по крайней мере, так показалось почти всем присутствующим. Ясно было, что им демонстрируют смонтированный сюжет, и на самом деле всё происходило гораздо медленнее. Но вот в брюхе «паука» открылось отверстие, и оттуда хлынул поток мелких жучков-паучков. Мелюзга кинулась враспыльную во все стороны, некоторые имели крылья и тут же взлетели.

— «Око» разослало первую волну активных сенсоров, которые будут отслеживать процессы геохимической и аэродинамической очистки внешней среды в границах, определённых заданием. Теперь система приступает к воспроизводству. В течение ближайших двух-трёх суток она создаст некоторое количество собственных копий, но со строго специализированными

функциями — очистка воздуха, восстановление почвы, энегонакопление, силовые фильтрующие поля...

— Простите, доктор Богданов, что значит «фильтрующие поля»? — перебил учёного один из членов совета, физик Гольдштейн.

— Это наше ноу-хау, — улыбнулся русский уголками губ. — Резонансные электромагнитные поля с избирательной проницаемостью, или фильтрующие поля, предназначены прежде всего для поддержания чистоты атмосферы в зоне восстановления биоценоза, хотя могут контролировать и состав грунтовых вод до глубины тридцати-сорока метров. В принципе возможен вариант такого поля, которое сможет препятствовать и попаданию внутрь зоны крупных объектов — различных животных, людей, механизмов... Хотя пока это в проекте не предусматривается.

А события в головизоре продолжали развиваться. Теперь «пауков» стало несколько, и было заметно, что они отличаются по форме, цвету и размерам. Часть «новорожденных» отправились в разные стороны, а три оставшихся, кроме «мамаши», разошлись от неё правильным треугольником и тоже присели.

— Вот эти три новых «Ока», — сказал Богданов, — и есть три биокомплекса: микробиологический, ботанический и энтомологический. Они и станут колыбелью новой экосистемы...

— А почему только насекомые? — спросил кто-то из журналистов.

— Такова была программа испытаний. Трёх живых сообществ оказалось достаточно для оценки цельности работы компонентов «Зелёного ока».

В сфере головизора картина снова изменилась. Глинистая почва вокруг «пауков» потемнела и стала похожа на обычный степной чернозём, из которого то здесь, то там уже проклюнулись первые зелёные стрелки моло-

дой травы. Небо над полигоном тоже изменило цвет, облачный покров поднялся выше, в разрывах показалась давно забытая синева.

— Какова площадь экспериментальной зоны? — поинтересовался член совета, профессор Кингсли из Австралии.

— Около ста квадратных километров. — Молодой учёный опять улыбнулся. — Вас смутил вид неба, профессор?

— Да, если честно. Я не понимаю, каким образом...

— Силовая защита зоны — векторные магнитные поля, их градиент позволяет перекрывать атмосферу до границы тропосферы. Но в эксперименте мы ограничились высотами до четырёх километров.

На голограмме в это время виднелась сплошная разнотравная степь. Часть растений зацвела, и над ними уже вились мухи-бронзовки и дикие пчёлы.

— Весь процесс создания экосистемы занял чуть более двух месяцев, — резюмировал Богданов. — Подчеркну, что использовался прототип настоящего «Зелёного ока», которое по своим возможностям превосходит его на несколько порядков.

Сфера головизора погасла, секунду в зале висела полная тишина, а потом взорвалась бурей оваций. Весь амфитеатр встал, засверкали блицы, отовсюду неслись крики «браво!», «превосходно!», «русские молодцы!». Председатель Экологического совета тоже поднялся, взял микрофон и, улыбаясь и обведя рукой зал, сказал:

— Думаю, господин Богданов, что это лучшая оценка изобретения вашего научного коллектива, и дальнейшее обсуждение проекта будет происходить исключительно в рабочем порядке. А сейчас, как председатель Экологического совета, я хочу вынести на голосование предложение: провести полномасштабное испытание «Зелёного ока» в ближайшее время, например, на

острове Маврикий в Индийском океане. Прошу проголосовать всех членов совета!

Овации моментально стихли, члены Экологического совета приложили ладони к своим сенсорным панелям, и над подиумом один за другим вспыхнули белые шары — «за». Ни одного жёлтого — «против» — так и не загорелось.

— Спасибо, коллеги, — снова взял слово Мбене, — иного я от вас и не ожидал. А теперь я хочу...

Договорить он не успел. По залу прокатилась красная световая волна, и раздался низкий тягучий гонг — сигнал чрезвычайной опасности. Затем в наступившей тишине чётко прозвучал лишённый интонаций голос:

— Внимание! Красная тревога. Надвигается цунами. Время подхода — сорок минут. Мощность — одиннадцать баллов по двенадцатибалльной шкале. Зона поражения — до двух километров. Рекомендовано всем покинуть зону поражения. Повторяю...

2

Свет... Тьма... Боль...

Бесконечная череда вне пространства и времени. Она заменила ему смысл существования, и сама стала смыслом бытия.

Тьма... Боль... Свет...

Он давно уже считал себя мёртвым. И лишь удивлялся, что помнит, кем он был до этого. Человеком... Он попытался вспомнить, как выглядит человек, и не смог.

Боль... Свет... Тьма...

Из бездонной черноты протаяло серое размытое пятно и раздался звук. Первый звук за миллионы веков тишины. Он даже не сразу понял, что это звук — так, некая странная вибрация в бесконечной пустоте. А потом до него вдруг дошёл смысл этой вибрации...

— Сэмюэль Хофман! Вы меня слышите?..

Серое пятно мгновенно трансформировалось и приобрело жёсткие и чёткие черты.

— Профессор Джордан... — Он с удивлением понял, что тоже может воспроизводить звуки, и это называется «говорить».

— Наконец-то!.. Хофман, сейчас я сниму с ваших глаз повязку, и вы сможете видеть.

— Я... уже... вижу...

— Что?! — Серое пятно лица исчезло, голос отдавался.

Теперь ему были слышны лишь невнятное бормотание, какие-то шорохи и попискивание.

Он сделал незначительное усилие, пытаясь сосредоточиться на голосе профессора, и тут же услышал совершенно явственно, будто тот снова стоял рядом:

— ...вышло за рамки модели! Повторяю, экстрабиологические параметры Хофмана на порядок превысили расчётные и требуют дополнительного изучения. Я настаиваю поместить испытуемого в ЭМ-камеру, исключительно из соображений безопасности!

«А ведь это он про меня говорит? — пришла неожиданная мысль. — Это меня зовут Сэмюель Хофман?...» Будто беззвучный взрыв полыхнул в окружающей бесконечной пустоте, и все прежние и новые ощущения разом нахлынули со всех сторон. Он, Сэм Хофман, снова обрёл власть над своим телом. Обновлённым и могучим!

Он поднял руку, даже не заметив удерживавших её ферропластовых ремней, и сорвал с головы толстую повязку со множеством каких-то датчиков.

У дальней стены огромного кубического помещения, возле консоли компьютерного комплекса замер полуобернувшись маленький тщедушный человек в бирюзовом униформе медработника. Человек застывшим от ужаса взглядом смотрел на приближавшегося к нему голого

двухметрового великана с остроконечными как у эльфа ушами и светящимися в полумраке кошачьими глазами.

— Профессор Джордан, — низким хриплым голосом произнёс великан, остановившись возле полупрозрачной текучей колонны оптического энерговода, шагах в десяти от компьютерного комплекса.

Человек у консоли будто очнулся от ступора, вскрикнул и бросился вдоль стены к светящемуся контуру переходного шлюза. Но остроухий великан опередил его, непостижимым образом возникнув между профессором и спасительным люком.

— Мы ещё не закончили, профессор!

— А-а... что вам от меня нужно? — У Джордана заметно дрожали колени, и пот тонкими струйками стекал по вискам за ворот уникоса.

— Вы что-то говорили о безопасности? — Гигант едва заметно ухмыльнулся и одним пальцем скovyрнул со стены блок управления переходным шлюзом. Раздался треск короткого замыкания, из открывшейся ниши потянулся сизый дымок, запахло горелой изоляцией.

— Ва-ва-ва... — Профессор, казалось, стал ещё ниже ростом и медленно пятился назад к компьютерному комплексу. — Вы п-представляете с-собой угрозу, и вас надо изолировать!

— Смелое заявление, — оскалился остроухий и исчез.

Несколько секунд профессор пялился на то место, где только что стоял гигант, потом перевёл взгляд на сломанный блок управления шлюзом и бросился назад, к консоли комплекса. Лихорадочно набрав код линии связи, он в нетерпении уставился на экран и, едва в нём возникло холёное одутловатое лицо директора института, заорал:

— Это всё ваши идеи, Мак-Кинли! Это вы во всём виноваты! Я буду жаловаться в Совбез!..

— Что вы ревёте, как тельная корова, Джордан? — поморщился директор. — Откуда эти маргинальные манеры? Извольте выражаться яснее!

— Яснее?! — Профессор вдруг перешёл на свистящий шёпот. — Хофман сбежал!

— Что значит «сбежал»?! — нахмурился Мак-Кинли. — Каким образом?

— Исчез! — Джордан истерически хихикнул. — Буквально!

— Этого не может быть! — Лицо директора обрело каменную твердость. — Телепортация без технических средств невозможна в принципе. Это доказано. Он должен быть где-то в комплексе. Немедленно просканируйте помещения всеми доступными способами!

— Отсюда я не могу этого сделать! — снова панически вскрикнул профессор. — И выйти не могу! Этот... урод сломал блок управления переходным шлюзом.

— Спокойно, Мартин! — жёстко осадил его Мак-Кинли. — Не дёргайтесь. Я сейчас пришлю спаскоманду. Потерпите несколько минут.

Экран погас. Профессор судорожно вздохнул и опасно оглядел помещение экспериментального комплекса по модернизации биологических объектов, как он официально именовался. В сущности же, здесь занимались созданием различных боевых кибернетических систем, пока пять лет назад в институте не появился Мартин Джордан и не предложил принципиально иной подход — на основе живых организмов. Поскольку эксперименты по сращиванию живых существ с техническими устройствами официально были запрещены международной конвенцией ещё в 2025 году, новый проект, как водится, засекретили под «крышей» Агентства национальной безопасности. Сначала, естественно, были кошки, мышки, обезьянки. Потом понадобились добровольцы... За пять лет в результате неудачных экс-

периментов погибло двенадцать человек. Сэмюель Хофман был тринадцатым.

Вначале всё шло как обычно. Поэтапная модернизация отдельных органов и систем в теле Хофмана проходила без сюрпризов, до тех пор пока профессор не решил модернизировать гиппокамп¹ подопытного. Сразу после эксперимента парень впал в кому, из которой его вывести не удалось. Джордан, безрезультатно сутки провозившись с реанимационной камерой, отступился, мысленно поставил на подопытном крест и велел поместить тело в стерильный бокс.

Изменения начались на шестые сутки. Резко возрос пульс — до ста тридцати ударов в минуту, температура тела также поднялась на несколько градусов. Автоматика камеры отреагировала усилением подачи дыхательной смеси, но потом отключилась — подопытный задышал сам. Профессор решил, что это агония, но всё оказалось гораздо сложнее. Тело Хофмана начало расти! При этом следящий компьютер отметил резкое увеличение энергопотребления камеры — организм подопытного буквально высасывал энергию из питающих контуров прямо через датчики.

Почуввав неладное, профессор попытался прекратить эксперимент, но директор Мак-Кинли категорически запретил вмешиваться в процесс, заявив, что в состоянии контролировать ситуацию. И вот сегодня произошло то, чего Джордан опасался с самого начала...

Профессор ещё раз вздохнул, невольно передёрнув плечами, и покосился на светящийся контур шлюза. Оттуда донёсся неприятный шипяще-скрежещущий звук, и массивная плита люка медленно поползла в стену, открывая спасительный проход. Заворожённым

¹ Г и п п о к а м п, или четверохолмие, — часть головного мозга, отвечающая за инстинкты; так называемый «древний мозг», считающийся вместилищем души.

взглядом Джордан уставился туда и не увидел, как за его спиной часть компьютерного комплекса пришла в движение, и на одной из панелей вдруг появились два огромных светящихся кошачьих глаза. Стремительная мутная тень метнулась через всё помещение к открывшемуся проходу, расшвыряв, как кегли, спас-команду в защитных скафах.

— Вот теперь он действительно сбежал... — прошептал помертвелыми губами тщедушный профессор и грохнулся в обморок.

3

Полукруглый низкий зал заседаний Совета безопасности ООН был полон. Но ни одной вспышки блика, ни одного «хлыста» микрофона не было видно. Пронрыливые и вездесущие журналисты скорее всего даже не знали об этом необычном заседании. А между тем собрание в какой-то мере являлось судьбоносным для большинства жителей планеты. Впервые в истории ООН две её могущественные структуры проводили совместное совещание, и на повестке его стоял всего один вопрос: результаты и перспективы проекта «Зелёное око».

С тех пор как Экологический совет дал «добро» на запуск экспериментального комплекса по регенерации биоценоза, созданного группой российских учёных во главе с талантливым биофизиком Сергеем Богдановым, выделив для этого остров Маврикий в западной части Индийского океана, минуло восемнадцать месяцев.

Спутниковый мониторинг показал, что за это время остров вновь покрылся пышной тропической растительностью, отмечалось передвижение большого числа объектов размером от одного до нескольких футов. Была также зафиксирована стабилизация погодных условий над островом на всю глубину тропосферы, в то время

как вокруг продолжали бушевать смертоносные тайфуны и ураганы. Зона эксперимента теперь действительно выглядела из космоса как зелёный глаз на мутно-сером лике планеты.

Однако многочисленные попытки проникнуть на остров и в прилегающую к нему акваторию и с воздуха, и с моря успеха не имели. При этом никакого явно-го защитного экрана приборы не отмечали. Просто где-то в паре миль от побережья глохли двигатели судов, самолётов и вертолётв, навигационное оборудование моментально выходило из строя, а у немногих смельчаков, пытавшихся добраться до острова вплавь, начались такие жуткие галлюцинации, что двое или трое несчастных погибли, в панике захлебнувшись. Остальным же повезло больше — их подобрали патрульные корабли, плотно контролировавшие зону эксперимента.

— Господа! — обратился к собравшимся профессор Мбене. — Я полностью осознаю ответственность за нынешнюю ситуацию, ибо лично подписал санкцию на проведение эксперимента «Зелёное око». Но давайте всё же разберёмся: так ли опасна сложившаяся ситуация? И главное, чем она опасна для людей?

— Но разве данных недостаточно? — нервно дёрнул плечом сухой и подвижный первый секретарь Совбеза, Луи Тревеньян.

— Какие данные вы имеете в виду, коллега? — нахмурился могучий и вальяжный председатель Совета безопасности Курт Виттенхайм.

— Ну как же?! — зачастил Тревеньян. — Все попытки войти в зону эксперимента закончились провалом, плюс погибли люди!..

— Они погибли по собственной вине! — парировал тучный, всё время потеющий эксперт Экологического совета по морской флоре и фауне Иван Тодоров. — Сказано же: карантинная зона! Зачем полезли?..

— Зачем полезли — вопрос риторический, — отмахнулся Тревеньян. — Главное, что это «Око» не желает ни с кем общаться! Иными словами, господа, вывод очевиден: сложнейшая техника вышла из-под контроля. А уж как всегда поступали со взбесившимися машинами...

— Да кто ж вам сказал, что «Око» взбесилось?! — не выдержав, крикнул с места молодой бледнолицый человек, эксперт Экологического совета по климату Петер Свенсон. — Система регенерации биоценоза автономна и независима от внешних контрольных систем по определению! Иначе вся идея становится бессмысленной. И я уверен, что очень скоро «Око» само выйдет с нами на связь, как только решит, что есть о чём сообщить...

— Вы говорите так, словно эта... машина разумна! — поморщился Виттенхайм.

— Именно так, господин председатель!

— Но тогда она ещё более опасна, чем мы предполагали. И я думаю, что...

Бескую речь Виттенхайма прервал неожиданно вспыхнувший трёхметровый экран связи, расположенный напротив стола заседаний. Несколько секунд экран оставался пустым, затем из его глубины выплыло лицо женщины божественной красоты. Именно божественной, потому что таких правильных и пропорциональных черт у живого человека просто не могло быть. Женщина обвела зал Совета безопасности внимательным взглядом лучистых синих глаз и улыбнулась. От её улыбки, показалось, в зале стало светлее, и все, включая председателя Виттенхайма, не смогли сдержать ответных улыбок. Мгновенно куда-то улетучилось общее мрачное настроение, люди зашевелились, стали переглядываться, и тут женщина на экране заговорила.

— Приветствую вас, разумные жители планеты! Наступил конец вашим ожиданиям. Ваша мечта о рае земном получила материальное воплощение. Приношу свои извинения за столь долгое молчание и приглашаю всех желающих посетить райские кущи... — Она говорила ровным доброжелательным голосом, но, тем не менее, у всех присутствующих в зале возникло ощущение, что красавица — не человек.

— Кажется, дождались, — скептически хмыкнул академик Брандо.

— Чего? — непонимающе повернулся к нему Виттенхайм.

— Благородные пришельцы решили осчастливить непутёвое человечество...

— При чём здесь пришельцы?! — вмешался Мбене, вытирая потную шею. — По-моему, это чей-то глупый розыгрыш.

— На закрытой волне Совета безопасности ООН? — нахмурился Виттенхайм.

Женщина на экране между тем выдержала паузу и снова слово в слово повторила своё странное обращение.

— Да она же синпик!¹ — воскликнул Тревеньян.

— А вы думали — Мисс Вселенная? — ухмыльнулся Брандо. — Ясно, что это запись. Вот только кто автор?

— Служба электронной безопасности скоро отследит передачу, — спокойно сообщил начальник внутренней охраны, подтянутый и молодцеватый полковник, неслышно появившийся в зале. — Предлагаю уважаемым членам совещания немедленно перейти в конференц-зал резервного бункера. Велика вероятность последующего теракта.

¹ От «synthetic picture» — синтезированное изображение (англ.).

Замок тихонько пискнул и мигнул зелёным глазом, приглашая войти. Сэм привычным волевым усилием включил свои кожные покровы в режим «хамелеона» и проскользнул в приоткрывшуюся щель двери. Замер, почти слившись со стеной, в полумраке прихожей. Через несколько секунд он уже точно знал, что в квартире нет ни живых объектов, ни электронных устройств, кроме тех, что присутствовали и раньше — телевизор, холодильник, терминал инфо-сети. Большого бывший репортёр уголовной хроники Сэмюель Хофман позволить себе не мог. В своей нынешней ипостаси Сэм, конечно же, без труда получил бы всё, что только пожелал, но... Ирония судьбы! Теперь ему ничего и не хотелось. То есть, разумеется, он должен был время от времени поглощать органическую пищу для пополнения запаса своей системы регенерации, но в остальных «радостях жизни» более совершенно не нуждался.

Сэм отметил этот необычный факт, когда после побега из Института новых биотехнологий добирался сюда, в свою старую, но такую родную конуру. А больше ему идти было некуда. Решая эту проблему, Сэм поначалу хотел отправиться к давней подружке. Салли работала в общественном информационном центре на Манхэттене и, безусловно, обрадовалась бы встрече — они даже собирались пожениться под Рождество, — но, вспоминая девушку, Сэм неожиданно обнаружил, что она стала ему совершенно безразлична. То есть память сохранила все прежние воспоминания об их отношениях, но то трепетное, восхитительное чувство, охватывавшее его каждый раз при мысли о Салли, исчезло! И ни малейшего сожаления от этого Сэм не испытывал.

Более того, проходя по многолюдным улицам, пересекая потоки машин, он отмечал их количество, уровень шума, оттенки запахов, цветовые гаммы, но совершен-

но не интересовался настроением прохожих или изяществом форм проносящихся кабриолетов и концепт-каров.

Проанализировав своё новое состояние, Сэм пришёл к очевидному заключению: чувственно-эстетическая сфера отныне ему не нужна и в принципе бесполезна. И тогда он отправился в свою старую квартиру, оценив уровень опасности обнаружения там, как средний. Конечно, они заявятся сюда. Но пока сработают все звенья административной цепочки — от факта побега до принятия решения о поимке метаморфа, — пройдет много времени, которое надо использовать максимально эффективно. И прежде всего, определить себе новое место жительства, где бы его никогда не нашли.

Сэм неслышно пересёк комнату и сел за терминал инфо-сети. Подключение, разумеется, будет зафиксировано, но когда ещё они проверят это. Экран протаял в глубину, жемчужная мгла виртуала рассеялась, и весь объём заняли соты новостной «башни». Каждый из её бесчисленных «этажей» содержал информационные блоки по определённой теме. Сэм запустил просмотр дайджеста на максимальной скорости — благо теперь его мозг приобрёл способность обрабатывать информацию со скоростью, немыслимой даже для мощных компьютеров.

Калейдоскоп видеофайлов на экране совершенно не мешал думать. И Сэм вновь вернулся мысленно к событиям сегодняшнего утра. Пока перепуганный профессор Джордан взывал о помощи, Сэм успел скачать из его компьютера всю информацию по эксперименту себе в мозг. И теперь можно было без помех разобраться, что же пошло не так, в результате чего он стал... монстром? Да, пожалуй, Салли тоже бы испугалась его нового вида, точнее, размера. Внешность и форму тела Сэм мог теперь менять в очень широких пределах. Но

не объём! Вообще-то двухметровый человек на улице не редкость, но всё же достаточно заметен. Превращение же в какое-нибудь животное — волка, медведя, гориллу — тоже не выход...

Внезапно внимание Сэма привлёк сюжет из экологического блока новостей. В сообщении говорилось о ситуации, возникшей в связи с деятельностью уникального комплекса — системой регенерации биоценоза «Зелёное око» — на острове Маврикий. Сэм прервал просмотр дайджеста и включил фильтр экологических новостей. Спустя пару минут он уже знал всё и об эксперименте, и об установке. Похоже, управляющий компьютер «Ока» оказался с норовом — проникнуть на остров до сих пор так никому и не удалось. Вдобавок создатель этого чуда техники недавно исчез при очень странных обстоятельствах... Ага, вот ещё! Запись приглашения в «рай» всех желающих... какой-то дурацкий тест, похожий на дешёвую компьютерную «бродилку»... какие-то Врата, уничтожающие любую мёртвую материю... сроки и условия пребывания в «раю»... Хм, а почему бы, собственно, не попробовать?.. Вполне подходяще, как вариант. Конечно, ни через какие Врата он не пойдёт и тесты выполнять не будет — есть другие возможности! И весьма вероятно, что он там...

Внезапно в мозгу, перебивая размышления, вспыхнул и запульсировал алым зловещий сигнал — опасность! На анализ обстановки Сэму потребовалось всего несколько сотых секунды. Но именно этих мгновений ему и не хватило, чтобы отреагировать адекватно. Те, кто пришёл за ним, учли его возможности. Сэм всё же начал движение по максимально короткому вектору — в сторону окна, и в этот момент инфразвуковой импульс накрыл и его, и половину комнаты. Резонансная акустическая волна в девять с половиной герц мгновенно парализовала двигательные центры позвоночника, а

последовавшая за ней волна в семь и три десятых герца выключила мозг. Через пять секунд комната наполнилась людьми, облачёнными в светопоглощающие унико-сы со встроенным комплексом «призрак» и ночной оптикой. Четверо занялись поверженным гигантом, а двое приблизились к терминалу инфо-сети.

— Взгляни-ка, Купер, — кивнул один, — кажется, эта тварь интересовалась «Оком»?!

— Надо же! — хмыкнул тот. — Может, мы зря его... так? Сели бы, поговорили...

— Ну да! Стал бы он с нами разговаривать! Головы пооткручивал — и всего делов.

— А ведь шеф оказался прав: «тринадцатый» должен был заинтересоваться «Оком». Это единственное место, где бы он мог скрыться!

— Ладно, пусть Мак-Кинли сам теперь разбирается со своим «детёнышем». — Первый повернулся к остальной группе: — Несите его в машину, да вколите двойную дозу релаксанта, чтобы раньше времени не очухался!

5

— Ну, что вы скажете, Тревеньян, по поводу так называемого Пути? — Виттенхайм, прищурившись, разглядывал подвижную физиономию своего зама.

— Ничего необычного мы в этой программе не обнаружили, — поморщился тот. — Она представляет собой гибрид из психологического опросника и игры-квеста. Тестируемый вводит свои индивидуальные параметры — возраст, профессия, социальный статус, привычки, увлечения, — ему выставляется стартовый балл, который позволяет или не позволяет совершать определённые действия в процессе игры, то есть прохождения Пути. Путешествие проходит по виртуальному лесу. Он может быть самым разным: от сибирской тайги до ама-

зонской сельвы. Игрок, или тестируемый, должен пройти лес и добраться до Врат — входа в рай. По ходу игрок попадает в различные сложные ситуации, из которых не так-то просто выпутаться. Если он принимает правильное решение...

— Правильное с чьей точки зрения? — резко перебил председатель Совбеза и потянулся к коробке с сигарами.

— «Ока», разумеется! — нервно хохотнул Тревеньян. Он закинул ногу на ногу и сплёл пальцы рук на тощем колене.

— Ну-ну, продолжайте...

— Так вот, если решение правильное, стартовый балл увеличивается, а возможности принятия решений игрока расширяются. Если же наоборот, то возможности снижаются. Полная потеря стартового балла удаляет игрока. Без права повторной игры!

— Как это?!

— То есть один и тот же человек не может пройти Путь дважды. «Око», видимо, запоминает претендента...

— А если параметры изменить?

— Пробовали — не получается.

Некоторое время Виттенхайм молча курил, пуская замысловатые дымные кольца и колечки. Тревеньян тоже помалкивал, справедливо считая, что сейчас лучше не проявлять инициативу, а лишь удовлетворять любопытство начальства.

— Допустим, — наконец заговорил председатель Совбеза. — А что там насчёт Врат?

— О, это забавно! — с готовностью откликнулся Тревеньян, взмахнув руками. — В конце игры... э-э, Пути тестируемый добирается до самых обычных ворот — кованых, с решёткой. Тест на этом заканчивается, игроку сообщается, что он может отправляться на остров Врат...

— Что ещё за остров?

— Это скала в двух километрах от западного побережья Маврикия, на границе зоны. Человек просто высаживается на островок, проходит сквозь узкий разлом посреди скалы и... исчезает.

— Совсем?!

— Ну, по крайней мере, для стороннего наблюдателя.

— Вы не находите, что всё это дурно пахнет, Луи?

— Видите ли, — Тревеньян покрутил пальцами у виска, — в своём втором сообщении «Око» уверяло, что вернуться назад можно в любой момент.

— Но?..

— Но никто до сих пор не вернулся.

— Сколько людей уже отправилось в этот... рай?

— Около пятидесяти тысяч только за последние две недели.

— Надо срочно принимать какие-то меры! — жёстко заявил Виттенхайм. — Срочно, Тревеньян!

— Какие именно?

— Перекройте доступ к острову! К Вратам!

— Это невозможно. Люди делают свой выбор добровольно...

— Тогда заблокируйте эту чёртову игру!

— Тоже нереально, — развел руками помощник. — Игра принадлежит Сети, а Сеть не принадлежит никому.

— Ну, может, её возможно... заразить вирусом?

— У неё совершенная защита, шеф..

— Неужели же нет никакого выхода из этого дурацкого положения?!

— Есть, — загадочно улыбнулся Тревеньян. — У директора Института новых биотехнологий Роя МакКинли родилась одна великолепная мыслишка!

— Тогда вызывайте его немедленно, Луи! — Виттенхайм выпрямился в кресле и загасил окурок сигары.

- Личная встреча или заседание совета?
- Конечно, заседание. Во вторник собирайте внеочередное и ставьте в повестку этого Мак-Кинли!

6

Сознание возвращалось необычно медленно. Сначала появилось ощущение окружающего пространства. Оно тоже показалось странно маленьким, тесным. Сэм привычно попытался просканировать его своим новообретённым биолокатором, но ничего не вышло. И это было особенно непонятно.

Тогда Сэм занялся проверкой собственного тела. Однако и здесь его ожидал сюрприз: ни один орган не отзывался на привычный сигнал мозга!

«Неужели они меня убили?! — мелькнула паническая мысль. — Нет, ерунда. Я же могу мыслить, значит, я жив... А что, если жив только мозг?»

Сэм снова попытался волевым усилием включить зрение и слух — тщетно!

«Всё-таки они меня достали!.. Отделили мозг от тела, и сейчас он плавает в какой-нибудь супербанке с питательным раствором, а этот недомерок Джордан радостно потирает свои паучьи лапки в предвкушении новых пыток, которые он называет исследованиями!..»

Додумать эту невесёлую мысль Сэм не успел. Всё внезапно вернулось — и свет, и звук, и тело. Будто кто-то включил невидимый рубильник. Сэм почувствовал, что лежит, вернее, плавает в каком-то растворе, почти идеально совпадающем по температуре с его телом. Глаза Сэма были закрыты, но это не помешало ему «оглядеть» обстановку внутренним взором.

Оказалось, он находился в некой камере, больше похожей на саркофаг, заполненной раствором очень сложного состава, определить который Сэм не смог. У него даже сложилось впечатление, что состав этот постоянно

изменяется, будто живая среда. Камера же в свою очередь располагалась посреди небольшого зала с низким потолком. Помещение было буквально напичкано сложной электронной аппаратурой. Однако Сэму опять-таки не удалось ни идентифицировать её, ни подключиться хотя бы к одному из активных контуров. Они все имели многовариантную информационную и полевую защиту!

«Ух ты! — усмехнулся про себя Сэм. — Здорово подстраховались, приматы! Бойтесь меня? И правильно. Как только представится малейшая возможность, я вас не разочарую!..»

Увы, возможности по-прежнему не было. Он всё ещё не мог восстановить контроль над телом, которое лишь ощущал. Ни его физиология, ни биохимия так и не подчинились приказам мозга.

Директор Института новых биотехнологий расслабленно сидел в своем начальственном кресле, нафаршированном новомодной наноэлектроникой, следившей за всеми основными физиологическими параметрами здоровья своего хозяина, и курил настоящую кубинскую сигару ручной работы. При этом сенсоры кресла, прилепившиеся к его шее, постоянно вводили в организм сквозь кожу биохимические комплексы, нейтрализующие вредное воздействие алкалоидов табака.

Рой Мак-Кинли мечтал. И отнюдь не о научной карьере. Он представлял себя императором Земли! По странной прихоти родителей Мак-Кинли получил знаковое имя — Тиберий. Учась в школе, он узнал, что так же звали одного из могущественнейших правителей древности, и с тех пор гордился своим именем. А когда в университете увлёкся восточной мистикой и идеей реинкарнации, то и вовсе убедил себя в том, что яв-

ляется новым воплощением великого римлянина. Будто в трансе юный Мак-Кинли повторял про себя полный титул императора: «Тиберий Цезарь Август, сын Божественного Августа, Великий Понтифик, наделён властью народного трибуна тридцать восемь раз, императора восемь раз, консула пять раз...»

И вот теперь, спустя тридцать лет, судьба преподнесла Мак-Кинли подарок воистину царский. Под зданием Института, на глубине двадцати метров, в бункере для радиационных исследований находился его проводник в ослепительное будущее — к трону императора планеты Земля!

Сэмюель Хофман, «тринадцатый», первый удачный результат проекта «Метаморф», который Мак-Кинли затеял ещё десять лет назад, не совсем чётко представляя себе, что же хочет получить. Лишь с приходом Мартина Джордана, этого генетика от бога, цель вдруг стала простой и ясной: создать технологию направленного мутагенеза и научиться с её помощью изменять строение и свойства живой ткани.

Теперь цель наконец-то была достигнута. Более того, эти выскочки из Экологического совета ООН, сами того не ведая, подсказали Мак-Кинли оптимальное решение его собственной проблемы. Оказалось, что не нужно самому становиться метаморфом, достаточно обзавестись «преторианской гвардией», состоящей из этих ребят, и взять с их помощью под контроль зону «Зелёного ока» — воплощённого земного рая. Просто и гениально! Осталось склонить Хофмана к сотрудничеству — и дело в шляпе.

Мак-Кинли открыл глаза, аккуратно пригасил сигару в хрустальной пепельнице и включил консорт-линию. На экране возникло хмурое лицо начальника службы безопасности Института.

— Ну, как там наш «терминатор»? — поинтересовался будущий император.

— Очнулся и, похоже, усиленно ищет способ слиться.

— Как именно?

— Сканирует защитные контуры... По мне бы — лучше грохнуть этого монстра, пока ещё есть возможность!

— Не торопитесь, Крейг, уничтожить мы его всегда успеем. К сожалению, он слишком ценен для науки, и надо найти способ как-то нейтрализовать его агрессивность.

— Мне бы ваши заботы, господин директор!.. Между прочим, первая доза релаксанта «держала» метаморфа почти час, а вторая — лишь тринадцать минут...

— Молодец, мальчик, быстро учится! — Мак-Кинли радостно потёр пухлые ладони.

Начальник охраны скосил глаза на невидимый в экране монитор.

— Он начинает наращивать свою энергетику, господин директор! Боюсь, что так мы его не удержим.

— Спокойно, полковник, это нам только на руку, запускайте наноботы! С ними метаморф не справится.

— Мне бы вашу уверенность, — проворчал Крейг и набрал на консоли код активации программы.

★ ★ ★

Запертый в «саркофаге» Сэм, конечно, не мог слышать переговоров людей, но чувствовал их по пульсации полей. Он прекрасно понимал, что сейчас эти «приматы» решают его судьбу, поэтому сосредоточился лишь на одном — поиске слабого места в созданной ими защите «саркофага». И вот когда ему показалось наконец, что он нашёл, «саркофаг» вдруг вонзился в Сэма больше десятка игл сразу в нескольких местах тела. Как ни был быстр метаморф, машина оказалась

ещё быстрее. Сэм успел нейтрализовать только три иглы, впрыснув в их каналы мгновенно твердеющий полимер. Остальные иглы достигли цели, и по ним в организм метаморфа хлынул мириад микроскопических и очень агрессивных врагов. Они в доли секунды проникли в нервную и кровеносную системы Сэма и взяли под контроль все нервные сплетения, а также сердце и лёгкие.

Тело метаморфа снова перестало ему подчиняться, не затронутым нашествием оставался только мозг. И вот Сэм услышал:

— Здравствуйте, мистер Хофман! К сожалению, вы пока не можете мне ответить, но это и неважно. Говорить буду я. Не скрою, вы — моя главная надежда в моих планах. Я очень рассчитываю на вас и прекрасно понимаю, что сделка должна быть обоюдной, чтобы ни у кого не возникло желания расторгнуть её нечестным путем. Так вот, Сэм, — Мак-Кинли перешёл на доверительный тон, — я предлагаю вам воистину грандиозный план: стать — вместе со мной, разумеется, — властителем целой планеты! Планеты под названием Земля. Вдвоём мы легко сможем осуществить это. Вы, как я понимаю, в своём нынешнем виде не нуждаетесь в маленьких человеческих радостях. Вкусная еда, прекрасное вино, красивые женщины, прочие развлечения вам неинтересны. Потому ради честной сделки я предлагаю вам в полное владение все технические ресурсы планеты! К вашим услугам будут все научные и промышленные мощности Земли. Вы сможете осуществить самые смелые проекты, совершать космические полёты, проводить самые рискованные и дорогостоящие эксперименты в любых областях науки, какие только вас интересуют. Ну а мне в изучение достанутся, хе-хе, нравственно-социальные аспекты нашего далеко не идеального общества...

Директор помолчал, давая возможность метаморфу осмыслить и проанализировать предложение, и снова заговорил:

— Если вы, Сэм, пришли к какому-то решению, можете моргнуть в подтверждение. Я вижу ваше лицо на мониторе... Минутку, только дам команду моим маленьким помощникам у вас внутри... Готово.

Хофман действительно внезапно понял, что веки его снова слушаются. Однако делать выводы было преждевременно. И потом, в словах этого мерзкого примата имелся свой резон. Хорошо, послушаем, что же конкретно он предложит. Вполне возможно, и не придётся его убивать, если окажется полезен.

И Сэм моргнул.

— Замечательно, коллега! — Мак-Кинли торжествовал. — Я знал, что вы даже более разумны, что вас представлял этот недокормыш Джордан. Итак, будем считать первый тур переговоров состоявшимся?

Метаморф снова смежил веки. На миг у него мелькнуло желание использовать их для вскрытия «саркофага», но он тут же отказался от этого — ведь контроль над телом вернуть пока не удалось, наноботы чутко стерегли каждое сокращение даже столь слабых мышц век. Хофман решил подождать.

— Прекрасно, Сэмми, мой мальчик! — радостно ворковал между тем Мак-Кинли. — Теперь слушай внимательно. Сейчас я запускаю программу управления твоей скелетной мускулатурой. Не пытайся действовать самостоятельно! Мои наники всё сделают сами. Они выведут тебя из бокса и проведут в твой новый дом. Уверю, там тебе понравится. Ты готов?..

Веки гиганта вновь совершили несложное движение.

— Внимание, пуск!..

Мартин Джордан страдал бессонницей с тех пор, как сбежал «тринадцатый». А когда всё же удавалось ненадолго забыться тяжёлым сном, приходили кошмары. Вернее, один. Профессор непременно оказывался в путанице бесконечных полутёмных коридоров, знакомых и незнакомых одновременно, и тщетно пытался отыскать свой кабинет. Почему-то во сне Джордан пребывал в уверенности, что путь к спасению лежит именно через него. А спастись было необходимо, ибо в тех же коридорах бродило нечто — непонятное, неуловимое, но весьма агрессивное, больше всего похожее на ожившую тьму, заполнявшую каждый мало-мальски значимый уголок лабиринта. Достаточно было профессору хотя бы раз наткнуться на эту тварь, и она начинала целеустремлённо охотиться за ним. В конце концов она настигала Мартина, и всегда на пороге спасительного кабинета. Сон неизбежно заканчивался одинаково: тьма падала Джордану на голову, окутывая плотным саваном, становилось невозможно дышать, и... профессор просыпался весь в ледяном поту, с дрожащими конечностями и бешено бьющимся сердцем.

Так случилось и в этот раз. Чтобы хоть немного успокоиться, Джордан схватил с ночного столика стакан, в котором ещё оставалось несколько глотков виски. Вчера профессор решил испробовать старинное средство от бессонницы — напиться и забыться. Однако ж не вышло! Снова были и проклятый лабиринт, и злобная тьма, и бесконечный бег по бесконечным коридорам.

Джордан поднёс ко рту стакан, и зубы предательски клацнули о его край. Морщась, Мартин влил в себя воющую жидкость. Огненный поток прокатился по пищеводу и рухнул в пустой желудок. Несколько секунд желудок и пищевод решали: принять мерзкий напиток или вернуть обратно? Наконец профессору удалось их

уговорить, и от желудка по телу поплыла долгожданная волна тепла и умиротворения.

Но сон пропал окончательно. Джордан посмотрел на часы — половина второго ночи. Ну, что за дерьмо!.. Он обречённо поднялся с кровати, побрёл в ванную, некоторое время постоял над ней, размышляя: принять или не принять? Потом всё-таки отказался от этой мысли и ограничился умыванием и бритьём.

Пара тостов с сыром и большая чашка капучино окончательно убедили, что самым правильным будет отправиться в Институт и попробовать поработать. Благо, там оставалась ещё куча недоразобранных записей от последней серии экспериментов.

Грин-карта позволяла Джордану появляться в Институте в любое удобное для него время. Уже вырубивая на парковочную площадку перед главным корпусом, Мартин заметил на тёмном фасаде неяркое пятно света. Странно, ещё один полуночник?.. Профессор перевёл мобиль в режим «сна» и не удержался, попробовал вычислить освещённое помещение. Получалось — малый конференц-зал. Тем более непонятно: ведь он уже год как ни разу не использовался — не было необходимости. А уж ночью?!

Джордан поднялся в лабораторию, запустил дремлющий компьютерный комплекс в режим тестирования и, потянувшись за пачкой распечаток на краю стола, задел рукавом тумблер интеркома. Рука так и повисла на полпути к цели, потому что ворвавшиеся в комнату голоса мгновенно завладели вниманием профессора.

— ...продолжаю настаивать именно на моём варианте плана! — говорил на повышенных тонах Мак-Кинли. — Не забывай, что я полностью контролирую твоё тело!

— Когда-нибудь ваш контроль ослабнет. Вы — люди, от природы склонны совершать ошибки. А я подожду.

Второй голос Мартин узнал не сразу. Вернее, совсем не узнал, но догадался, кому он принадлежит. И от этого у него по спине побежали мурашки, а на голове явно зашевелились волосы. Метаморф! Это исчадие ада как ни в чём не бывало беседовало с директором и даже, похоже, спорило о чём-то?..

— Сэмми, — Мак-Кинли сбавил тон, — ты неправильно истолковываешь мои слова. Я вовсе не хочу навредить тебе! Наоборот. Все наши предварительные договорённости остаются в силе! Согласись, план мой просто гениален?..

— Нет.

— Почему?!..

— Потому что в нём есть существенный изъян. Каким образом я попаду на остров? Вы же отказываетесь от силового вторжения. А тест я пройти не смогу — он предназначен лишь для вас, людей.

— Ты забываешь о моих чудненьких наноботиках, Сэмми! Я обещаю, что ты легко пройдёшь сквозь Врата... Пойми, мне много и не надо. Я беру себе остров, а ты — всё остальное. Однажды обеспечив бедного старину Роя всем необходимым для его скромной жизни, ты останешься полным хозяином планеты!

У Джордана от этих слов резко пересохло в горле и снова предательски зачастило сердце. Чёрт, что же они задумали?!.. Каким образом Мак-Кинли удалось подчинить этого монстра? Что значит «полным хозяином планеты»?.. Он что, собирается отпустить Хофмана на все четыре стороны?!.. Но это же — прямое предательство! Нужно немедленно сообщить службе безопасности. Начальник СБ — вполне вменяемый человек и вроде бы добросовестный служака... Стоп! Но как же он тогда допустил, чтобы метаморф свободно разгуливал по Институту? Да ещё встречался с директором во внеурочное время?.. Даже если всё происходящее — ис-

ключительно инициатива Мак-Кинли, служба безопасности должна быть в курсе. Просто по умолчанию! Но раз такое происходит, значит, и в СБ есть кто-то, допустивший это. И скорее всего — сам начальник безопасников...

Чёрт, что же делать?.. Джордан вскочил со стула и метался по лаборатории. Хорошо, что они не знают, что он всё слышал. Иначе бы... Мартин невольно передёрнул плечами от подкатившего страха. Ладно, что ещё можно сделать?.. Он наконец остановился и заставил себя мыслить последовательно. Дело настолько серьёзное, что речь идёт о безопасности планеты, а значит, возможно и необходимо поставить в известность Совет безопасности ООН! Благо, профессор имел случай познакомиться ранее с самим Тревеньяном. Где-то же был номер его дежурного секретаря...

Джордан принялся лихорадочно шарить по карманам, потом кинулся к кейсу с личными документами и не заметил, как на панели внешней связи зажёгся сигнал вызова. Звуковое сопровождение профессор постоянно отключал, чтобы тот не отвлекал его во время работы. Когда же Мартин наконец заметил вызов, то даже не удивился, что кто-то ищет его посреди ночи в лаборатории. Он бросился к столу и вдавил клавишу ответа, забыв про включённый интерком.

— Профессор Джордан слушает!

— Это командир группы специального назначения Совбеза ООН, майор Баззард. Оставайтесь на месте! В здании Института проводится спецоперация.

— А, Марти, так ты на работе? — тут же раздалось из интеркома. — И подслушиваешь? Ну, что за ребячество! Как тебе не стыдно!..

— Да, пусть ребячество! — Джордан вдруг разозлился. Наверное, от страха. — Зато теперь вам, Мак-Кинли, придётся ох как несладко!

— Ты в этом уверен?

— В здании работает спецназ Совбеза ООН!

— Ну и что? А вот ты хорошо запер дверь лаборатории?.. — ехидно поинтересовался директор и вдруг захохотал.

— О чём вы?! При чем тут... — Джордан осёкся, вдруг осознав смысл вопроса. Судорожно оглянулся на вход, но диафрагма была на месте. Он опрометью кинулся к ней и хлопнул ладонью по аварийной блокировке. Над входом зажёгся красный крут, а поверх диафрагмы опустился бронешит.

Профессор без сил привалился к нему, а из интеркома на него продолжал литься нескончаемый издевательский смех Мак-Кинли.

7

На сей раз внеочередное заседание Совета безопасности ООН было объявлено закрытым даже для аккредитованных при организации журналистов. Конечно, столь непопулярное решение тут же обросло густой шерстью слухов и сплетен, но председателю Совбеза было глубоко плевать на них. Виттенхайм никогда не жаловал этих выскочек и бумагомарак. Его бы воля, и ни один репортёришка даже близко не подошёл к дверям офиса!

А сегодня, когда в прямом смысле решалась судьба всего прогрессивного человечества, писакам и вовсе нечего здесь делать. Виттенхайм резко встряхнул седеющей головой, отгоняя прочь мрачные мысли и желания, и усилием воли вернул внимание к разговору. Вернее, к пошлomu и банальному торгу с директором Института новых биотехнологий. Да-да, этот наглый ирландец посмел торговаться с Советом безопасности планеты!

— И как же вы представляете себе проникновение через Врата вашего биорга, Мак-Кинли? — уста-

ло поинтересовался Тревеньян. — Мы уже битый час делим с вами шкуру неубитого медведя, как говорят русские. И мне, да и остальным, непонятно, почему Совет безопасности должен идти вам на такие уступки?

— Ну, о каких серьёзных уступках речь?! — делано возмутился Мак-Кинли, взмахнув руками. — Всего-то прошу передать Институту — подчёркиваю, не мне лично! — контроль над «Зелёным оком», как только Хофман его подчинит. Ведь вся деятельность этого... псевдоразумного комплекса, по сути, проходит именно по профилю моего учреждения. Это же самые что ни на есть новейшие биотехнологии!..

— Но это же и означает, что ваш Институт получит в распоряжение очень могущественный рычаг давления на общественное мнение?.. — гнул своё Тревеньян.

— Рычаг — да, давление... — Мак-Кинли скорбно усмехнулся. — Разве я похож на человека, способного навредить хоть как-то людям, когда положил свои лучшие годы им же на служение? И вам не стыдно такое говорить, господин первый заместитель?

— Давайте-ка без намёков, Рой! — резко вмешался Виттенхайм. — И хватит препираться! Или вы немедленно излагаете нам суть решения проблемы, или...

— Всё-всё, господин председатель! — быстро закивал Мак-Кинли. — Прошу меня извинить... Итак. Я нашёл способ контролировать действия метаморфа четвёртого поколения, известного вам как Сэмюель Хофман. Кстати, сразу хочу внести ясность, что Сэм — не биорг, а именно метаморф. В его организме нет ни одной привнесённой искусственной детали, ни одного микрочипа! Все изменения — результат последовательного ряда биологических трансформаций...

— А как же вы его тогда контролируете?

— С помощью наноботов... Но они не являются частью организма Хофмана, а лишь внешними устройствами.

— Допустим. — Виттенхайм переглянулся с остальными членами Совета. — А что дальше?

— Дальше — я разработал программу, следуя которой метаморф сможет пройти квест «Ока» и, соответственно, Врата.

— Уж не думаете ли вы, что у «Ока» не хватит возможностей отличить настоящего человека от биологического... монстра?

— А кто сказал, что «Око» предпочитает иметь дело только с людьми?..

Теперь запереглядывались и заёрзали все одновременно. Действительно, никто не слышал от «компьютерного бога» никаких намёков на исключительность человека. «Око» приглашало в свой рай всех желающих, кто бы смог пройти его тест.

— Но ведь квест-игра рассчитана именно на человеческую психологию, — снова заговорил Тревеньян, — а, насколько я понимаю, ваш метаморф имеет весьма своеобразные представления об этике, морали и нравственности?

— Вы правы, конечно! — Мак-Кинли заулыбался и энергично потёр руки. — В этом-то и состоит моё ноу-хау. С помощью наноботов я могу навязать Хофману — временно, разумеется! — чисто человеческую форму поведения. Эти милые «букашки» станут его суфлёрами на время прохождения теста и Врат. Ну а когда метаморф окажется там...

— Понятно. А вы уверены, что Хофман справится с защитными структурами «Ока»? Как мы успели убедиться, возможности их весьма велики.

— Согласен. Но все они нацелены на внешнюю угрозу и вряд ли рассчитаны на оборону изнутри.

— Троянский конь... — Тревеньян посмотрел на Мак-Кинли долгим, тяжёлым взглядом, в котором причудливо смешались ненависть, презрение, восхищение и жалость. Но ирландец и ухом не повёл.

— М-да, господин директор, — произнёс Виттенхайм совершенно ровным голосом. — Признаюсь, я ошибся в вашей оценке. Вы оказались ещё большим мерзавцем, чем я думал...

Сэм Хофман проснулся. Это было второе пробуждение в его новом и, как он рассчитывал, временном жилище. Мак-Кинли поместил метаморфа на своём ранчо в оазисе Вермонт и сдержал слово, в том смысле, что Сэм действительно чувствовал себя здесь в относительной безопасности и свободе. Но — именно относительной! По ночам Хофман от одной лишь мысли, что вынужден подчиняться, пусть и под контролем наноботов, презренному примату, начинал рычать и светиться в ультрафиолетовом диапазоне, распутивая многих ночных обитателей оазиса — грызунов, летучих мышей и шакалов. Бедные животные в радиусе сотни метров от виллы, сбитые с толку, кидались в панике в свои убежища, уверенные, что взошло солнце, застав их врасплох.

Как всегда, в силу уже сформировавшейся привычки Сэм просканировал окружающее пространство, не раскрывая глаз. Его новая сенсорная система теперь воспринимала любые полевые возмущения — от акустических до гравитационных. Наниты в организме Сэма не мешали этим его действиям, как и многим другим. Единственным свидетельством существования чужеродных объектов внутри своего тела Хофман мог бы назвать утерю способности к метаморфозу. При других

обстоятельствах ситуация, наверное, даже развеселила бы Сэма: метаморф, не способный изменяться! Но только не теперь.

Хитрый Мак-Кинли запрограммировал наноботы таким образом, что малейшая попытка Хофмана начать перестройку тела вызывала паралич нервной системы и одновременно дичайшие фантомные боли, от которых мутнело в глазах и подступала тошнота. Сэму оставались подвластны лишь бессильная ярость и бесконечная ненависть к мерзкому примату, взявшему над ним власть. Над ним — самым совершенным созданием на планете!

Хофман не оставлял попыток найти лазейку в тщательно продуманной Мак-Кинли системе контроля над метаморфом, но до сих пор безрезультатно.

Сканирование территории ранчо не принесло ничего нового. В недалёкой речушке плескалась мелкая рыбёшка, над обширной луговиной позади хозяйственного двора вились скрипуны — крупные серые насекомые, в которых с большим трудом можно было распознать стрекоз. Твари были изрядно лохматы, толсты и обладали короткими, раздвоенными на концах хвостами, издававшими при полете неприятный скрежещущий звук.

Хофман решил, что сегодня сделает пробежку вверх по речке, а потом вернётся вплавь и под водой. Никогда не помешает подтвердить собственные кондиции, раз уж невозможно как-то их изменить.

Когда же спустя час он вернулся к дому, его ждал неприятный сюрприз: вернулся хозяин ранчо. Мак-Кинли сидел в шезлонге на веранде и потягивал через соломинку какой-то алкогольный коктейль из пузатого коныячного бокала.

— Привет, Сэмми! — пьяненько приветствовал он Хофмана. — Есть хорошие новости.

— У тебя нашли саркому в четвёртой стадии? — мрачно поинтересовался метаморф, останавливаясь перед учёным.

— Ха-ха! Мне нравится твоё чувство юмора, Сэм. Оно почти человеческое! — Мак-Кинли резко оборвал смех. Лицо его стало злым, черты заострились. — Этот самодовольный индюк, Виттенхайм, посмел назвать меня мерзавцем!

— Кто он?

— Тот, без которого мой план не может быть осуществлён! Только Виттенхайм вправе решить: пустить тебя на Маврикий или нет.

— Значит, он разрешил.

Хофман ухмыльнулся и сел прямо на пол веранды, скрестив ноги.

— Но он при этом оскорбил меня!.. — рявкнул ирландец. — Проклятый бош! Ну ничего, скоро, очень скоро мы рассчитаемся с ними со всеми. Они ещё пожалеют, что родились на свет!..

— Конечно, пожалеют, — зловеще откликнулся Сэм, вперивая в Мак-Кинли тяжёлый взгляд.

— Но-но! — передёрнул тот плечами. — Не забывай о своём положении, парень... Ладно. — Он поставил пустой бокал на пол рядом с шезлонгом и кряхтя поднялся. — Нечего расслаиваться, пора за работу! Идём со мной. Твоя подготовка к внедрению в «Зелёное око» начинается прямо сейчас!..

★ ★ ★

Контрольный квест на деле оказался не таким уж сложным. Сэм легко разгадал все предложенные «Оком» психологические и этические головоломки, набрав в сумме вдвое больше баллов, чем получил на старте. Точнее, прошел квест не метаморф Хофман, а некто Чарли Смит из Ливерпуля, психоматрицу которого Мак-

Кинли всадил в голову Сэма и сделал её доминантной по отношению к телу носителя. Сознание же Хофмана очутилось в серьёзной изоляции — будто Сэма заперли в тёмном чулане с крошечным окошком под потолком. Через него едва пробивался свет окружающей реальности, а уж разглядеть что-либо было и вовсе невозможно. От яростного и безнадёжного бунта против подсадной личности метаморфа удерживало только твёрдое обещание Мак-Кинли — сразу после завершения операции «Троянский конь» мерзкий Чарли исчезнет, стёртый всё теми же нанитами.

И вот наконец долгое блуждание по виртуальному лесу закончилось. Чарли остановился перед самой обычной дверью, правда вделанной в ствол гигантского олеандра. На пушистую ветку перед Смитом уселась какая-то птица с ярко-зелёным оперением и красным хохолком на голове. Птица скосила на человека выпуклый умный глаз и приоткрыла массивный, загнутый книзу клюв.

— Тебе чего? — не удержался Чарли, уже по опыту зная, что в необыкновенном лесу можно встретить кого угодно, в том числе и разумную птицу.

— Сахар есть? — внятно спросила птица, судорожно щёлкнув клювом.

— Нету, — развёл руками Смит, стараясь скрыть невольное удивление.

— Тогда проходи, — безо всякой логики заявила птица и махнула крылом на дверь.

Чарли взялся за массивную бронзовую ручку и потянул. Скрипнули петли, и дверь нехотя поддалась, оказавшись довольно массивной. Смит опасливо заглянул в открывшийся проход. Это был с виду обычный коридор, вырезанный в толще ствола дерева. Вот только его протяжённость явно превышала диаметр олеандра. Раз в десять. А в конце из полумрака проступала ещё одна дверь — близнец первой.

— Чего встал? — раздалось над головой Чарли. — Проходи, не задерживай!

Смит посмотрел вверх. Зелёная птица, казалось, насмешливо разглядывала его то одним, то другим глазом. Потом наклонилась и начала чистить клювом когти на правой ноге.

Чарли набрал побольше воздуха и, пробормотав «до свидания», шагнул в коридор. Он успел сделать лишь пару-тройку шагов, как дверь за его спиной закрылась со знакомым скрипом. Смит очутился в полной темноте. И хотя заплутать в ней не представлялось возможным — коридор был прямым и достаточно коротким без всяких ответвлений, — мелкие коготки страха мгновенно вцепились в сердце. Оно тотчас ёкнуло и кинулось в галоп. Громко сглотив, Чарли заставил себя сделать следующий шаг, потом ещё один, и ещё. Чтобы успокоиться он принялся считать шаги, прикинув, что до второй двери их должно набраться не больше двух десятков. Однако когда их число перевалило за полсотни, страх вернулся и на сей раз вцепился в желудок Смита. Чарли охнул, ноги его подкосились, и он сполз по гладкой, отполированной кем-то стене на такой же гладкий пол.

Несколько минут потребовалось Смигу, чтобы унять распоясавшееся воображение и загнать страх обратно, в глубину сознания. Тогда он снова встал на ноги и, придерживаясь за стену, пошёл дальше. И почти сразу уткнулся в долгожданную дверь! Но вот открыть её с ходу не получилось.

Чарли пробовал и так, и этак — толкал, пинал, тянул за гнутую ручку — всё без толку. Наконец, отчаявшись, он уселся перед дверью по-турецки и попытался медитировать. С третьей попытки у него неожиданно получилось войти в транс, и он оказался в некоем месте без границ и направлений. Куда ни глянь — всюду заполненное полупрозрачным туманом пространство, в кото-

ром тонули и звуки, и свет. Словно по наитию Чарли спросил вслух:

— Как мне открыть дверь?

И спустя то ли несколько секунд, то ли веков из окружающей пустоты возник ответ:

— Вспомни слово...

В то же мгновение Смит вновь ощутил себя сидящим на тёплом деревянном полу. «Слово?.. Хм!.. Что же имелось в виду?..»

— Откройся! — чётко и раздельно произнёс он. Безрезультатно.

— Пожалуйста, откройся...

С тем же эффектом.

— Я хочу выйти!..

Ничего. И тут его осенило:

— Врата!..

Знакомый скрип, и в глаза Смиуту ударило ослепительное солнце. Следом прилетели чудные запахи и звуки — соль, йод, свежесть, посвист ветра и шорох волн в прибое. Чарли вскочил и с замиранием сердца шагнул в залитый светом проём.

Он стоял на выпуклом лбу тёмно-бурой скалы, выступавшей из морской кипени на несколько метров. Вдали сквозь дымку испарений смутно проступал зелёно-коричневый берег, а прямо перед Смитом скала заканчивалась необычным образованием, действительно похожим на каменную арку входа.

Чарли оглянулся. Позади у самой линии горизонта вставала свинцово-чёрная стена низких туч, то и дело пронзаемая бело-синими грозowymi разрядами. Там бесновалась буря, а здесь гулял лёгкий бриз, и щедрое солнце грело в своих могучих ладонях море и скалы.

Человек глубоко вздохнул и двинулся через арку Врат прямо в пену прибоя.

Сэм стоял по щиколотку в тёплой и ласковой воде и ошалело озирался. Переход был столь внезапным, что Хофман не сразу осознал, что тело снова слушается его. Его, а не этого жалкого человечешку! Первой мыслью стало: Мак-Кинли сдержал слово. Но уже через секунду Сэм с удивлением определил, что в организме его больше нет ни одного нанита! И это открытие едва вновь не повергло его в шок.

Как же так?! Что произошло? Куда делись эти мерзкие твари? А вдруг это какая-то новая уловка зловредного примата? Может быть, Мак-Кинли специально смоделировал ему состояние свободы, чтобы Сэм наиболее эффективно выполнил условия их договора?..

Хофман вышел из воды, опустил на мягкий как пух песок и погрузился в самоанализ. Он последовательно проверил все важнейшие системы организма — нервную, кровеносную, эндокринную, вегетативную, — полный порядок, никаких следов инородного присутствия. Сэм вытянул левую руку перед собой, сосредоточился, и кожа на ней за считанные секунды покрылась мелкой чешуёй с металлическим блеском. Ещё одно лёгкое мысленное усилие — включилось биополевое зрение. Хофман теперь совершенно чётко и ясно различал все живые объекты на сотню метров вокруг. Стена густой растительности, окаймлявшая широкую полосу пляжа, буквально кишела жизнью. Тысячи крохотных биополевых сгустков принадлежали различным насекомым и мелким пресмыкающимся. Крупных форм пока что не наблюдалось.

— Итак, — произнёс вслух Сэм, только для того, чтобы услышать свой голос, — прощайте, мистер Мак-Кинли. Похоже, здесь наши пути с вами расходятся. Пожалуй, я оставляю этот симпатичный мирок себе, а

вы уж там как-нибудь переберётесь в своих отравленных каменных трущобах!..

Метаморф гибко вскочил и длинными кошачьими прыжками понёсся к недалекой стене зарослей.

8

Дом стоял посреди небольшой поляны, поросшей курдюкой светло-зелёной травой пополам с низкими куртинами широколистого кустарника, усыпанного яркосиними крупными цветами. Сэму потребовалась долгая минута, чтобы сообразить, что же в этом доме не так. С виду — обычный одноэтажный коттедж, таких на Среднем Западе, где-нибудь в Канзасе или Айдахо, полным-полно. Но что-то всё-таки насторожило метаморфа. Может быть, слишком плавные линии очертаний или необычная скруглённость углов?..

Пришлось сделать по направлению к дому ещё с десятков шагов, прежде чем Сэм догадался: в доме не было ни одного шва или стыка! Создавалось впечатление, что его отлили из единой формы или... вырастили?!

От этой шальной мысли Хофман снова замер. Невслышный зуммер опасности проснулся глубоко внутри под черепной коробкой и привёл в состояние боеготовности все защитные системы организма. Однако непосредственной угрозы от дома не исходило, и Сэм успокоился.

Конечно, это проделки местного суперкомпьютера, возомнившего себя творцом идеального мира! Как его... «Зелёное око»?.. Ну-ну, посмотрим, на что ты ещё годишься. Пока ничего особенного не продемонстрировал. А как насчёт систем обороны?..

Сэм быстро подошёл к стене дома. Вблизи она во все потеряла видимость искусственности и больше всего напоминала теперь кору дерева. Метаморф вытянул руку вперёд, сформировал вместо пальцев биокерами-

ческие лезвия-когти и вонзил их в поверхность стены. На долю секунды Сэму показалось, что дом вздрогнул, и Хофман будто бы даже уловил тихий вскрик. Однако он продолжил погружать сверхтвёрдые когти в стену, одновременно активировав контактный анализатор. Спустя ещё пять секунд Сэм знал, что материал стены представляет собой обычную древесину, родственную рододендрону, с той лишь разницей, что в неё каким-то образом была встроена — или вживлена?! — тончайшая микросеть из металлического полимера очень сложной структуры. Анализатор Сэма так и не смог идентифицировать её состав.

И самым непонятным было то, что эта загадочная микросеть не являлась элементом исключительно дома, она плавно переходила из основания его стен в почву острова и дальше, в её глубину. А при более тщательном исследовании Сэм обнаружил, что тончайшие микроволокна присутствуют буквально повсюду, вплоть до самой крохотной травинки и листка каждого растения!

Это открытие могло означать лишь одно: «Око» сумело создать универсальную систему контроля за состоянием подвластной ему территории.

Метаморф прекратил опыты со стеной «живого» дома, убрал когти и с интересом понаблюдал, как быстро затягивается свежей тканью нанесённые им повреждения. Не прошло и минуты, как от дырок ничего не осталось. Поверхность стены вновь была идеально ровной и целой.

Итак, первое важное открытие Сэм сделал. Его противник предусмотрительно позаботился об эффективном способе самовосстановления созданного им мирка. Но это его не спасёт, потому что Сэм тоже полон сюрпризов, могущих стать весьма неприятными в случае открытого столкновения. А то, что оно неизбежно, Хоф-

ман почти не сомневался: кто же добровольно отказывается от власти?

«А ведь у тебя должны быть и другие способы контроля, жалкая железяка! Не может не быть... Да и охранный комплекс — тоже». Сэм настроил внешние сканеры на полный электромагнитный спектр — от радиоволн до мягкого рентгена — и почти сразу обнаружил несколько движущихся источников коротковолнового излучения. Его вели! Аккуратно и ненавязчиво. Чего и следовало ожидать.

Сэм усмехнулся про себя и для начала активировал инфракрасный экран. Теперь для тепловых датчиков, как живых, так и искусственных, он стал невидим. Экран полностью поглощал его собственное излучение, а внешние окружающие потоки отводил в сторону. Если метаморф не двигался, его вовсе невозможно было засечь, а при движении на общем фоне возникали лишь лёгкие искажения тепловой картинки — будто перемещается некая линза.

Обнаруженные «шпионы» бестолково заматались по округе, и Сэм позволил себе позлорадствовать: один — ноль, железяка! Рано обрадовался. Не прошло и минуты, как над поляной появились сразу с нескольких направлений... огромные стрекозы. Они дважды пронесли у Сэма над головой, а затем, образовав круг диаметром метров тридцать, медленно двинулись по нему, причём боком, направив головы на Хофмана.

«Вот же твари! — разозлился Сэм. — Ну, я вам сейчас...» Однако он ничего не успел сделать. В двух шагах от него из высокой травы поднялся человек. Странно, но ни один из сканеров метаморфа не предупредил о присутствии на поляне постороннего. Человек словно возник из воздуха. Лишь спустя секунды

Сэма озарило: телепортация! Незнакомец мог объявиться столь внезапно, только если владел подобной технологией.

«Но ведь телепортация без технических средств невозможна?.. Тогда где же финиш-камера?.. Неужели ею является сама поляна?!»

— Не напрягайся ты так, — спокойно заговорил незнакомец.

Впрочем, почему незнакомец?.. Сэм покопался в глубинах своей идеальной памяти и нашёл нужный файл: «Сергей Богданов, биофизик, эколог, тридцать шесть лет, создатель и разработчик системы регенерации биосферы — проект «Зелёное око».

— Я тебя тоже узнал, — будто отвечая на невысказанный вопрос Сэма, продолжил учёный. — Ты — биологически модифицированный организм с произвольно реплицируемым геномом, а проще — метаморф. Правда, я чувствую в тебе и некоторые признаки искренности, хотя пока не пойму их смысла...

— Ты хозяин? — перебил его Сэм, всё ещё пытаясь локализовать телепортационную установку и удивляясь, что не может этого сделать. А ведь его поисковая система смогла бы обнаружить даже наноконструкцию, будь такой существовал.

— Я, как ты правильно определил, создатель «Зелёного ока» — спасителя жизни на нашей планете. Я смог дать людям то, о чём они мечтали последние двести лет...

— Я предлагаю тебе добровольно передать мне все коды доступа к здешней компьютерной сети и центру управления.

Человек замолчал на полуслове, словно ультиматум застал его врасплох, но спустя мгновение рассмеялся. По-доброму, не зло — великодушно.

— Ты — забавный экземпляр, Сэм! — Он покрутил головой, успокоился. — Неужели ты думаешь, что сможешь справиться с подобной задачей?!

— Что ты имеешь в виду? — презрительно пожал плечами метаморф, одновременно приводя в действие программу боевой трансформации.

— Чтобы хотя бы разобраться в структуре и функциях «Ока», думаю, тебе понадобится лет двадцать...

Сэм не стал дослушивать самодовольные бредни жалкого сапиенса, возомнившего о себе неведь что. Он просто выстрелил в него из электрожала, выросшего на левом плече. Тысячевольтный разряд, сформировавшийся в ветвистую молнию, мгновенно прошёл насквозь незащищённое тело человека и... канул в пустоту!

Учёный исчез. Так же как и появился — беззвучно и не потревожив пространства ни в одном из доступных наблюдению диапазонов.

Это было выше понимания метаморфа, и он, впервые за свою недолгую — вторую — жизнь, испугался! Это новое чувство оказалось настолько неожиданным и непонятным для Сэма, что он смог справиться с накатившей растерянностью и паникой лишь ценой невероятных волевых усилий.

Какое-то время Сэм ещё продолжал сканировать пространство и напрягать встроенные защитные контуры, ожидая нападения, но вскоре понял, что всё бессмысленно. Он вдруг осознал, что, если бы этот странный сапиенс хотел его убить, он бы с лёгкостью это сделал, в любой момент!..

Открытие лишь добавило адреналина в перегруженную сторожевую систему организма метаморфа.

Сэм, за время душевных метаний непроизвольно трансформировавшийся в чудовище, напоминающее

одновременно пещерного льва и крокодила, взревел и, лязгнув страшными челюстями, ринулся с поляны в густую тропическую чащу.

Посёлок возле небольшого водопада выглядел почти игрушечным. Два десятка домиков — близнецов того, первого, на берегу — выстроились вдоль единственной короткой улочки, упиравшейся одним концом в лагуну под водопадом, а другим растворяясь в густом подлеске рододендроновых зарослей.

Метаморф замер под прикрытием широкой листвы, внимательно разглядывая и сканируя всеми сенсорами вновь открывшееся пространство. В отличие от первого дома — пустого, необжитого, — здесь кипела жизнь. То и дело между домиков мелькали фигуры ненавистных приматов — и больших, и маленьких! А ведь толстый Мак-Кинли утверждал, что сквозь Врата проходили только взрослые особи?.. Получается, приматы здесь не просто живут и наслаждаются раем, а ещё и размножаются?! Причём с какой-то невероятной скоростью: ведь и года не прошло с момента образования этого оазиса чистой биосферы...

Сэм крадучись двинулся вдоль опушки, решив обойти посёлок со стороны лагуны. Оттуда приматы уж точно не ждут опасности. Но, не пройдя и полусотни шагов, Сэм нос к носу столкнулся с подростком! Молодой примат спрыгнул с дерева в траву прямо перед мордой метаморфа. И опять Сэм не засёк вовремя чужого присутствия. Неужели и этот недоросль владеет телепортацией?!

— Привет! — вежливо произнёс мальчик. — Ты новенький?

Он разглядывал Сэма с неподдельным интересом и при этом не выказывал ни малейших признаков страха или хотя бы смущения. А Хофман в те же секунды ре-

★ шал: убить маленького примата или просто допросить с пристрастием и бросить?

— Ой, какой ты злой!.. — вдруг протянул мальчик. На его лице появилось сочувствующее выражение. — Наверное, тебе там, — он махнул рукой за спину Сэма, — очень плохо жилось, да?

Метаморф в ответ молча ударил его лапой с только что выращенными трёхдюймовыми когтями-стилетами и... промахнулся. Мальчишка непостижимым образом переместился и очутился справа от Сэма. Чтобы развернуться для новой атаки, метаморфу понадобилось целых полсекунды, но юный примат вновь опередил его, проявившись на сей раз за спиной.

— Почему ты сердишься на меня? — В голосе мальчика сквозила обида. — Я же не сделал тебе ничего плохого. Не хочешь разговаривать — так и скажи!..

Метаморф наконец взревел — от ярости и бессилия — и рванулся в сторону посёлка, желая только одного: крушить и убивать. Но... на очередном, пятом, прыжке он вдруг понял, что летит! Вернее, парит в трёх футах над землёй.

Никогда ещё Сэм не чувствовал себя настолько беспомощно, с тех пор как обрёл новую жизнь в лаборатории доктора Мак-Кинли. Это не было собственно невесомостью, наоборот, Сэма словно удерживали в воздухе могучие невидимые руки или лапы?.. Они позволяли ему совершать любые движения, кроме одного — опуститься и снова обрести твёрдую почву под ногами.

Метаморф ревел, брыкался, брызгал едкой слюной, капли которой, падая на траву, шипели и дымились, обугливая цветы и листья. Но едва эти брызги достигали влажной красноватой почвы, тут же бесследно поглоща-

лись ею, а повреждённые растения на глазах восстанавливались.

Схватку наконец заметили в посёлке. К опушке от домов двинулась небольшая толпа взрослых приматов, одетых в разноцветные и совершенно непохожие друг на друга по покрою одежды — хитоны, рубахи, сари, шаровары, джинсы, майки и вовсе непонятные по происхождению модели. Сэм при виде толпы забился почти в истерику, даже попытался трансформироваться обратно в человекоподобное состояние. Но для этого необходимо было как раз максимально сконцентрировать волю, отключив эмоции, а он сейчас не мог просто успокоиться.

Люди окружили метаморфа и принялись разглядывать его, оживлённо переговариваясь.

— Вы не знаете, что это за модель?..

— Айрис, ты когда-нибудь видела что-либо подобное?..

— Какой страшненький!..

— Тим, а можно его опустить? Я хочу посмотреть, как он бежит...

— Не надо, дядя Мэт. Он почему-то очень сердитый. Вдруг укусит?..

— Друзья, что же нам с ним делать?..

— А плавать он умеет?..

В тот же миг Сэм почувствовал, что летит куда-то. Невероятным усилием он смог извернуться головой вперёд и увидел стремительно приближающийся водопад. В следующую секунду с диким рёвом он врезался в водяную стену, пронзил её и впечатался в стену каменную. Вернее, всё же сумел выставить лапы перед собой и смягчить удар, а потом рухнул с высоты десятка метров в лагуну.

На удивление холодная вода моментально привела Сэма в чувство, он наконец смог сосредоточиться, про-

вести трансформацию, превратившись в огромную саламандру, и, не всплывая, устремился прочь из лагуны по руслу неширокой, но достаточно глубокой речки.

Ночь Сэм провёл в карстовой пещере под скалой, сплошь заросшей камнеломкой и лианами. В пещере было сыро и холодно, несмотря на жаркую погоду снаружи. Вдобавок пещера оказалась обитаемой. Вначале на метаморфа-саламандру напала парочка здоровенных кобр. Эти короли джунглей устроили себе в пещере уютное гнёздышко и даже отложили яйца, потому присутствие хищного пришельца оказалось нежелательным, и змеи решили с ним разделаться. Конечно, у них не получилось. Метаморф успел бронировать свою шкуру роговыми пластинами, а затем, когда кобры, бесильно шипя, отступили, схватил их по очереди длинным хамелеоньим языком и сожрал, закусив змеиными яйцами.

Чуть-чуть удовлетворив таким способом уязвлённое, израненное мерзкими приматами самолюбие, Сэм свернулся в плотный шар, на манер броненосца, включил сторожевую сенсорную систему, реагирующую на тепло и движение, даже если бы это оказался скорпион или мышь, и провалился в глубокий, близкий к летаргическому сон. Испытавшему неоднократно стресс организму требовалось время для самотестирования и очистки от информационных и химических шлаков — остатков гормонов и медиаторов нервной системы.

Но даже в таком состоянии мозг метаморфа, вернее его аналитическая часть, продолжал работу. Если бы удалось каким-то образом визуализировать весь процесс, то, возможно, он бы выглядел примерно так.

В кубической комнате без окон, точно в геометрическом центре висел прозрачный кокон-шар. Внутри

него пульсировало жемчужно-радужное облако, время от времени формируя на своей беспокойной поверхности некое подобие лица, иногда только отдельных частей — глаз, губ, лба... И каждый раз это происходило произвольно, непохоже на предыдущие и последующие трансформации. Но при этом каждый раз напротив проступившей детали лица на внутренней грани комнаты-куба вспыхивала яркая картинка — визуализация пережитого метаморфозом события накануне. Пульсация и калейдоскоп картин всё ускорялись, пока не слились в сплошное мельтешение. И тогда из него медленно проступило наконец полностью сформировавшееся лицо Сэма Хофмана, и его губы произнесли лишь одно слово: стоп!

Вывод, сделанный Сэмом во сне, был непререкаем и неприятен. Весь накопленный на острове опыт однозначно говорил о том, что воевать с «Оком» бессмысленно — слишком хорошо продумана и сбалансирована система защиты и регенерации созданного им биоценоза. Но, как у всякой сложной, многоуровневой структуры, на острове непременно должен быть координирующий или управляющий центр. Скорее координирующий, ибо явную централизацию управления метаморф бы уже почувствовал. На острове, вероятнее всего, действовал принцип положительной обратной связи. И для одержания стратегической победы над «Оком» и его создателем требовалось переиграть его тактически. То есть постараться найти этот координирующий центр, не привлекая излишнего внимания сторожевых систем острова. И, только захватив центр, Сэм станет полновластным хозяином над этим раем для приматов!..

Метаморф проснулся мгновенно и тут же трансформировался в обыкновенного человека средних лет, с обозначившимся брюшком и лысиной, но ещё вполне

★ бодрым и подвижным. Именно таким он и покинул уютную пещеру.

И сразу вновь был атакован — рой диких пчёл буквально облепил Сэма, будто он залез к ним в гнездо! У Хофмана хватило выдержки не устраивать новую бойню — он уже понял, что ответная агрессия только усугубит ситуацию. На сей раз метаморф позволил себе лишь синтезировать феромон пчелиного льва и выделить его через поры в огромном количестве. Едва ощутив запах извечного смертельного врага, пчёлы мгновенно рассеялись в воздухе, но их тут же сменили старые знакомые — стрекозы. И Сэм понял, что «Око» заимело на него серьёзный зуб.

Однако это неприятное открытие лишь подстегнуло метаморфа. Он вновь включил тепло- и цветомаскировку и устремился на поиски.

9

Кабинет председателя Совета безопасности ООН был огромен. Тем не менее хозяин кабинета умудрялся мерить его шагами, преодолевая многие метры за какие-то секунды и тут же возвращаясь к креслу возле стола для малых заседаний — единственному занятому сейчас посетителем. Этим посетителем был шеф Института новых биотехнологий. Правда, сейчас он больше походил на проштрафившегося школьного забияку перед грозными очами директора. Несмотря на внушительные габариты, на сей раз толстый ирландец умудрился съжаться в кресле так, что ноги его в дорогих штимблехах от Ставроне едва доставали до пола. Мак-Кинли тербил в руках большой клетчатый платок и поминутно то вытирал им потную лысину, то шумно сморкался в него же.

Тревеньян стоял возле панорамного окна, прикрытого поляризованным фильтром, и с презрительной гримасой наблюдал за этими странными манипуляциями.

— Итак, господин директор, минуло трое суток, как ваш хваленый агент-метаморф прошёл Врата, — говорил на ходу Виттенхайм, и благодаря прекрасной акустике его голос был одинаково хорошо слышен в любом конце кабинета. — Каковы же результаты?

— Результатов пока нет, господин председатель, но...

— А связь с этим Хофманом у вас есть? — выстрелил новым вопросом Виттенхайм, внезапно останавливаясь перед Мак-Кинли и нависая над ним, как тень Фемиды.

— Но ведь её не может быть, потому что...

— То есть вы не знаете, чем занят в настоящий момент ваш опасный подопечный!

— По-моему, в прошлую нашу встречу, — вмешался Тревеньян, — вы уверяли нас, Рой, что всё продумали до мелочей?

— Я и сейчас могу со всей ответственностью...

— Бросьте, господин директор! — Виттенхайм наконец обогнул стол и почти упал в своё председательское кресло. — Теперь уже ясно, что-то пошло не так. Либо ваш метаморф сумел-таки «переварить» подсадную личность и в настоящий момент занимается своими личными делами, никак не связанными со спасением человечества, либо...

— ...«Око» преспокойно «переварило» его, сделав ещё одним счастливчиком в своём раю, — закончил Тревеньян, подходя к столу и усаживаясь напротив совсем сникшего Мак-Кинли. — Какой из вариантов вы предпочитаете?

Воцарилось тягостное молчание. Первым его нарушил секретарь Совбеза.

— Поймите, Рой, нам — всем нам — нужно принять решение. И сейчас! А для этого необходимо договорить-

ся: считаем мы миссию «Троянский конь» проваленной или нет? Я лично вас прекрасно понимаю: в этого... метаморфа вложено столько сил, идей и средств, что... Но ведь никто не застрахован...

— Прекратите! — почти взвизгнул вдруг Мак-Кинли, отшвырнул загаженный платок и вскочил, опрокидывая кресло. — Вы даже не представляете, что такое Сэм Хофман! Это — вершина геной инженерии, Эверест достижений в области рекомбинаторики, это...

— ...страшное оружие и абсолютно чуждое людям создание, — холодно прервал его патетику Виттенхайм. — Признайтесь, господин директор, вы проиграли. Вашим замыслам, какими бы они ни были, не суждено сбыться. Сэм Хофман вас обвёл вокруг пальца!

Мак-Кинли вновь понурился, поднял упавшее кресло и плюхнулся в него.

— Этого не должно было случиться, — пробормотал он скорее для себя. — Наниты неуничтожимы и непобедимы... Он бы с ними не... — Его блуждающий взгляд вдруг остекленел, зрачки расширились. — Врата!.. — хрипло прошептал ирландец. — Как же я раньше не догадался?!..

— О чём? — насторожились оба чиновника одновременно.

— Врата... Эта чёртова железяка — «Око», она придумала идеальный способ обезопасить себя от любых вирусов! — Мак-Кинли снова был на ногах и помчался по кабинету, как до того вышагивал сам Виттенхайм. — Врата — это ремиттирующий ЭМ-контур, он стирает любую модулированную информацию на любом искусственном носителе, кроме биологического. Именно поэтому Сэм прошёл без помех, а всё, что было подсажено в него, — дезинтегрировалось!..

— А психоматрица этого... Чарли Смита?..

— Без стабилизирующего воздействия тех же нани-тов психоматрица не могла долго существовать. Наниты погибли, и сознание Сэма растворило Смита...

— То есть Хофман, пройдя Врата, обрёл прежнюю полную самостоятельность.

Мак-Кинли уныло кивнул и вернулся в кресло.

— Не хотел вам говорить до официального заседания Совета, господа, — медленно начал Виттенхайм, — но... вчера со спутника наблюдения была передана очень странная картинка...

— А что, теперь за жизнью рая можно наблюдать с орбиты? — удивился Тревеньян.

— Можно. И раньше можно было, только... Да, так вот. Из этой картинки вытекает один очень неприятный вывод.

— А что там всё-таки? — рискнул спросить толстяк-ирландец.

— Там — дети. — Виттенхайм нервно дёрнул плечом.

— В смысле?! — хором изумились Тревеньян и Мак-Кинли.

— В зоне «рая» обнаружены дети, — оловянным голосом повторил председатель Совбеза.

— Откуда они там?! — не поверил ирландец. — «Око» приглашает только взрослых людей...

— Откуда вообще берутся дети? — иронически приподнял бровь Тревеньян.

— Вы же не хотите сказать, что они там родились?

— Почему нет? — развеселился француз. — Для этого всего-то нужно, чтобы мужчины и женщины соединились, так сказать...

— ...а потом прошло девять месяцев и ещё сколько-то лет?! — презрительно скривился Мак-Кинли. — Не порите чепухи! Даже если допустить, что попавшие в «рай» начали создавать... семьи, там максимум могут

★ быть грудные младенцы, да и то в ограниченном количестве. А уж подростки...

— Тем не менее, именно подростки и зафиксированы орбитальными камерами, — веско перебил Виттенхайм. — Ошибки быть не может!

— И что всё это означает? — снова растерялся толстяк.

— Что означает — не знаю, но пахнет всё это очень скверно! — Председатель Совбеза опять двинулся в путешествие по кабинету. — Лично у меня напрашивается только один вывод: «Око» изменило свои первоначальные цели и задачи и теперь создаёт новое человечество. Соответственно, старое становится лишним!

В помещении вновь воцарилась тяжёлая тишина. Затем Виттенхайм вернулся к столу и, опёршись на него массивными кулаками, раздельно сказал:

— Послезавтра я созываю экстренное заседание малого Совета для решения только одного вопроса: сроки и способы устранения возникшей проблемы!

★ ★ ★

Он бродил по острову несколько дней. В определённый момент Хофману пришла в голову мысль, что никакого центра координации не существует, что он ошибся в выводах. Однако не оставлял поисков. А что ещё, собственно, ему оставалось?.. Уйти с острова он не мог, стать таким, как его обитатели, — тоже. Вернее, Сэм даже думать не хотел о подобной перспективе! Уподобиться мерзким приматам, слившимся с новым биоценозом настолько, что и помыслить иного уже не могут?! Никогда! Лучше погибнуть в бесполезной борьбе с защитниками этого чёртова рая!..

Он пробовал вызвать на разговор того самого учёного, что встретился ему в первый день, перебрал все возможные радиодиапазоны для связи, вырастив для этой

цели дополнительный орган, отдалённо напоминающий биогенераторы частот муравьёв или термитов. Бесполезно. Эфир молчал, вернее, привычно «шумел» фоновыми частотами. Хотя Сэм был почти уверен, что его беззвучные вопли слышат не только насекомые. Просто с ним не желают общаться.

Это бесило особенно сильно. «Ну, погодите, уроды! Дайте срок, я найду ключ к вашему «раю» и уж тогда отыграюсь на всех и за всё!..»

Метаморф взобрался на очередную скалу. Он давно ушёл от побережья, здраво рассудив, что наиболее вероятным местом пребывания какого бы то ни было центра могут быть только горы. Плохо было лишь то, что горы занимали почти две трети площади острова. Задумавшись о будущей мести, Сэм позорно пропустил прикрытый ярко-зелёным ковром ползуна «язык» осыпи, и, когда земля под ногами Хофмана вдруг резко потащила его вниз по склону, Сэм поначалу дёрнулся в сторону, к гранитному откосу, но потом, поразмыслив, решил «доехать» до конца и заодно проверить узкую долину, куда текла каменная река.

Спуск оказался крутым и стремительным, так что пришлось метаморфу сосредоточиться на удержании равновесия. Из-за этого Сэм едва не миновал странную площадку, неожиданно вынырнувшую за очередным поворотом «речки». Для анализа ситуации потребовалось три десятых секунды, и Хофман прыгнул на площадку.

Одного лишь беглого взгляда хватило, чтобы восторгоствовать: он нашёл!

Площадка была искусственно выровнена и имела размеры примерно двадцать на сорок футов. Каменную стену с одной её стороны привычно заплела вездесущая камнеломка, но в дальнем углу базальтовая плита была чистой и тоже непривычно гладкой. Сэм попробо-

вал просканировать эхолотом массив скалы. За базальтом явно присутствовала обширная полость — пещера или нечто подобное.

Здесь не было вездесущих соглядатаев типа стрекоз и жуков, но ощущение внимательного взгляда не отпускало. Метаморф задействовал все ресурсы, стараясь выявить скрытого наблюдателя, но не смог. Понял лишь, что их, как минимум, три.

Тогда Сэм решил спровоцировать охрану предполагаемого центра координации и лёгким шагом направился к голой скале, даже мотивчик какой-то нелепый вспомнил и принялся его насвистывать — ни дать ни взять: турист на прогулке.

Но пройти он успел не больше половины расстояния.

— Здравствуй, Сэм. — Учёный, как и раньше, возник буквально из воздуха в двух шагах от метаморфа. — Хочешь поговорить? — Он присел на плоский кусок базальта на краю площадки.

— Я всё сказал тебе в первый раз. — Хофман усмехнулся. — Ты же слышал мои призывы. Что же появился только сейчас? Испугался, что я обнаружил твой командный пункт?

— Никакого командного пункта нет, Сэм, — покачал головой Богданов. — Попытаюсь объяснить тебе ещё раз...

— Я не нуждаюсь в твоих объяснениях! Отдай мне коды доступа и, возможно, я позволю тебе уйти целым и невредимым.

— Сэм, Сэм... — Учёный грустно улыбнулся. — Ты рвёшься к власти, которой не существует. «Оком» нельзя управлять в прямом смысле, извне. Можно влиять на его поступки, только став частью созданного комплексом биоценоза. Здесь действует лишь один универсальный закон — положительной обратной связи. Он, и только он, — залог успеха, гарант существования «рая»...

— Чушь! У любой компьютерной системы должен быть управляющий или хотя бы координирующий центр, системный администратор, сервер, наконец! И теперь я до него доберусь! — Хофман внутренне собрался и начал боевую трансформацию, превращаясь на глазах человека в некое существо, напоминающее одновременно гориллу, раптора и ещё какого-то доисторического хищника.

Богданов с неподдельным интересом наблюдал за процессом. Метаморф закончил отращивать себе шипастый хвост и щёлкнул челюстями, демонстрируя человеку свои кондиции. Но учёный лишь пару раз хлопнул в ладоши и поднялся с камня.

— Поздравляю, Сэм, тобой вполне можно пугать расшалившихся детишек! Но мне пора. Господа из Большого мира, кажется, готовят нам очередную пакость...

Метаморф совершил молниеносный бросок, но челюсти вновь схватили пустоту. Богданов исчез. Тогда разъярившийся Сэм снова двинулся к голой скале, по-прежнему считая её входом в центр управления островом.

Неожиданно откуда-то сверху на Хофмана пала огромная тень. Спасла метаморфа от неминуемой расправы только феноменальная реакция. Он упал плашмя на живот и тут же перекатился на спину, выставив перед собой все четыре лапы с острейшими когтями. И услышал громкий разочарованный клёкот. Гигантский кондор сделал над площадкой крутой разворот, намереваясь повторить атаку.

Птица имела в размахе крыльев не меньше пятнадцати футов, а страшные когти по размерам не уступали когтям метаморфа. Да и клюв внушал уважение. «Страж системы!» — мелькнула у Хофмана догадка, но раздумывать было некогда. Кондор завершил боевой разворот и устремился на противника.

Сэм успел лишь покрыть костяной бронёй живот и переднюю пару лап. На морду и бока времени не хватило. Им и досталось. Однако и птице не поздоровилось. Один из ударов метаморфа достиг цели, и кондор с криком отпрянул в сторону, запрыгал по площадке, волоча на отлёте сломанное крыло.

Хофман тяжело перевернулся, пытаясь встать, и тоже взвыл от острой боли в разорванном боку. Вдобавок один глаз ничего не видел, разбитый метким ударом клюва. Конечно, будь у него немного времени, Сэм залатал бы полученные раны, но... Едва он направился к птице, чтобы добить окончательно, как услышал за спиной низкий, рокочущий рык. Владелец такого голоса должен был превосходить размерами кондора раза в два, если не в три!

Сэм обернулся и присел. От страха. Да, вот это был настоящий Страж! Перед ним в пяти-шести шагах стоял, широко расставив мощные лапы и хлеща себя длинным и гибким хвостом по бокам, царь амазонской сельвы — ягуар. Сэм невольно вспомнил, как однажды в детстве прочитал в какой-то книжке, что, когда ягуар подаёт голос, джунгли замолкают, внимая голосу хозяина. Именно так!

«Кажется, я недооценил возможностей чёртовой железки! — с досадой подумалось метаморфу. — Неужели придётся отступить?!» И вновь его тело сработало быстрее разума. Тех нескольких секунд, что понадобились ягуару для приведения себя в состояние ярости, Сэму хватило, чтобы вырастить достаточное количество электрических клеток, как у угря, в основании каждого когтя. И когда огромная кошка всё же прыгнула, метаморф встретил её двойным ударом передних лап и тысячевольтовым разрядом. Мощность тока оказалась такова, что на ягуаре задымилась шерсть, а самого царя джунглей выгнуло назад мощнейшей судорогой, и позвоночник его не выдержал, сломавшись с мерзким хрустом.

«Два — ноль», — отрешённо отметил про себя Сэм, и тут сверху со скалы на площадку упала стена воды. Бешеный поток сбил метаморфа с ног и закружил по площадке, потащил к краю обрыва. Хофман ничего не видел вокруг и почти потерял ориентацию, не зная, в какую сторону спастись. Но главная опасность таилась не в самой воде.

Внезапно тело Сэма сжало словно в могучих тисках. Все четыре лапы оказались плотно прижатыми к туловищу, и давление продолжало быстро нарастать. С трудом Хофман различил, что его обвивают кольца змеиного тела, но какого! Его толщина была никак не менее фута! А пёстрый, ромбовидный рисунок шкуры подсказал имя хозяина — анаконда. Самая крупная и сильная змея на планете, к тому же ведущая водный образ жизни и, следовательно, чувствующая себя сейчас в родной стихии, в отличие от Сэма.

И метаморф начал очередную трансформацию, превращаясь в такую же огромную змею. Правда, с одним отличием: в ядовитую. И когда анаконда, озадаченная безуспешностью своей атаки, попыталась её повторить, метаморф впился отравленными зубами в переднюю часть тела удава, там, где у него билось могучее сердце. И сердце не выдержало буквально слоновьей дозы токсина и остановилось. А следом бессильно опало и тело.

Метаморф победил снова.

Он ловко выбрался из водопада и добрался по стене до желанной скалы. Там действительно обнаружился вход в систему подземных пещер. Сэм нутром чувствовал, что нападений больше не будет, поэтому задержался у входа, совершив обратную трансформацию в привычного прямоходящего гоминида с острыми эльфийскими ушами и кошачьими, чуть раскосыми глазами.

Полежав и помедитировав около двух часов, Сэм почувствовал себя практически здоровым и полно-

стью восстановившимся после смертельной схватки. «А слабоваты всё-таки стражи у железяки!» — не без злорадства подумал он, спускаясь в лабиринт пещер и коридоров.

Бункер Сэм нашёл спустя несколько часов. Он не особо и торопился, полагая, что учёный, несмотря на свои необыкновенные способности, не станет оказывать сопротивления. Не чувствовалось в этом русском ни боевого задора, ни даже здоровой злости. А на его увещевания Хофман давно уже решил не обращать внимания.

Собственно, бункером бункер не был — просто ещё одна пещера, похожая на купол храма. В центре её располагалась необычная конструкция, напоминающая кокон некоей супербабочки. Сходства добавляли многочисленные перепонки и растяжки, тянущиеся от кокона во все стороны и исчезающие в толще каменных стен и свода пещеры. Непонятным оставалось только освещение. Ни одного источника Сэм не обнаружил — казалось, светятся и стены, и перепонки, и даже сам кокон.

Метаморф осторожно подобрался к кокону, обошёл его раз, другой, попробовал на ощупь. Шёлк. Ну, точно — кокон тутового шелкопряда, только увеличенный раз в сто. Сэм снова провёл пальцами по поверхности, и тут кокон раскрылся — распался, словно разошлась невидимая застёжка-молния. Издохнувшего тёплой волной полумрака навстречу Хофману вышагнул Богданов.

— А ты упрямый, Сэм!

— Я пришёл взять то, что хочу. Называй коды доступа и проваливай! — Кошачьи глаза метаморфа вспыхнули на мгновение мрачным огнём.

— Господи, да когда же до тебя дойдёт, мальчишка: нет никаких кодов! И нет никакого центра управления...

— А это что?

— Это и есть «Око», — устало вздохнул учёный. — Точнее, одна из его консолей.

— Есть и другие? Много?..

— Другие появляются, если возникает необходимость или нештатная ситуация, как, например, — твоё появление.

— А эта?..

— Эта — как бы постоянная. Но воспользоваться ею в принципе может любой житель «рая».

— Значит, она и есть центр управления.

— Да нет же! — Богданов схватился руками за голову, взъерошил густые волосы и посмотрел Сэму в глаза. — Ты можешь тоже войти туда, но ни управлять, ни что-либо изменить здесь не сможешь.

— Почему?

— Потому что «Око» создал я, и только я могу общаться с ним на равных, понимаю его, помогаю ему, направляю, предостерегаю от ошибок. «Око» ещё очень молодо, почти ребёнок. И одно из его поспешных решений теперь грозит всему этому миру большими неприятностями, если не сказать — гибелью!

Хофман вновь насторожился. Он уловил в словах русского неподдельное страдание, предчувствие беды.

— Кто же может угрожать «раю»?

— Люди, конечно! — откровенно горестно воскликнул Богданов.

— Не понимаю. Ведь он же для них...

— Именно поэтому! Сюда пришло каких-то жалких шестьдесят или семьдесят тысяч, а там миллиардам по-прежнему грозит скорая гибель. Ведь всё это, — учёный обвёл рукой купол и пещеру, — весь остров — всего лишь эксперимент. И от его удачи зависит, появится ли у человечества надежда на будущее. А ты пришёл его уничтожить. И всё потому, что тебя самого лишили будущего, превратив в... некое существо. И тоже ради эксперимента!

Он замолчал. Молчал и Хофман. Но по другой причине. Метаморф размышлял, стоит оставлять жалкого примата в живых или всё же прикончить, как отработавшего свой ресурс предшественника.

— Не напрягайся, Сэм, — снова заговорил вдруг Богданов. — Убить тебе меня не удастся. Я об этом позаботился. А что касается «Ока»...

Закончить он не успел. Метаморф прыгнул. Но не на человека, а в кокон.

— Ну, вот ты и дома, Сэм! — облегчённо улыбнулся учёный, когда за Хофманом сомкнулись створки кокона. — Вариант решения найден. Нам так не хватало настоящего воина и защитника! А с твоим-то потенциалом...

— Сэр, всё пропало! — Лицо генерала на экране терминала правительственной связи выражало досаду пополам с отчаянием. — Мы потерпели полное поражение!

— В чём дело, Стэнли? — нахмурился Виттенхайм. — Выражайтесь яснее.

— Ни одна из баллистических ракет не достигла цели. Все носители вместе с зарядами затонули в океане...

— А орбитальные лазеры?

— Сгорели в отражённых лучах, сэр!

— То есть как?!

— Цель отразила все импульсы и перенаправила энергию обратно на источники.

— А геофизическое оружие?... — теряя самообладание, воскликнул поражённый председатель Совбеза.

— Сейсмические волны также отражаются от основания острова неизвестным нам способом, а цунами вообще обошли его стороной... — Генерал сник окон-

чительно. — Прикажете подать прошение об отставке, сэр?

— Идите к чёрту, Стэнли! Мне надо подумать...

— Тогда ещё одно, сэр. Так сказать, информация к размышлению.

— Ну, ну?..

— Со вчерашнего дня, точнее, за последние двенадцать часов «Око» расширило свою зону почти на пять километров в диаметре. И процесс постоянно ускоряется!..

Генерал умолк, ожидая реакции начальства. Виттенхайм тоже молчал, почти целую минуту, но генералу она показалась вечностью. Наконец он услышал:

— Подготовьте мой личный вертолёт, Стэнли. И пусть приведут в порядок зал для переговоров в центральном офисе. У нас скоро будут гости!..

ТАТЬЯНА ТОМАХ

ИО, МОЙ ИО

*Не боишься узнать, кто ты?
Тогда посмотри на свою правую
ладонь.
Видишь на ней линию жизни? —
Да\Нет
Смотреть результаты опроса —
Да\Нет*

*Из Живого Журнала
Последнего Живого*

Здорово, когда у тебя день рождения. Даже если ты — единственный ребёнок на планете. «Нетушки, — подумала Агата, — больше не ребёнок. С сегодняшнего дня — тоже взрослая». И улыбнулась.

— Мам. — Она сонно приоткрыла один глаз. — Сегодня можно не учиться?

— Ленъ — один из самых скверных пороков, девочка. Агата знала наизусть все оттенки маминого голоса. Этого можно было не слушаться.

— Не порок, а двигатель. Прогресса, — заявила она, спрыгнула с кровати, закачалась на одной ноге, нашаривая второй тапок.

— С днём рождения, дорогая. — Мама обняла Агату, легонько похлопала по спине. — Подарок на столе.

— Спасибо, ма. А можно сегодня покататься на Мэнни?

— Про вездеход говорят не «на», а «в».

— А про мамонта?

— Агата, использовать для транспортного средства эмоциональную матрицу депрессивного мультипликационного героя крайне небезопасно. Выбери другой вездеход.

— Да, мам.

Нетушки. Мэнни — самый лучший, его придумал Карл. И ещё нашел для Агаты старый мультик про смешного и немножко грустного мамонта. Что, не бывает так, чтобы одновременно и смешной, и грустный? Ещё как бывает. Например, сам Карл.

Карл, как всегда, работал с Софьей в лаборатории.

— Доброе утро, Агата, — ровным голосом сказала Софья, не отрываясь от своих чашечек Петри. — Хочешь конфету?

— Соглашайся, — посоветовал Карл, подмигивая из-за её спины, — лучший экспериментальный образец. Леденец с зубами, кто кого укусит раньше.

— Старая шутка, — фыркнула Агата, но всё равно улыбнулась. И взяла у Софьи конфету. Сегодня попала лимонная.

Позавтракала Агата в саду. Украдкой от мамы сорвала почти созревший помидор. Помидоры, правда, были и в салате, но с ветки-то — вкуснее. Скорила рыбкам в пруду половину бутерброда. Карпы поднимались со дна, почти не двигая хвостом, огромные, тёмные, как доисторические динозавры, и плотоядно смотрели на Агату выпученными глазами.

После завтрака мама заторопилась в переговорную — открывалось окно, можно было поболтать с тетей Ирой. А Агата, радуясь отсутствию уроков, побежала в зоопарк к Веронике Андреевне. Помогла кормить птиц, поиграла с крольчатами. Крольчата были смешные и пушистые, сначала сидели смирно, испуганно прижав ушки, а потом привыкли к гостю. И скоро уже носились вокруг, сталкиваясь друг с другом и взбрыкивая длинными ногами. Агата просидела бы с ними весь день, но её ещё ждал Мэнни.

Карл в очередной раз объяснил, как обращаться с вездеходом и что делать, если он вдруг остановится.

— Да, знаю, знаю, — нетерпеливо перебила Агата, упаковываясь в защитный костюм. — Ты это уже всё говорил.

И они поехали. Через страшно шипящий шлюз, через полутёмный, тревожно моргающий красными лампочками коридор.

На поверхность.

— Ух ты, — восхищённо сказала Агата. Она так и не смогла привыкнуть к тому, как это красиво. Умница Мэнни остановился, максимально открывая для обзора свой купол.

Агата замерла, затаив дыхание.

Странно, если бы её попросили рассказать, что здесь такого, она бы не сумела.

★ Песок и камни. Рваные изломы кратеров. Глубокие сиреневые тени, нежно-алое сияние. Бесконечная равнина, уходящая к горизонту. Тишина. Воздух.

Воздух в Агатином скафандре был совершенно тот же, что и раньше, на станции.

Но Агата как будто чувствовала ветер, играющий с рыжей мерцающей пылью — губами, лёгкими, кожей. Как будто сама превращалась в этот ветер и летела, поднимаясь выше и выше над крошечной песчинкой вездехода — крылатым, невесомым и всесильным существом...

Карл, наверное, чувствовал то же самое. Потому что молчал вместе с Агатой, долго вглядываясь в горизонт.

И только на обратном пути, оборачиваясь, сказал:

— Самая красивая пустыня, которую я видел.

— А ты много видел пустынь?

— Не хихикай, девочка с Марса. Ты уж точно не видела ни одной, кроме этой.

Карл мечтал о путешествиях. Но так вышло, что он почти ничего не увидел на Земле из того, что хотел. Потому что не смог отказаться от самого лучшего и далёкого из всех возможных путешествий.

Но он ещё собирался вернуться. И посмотреть то, что не успел.

Наверное, Агата могла бы назвать Карла самым лучшим другом. Не считая Мэнни, конечно. С Карлом было интересно поболтать и поиграть. Он знал тысячу разных шуток и историй. И хотя иногда повторялся, это всё равно было смешно. Но самое классное, с ним можно было вот так просто сидеть рядом и смотреть на что-нибудь красивое. Например, на пустыню Марса. И не говорить ни о чём. Наверное, это и есть признак настоящей дружбы.

Засыпая, Агата подумала, какой здоровский получился день. Почаще бы были всякие праздники.

Она ещё не знала, что это последний такой день. Безмятежного Агатиного детства.

Счастливого и ненастоящего.

— Агата, — торжественно сказала мама. — Вчера тебе исполнилось четырнадцать лет. Теперь ты совершеннолетняя. Теперь я должна тебе сказать...

Агата с интересом и гордостью разглядывала свой паспорт — блестящий металлический жетончик с красивым узорчиком по ободку. «Взрослая, — подумала она. — Могу работать и получать деньги. Могу поступить в университет. Могу полететь на Землю. Посмотреть всё то, про что рассказывал Карл». Она так увлеклась, что не заметила странного молчания.

Агата подняла голову, посмотрела на маму. Та сидела неподвижно, сложив руки на коленях и молча глядя перед собой.

— Мам? — растерянно позвала Агата.

— Системная ошибка, — вдруг сказала мама незнакомым мелодичным голосом.

— Что?

Агата вдруг заметила странную вещь. Мама говорила, не размыкая губ. То есть говорило что-то внутри её.

— Обработка исключения.

— Мам? — Агата сначала склонилась к ней, потом отшатнулась, испугавшись застывшего лица, взгляда и незнакомого голоса. Сползла по дивану на самый краешек, вцепилась пальцами в обивку. Горло пересохло, ноги и руки заledenели. Происходило что-то очень неправильное. Агате захотелось спрыгнуть с дивана и

убежать. Чтобы больше ничего не видеть и не слышать. Но она не могла пошевелиться.

Тут внутри мамы опять заговорил голос. Почти прежний, живой, но торопливый и сбивчивый.

— Черновик. Позже доработаю эту ветку. Агата, девочка, если ты это слушаешь, значит, тебе уже четырнадцать. Значит, ты выросла, и ты здесь одна. Никого из нас не осталось, и никто за тобой не пришёл. Да нет, ерунда, так не может быть.

Быстрый, живой смешок, какого Агата никогда не слышала от своей мамы. Мамы? Она посмотрела на неподвижно застывшую женщину, внутри которой говорил торопливый голос.

— ... Ну, ладно. Так. Агата, слушай меня. Ты теперь взрослая. Значит, ты можешь сама выбраться отсюда. Скажи Марку, пусть настроит транспорт для возвращения на Землю. Ты теперь знаешь, что это не Марк, а его ИО. Что такое ИО? Поищи в базе, у тебя сейчас должен быть паспорт и доступ ко всей информации. Так, главное. Если ты меня сейчас слышишь, значит... Значит, этот ублюдок Герман никому не доложил про эпидемию. Трус. До последнего делал вид, что всё в порядке. В общем, если ты здесь, значит действительно никто ничего не знает. Значит, ИО Германа исправно отправляет отчёты. А там кто-то их принимает. Бред какой-то. Столько лет? И что, даже Ирка не поняла, что общается не со мной, а с моим ИО? Я уже это, правда, проверяла. Она не поняла. Ладно, я отвлеклась. Агата, это всё значит ещё одну вещь. Мы все умерли в изоляторе. Понимаешь? Ты здесь одна, и тебе надо отсюда выбираться. Свяжись с Землёй... Хотя

нет. Вычеркнуть это потом. Не надо. Если ты им расскажешь, проведёшь потом полжизни в лабораториях. Они тут нас бросили, так что пошли они... Просто улетай на Землю. Ты можешь пользоваться моим счётом, твои отпечатки в базе. Свяжись с Ирккой... тётей Ирой. Она поможет. Ей можешь всё рассказать. Ну, как захочешь. Давай, теперь иди. Просто живи, Агата. Поняла? Живи за нас обоих. Как я не успела.

Агата сидела, сжавшись в напряжённый комок, вцепившись пальцами в край дивана. Слушала тяжёлое дыхание и далёкое покашливание из плотно сомкнутых губ своей мамы. Нет, не мамы. Мама умерла. Давно. От какой-то эпидемии. В изоляторе. ИО. Имитация?

А потом Агата услышала: « Я тебя люблю». И щелчок. Конец записи.

Имитация мамы моргнула. Повернула голову. Спросила обычным голосом:

— О, уже пол-одиннадцатого, тебе не пора завтракать, девочка?

★ ★ ★

ИО. Автономный искусственный организм. Исполняющий обязанности владельца.

Раньше была такая должность. Заместитель. Когда кто-нибудь важный уезжал в отпуск или заболел, до поры надёжно спрятанного заместителя ловко вынимали из шкафа, отряхивали от пыли и нафталина и усаживали в опустевшее кресло. Как будто никто никуда не ушёл.

ИО придумали сначала специально для марсианской экспедиции. Живые люди слишком дорого обходятся в

таких условиях. А роботы первых поколений, неуклюжие железяки с ограниченным набором программ, годились разве что на роль помощников, но никак не заместителей.

То ли дело ИО. Моделируемая оболочка поверх стандартного металлического скелета, возможность настройки моторики, голоса, психоэмоциональной матрицы. Пара дней тестирования владельца для изготовления слепка — и опа, готова его точнейшая идеальная копия. Пока не разрежешь тонкий слой силиконовой кожи, не разберёшь, где владелец, а где — ИО.

Агата читала про них весь день и почти всю ночь. Смаргивала слёзы, застилавшие взгляд — от усталости, конечно же; вытирала глаза рукавом, всхлипывала и опять возвращалась к монитору. У неё был теперь доступ ко всей сети станции — серебряный жетончик, знак совершеннолетия.

Приходила мама звать на обед. Потом на ужин. Потом строго велела Агате отправляться спать.

Агата её выключила. Проще простого. Нужно было только быть совершеннолетней и дееспособной. То есть совсем выключить или перепрограммировать ИО мог только владелец или специалист службы поддержки. Но любой человек, которому, в отличие от ИО, нужно было отдыхать, спать и есть, мог поставить ИО на паузу. Это так и называлось — пауза в общении.

Теперь мама стояла, придерживая рукой дверь, приоткрыв рот и повернув голову к Агате. Если снять паузу, она закончит начатую несколько часов назад фразу: «...авляйся спать, Агата». Потом, наверное, моргнёт, проанализирует системное время, переключит программу и предложит пойти на завтрак.

Подумав об этом, Агата не выдержала и расплакалась.

— Ненавижу тебя, — крикнула она и ударила маму кулаком в плечо. Потом в живот. Мама покачнулась, стукнулась затылком о дверь. Агата всхлипнула и прижала к себе занывшую руку.

— Что там у вас? — вдруг крикнул Марк через стенку. — Помощь нужна?

Агата застыла, задохнувшись от ужаса. Представила, как он заходит и видит, как она избивает замершую на паузе маму.

— Нет, все в порядке, — ответила она так громко и спокойно, как могла.

ИО Марка было более новой модели, чем остальные. Улучшена адаптация и интерактивность — так значилось в её описании.

Наверное, поэтому, Агата и чувствовала раньше себя с ним так здорово...

★ ★ ★

Агата заснула под утро, так и не добравшись до кровати. Свернувшись на диване, неудобно поджав под себя ноги, чтобы согреться.

Ей приснилось, что мама стоит над ней и говорит, не шевеля губами:

— Системная ошибка. Обработка исключений.

А потом её глаза начинают мигать красным, как тревожные лампочки в тоннеле перед выходом на поверхность. И она наклоняется к Агате и протягивает руки.

Потому что теперь Агата — системная ошибка. Живая человеческая девочка среди искусственных организмов.

Агата проснулась, тяжело дыша, обливаясь холодным потом. И чуть не заорала, когда увидела, что мама стоит напротив. Придерживаясь за дверь, в той же позе, где Агата ещё вечером нажала паузу. Ну, конечно.

Агата перевела дыхание. И поняла, что больше ни на секундочку не сможет здесь заснуть. Вообще. Что лучше она месяц будет болтаться одна в транспортном корабле на орбите и ждать подходящее время для полета на Землю, чем хоть ещё на один день останется здесь...

Тетя Ира встретила её восторженно.

— Деточка, милая, как я рада! — воскликнула, сжала племянницу в объятиях, с чувством расцеловала в обе щёки, всхлипнула и чуть отстранилась, жадно разглядывая Агату. — Боже, я и не надеялась тебя увидеть! Такая даль! Деточка, дорогая! Как ты добралась-то одна?

Агата сначала смутилась. А потом вдруг поняла, что ей просто непривычно. И восторг, и слёзы, и тяжеловатые тёплые тетины руки. Потому что она впервые видит живого человека.

Тётя Ира была настоящей. Самой настоящей. Осознав это, Агата всхлипнула и уткнулась в нежную, пахнущую цветочными сладковатыми духами тётину шею.

— Бедная деточка, — растрогавшись ещё больше, лепетала тётя Ира и осторожно гладила племянницу по голове.

Ещё Агата поняла, что не сможет ничего ей рассказать.

Может, так и лучше. Может, со временем, она сама сможет забыть последние два дня на Марсе... А лучше, вообще — всё время до этой, теперешней секунды, с которой начинается её новая жизнь...

Сперва Агате было всё непривычно и странно. Толпы людей на улицах. Магазины, кафе, театры. Дома. Такие высоченные, что можно шею вывихнуть, глядя на последний этаж снизу.

Мальчик с собакой, который жил этажом ниже. Агата увидела его в лифте, когда в самый первый раз ехала домой вместе с тётей.

— Привет, — вежливо сказал мальчик в ответ на пристальный взгляд Агаты. Рыжий мохнатый пёс с интересом обнюхал её туфли.

— Деточка, — мягко сказала тётя чуть позже, — не знаю, как у вас там, на Марсе, но у нас не принято так пялиться на людей, особенно незнакомых.

Агата смутилась.

— Я...э... ну, я никогда раньше не видела детей. И собак.

— О, — растерялась тетья. — О, деточка, извини. Я не подумала.

В её глазах опять блеснули слёзы.

— Девочки, девочки... — Дядя Дима обнял за плечи — одной рукой Агату, другой — тетю Иру. — Не плакать. Ужин остынет. Я приготовил запечённую крольчатину с фруктами, а?

— Спасибо, милый. — Тётя Ира улыбнулась и поцеловала его в щеку. — Агаточка, в нашем доме готовит только мой муж, он просто гениальный шеф-повар!

— Именно, — дядя Дима подмигнул, — так что подумайте, что заказать на завтрак.

Агата вдруг подумала, что никто никогда не спрашивал её, что она хочет есть. И никто из тех, среди кого она провела детство, не умел плакать.

И она вдруг впервые со своего последнего дня рождения почувствовала себя счастливой. Почувствовала, что она дома. Среди своих, живых настоящих людей.

Агата постепенно осваивалась. Гуляла по улицам. Сидела на скамейке в парке, смотрела, как соседский мальчик играет с собакой. Научилась ходить в магазин — не в виртуальный, а настоящий. Собиралась поступать в университет, на исторический факультет, ходила на подготовительные курсы. Потихоньку привыкала, что вместо секретарши в деканате сидит ИО — длинноногая синеглазая блондинка с таким ненатурально идеальным лицом, что за живого человека её принять было сложно. Впрочем, Агата уже научилась немного в этом разбираться. ИО встречались иногда — продавщицы в магазинах, садовники в парке, служащие в госучреждениях.

Иногда Агата смотрела с тётей Ирой сериалы и помогала ей править диалоги — тётя Ира писала сценарии для телевидения.

По субботам играла в шахматы с дядей Димой. Это было даже веселее, чем с Карлом. Дядя Дима долго думал над ходом, хмурился, чесал затылок, становясь похожим на взлохмаченного сердитого попугая. Агата выигрывала у него примерно один раз из трёх. И это тоже

было здорово, потому что Карл всегда ставил ей мат, рано или поздно. В конце концов Агата потеряла надежду у него когда-нибудь выиграть, и ей стало скучно. А с дядей Димой было интересно. Потому что он настоящий.

Со временем всё, что было на станции, всё больше отдавалось и забывалось. Будто этого и не было.

До тех пор пока однажды Агата не вернулась домой с курсов раньше времени.

Входная дверь открылась бесшумно. Посреди кухни неподвижно застыл дядя Дима, неловко отведя в сторону правую руку с поварёшкой. Его обычно блестящие карие глаза были тусклыми и неподвижными. Напротив возился с маленьким монитором невысокий человек, выговаривал расстроенной тёте Ире:

— Ну что вы хотите, на эту модель апгрейтов уже не делают. Ещё раз советую заменить.

Агата на цыпочках вышла из квартиры, надеясь, что тётя Ира её не заметила...

Агата наткнулась на него случайно. Спустя пять минут этот сайт уже был удалён — за разжигание розни и поддержку агрессивных настроений в социальных сетях. Но Агата успела запомнить адрес. Первые два письма ушли будто в пустоту, на третье, длинное и умоляющее, через некоторое время прилетел ответ.

«Привет, девочка с Марса. У тебя интересная история и хорошие вопросы. Может, я смогу тебе на них ответить».

Они договорились встретиться в парке. Агата пришла пораньше.

Во-первых, она очень волновалась. Боялась опоздать, боялась не узнать своего виртуального собеседника, боялась ответов, которые он обещал. Она так долго думала об этих страхах, что у неё закружилась голова и желудок сжался в тугий холодный комок. И в какой-то момент она даже решила никуда не идти. Оставить всё как есть. Но потом поняла, что как есть уже не будет. Это как если бы она тогда осталась на станции вместе с имитациями Карла и мамы и попыталась дальше делать вид, что они настоящие.

Во-вторых, Агата обожала парки. Роскошь, совершенно немыслимая в тесных марсианских куполах. Яркие благоухающие клумбы, тенистые аллеи, нежный шелест листьев над головой, пляска теней и пятен света, сверкающая солнечная мозаика. И редкие гуляющие — неизменно с рассеянной и счастливой улыбкой, фигуры и лица, будто сотканые из ветра, солнца, случайного движения листьев. Агата замирала, присев на край скамейки, и жадно впитывала в себя эти улыбки, свет и покой. Кажется, она чувствовала примерно то же, что тогда, когда с Карлом смотрела на марсианские пустыни...

— Привет, девочка с Марса, — сказал он совершенно так, как в письме, и уселся на скамейку рядом с Агатой. — Дай-ка сюда руку.

Агата успела только ахнуть, когда её ладонь оказалась в твёрдой хватке, а палец обожгла на секунду гладкая холодная пластинка.

— Что? — возмутилась она, выдёргивая руку. — Что это вы делаете?

— Вот тебе первый ответ, — сказал, улыбаясь с довольным видом, незнакомец. Выглядел он странно. Узкоплечий и тощий, бесцветные брови, серые, метал-

лического оттенка глаза, веснушки на остром носу. Некрасивый — поняла Агата, почему-то замороженно его рассматривая. Она никогда раньше не видела некрасивых людей. Только в фильмах, на ролях неудачников и мелких злодеев.

— Какой... ответ? — опомнившись, переспросила она.

— Отпечатки. У них нет отпечатков, знаешь? Вот тебе ответ, как их отличить. Раньше можно было на глаз. По лицу, движениям, разговору. А в последнем поколении только это и осталось.

— Вы... ты... ты проверял, человек я или нет? — возмутилась Агата.

— Посмотри на них. Посмотри вокруг.

Агата послушно огляделась.

На скамейке напротив сидел старик — аккуратная белая борода, загорелое доброе лицо. Он читал книгу, но иногда отводил экран в сторону и смотрел с весёлым прищуром на чирикающую серую птаху на ближайшем дереве.

На следующей скамейке, шагов через двадцать, обнималась парочка. По аллее девушка медленно катила летящую колыбель, одной рукой придерживала платформу, второй — поправляла солнечный козырек и, наклоняясь, напевала что-то нежное в тихий кружевной сумрак.

— Что? — изумилась Агата. — Что, они все...

— Я их всех чую, — сообщил незнакомец, быстро тронув пальцем кончик острого веснушчатого носа. — Научился. Ну, почти всех. Последних уже почти не отличить.

— А зачем...

Агата ошарашенно переводила взгляд. Девушка с колыской, старик, парочка. Зачем?...

— А это ты спроси у тех, кто их сделал.

Его звали Овод. Он умещался в эту колючую кусачую кличку целиком и полностью, с неприветливыми металлическими глазами, острым подозрительным взглядом, обманчиво неторопливыми, только иногда стремительными движениями.

— Сама идея оказалась гнилой. Заместители. Не помощники, а заместители. Чуешь разницу?

Он опять тронул кончик носа, будто предлагая Агате по запаху определить спрятанный в словах смысл.

— Я читала, как всё начиналось, — кивнула она.

— Чушь! Уже всё вычистили. Из общей Сети — точно. Историю пишут победители, слыхала?

— А они что, победители? — дрогнув, спросила Агата.

— А кто ещё? Знаешь, сколько сейчас осталось живых людей?

— Нет.

— Вот и я — нет. — От его взгляда Агате стало холодно. — Мало, очень мало. Может, вот только я и ты, а?

— Как...

— Заместители. Сперва их делали просто так. Мы так всегда — сперва что-то изобретём, а потом думаем о последствиях. Вот, скажем, водородная бомба... Или эти ИО. Тоже бомба. Персональная, для каждого. Искушение. Не решить проблему, а переложить её на заместителя. Сперва заменить себя самого, скажем, на нелюбимой работе. В гостях, куда не хочется, но надо идти, чтобы не обидеть родственников. Знаешь, что десять лет назад было целое движение о сохранении прав оригиналов при использовании ИО на рабочих контрактах владельцев? А знаешь, что потом была почти официальная мода на спутников-ИО? Считалось неприличным, ну как бы нестатусным, если твой друг, подруга,

муж, жена — просто человек. И потом, это так здорово, когда ты, наконец, можешь запрограммировать в своём спутнике именно те черты, которые тебе нужны для счастья...

— Моя тётя...

— Что?

— Моя тётя с ним счастлива. Кажется. Он и правда хороший...

— Вот. Об этом я и говорю. Победители. Чуешь? И знаешь, когда-нибудь они ещё перепишут историю так, что людям в ней просто не останется места...

★ ★ ★

— Почему ты так долго не отвечал? — спросила Агата, сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

— Что случилось?

— Моя тётя...

— Да?

— И мальчик с нижнего этажа, который гуляет с собакой. И...

— А я говорил.

— Что мне делать?

— Знаешь... — Овод смотрел на Агату внимательно и осторожно, будто боялся сказать ей что-нибудь не то. — Я подумал, может, всё так и должно быть.

— Что?

— Я говорил, что они победители, да? Только, может, так и надо, а? Ты ведь, девочка с Марса, знаешь, что было раньше, да? Преступность, коррупция, воровство, убийства, болезни, нищета. Где-то больше, где-то — меньше. Но в целом везде одинаково. Знаешь, почему, когда наши писатели пытались придумать светлое будущее, получались невозможные утопии? Почему, когда идеалисты пытались это светлое будущее построить, получался мрак и ужас?

— Почему?

— Да потому что прежде совершенного будущего нужно построить совершенного человека. И вот теперь — мы построили. Мы заложили в них самое лучшее. Физическое совершенство. Верность, честность, преданность. Разве не это любовь? Запрет насилия. Стремление помочь другому. Разве не это доброта? Как ты думаешь, девочка с Марса? Тебе ведь нравится мир сейчас? Гармоничный, прекрасный, совершенный. Нет убийств, преступлений, не уничтожаются леса и животные, не загрязняется вода. Может быть, это была наша задача? Создать совершенное существо? А теперь нам неловко, страшно, неуютно рядом с ними — потому что мы чувствуем свою ущербность. Свою слабость, уродство. Может, поэтому мы уходим один за другим? Потому что мы больше не нужны?

— Я не знаю, — пробормотала Агата. Ей вдруг стало страшно под пристальным задумчивым взглядом Овода.

— Знаешь, я тут узнал про самое последнее поколение. Способность чувствовать, а не имитировать эмоции. Анализ памяти и впечатлений. Способность к саморазвитию. Но для этого нужен толчок, эмоциональная встряска. Поэтому в их программы закладывают такие ситуации... Чуешь суть, девочка с Марса? Я тут подумал, странно, как это ловко у тебя получилось — улететь с одной планеты, прилететь на другую абсолютно самостоятельно, так, что этого почти никто не заметил...

— О чём вы... — пролепетала Агата.

— И с отпечатками пальцев у них всё в порядке. А значит, полные гражданские права. Не по доверенности оригинала. А сами по себе. Чуешь разницу? Уже не имитация. Окончательная замена. Только вот говорят, по ладони их можно отличить. Нет у них линии жизни. Ты не хочешь показать мне свою руку, девочка с Марса?

Агата замерла, испуганно съёжилась под острым взглядом Овода. Как зверёк под дулом ружья охотника. Она читала про такое в старых книгах. Про страх, боль и беспомощность умирающих зверей. И людей, которых убивали другие люди. Сейчас много спорили на эту тему — сохранять ли скверное и гнилое наследие прошлых времён. Память о самых гнусных пороках человека. Одни говорили — нет, общество вылечено от таких вещей, зачем лишний раз травмировать тех, кто больше не способен на это. Другие говорили — память нужна как прививка, как напоминание о границе, за которую нельзя ступать.

«Люди, — подумала вдруг Агата с жалостью, глядя на настороженного, неулыбчивого Овода, — люди ведь, по сути, так никогда и не умели быть счастливыми.

Вот тётя Ира — много лет мечтала о мужчине, честном, верном, заботливом, умном — и что она сделала, когда получила свою мечту? Сбежала, оставив вместо себя ИО?

Человек будто запрограммирован на несчастье. Жизнь преподносит ему подарки, один за другим, а он отшвыривает их и придумывает несбыточные мечты. Бесконечный цикл.

Если даже этот Овод понял... значит, так и есть?»

Агата внимательно посмотрела в его глаза — уже без страха. Если даже сами люди это понимают...

Она пока придерживала свои руки. Правой — левую. Чтобы не открыть ладони раньше времени.

Раньше, чем она поймёт.

«Что изменится, — подумала она, — если окажется, что я не человек?»

Нет, не так.

«Что изменится, когда я узнаю, кто я?»

БАРАКУДРА НАПАДАЕТ СЛЕВА

Пользователь: not_pelevin

Название блога: СКРИНШОТЫ

АЦЦКОГО РЕКЛАМЩИКА

Девиз: 5Пи (Потерянное поколение
против поколения «П»)

УТРЕННИЙ ПАЗИТИФФЧЕГ

17 июн, 2012 в 09:37

С чего начинаются блогеры? С картинок в унылом ЖЖ. Поэтому я не стану постить всяческий хлам типа демотиваторов или там ещё какого ржунимагу. Картинок мне и на работе хватает. Я работаю в одном рекламном агентстве, штопающем ролики для TV. В каком именно и кем — не скажу, потому что нет ничего тупее, чем рекламировать рекламу. От неё меня уже изрядно мутит, даром что свою долю баксов я за эту лабуду достойно имею. А посему буду рассказывать о своей реальной, а не оцифрованной жизни. Кто хочет полюбоваться на мою работу — включайте зомбоящик и втыкайте. Почти в каждом ролике есть и мой скромный вклад. Так что, нафиг мониторы, компы и программы, да здравствует реал!

Для меня он начинается с того момента, когда я сам себе поднимаю вилами веки просыпаюсь прекрасным светлым утром и выглядываю в окно. Что мы видим на этой интересной картинке? (Вот, опять вирт лезет — одни картинки в голове!) А видим мы наш скучный,

утыканный многоэтажками город. Улицы забиты тачками всех полов и возрастов. По тротуарам влекутся граждане: кто с сумками, кто налитый кофе по самые брови, а кто вообще неизвестно чем налитый. И всё это кишит, роится, мельтешит, как стая комаров. И дороги наполняет зело презиридно, ни пройти, ни проехать. Спрашивается, где же тут позитив. А? Э! Так-то, дружок. В этом-то всё и дело. Переходим к положительным ощущениям, полученным автором сегодня по дороге в офис. Внимание!

СЕГОДНЯ В ГОРОДЕ НЕ БЫЛО ПРОБОК!!!

И если вы скажете, что это плохо, я ваш враг на всю жизнь. Ибо для нашей планктонной братии нет ничего гадостнее, чем застрять в сплошном массиве тачек и фур за пять минут езды от места работы. Особенно, когда шеф ждёт твоего доклада ровно в девять, а на часах уже без десяти. Так и хочется прямо по крышам рвануть на каком-нибудь монстр-траке. Или купить вертолёт на средства коллектива. Кстати, прикольная идея, надо будет коллегам предложить. Думаю, воздушное такси оправдывает затраты. Шучу. Проще самому научиться летать. Не шучу!

gnida_69 17 июн, 2012 в 10:03
первый!!!

j_volchok 17 июн, 2012 в 11:57
второй!!!

vova_rusakov 17 июн, 2012 в 17:44
третий!!!

benzinka_95 17 июн, 2012 в 20:15
каменты вставляют

ОТПУСТИТЬ МЕНЯ НЕ ХОЧЕТ РОДИНА МОЯ

19 июн, 2012 в 19:09

Мне зачеркнули июльский отпуск, вот ведь маза-фака! Шеф, пудель зажравшийся, потребовал, чтобы я сначала убил начатый проект. В отпуск, говорит, поедешь в сентябре, как раз бархатный сезон начинается, жара спадёт... Он бы ещё спросил, пью ли я тёплую воду и люблю ли потных женщин. Короче говоря, Крым, похоже, накрывается медным тазом. Разве что случится чудо и я ухайдакаю в одиночку этот вонючий имидж-фильм за две недели. Включая графику, ага. Так что сидеть мне на работе тёплыми летними вечерами, мечтать о пиве и ковыряться в афтер-эффекте. На этом месте хочется возопить: вы, кто зовёт себя операторами! Сколько можно за вас уровень записи выравнивать и ошибки white-balance исправлять??? Я вам что, каторжный??? Где только этих сидоров набирают... А тут ещё снова пробки по утрам. Сегодня опоздал на двадцать минут. Шеф волком смотрел. И не объяснишь ему, что на бульваре застрял, как Винни Пух. Нарочно выехал на полчаса раньше и всё равно встал. Итить-колотить... Может быть, потому начальство и отпуск мне зарезало, что опаздываю часто? Посадить бы нашего пуделя за руль да заставить прокатиться в восемь утра из микрорайонов до центра... Сам-то за углом живёт, в престижной высотке... И в фирме без году неделя, а гонору... Пичалька!

vova_rusakov 19 июн, 2012 в 20:03

Да лана тебе, обычный шеф. Был бы нормальный чел, фиг бы начальником стал. Мой ещё ничо так. Предыдущий на другую работу недавно перешёл, а новый — молодой, либерал, демократа из себя строит... Слышь, у твоего какое ИО?

not_pelevin 19 июн, 2012 в 20:29

Николай Семёнович, а что?

vova_rusakov 19 июн, 2012 в 20:41

А! Не, это не он. Я думал, может, мой бывший. Они все такие, будто из одного инкубатора.

otkushu_nos 19 июн, 2012 в 20:23

Андрюха! Твою дивизию!!! Неужели это ты?? Дизайнер хренов!! Помнишь проект в Туле? Серёга я! Ты чё, всё на этих придурков пашешь?

not_pelevin 19 июн, 2012 в 20:38

Серый!!! Пиши в личку!

gnida_69 19 июн, 2012 в 20:25

а фили, у тебя все казлы, кроме себя. ботанег!

benzinka_95 19 июн, 2012 в 20:57

человек работает кстате а ты тупо гонешь

gnida_69 19 июн, 2012 в 21:25

tro-lo-lo!!! :)))

j_volchok 19 июн, 2012 в 22:00

:)))

ВИБРАЦИИ И ЗАФИГА-ФИГАЦИИ

21 июн, 2012 изменено в 21:17

Странные вещи случаются, когда пялишься в монитор четырнадцать часов в сутки. Последние два дня делал графику для эпизода, где машина едет по дубовой аллее, и у главного героя начинаются глюки. Там на горизонте постепенно вырастает средневековый замок, а деревья по обе стороны дороги мелькают в гипнотическом ритме. Героя за рулём начинает плющить и та-

ращить. Ему кажется, что он летит в глубинах космоса, видит звёзды, ну и прочая мур. Я уж если за что берусь, так основательно. Решил подобрать частоту мелькания деревьев так, чтобы она действительно гипнотизировала зрителя. Пришлось пошарить в инете, нарыть инфы. Через пять часов возни с мельканием, тенями и дубами меня самого конкретно заколбасило. Нет, глюков не было, но зато начались странные провалы в памяти. Пошёл в туалет, взялся за дверную ручку и вдруг обнаружил себя внутри кабинки. Как туда попал — в упор не помню. Через час опять. Забыл чашку кофе на столе в кухне. Пошёл за кофе, смотрю: стою у стола и чашку в руках держу. Потом иду назад по коридору и думаю: коридор метров пятнадцать в длину. Это как же меня пришибло, что я его даже не заметил? *голосом терминатора* Мне нужен отпуск! И если я хочу получить его сейчас, надо работать. Пусть хоть вся память в тартарары провалится!

UPD. Когда же у нас подземный переход достроят??? Триста метров до светофора, и машины сплошным потоком! Без просвета! Тьху! Или пусть стоянку у фирмы сделают!

gnida_69 21 июн, 2012 в 21:45

жжош, креведко! пейши исчо!

otkushu_nos 21 июн, 2012 в 21:55

Да, товарищ, заработался ты, однако. Пошли их всех подальше, и айда ко мне на дачу — лещей ловить и водку глотать!

not_pelevin 21 июн, 2012 в 22:04

Увы, не получится, Серёг. Я и на выходных теперь на работе сижу. Шеф рвёт и мечет. А я на одном эпизоде застрял.

otkushu_nos 21 июн, 2012 в 22:17

Жаль.

not_pelevin 21 июн, 2012 в 22:21

А уж мне как...

gnida_69 21 июн, 2012 в 22:32

мужыг! в болото лещей! работай! потом ролик выложишь, я посмотреть хочу!

benzinka_95 21 июн, 2012 в 22:38

гнида а почему ты 69?

gnida_69 21 июн, 2012 в 22:45

а ты чего 95?

benzinka_95

21 июн, 2012 в 22:38

я свою машинку 95 бензинчикам заправляю! а ты 69 года раждения или чо?

gnida_69

21 июн, 2012 в 22:45

Комментарий удалён

not_pelevin 21 июн, 2012 в 22:53

Предупреждаю: пошлости и сальности пишите у себя в блоге, коль уж так чешется. За всякие гадости буду су-рово банить, не взирая.

gnida_69 21 июн, 2012 в 22:59

ой ой подумаешь дартаньян нашолся! всё равно мне так нравиццо! и бабам тоже!

benzinka_95 21 июн, 2012 в 23:09
фу казёл

gnida_69 21 июн, 2012 в 23:20
тро-ло-ло!!! :))))

♂♀**Tanyushona4iK**♀♥ 21 июн, 2012 в 23:22
пра чо тут?

cool_shoes 21 июн, 2012 в 23:30

Только в нашем онлайн-магазине! Модельная обувь, ортопедическая обувь, спортивная обувь, средства по уходу, кремы и дезодоранты напрямую от фирм-производителей! Солидные скидки постоянным клиентам!

ШИРИТСЯ, РАСТЁТ ЗАБОЛЕВАНИЕ

22 июн, 2012 в 19:53

Притопал сегодня на работу, а мне сюрприз приготовили — монитор поменяли! Сколько я их просил, даже не чесались, а тут нате! Классный монитор, аж 30 дюймов, данные там... Конфетка! Казалось бы, работай и радуйся, а вот балду! Открываю файл с дубовой аллеей, просматриваю, а гипноэффект пропал! Вся работа коту под хвост! Я чуть вервольфом не завыл от бешенства. Думал, уволюсь к такой-то бабушке и поеду к Серёге на дачу. Потом успокоился, покумекал, перегнал файл на флэшку и у коллеги посмотрел (у него такой же мониторчик, как у меня раньше был — 21,5 дюйма). И что вы думаете? Через минуту повело, будто снотворное вкололи. Вот в чём дело, оказывается! Нужно, чтобы частота дубовых промельков сочеталась с реальным размером картинки и количеством пикселей! Ну и подбор цветов, разумеется, яркость, контрасты, там ваще параметров до пупа и выше. Я случайно на правильное

сочетание наскочил, спасибо монитору. Коллегу уговорил поменяться. Он на меня посмотрел, как на идиота, но согласился. Завтра займусь расчётами, постараюсь определить оптимальные пропорции. А сегодня стряпал заставку к ролику. Главное в рекламе что? Заинтересовать! Чтоб с первых кадров зритель сказал «фигасе!» и приклеился к экрану, как банный лист к... э... телу. Вот я навернул сцену! Там альфацентаврийские боевые трансдестроеры штурмуют московский Кремль, а мавзолей оказывается замаскированной сторожевой башней красных плазмоидов! Всего двадцать секунд на экране, зато экшена — Голливуд грустно качается в сторонке на детских качелях. И голос за кадром, сурово так: двадцать второго июня, без объявления войны... Ну и пролёты трансдестроеров по знакомой гипнохиме, только вместо дубов зубцы кремлёвских стен. Не оторвётесь!

И опять провалы в памяти. Вышел после работы к дороге, хотел быстренько перескочить, глядь — уже на той стороне. Как перешёл — чорд ево знаед. Машины потоком, до светофора триста метров... Всё, проект закончу и в Крым. Отдыхавичус нужняускас.

otkushu_nos 22 июн, 2012 в 20:26

Это ты по принципу баракудры заставку делал? Стандартный приёмчег, но срабатывает. А до Крыма чтоб ко мне заехал, мерзавец! Знаешь, какую баньку я на даче отгрохал — ммм!

not_pelevin 22 июн, 2012 в 20:33

Какой ещё баракудры??? Может, барракуды?

otkushu_nos 22 июн, 2012 в 20:48

Нет, именно баракудры. Привлечь внимание какой-нибудь яркой бессмысленностью. Если, скажем, рассказ начать фразой «Таня вышла из проходной, ей вспомни-

лись озорные глаза комсорга Пети», все сразу помрут со скуки. А если написать так: «Джон вышел из убежища, он вспомнил, что на этой планете баракудра нападает слева», кто угодно будет читать дальше. Интересно же, что за баракудра такая!

not_pelevin 22 июн, 2012 в 20:56

Прикольно. Сам придумал?

otkushu_nos 22 июн, 2012 в 21:05

север г

not_pelevin 22 июн, 2012 в 21:07

юг ж, ага.

otkushu_nos 22 июн, 2012 в 21:08

Извини, случайно отправил. Север Гансовский. Был такой писатель-фантаст. Вот ссылко на интервью:

http://fandom.rusf.ru/inter/gansovsky_1.htm

not_pelevin

22 июн, 2012 в 21:35

Умён был этот твой Северо-Запад. Спасибо!

otkushu_nos

22 июн, 2012 в 21:45

Та, ради бога, если шо — обращайтесь! :)))

cool_shoes 22 июн, 2012 в 20:30

Только в нашем онлайн-магазине! Модельная обувь, ортопедическая обувь, спортивная обувь, средства по уходу, кремы и дезодоранты напрямую от фирм-производителей! Солидные скидки постоянным клиентам!

j_volchok 22 июн, 2012 в 20:34

not_pelevin, забань уже этого урода!

gnida_69 22 июн, 2012 в 20:43

мужыг, да ты реально гипножаба!!! :)))

benzinka_95 22 июн, 2012 в 20:50

нехочу жабу! хочу котика!

j_volchok 22 июн, 2012 в 20:53

http://www.elefterian.com/files/mix_6/horrorcat.jpg

benzinka_95 22 июн, 2012 в 20:59

буэээ :(

gnida_69 22 июн, 2012 в 21:07

:)))

vova_rusakov 22 июн, 2012 в 20:10

:))))

Tanyushona4iK 22 июн, 2012 в 20:51

скучный блог

j_volchok 22 июн, 2012 в 21:03

патамушта ты дура

ПОРА К ВРАЧУ?

23 июн, 2012 в 18:16

Со мной творится что-то скверное. Не помню, как сегодня добрался до работы. Вышел из дома, направился к тачке и... сразу оказался у двери фирмы. А весь путь нечувствительно выпал. За руль, как оказалось, не садился, машина так и стоит у подъезда. Ночью снились совершенно реальные сны, будто лечу меж звёзд и планет в компании каких-то неопикуемых чудовищ. Только чудовища эти не страшные, а весьма дружелюбные, показывают, рассказывают... Проснулся от того, что начал задыхаться. Самое странное — по-

стель была холодной, словно не я в ней лежал, а мороженый мамонтёнок Дима. Похоже, вся эта дребедень из-за моего проекта, конкретнее — из-за его гипночести. Дубы полосками так в глазах и мелькают. Поэтому сразу засел за формулу, чтобы вывести точное соотношение параметров гипнотического воздействия. Все файлы утащил домой на флэшке. Работу побоку, тут наклёвывается кое-что поинтересней. Завтра опишу подробнее.

otkushu_nos 23 июн, 2012 в 18:22

Андрей, ты эта... осторожней. Нервные клетки не восстанавливаются. Может, лучше лещей половим?

gnida_69 23 июн, 2012 в 18:30

а нифига! чел строго ништяк замутил! Андрюха, давай!!! Гипнотизатор!

vova_rusakov 23 июн, 2012 в 18:33

Так я Кащенко звоню? :)

j_volchok 23 июн, 2012 в 18:40

прилетит вдруг гансовский в голубом вертолёте...

gnida_69 23 июн, 2012 в 18:47

ыыыыыы!!! :)))))))))

benzinka_95 23 июн, 2012 в 19:01

парню помоч нужно, а вы ржете

gnida_69 23 июн, 2012 в 19:09

какая помощь?! он ещё нас всех в позу Родена поставит!!!

benzinka_95 23 июн, 2012 в 19:15

в позу «Мыслителя» Родена

gnida_69 23 июн, 2012 в 19:20

оппа! а чо ты вдруг такая умная?

vova_rusakov 23 июн, 2012 в 19:31

Гуглить — не мешки ворочать... ;)

gnida_69 23 июн, 2012 в 19:33

Вован, жжош! :)

24 июн, в 16:00

Сегодня на работу не пошёл, сказался больным. Шеф по телефону звучал недоверчиво, но отгул дал. На один только день, индюк надутый. Ну его к чёрту. Главное, что я закончил формулу. Страшно даже предположить, к чему это приведёт. Знаю одно: никакой это не гипноз. И провалы отнюдь не в памяти — в пространстве! Я свободно перемещаюсь по квартире, не затрачивая никаких физических усилий. Взял в руку часы и стал прыгать из спальни в кухню и обратно. Перемещения происходят мгновенно. Если бы дело было только в памяти, то стрелка часов тоже бы прыгала, чтобы показать время, затраченное на путь пешком. Во сне исследовал Солнечную систему. Научился не дышать, вся энергия поступает из космоса. Но пока ещё мёрзну. Постель к утру местами покрылась коркой льда. Баракудра нападает слева...

gnida_69 24 июн, 2012 в 16:12

чо курил? отсыпь!

otkushu_nos 24 июн, 2012 в 16:45

Андрей, не пугай так. Хочешь, я к тебе заеду?

vova_rusakov 24 июн, 2012 в 16:47

Готово дело. Белая горячка. (с)

cool_shoes 24 июн, 2012 в 16:50

Только в нашем онлайн-магазине! Модельная обувь, ортопедическая обувь, спортивная обувь, средства по уходу, кремы и дезодоранты напрямую от фирм-производителей! Солидные скидки постоянным клиентам!

benzinka_95 24 июн, 2012 в 17:04

Андрей Викторович! Это пишет Николай Семёнович, начальник отдела творческих разработок. Я уже давно обратил внимание, что Вы увлекаетесь посторонними делами на рабочем месте, но мне нужно было в этом твёрдо убедиться. К сожалению, мои опасения полностью подтвердились. Предупреждаю, если Вы завтра не выйдете на работу и не займётесь порученным Вам проектом, то, как это ни прискорбно, придётся с Вами расстаться. Я, конечно же, надутый индюк, однако менять политику предприятия из-за одного сотрудника не намерен.

С уважением,
НС

j_volchok 24 июн, 2012 в 17:11

во мужик попал...

gnida_69 24 июн, 2012 в 17:12

Ё-маё... слышь, как тебя там... Семёныч! Оставь Андриюху в покое! не видишь, что с ним?

benzinka_95 24 июн, 2012 в 17:22

Прошу прощения, но это не Ваше дело.

gnida_69 24 июн, 2012 в 17:25

ещё как наше!! чуваку врач нужен, а ты наезжаешь!

vova_rusakov 24 июн, 2012 в 17:27

Вот так ситуайция! Ай да шеф! Бензинка!!! :)))

otkushu_nos 24 июн, 2012 в 17:37

Николай Семёнович, погодите. Я сейчас к Андрею съезжу. А то он к телефону не подходит. Мне это не нравится.

j_volchok 24 июн, 2012 в 17:41

точно, езжай! потом расскажешь!

benzinka_95 24 июн, 2012 в 17:45

<А то он к телефону не подходит>

Это я заметил. Договорились. Жду здесь.

otkushu_nos 24 июн, 2012 в 18:39 *с мобильной версии*

его нет дома или дверь не хочет открывать, внутри тихо. что делать?

j_volchok 24 июн, 2012 в 18:44

ментам звонить

gnida_69 24 июн, 2012 в 18:49

ты чо, каким ментам? а если он тупо по бабам пошёл?

benzinka_95 24 июн, 2012 в 18:55

Пожалуй, я соглашусь с уважаемым Гнидой...

gnida_69 24 июн, 2012 в 18:57

э начальник, не гони лошадей!

24 июн, 2012 в 18:59

Привет всем!

Что вам сказать, братцы... «Эффект баракудры» работает. Я его так назвал в честь писателя Гансовского и моего друга Серёги. Спасибо инету и компа — без них я бы ничего не нашёл. И да здравствуют 5Пи — пиар, РС, программеры, прогресс и пространство! Дарю всем свою находку — «эффект баракудры». Пользуй-

тесь на здоровье. А я улетаю. И, в отличие от Карлсона, не обещаю вернуться. В космосе классно. Там на всех хватит места, там нет загрязнения окружающей среды, голода, войн, надутых шефов, дорожных пробок и прочих жутьков. У меня завелись новые кореша, очень компанейские чудища из системы Антареса. Им про эффект всё известно, только они вывели его на химической основе, потому что антаресцы разговаривают, обмениваясь длиннющими органическими молекулами. А на Земле я — первый, кто определил параметры биофизического резонанса, позволяющего подключить мозг к межгалактической сети (мощно задвинул, да?). Правда, один маленький чёрный зверёк проснулся и какбэ намекает, что рано или поздно и без меня бы подключились... Да ну, теперь уже неважно. Присоединяйтесь! Утрём нос Ийону Тихому и Максиму Каммереру! Просмотрите несколько раз подряд мой ролик, он активирует какие-то особые связи в мозгу. Какие — не знаю, надо у антаресцев спросить.

<http://slotandslogan.ru/watch=kocmoc?&A!budet?I?nashimP=A11UDAG10KO12N>

В начале записи даны параметры настройки монитора, этим указаниям нужно следовать абсолютно точно. Затем смотрите, не отрываясь, и — вэлкам ту юнивёрс! А я полетел дальше. Антарес — это, конечно, гигакруто, но во Вселенной столько всего, за тыщу миллионов лет не осмотришь! Хорошо, что меня больше не волнуют такие мелочи, как время... ;)

Удачи! Встретимся на пыльных тропинках далёких планет!

j_volchok 24 июн, 2012 в 19:07

полный песец!!!!!!

otkushu_nos 24 июн, 2012 в 19:08 *с мобильной версии*
андрюха!!! черт возьми где ты???

benzinka_95 24 июн, 2012 в 19:09

Ну что же, Андрей Викторович, Вы уволены.

vova_rusakov 24 июн, 2012 в 19:13

А ссылка-то не работает... Навешал нам Андрей Викторович лапши на уши и смылся.

otkushu_nos 24 июн, 2012 в 19:18 *с мобильной версии*

андрей, дурные у тебя шутки. я мчался через полгорода чтобы поцеловать замок и читать всякую чушь в блоге. спасибо

gnida_69 24 июн, 2012 в 19:20

чота мне стрёмно как-то... Семёныч! это ты ссыл за-блокировал?

benzinka_95 24 июн, 2012 в 19:22

Конечно. Сервер наш, а ролик Андрея — интеллектуальная собственность фирмы.

gnida_69 24 июн, 2012 в 19:24

ах ты ж гнида...

benzinka_95 24 июн, 2012 в 19:25

Нет, по-моему, гнида — это Вы... :)

gnida_69 24 июн, 2012 в 19:30

ладненько... ща мы её крякнем...

j_volchok 24 июн, 2012 в 19:32

ого! гнида, ты чо в натуре Нео?

benzinka_95 24 июн, 2012 в 19:33

НЕ СМЕТЬ!!!

gnida_69 24 июн, 2012 в 19:36
спокойно, семёныч...

vova_rusakov 24 июн, 2012 в 19:41
Давай, Гнидушка! Давай, родненький! Врежь этому индюку!!!

gnida_69 24 июн, 2012 в 19:53
куда лезешь, семёныч? всё равно не остановишь, недоучка ты

j_volchok 24 июн, 2012 в 19:54
ну что там???

gnida_69 24 июн, 2012 в 19:57
качаеццо... :)

benzinka_95 24 июн, 2012 в 19:59
Я немедленно информирую ФСБ.

gnida_69 24 июн, 2012 в 20:04
поздно, прокомпостировано! :))) ща монитор тока на-
строю...

gnida_69 24 июн, 2012 в 20:29
ё-маё, пацаны...

vova_rusakov 24 июн, 2012 в 20:33
Поделись!

j_volchok 24 июн, 2012 в 20:39
и мне!

gnida_69 24 июн, 2012 в 20:41
в личку

j_volchok 24 июн, 2012 в 21:13
ФИГАСЕ!!!!!!!!!!

vova_rusakov 24 июн, 2012 в 21:18

Нет слов...

otkushu_nos 24 июн, 2012 в 21:21

Что тут происходит?

otkushu_nos 24 июн, 2012 в 22:17

Алё, где вы все?

gnida_69 24 июн, 2012 в 23:25

пацаны, я отвечаю: Антарес — это нереально круто!!!

cool_shoes 24 июн, 2012 в 23:30

Только в нашем онлайн-магазине! Модельная обувь, ортопедическая обувь, спортивная обувь, средства по уходу, кремы и дезодоранты напрямую от фирм-производителей! Сolidные скидки постоянным клиентам!

МАЙК ГЕЛПРИН

ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ШУТКА

Лязгнул засов, и створки ворот КПП разошлись в стороны. На секунду я задержался на выходе. Оглянулся — за спиной оставались восемь лет неволи. Почти три тысячи набитых грязью и вонью одинаковых кургуzych дней. Наверное, не было среди них ни одного, когда бы я, проснувшись поутру, не поклялся себе выяснить, кто должен был топтать зону вместо меня. Кто из четверых. Одно я знал наверняка, сколько бы меня ни старались убедить в обратном: я не убивал.

Двоих освобождавшихся вместе со мной зэков встречали кореша с шампанским и девками. Меня же встречал Заика, единственный человек на свете, который ве-

рил, что убийца — не я. А может, и знал — в том случае, если убил он.

— Здравствуй, П-псих.

Мы обнялись. За восемь лет Заика почти не изменился. Огромный, шкафоподобный, со страшными волосатыми кулачищами, не менее страшной мрачной разбойничьей рожей и вечно дёргающейся, ходуном ходящей после контузии щекой.

— Здравствуй. Ну, как ты?

Заика не ответил. Неодобрительно смерил угрюмым взглядом распивающую шампанское компанию, взял меня под локоть и повёл от «Последней ласточки» прочь. Официально подмосковная исправительная колония, одна из немногих оставшихся в России, называлась ИК-4. «Последней ласточкой» окрестили её ээки. К две тысячи сотому с преступностью собирались покончить. Сносили тюрьмы, закрывали зоны и этапировали контингент, утрамбовывая его в заведения, оставшиеся ещё функциональными. Выжить в переполненных сидельцами бараках и хатах было непросто. Я — выжил.

— К-как у т-тебя с деньгами, П-псих? — осведомился Заика, распахивая передо мной пассажирскую дверцу бывшего электромобиля-ветерана.

Я пожал плечами. С деньгами было никак. Заработанного на зоне хватило бы на вечер-другой в средней руки ресторане, не более.

— Я з-заначил к-кое что, — поведал Заика, усевшись за руль. — М-могу з-занять тебе д-до когда будут.

— Спасибо. Я обойдусь.

Заика ежемесячно посылал мне передачи. Дважды приезжал на свидание и сам. Восемь лет назад я взял бы у него, не задумываясь. В те времена они с Зубром были единственными близкими мне людьми. Ближе, чем родные братья, будь у меня таковые. Теперь же...

— К-к вечеру будем в М-Москве. — Заика тронул машину с места. — С-скажи, П-псих...

Он замолчал. Угрюмое, заросшее щетиной лицо побавело, щека задёргалась пуще обычного, и застыли на баранке чудовищные волосатые кулачищи.

— Что сказать? — помог я ему.

— Я в-верю, что т-ты н-не убивал З-Зубра. С-скажи, т-ты веришь, что н-не убивал я?

Я откинулся на пассажирском сиденье и закрыл глаза. Зубром мы звали Генку Зубарева, нашего общего друга. Восемь лет назад его застрелили. Виновным в убийстве признали меня.

Вместе с Зубром нас было шестеро в его загородном особняке. И ни единой, ни малейшей возможности проникнуть туда седьмому. Зубра нашли наутро мёртвым с пуль в голове. У всех оказалось железное алиби, настолько железное, насколько обеспечивает ментоскопия — стопроцентное. У всех, кроме меня.

— В-веришь? — повторил вопрос Заика.

— Извини. В моём положении я могу верить только себе.

Он дёрнулся, словно от пощёчины, машина вильнула в сторону, потом выправилась.

Один из четверых был убийцей. Несмотря на алиби, несмотря на невозможность экранировать память, несмотря ни на что. Я не мог списывать со счетов Заика — у него не было никаких оснований для убийства, но их не было и у других. В тот вечер в особняке у Зубра собрались самые ему близкие и любящие его люди.

★ ★ ★

Москва встретила осенней слякотью и порывистым ветром, швыряющим на лобовое стекло палые листья.

— Отметить н-не х-хочешь? — спросил Заика, свернув с кольцевой.

★ Пару мгновений я колебался. Отметить возвращение на волю с единственным другом, посидеть в тепле, впервые за восемь лет сносно поесть. Выпить... Меня передёрнуло: за все эти годы у меня во рту не было ни капли спиртного.

— Давай в другой раз, дружище, — отказался я. — По правде сказать, я просто боюсь. Кто знает, что случится, если я выпью.

— Х-хорошо, к-как скажешь.

Пить мне было нельзя. После контузии я становился буйным едва ли не с напёрстка спиртного и кличку Псих получил именно за это. Последний раз я выпивал в день убийства. Не помню сколько. Сто грамм, может быть, сто пятьдесят. Каждый из этих граммов обошёлся мне по полной цене.

— Высади меня у метро, — обернулся я к Заике. — Через пару дней позвоню.

На метро я добрался до Курского вокзала и там же, не торгуясь, снял у зловещего вида старухи комнату на ночь. Комната оказалась отвратительной — тёмной, тесной и грязной, но мне было наплевать. Не раздеваясь, я улёгся на узкий, крытый засаленным клетчатым пледом топчан и провалился в сон.

★ ★ ★

Проснулся я затемно и привычно дал себе слово искать убийцу, едва выйду на свободу. И лишь несколько мгновений спустя осознал, что слово это уже следует не давать, а держать. Я спрыгнул с убогого топчана и выбрался в коридор. Сдавшая мне вчера комнату старуха храпела из-за соседней двери с всхлипываниями и присвистом. Я включил свет, огляделся. На стене висел допотопный кнопочный аппарат с треснувшим пластмассовым корпусом. Номер Терёхина я помнил наизусть.

Терёхиным звали следователя, который вёл моё дело и в результате отправил его в суд.

— Вот что, Курдин, — сказал он на последнем допросе, когда я отказался подписывать протокол. — Стопроцентной уверенности в вашей вине у меня нет. Но...

— А какая есть? — прервал я.

Терёхин хмыкнул.

— Пускай будет девяностопроцентная. Неважно. Запомните мой телефон. Возможно, вам когда-нибудь понадобится помощь. Позвоните. Мне редко казалось, что я упустил что-то в ходе следствия. Можно считать, что не казалось никогда. В вашем же случае меня не оставляет чувство, — Терёхин щёлкнул пальцами, — неудовлетворённости, что ли. Хотя вину вашу и можно считать доказанной.

Доказана моя вина была дедуктивно. Это означало, что из пятерых подозреваемых четверо убить Геннадия Зубарева не могли. Ни при каких обстоятельствах. Принятый в шестьдесят пятом году двадцать первого века закон о всеобщем ментальном контроле привёл к множеству изменений в системе правосудия. Улики и алиби отошли в прошлое. Ментограмма стала основным, а в большинстве случаев и единственным доказательством вины или невиновности. Заблокировать память было невозможно. Совершивший сознательное преступление человек помнил о нём, как бы ни старался забыть. Наказание за воровство, грабёж, рэкет, убийство стало неизбежным. Можно было подделать паспорт, изменить имя, внешность и место жительства — подделать и изменить память не был способен никто. Количество преступников всех мастей резко пошло на убыль.

Я не помнил, что убил Зубарева. Но, в отличие от всех остальных, не помнил и что не убивал. В моей па-

мяти за первое апреля две тысячи восемьдесят третьего года зиял полуторачасовой алкогольный провал.

Я позвонил Терёхину, едва за окном стало светать.

— Курдин? — уточнил он в ответ на приветствие. — Восемь лет за непредумышленное убийство?

— У вас прекрасная память, — буркнул я в трубку. — Мы могли бы встретиться и поговорить?

— Да, конечно. Подъезжайте. — Он продиктовал адрес.

— Вам не надо на службу?

Собеседник пару секунд помолчал. Потом ответил:

— Я уже пять лет как на пенсии, Курдин. Уволен в отставку в связи с массовым сокращением штатов в правоохранительных органах. Ах, да, вы же не в курсе, вам там наверняка было не до новостей. Ладно, приезжайте, жду вас.

★ ★ ★

В отличие от Заики, следователь за эти годы изменился разительно, я не узнал бы его, встретив случайно на улице. Вместо подтянутого, рыжего и усатого здоровяка дверь мне открыл сутулый плешивый старик в бывалом домашнем халате.

— Проходите, — кивнул, приглашая в прихожую, старик. — Чайник сейчас вскипит. Напитков покрепче не предлагаю, вам, насколько я помню, нельзя.

— А вы не боитесь? — спросил я, переступив порог. — Я ведь отмотал срок за убийство. Чему вы в немалой степени поспособствовали.

— Бросьте, Курдин, — махнул рукой Терёхин. — Я своё отбоялся. Кстати, возможно, вы предпочитаете, чтобы я обращался по кличке?

Я усмехнулся. Психом меня звали друзья, сокамерники пытались перекрестить в Курдюка. На зоне авторитеты сутки-другие присматривались и обращались

безлично. А потом ночью меня сдёрнули с койки, и шестеро молодых бакланов попытались устроить правилку. Из штрафного изолятора я вышел уже Психом по понятиям.

— Валяйте по кличке, — согласился я. — Куда прикажете?

Квартира оказалась большая и светлая, гостиная сверкала чистотой, компьютерный центр у её торцевой стены мигал полудюжиной приставок и мониторов.

— Присаживайтесь, Псих, — предложил хозяин, кивнув на кресло. — Пока вы ехали, я освежил в памяти подробности вашего дела. Не все, впрочем. Напомните, почему вы встретились именно первого апреля, а я пока разолью чай. Вам с сахаром?

Первое апреля было для нас троих знаменательной датой. В марте шестьдесят третьего в Узбекистане произошёл государственный переворот и началась резня. То ли социал-демократы позвали нас на помощь против демократов народных, то ли наоборот, но так или иначе, в ночь на тридцатое марта нашу роту сбросили с вертолётов в десяти километрах от Ферганы. Два дня спустя от восьмидесяти человек в живых остались трое. Старший сержант Геннадий Зубарев на себе вынес из-под огня ефрейтора Олега Курдина и рядового Николая Малышева.

Как Зубру удалось вытащить нас, беспомощных, потерявших сознание от контузии, он не знал и сам. Когда всех троих подобрал прорвавшийся к Фергане танковый полк, Генка, как и мы с Заикой, едва дышал и истекал кровью.

— Уверен был, что все загнёмся. Как уцелели — одному богу известно, — сказал Зубр в госпитале. — А тащил.. Тащил вас из принципа.

Он много чего делал из принципа, этот голубоглазый, кровь с молоком красавец, в рубашке родивший-

ся счастливчик, везунчик и удачник. Единственный сын и наследник мультимиллионера, владельца крупнейшей в России сталелитейной компании, из принципа пошёл в армию. Из принципа взял в телохранители, а потом и сделал своей правой рукой не обученного и тренированного профессионала, а мрачного нелюдима Заику, вечно небритого, с трясущейся от тика щекой. Из принципа вытаскивал меня из множества передраг и без раздумий развязывал кошель, когда нужда возникала у любого из его друзей, приятелей, а то и дальних знакомых.

— Первого апреля мы поминали оставшихся под Ферганой, — стиснув зубы, сказал я Терёхину. — Ежегодно. В этот день я позволял себе выпить и потом капли в рот не брал до следующего. Но ни пьяный, ни трезвый я никогда, запомните, никогда не поднял бы руку на Зубра. Я был обязан ему жизнью, но дело даже не в этом. Он был моим другом, понимаете? Я не убивал. Плевать на ментоскопию, плевать на всё — не убивал!

— Что ж, — бывший следователь разлил по чашечкам чай, придвинул ко мне сахарницу. — Видите ли, Псих... Через меня прошло много людей. Разных. За долгие годы я научился распознавать, где правда, где ложь, даже в исполнении очень хороших актёров. Мне и тогда казалось и кажется сейчас, что вы говорите искренне. Но факты... Факты, Псих. Вы не помните, что делали на протяжении почти полутора часов, начиная с полуночи. Последнее ваше воспоминание — ссора. Вы...

— Мы не ссорились, — прервал я. — Иногда нам случалось повздорить по мелочам, но у меня ни разу и в мыслях не было оскорбить его или ударить. Не говоря о том... — Я запнулся.

— Чтоб убить? — помог Терёхин. — Ну, допустим. Пускай даже убийца сумел заблокировать память, хотя

это и невозможно теоретически. Но кто же он тогда, Псих? Или она. Кто убил Зубарева? Его жена? Сын? Дочь? Или ваш общий друг Малышев?

С минуту мы оба молчали. Этот вопрос я задавал себе тысячи раз.

— Не знаю, — сказал я наконец. — И не знаю как. Я пришёл к вам для того, чтобы разобраться. Вы можете мне?

Терёхин поднялся и, заложив руки за спину, заходил по комнате. Потом остановился, повернулся ко мне.

— Вам нужны деньги и ментограммы, не так ли? — спросил он.

— Да. — Я подался к нему. — Я отдам. В течение года или двух — отработаю и отдам долг, клянусь вам. Много не нужно — на прожитьё и еду. И всё.

— Жить вы можете у меня, — задумчиво произнёс Терёхин. — По правде сказать, я устал от безделья и попробую вам подсобить. Неважно. Копии ментограмм под расписку возьму завтра в архиве. Надеюсь, не откажут по старой памяти. Я, правда, изучал их десятки раз, пока велось следствие, но кто знает... Ридер у меня есть. Что ещё?

У меня внезапно задрожали руки.

— Спасибо, — выдохнул я. — Спасибо вам.

— Да ладно, — усмехнулся Терёхин. — Потом наспасибитесь. Если у вас что-нибудь получится. А если нет, то и благодарить будет не за что. Всё-всё, не возражайте. После обеда можете переезжать ко мне. Я освобожу для вас спальню.

★ ★ ★

В двадцатом веке людей, умеющих читать чужие мысли, называли телепатами. Было таковых ничтожно мало, а тех, которые всё же были, считали за шарлатанов. Так продолжалось, пока не выяснилось, что мыс-

лечение вовсе не шарлатанство и даже не паранормальное явление, а попросту способность человеческого мозга принимать и перекодировать биоволны.

В середине двадцать первого века в Гарварде сконструировали первый биоресивер. Одновременно в Новосибирске собрали мемосканер — прибор, способный методически «просматривать» память. Комбинация этих устройств дала человечеству ментоскоп. С его созданием цивилизация вышла на новый социальный уровень. Где тихо, где с боями и революциями ушли в отставку и сменились новыми правительства. В считанные годы умерли коррупция и шпионаж. И лишь криминальная среда всё ещё сопротивлялась.

Я разложил на столе в ряд пять овальных чипов — копии ментограмм, добытых Терёхиным в следственном архиве. Минут пять, тасуя чипы, выбирал, с какой начать. В результате решил со своей, подключил ридер и утопил чип в его приёмном устройстве.

«Николай Курдин, — высветилось на экране монитора. — Отображение памяти на 01.04.2083».

Я выставил режим просмотра. Ментограмма была похожа на фильм, снятый неумелым кинооператором, с нерезкими, порою хаотичными кадрами.

Особняк, унаследованный Зубром после смерти отца, больше походил на крепость, чем на загородную виллу. Трёхэтажный каменный домина стоял по центру огромного, радиусом в полкилометра участка, обнесённого оградой в два человеческих роста. Установленная поверху ограды аппаратура сканировала каждый сантиметр территории и возможность проникновения непрошенных гостей полностью исключала.

Заика отворил чугунные с позолотой ворота, я въехал вовнутрь. На сумбурно сменяющих друг друга кадрах я видел фрагменты, зафиксированные моей памятью. Автомобильная парковка площадью с теннисный

корт. Оранжерея с экзотическими растениями. Крытый бассейн с подогретой водой. Поле для игры в гольф, за ним ещё одно, бейсбольное. И, наконец, гордость хозяина и неременная забава для гостей-мужчин: сделанный по индивидуальному заказу природный тир. Был он несомненным произведением искусства с талантливо выполненными сменными декорациями. Вставший у черты или засевший в укрытии стрелок зачастую забывал, что он в тире, а не охотится на крупного хищника на пересечённой местности.

Всё семейство встречало меня на крыльце. Выряженный в ковбойский костюм, радостно улыбающийся Зубр, прильнувшая к нему красавица Инга, бледный долговязый Дэн и задорно подмигивающая мне Вредина.

Дэном и Врединой Зубр называл Дениса и Веру, детей от первого брака. Женился он на дочери отцовского компаньона, едва обоим сравнялось по восемнадцать, и после смерти отца немедленно с женой разошёлся.

— Можно сказать, это был династический брак, — объяснил Зубр однажды. — Она не давала мне дышать, Псих. Понимаешь, Жанна оказалась слишком правильной. Эдакой пуританкой, изысканной, утончённой и не терпящей ни малейшего отклонения от общепринятой этики.

Жанну я видел считанные разы. После развода она, забрав детей, переехала в Лондон и, по словам Дэна, жила затворницей в мрачном и древнем, Викторианской эпохи особняке в центре города. Взрывная, непоседливая Вредина, едва представилась возможность, из этого особняка сбежала и перебралась к отцу. Меланхолический и романтичный Дэн остался с матерью, а Зубра навещал два-три раза в году.

Впившись взглядом в экран монитора, я старался не упустить ни единого кадра. Вот Заика пожарил шашлыки, и мы все принялись потешаться над Врединой, умудрившейся слопать один за другим пять штук. Вот мы с Зубром одновременно нырнули в бассейн и, отмахивая саженками, пустились наперегонки. Вот постепенно, осторожно пробуя ногой воду, к нам присоединился Дэн. Вредина, нырнув, окатила его брызгами, Дэн недовольно скривился. Затем появилась Инга, в алом купальнике выглядела она, как всегда, сногсшибательно.

Инга была младше Зубра на десять лет, но, когда они стояли рядом, разница словно стиралась. Они подходили друг другу чуть ли не идеально, от обоих будто исходила, струилась жизненная энергия, а ещё дружелюбие и приязнь.

Мелькали кадры, я смотрел на этих весёлых, радостных людей и навязчиво примерял каждого из них на роль убийцы. Мне было тоскливо и тошно, и хотелось бросить всё к чертям, и уехать, убраться отсюда в глушь и там обо всём позабыть. Усилием воли я заставил себя сосредоточиться и смотреть собственные воспоминания дальше.

В три пополудни Заика принёс из дома карабины, мужчины двинулись в тир.

— Постреляем, — подмигнул мне Зубр и обернулся к Дэну. — Ты как, малыш? — спросил он.

— Нормально, папа. — Дэн зарядил карабин и встал к черте. — Что у нас сегодня в программе?

Первым номером в программе оказались выпорхнувшие в пятидесяти метрах от стрелков утки. Я сшиб одну, ещё одну срезал на взлёте Зубр, а Дэн послал дробины в молоко.

— Неважнецки, — покачал головой Зубр.

Дэн проводил взглядом трёх уцелевших, тающих в небе птиц.

— Ничего, папа. Пускай живут.

Теперь мы зарядили карабины картечью, и невидимый нам Заика выпустил из вольера кабана. Я уложил его выстрелом в лоб и позволил Дэну упустить удравшую опрометью косулю.

— В-внимание! — донёсся голос Заики. — П-приготовились! Особая м-мишень.

Мы втроём взяли карабины на изготовку, и мгновение спустя из кустов выскочила фигура в камуфляжной форме с автоматом в руках.

— Огонь! — рявкнул Зубр и первым выпалил по ней.

Я, целясь в корпус, выстрелил вслед за ним и краем глаза увидел, как вдруг попятился, а затем выронил карабин и осел на землю Дэн.

— Что случилось? — бросился я к нему.

Дэн не ответил. Он сидел, застыв с открытым ртом и уставившись перед собой. Я резко обернулся и посмотрел туда же, куда и он. Фигура в камуфляжке стояла неподвижно в пятидесяти метрах от нас, потом дрогнула и завалилась на спину. Меня передёрнуло. У фигуры было лицо Генки Зубарева — один в один.

— Уб-бит, — вновь донёсся до нас голос Заики. — Гы-гы-гы.

Я облегчённо выдохнул, и мы вместе с Зубром расхохотались.

— Отличный муляж, — отсмеявшись, хлопнул меня по плечу Зубр. — С первым апреля, друзья. Ну, вставай, вставай, — протянул он руку Дэну. — Тебе пора становиться мужчиной, сынок. И ценить мужские шутки.

— Хороший розыгрыш, — похвалил я. — Привыкай, Дэн, в прошлый раз эти черти вместо борща подали мне в супнице гранату. Пластиковую, конечно. Я едва не своротил стол.

— Это Инга придумала, — сообщил Зубр, когда мы, оставив Дэна приходить в себя, принялись свежевать кабана. — Что, Псих, проняло тебя?

Проняло меня не тогда, а сейчас. Я внезапно отчётливо осознал, что этот розыгрыш, эта дурацкая шутка имеет непосредственное отношение к тому, что произошло потом. Я остановил воспроизведение, утёр вдруг пробившую лоб испарину и двинулся в гостиную. Терёхин дремал в кресле перед телевизором.

— Можно вопрос? — разбудил я его. — Что остальные думали о розыгрыше с муляжом?

Терёхин откашлялся.

— То же, что видно на ментограммах. Вам, воякам, выхода понравилась. Парнишке было от неё дурно.

— Вы не заметили ничего особенного? Не в ментограммах, в словах. Вы же допрашивали свидетелей.

— Насколько я помню, ничего, заслуживающего внимания. — Терёхин пожал плечами. — Кроме, конечно, степени вложенного идиотизма.

Я поблагодарил и отправился обратно в спальню. Вновь включил ридер, уселся в кресло и уставился в монитор.

В десять вечера Заика с натугой выставил на стол блюдо с зажаренным на вертеле кабаном. Зубр разлил водку и произнёс тост, мы выпили за тех, кого нет с нами, потом принялись за еду.

— Как твоя блонда, Псих? — показала мне язык Вредина.

— Какая ещё блонда? — нахмурился я.

— Ну, та, что была с тобой в прошлый раз. Надеюсь, ты на ней не женишься?

— Не женюсь, — подтвердил я. — Подожду, когда ты подрастёшь.

Вредина прыснула.

— Долго ждать придётся.

Последние кадры были уже совсем нечёткие, смазанные — на меня начал действовать алкоголь.

— Поднимемся наверх, Псих, — предложил расплывающийся в кадре Зубр. — Надо поговорить. Встретимся за завтраком, — обернулся он к остальным. — У меня ещё кое-какие дела, потом лягу спать. Празднуйте пока что без нас.

Теперь кадры перед глазами не только расплывались, но и качались. Поддерживая под локоть, Зубр вёл меня по лестнице на второй этаж. Мы прошли мимо оружейной комнаты, затем он отпер свой кабинет.

— Проходи, Псих. Садись. Ты поступаешь не по совету.

— Что?

Кадры вновь обрели резкость. Упрёк на несколько мгновений рассеял алкогольный туман у меня в мозгах.

— Я сказал, что ты поступаешь не по-людски.

— Клянусь, я не понимаю, о чём речь.

— Вот как? Не понимаешь?

На этом фрагмент заканчивался. Как я ни тщился все эти годы, как ни старался, я не мог вспомнить, что именно сказал Зубр и что после этого между нами произошло. Следующее воспоминание отстояло от последнего на час с лишним. Я механически просмотрел, как возвращаюсь в отведённую мне комнату и укладываюсь на боковую.

★ ★ ★

На скрупулёзное, едва не покадровое изучение пяти ментограмм у меня ушли две недели. Я просмотрел каждую десятки раз, до тех пор, пока не заучил наизусть. Теперь я мог расписать то злосчастное первое апреля по минутам.

После того как мы с Зубром поднялись наверх, остальные уселись играть в покер. Дэн был мрачен,

рассеян, путал карты и отвечал на вопросы невольно. Потом сказал, что всё ещё не может отойти от дурацкого розыгрыша в тире, и отправился спать. Вскоре принялась зевать, а затем и распрощалась Вредина. Инга ещё полчаса обыгрывала невезучего Заика, потом смешала карты и пожелала ему доброй ночи. Поднялась наверх, секунду постояла перед дверью в кабинет мужа, видимо, раздумывая, не прихватить ли его с собой в спальню. Пожала плечами и двинулась дальше.

Заика не ложился вообще. Дважды обошёл территорию по периметру, посмотрел боевик, за ним триллер. Сыграл в компьютерную стрелялку и поднялся наверх в оружейную. Была оружейная не заперта и освещена. Заика потянулся к выключателю, но внезапно заметил, что в ружейной пирамиде не хватает одного из четырёх охотничьих карабинов. Заика тщательно осмотрел комнату, заглянул за портьеры, по очереди открыл стоящие у стены кованые сундуки со всяких барахлом, но пропажу не обнаружил. Почесав в затылке, Заика вышел наружу и постучал в дверь хозяйского кабинета. Не дождавшись ответа, отжал дверную ручку и ступил вовнутрь. Исчезнувший карабин приткнулся к входному порогу. Зубр, раскинув руки, лежал на полу навзничь. Заика метнулся, упал перед ним на колени и завыв. Этот вой, заунывный, волчий снился мне в ночных кошмарах на протяжении восьми лет.

Я брёл по вечерней Москве, и мне казалось, что плакаты «Общество без преступности», «Криминалу нет» и «Ментальный контроль — гарантия будущего» издеваются, глумятся надо мной.

— Допустим, один из них сумел экранировать память, — бормотал я себе под нос. — Не всю, неболь-

шой фрагмент, десятиминутный. Заставил себя не думать о преступлении. До сих пор это не удавалось никому, но допустим. Вот, например, Заика. Он крадётся наверх, отпирает оружейную, берёт карабин и скользит по коридору к кабинету. Врывается, стреляет другу в лоб, звукоизоляция в кабинете отменная, выстрел никто не слышит. Заика аккуратно кладёт у порога карабин, об отпечатках пальцев можно не заботиться, на прикладе их с достатком, в тире карабин неоднократно ходил по рукам. Спускается вниз и разблокирует память. Или, например, Дэн... Инге пришлось бы отпечатки пальцев с приклада стереть. Впрочем, она могла надеть перчатки прежде чем идти убивать мужа. Или Вредина — прежде чем пристрелить отца. Потом на ментоскопии виновник заставил себя вспомнить целый день поминутно, а убийство «забыть». Боже, какой всё же бред.

Я перебирал в памяти кадры ментограмм один за другим. Комбинировал их, чередовал, сравнивал. И не находил ни единой зацепки.

— Ничего, папа. Пускай живут...

— П-приготовились! Особая м-мишень.

— Хороший розыгрыш. Привыкай, Дэн, в прошлый раз эти черти...

Я произносил реплики вслух, в хронологическом порядке, и наугад, и снова по хронологии, пытаясь выцепить, выудить из потока слов необходимые, ключевые.

— Как твоя блонда, Псих?..

— Не женюсь. Подожду, когда ты подрастёшь...

— Долго ждать придётся...

— Поднимемся наверх, Псих...

— Ты поступаешь не по совести...

Я внезапно сбился с ноги и резко остановился. Зубр вызвал меня на разговор сразу после язвительной ре-

★

плики Вредины. Он фактически прервал нашу беседу, не дал закончить. А значит...

Ничего это не значит, осадил себя я. Пока ничего — простое совпадение. Однако если предположить, что не простое... Или что не совпадение...

— Мне надо с ней встретиться, — выпалил я в лицо Терёхину, едва вернулся с прогулки.

— С кем «с ней»?

— С Верой Зубаревой, дочерью покойного.

Терёхин удивлённо поднял бровь.

— Вы уверены, что она захочет с вами встречаться?

— Думаю, что нет. Но вы могли бы попытаться её убедить. Пускай не встретиться, пускай поговорить по видеофону. Я должен задать ей вопрос.

★ ★ ★

— Здравствуй, Вредина.

С экрана видеофона на меня строго глядела яркая, черноглазая брюнетка. Узнать в ней давнишнюю Вредину, четырнадцатилетнюю задиру и непоседу, было не-легко.

— Здравствуй, Псих.

Я замялся. О том, что я разыскиваю преступника, ей сказал Терёхин. Как она отнеслась к этому, неизвестно. Скорее всего, в её глазах я как был, так и остался убийцей её отца.

— Я хотел бы задать тебе вопрос. Возможно, нам лучше увидеться. В кафе, например, или...

— Я не буду с тобой встречаться, Псих, — прервала она. — Задавай свой вопрос и проваливай.

— Хорошо. — Я стиснул зубы. — Тогда, в тот проклятый день, у нас с твоим отцом вышел разговор. Я не помню, о чём он, вообще, но, может быть, ты догадываешься?

Вредина пару мгновений размышляла, потупившись, затем вскинула взгляд.

— Я не догадываюсь, Псих, я знаю. Речь шла обо мне. Отец считал, что ты... — Она замолчала.

— Что он считал?! — Я едва не сорвался на крик. — Что он считал, говори, ну!

— Он думал, что ты меня домогаешься.

— Что-о?

— Что слышал. Он считал, что ты хочешь затащить меня в койку, понятно? У него были на то основания.

Я оторопело смотрел на неё. Ничего более нелепого я не мог даже предположить.

— Ты это знала и скрыла от следствия? — пробормотал я.

— Я ничего не знала. Это выяснилось много позже, уже после того, как погиб Дэн.

— Дэн? — ахнул я. — Дэн погиб?

— Покончил с собой. Больше я ничего тебе не скажу, Псих. Ты убил моего отца, и мне безразлично, из-за чего это произошло. Всё, не звони мне больше.

Она разъединилась, а я ещё минут пять ошалело разглядывал потухший экран.

— Несомненное самоубийство, — зачитал вслух Терёхин. — Британские коллеги любезно прислали мне копию следственного заключения. Можете ознакомиться.

— Я не понимаю по-английски, — признался я.

— Что ж, давайте переведу. Согласно материалам следствия, такого-то числа, хм-м... два года назад, получается, Денис Зубарев провёл вечер у себя на съёмной квартире в компании сверстников. Выпивка, танцульки, какой-то новомодный фильм, всё, как обычно. Знакомые отмечали, что к концу вечеринки Денис стал

мрачен, ушёл в себя, на вопросы не отвечал или отвечал невпопад. По мнению свидетелей, такое состояние могло быть вызвано, хм-м... слишком вольным поведением некой Джейн Бартон, по-видимому, его девушки. Вечеринка оказалась скомканной, компания разошлась, квартира опустела. Через два часа после ухода последнего гостя Денис выбросился из окна. Квартира была на девятом этаже, смерть наступила мгновенно. Участники вечеринки, разумеется, подверглись ментоскопии, так что картина ясная. Предсмертной записки, правда, покойный не оставил.

— Что вы об этом думаете? — спросил я.

— Ничего. — Бывший следователь пожал плечами. — Вы не представляете, Псих, сколько суицидов случается в мире ежедневно.

— Что ж...

Я поднялся и отправился в спальню. Что-то очень важное, ключевое прозвучало минуту назад, я пока не мог сообразить, что именно. Понять удалось, лишь фразу за фразой сопоставив услышанное с событиями восьмилетней давности. В день своей смерти Дэн был мрачен, рассеян и невпопад отвечал на вопросы. Так же как в день смерти отца. Я вернулся в гостиную.

— Скажите, возможно ли выяснить, что за фильм смотрел Дэн перед тем, как покончить с собой?

— Какая разница? — удивился Терёхин.

— Возможно, никакой. Однако мне хотелось бы знать.

— Хорошо, я свяжусь с британцами.

Через час я нашёл этот фильм в Сети и его просмотрел. В тот момент, когда главный герой выбросился из окна, я понял, что ключ к разгадке у меня в руках. Я лихорадочно прошёл поисковиком Сеть. Ещё через час я знал, кто убил Зубра.

— З-здравствуй, П-псих.

Я назначил Заике встречу в Сокольниках. Мы долго брели по парковой аллее, потом уселись на скамейку, вокруг не было ни души.

— Скажи, узнай ты, кто настоящий убийца, что бы ты сделал?

Заика побагровел, глаза налились кровью, и ходуном заходила щека.

— Т-ты знаешь, к-кто убил?

— Ответь на вопрос, пожалуйста.

Заика посмотрел на меня в упор.

— Я п-прикончил бы его. К-кто бы он ни б-был.

— И угодил бы за колючку. Надолго. Может быть, навсегда.

Заика долго молчал. Потом сказал:

— П-псих, к-кроме вас с З-Зубром у м-меня в жизни н-ничего хорошего н-не было. Этот г-гад убил З-Зубра и п-подставил тебя. Он з-задолжал мне, П-псих. К-кто это?

Я поднялся со скамьи.

— Пойдём, дружище, — сказал я. — К сожалению, кто убийца, я не знаю. Меня просто интересовало твоё мнение.

Доброжелательная, приветливая красавица Инга осталась в прошлом. С экрана видеофона на меня с неприязнью смотрела вульгарно одетая и чрезмерно накрашенная средних лет женщина.

— Здравствуй, Инга.

— Будьте любезны обращаться на «вы», — поджав губы, проговорила она. — Я не желаю с вами фамиллярничать. Что вам от меня надо?

Накануне Терёхин просил её меня выслушать. Инга согласилась на пять минут разговора. Мне этого было

достаточно. Пять минут беседы с убийцей, чью вину никогда не докажут.

— Мне надо, — проигнорировав повеление обращаться на «вы», твёрдо сказал я, — чтобы ты подтвердила одну догадку.

— Какую догадку?

— Ты организовала убийство из-за наследства? Из-за денег, так ведь?

С минутой Инга молчала и лишь глядела на меня в упор. Я смешался — в её взгляде не было страха и злости тоже не было. Я выругался про себя — она смотрела на меня с удивлением.

— Вы не в своём уме?

— В своём. Ты шепнула мужу, что я домогаюсь его малолетней дочери. И устроила розыгрыш с муляжом. Ты здорово всё рассчитала.

Она вновь помолчала с минуту. Потом сказала устало:

— Я ничего никому не шептала. Ментоскопия может это подтвердить. Но я, кажется, знаю, кто это сделал.

— Кто? — подался вперёд я.

— Вот что, Псих, — произнесла Инга жёстко. — Я действительно устроила первоапрельский розыгрыш. Но не сама — мне посоветовали. Я скажу тебе кто, если ты очень подробно, во всех деталях и прямо сейчас объяснишь, какое отношение это всё имеет к убийству.

★ ★ ★

— Сэр, — британский таможенник козырнул и приглашающе махнул рукой.

Вся процедура заняла минут десять. Ментальный контроль в аэропорту Хитроу проводили со знанием дела — аккуратно и без проволочек.

— Всё о'кей? — спросил я, освобождаясь от шлема.

Таможенник кивнул, и пять минут спустя я уселся в такси. Протянул водителю листок с записанным на нём адресом. Через полтора часа вышел из машины у ворот

старинного особняка в викторианском стиле. Молчаливый прилизанный субъект отпер их и проводил меня вовнутрь.

Мы с Жанной были ровесниками, но сидящей в кресле у камина тощей старухе я дал бы не сорок шесть, а все семьдесят.

— Я чувствовала, что рано или поздно ты придёшь, — сказала она тихо. — Напрасно. Тебе ничего не удастся доказать.

Я кивнул. Доказывать было нечего. Ни один суд не усмотрел бы состава преступления в двух заурядных телефонных звонках.

— Ты позвонила бывшему мужу и сообщила ему, что я ухлёстываю за вашей дочерью, так? Ты также посоветовала Инге устроить первоапрельский розыгрыш с муляжом.

— У этой плебейки совершенно не было вкуса, — презрительно хмыкнула Жанна. — Нахалка звонила мне постоянно и спрашивала совета — как обставить гостиную, какие картины вывесить в холле, даже какую пищу приготовить на праздники. На такую вот идиотку он меня променял. Сделал из меня посмешище. Но ему этого показалось мало, и он украл у меня дочь. Я его ненавидела и желала ему смерти. Только желать — это никакое не преступление, Псих.

— Дэн сам не знал, что страдает сомнамбулизмом? Жанна кивнула.

— Не знал до самой смерти, я скрыла от него это. Приступы были редкими и наступали только после очень сильных потрясений.

— Что ж, я так и думал.

Дэн не помнил, что застрелил отца. В памяти лунатиков от снохождения ничего не остаётся. Дэн, как и большинство таких, как он, попросту проделал во сне то, что потрясло его накануне. Провалы в памяти оказались у нас обоих. Только причины этих провалов были разными.

Жанна ничем не рисковала. Не случись у Дэна лунатический рецидив, убийства бы не произошло, и она попросту повторила бы попытку на следующий год или при любой другой удобной okazji. Не случись между мною и Зубром спровоцированная Жанной ссора, у следствия не было бы кандидата в убийцы, и тогда, видимо, Терёхин докопался бы до сути вещей. Однако Дэн тоже ничем не рисковал. Его несомненно бы оправдали, а преступление квалифицировали как несчастный случай. Так или иначе, организатор убийства оставался в стороне — доказать злой умысел следствию бы не удалось. Жанна предупредила бывшего мужа насчёт возможных неприятностей у их дочери и дала добрый совет его новой жене. И всё.

Я поднялся и двинулся на выход. В ближайшем пабе можно заказать ром, джин или виски. Мне хватит двух-трёх рюмок. Выжду полчаса и вернусь. Удавлю эту дрянь и сдамся полиции. Убийство в состоянии аффекта — такое же, которого я не совершал, но за которое уже отсидел. Мне дадут года два-три, а может быть, и попросту оправдают.

Я выбрался из особняка наружу, прилизанный субъект запер ворота у меня за спиной. Мир без преступников встретил мелким косым дождём и мутной ноябрьской хмарью. Запрокинув лицо, я ловил капли дождя губами. Будь на моём месте Заика, он бы раздумывать не стал. И мешкать не стал бы тоже. Несмотря на то, что ему месть обошлась бы по полной. А мне она может сойти с рук.

Вот он, бар, в сотне шагов вниз по улице. Я сделал к нему шаг, другой. Остановился. Махнул рукой проезжающему такси.

— В аэропорт, — бросил я водителю, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

ЖИВАЯ МЁРТВАЯ ВОДА

Летний зной заполнил двор до самого до краешка. Как, бывало, нальёшь молока в кружку — от хорошей детской жадности — до самого керамического обреза, «с горкой». Это уже гораздо позже, в школе ему объяснили — с мениском: явление, обусловленное поверхностным натяжением жидкости. А тогда он и слов таких не знал и не понял бы наверняка. Просто «с горкой». Зато молоко как пилось, с каким вкусом!..

Жара заливала длинный старый двор: от ворот до гаража. И слева соседский забор, а справа — дом на двух владельцев. А сверху виноградная лоза, обвившая натянутую от дома к забору проволоку, точно сказочный змей. Совершенно не препятствующая зною, потому что хоть и прикрывала немного от раскалённого желтка солнца в выцветшем летнем небе, но не могла противостоять току разогретого воздуха. И тот сочился сквозь резные листья как мёд из сот — густой и приторный от запаха разогретых георгинов на грядке.

И качели — удобное сиденье на прочных верёвках, — привезённые отцом из Китая, где служил он когда-то военным атташе. По подлокотникам плясали иероглифы и улыбались китайские мальчики и девочки. Спасибо Великому Кормчему за наше счастливое детство! А вот в Союзе таких качелей было не достать.

И качают качели: вверх-вниз, вверх-вниз... Будто летишь в разогретом плотном воздухе сквозь аромат цветов...

Трель звонка прозвучала, как всегда, резко и неожиданно. Можно было давно заменить старенький дисковый телефон с надписью «RWT» на современное мурлыкающее чудо — память на сотню номеров, автодозвон, прочие маленькие удобства. И без проводов. Но Серёгин не хотел. Аппарат этот вошёл в моду лет через двадцать после качелей. Так и мерил он теперь жизнь: от качелей до телефонного аппарата, от аппарата до...

— Слушаю.

— Что ж вы, уважаемый Юрий Дмитриевич, мобильник отключили? — вкрадчиво прозвучало в трубке.

— А надоел, — беспечно откликнулся Серёгин. — Трезвонят всякие... сосредоточиться не дают.

— Хорошо хоть на домашний откликаетесь. Вы всё приготовили? Срок настал...

— Приготовил. — Порадовался мимоходом, что голос не дрожит, звучит спокойно и уверенно. — И документация, и опытный образец — всё у меня. К двум часам милости прошу.

— Хорошо, профессор, — прошелестело в ответ. — Надеюсь, вы нас не разочаруете и всё разрешится к всеобщему удовольствию.

— И я надеюсь, любезный... — и повесил трубку.

До двух оставалось три часа.

Да, польский телефон. Редкость по тем временам и шик. И югославские туфли на каблуке, и джинсы по сто двадцать рублей. Тогдашних, советских рублей, месячная зарплата начинающего врача. Сколько? за штаны?! — поражалась мама, — в магазине такие же по семнадцать! Мама! — изумлялся он её невежеству, — да это же джинсы! А в магазине... техасы.

Джинсы купили в честь поступления в институт. Учёба пролетела быстро, слилась в один непрекращающийся праздник жизни: друзья, пирушки, пикники.

Девушки. Свадьбы сокурсников и их же разводы, которые праздновали одинаково весело. Нет, были, конечно, и зачёты, и сессии, но они в памяти не отложились. Учение давалось легко — мозг впитывал знания почти без волевых усилий. Красный диплом, аспирантура при кафедре фармакологии. И, наконец, НИИ, лаборатория биологически активных препаратов. И рождение ПВС.

Даже рождение дочери не шло в сравнение с этой победой. Вообще, женитьба не заняла подобающего места в его жизни. Пьяно отшумела свадьба. Тихая послушная Вера заглядывала в рот своего умницы-мужа, ловила каждое слово, вела хозяйство. Подошло время, и она родила ему дочь. Однако все эти события существовали как бы сами по себе, где-то рядом, но имели к нему лишь косвенное отношение.

Он был весь в поиске, с головой зарывался в книги. Защитился. Так было нужно — степень, статус, выход на тот уровень, когда к словам твоим начинают прислушиваться, а предложения взвешивать. Но основная работа происходила в лаборатории. Формула, над которой билась его группа, не давалась, ускользала, и Серёгин проводил у лабораторных стендов дни и ночи напролёт.

Сейчас он порой представлялся себе птицей, что парит над стремниной реки — реки жизни. Когда видно одинаково хорошо оба берега: с одной стороны — ясно и выпукло — молодость, исполненная желаний, и зрелость, полная сил. Все прожитые годы. А с другой — чуть в дымке, но тоже вполне отчётливо — грядущая старость, увядание, предел жизни. Даже без этих доброжелателей, что появились так внезапно и одним махом сократили отведённый срок — всё равно увядание. Болезни, немощь, уход. Знал бы наперёд, сделал бы всё по-другому. А тогда...

Завтра диализ: через три дня на четвёртый — его дни. Да не поедет уже, конечно. Всё равно уже.

Так что от телефона — не до свадьбы или рождения дочери, нет. Скорее до появления установки. Назвали её рекомбинатором. Нет, существовало и официальное название — ионно-жидкостной конвектор молекулярных фракций. И что-то там ещё было в названии, за давностью лет и не вспомнить, и номер был, и длинное техническое описание... Но обслуживали конвектор инженеры, а он лишь ставил задачи. Комбинировал. А потом рекомбинировал, отсюда и название машинки. И оценивал результат, конечно.

Хорошее было время. Вся группа работала на него, на его идеи, и малейшее движение мысли, даже отблеск её немедленно превращались в действия: режимы, состав сырья, технологические звенья процесса. Потому что на кону стояло создание нового, уникального, совершенно потрясающего лекарства. Ключа ко многим заболеваниям. Почти панацеи. Без пяти минут живой воды.

Исходили из простого посыла. Процессов, на основе которых развивается всё многообразие известных заболеваний, не так и много. Воспаление, как универсальный ответ тканей на повреждение. Дегенерация, как замещение благородной функциональной ткани суррогатом, грубой соединительнотканной заплаткой. Опухолевый рост. Ещё кое-что в вариантах и нюансах, но эти — основные.

Химические агенты, способные воздействовать на основные процессы, известны. Они разбросаны в лекарствах различных химических групп, назначаются врачами по отдельности, зачастую до десятка наименований на одного пациента. Смешиваются: когда помогают друг другу, когда мешают. Конкурируют.

А почему бы не сделать универсальную комбинированную молекулу? Насадить нужные радикалы на

устойчивый углеводородный скелет, задать программу изменения пространственной конфигурации с образованием активных центров по требованию... Чтобы рецепторы организма, суть такие же химические молекулы, узнавали нужный центр и реагировали с ним по принципу «ключ-в-замок»...

Вот о чём мечталось.

Но только гладко было на бумаге, да забыли... Правильно. Да и не овраги там оказались, а глубокие рвы, бездонные провалы, пропасти.

Серёгин придвинул банку растворимого кофе. Ложка светло-коричневых гранул, столько же сахара, воды на три пальца. И в конце — каплю коньяка. Достал из ящичка початую пачку сигарет. Всё это было строжайше запрещено врачами — и кофе, и алкоголь, и никотин — ни под каким видом!.. Но теперь можно.

А потом объявился Швец. И жизнь Серёгина получила новое деление — до Швеца и после. Он знал Витьку с детства: жили по соседству, росли вместе, в одну школу ходили. Считались друзьями. Но после школы товарищ уехал учиться в химико-технологический. Вначале переписывались, потом жизнь закрутила: оба погрязли в собственных делах и заботах, дружба увяла.

И вот внезапно объявился, будто с неба свалился. Позвонил, назначил встречу. Посидели в ресторане, как положено. Каждый рассказал о своём. Выяснилось, окончил Швец второй ВУЗ: что-то мудрёное, тоже техническое, но с уклоном уже в физику. В родном городе Витька был проездом, по делам службы, но проблемами друга неожиданно заинтересовался.

На пьяную голову о работе говорили взахлёб, но бесполезно, поминутно перебивая друг друга. Однако на следующий день Швец позвонил и подсказал Серёгину институт, где, по его словам, занимаются разработ-

кой струн на полимерной основе диаметром до двух нанометров. Подсказал и фамилию человека, с которым можно связаться, и как лучше это сделать.

Лишь много позже, всё обдумав и взвесив, Серёгин поразился научной прозорливости друга. Его умению схватить главное даже посреди пьяной застольной беседы. И мысленно отвесил школьному другу, походя одарившему золотоносной жилой, земной поклон. Подобная струна идеально подходила на роль оси для радикалов и активных центров в будущем препарате. Любая углеводородная цепочка не шла ни в какое сравнение с носителем подобного рода.

Тут и завертелось.

До назначенной встречи оставалось два часа. На стол лёг старый блокнот, из потрёпанных страниц выпал запечатанный конверт. Его он отложил в сторону. Блокнот открыл там, где сказки. «Сказка о молодильных яблоках и живой воде», «Иван и чудо-юдо», «Иван — мужицкий сын» и другие, названий которых не нашёл, но аккуратно выписывал когда-то фрагментами, запоминал нужные места. Погладил пальцами чуть выцветшие буквы...

Следующей вехой в жизни было, конечно, рождение внука. Просто он не сразу это понял. С Верой они стали к тому времени совсем чужими. За окном отшумела митингами перестройка, отстрелялось лихолетье девяностых: с вечными задержками зарплаты, инфляцией, заказными убийствами и бандитскими войнами на экранах телевизоров.

Серёгина всё это не касалось, а вот Вера, когда стало поспокойнее, ударилась в бизнес. Открыла салон красоты, который на удивление быстро набрал клиентуру и связи. У жены появились свои интересы и круг общения. Преклонение перед мужем-учёным давно кануло

в Лету, теперь она поглядывала на чокнутого супруга свысока, так как на главный вопрос современности — кто кормит семью? — могла отвечать смело — я.

Машка как-то незаметно выросла, вышла замуж и переехала к супругу. Жили они теперь в дальней новостройке, и Вера иногда возила туда Серёгина на своей сверкающей иномарке. Но тёплых доверительных отношений между отцом и дочерью не сложилось, так иногда случается. То ли из-за вечной занятости, то ли из-за отстранённости Серёгина от всего того, что не было связано с любимым делом. И Маша всё это чувствовала, но шаг навстречу тоже не делала. Так и жили, будто в соседних дворах...

И внук Антошка поначалу деда не слишком заинтересовал. Приехали, поздравили с рождением первенца, подарок преподнесли. Но Серёгин, старательно играя роль отца и деда, оставался безучастен. Впрочем, всем занималась Вера, время от времени покаявая мужа своим обычным: «Конечно, нам всё это до лампочки! Нам, за высокой нашей наукой, до всех этих мелочей недосуг!»

Он привычно отговаривался, отнекивался, понимая, что по существу жена права. Наука по-прежнему оставалась главным занятием его жизни. В лаборатории вертелось на полную катушку, да только не совсем в ту сторону, куда намечал Серёгин. Нанопфибра, как называлась уникальная струна, легко приняла радикалы. Нужные молекулы нанизывались на неё, как куски сочного шашлыка на шампур, — точно и равномерно. В биологической среде, в соответствии с теоретическими выкладками, радикалы должны были образовывать активные центры, взаимодействующие с рецепторами тканей. Серёгин собирался праздновать победу, до внука ли ему было...

Однако в жизни, как это часто бывает, всё оказалось сложнее. Первая серия опытов дала блестящие результаты. ПВС — так, не мудрствуя, назвали препарат в лаборатории: поливалентная сыворотка, — при контакте с воспалёнными тканями послушно перестраивалась: молекулярные комплексы смещались по нанофибре, образуя активные центры. Новая конфигурация подстраивалась к рецепторам и принималась регулировать выброс медиаторов воспаления. Подавить полностью универсальную биологическую реакцию невозможно, но теперь она протекала в ускоренном темпе и с минимальными потерями для организма. Мечта любого клинициста — будь то хоть хирург, хоть терапевт!

Та же картина наблюдалась и при других заболеваниях. Молекулярные комплексы смещались по струне, обмениваясь составляющими, формировали активные центры. Казалось, опытный взломщик твёрдой рукой собирает фрагменты универсального ключа, и вот он готов — золотой ключик к дверям любой патологии!

Как по волшебству, прекращались болезнетворные процессы, полностью подавлялся рост опухолевых клеток.

Но посреди серии удачных опытов неожиданно начали гибнуть лабораторные животные. Контрольные заборы биологических сред показали, что иногда молекула ПВС модифицируется совершенно неожиданным образом. Например, блокирует дыхательные ферменты, как это делает синильная кислота, только ещё быстрее и эффективнее. Или разрушает клеточные мембраны, действует по типу «клеточных ядов». Существовали и другие варианты. Панацея повернулась другим своим ликом — в образе смертельно опасной отравы.

Наконец прошла серия опытов с непонятными результатами, когда молекула ПВС не изменялась вовсе, вела себя пассивно, оставаясь аморфным набором мо-

лекулярных комплексов. Объяснения этому факту не находилось, но такие результаты можно было считать тоже отрицательными.

После очередной серии провальных экспериментов работу приостановили, тут и вспомнил профессор о внуке. Прошло уже четыре года, в течение которых он почти не видел Антошку. Оказалось, это уже маленький забавный человечек, который всюду бегают по комнатам и лопочет тоже всюду. И с ним можно поговорить. И даже порассуждать о том о сём — обо всём...

Серёгин стал приезжать чаще. Рассчитывать на транспорт вечно занятой жены теперь не приходилось. Они будто поменялись ролями: Вера развила бурную деятельность, ушла в дела салона с головой, у Серёгина же в работе образовалась лагуна, мёртвая зона, когда повернуть назад нельзя, а двигаться вперёд некуда. Вот и приезжал рейсовым автобусом в отдалённый район новостроек. Гулял с внуком в ближнем парке: брали с собой то мяч, то самокат, а когда и просто налегке — пообщаться.

Так началась их дружба.

Антошка часто просил рассказать сказку, и Серёгин со всей тщательностью и педантизмом истинного учёного приступил к изучению неизвестного предмета. Искал, читал, запоминал. А потом и выписывал. И так получалось, что общим для всех этих историй было одно: Иван, который слыл то царевичем, то дураком, а то и вовсе Иваном Горохом, частенько пользовался водой. Живой и мёртвой.

Скоро и сам профессор удивился: если верить сказкам, мёртвая вода не убивала, как, казалось бы, должно следовать из названия, а заживляла раны и снимала воспаление. Но вот оживить мёртвого уже не могла, это было под силу только воде живой. Внук задавал вопросы, дед пытался объяснить, как понимал сам.

Может, витязю нужно вначале окунуться в мёртвую воду, чтобы убить в себе всё плохое? Жадность, подлость, зависть — они ведь могут проявиться в каждом, дай только волю. Конечно, человек и сам должен бороться со своими слабостями. Воспитывать себя, не давать злым мыслям и желаниям одержать верх над тем светлым и добрым, что заключено в нём изначально. Но витязь-то — другое дело! Он на ратный подвиг идёт, землю родную спасать! Ему всё нужно делать быстро и наверняка. Вот и окунается ратник вначале в мёртвую воду, а потом уже в живую — чтоб сил прибавилось и храбрости не убывало.

Мальчик внимательно слушал и серьёзно кивал светлой головёнкой.

В это же время Серёгин упорно, шаг за шагом изучал условия проведённых экспериментов. Просматривал видеозаписи, перечитывал протоколы опытов, сопоставлял. И пришёл к совершенно ошеломительному открытию. Изменения в молекулах ПВС совершались в первую очередь за счёт настроений и побуждений людей, её применяющих.

Изначально нейтральный препарат мог менять свою направленность в зависимости от руки дающей. Сыворотка, введённая пациенту с искренним чувством сострадания, участия и желанием помочь, изменялась по варианту универсального лекарства. Но если дать её в злобе, гневе или хотя бы в раздражении, панацея превращалась в сильнейший яд.

От всего этого крепко пахло мистикой или религией, но никак уж не наукой. Подобные выводы не вписывались в теоретические построения, совершенно не вязались с научными взглядами. Однако Серёгин находил всё больше подтверждений этой своей бредовой, как он сам тогда считал, идее.

Вот череда ярких положительных результатов. Он смотрел видеоплётку, восстанавливал в памяти события, участником которых был сам — атмосфера энтузиазма в группе, творческий подъём, вера в успех и безусловное желание подарить людям новое средство от тяжёлых болезней. Всё налицо!

А вот провалы. Тут у Саши Пименова заболел отец, он укладывал его в клинику, предстояла операция. Сашка был весь на нервах, раздражался и орал на всех по малейшему поводу. А ведь именно он был тогда ответственным за серию. И результат — у всех животных тяжёлые отравления...

Или история с Беллой. Развод, раздел имущества, битва за ребёнка — отец хотел забрать сына. И та же картина: провальные результаты с гибелью подопытных свинок. Пока он не поставил на серию Игоря Брыкина. Тут всё изменилось — Игорь, наоборот, ходил в женихах и любил тогда, кажется, весь мир.

Но более всего убедила Серёгина линия невразумительных результатов. И каждый раз с животными работали нейтральные люди — приглашённые из другой лаборатории ассистентки. Постоянная лаборантка Светуля, девушка добросовестная, проявлявшая искреннее участие к результатам опытов, как раз тогда брала отгулы. И формула не желала меняться, препарат превращался в плацебо.

Серёгин невольно представил себе равнодушную медсестру в больнице, делающую привычную, нудную работу. Или врача, бездумно назначающего схему лечения — лишь бы отписаться. Как минимум, ноль результатов! А если к этому примешается плохое настроение из-за проигрыша любимой футбольной команды или поклонник вчера не позвонил, обманул?

Его пробрала дрожь. Пришло понимание, что в руках у него оказалось мощное, но неуправляемое сред-

ство. И хорошо ещё, что пока он один понимает это, остальные члены научной группы просто не владели достаточной информацией. Тогда Серёгин сам пошёл к директору и доказал необходимость заморозить исследования ПВС на неопределённый срок. А после потратил несколько недель на осуществление давней своей идеи — поставить по концам струны стабильные молекулы. Этакie узелки, не развязав которые невозможно запустить каскад превращений. Предохранитель, легко разрушаемый предварительным приёмом несложного препарата-триггера.

Мысль о триггере зародилась ещё на начальном этапе работы, но раньше такая мера предосторожности казалась излишней — от кого оберегать лучшее в мире лекарство?! Теперь многое изменилось, и Серёгин по вечерам, не привлекая ребят из группы, переписал определённые этапы технологии получения ПВС. Остатки «незащищённой» сыворотки уничтожил, а вместо неё выгнал на рекомбинаторе новую серию. Будто чувствовал: препарат ещё понадобится.

Но вопрос — как работает механизм превращения? — продолжал мучить. Он отыскал Петра Шульгина, сокурсника и товарища по институтским временам. Пётр стал крупным нейрофизиологом, заведовал кафедрой и писал толстые монографии по электрической активности мозга. Серёгин, не ссылаясь на свои идеи и не вдаваясь в подробности, задал конкретный вопрос: существуют ли такие виды активности, которые соотносимы с чувствами человека? Гнев, радость, страх: сопровождаются ли они некими специальными видами излучений, какими-то особыми частотами?

И услышал: однозначного ответа нет. Есть целый ряд теорий. Исследуют и кору головного мозга, и

подкорковые центры, и вроде даже что-то такое нащупали. Многие из этих работ, мол, довольно перспективны, а другие крайне оригинальны и любопытны, но вот конкретного ответа, увы, на сегодняшний день нет.

Пётр — изрядно располневший, с блестящей лысиной в обрамлении седых поредевших волос — говорил много и увлечённо. Порой забирался в такие дебри, что Серёгин терял нить повествования. Угостил рюмкой хорошего коньяка. Вот только к пониманию собственных проблем не приблизил ни на шаг.

И тогда Серёгин пошёл в церковь, чего раньше никогда не делал. Познакомился с отцом Василием, долго путался, не мог объяснить толком, что же он хочет спросить у священника. Но когда всё же выразил кое-как мучившие его сомнения, — о руке дающей и сострадания, — услышал:

— Все мы в этом мире ответственны каждый за каждого, сын мой. Бог есть любовь, и можем мы лишь любить друг друга, и так и должно между людьми — в этом и помощь, и спасение. Бог над миром, он может любить всех, а мы — ближних своих. И если поймут это люди, начнётся новая жизнь, в которой будет место для многих удивительных превращений. И может, это и есть Царствие Божье...

Они долго говорили тогда о христианской любви и сострадании, и Серёгин ушёл смятённый, понимая, что нужно время для осознания и сути открытия, и себя, и своего места в мире. Но жизнь не дала ему тайм-аута — начался новый период.

В дверь позвонили. До назначенной встречи оставался час, да и звонок был условный — два коротких, один длинный. Вот и явился, не запылится — Беломор, сосед

по площадке, с которым сложилась у Серёгина удивительная нескучная дружба, полная подтрунивания, взаимных подначек и бесконечных попыток научить один другого уму-разуму.

Звали соседа, конечно, по-другому. Были у него и имя, и фамилия, и профессия до выхода на пенсию — машинист поездов дальнего следования. Так гордо именовал сам себя Беломор. Но Серёгин называл его именно так, и не только за пристрастие к крепким папиросам. За едкий характер, за то, что неудобен был для многих и несовременен. Да ещё неугомонен и бурлив, как водный поток.

Познакомились из-за какой-то мелочи, как это случается у соседей. Но позже, непонятно почему, сложились отношения. Ведь ничего общего: характеры, жизненный опыт, привычки и интересы — всё разное. Только бесконечные споры по любому поводу и бесчисленные насмешки: со стороны Беломора над наукой, силы и значения которой старый железнодорожник не видел и не понимал. (Исключая технику — тепловоз он почитал величайшим изобретением человечества.) Со своей стороны Серёгин посмеивался над наивной верой старика в то, что прямой и гладкий рельсовый путь может служить образцом пути жизненного. Мол, делай честно своё дело, и всё наладится — покатится судьба, как вагон, пристёгнутый к мощному локомотиву.

Зерно истины в словах машиниста, конечно, присутствовало, но сколько опасных поворотов может встретиться по дороге, сколько неожиданных аварий!..

— Заходи, не заперто, — крикнул хозяин.

— Сидишь? — спросил гость, проходя в комнату и усаживаясь напротив. — И ничего не знаешь...

Это была его любимая присказка. Вместо приветствия, и ровным счётом ничего не значила. Но сегодня

глаза соседа, круглые, как у совы, с колючим, царапающим каким-то взором, выражали больше растерянность, чем обычную уверенность.

— Сижу, — подтвердил Серёгин. — А новостей от тебя жду. Вижу, есть тебе чего сказать.

— Да уж, — замылся Беломор. — Ты это... профессор... в общем, прошло у меня всё.

— Ну?! — искренне порадовался Серёгин. — А я тебе говорил!

— Так ерунда ж какая-то! — вспыхнул Беломор. — Не должно быть такого! Ты ж как объяснял — поможет, если человек тебя любит!.. Или это... жалеет, добра тебе хочет. Короче, уважает...

— Так, значит, уважает, — улыбнулся Серёгин. — Сострадает. И кто?

— Кто?! Федька! — взвился Беломор. — Я ж точно знаю — смерти он моей желает! На добро моё зарится!

— Да какое у тебя добро, Беломор? — отмахнулся хозяин.

— А квартира? — резонно возразил гость.

— Ну, если только квартира...

Полгода назад Беломору поставили рак лёгких — не прошла даром папироска, постоянно торчащая в углу рта. Это укрепило их дружбу — взаимную симпатию двух очень разных и смертельно больных людей.

Да, следующим этапом жизни стала болезнь. Серёгин хоть и закончил мединститут, но врачом не был. Учёный, фармаколог — это совсем другое дело. Однако лаборатория располагалась на территории клинической больницы, контакты с медиками были плотные, и, когда появились необъяснимые слабость и утомляемость, отёки под глазами и повышенное давление, ему не составило труда обследоваться.

Диагноз оказался неутешительным — гломеруло-нефрит, почечная недостаточность. Откуда появилось заболевание, Серёгин не понимал. Всегда считал себя человеком здоровым, мелкие неприятности, типа редких простуд, не в счёт. Потому приставал к врачам, требил, требовал объяснений — те разводили руками. Аутоиммунное заболевание, Юрий Дмитриевич, вы ж знаете, как это бывает: антитела атакуют собственные органы. А иммунитет и сегодня во многом штука загадочная...

И назначали всё новые методы исследования, брали кровь и мочу на анализы, давали рекомендации. Но заболевание неуклонно прогрессировало, несмотря на усилия коллег.

Обычно человек не думает, не загадывает, что когда-нибудь недуг может обосноваться в его организме. И это нормально — не чувствовать своего здорового тела, жить, работать, радоваться бытию и не трястись: что вот, мол, завтра стану больным и немощным. Но с серьёзными заболеваниями часто случается именно так — ещё вчера ты состоял в группе здоровых, и болезнь была для тебя абстракцией, чем-то чуждым, далёким, тебе несвойственным. А сегодня уже глядь — поставили диагноз. Без твоего ведома, не спросив ни мнения твоего, ни согласия: просто сообщили — ты болен. И всё, это уже совершенно иное качество...

Серёгин понял: пока не дошло до диализов — очищения крови аппаратом «искусственная почка», — надо спешить. Ведь ПВС отлично справлялась с дегенерацией и почечной ткани в том числе, что и лежит в основе его болезни. Официально исследования по препарату были остановлены, группе дали другое задание, но доступ к аппаратуре Серёгин имел и мог продолжать работу на условиях факультатива.

Осталось всего-то — найти любящее сердце. Руку дающую.

Он взял флакон ПВС и принёс домой.

В тот вечер Вера хлопотала на кухне. Предпринимательская деятельность требовала времени, жена всё чаще питалась в ресторанах, отсылая мужа к холодильнику, — мол, найдёшь там что-нибудь, я вчера заполнила... Но иногда всё же вспоминала об обязанностях хозяйки и сооружала ужин из специально принесённых продуктов.

За ужином Серёгин и поведал, что серьёзно болен. Что потребуется длительное лечение, а в перспективе, скорее всего, всё равно «искусственная почка».

— Но, милый, — ужаснулась супруга, — а как же врачи?! Ты же столько лет работаешь в лучшей клинике! Неужели никто не может помочь?..

— Врачи делают всё, что умеют, — отвечал он. А сам думал: «Ну же, Вера, помощь сейчас в твоих руках! Ведь мы столько лет прожили вместе...» — Я консультировался у лучших специалистов.

— Значит, нужно ехать в Москву. Показаться в головной институт. Или, ещё лучше, в Германию! Там медицина на высочайшем уровне! Денег я дам...

— При чём здесь Германия! Это заболевание могут лечить и здесь... — «Пожалей! Проникнись! Просто посочувствуй по-человечески! Ведь мы любили друг друга?..»

— Да при том. — Взгляд жены стало уверенным, тон безапелляционным. — Наши только деньги брать умеют, а как доходит до ответственности...

— Вера, — тихо сказал Серёгин, — дело не в этом.

— А в чём?

Лицо её стало растерянным. Вера не понимала: что ещё можно сделать для больного человека, кроме как отправить его в дорогую платную клинику?

— Помнишь, как мы все вместе ездили на море, в Кабардинку? Кажется, в восемьдесят седьмом? Ну да, точно! Машке было четыре годика... И шашлыки брали на пляже, с красным домашним вином... Ты обгорела в первый же день, а я отравился пирожками с набережной. Бегал потом каждый час...

— Ну да, было... — протянула Вера недоумённо. — А на третий день погода испортилась...

Отстранённо посмотрела поверх головы мужа и пригубила из бокала. Ужинали с красным сухим вином. Дорогим, из модного супермаркета. Мысли её были уже далеко, в каких-то насущных сегодняшних заботах.

Назавтра анализ показал, что активные центры в сыворотке не сформировались, молекула осталась нейтральной. Нейтральной, как их отношения с женой — любовь и сопереживание испарились из их жизни, словно влага на ветру. Влага того давнишнего дождя на третий день...

Та же история повторилась и с дочкой. Он выбрал момент, когда Антошка был в садике. Внук подрос, скоро в школу пойдёт, но Серёгин почему-то считал нечестным тягивать в свои опыты ребёнка. Ясно, что Антону это ничем не угрожало, но преследовало чувство неловкости и стыда, будто замыслил ограбить незрячего или обмануть святого.

А с Машей всё прошло по уже знакомому сценарию. Много ахов, вздохов, советов — куда пойти и к кому обратиться. Но ПВС этого не приняла.

Осторожно, помня о второй ипостаси лекарства, он держал под рукой триггер и искал, искал нужные контакты. Вспоминал, кто может искренне посочувствовать его горю. Старые друзья, коллеги по работе, родственники? И с удивлением обнаружил — никто.

В научной группе царила атмосфера уныния. После взлётов и падений, связанных с разработкой ПВС, ны-

нешняя тема казалась ребятам постной. Они вяло проводили серии опытов, прежнего настроения и задора не было и в помине. Весть о его заболевании уже разнеслась по лаборатории: кто-то отводил глаза, кто-то осторожно выражал уверенность, что, мол, всё обойдётся. Но сыворотка не реагировала — отношения в группе стали формальными.

И друзей старых рядом не оказалось. Швец где-то мотался со своими проектами, ни связаться с ним, ни подать весточку не было никакой возможности. Мама умерла пять лет назад. Родственников не осталось, а если и были где-то дальние, так Серёгин не знал их. А кто ещё? Да больше и нет никого...

Как же так, думал Серёгин? Почему вокруг пустота, вакуум, свободный от чистых и честных человеческих отношений? Неужели никто из тех людей, с кем сталкиваешься ежедневно по жизни, делишь заботы, тревоги, да и радости тоже, — неужели никто из них не способен просто искренне пожалеть заболевшего человека?

А ты сам — так ли уж часто делил ты с другими радости и горести? — тут же спросил он себя. Часто интересовался, чем живут люди — близкие и не очень — вокруг тебя? Сочувствовал и сопереживал? Только и знал — моя наука, мои опыты, моя сыворотка. Хорошо хоть Антошку открыл для себя под закат, мог бы и его проворонить...

Совсем отчаявшись, он принял-таки сыворотку перед встречей с внуком. Наплевал на свои необоснованные страхи и надуманные условности. В Антошке он был уверен, малыш любил его совершенно искренне. Но и здесь его ждала неудача. То ли излучения мозга (коль скоро таковые вообще существуют!) у взрослых и детей значительно разнятся, то ли необходимо осознан-

ное желание помочь ближнему, существующее не только на уровне безотчётного порыва, но и в виде волевого усилия. Так или иначе, ПВС не отреагировала.

К тому времени он уже знал о диагнозе Беломора. Сосед оказался единственным человеком, с кем Серёгин смог откровенно поделиться наболевшим. Тот вначале не поверил, потом попросил дозу сыворотки.

— Смотри, — предупредил учёный, — в лекарство эта штука обращается только в присутствии энергии добра и сочувствия. Понимаешь? Если есть рядом люди, которые любят тебя и жалеют...

— Не ссы, профессор, — отвечал уверенно машинист, — есть у меня такие. Я в бригаде знаешь какой работал? Знаешь, как ребята меня уважали? Или братан, скажем, он сейчас здесь живёт. Потом — дочка. Зинка, наконец! Я девке добра столько нажил, должна же она быть ну хоть чуточку благодарной...

— Смотри... — вздыхал учёный. — У меня тоже дочка.

— Только б с Федькой не столкнуться, зятком моим любезным, — ворчал между тем Беломор. — Тот и воду одним своим видом в отраву обратит, не то что лекарство твоё. Ох и не любит же он меня! Да и я его, если по правде, тоже...

Время шло, анализы ухудшились настолько, что Серёгину назначили диализ. Начался этап инвалидности, хотя чувствовал он себя пока неплохо. А после сеанса так и вовсе хорошо — пропадала вечная усталость, преследовавшая его весь последний месяц, и постоянное, надоевшее до чёртиков подташнивание.

В лабораторию он теперь ходил редко, болезнь позволяла считаться консультантом с туманными обязанностями и свободным графиком посещения. Зато чаще виделся с внуком. Рассказывал уже не сказки, но исто-

рии о героях и самопожертвовании. Прометей, Данко, Александр Матросов — независимо от эпохи и географии, реальные люди или вымышленные, все они подарили людям самое дорогое, что у них было. И Серёгин восхищался их поступками, ставил мальчику в пример.

Время от времени объявлялся обескураженный Беломор. Было заметно, надежды его с каждой новой встречей таяли. Серёгин брал у него кровь, проверял на своей аппаратуре — так и есть, сыворотка была глуха к попыткам машиниста найти любящее сострадательное сердце. Люди обходились без этих ненужных чувств — так проще и удобней.

— Я даже Дружка на руки брал, — жаловался Беломор. — Уж на что псина верная — не бросит, не обманет...

— Не выйдет, — качал головой Серёгин, — зверьё здесь не поможет. Только человек, да и то не всякий.

Вот как получилось, думал он, — принёс в мир уникальное лекарство, которым никто не может воспользоваться. Видно, мир просто не готов к такому подарку.

Но сегодня, глядя в округлившиеся донельзя глаза соседа, он тихо радовался. И удивлялся: как плохо знаем мы даже близких людей! Ведь Беломор прошёл тот же путь, что и он — дочь, бывшие сослуживцы, какие-то старые знакомые, с которыми когда-то и пуд соли, и цистерну водки... А счастье своё поймал там, где и не думал.

— Я, главное, это... опять к дочке наладился, — рассказывал потрясённый Беломор. — Думал, ну не может она, кровиночка, не откликнуться на беду отца родного. А Федька должен был в гараж уйти, ремонтом заниматься. И откуда взялся?! Я на порог, и он тут как тут: здрасьте, Борис Михалыч. Как здоровьице? Ну всё, думаю, пропал. Если оно ещё какое и оставалось, здоровьице-то, теперь точно каюк. И бегом оттуда. Веришь, профессор, два дня ждал — вот-вот концы отдам. А потом гляжу — кашель прекратился, чувствую себя

крепче. Я к врачам, те — на рентген, а сегодня плечами пожимают, руками разводят. Нет, мол, опухоли — научная загадка...

Да, знать бы — где оно, любящее сердце и рука дарящая.

— Послушай сюда, Борис Михалыч, — впервые обратился он к товарищу по имени-отчеству. — Ты теперь человек здоровый, как специалист тебе говорю. А я завтра в больницу ложусь и выйду ли — не знаю. Я тебе письмо оставляю, для внука. Но передать его нужно сразу после окончания мальчишской школы. Не ранее — сможешь?

— Так, профессор, какой разговор... А ты уверен, ну... насчёт больницы? Может, и тебе повезёт?..

— Знаю. Не повезёт, — отрезал Серёгин как ножом. — А к тебе вот такая моя последняя просьба.

И подал товарищу запечатанный конверт с единственной надписью: «Антону, внуку».

— Лады, — понуро кивнул Беломор, — я ж теперь вроде твой должник. Жизнью обязан...

— Вот и ладно, — вздохнул Серёгин. — А теперь ступай. Поработать хочу.

До встречи оставалось двадцать минут. Не нужно, чтобы визитёры видели Беломора.

Когда они появились, Серёгин не очень-то и удивился. С тех пор как стала ему понятна двойственная природа собственного детища, он сразу прикинул возможности применения второй ипостаси препарата. Как универсальный яд ПВС была ничуть не хуже абсолютного лекарства.

Нейтральная молекула, способная обратиться в организме жертвы губительным началом после чувственного посыла. Как в сказке — стоит обидеться, разгневаться на человека, испытать к нему обычное

раздражение, — и тот падает замертво. Ни одна экспертиза не определит сопричастность, ни одно следствие не докажет злой умысел.

К тому же простота и безопасность в применении.

Обязательно найдутся люди или структуры, заинтересованные в таком инструменте. И они появились. Позвонили и пришли — двое, в дорогих костюмах, вежливые, даже вкрадчивые. Кого уж они там представляли — армию? спецслужбы? криминалитет? — кто их теперь разберёт. Да Серёгину это было без разницы...

— Вы отдаёте нам формулу, техническую документацию, опытные образцы, — говорил один. — Теперь этой проблемой будут заниматься другие люди.

— А мы, со своей стороны, гарантируем безбедную жизнь вашей семье, — вторил другой. — Вы ведь хотите, чтобы ваш внук получил хорошее образование?

— Всё есть в лаборатории... — попытался увилинуть Серёгин.

— Бросьте, профессор, — не дал закончить первый. — Нам не нужна та модифицированная молекула, что болтается в ваших лабораторных колбах. Она никому не нужна. Мы хотим иметь ту сыворотку, которая убивала и исцеляла ваших свинок. Полный технологический цикл, который вы создали тайно.

Они владеют всей информацией, понял Серёгин. Вытянули подробности у кого-то из научной группы? Ну да что уж теперь...

— И опытные образцы. Всю информацию, — продолжил второй. — Тему всё равно у НИИ заберут, это слишком значительное открытие. У вашего директора нет ни должного политического кругозора, ни возможностей. А у вас — здоровья. Уж извините, но проблема требует дальнейших серьёзных исследований, и вы яркое тому подтверждение.

Ну да, подумал Серёгин, сапожник без сапог. Но вслух горько усмехнулся:

— А если я откажусь? Надавите на близких?

— Бог с вами, профессор, — поморщился первый. — Мы не гангстеры. Но существуют эффективные методы извлечения информации. Даже против воли человека.

Да, эти могут, понял Серёгин. Гипноз, «сыворотка правды», допрос с использованием методов физического воздействия. Что у них там ещё есть? На него хватит...

Он выторговал два дня. Мол, нужно всё проверить ещё раз, привести записи в порядок. Подготовиться, одни словом. Гости согласились. И он не терял времени — тщательно уничтожил все материалы по сыворотке: в сейфе, на жёстких дисках компьютеров, в лабораторных журналах — всё, до чего смог дотянуться. Его не беспокоило, что в материалах наверняка уже основательно порылись, сняли копии, что-то изъяли.

Так уж вышло, что всю технологическую цепочку от начал до конца знал только он. Остальные члены группы разрабатывали определённые взаимодействия, отдельные узлы, частные вопросы. Полной картины синтеза никто из них восстановить не смог бы. Не говоря уже о предохранителе, хитрой петельке. По сути, работу нужно будет начинать заново. Потому и пришли к нему, иначе нашли бы слабое звено в лаборатории.

Что ж — час настал.

Серёгин принял триггер, поставил на стол чашку со слабым, едва тёплым чаем и влил туда хорошую дозу сыворотки. Когда раздастся звонок, он выпьет чай и откроет дверь. Улыбнулся, представив, — какие лица будут у визитёров, когда они поймут, что все материалы уничтожены.

И какие они к нему испытают эмоции...

P.S. «Антон! Считаю это письмо моим завещанием. Я не знаю, что тебе сказали о моей смерти, но верь — иначе было нельзя. Сейчас тебе должно быть восемнад-

цать, взрослый мальчик. В эту пору жизни человек делает выбор — как жить и кем? Я не призываю тебя быть учёным, ты можешь стать поэтом или инженером. Но я прошу тебя помнить наши беседы. Этому миру нужны добрые витязи, отмывшие душу мёртвой водой от воспаления равнодушия. Только такие герои смогут взять в руки воду живую и принести её в мир. Когда я писал эти строки, слишком многим нужна была не животворная субстанция, а жидкость, несущая смерть. Мёртвая вода в прямом смысле. На диске, что лежит в конверте, очень важная информация, но использовать её можно только тогда, когда любовь и сострадание станут нормой жизни, а не уделом святых. Уверен, это время настанет и ты сможешь правильно распорядиться ею. Считай, я передал тебе эстафету. И не откажи в последней просьбе — повстречайся и поговори с отцом Василием из собора Святой Богородицы. Этот человек должен быть ещё не стар, он очень помог мне в своё время. Любящий тебя дед».

АНДРЕЙ БОЧАРОВ,
СВЕТЛАНА КОЛЕСНИК

ПЯТЬ МИНУТ... И НИ СЕКУНДОЙ БОЛЬШЕ

Невыносимая боль утраты в сердце, слёзы — ручьём по лицу, непроходимый ком в горле.

Входящий звонок. На экране ю-фона появляется человек в маске Анонимного хактивиста — серебряные узоры из полей и единиц по чёрному бархату.

— У тебя есть пять минут и ни секундой больше. Другого шанса у нас не будет. Сейчас тебя услышит

весь мир. Скажи людям то, что не успел сказать он. Всего пять минут, отсчёт уже пошел. Говори...

Только не сейчас... я не знаю... не могу... не умею... — в голове обрывки мыслей. И тут на всех уличных галло-мониторах возникает моё растерянное, заплаканное лицо. Что сейчас сказал бы людям он, если бы оказался на моём месте? Разве кому-то дано это знать? Но у меня — всего пять минут. И я подношу ю-фон ближе к губам...

Знаешь, милая. Я влюбился в тебя сразу... с первого взгляда. Почему? Сам не знаю. Ты ведь ничем не выделялась среди одноклассниц. Короткие фиолетовые волосы — прическа ёжик, сетчатые мини-шорты, прозрачная блузка, огромные кольца серёжек в ушах. Туфли на высокой платформе и полосатые гетры. И непременно ю-фон — тонкая тач-пластина, висящая, как кулон, на шее. Самая заурядная девушка. Почему?

Тогда мне бы и в голову не могло прийти, что признаваться тебе в любви буду на глазах у всего мира. Как жаль, что сейчас не могу увидеть твои глаза. Такие любимые, родные...

Таких чудиков я ещё не видела. Появился он в нашем классе за полтора года до окончания школы. Невобразимый тип. Старомодная короткая стрижка. Прикиньте? Не бритый наголо или не с длинной косой сзади, как все нормальные челы. В синих джинсах и белой футболке, на которой даже прикольной надписи не было. Лол! Когда мой предок так одевается, на него пальцем на улице показывают — вырядился, типа, музейный экспонат. Ладно, у этого чудика в носу не было серьги, но вот молчала без серёжек в ушах я вообще отродясь не видела. Впрочем, это была всего лишь прелю-

дия. В классе все под столы рухнули, когда училка спросила айпишник его ю-фона.

— У меня нет ю-фона. Зачем таскать гаджет, который человека превращает в болвана?

Просто улётный кретинизм, да? Мы поржали, а он так ухмыляется задумчиво и на меня смотрит. Я ему тогда фак показала, чтобы не пялился.

Вот молодой парень, а впечатление — как от мумии древнего фараона. Прямо нафталином запахло. Или чем там этих фараонов консервировали? Полный отпад был, когда он на перемене достал из сумки... вы не поверите — книгу!!! Самую настоящую доисторическую бумажную книгу. С пожелтевшими страницами. Да у любого бомжа на свалке если не обшарпанный ю-фон, то уж I-читалка точно есть. А если в этой книге есть старые микробы или вирусы? Вот даже слышала когда-то краем уха — раньше были какие-то «книжные черви»... Интересно, эти книжные черви синтетику едят? Не хватало, чтобы дырку на топе проели.

Не знаю, за что мне назначили такое наказание, но училка посадила чудика за один стол со мной. Вот дура. Теперь все глазели на нас, как на коров в зоопарке.

— Му-му-му. — Я показала классу язык и установила на пейджке НетЛайна статус «Игноритто всех!!!».

В конце последнего урока он передал мне клочок бумаги. Откуда бумагу-то взял, непонятно? Прикольная такая на ощупь, кстати. А на том клочке было написано:

«Погуляем в парке после школы?»

Именно написано, а не напечатано. Даже разобрала с трудом — кто же сейчас в рукописном тексте сечёт? Ну совсем невменяемый чел! Не мог месску скинуть на НетЛайн пейдж, что ли? Только потом в тему въехала — у него нет ю-фона. Не хочет оболваниваться! Какой бред! Показала ему фак, ну он и отстал от меня.

Не гдумай, что мне хотелось идти одному по выбранной дороге. Понимаю, как сложно плыть против течения. А ещё тяжелее идти по тернистому пути, зная заранее — куда он тебя приведет. Но ведь кто-то должен?

Ещё в школе я вполне осознанно вёл себя не так, как все. Не из юношеского максимализма, не для того, чтобы выделяться на общем фоне. Нет. Я хотел, чтобы и другие задумались, в каком направлении мы идём. Нельзя заменять человеческое сердце на калькулятор. Нельзя заменять тёплое человеческое общение потоком битов по НетЛайну. Нельзя оцифровывать душу и хранить в файле на удалённом сервере. Нельзя восстановить любовь из резервной копии на переносном диске. Цифровая революция изменила всё и всех. Необратимо повела по дороге без счастливого будущего. Без будущего, где доброта и человечность. Где — Любовь. Почему никто не хочет замечать этого?

Этому чудика сразу придумали ник: Офф. Сокращенно — от Офф-лайн. Поскольку он всегда вне Сети. Ну и вообще, всегда не в теме...

— Ты не носишь ю-фон, потому что не хочешь, чтобы твой гаджет был умнее тебя? — решил подколоть его кто-то из класса.

— Не сотвори себе кумира, — улыбнулся в ответ Офф. — Вы поставили слугу выше себя. И ю-фон превратился в господина. Так и живёте: «Нет бога кроме НетЛайна, а ю-фон — пророк его». Доверяете ему все секреты. А он их с лёгкостью может выдать кому угодно. Раскрывает тайны, выставляет на всеобщее обозрение личную жизнь. Каждый шаг контролируется... ещё до того, как вы его сделали.

— Неправда. Ю-фон надёжно шифрует личную информацию и никуда её не передаёт. Взломать его нельзя. Это всем известно.

— Откуда известно? От Корпорации Мирового Добра? Да, она утверждает, что ю-фон нельзя взломать. При этом она полностью контролирует НетЛайн и является владельцем единственной поисковой системы. А теперь сами догадайтесь, какой ответ вы получите на запрос «взлом ю-фона»?

— Никогда не слышала, чтобы кто-то взлез в чужой ю-фон, — сказала я. — Пока своими глазами не увижу — не поверю.

— Хорошо. Если я сейчас получу доступ к содержимому твоего ю-фона, то завтра провожаю тебя домой из школы, согласна?

Тут я призадумалась. Перспектива идти домой, когда рядом будет вышагивать этот доисторический чел, меня совершенно не вдохновляла. С другой стороны, он явно берёт на понт. Чтобы чел, который ю-фон в руках никогда не держал, смог его взломать?

— Хорошо, согласна. Но если у тебя не получится, пересядешь за другой стол... к кому угодно, лишь бы подалее. Замётано?

— А тебе так хочется, чтобы я сидел за другим столом? — почему-то расстроенным голосом спросил Офф. — Ладно, замётано. Давай сюда свою обожаемую железку.

Я протянула ю-фон. Все столпились вокруг стола в ожидании, чем закончится шоу.

Офф достал из сумки странный ноутик. Раза в три толще, чем привычный ю-пэд. И представьте себе, с кнопочной клавишей, как в старых фильмах. Аллергия у него, что ли, на сенсорные экраны? Соединил ю-фон тоненьким шнурком с ноутиком и стал с немыслимой

скоростью стучать пальцами по клавише. Где-то через пару минут повернул ко мне экран ноутбука:

— Вот, смотри... сам читать не буду.

Я взглянула на экран. Блин!!! Там были тексты моих последних мессок и скрытых мейлов на пейдж. Включая отправленную только что: «Этот Офф — совсем без мозгов Офф :-D». Я даже покраснела... впервые за последние лет пять.

— Ланн... ты выиграл, — сказала ему, — поплетёмся завтра вместе до моей хаты.

— Извини, передумал, расхотелось что-то. Держи обратно своё обещание. И не волнуйся, завтра пересяду куда-нибудь. Скажу училке, что буковки на демонстрационном экране отсюда вижу плохо. Отсвечивает.

И на следующий день действительно пересел. К рыжей Алиске. А она обернулась и показала мне язык. Вот дура отстойная.

— Лохушка, — кинул мне месс в чате один из френдов.

— Что за наезды? Сам такой! — огрызнулась в ответ.

— ЛОЛ. Офф взломал твой акк. Надругался над тобой в присутствии всего класса!

— Откуда такая любовь к Оффу?

— А ты просекла, какая у него железка?

— Древний ноутлик — такой же отстойник, как и сам Офф.

— Лохушка — раз. Дура — два. Это же настоящий хактоп!

— А что это за фигня такая?

— Дура в квадрате. Это не простой ноутлик. Такой нигде не купишь. Ни за какие деньги. Можно только выиграть на закрытом сетевом турнире, которые иногда Анонимные хактивисты устраивают. А из-за такой дуры, как ты, он себя засветил в школе. Кто бы мог подумать, что Офф — суперский ас!

Я всегда прекрасно понимал, что у нас нет будущего. Нет шанса стать единым целым, никакой надежды на долгую счастливую жизнь вместе. Как бы я тебя ни любил, но придется идти одному по выбранному пути.

Самое главное в мире — Любовь. Но ради неё иногда приходится жертвовать собственным счастьем. Кто-то должен идти первым. Чтобы тому, кто пойдёт за ним, было хоть чуточку легче.

Да, нам с тобой не суждено быть вместе никогда. Но почему-то даже сейчас мне кажется, что наши имена будут сплетены на века...

Один раз он всё-таки проводил меня домой. Поехала кататься на сигвее и шлёпнулась как дура последняя. Это ещё умудриться надо с него слететь! Я смогла. Не рассчитала угол поворота и влетела в клумбу. Правое колесо заклинило намертво, не то что ехать, а даже везти его нельзя. Переть эту тяжеленную фигню на себе — та ещё развлекуха, а бросать на дороге — жалко.

— Давай помогу, — вдруг услышала голос за спиной. Блин, иной раз даже и от отстойных челов может быть польза. Офф закинул на плечо сигвей, и мы пошли короткой дорогой через парк. Вот же! Как он предложил в самый первый день знакомства — так и вышло.

— А ты что, действительно из крутых хакеров? — спросила я тогда. Ну надо же было о чём-то говорить, не всю дорогу молчать как немые. — Чего сам никакими гаджетами не пользуешься, если шариишь в них так круто?

— Эти ребята — мои друзья, но на некоторые вещи мы смотрим по-разному, — ответил Офф. — Мы ставим обществу почти одинаковый диагноз. Но в способах лечения расходимся. Они думают, что можно лечить подобное подобным. Пытаются бороться с засильем Циф-

ры — её же методами. А в результате сами всё дальше отходят от Истины.

— А вот ты как раз тот, кто знает — что есть Истина? — подколола я этого умника.

— Разве можно познать Истину? — пожал плечами Офф. — Она словно вода, утекающая сквозь пальцы, как бы крепко ты их ни сжимала. И никакие суперкомпьютеры не дадут точный ответ на этот вопрос. Истину можно только чувствовать сердцем. Жаль, что мы научились это делать. Мы превратились в рабов Цифры, поставив логичность и рациональность выше человечности...

— Ну ты, блин, даёшь. Думаешь, все ошибаются, один ты — правильный весь из себя?

— Большинство не всегда право, иногда кто-то должен идти против общего потока. Если в душе чувствует, что это — его путь, его предназначение.

— Предназначение... Избранность... Один чел ни фиги не сможет сделать против толпы. Пусть ты и умный такой, но у тебя ничего не выйдет.

— Почему? — пожал плечами Офф и улыбнулся. — Прецеденты уже были, не припоминаешь? Если человек действительно верит душой и сердцем в то, что делает, к нему присоединяются другие люди. Никогда не видела, как ручеек размывает земляную запруду? Главное, просочиться одной капельке, за ней появится вторая, третья... Потом — уже тонкая струйка воды, а вскоре — поток вырвется на свободу из сковывающей его запруды. Вот так и я — всего лишь капелька... та самая первая капелька.

— И кто же пойдет за тобой? Кто может поверить такому чуду?

— Кто знает, — снова улыбнулся Офф, — может быть, первой будешь ты...

— Ещё чего, — я даже возмутилась, — да у меня с головой пока всё о'кей.

Вот что странно. На все заумные фразочки этого выпендрёжника у меня прямо внутренняя аллергия. Раздражение, чуть ли не до красных пятен на коже. Но если немного задуматься — он не плывет по течению, как щепка в ручье, а ищет свой путь. Не такой пофигист, как мои френды. И пообщаться с ним — на самом деле прикольно. Интересные вещи говорит, не тупо банальные. Даже как-то жалко стало, что так быстро до мной дошли.

Помнишь выпускной вечер в школе? Я пригласил тебя на танец. Медляк, как сказала ты. Твоя рука лежала у меня на плече. А в другой у тебя был ю-фон, на котором ты набирала всё время какие-то сообщения.

Я не мог даже посмотреть в твои глаза, ты не отрывала их от экрана. Как я ненавидел тогда этот дурацкий гаджет. До сих пор не могу простить себе этого чувства. В нашем мире слишком много ненависти и поэтому так мало места остаётся для Любви.

На выпускном этот клоун пригласил меня на танец. Что в голове у этой доисторической рептилии? Сушёный изюм? Танцевать в паре медляк! Но я тоже хороша. Не знаю, почему не отказалась от такого дурацкого шоу. Жалостливая дура, наверное. Мы были единственной парой посреди зала. Хотелось провалиться сквозь землю. Яркий свет диско-прожектора вылавливал нас в любой точке танцевального квадрата. А присутствующие дружно делали снимки на ю-фоны. Правда, пока мы танцевали, я успевала набирать одним пальцем сообщения на НетЛайн — хоть какое-то развлечение:

... выпускной отстой, накидайте мне комментов и лайков. Скука!

... музыка 2000-х олг стайл — отстой! Олд_стой!

Танцую с самым олгстойным челом под олгстойную музыку. Лол!

Когда музыка закончилась, он меня поцеловал... Этот придурок меня поцеловал! При всех. Кто успел — заснял фотку и сразу кинул её в НетЛайн. У меня дыхание перехватило. Я ни о чем и подумать не успела, а мне сразу пришло с десяток личных сообщений:

... гай ему пощёчину

... а почему так быстро всё закончилось :-)))

... гаёшь шоу! Покажи сиськи!

... блиин, круто, да? Романтик какой.

... ты у нас теперь звезда, хоть и дура. Лучше бы он меня пригласил.

Я стояла посередине зала, действительно дура дурой, и не могла понять — меня при всех выставили на посмешище? Или я хотела бы, чтобы тот поцелуй длился, длился, длился...

Много лет назад я отправил тебе одно сообщение. Минутя НетЛайн, напрямую. Непозволительная минута слабости. Ведь я прекрасно понимал, что по той дороге, которую выбрал для себя, должен идти один. Твой ответ был отрезвляющей пощёчиной. Спасибо тебе за неё! Именно эти слова помогли мне окончательно сделать выбор...

На следующий день после этого позорного выпускного я получила от него месску. Вы не поверите — именно месску на ю-фон. «Ты — лучшая девушка из всех. Моя Единственная. Так хочется, чтобы мы всегда были вме-

сте». Голова трещала вдоль и поперёк после той гадости, которую мы с подругой пили в ночь выпускного. Совершенно не выпалась, настроение — препоганое. И я, не особо задумываясь, ответила ему: «Да пошел...».

А в ответ — тишина. Годы тишины. И пустоты в душе. Нет, поначалу мне, как и раньше, приходили сотни сообщений в день. Однако они были не от того, по кому скучала. Не от него. А на все прочие месски мне не хотелось отвечать, и через год они почти перестали приходить. Впрочем, нетлайновский аккаунт я не удалила. Вдруг он всё-таки напишет? Хотя прекрасно понимала — если бы он захотел написать, смог бы легко это сделать и без аккаунта. Значит, не хотел.

И в моей жизни наступила серая полоса. Не белая, не чёрная, а именно — серая. Точнее, полоса никакого цвета. Словно и не живу по-настоящему, а просто бесцельно существую.

А вот в мире происходили разительные перемены. Всё менялось прямо на глазах. И события лишний раз убеждали меня, насколько он был прав. Думаю, за эти годы я и сама изменилась очень сильно. И во многом благодаря его словам. Жаль только, он об этом так и не узнает.

После школы я часто вспоминал тебя и тут же запрещал себе эти мысли. Пытался совсем выкинуть образ из головы. Всё тщетно. Мне было так тоскливо и тяжело не знать о тебе ничего!

Где-то глубоко в душе надеялся, что иногда вспомнишь меня, думаешь над тем, о чём с тобой говорили. Хотелось бы верить, что увидишь в моих словах хоть капельку смысла. Того смысла, который пусть и на миллиметр, но приближает нас к истине.

В какой момент мы ошиблись? Ведь всё, казалось бы, шло в правильном направлении. Технический прогресс шагает семимильными шагами, жизнь с каждым днём становится всё комфортнее. Только люди стали отдаляться друг от друга. С переходом от живого человеческого общения к обмену стандартными короткими фразочками по НетЛайну из жизни стало уходить что-то неуловимое. Но очень важное. И десяткам тысяч френдов в адресной книге — не заменить лишь одного, но любимого человека.

Эти вопросы волновали меня в последнее время всё чаще и чаще. Слова Оффа посеяли зерно сомнения, которое, пусть и не так быстро, но дало всходы.

Случилось мне как-то пройтись по ночному городу. Многомиллионному мегаполису. Тихо, спокойно и пугающе пусто. Не то, что раньше, когда были сплошные пробки. Папа в те годы часто жаловался — куда смотрят власти страны, по столице проехать невозможно. Так дальше жить нельзя, надо срочно устроить акцию протеста! И бежал скорее за компьютер строчить длинные посты посланий своим френдам, поднимать тему в топ и... А дальше — ничего не происходило. В следующем месяце он так же жаловался на бездействие муниципальных служб, по вине которых мусор вывозится на час позже, чем положено. Потом на необъяснимо почему выросшие ценники на бензоколонках с началом сезона отпусков. Новая тема, сотни тысяч присоединившихся к дискуссии, сообщение в топе. Только в результате — опять ничего. Кроме шумихи в Сети больше ничего значительного в стране не случалось.

Но в один прекрасный день кому-то там, наверху, надоели эти цифровые выплески народного мнения, и они решили изменить мир. Раз и навсегда. Того, кто раньше был противником, — сделать соратником. И с тех пор не пользователи заходили в Сеть, а она заплони-

ла собой все вокруг, поглотив нас. Оцифровала, окутала контентным покрывалом, ласково осветила правильный жизненный путь и больше никуда тебя не отпускала. «НетЛайн — мы заботимся о вашей комфортной жизни» — светодиодная вывеска мигает чуть ли не на каждом здании в городе. Кажется, теперь даже дети первое слово произносят не «мама», а «нятяйин».

Поначалу компанию-разработчика этого проекта прозвали КМД — «Корпорация Мирового Добра». В шутку. Но название прижилось, а основополагающую идею подхватили по всему миру. Ну, кроме слаборазвитых и очень «диких» стран Африки. Приход к власти «НетЛайн» в каждой стране всегда был обставлен очень ярко. Революционно! Феерично! Недовольные люди собираются через НетЛайн, тогда ещё просто социальную Сеть, на многомиллионные митинги по всей стране, свергают очередное «вечное» правительство. «НетЛайн — корпорация свободы, мира и добра». И почему-то никого не смущало в этой фразочке слово «корпорация». Да и меня оно, признаться, не особо волновало. Сама стояла в огромной толпе на центральной площади города лет десять назад. Голос сорвала, выкрикивая «Хай, НетЛайн». Массовый гипноз? Не хватало ещё выставленной вверх правой руки и крика «Хайль» вместо «Хай».

В результате к власти в стране приходил новый, уже «сетевой», президент. Выбранный посредством «честного и прозрачного» голосования в НетЛайне. Кто-то, как всегда, оставался недовольным и утверждал, что голосование — отлично срежиссировано и по степени достоверности такое же липовое, как и прежние, несетевые выборы. И если честно, сама так считаю. Нас, как обычно, обманули. Всеразрушающий вихрь революционных эмоций оставлял после себя конфету-пустышку в красивой обёртке под названием «свобода». Точнее, якобы

свобода. Только не все на это хотят раскрывать глаза. Зачем? Если есть определённый комфорт и достаток.

С того момента, как мы «переселились» в Сеть, уровень преступности резко снизился. Да почти в ноль вышел. А чему удивляться? Везде установлены камеры, которые всё фиксируют. Умные серверы, обитающие в громадных ангарах КМД, информацию анализируют и злоумышленников под контролем держат. Да и не только их — всех нас. Но кто об этом задумывается, когда жизнь на первый взгляд уютна и легка. «НетЛайн — мы заботимся о вашей комфортной жизни».

И теперь все счастливы — еженедельная доставка витаминов, продуктов питания, одежды прямо домой, чтобы ты не отрывался от НетЛайн ни на миг. Работать — в НетЛайн, Жить — в НетЛайн, Встречаться, любить, жениться — в НетЛайн. Даже почти решили вопрос с деторождаемостью. По крайней мере, вполне можно обойтись контактом с инъектором, а не с живым человеком. Намного стерильнее. И подбор оптимального партнёра осуществляется не абы как, а строго на основе анализа ДНК.

Случайно попался в Сети видеоролик, как одна дамочка заказала себе оплодотворение на пятницу тринадцатое, тринадцать часов тринадцать минут. И транслировала это, естественно, в НетЛайн. Присутствовали «не лично» виртуальный муж-донор, родители, другие родственники, друзья и несколько сотен тысяч случайных зевак. Ровно в назначенное время врач установил специальный прибор, и она, торжественно улыбаясь в камеру, нажала на маленькую красную кнопку. Всё. Зачатие прошло успешно. Поздравляю, через девять месяцев вы станете мамой. Мы будем следить за состоянием вашего здоровья по НетЛайн. Если желаете организовать трансляцию родов, отправляйте заявку за недельный срок. Всего хорошего и спасибо, что воспользовались нашими услугами. НетЛайн — мы забо-

тимся о вашей комфортной жизни. Все онлайн чокаются, меняют статусы и ставят аватарки с аистом.

Мрак...

Вот тогда во мне что-то окончательно надломилось. Не по тому пути пошло развитие общества. Не должно быть так! Нельзя жить в мире, где нет Любви...

Как я на улице в ту ночь оказалась, спросите вы? Да, тошно было. От четырёх стен, от одиночества, несмотря на тысячи контактов в адресной книге. От того, что никого живого не было рядом, с кем можно поговорить. Просто поговорить... Вот и вышла на улицу, чтобы окончательно с ума не сойти.

Хотел ли я снова встретить тебя? Конечно, хотел! Но ничего не стал делать для этого. Потому что — боялся. Боялся, что, снова встретив тебя, проявлю малодушие. И вместо того, чтобы пройти до конца свой путь, захочу навсегда остаться рядом.

С помощью моих грузей-хакеров так просто было бы перевернуть все базы данных и найти хоть что-то о твоей теперешней жизни. Но я не стал обращаться к ним с такой просьбой. «Не искушай Господа Бога твоего...» Разве мог я подумать, что нам было суждено ещё раз увидеть друг друга.

В ту ночь я встретила его. Шла по пустым аллеям парка, смотрела под ноги, сама с собой мысленно спорила, пытаясь убедить, что благ от НетЛайна в тысячу раз больше, чем вреда. А какими-то там человеческими чувствами и отношениями можно особо и не заморачиваться — проживём без них. И вдруг споткнулась. Носом вниз... Чуть не упала, но он подхватил меня за плечи и легко, словно маленького ребёнка, поставил на ноги. Всё такой же, как раньше — белая футболка, синие джинсы, аккуратная короткая стрижка. Он!

— Привет, — тихо сказала и, еле сдерживая улыбку, бросилась на шею. Слёзы сами брызнули из глаз, сдерживать их не могла, как и смех. Истерика! Это были настоящие эмоции, которые скрывала столько лет...

Ты клялась, что не сумасшедшая. Думала, не поверю. А я знал. Давно знал, что ты не такая, как все. Ты — «живая», особенная. Сколько мы гуляли по парку? Всю ночь? Огни! Только мы... И уже под утро я подхватил тебя на руки и нёс до самого дома, потому что ты натёрла ноги тесноватыми туфельками.

... а потом ты заснула у меня на плече, и это было самое счастливое утро в моей жизни. Единственный расцвет, который нам суждено было встретить вместе.

Когда я проснулась утром, его не было рядом. Только маленький листочек бумаги — записка. Первая мысль — не может быть. Он не мог уйти, не должен был. Почему?! Этот вопрос болью обиды и непонимания сжал сердце и не отпускал несколько минут. Ровно столько мне понадобилось, чтобы пробежать глазами по строкам. А затем ещё раз, еле разбирая слова из-за нахлынувших слёз. И ещё раз — уже почти ничего не видя...

«Прости, любимая, но у меня нет выбора. Остаться с тобой — свернуть с того пути, который я должен пройти до конца. Печально, но иногда нам приходится жертвовать любовью. И не только ею... Хотя в этом мире и нет ничего выше Любви.

На той дороге, которую я выбрал, мне изначально был отмерен очень короткий отрезок пути. Но зато для идущего после меня — она будет легче и светлее. Или для идущей...

Извини, любимая. Мне пора».

Солоноватый привкус слёз... И отчаянный перестук сердца, с которым невозможно совладать. Я выбежа-

ла на улицу с одной мыслью — поскорее найти его. Он не мог, не должен уйти далеко. Мы наслаждались каждой минутой этой ночи, ловили дыхание друг друга. Как можно бросить любимую? Куда он ушёл? Наступая на широкие полы пижамных штанов, чуть не свалилась с лестницы. Дуреха, надо было вызывать лифт! Но в душе теплилась надежда, что его тень вот-вот мелькнёт за следующим лестничным пролётом. Пусто.

Сердце ушло в пятки, когда я оказалась на улице. Столько народа вокруг... Одно дело — искать любимого на пустынных улицах города, и совсем другое — прорываться в его поисках сквозь толпу. Но почему толпа? Столько людей...

— Вот же гады, что творят. Вырубили всё и отмалчиваются...

— Переворот, говорят, будет.

— Конец света!

— А что происходит, собственно, почему недоступен НетЛайн, граждане?

— Дурик, проснись. Уже полчаса как тишина в эфире и синий экран смерти.

— Смерти? Какой смерти? А где же наша Служба Безопасности...

И тут сменилась картинка на уличных галло-мониторах. Почему-то подсознательно знала, что на них увижу. Точнее, кого. «Прости, любимая, но у меня нет другого выбора... »

В этот момент я не сдержалась. Заорала, что есть сил: Почему именно ты?!

И тут он заговорил, обращаясь к нам всем....

У меня нет иллюзий — оставшиеся минуты жизни сейчас утекают, как песчинки в песочных часах. Время — песок. Медленный, тяжёлый... послушный одному лишь ветру перемен. Сейчас я и есть ветер.

Знаю, что вы думаете. Террорист, псих, шахид, ма-
ньяк — или всё вместе. Но вы ошибаетесь. Моя цель —
не причинить вам вред, а лишь напомнить, что суще-
ствует и другая жизнь. Настоящая! А не та цифровая
иллюзия, в которую вас инсталлировал НетЛайн. За-
думайтесь, что важнее — стук любимого сердца рядом
или тактовая частота процессора ю-гаджета у вас на
груди?

С помощью грузей мне удалось проникнуть в их свя-
тая святых. В помещение, где находятся основные сер-
веры НетЛайн. Но времени у меня в обрез. КМД не бу-
дет взрывать заблокированную дверь. Ведь можно
повредить драгоценное оборудование. Гораздо проще и
эффективнее включить штатную систему пожароту-
шения, заполнив всё инертным газом. Кислород нужен
только людям. Процессорам он ни к чему.

Да, я бы мог прихватить с собой маску и запас кис-
лорода в баллонах, попытаться продумать план отхо-
да. Но зачем? Ведь к этой цели я сознательно шёл всю
жизнь. И ту плату, которую придётся заплатить,
прекрасно знал заранее. Момент настал. Всё произой-
дёт прямо сейчас, на ваших глазах. Не пропустите это
шоу.

Кто я для КМД? Крохотная букашка... не более того.
Что задумал? Какой вред могу причинить? Они не ста-
нут вообще раздумывать над этим. В подобной ситу-
ации для самой цивилизованной и гуманной Корпорации
Мирового Добра вполне сойдёт и незатейливый принцип:
«Нет человека — нет проблемы».

Думаю, у меня есть пять минут, не более. Они заме-
тили, что бескрайние реки трафика НетЛайна потек-
ли в никуда. Надо быстро принимать решение. И оно
уже принято. Система пожаротушения включена. Кор-
порация только не учла, что мы с грузьями перехватим

контроль над глобальным видеоканалом экстренного оповещения. Поэтому вы сейчас видите и слышите меня.

Мне так много хотелось бы сказать вам. Но на это нет времени. Ведь я не успел сказать главных слов любимой. Это очень личные слова. Но, думаю, она не будет против, чтобы вы тоже их сейчас услышали.

Я застыла на месте, не в силах пошевелиться...

— Знаешь, милая. Я влюбился в тебя сразу... с первого взгляда. Почему? Сам не знаю...

Все слова, которые он тогда говорил, навсегда остались в сердце. Последнее, что успел сказать, уже задыхаясь:

— Прощай, любви...

И только в этот момент я заплакала.

Невыносимая боль утраты сжимает сердце. Оно загнанно бьётся в груди. Трепыхается, как дикий зверёк, попавший в ловушку.

Слёзы жгучими ручьями текут по лицу. Непроходимый колющий ком стоит в горле, и с каждым мгновением всё тяжелее дышать... Или в лёгкие не поступает воздух из-за того, что сердце больше не слушается меня?

Писк входящего сигнала, на ю-фоне возникает изображение. Расплывчатое и неясное. Бездённая мысль — а вдруг всё-таки он? Размазываю слёзы по щекам. На экране человек в чёрной маске, на которой вышит узор из чисел — ноликов и единиц. С трудом соображаю, что это член Содружества анонимных хактивистов.

— У тебя есть пять минут и ни секундой больше... — произносит он, — другого шанса не будет.

— Какого шанса? Почему не будет? — растерянно спрашиваю.

— Сейчас тебя услышит весь мир. Сможешь сказать людям то, что не успел сказать он...

— Я? Кто я такая, чтобы говорить за него...

— У тебя всего пять минут... и ни секундой больше. Отсчёт уже пошел. Говори...

— Только не сейчас... я не знаю... не умею... не смогу... — нелепо шепчу отказ в самый решающий момент жизни, и голос больше похож на хрип. Лицо на экране исчезает — конец связи.

И вдруг на всех уличных галло-мониторах возникает моё растерянное, заплаканное лицо. Кто-то оборачивается в мою сторону, тычет пальцем, и я шарахаюсь от него, будто от огня. Бегу по улице, расталкивая прохожих. Заворачиваю за угол дома. Переулочек. Узкий, грязный. Мусорные баки переполнены всяким хламом, пустыми объёмными коробками. Это двор обслуживающего персонала гигантского жилого комплекса «Нет-Сити 5», тень от которого скрывает меня.

Замираю на миг, осознав, что сейчас меня видит и слышит весь мир. Отсчёт времени идёт, а я, словно маленькая девчонка, испугалась выдуманного страха и спряталась в шкафу. Что же мне сказать людям? А что сказал бы он, если бы оказался на моём месте? Разве кому-то дано это знать? Но у меня всего пять минут. И я подношу ю-фон ближе к губам...

Что я тогда говорила — не знаю, не помню. Наверное, я — единственный человек, который никогда не слышал ТЕ мои слова. Ни тогда, ни позже — в многочисленных видеороликах. Думала только о нём и говорила всё только ему.

А потом моё изображение исчезло с галло-мониторов, и опять пошёл дурацкий рекламный ролик КМД. Я вышла из переулка не сразу. Ноги не слушались, и яркий свет больно резал глаза. Швырнула в первую попавшуюся урну ненавистный ю-фон и пошла дальше. Вперёд...

Любимый, нашему сыну скоро исполнится год. Жаль, что у меня не так много времени на общение с ним. И так нестерпимо больно осознавать, что никогда не будет возможности поговорить с тобой. Но почему-то мне кажется — ты слышишь, что я шепчу в редкие минуты уединения.

Знаешь, мне трудно продолжать твоё дело. Только сейчас понимаю — каким человеком ты был. И сколько сделал для нас. Почему ты выбрал именно меня? Ведь мне не по плечу эта ноша. Но я стараюсь, ты же видишь.

В минуты слабости порой посещает предательская мысль, что избранному чуть-чуть легче. Каким бы тернистым ни был путь его, но ведь он идёт той дорогой, которую осознанно для себя выбрал. Идёт, прекрасно понимая — что ждёт его впереди. А простой, ничем не примечательной женщине так тяжело продолжать твоё дело. Но ведь ты простишь мне эти мысли? Хотя бы как матери твоего сына...

Когда я обращаюсь к людям, то чувствую, что они слушают меня, а слышат тебя. И они верят моим словам, считая их твоими. Они ведь не знают, что у нас не было времени, чтобы ты научил меня нужным словам. Но я запомнила то, что когда-то услышала от тебя: Истину можно только почувствовать сердцем.

Поэтому никогда заранее не думаю, что сказать. Просто говорю то, что подсказывает сердце. А там — всегда есть ты.

Вчера был небольшой праздник — число участников нашего добровольного общества перевалило за миллиард. Нашего Общества человечности, тепла и любви. У тебя уже миллиард последователей. Помнишь, ты говорил про первую капельку воды, которая может размыть любую запруду?

Корпорация Мирового Добра на днях объявила себя банкротом. Продажи ю-фонов практически сошли на нет. Люди покупают только обычные мобифоны. На-

★
брал номер — и слышишь голос. Тёплый, дружеский человеческий голос. А ещё люди стали писать друг другу письма. Не электронные, а обычные — на листках бумаги. Только открыл конверт — и уже почувствовал ту частичку любви, которую в него вложил отправитель.

Сейчас на всех стенах юноши и девушки расклеивают наши небольшие портреты. Ты был прав. Навсегда запомнила твои последние слова: «... нам с тобой не суждено быть вместе никогда. Но почему-то даже сейчас мне кажется, что наши имена будут сплетены на века...»

Извини, внизу на улице опять собралась толпа. Ждут, чтобы я вышла к ним. Они хотят слышать простые человеческие слова. Всего лишь слова. Но идущие от сердца. А потом, когда я вернусь, мы с тобой ещё поговорим, хорошо?

И.А. ДАЛЬ

ЦВЕТОЧНЫЙ САМУРАЙ

Я верю, что революция может начаться с одной травинки. Вряд ли кто-нибудь поверит, что она способна начать революцию, но я пришёл к пониманию веса и силы этой травинки. Для меня революция совершенно реальна.

Масанобу Фукуока

Тоичи Камикава медленно спускался по горной тропе к серо-зелёной громаде Токио, смутно видневшейся в рассветной дымке. Листва искрила серебристыми каплями росы, в кронах деревьев перекликались пти-

цы. Их гвалт напоминал гомон человеческой толпы. Телефон в нагрудном кармане мёртвым грузом давил на сердце.

Камикава думал о русских. Странные они люди: не умеют работать, не отличают желаемое от действительного, а дисциплина... Этой ночью русский связник не вышел на запланированную встречу. Ни ответа, ни привета. Как теперь узнать, удалось ли дело в Томске?

Дойдя до стоящего на обочине мобиля, Тоичи переоделся в полицейскую форму. Сел за руль, включил автопилот, устало прикрыл глаза: машина сама вернётся в город — чистый и зелёный. Когда-то Камикава мечтал стать биологом, а вовсе не ищейкой и уж, тем более, не биотеррористом. Но многое в жизни, начинаясь просто, со временем становится сложным.

Ичи рос здоровым мальчуганом, не пропускал уроков, а по выходным помогал матери ухаживать за любимыми хризантемами. Отец появлялся только на день рождения. Мялся у порога, вручал завернутый в яркую бумагу подарок, затем, недолго посидев за скромным праздничным столом, оставлял матери конверт и исчезал до следующего года. Друзей у Ичи не было.

Ичи жил в неприметной трёхэтажке на окраине. Всё как обычно: заросли неувядаемого кустарника у входа, в каждом окне горшок с генсай. Генетически модифицированный бонсай — символ законопослушности, поэтому у самого Ичи их три, благо уход таким растениям не нужен: они сами по себе переживут владельца лет на сто.

Из предосторожности он припарковался на соседней улице. Свернув за угол, Ичи увидел бредущего навстречу дзенского монаха в шафрановой рясе. Что делать свя-

щеннику в городе, да ещё в такую рань? Монах улыбнулся, сложил ладони в молитвенном жесте и скрылся в переулке

Открывая дверь подъезда, Ичи подумал: «Интересно, когда я уйду и монах уйдёт — узнают ли наши души друг друга?» Мысль показалась чуждой, тревожной тенью пробежала по душе. Поднявшись на второй этаж, он вошёл в скромную квартиру — никого. Прислушался — тихо. Автоматическим движением открыл экран на стене, проверил почту. Новых сообщений нет.

Ичи снял форму, бросил на плечо полотенце и спустился во внутренний дворик с садом и бассейном. На голубоватом зеркале воды кружили несколько жёлтых листиков. Наверное, их занесло ветром откуда-то издалека: в городе все растения — вечно-вечно-вечно-зелёные, будь они прокляты! Присев на шезлонг, Камикава залюбовался алыми облаками, словно крылья поднимающими солнце над горизонтом.

Счастливые воспоминания? Мама, в смешной выцветшей шляпке и садовых рукавицах, зовёт: «Ичи, малыш, беги сюда! Смотри, что у нас выросло...» И он, подпрыгивая на ходу, несётся, чтобы увидеть... маленькое чудо! «Вечные хризантемы»: всегда зелёные и цветущие. Теперь им не страшны засуха или заморозки. Мама, присев у грядки, улыбается, а Тоичи, прижавшись к тёплому плечу, гладит нежные золотистые соцветия.

После школы биофак Токийского университета. Лучший студент Ичи Камикава едет в Европу, а там — встреча с Арни Треглем, знаменитым наставником Естества Природы, учеником самого мастера Фукуока. И «Непокорная жизнь», тайная организация, сражающаяся за биоразнообразие в больном генетическим планированием мире. Когда ему приказали, Ичи поступил

на службу в полицию, причём не куда-нибудь, а в «Департамент защиты растений», в самое пекло, адскую кухню ГлобГена.

Наверное, в мире не осталось уголка, до которого не дотянулся глобальный синдикат. Сахара, Гоби, Виктория, Каракумы... Изменённые растения, пядь за пядью отвоёвывая у пустынь новые земли, сделали ненужными громоздкие оросительные системы. Мангровые заросли надёжно укрыли побережья от штормов и цунами. Немыслимые урожаи модифицированного сорго накормили тех, кому не хватало пшеницы и риса, — исчезла угроза голода. Мегалополисы вдохнули полной грудью, «зелёные легкие» планеты заработали, наконец, без сбоев.

Вот только дыхание это — искусственное: ни одно зернышко или листик не появлялись на свет без ведома ГлобГена. И корень всех бед — «Осакский Протокол 2039 года», международное соглашение о распространении новых видов растений. Все вокруг цветёт и пахнет, но биоценоз напоминает карточный домик. Антропогенные экосистемы без человека нежизнеспособны, а подлинная жизнь никогда не развивается по жёсткой программе. Одни лишь безумцы способны радоваться, посадив на цепь мать-природу...

Кто-то должен всё изменить. Любой ценой.

Ичи с разбега нырнул. Вода оказалась холодной, как в горном озере. Он энергично поплыл, наполняя мышцы усталостью. Двигаться. Ни о чём не думать. Очиститься от шлака ненужных переживаний.

Сделав пару кругов, он выбрался на бортик, спустил ноги в бассейн и поболтал ими, поднимая волну. Жёлтый листок закачался на воде, как кораблик, и Камикаву улыбнулся ему, как доброму приятелю. И тут нака-

тило чувство опасности. Сзади! На спину навалилась тяжёлая, разящая казармой туша. Ичи крутанулся, высвобождая руки. Противник, прорывав неразборчивое проклятие, вцепился ему в шею. Рывок! И сплетённые тела рухнули в воду.

Резким движением Ичи разомкнул захват, ударил коленом в пах и, вывернувшись из ослабших рук, поднялся на поверхность. Вдох! Сверху маячила фигура в серой, нет, синей униформе. «Полиция!» Отлично, у этих нет серьёзного оружия. «Всего двое. Патруль. Кто-то стукнул?» Ичи опустил поглубже, и, оттолкнувшись от дна, выскочил на бортик слева от второго. Полицейский не успел среагировать, движение, которым он тянулся к кобуре, напоминало замедленную съёмку. Кто только берет таких увальней на службу?! Делай раз! Удар в основание бицепса. Делай два — в висок. Вот и всё.

А первый, похоже, мёртв: так и не всплыл.

Сами виноваты: могли остаться в живых, если б не играли в героев. Ичи мельком глянул на тело: нашивки — сержант, рация в режиме «приём». Времени в обрез. Он подхватил полотенце и, вытирая на бегу волосы, влетел в квартиру. На сборы минута. Одежда, идентификаторы, гаджеты и главное — три блистера с «Зеленью».

Уложившись в пятьдесят секунд, он выскочил в переулок через заднюю дверь. К мобиле возвращаться нельзя, скоро о нём узнает вся полиция города. Подключая краденый идентификатор, лепя на лицо микроинъектор, Ичи сжал челюсти: будет больно, кожа пойдёт пятнами, распухнет лицо, появятся мешки под глазами... Зато теперь никто не опознает его по фото.

Пятью минутами позже, успев покинуть квартал, Камикава услышал две... три... ого, шесть полицейских сирен. Значит, его ждали, но усердные не по разуму па-

трульные приехали раньше всех и испортили праздник. Ичи на ходу сложил ладони и мысленно поблагодарил монаха: то был знак! Он спустился в метро и растворился в безликой массе «спешащих-на-работу».

День начинался коллективной медитацией толпы, доведённой до иступления замкнутым пространством. Прикорнув на краешке сиденья, Камикава дремал. Ему снился бледный веснушчатой парень с рыжей шевелюрой. Ичи дрался с ним в снегу. Странно, ведь Кири Равров¹ — лучший друг Ичи! Лицо друга искажает гримаса боли. Зачем он режет себе живот?! Белый снег окрашивается красным. Нет, зелёным.

Зелёный снег? Снег, а душно...

Когда Ичи очнулся, вагон горел. Дурацкий флеш-килл тинейджеров «Сожги ублюдка». Дешёвый супераккумулятор подбрасывают в поезд, затем «разгоняют» до критического режима, начинается пожар. А игрок зарабатывает очки по числу пострадавших.

Никто особо не суетился: в Токио и не к такому привыкли. Ичи выдавил стекло, выбрался через окно наружу. Следом за ним, откашливаясь и ругаясь, потянулся офисный люд в мятых костюмах. Не оглядываясь, Камикава зашагал прочь от чадящего состава. Через три квартала проверил: чисто, слежки нет. Обыграть полицию легко. Труднее выиграть будущее. «Можно открыть будущему дверь, можно налить ему sake, но не заставить войти и выпить чарку дружбы» — так говорил наставник Арни-сама.

¹ В японском языке отсутствует звук «л», а значит, Кирилл Лавров — Кири Равров. «Кири» в японском может означать: глагол — *резать* (например, «хара-кири») или прилагательное — *туманный, неясный*.

Ичи сел в такси, проверил, целы ли блистеры с «Зеленью» в кармане куртки, и выбрал маршрут мимо запасной квартиры, где должна собраться токийская ячейка «Непокорной жизни». Бросил взгляд на окно. Нечёт — все в порядке, чёт — провал. На подоконнике стояло два горшка с генсай. Не останавливая такси, сказал: «Токио-Централ», главный магнитодорожный портал. Через час с вокзала отправляется сверхскоростной экспресс «Лебедь». На север Ичи поедет один: больше никого не осталось. Снова кольнуло: «Кто сдал?»

Кири... Что случилось там, в России? Что могло пойти не так в Томске? У русских — другой взгляд... Они выдумывают будущее на лету, мечтают наугад, тратят время, теряют возможности. Это злило, потому что сам Ичи гибок, как бамбук, и всегда знает, чего может добиться. Он не собирается умирать за случайное будущее, его будущее — лучшее из возможных.

А чего хочет Кири? Холодного огня, горячего снега или звезду с неба? Задание несложное, охрана в Томске слабая, сам проверял. Сигнализация устаревшая, полиция — ленивая. Люди в ячейке Кири опытные. Опытнее их были только ребята из Торонто. Но тех год назад при налёте на «Хранилище Судного дня» накрыли норвежцы — всех до единого. Неужели Кири не понимает, что это последний шанс? Не сегодня завтра ГлобГен завершит второй этап проекта «Обновлённая биосфера», и тогда... Стоп! Это уже паника...

«Ты трусишь? Трусишь?!» — прошептал внутренний голос. «Нет! Сомневаюсь...» — «В чём? В будущем? В друге? Или в себе?» Ичи отмахнулся: будущее не дружит с сомнениями.

«Уважаемые пассажиры, экспресс прибывает в Саппоро в десять тридцать», — который раз сообщила при-

торно улыбаясь вирт-стюардесса. Долго, почти сорок минут ожидания наедине с невесёлыми мыслями. Время тянулось, как перед началом...

★ ★ ★

«В начале была Природа, и жизнь таилась в Семени», — так много лет подряд начинал каждую проповедь-медитацию Наставник. Но в тот ясный апрельский день обычный порядок вещей распался.

— В начале была... — только и успел произнести Арни-сама, когда с дымной вспышкой рухнула дверь и через пролом волной пошли бойцы в штурм-панцирях. Кидотай, «серые» — полицейский спецназ. «Прикройте наставника!» — бешено заорал Кири, бросаясь навстречу. Ичи, Ханс, Андрэ, Джонни и смешливая девушка по прозвищу «Синичка» опоздали на какую-то долю секунды. Пластиковые щиты разомкнулись и сомкнулись. Наставник исчез.

Затем Ичи вырубил свет. И во вспышках шокеров, удушливом смраде слезогонки, тупых ударах и хрусте костей, криках и выстрелах — в дикой и страшной круговерти открылась неожиданная истина: мир не вращается вокруг него. Мир не вращается вокруг наставника. Мир просто вращается.

Уходя, Арни-сама преподавал последний урок: то, что казалось им революцией, для наставника было всего лишь бизнесом. Как только ГлобГен предложил подходящую цену, они остались одни. Кири и Ичи, а другие...

Погожий весенний денёк.

Повозка туда и обратно:

Из нашего мира — в загробный...¹

¹ Хайку поэтессы Соноко Накамура (1913—2001).

Залечивая раны в старой пастушеской хижине в Пиренеях, они узнали, что китайцы, подписав Осацкий Протокол, объявили «дикие» растения вне закона — стартовала Вторая Генмодификация. Стало даже легче. Теперь они будут сражаться не за ветхие идеалы или память павших, а за будущее. Никаких революций — война! Революции пожирают своих детей, войны — всех без разбора. Огонь, пепел, прах... И когда-нибудь на пепелищах зазеленеют первые ростки нового мира.

Через месяц Ичи отправился в Токио, а Кири — в Томск.

★ ★ ★

— Все на позициях? — спросила Рейко.

— Да, Рейко-сан! — дружно отозвались игроки.

Рейко отключила вирт-гаджет и, не открывая глаз, сложила пальцы в мудру «Жизнь». Четыре руки подхватили её, подняли и понесли по воздуху к вибро-та-тами, возвращавшему телу чувствительность.

— Модератор приехал! — выдохнула Рейко.

— Молчи. Отдыхай, — сказал Маэда.

— Это важно! — огрызнулась она.

— А это — приказ! Минута тридцать, — отрезала Юкико, командир ячейки.

Досчитав до девяноста, Рейко сказала:

— Встреча через сорок минут. Прибыл один. Нужны: оружие, стимуляторы, транспорт.

— Не волнуйся: всё готово, — перебила Юки.

— Транспорт до Мёртвых островов!

Юкико и Маэда на секунду застыли, чтобы хором воскликнуть:

— Вот чёрт! О боги!

Игроки спустились в подвал, чтобы собраться: припасы, оружие — кто сколько сможет унести, не вызывая подозрений. Обнявшись напоследок, двинулись к выходу.

ду. Прислушавшись, Юки вскинула руку вверх: «Внимание!» Они замерли. Новые мудры: «Окружены», «Вниз», «Защита»...

Рейко кинулась в угол, к ржавому канализационному люку. Мама снова будет ругаться: «Какая ты неаккуратная, Рейко-тян!» Сверху донёлся треск: высадили дверь. Мазда сбросил школьный рюкзак, выхватил пистолет и замер напротив входа в подвал. Сегодня он игрок-защитник. Юки выключила свет и, пропустив вперед Рейко, наполовину задвинула тяжёлую крышку. Может, Мазда ещё успеет?..

Подсвечивая фонариками, девочки спустились по скобам вниз и поползли к запасному выходу. Выбираясь наружу, слышали хлопок — слабое эхо далекого взрыва. Мазда перешёл на Последний Уровень. Через три дня ему должно будет... было исполниться двенадцать.

«Копы знают, — прошептала Юки, — но у нас есть шанс». Рейко кивнула: она почти год играла в «Жизнь» и понимала, что шансы сохраняются даже в самой безнадежной ситуации. Скверик, в который выводил ливневый тоннель, патрулировало всего двое полицейских, а заряда шокера хватило бы на целый взвод. Десять секунд, график не нарушен. Отдавая приказы игрокам, Юки и Рейко осторожно пробирались к домику на побережье, возле которого была назначена встреча.

Модератор, выглядевший чуть ли не стариком, встретил их мудрой «Осторожно!». Обветренное неподвижное лицо, тёмные круги под глазами. Рейко удивилась: неужели в «Жизнь» можно играть так долго? До какого же уровня он успел дойти? Но времени на вопросы нет. Отдать и исчезнуть.

Не вышло — с улицы донёлся визг шин, топот ног, лязг оружия. Это Бутай, «чёрные», они стреляют без предупреждения. Юки побледнела, но, улыбнувшись, передала Модератору пистолет и ключи от акваплана,

а затем достала из рюкзака маленькую чёрную гранату. Рейко прикусила губу и, только взяв в каждую руку по тяжёлому кругляшу, приятно холодившему взмокшие ладони, немного успокоилась. Модератор, простившись с ними долгим взглядом, выскочил в садик с «вечными» туями и исчез за забором. Кажется, уровень пройден до конца. Вот интересно: чем заканчивается «Жизнь»?

«Кто сдал?!» — снова и снова спрашивал себя Ичи. Всё позади: внезапный обыск на выходе из «Портала», отчаянный прорыв в город, бесцельное блуждание по холодным улочкам, поездка в маршрут-бусе к побережью, странные дети, насмерть играющие в «Жизнь» вместо того, чтобы понарошку убивать себе подобных в вирте без причин и последствий.

Привлечь школьников — идея Кири. Взрослые инертны, их устраивает стабильное существование в окружении неуываемой зелени. Кого вообще интересует настоящая, да к тому же вымирающая жизнь? Друзья спорили до хрипоты, а в итоге Кири оказался прав: кроме детей надеяться больше не на кого...

Ичи пробирался по широкой береговой полосе, засаженной «вечным» кустарником для защиты от песчаных дюн. Над городом поднимались столбы дыма, воздух сотрясали звуки взрывов и вой сирен — игроки прикрывали отход Модератора. И многие перешли на Последний Уровень. Жертвы неизбежны. Но сегодня, оглянувшись на чёрное облако взрыва за спиной, Ичи трижды проклял себя. Чем бы всё ни кончилось, ему никогда не узнать имён двух девчушек в школьной форме.

Вот и ориентир: старый ангар с перекошенными, наполовину утонувшими в море воротами. С боковой стенки кто-то предусмотрительно сорвал кусок же-

сти. Оглядевшись, Ичи одним броском преодолел серую полосу песка и нырнул в тёмный проем. Когда зрение привыкло к полумраку, разглядел на мелководье небольшой акваплан. Ну и старьё! Да ему лет пять, не меньше. Впрочем, откуда школьникам взять денег на новую технику?

В дальнем углу что-то шевельнулось. Прильнув к пахнущей солью земле, Ичи снял с предохранителя пистолет. Послышался надсадный кашель. Серая фигура поднялась на ноги, пошатнулась и рухнула ничком. Ичи, не сводя взгляда и ствола с цели, ринулся вперёд. Человек в грязных лохмотьях лежал неподвижно.

— Эй, — Камикава ткнул его стволом в спину, — ты кто?

— Шиснь... Шиснь... — едва слышно прохрипел неизвестный.

Ичи ногой перевернул тело. Рыжие, слипшиеся вихры. Бледная, просвечивающая сквозь спёкшуюся корку песка и ожогов, кожа. Да это же...

— Воды, — простонал Кири.

Спотыкаясь, Камикава бросился к рюкзаку, суетливо перерыл его и нашёл! Маленькую бутылочку с анимешным кроликом. Раненый, с трудом приоткрыв расстрескавшиеся губы, жадно глотнул. Хрип и клочкотание в груди: наверняка обожжены лёгкие.

— Кири-кун... — окликнул Ичи. — Это я, Ичи! Что случилось? Где семена?

— Семе.. на... — чуть слышно повторил умирающий. Его рука дёрнулась и застыла, но Ичи угадал: «Там...» Сделав инъекцию обезболивающего и стимулятора, Камикава поспешил к дальней стене. Так и есть: рыхлая, свежевзрытая куча — Кири из последних сил, теряя сознание от боли, спрятал драгоценные семена. Голыми руками, с ожесточением Ичи начал разбрасывать песок и почти сразу наткнулся на металл — контейнеры!

Контейнеры лёгкие, но объёмные — оба сразу не унести. Когда, уложив на заднее сиденье акваплана первый, Ичи возвращался за вторым, его обожгло: «Не хватит места! Или семена, или...»

Кири встретил друга мутным блуждающим взглядом.

— А... это ты. Думал... не придёшь. Думал... всё, — едва шевеля губами, сказала тело Кири. Его дух остался далеко отсюда. Может, в Томске, где группа попала в засаду и половина ребят полегла при прорыве. А может, в сгоревшем над морем экраноплане. Две ракеты: в крыло и корму — ГлобГен на мелочи не разменивается. Кири спасла случайность: стоя возле грузового люка, паковал контейнеры, когда взрывной волной их вышвырнуло за борт. Потом, качаясь на горящих волнах, выгребая к далёкому берегу, метр за метром волоча непосильный груз, Кири тысячу раз успел пожалеть, что выжил. Но он добрался и дождался...

— Кто? — бешено прошипел Ичи. — Кто сдал?!

Тихий безразличный ответ прозвучал как удар: «Ты...»

«Я — предатель?! Ложь! Чушь. Бред...»

Или правда?.. Больше некому — осталось всего двое.

Рука Кири медленно скрылась за пазухой и вынырнула оттуда с маленьким воронёным пистолетом. Не успев понять, что происходит, Ичи двумя выстрелами в сердце вдавил лучшего друга в песок. Выронив тёплый кусок металла из онемевшей руки, закрыл глаза и упал на колени: «Кири-кун! Кири...»

Грязная маска лица, застывший взгляд голубых глаз. Кири Равров, двадцать восемь лет, бывший биолог, руководитель русского филиала «Непокорной жизни», убийца и террорист. Последний из них.

Тоичи Камикава... Лейтенант Камикава медленно встал на ноги и отряхнул колени. Неужели конец? Похоже, да: всё встало на свои места...

...вот Ичи, вернувшись из школы, видит на месте родного дома пепелище: террористы из «Жизни» бросили бомбу — нечего высаживать «вечные» хризантемы! А маме просто хотелось любоваться цветами, чтобы не чувствовать себя одинокой!..

...хмурый суперинтендант, глядя в лицо, спрашивает: «Лейтенант, вы представляете себе степень риска?» — Камикава молча кивает: да, представляет; да, согласен; да — агентом-двойником...

...седой доктор, в белом, с пятном от кофе, халате допытывается: «Юноша, это ведь новая, не опробованная технология. Игры с подсознанием смертельно опасны!» — Камикава снова кивает: да, понимает; да, согласен на вживление нейронного биохаба — переключателя личности «Одинокый монах».

Кем он стал после этого?

И кто сейчас — он?

«Одинокый монах» вернул лейтенанту Камикаве личность. Подсознанию больше не нужно выкраивать десятков секунд, чтобы среагировав на генсай — чёт! нечет! — незаметно для террориста Ичи передать кодовое сообщение. Такой режим предусмотрен только в одном случае: операция «Разгром» завершена, преступники обезврежены, а груз — захвачен.

Груз! Два контейнера с семенами из Томского хранилища и три блистера «Зелени» — уникального «ген-закрепителя», похищенного Ичи из лаборатории Департамента защиты растений. Он перевёл взгляд на акваплан.

Острова... Два государства бестолково спорили из-за них больше сотни лет. Потом кто-то — неизвестно кто — решил проблему жестко и эффективно, запустив вдоль гряды крылатую ракету со штаммом «лунной чумы». Через час об этом на весь мир завопило радио с Островов. Тридцать минут спустя пограничники начали

★ — операцию «Чистота». Сейнеры, лодки, вертолеты с обезумевшими людьми перехватывали и уводили далеко в океан — на карантин. Спустя двадцать три часа острова умолкли навсегда. Болезнь, взрывая кожу язвами, похожими на лунные кратеры, убивает носителя в течение суток. Выживших, а их оказалось немного, переселили куда-то на юг Тихого океана — под вечный надзор.

На следующие двести, а может, и больше лет Острова стали Мёртвыми. Sterегущий их «Океанский патруль» стреляет только на поражение. Самое недоступное место на планете. Именно туда и собиралась переправить семена «Непокорная жизнь». На Мёртвых островах, никем не потревоженные, семена дождутся своего часа...

— Как бы не так! — Тоичи Камикава устало хрустнул шеей. — Ни хрена у вас не вышло, господа покойники.

Оставалось связаться с полицией, вернуть украденные семена, «Зелень» и... «Что дальше, лейтенант Камикава?» — неожиданно спросил Ичи. Камикава вздрогнул: хаб, что ли, барахлит от недосыпания? «Нет, приятель, с хабом всё в порядке, — успокаивающе произнес Ичи. — Барахло — ты сам...» Лейтенант Камикава бросился на врага, понимая, что уже опоздал.

Утерев холодный пот со лба, Ичи опустил ся возле тела единственного друга. Сложил ему руки на груди, неумело перекрестил и сказал: «Прощай, Кири-кун. Покойся с миром». Затем сел в акваплан и захлопнул прозрачный колпак.

От безумного прорыва сквозь завесу «Океанского патруля» в памяти сохранились лишь глухие удары глубинных бомб и рвущее сердце кислородное голодание, когда пришлось восемь часов отлеживаться на дне в тени берега. Его искали и не нашли.

Аварийное всплытие, глоток живительного, пахнущего гнилой рыбой воздуха. Удары прибоя, выбросившие неуправляемое суденышко на чёрные вулканические скалы. Отчаянная борьба за контейнеры — волны раз за разом пытались выдрать их из рук.

Пустынный берег, заваленный мокрым плавником и космами коричневых водорослей. Долгий провал, во тьме которого Ичи, лейтенант Камикава, с кем-то спорил, что-то ожесточённо доказывал, но не запомнил — кому и что. Волоча контейнеры, он брёл, пока не наткнулся на глубокую, окружённую со всех сторон скалами долинку Тёплых Ключей, где даже зимой не держится снег.

Здесь Ичи блаженствовал в естественной горячей ванне. Час? Два? Сделав усилие, сумел выбраться из воды и одеться, но жар не отпускал. Пульс участился и побаливала голова, совсем немного. Первые симптомы «лунной чумы» — добро пожаловать на Мёртвые острова!

Времени оставалось мало. Ичи вскрыл контейнеры, смешал семена с «Зеленью» и отправился в последнее путешествие. Широкими жестами он разбрасывал капсулы, стараясь наделить новой жизнью каждый уголок. Весной остров зацветёт. Семена тронутся в рост, появятся настоящие — не вечные! — трава, цветы, кусты и деревья. Здесь нет вредителей, всех выкосила «лунная чума». Это будет его... нет, их с Кири, маленький рай на земле. И однажды в него смогут вернуться люди.

Семена вскоре закончились: не так уж много удалось спасти от ГлобГена. У Ичи хватило сил, чтобы вернуться к Тёплым Ключам и выкопать себе могилы... Разве всё так печально? Ичи улыбнулся и достал из кармана последнюю «цветочную бомбу» с маркировкой «Золотые хризантемы».

Нет, не могила, а колыбель перерождения. Здесь он станет иным, но кем — ещё предстоит узнать. Ичи улегся в яму. Аккуратно, начав с ног, присыпал тело рыхлой землей, и, уложив в холмик у самого сердца семена хризантем, закрыл глаза и уснул.

Что ему приснилось? Мы никогда не узнаем.

Рейко поднялась с татами за минуту до звонка будильника, и зашлёпала босиком на кухню. Скоро год, как, выйдя из больницы после тяжёлой контузии, она живёт под пристальным надзором полиции. Зря! Никто больше не играет в «Жизнь». Старые друзья и подруги, кто выжил, заняты обычными делами: учатся, влюбляются, ссорятся, совершают глупости — нормальные подростки.

А недавно в школе ввели обязательный предмет — «Экостабильный мир». Примерной ученице Рейко он даже нравится. Но придёт день, когда такой мир всем надоест. И начнётся новая Игра.

Рейко уже придумала название: «Остров золотых хризантем».

ТО,
ЧЕГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

КРЫСИНДА

Нро моего отца говорили, будто у него в желудке долото сгниёт. Не знаю, может, и так. Но я, наверное, в мать пошла. Вот сегодня, стоило мне утром поесть молодых побегов папоротника, и на тебе — живот скрутило. И ведь что самое обидное — сама собирала, никто не неволил. Надо было укусу добыть, да где? До ближайшей деревеньки вёрст пятнадцать лесом, а куда я лесом на своих двоих? Время позднее, смеркается. Устала. Пришлось остановиться.

Столько лет живу на свете, а всё никак не повзрослею. Впрочем, ничего удивительного: я всегда слыла непоседой. Помнится, мать говорила, если б знала, что такая зараза родится, в утробе меня задушила бы, чтоб перед родными не позориться. В сердцах, конечно, говорила, не со зла, а вон как получилось... А отец молчал, только знай себе усмехался. В самом деле, никогда не знаешь, что лучше — долото в желудке или шило в заднице.

Ближе к середине лета я почему-то чаще их вспоминаю, всех — мать, отца, сестрёнку, братьев. Почему — не знаю. Может, просто совпало, а может, потому что именно тогда всё и случилось. Теперь уже не понять. Вспоминаю — и всё тут. Причём не лица даже, не голоса, а так, ерунду всякую: словечки, тряпки, догонялки... битую посуду... Мамину стряпню, бывает, тоже вспоминаю: творожники там всякие, пироги с ревенем, с яблоками. Или с папоротником. Между прочим, ничего

смешного: страусник или орляк, когда их засолить или замариновать как следует, такая вкуснотища!...

М-да.

А остановилась я неудачно. То есть это я потом поняла, что неудачно, а тогда мне место показалось подходящим: маленькая, почти не заросшая поляна, рядом ручеек, земля не топкая. Чёт и Нечет воздух понюхали, пошмыгали туда-сюда и тоже полянку одобрили. Кусты опять же... Надо было сразу осмотреться, но когда припрёт — какой осмотр! А потом, когда я кострище обу-страивала и на старый портал наткнулась, у меня уже шалаш стоял, вода была принесена. Это парням легко, а девчонке от воды трудно уйти. Перед тем как под камни лезть, мне всяко надо отдохнуть. И то, смекаю — портал односторонний, брошенный, заросший весь, никто к нему не ходит: звезду из-под травы уже не видать. И даром что полянка слишком круглая, всё равно не всякий догадается. Махнула я рукой, да и решила: пронесёт. Чёт и Нечет всё это время шныряли и шастали, шастали и шныряли, ягодки какие-то таскали, колоски, а я воды согрела, вымылась, костёрчик затоптала — и на боковую.

А ночью и вспыхнуло.

Раз десять видела, как к нам человека перебрасывает, а всё никак привыкнуть не могу, пугаюсь до одури: свет, искры сыплются, чуть ли не молнии трещат, деревья ходуном, днём радуги, ночью шары... Кажется, что человеку живым не пройти: ан нет, проходит, ещё как, для этого и сделано. Вот только никогда не знаешь, кого принесёт. Но испуг испугом, а насчёт что делать, это у меня давно само собой получается, для этого мне и просыпаться не надо. Звезда ещё не разгорелась, еле контуры проглянули, а я из шалаша в одних штанах, споткнулась, шляпу раздавила, мешок с добычей — в кусты, сама кубарем в другие и лежу на пузе: я не я, и лошадь

не моя. Шалаш, конечно, в кучу, но оно и хорошо: прах с ними, шалашом и шляпой, зато не так заметно. Чёт с Нечетом ещё до этого слиняли — они к таким вещам привычные: сначала дёру, а уже потом разнюхивать. И это, наверное, правильно.

Чёт и Нечет — это крысы. Не сказать, что натасканные, но ручные — на ярмарке не показать, зато в моём деле помощники хоть куда, в любую щель пролезут, и чуялки их плохо видят, а то и вовсе не замечают. Они по виду разные, хотя из одного помёта братья: Чёт потолще, Нечет подлинней и куций — ему ещё в детстве полхвоста ловушкой оттяпало. Я в своё время долго решить не могла, которого взять — и тот, и другой были с задатками. Так обоих и оставила и не пожалела о том, а остальные где-то сгинули. Папаша их ещё умнее был, такая бестия, жаль, прожил недолго, но и эти ничего, сообразительные. Хотя крысы, они крысы и есть: вся ихняя жизнь — одно сплошное пожрать и спрятаться.

Совсем как у меня.

Меж тем, гляжу — звезда уже погасла, а посреди не поляны человек нарисовался. Один. Вроде взрослый. И вроде мужчина, да только разве в темноте разберёшь? Я тоже мальчишечью одежду ношу и волосы срезаю коротко — при моём занятии так удобнее: и прятаться легче, и под камни лазать, и бежать, если что, и вообще мужская одежда в лесу практичнее. Грудь у меня так себе, издалека меня легко принять за пацана. Но этот, похоже, и правда был парень: двигался по-мужски, легко и молодо, угловато, отрывисто, а голову брил. И вот он огляделся для начала, шагнул раз, другой и замер что твой памятник, только головою вертит — вправо-влево, вправо-влево, будто прислушивается. У меня аж сердце замерло: а ну как нюхач или тавматург? Потом подумала: да ну, не может быть такого! Мне, конечно, есть чего бояться —

меня по всем лесам пятнадцать лет разыскивают, но вряд ли так совпало, чтобы сразу папоротник, портал и нюхачи. Какой-нибудь бродяга, странник. Вон и посох у него, а на друида не похож; небось нашёл входную арку где-нибудь в лесу, хотел поближе посмотреть, его и перебросило...

И тут он меня удивил. По правде сказать, на наш аллод из прочих мест нечасто люди попадают, а если попадают, то случайно. И ведут себя обычно одинаково: на колени падают, бегут, руками машут, бранятся, предков призывают. И вопросы соответствующие: «Где я?!», «Куда меня занесло?» (а то и просто: «Есть тут кто?», но это самые спокойные). А этот повертел головой, повертел, развернулся к тем кустам, под которыми я пряталась (у меня мурашки по спине), и говорит так изумлённо, как бы мне, но ни к кому не обращаясь:

— Клянусь Незебом, — бормочет. — Ничего не понимаю... Это что же здесь произошло?!

Я не столько удивилась, сколько призадумалась. Впервые, «что» произошло? Что он такого заметил? Или я наследила? Во-вторых, где «здесь»? На полянке? В портале? Или вовсе — на нашем аллоде? Если третье, то... Однако!

Но пока я думала, о чём дядька толкует, тот нагнулся, посвистел, подвигал руками, словно в ладони воды зачерпывал, — я ахнуть не успела, гляжу: сидят мои Чёт с Нечетом у дядьки на руках, да не просто сидят, а мордочками водят, глазки щурят, рукавом занюхивают. И вроде как им хорошо там у него. Я от такого предательства аж обалдела.

А дядька глянул в мою сторону и говорит (теперь уже точно мне):

— Ну всё, хорош тихариться. Выходи давай, не бойся.

Ну, теперь и ежу было понятно, что прятаться бесполезно, и я встала.

— Вовсе я не боюсь, — говорю.

А я и вправду не боялась. Он же был один, а одного чего бояться? Год ещё не кончился, поэтому одна смерть у меня в запасе есть (а лето на исход пойдёт — так и все две появятся). Стою я этак, думаю, а из кустов не выхожу. Станный он какой-то, этот парень. Непонятный. Если он нюхач, на магию натаскан, почему сперва мешком моим не заинтересовался? Там же добыча с прошлого раза, всё, что я продать не успела, а заклятья я не стала взламывать — это ж самое ценное. Нет-нет, он сразу меня углядел, пока я по поляне прыгала, будто день на дворе. Да и сейчас стоял и разглядывал так, словно видит в темноте.

— Ну, выходи, выходи, — подбодрил он меня. — Ты мальчик или девочка?

А я стою дура дурой, и на мне одни штаны. Ни лифа, ни корсета, ни рубашки, ничего — всё в шалаше, а тот всмятку. Стою, руками прикрываюсь. Время тёмное, дала бы дёру, да без башмаков куда? И крысы у него опять же.

— Девчонка, а то не видишь? — огрызнулась я. — Отвернись, вот и выйду. У меня рубашка в шалаше. Вон там.

Показываю пальцем, думаю, ну, если отвернётся, то совсем дурак. Но этот был не из таковских — отворачиваться не стал, только огляделся по-быстрому, увидел грудку веток, поворошил там посохом, откинул одеяло, нашёл рубашку, башмаки и бросил мне.

— Держи. Одевайся. Как тебя зовут?

Нет, точно чужак! Местные уже сто раз меня узнали бы и драпанули (или, если кто из знати — попытались бы словить). Я в рубашку головой залезла, а сама задумалась: как мне назваться? Старым прозвищем? Новым? Или третье выдумать, пока не поздно? Так и этак прикинула — всё равно таиться смысла нет.

— Мать когда-то Ляпой называла, — отвечаю. — Это потому, что я всё ломала или делала тяп-ляп. Братья — Липучкой, потому что всё время за ними таскалась, чтобы в ихние игры играть. А сестра — Пучкой Ли. Или просто Пучкой. Говорила, будто я на лягушку похожа.

Сказала я всё это и почувствовала, что краснею, потому что поначалу совсем не то хотела сказать, другое что-нибудь.

Парень прищурился.

— А ты похожа? — спрашивает.

— Нет, — подумав, сказала я и зачем-то прибавила: — Ква-ква.

Он, как мне показалось, засмутился, даже закашлялся.

— Да, действительно... Ну и как сейчас тебя звать?

— Люди Крысиндой зовут.

— Крысиндой? — переспросил он.

— Да. — Я наконец натянула рубашку и посмотрела ему в глаза. — Но чаще меня зовут — Смерть.

Всё, думаю, если он и сейчас виду не подаст — точно чужак. Так притворяться невозможно, я же чувствую. А парень помолчал, подумал о чём-то своём, почесал крысам пузики, потом покачал головой и усмехнулся.

— Вот как? — сказал он. — Забавно.

— Что забавного?

— Да только я подумал, что неплохо бы звучало: «Злая волшебница Крысинда», а ты уже и Смертью назвалась. Ну что же... Не скажу, что мне очень приятно. Но мне... очень интересно.

Он ещё раз огляделся, для чего-то посмотрел на небо.

— Какой это аллод?

— Оскол, — отвечаю.

Тот наморщил лоб, но, видно, не вспомнил.

— Это название такое?

— Ну, вроде как... — буркнула я и уже сама не выдержала. — Ты кто? Друид?

— Нет.

— А тебя как звать?

Тип наклонился, бережно ссадил Чёта с Нечетом в траву и выпрямился.

— Ну, раз так, зови меня Крив, — сказал он.

Что значит «раз так», я не поняла, но сразу подумала: ага, Крив. Не наше имя. Никогда такого не слышала. Сам худой, подвижный, щурится. Ну, да, как будто кривоват. Голова, как я уже сказала, выбрита. Приметный парнишка. Я б узнала, кабы такой где появился. А тот возьми и спроси:

— Ты сказала, что родные тебя «звали», а не «зовут». Они... С ними что-то случилось?

Да, Крив, подумала я, случилось. Со всеми здесь что-то случилось. Ты или впрямь непроходимый дурак, или двадцать лет в лесу просидел, или вправду пришёл с другого аллода, где про наши проклятые земли не слышали, а может, забыли уже. Но вслух я говорить всего этого не стала, только плечами пожала.

— Они умерли, — отвечаю.

Он промолчал. Ничего не сказал. А я почему-то в этот момент вдруг решила, что всё ему расскажу. Всё-всё.

Только не здесь и не сейчас.

Всегда не знаешь, как себя вести с людьми, какой тон взять, если все вокруг такие взрослые, большие, а тебе тринадцать лет и выглядишь ты тоже на тринадцать с небольшим. Будь мне хотя б четырнадцать, не так заметно было бы, а тут — не скроешься, не спрячешься, издалека видать. Хотя нет, спрятаться, конечно, можно. Где и как долго — другой вопрос. Наш аллод невелик (хотя как знать — на других я не была). С востока он ограничен болотами и Сайемской вересковой пустошью, с запада — скалистыми горами, где добывают

★ мел и мрамор и живут драконы, те, которые ещё остались, с севера — снегами и солёным морем, а на юг я не ходила. Всё, как у других (ну, может, чуточку иначе, я не сравнивала). А до края, где уже и неба не видать — один туман астрала, я только раз доходила, мне хватает места, чтобы жить, бродить и прятаться. Вот только мы отрезаны от прочих. Совсем-совсем отрезаны. К нам ещё как-то можно попасть, а от нас, я не слыхала, чтобы кто-то выбрался.

В лесу жить можно долго. Даже очень долго. Друиды, говорят, всю жизнь в лесу живут, но всё больше общиной, хотя и отшельники встречаются. Но в одиночку тоже можно, если знаешь, что съедобно, а что нет, чем миску вымыть, чем от простуды лечиться. Звери, змеи, пчёлы и другие твари тоже первыми не нападут, так что главное тут — вовремя заметить их и обойти, а этому в лесу быстро учишься. Я за первые полгода научилась, хотя страшно было — не сказать словами. Первое время к селениям выходила, но потом перестала: в мёртвых деревнях ещё страшнее, чем в лесу, в живых народ сбегался на меня смотреть, а там и до властей слух доходил. Три раза еле выкрутилась, на четвёртый только крысы помогли, с тех пор — ни-ни. Тролли, гоблины и людоеды, скажем прямо, гадкие создания, но и от них сбежать несложно, а при неуязвимости и хорошем оружии — даже отбиться. Да и они давно смекнули, что на человека нападать не стоит, потому как люди вернутся и так врежут — мало не покажется. На юге, говорят, малые народцы почти все истребили, но я там, как уже сказала, не была. Иногда, то тут, то там, встречают гиберлингов, но откуда они берутся и куда потом деваются — никто не знает; они маленькие, их бояться нечего. Так что главная опасность для меня всё-таки люди, и тут уж как повезёт. Всякие встречались. Одни подянки строили, дру-

гие помогали, третьи так и этак, особенно скупщики краденого. Женщины жалеют, которые постарше «дочкой» называют, жить к себе зовут. Да, многие тоскуют по прежним временам. Но правду сказать, сентиментальных мало, всё больше те уроды попадают, которым без маленьких девочек и жизнь не в радость, — вот им особенно тяжело. Хотя, если подумать, тем, кто не может без маленьких мальчиков, ещё хуже. Только не думайте, что я их жалею или что — я бы их охотно на тот свет спровадила, когда б могла, но у меня зуб на других, и об этом как-нибудь потом.

Вот и сейчас можно было убежать. Очень даже запросто. Отвлечь этого, который Кривом назвался, — за водой послать или ещё что, а самой ноги в руки и в лес. Но я не захотела. Во-первых, это всё-таки небезопасно (пусть не для меня, но для крысят — точно). Во-вторых, как я уже сказала, завтра мне предстоял трудный день, и я хотела отдохнуть. И в-третьих, если много лет бродить одной, то кто угодно затоскует по компании. А парень оказался вроде ничего, не злой. Сказался знахарем и, видно, не соврал: когда я на живот пожаловалась, он затеплил костерок, поколдовал над котелком, я выпила, и мне помогло. Мы поправили шалаш, даже сделали его побольше, чтобы двое поместились, а то стало холодать. Пока я по кустам шаталась и отвар пила, Крив мне поведал, будто балуется магией, прослышал о старых менгирах в лесу, решил посмотреть, а там заклятье обнаружилось. Он стал распутывать — портал возьми и откройся, а дальше и так понятно. Я ему не поверила, хотя сама такая же, мне только дай залезть куда-нибудь и посмотреть, что внутри, но... «баловаться магией»? Не смешите меня! Я тоже ему рассказала, что у нас и как, он даже понял, только всё дивился, что у нас земля такая маленькая, навроде острова, а не нормальный крупный аллод.

Сказал, у них не так, хотя и про такие вещи он слышал. И ещё я ему никак втемяшить не могла, чтоб он вот так запросто, как мне, другим не открывался.

— Ты молчи о том, что ты не местный, не говори, откуда пришёл, — посоветовала я. — Имя у тебя по нынешним временам хоть и редкое, но подозрений не вызовет. На севере скажи, что ты с югов, а там — наоборот. Народ у нас оседлый, бродяг не жалуёт, но со скуки гнать не станут. И никому не говори, что ты маг, говори, знахарь, тогда всюду примут. Может, и выживешь. И то если сидеть не будешь на одном месте.

— А что такого? — говорит он, смотрит мне в глаза и усмехается. Тут я даже возмутилась.

— Ты совсем глупый, что ли? — говорю я ему. — Ведь если ты пришлый, тебя запросто можно убить!

— А будто других нельзя! — отвечает Крив и снова усмехается, хотя смотрит уже серьёзно.

Я на всякий случай поразмыслила над этим, а затем сказала правду:

— Нет.

Он даже на лежанке приподнялся.

— Как так? — спрашивает. — Почему? Запрещено?

Я вздохнула. Чужак — что с него возьмёшь!

— Нет, — говорю я, — не запрещено. Но — *невозможно*.

Тут он, пожалуй, впервые посерьёзnel.

— А зачем, — говорит, — кому-то меня убивать?

Я заёрзала. Что тут скажешь? Хорошие вопросы дядька задаёт, умные, правильные. Я бы даже сказала: слишком правильные. Левый человек таких вопросов задавать не будет. Неужто и вправду нюхач? Тогда чего он играет со мной как кошка с мышкой? Или вправду умереть боится? В общем-то, он правильно боится. Ты меня бойся, бритый. Ох, бойся! Потому как если ты из

свиты наместника, то лежать тебе тут на полянке, пока лисы твои кости не растащат.

Только вот не помнила я его при дворе. Не помнила, хоть тресни. При том, что паренёк приметный. Да и крысы мои никому и никогда не доверяли, как ему! Даже сейчас один у него под боком угрелся, я уже не разбираю в темноте, который — Нечет или Чёт. Я заревновала даже.

Костёр погас. Мы забрались в шалаш и там лежали в темноте вдвоём, спина к спине — Крив под плащом, а я под одеялом, засыпали. Кошки-мышки, значит... А я с ним не играю, что ли?

Что ни говори, а у маленькой девочки есть одно преимущество перед взрослыми: её никто не боится и не воспринимает всерьёз. Но это в обычном, нормальном мире, не в нашем. Тут ещё неизвестно, кто из нас кошка.

Короче, я решила парня этого не трогать, а просто уйти под утро, когда он крепче заснёт. Я шикнула на крыс, чтоб они поменьше возились и ёрзали (хотя они всё равно через каждые полчаса будут просыпаться), а Криву ответила так:

— Да потому, что уж больно это редкое удовольствие для наших вельмож — убить человека, который может умереть по-настоящему. Понял? А сейчас давай спать.

★ ★ ★

Я давно заметила, что у профессионалов не принято называть вещи своими именами, у них для этого есть свои особые слова. У моряков, у каменщиков, у канальщиков, даже у сапожников есть, а у воров вообще целый язык. Только с ворами я общаться не хочу — когда-то я пыталась к ним прибиться, и меня там даже некоторое время держали за свою, но не сложилось. Ненадёжная братия. Одни из кожи вон лезли, чтоб со

мной закорешиться и потом других давить. Другие мне под юбку лапы норовили запустить. В довершение всегда найдётся жадный тип, который поведётся на награду и захочет сдать меня властям.

Так вот, словечки. У меня то же самое. Скажем так, я избегаю называть гробницы, склепы, усыпальницы и всё такое прочее *могилами*. Для себя я зову их «камнями». А чего — и вправду ведь камни. Сама не знаю, почему так. Сначала думала, что это я для посторонних, чтоб не догадались, потом поняла, что на самом деле больше для себя. Слова — забавная штука. Назовёшь предмет другим именем, и он вроде как и вправду становится чем-то иным, не таким, к примеру, страшным и загадочным, как раньше. О нём тогда и думать не в пример спокойнее, и подступить легче. Скажи «могила» — сразу холодком повеет. А скажешь «камни» — вроде ничего особенного не сказала.

От Крива я ушла перед рассветом, как задумывала, в тот промозглый час, когда просыпаться не хочется. Он и не проснулся (или сделал вид, что не проснулся, — мало ли, зачем девчонка встала поутру). А я что? Мне собраться — только подпоясаться. Котелок в мешок, мешок на плечо, крыс тоже на плечо, и была такова. Даже одеяло брать не стала — прах с ним, с одеялом, другое сопру. Всё, что надо, я потом в дальних кустиках сделала и шла без остановки до полудня. Закусила сыром с хлебом на ходу, Чёту с Нечетом тоже дала по кусочку и только ближе к середине дня устроила привал. Лес кончился, вдалеке на западе уже виднелись старые курганы. Ножки мои устали. Надо было сесть и отдохнуть хотя бы полчаса.

Детское тело имеет свои преимущества, но есть и недостатки. Груз, например, большой мне не унести. И далеко не уйду без привычки. Я быстро устаю, но так же быстро набираю силы. Съесть много не могу, потому че-

рез пару часов после еды опять голодная. Впрочем, это я в лесу похудела, а сестра меня недаром Пучкой дразнила — я и вправду полноватая была. Ещё мне трудно сосредоточиться на чём-то одном, я всё время отвлекаюсь... А ещё я долгое время не могла приучить себя вставать по ночам по нужде, и это, пожалуй, самое противное.

А ещё я не расту, но это и так понятно.

Костёр я разводить не стала: на открытом пространстве дым слишком заметен. И вот сижу я с ногами в ручье, жую хлеб с мёдом (хлеба поменьше, мёду побольше), нагнулась воды зачерпнуть и на отражение своё уставилась. Хотя чего смотреть, лицо как лицо: губы тонкие, нос никакой, глаза раскосые, зелёные, как у ведьмы, светлые волосы растрёпанные, патлами (а когда причёсываться?), на лбу отметина от орочьей паутины... Уродина. Смотрела я, смотрела на себя, и вдруг такая меня тоска взяла — хоть волчицей вой. Вот она, вся суть моя в этом проклятом отражении — старуха в детском теле, вечная девчонка.

Раньше думала, вот доживу до тридцати, потом умру. Забавно, да? В те времена мне казалось, люди столько не живут. А я сама-то? Живу я или нет? Сразу так и не скажешь. Что не старею — это хорошо. Что не расту... наверное, плохо. Даже отвратительно! Я всегда завидовала старшим, думала, вот вырасту — начнётся настоящая жизнь, без дурацких запретов, советов, упрёков, поучений, наказаний, ругани... И вот — ни запретов, ни поучений, и даже поругаться не с кем, а я так и не выросла.

И даже удавиться не получится.

Иногда мне кажется, что единственная причина, по которой я жива, — это то, что я не могу умереть.

Как там сказал тот паренёк? «Злая волшебница»? Почти угадал бритый. Я хоть и не волшебница, но злая.

Ну, может, не злая... но уж точно не добрая!

В общем, пришлось мне опять умыться. Заодно бутылку наполнила — под землёй пригодится, а вода здесь очень чистая — это я ещё с прошлого раза помню. Я ещё немного посидела, потом встала и дальше двинулась, а к вечеру уже была у самых курганов.

Вот здесь надо быть осторожней, особенно пока солнце не село. Древние почему-то считали, что воры и грабители чаще ходят днём, когда светло, а ночью слухи и дурная слава охраняют лучше любых сторожей. Потому на самом деле камни днём опаснее, а ночью не так чтоб очень, хотя кажется, что должно быть наоборот. Ночных заклятий, чуялок и сторожовок обычно одна-две и обчёлся, а дневных — ого! Мне редко встречалось, чтоб наоборот. И впрямь, зачем? Ночью и так всё кажется страшным.

Первый свой склеп я, можно сказать, разграбила случайно. Это было через месяц или полтора после того, как пало Заклятие и люди скопом стали умирать. Тогда все всех боялись, никто не мог ничего понять, в города и деревни было опасно заходить. В тот вечер был страшный дождь, просто ливень, я промокла как собака, ну и набрела на старую гробницу, думала — часовня (помню, удивилась, отчего там на двери заклатье и печать), взломала дверцы, расплела чары, выжала одежду, переночевала в уголке и только утром поняла, куда попала. Первым порывом было уйти, но любопытство пересилило. Я гробы открыть остереглась, но в ящиках пошарила. На двух заклатьях обожглась, крышкой сундука палец отдала, чуть глаза не лишилась, но остальное разломала. Помню, сколько-то монет нашла серебряных (должно быть, на том свете за вход платить), плащ хороший, крепкий, вряд ли ношенный, гребешки, заколки... Женщина там похоронена была. Я что-то продала, плащом всю зиму укрывалась, а кубок стражник

отобрал. Два или три раза я ещё там ночевала, пока народ неладное не заподозрил. Много тогда хоронили, на кладбище ходили чаще, чем на ярмарку, это после стало некому и некого. И крыша там хорошая была, не протекала. Умели раньше строить для мёртвых, сейчас для живых так не строят.

Вот так всё и началось.

Этот курган я давно заприметила, ещё в прошлый раз, где-то с полгода назад. Под двумя окрестными камнями я порылась, ой, хорошо порылась, а на этом зубы обломала: таких заклятий мне с наскака было не взять, тут даже Нечет полхвоста оставил. Но скоро в этих местах егеря наместника затеяли подготовку к охоте, и мне пришлось так спешно драпать, что я половину добычи бросила, закопала под дубом. Потом вернулась, да куда там... Может, нюхачи отыскиали, а может, дикие свиньи отрыли случайно. Камешки и золото я сбавила Малахии Ершу, который с Малой Сарнаутской, а лампы, что не гаснет, месяц или два с собой таскала, пока не поняла, что это я от неё кашляю, даже кровью харкать начала. Заклятие сдвоенное оказалось! Я попробовала его расплести, но не смогла и утопила эту штуку в озере. Наверное, она там до сих пор горит и светится, а рыбы плавают вокруг и кашляют. Пусть выгорит, мне спешить некуда, у меня вся вечность впереди. А вот нефритовую статуэтку жабы, отгоняющую комаров, я оставила себе: полезнейшая вещь, особенно в лесу. Нефрит, он хорошо заклятья держит, несколько веков. Уж и не знаю, для чего она была в камнях. Может, жуков отгонять?

Курган был крут, вдвое выше любого другого окрест. Входная плита нечеловечески огромна — в три моих роста, словно здесь похоронили великана, и вся в рунах и узорных завитках. Звериный стиль, какие-то змеюки в перьях, головы квадратные, носы горбатые... Джунская

работа, у меня на это дело глаз намётанный. Я и в первый раз заподозрила, что здесь ужасно древнее захоронение, а теперь совсем уверилась. И в общем, не удивительно, что я к нему боялась подступиться: когда я год назад сдуру сунулась под эту плиту, еле ноги унесла. Но пока я бродила, за год поняла, что и как надо делать.

С тем и начала.

Я убрала с дороги камешки и кости, выломала корень, который за два года выпер из земли, опустила Чёта с Нечетом в траву (они сразу зашуршали вперёд и исчезли под плитой) и стала ждать, когда они нащупают *сосредоточие*. О двух ловушках на пути они уже знали, третьей, как я надеялась, там не было.

Я не волшебница. И даже не учусь. Распутывать заклятия — вот всё, что я умею, зато умею хорошо. Лучше всех! Если подумать, ничего особо сложного тут нет, главное знать, с чего начать, а начинаю не я.

Начинают Чёт и Нечет.

Сторожевые заклятия голыми руками не возьмёшь. Они как ёжики — со всех сторон в иголках — и как стражники, которые не спят. Они даже не спрашивают: «Кто идёт?», а сразу алебардой трах из-за угла! — и конец. Те волшебники, которые их ставили, не собирались возвращаться, потому заклятия на любую попытку их распутать отвечают ударом. И всё на первый взгляд как будто безнадежно.

Но есть одно «но».

Каждое заклятие должно откуда-то подпитываться, иначе ослабеет. Сил мага надолго не хватит: век, другой — и ловушка выдыхается. Потому для погребений спецом ищут такие места выхода силы — подземные токи, роднички ихора, гнездовья элементарей, месторождения адамантина или ещё какую-нибудь хрень. В общем, заклинание должно питаться, и пожрать оно всегда готово. Замечали, как возле дольменов и курга-

нов становится грустно и тревожно, как быстро там устаёшь? Так вот, это они, сторожовки. В идеале всё просто. Я натаскала своих крыс искать такую точку подпитки (у них на это особое чутьё), и там они плетут силовой кокон для затравки. Заклятие и радо присосаться. И тут главное — вовремя посадить на этот кокон два-три своих заклинания, как я их называю, «изучалку», «разломалку» и напоследок «обманку» — что-нибудь дурацкое, отвлекающее. Изучалку ловушка всасывает не глядя, вместе с потоком силы, на разломалке может сделать стойку, но обычно уже бывает поздно — узор начинает расплетаться, и этот процесс не остановить. Ловушка запоздало начинает шарить по задворкам: «Где вторжение? Где? Где?!» Для этого и нужен последний, отвлекающий наговор — и заклятье наносит удар в пустоту.

Но у Джунов всё не так. Их ловушки — подозрительные старые карги, которые всё время сидят на завалинке и лузгают семечки; ты только мимо проходишь, а они уже настороже. Дескать, откуда дровишки? Я едва не погорела в прошлый раз. Меня спас Нечет, когда принял удар на себя (и ещё легко отделался). На этот раз я клятвенно пообещала ему, что справлюсь сама.

Пришлось справляться.

Первые два шага прошли без сучка без задоринки: я очень быстро почувствовала, как крысята заплели силовую косичку, как у заклятия от радости сорвало крышку и как его понесло. Но какая-то часть ловушки (это я тоже чувствовала) продолжала делать своё дело и прощупывать окрестности. Поток был неустойчивым, я всё время теряла нити, путалась, приходилось стоять почти у самой плиты. Чёт с Нечетом уже ушли в сторонку и затихарились, я трудилась в одиночку, когда ловушка ощутила неладное и нанесла удар.

Естественно, по мне.

Обманка помогла, но не слишком — эта проклятая джунская сторожовка даже не стала выбирать между отвлекающей целью и истинной, сразу обрушила плиту. Убегать тут бесполезно: пока поворотишься и разгонишься — прихлопнет. Но я подобного и ожидала (раз плита стоит, должна упасть!), потому и отработывала этот номер — тройной флик-фляк назад, прогнувшись. Я таки перекрутила сальто и позорно шлёпнулась, но это меня уже не волновало. Помню, мой учитель, акробат Сепалий из Масары, известный виртуозными прыжками в воду, не мог взять в толк, почему я приземление не отработываю. А мне не приземлиться главное, а увернуться. Я готовилась, сто раз проделывала этот фокус, рассчитала от и до, и всё равно у меня сердце ёкнуло, когда край плиты с грохотом ударил аккуратно у моих босых ног. Убить меня, конечно, это не убило бы (какая в нашем мире смерть, если она *изгнана?*), но пролежать лет десять под плитой, согласитесь, тоже мало удовольствия. Впрочем, возможно, я бы и выкопалась, когда кости срослись.

Я подумала об этом и содрогнулась. Ну нет, лучше уж руки на себя наложить.

Тем более что теперь я это могу.

Из-под камней тянуло холодом и сыростью. Я ещё чуток выждала, не появится ли что подозрительное, но из провала показались только Чёт и Нечет и радостно запрыгали мне навстречу. Я с облегчением вздохнула, встала, отряхнулась и двинулась вперёд.

На входе было тихо. Заклятье расплелось, распалось на слоги и строфы, как слово распадается на бессмысленные звуки: «а», «у», «ы» и тому подобное. Можно было идти без опаски. Я приободрилась, даже начала тихонько напевать «Вот это да, какой сюрприз: поймать двух крысоморов сразу...», но быстро одёрнула себя — нельзя отвлекаться!

У меня всякий раз дух захватывает от опасности, я люблю это волнение до дрожи, до головокружения, сама не знаю, почему. Ни вино, ни лакомства, ни даже г'хаш не дают такого эффекта. Может, я из-за того и стала шарить под камнями, что иначе меня ждёт одна только скука. У аристократов и простолюдинов свои, другие радости, а мне как быть? С людьми я не общаюсь, и играть мне не с кем, разве что с крысятами. А как мне зарабатывать на жизнь? Конечно, можно пойти торговать собой, как известные тётки, тут у меня конкуренток не будет (ещё бы! — единственный ребёнок на весь аллод), но сама эта мысль вызывала у меня омерзение. Ну уж нет! Могилы грабить — тоже дело преступное и опасное.

Моё существование — само по себе дело преступное и опасное. Наш аллод, как я уже упоминала, невелик, не так-то много здесь найдётся кладов и захоронений, поэтому неудивительно, что этим делом занимаюсь я одна (я, правда, слышала про каких-то чокнутых учёных из Аэсинбара, которые пытались добиться разрешения раскапывать могилы и курганы на официальном уровне, но им, похоже, отказали, или их прихлопнуло там, под камнями). Я грабила ухоженные склепы куртуазных рыцарей в Иалтаре и заброшенные горские дольмены на Перевале Мёртвых Голосов, пирамиды в пустыне Долины Царей и курганы древних ярлов на севере. Я отыскивала друидские погребальные кострища, гоблинские катакомбы, ныряла на дно Тиндербетского залива, где лежат старые Ирнакские галеры, гружённые адамантином, нефритом и амфорами с чёрным мёдом и жидким ихором. Нырять туда даже водяные не отваживаются. И то сказать, жуткое дело, особенно когда в лёгких кончается воздух, а глаза, кажется, вот-вот лопнут, и тело в панике рвётся наверх. А уж всплывать с добычей — вовсе лютый беспредел. Я даже пыталась подо-

браться к драконам и их сокровищам в Серых Горах, но оказалось, что там золота нет, а выяснить, что они охраняют — вообще безнадёга. Да, вот такая я дрянь, вору у мёртвых. Но, наверное, это лучше, чем грабить живых? К тому же, как я уже сказала, меня это жутко будоражит.

Подземелья непредсказуемы, никогда не знаешь, чего от них ждать. Неугасимую лампаду, как уже сказала, я выбросила, посему пришлось запастись факелами, благо сосен рядом пруд пруди. Пламя чадило и трепетало, но в его свете вполне ясно различался земляной пол и плиты перекрытия с торчащими тут и там из многочисленных щелей белёсыми корешками. Вот ведь, подумала я, жизнь всюду пробьёт себе дорогу...

...Земля впереди слегка просела от времени, только поэтому я заметила вторую ловушку — совсем пустячную ловчую яму. Тут мне даже крысы не понадобились, я почти не глядя расплела печать и уже собиралась идти дальше, когда меня остановила одна мысль: слишком уж просто обнаружилась ловушка. И это после такого кошмара на входе! Что-то тут не так... Я достала рамочку, посмотрела сквозь неё и сразу обнаружила поблизости две «челюсти» и огнеплую. Неплохо придумано: сразу и раздавит, и зажарит. Чем я не цыплёнок табака?

Пришлось напрячься.

Таких ям оказалось четыре: друг от дружки через два шага, через шесть и, почему-то, через семнадцать. Странно рассуждали древние. А рамочку мне продал года три назад всё тот же Ёрш Малахия, втридорога, но я купила и не пожалела. Думаю, что сделали её для зеркальца — какой смысл налагать заклятие на вышивку или миниатюру? А так заказала себе зеркальце стареющая щеголиха, чтобы забыть о годах и хоть там видеть себя молодой, потом стекло разбилось, а наследники не стали новое вставлять и рамку выбросили, не посмо-

трели, что на ней осталось наведённое заклятие. Ага. От зеркала. Маги называют это «индукцией». (Индукция — нравится мне это слово. Индукция! Может, я бы даже и сама так назвалась, да только «Крысинда» звучит веселее.) А рамка зашибись: посмотришь сквозь — и сразу видно, где есть магия, а где нет. Полезнейшая вещь (для того, кто понимает, конечно). Малахия, шельмец, сразу смекнул, кому она нужней всего, и придержал товар, так что я на него не в претензии: мог ведь и нюхачам загнать.

К полудню я продвинулась вперёд и вглубь шагов примерно на сто, нашла несколько занятных вещичек, разрядила пять ловушек, три не стала трогать, лишь пометила песком, трижды возвращалась пополнить запас факелов, спустилась на две лестницы и совершенно выдохлась, поэтому решила устроить привал в каком-то зале с колоннами. На этот случай у меня был припасён шахтёрский каганец, простецкий, безо всякой магии. Свету он давал чуть-чуть, да и ворвани кот наплакал, но мне должно было хватить. Гробница между тем поражала размерами. Кого же здесь похоронили? Жаль, я не знаю джунских иероглифов (а кто их знает?), а то бы выяснила. Впрочем, и без того было ясно, что строили её не для одного человека.

Я сидела, грызла сыр и финики и размышляла.

Какая всё-таки странная штука смерть! Торжественная, мрачная, величественная, пугающая и в то же время — тихая, скорбящая, невыносимо притягательная. Чёрный цвет и холод камня, тлен и разложение, самоцветы, кости, золото на полусгнивших тряпках... Пока она была итогом жизни, разделяющей чертой, её боялись. Не скажу, что после её исчезновения отношение к ней сильно изменилось, но... уважения определённо поубавилось. В то же время всем ещё памятен день, когда все мы (или почти все) лишились отцов, матерей и

детей. Помимо прочего, смерть была единым и неумолимым палачом, всеобщим уравниателем, надеждой на покой и воздаяние для всех. Пред нею были все равны — богач, бедняк, наместник, хлебопашец, лавочник и жрец. В этом была некая неправильная, злая, но всё-таки справедливость, хоть какое-то утешение для страждущих. А что теперь? Боль от потери близких никогда не притупляется. Мучения болящих сделались бесконечны. А ведь даже эльфы рано или поздно уходят. Будь бессмертие уделом избранных, в этом был бы смысл, а так...

Казалось бы, теперь народ не запугаешь. Грабь, воруй, насилуй, поднимай восстания, бунтуй, режь на улице прохожих — нечего бояться, раз тебя за это жизни не лишат. Однако не всё так просто. Есть ведь и другие наказания. Могут приговорить к расчленению, а могут — к бесконечной пытке. Обольют кипящим маслом или поджарят на огне, потом дадут обратно мясу нарасти — и снова обольют, и так до бесконечности, а боль никто не отменял. Вечность в одиночной камере тоже не сахар, да и в каменоломнях постоянная нехватка каторжных рабов. Потому обычный жизненный уклад не особенно пострадал, да и законы мало изменились.

Но больше всего людей удручает невозможность иметь детей. Я говорила с многими и убедилась, что это так. Недаром молодые женщины ко мне так липнут: «Ах, какой ребёнок! Ах, какая девочка! У-тю-тю...», а взрослые тётки так и вовсе плачут. Да, наверное, в человеке от природы заложено больше, чем в эльфах или гномах. Людская жизнь теряет смысл, если кому-то оставить своё дело, ибо даже самое любимое дело когда-то может надоесть. А тоска приходит к людям ещё раньше, чем к Высокому народу.

Так я сидела, думала и почти схоямчила лепёшку, когда на меня напал голем.

То есть это я потом поняла, что это голем, а тогда мне показалось, будто часть стены отделилась и рухнула на меня. И как я проворонила? Ума не приложу. Впрочем, сторожевой голем представляет собой именно что часть стены, которая оживлена закланием. Наверное, так и было рассчитано, чтобы грабитель двинулся дальше, вглубь, а голем по прошествии некоторого времени пошёл за ним и перекрыл проход, закупорил его как пробка. Он и двигался сравнительно бесшумно — ни дыхания, ни стонов, только скрежет каменных суставов и тяжёлые шаги: «тум-м», «тум-м», «тум-м»...

Проклятие!

Хорошо, что я облюбовала для пикника этот зал, иначе мне бы точно никогда не выбраться, а так я начала кружить. Заклинатель, что писал для голема команды, был очень даже не дурак: каменная махина двигалась за мной, меняла направление, но так, чтобы всегда перекрывать дорогу к выходу. Чёт и Нечет бросили еду и с писком вертели под ногами, пока я на них не прикрикнула.

Фонарь вот-вот грозил погаснуть. Пользуясь факелом как палкой, я более-менее отбивалась от тупых каменных культий. В принципе верно — пальцы этим тварям ни к чему: ударит таким молотом — мало не покажется... Я видела, как их творят. Наверяд ли это глина, он, скорей всего, цельнолитой. Заклание у этой твари глубоко внутри, его не расплетёшь на бегу, да ещё в темноте. Тут всё дело в Карте или же Ключе — клочке бумаги или глиняной табличке, вложенной голему в рот (или, как в данном случае — в щель на затылке). Я не видела его дурацкого затылка, но надеялась, что щель для Карты там, и Карта тоже там. В про-

★ тивном случае мои надежды на спасение рассыпались в могильную пыль.

Мне нужна была эта Карта! Четыре угла и шесть колонн — это всё-таки слишком мало, чтобы убежать бесконечно. Я ругалась, уворачивалась, набивая синяки и шишки, а сама раз за разом посылала крысятам команду. Этот образ чуть ли не светился у меня во лбу: «Карта, дураки хвостатые, ну Карта же!!!»

Нет, всё-таки нельзя лазить под камни в одиночку, никак нельзя...

Чёт с Нечетом метались, прыгали, пищали и пытались заплести заклятие, пока наконец не сообразили, что от них требуется. Кто-то из них изловчился и запрыгнул в нишу, где стояла урна то ли с прахом, то ль с припасами, а уже оттуда — голему на плечи. Голем, может, и почувствовал неладное, но не придавал этому значения. У него была одна команда: ждать, не дать врагу уйти, убить, потом опять влезть в нишу и снова ждать. Короче, сторожить. Ага. Наверняка его создатель позаботился об этом, и щель была слишком узкой для человеческих пальцев.

Но не для крысиных зубов.

Я где-то слышала или читала, будто крыса сдавливает зубы посильнее, чем акула, и я в это верю: а ну попробуй погрызи всю жизнь дерево, цемент, кирпич и всё такое прочее! Я сама видела, как два моих крысёнка за полчаса насквозь прогрызают свинцовую трубу. В общем, крыс нащупал щель и стал тянуть оттуда Карту. Голем несколько замедлил шаг, забеспокоился, зашарил лапами, забил себя по голове, но было поздно: маленькое тельце мелькнуло в воздухе, что-то звякнуло об пол, и голем навис надо мной каменной громадой, не закончив движения. Я едва успела отскочить, прежде чем он всей тяжестью грохнулся на пол и раскололся.

Да что ж это такое — второй раз меня сегодня пытаются раздавить!

«Чёт! Нечет!» — позвала я, убедилась, что оба целы и второго голема поблизости не наблюдается, и зашарила по полу в поисках таблички. Как я и предполагала, та оказалась глиняной. Мне повезло: будь она из железа или бронзы, никому не удалось бы сдвинуть её с места, но создатель голема рассчитывал на вечность, а глина в принципе не разрушается, если её не трогать. Каганец погас, я кое-как затеплила факел и уже в его свете рассмотрела Карту поподробнее. Там было четыре руны — все четыре совершенно незнакомые. Как интересно, подумала я: за столько веков ничего не изменилось — даже джуны использовали только четыре знака и (возможно) отпечаток пальца. Любопытное заклятие. Однако почему оно сработало с таким опозданием? Хотя в самом деле, должен же голем сколько-то выждать, прежде чем начать атаку, иначе даже мастер не успеет отойти. В падении табличка раскололась, но я на всякий случай и её положила в мешок — вдруг удастся загнать какому-нибудь практикующему заклинателю, всё хлеб.

Было холодно, у меня зуб на зуб не попадал. Так или иначе, близился рассвет, заклятия, которые остались, скоро встанут на взвод, а я здорово устала и потому решила, что на сегодня хватит и пошла к выходу. Крысята умчались вперёд, я шла, ещё вздрагивая после драки и не очень глядела под ноги. Это меня и подвело. В какой-то миг земля ушла у меня из-под ног, и я крикнуть не успела, как полетела вниз. Я только потом поняла, что ловушка самая простая, не магическая, и не будь я так взвинчена, среагировала бы как надо, а так... Раздался хруст, левую ногу пронзила боль, я вскрикнула: «У!» — и осталась в полной темноте, одна, подвывая, на дне

глубокого колодца с каменными стенами, наверняка сужавшимися кверху.

Факел погас.

Это был конец.

Нет, ну скажите, а?.. Ведь я же помнила, что эти ямы там через какое-то дурацкое количество шагов, но от волнения забыла: я ж назад иду! Проклятый голем, проклятая яма!..

Я сразу поняла, что шансов у меня — один из тысячи. Перелом — это полбеды (хотя и больно), нога срастётся, важно только правильно сложить и зафиксировать кости. Но даже со здоровой ногой мне не справиться, хоть тресни. Каменную кладку не пробить, пол тоже выложен на совесть: вон, за столько веков ни капельки воды не просочилось... Остаётся ждать. Но кто сюда придёт? Даже если кто решится забрести в курганы и увидит распечатанную гробницу, вряд ли наберётся смелости зайти и посмотреть, как поживают мёртвые (хи-хи, смешно, я знаю, а теперь заткнитесь). Через пару-тройку дней у меня кончится еда, а вода... Я торопливо ощупала сумку и обнаружила, что из неё течёт. Так и есть: бутыль разбилась! Шипя от боли, всячески оберегая ногу, я согнулась и слизала с пола всё, что успело пролиться, потом выцедила из сумки в рот остатки и только после этого принялась думать дальше. Голод и жажда меня не убьют, факт. Но помучиться придётся. Я с содроганием вспомнила, как однажды мне пришлось голодать две недели в горах, когда я утащила из гнезда дракона свежий выползок, а дракониха-мама вернулась раньше времени и погналась за мной — изжарить. Вот был кошмар! Я такого страху натерпелась, всю поклажу бросила (кроме шкуры, конечно), а потом траву выкапывала из-под снега и жевала, лишь бы чем-то рот занять. Когда всё кончилось, я дня три не могла нор-

мально есть: всё шло обратно, а после долго животом мучилась. Что же со мной будет, если я просижу здесь месяц или два? Нет, об этом лучше не думать. Если я поднапрягусь и дам команду, Чёт и Нечет раздобудут мне еды. Не ахти какой, конечно, на хлеб и окорок рассчитывать не приходится, но грибов, орехов или яблок они могут натаскать хоть полную яму, жалко, для этого придётся ждать лет пятьдесят, а крысиный век недолог...

Кстати, как там они? Не наравались бы на сову.

Я позвала своих крысят, и некоторое время только эхо вторило моим крикам, потом наверху послышалась возня, у края колодца зашуршали когтистые лапки, и на сердце у меня потеплело. Хорошо, дурачкам хватило ума не прыгнуть за мной. Я как могла успокоила обоих, дала задание искать провизию («Ташите всё, но съедобное!»), после чего занялась ногой. Лодыжка у меня распухла и адски болела, когда я её трогала. Я на ощупь оторвала две полоски от рубахи и соорудила лубок из факельного древка. Боль немного утихла. Вообще, все мои чувства как-то притупились. Сколько я уже находилась под землёй? Четыре часа? Пять? Десять? И если проблему с едой я частично решила, то с водой... С водой было сложнее.

В общем-то, с водой было совсем никак.

Я затеплила последний факел и ещё раз осмотрелась. Все мои опасения подтвердились: четыре стены и слишком широко, чтоб упереться, как в дымоходе. Три роста взрослого. Идеальная ловушка. И ведь что самое глупое — прекрасно помню, как нашла её на входе, и не сообразила, что считать шаги надо в обратном порядке — семнадцать, шесть, два — и так далее... Мне никак не улыбалось провести пару жизней в каменном мешке, но другого выхода у меня, похоже, не было. Я никого не извещала о своём желании наве-

даться под камни, но даже если я не появлюсь у скупщиков, меня никто не хватится. Хоть год, хоть два, хоть десять. Эх, Крысинда, Крысинда... Довело тебя твоё шило! Впрочем, нечего себя жалеть: сама сюда залезла, никто не звал.

Мёртвым Смерть ни к чему.

Я не стала думать, что сейчас сказал бы мой отец или, допустим, мать, не стала думать, что со мною станет через месяц или два, а просто скорчилась у стены, подложила сумку под себя и попыталась отдохнуть.

Заснуть мне, естественно, не удалось: как ни сильна была усталость, боль оказалась сильнее. Я укладывала ногу так и этак, но всё без толку. Где-то через час явились Чёт и Нечет: они разорили чьё-то гнездо и сбросили мне пяток яиц, которые, не знаю как, сумели дотащить до ямы целыми. Яйца, конечно, разбились при падении, но меня это мало взволновало. Ещё часов через пять или шесть крысята приволокли загрызенную и ещё тёплую коноплянку. Всё это я съела сразу (так как сухари и мёд решила экономить), яйца — со скорлупой, а птицу — прямо с потрохами, и долго потом отплёвывалась от перьев. После этого мои хвостатые помощники исчезли — должно быть, тоже решили поспать. Ночь я провела в каком-то полузабытьи.

А часа через четыре после пробуждения возле колодца неожиданно послышались шаги, на стенках заплясал свет факела и чей-то смутно знакомый голос произнёс:

— Эй! Ты там?

Я даже не сразу сообразила, что на это ответить.

— Ну что, так и будешь сидеть? Или тебе там понравилось?

Я открыла рот, но не смогла произнести ни слова — так пересохло в горле, но Крив, похоже, и так всё понял.

— Сиди спокойно, — сказал он, — сейчас я тебя вытащу.

— Так, значит, ты ломаешь заклинания.

«Расплетаю», — хотела я ответить, но поскольку в этот момент как раз собиралась глотнуть отвара из кружки, у меня получилось какое-то бульканье.

— Что-что?

— Расплетаю, — прохрипела я.

В горле у меня была пустыня, да не одна, а целых три: соляная, песчаная и каменистая.

С кактусами.

— А какая разница?

— Понятия не имею. — Я пожала плечами и предположила: — Может, потому, что их потом можно *заплести обратно*?

— Вот как? — Крив поднял бровь (вернее, то место, где у него когда-то была бровь). — А ты умеешь?

— Нет, — сказала я.

— Но ты хотя бы пробовала?

— Нет, — опять сказала я и уткнулась в кружку.

Крив покачал головой.

— Для такого маленького человечка ты пьёшь удивительно много...

— А ты полазай с моё по подземельям — у тебя ещё не так в глотке пересохнет!

— ...и дерзишь не по годам.

— Откуда тебе знать, сколько мне лет? — огрызнулась я.

— А сколько тебе лет?

Я сделала вид, что не расслышала.

Горел костёр. Отвар я выпила, теперь в котелке кипел суп с корешками. Есть хотелось неимоверно — оказывается, я просидела под землёй без малого двое суток. Мне явно повезло. Ещё день-два — и стало бы совсем невмоготу. Каково стать мумией и медленно ссыхаться, оставаясь в здравом уме и твёрдой памя-

ти? Я подумала об этом и содрогнулась. Нет, в следующий раз надо взять с собой г'хашика добрый кусок, чтоб на крайняк забыться и хоть боли не чувствовать. Кстати, Крив осмотрел мою ногу и сказал, что перелома нет, но связки я потянула, соорудил мне новый лубок из коры и поменял повязку. Опять меня спасло то, что я маленькая: тяжёлая взрослая тётка так легко бы не отделалась.

Я украдкой глянула на Крива — тот цедил из кружки и на меня не смотрел. И как это он не побоялся полезть за мной под камни? Ума не приложу. Чего он вообще туда за мной полез? Что ему какая-то девчонка? Да ещё такая малолетка...

Да ещё грабительница могил.

— Почему ты пошёл за мной? — не выдержав, спросила я. — Ты знал, что я в ловушке?

Крив покачал головой.

— Нет. Но я... догадывался.

— Чёт и Нечет рассказали?

— Ну... — он помедлил, — если вкратце, то да.

— А не испугался?

— Чего мне бояться?

Я пожала плечами.

— Мало ли. С курганами шутки плохи. Тем более, это джуны. Ты давно грабишь могилы?

— Я? — Крив улыбнулся. — Нет. Я вообще никого и ничего не граблю.

— Тогда почему?

— У меня со смертью... ну, скажем так, свои счёты.

Я помолчала. Кружка уже остыла, можно было держать её не обжигаясь. Оловянные стенки приятно согревали ладони. Я отхлебнула ещё и осторожно спросила:

— У тебя кто-то умер?

— У меня все умерли, — равнодушно ответил Крив.

— О... — Я осеклась и очень убедительно притворилась, что закашлялась. — Прости. Я не знала.

— Не извиняйся. У тебя ведь тоже умерли родители.

— А чего сразу у меня-то? Я — это другое дело! Здесь у всех так, я не исключение. А у вас, наверное, всё по-другому?

— По-другому.

— Вот видишь! Кстати, как называется твой аллод?

— Кадаган, — сказал Крив. — Но он не мой. Я там живу, а родом я с Игша.

Кадаган, повторила я про себя, Кадаган, Кадаган... Что-то знакомое. Я слыхала о нём, несомненно, слыхала, когда была совсем девчонкой, но что — не помнила, хоть тресни. И даже не знала, приходил оттуда кто-нибудь к нам на Оскол или нет. Впрочем, если этот Крив сказал, будто портал старый, джунский, значит, никто не приходил. Ничего не поделаешь. Стало быть, путь к нам оттуда и вправду забыт.

С другой стороны, когда он был известен?

И кому?

— У вас никто не умирает, — вдруг сказал Крив. — Никого нельзя убить. Почему так? Расскажи.

— Зачем тебе?

— Ну, просто надо.

— «Просто надо», — передразнила я. — Если хочется болтать, походи в город и расспроси. А если хочешь повзрослому, сперва скажи, что тебе на самом деле нужно и кто ты такой.

Крив мягко положил руку мне на плечо. Я вздрогнула, но отодвигаться не стала.

— Брось огрызаться, — посоветовал он. — В конце концов, если судьба свела нас вместе, в этом должен быть какой-то смысл. Вы живёте в странном мире. Ты сказала, что у вас нет Великого мага?

— Нет, — подтвердила я. — А это важно?

— Важнее некуда! Конклав заботится, чтобы один Великий маг был на каждом аллоде. Он сдерживает землю, мир от поглощения астралом. Как случилось, что у вас нет мага, а аллод стабилен?

— Стаби... что? — спросила я.

— Ста-би-лен, — терпеливо повторил Крив. — Это значит, что море астрала не может поглотить ваш островок. Не может растворить его, размыть, превратить в ничто. Мне бы очень хотелось выяснить, как такое возможно.

— А я знаю? А он должен поглотить?

— По сути, уже сто раз должен. Но видишь ли... — Он откинулся на спину, на заплечный мешок и зачем-то посмотрел наверх, в звёздное небо. — Странная картина! Если посмотреть снаружи, ваш аллод будто покрыт оболочкой. Как яйцо скорлупой. Я попал сюда, но я попал случайно и не уверен, что найду дорогу обратно. Мне сейчас очень нужен друг. Помоги мне разобраться, Крысинда. Помоги — и может быть, я что-нибудь пойму. А там посмотрим.

Мне как-то сразу стало холодно. Я поёжилась.

— Оскол — маленький островок, — возразила я. — От края до края две недели по хорошей дороге. Может, у астрала просто нету времени на нас, когда вокруг полно нормальных, больших аллодов.

— Не говори чепухи, — поморщился Крив, — у астрала нет мозгов. И мыслей нет. Это просто разрушительная магическая субстанция, которая однажды вырвалась на волю, когда произошёл Великий Катаклизм и старый мир Сарнаута разбился на осколки...

Он говорил и говорил, а я всё больше задумывалась и мрачнела.

Видела я этот ихний астрал. Кто его не видел, когда от столицы до края аллода рукой подать! Достаточно встать на этом краю, чтоб увидеть этот серый

клубящийся туман, в котором то и дело возникают невиданные, диковинные какие-то призраки, неясные путающие тени или очертания далёких островов, или ещё чего-нибудь, совсем уж непонятное. Всё это двигается, как бы приглашая приблизиться, и, кажется, даже насмехается над твоей нерешительностью, а за спиной кто-то приглушённо бормочет, будто подзадоривая. Хотя и считается, что его нельзя пощупать и потрогать, а всё равно на вид это липкая гадость. Я слышала, будто астрал пытались изучать, но даже если и так, это было давно и не у нас. Всё живое в нём теряется и гибнет или пропадает навсегда, а если кто уйдёт туда, потом не возвращается. Там нет ни животных, ни птиц, ни людей. Я надеялась найти там что-то интересное, может, даже ценное, спустилась вниз с верёвкой и едва вернулась. Это было даже хуже, чем нырять в залив. И не то чтобы там нельзя дышать, или, допустим, холодно или жарко (если человек бессмертен по определению, подобные вещи его не волнуют). Астрал высасывает жизненную силу, разрушает личность, гасит волю. Все мысли разбегаются как тараканы. Желания вернуться просто не возникает (я сама не сгинула там только потому, что захотела выяснить, что за дурацкая верёвка путается у меня в ногах). И риск стать полной идиоткой — ещё не самое страшное. Я так поняла, что астрал просто делает человека *частью себя*, а каково это — быть частью Вселенского *Ничто*? Может, кому-то это и понравится, но уж точно не мне! Недаром есть обитатели, построенные на краю аллодов (или сами там случайно оказавшиеся), где братия практикует погружение в астрал. Но это отшельники, они же чокнутые, у них своя мораль, мол, если кто не вернётся, значит, так тому и быть — сам выбрал. Что касается меня, то я потом три или четыре дня пролежала под деревом в лёжку, пластом, почти не ела, не пила, ходила под себя, как старая корова. Мне вооб-

ще ничего не хотелось, ни до чего не было дела. Солнце светит, дождь идёт — без разницы. Мир будто выцвел и поблёл, даже мыслей не было: я ощущала себя никем — нулём, дырой в пространстве, маленькой ячейкой пустоты.

Бр-р... По мне уж лучше дно залива!

Но даже это не самое страшное. За те часы, что я там провела, что-то случилось с моей памятью. Одни воспоминания исказились, в других образовались дыры, третьи и четвёртые, наверное, поменялись местами. Иногда я вспоминаю вещи, о которых никогда не знала и знать не могла, а ложная виделка преследует меня пять раз на дню. Ну, вот как с тем папоротником... В общем, как ни крути, а погружение в астрал — нереально жуткое чувство. Настолько отвратительное, что даже отчасти... приятное! Примерно сутки я потом решала, что мне делать — броситься в астрал совсем или уйти обратно в обитаемые земли, и решила всё-таки уйти. Наверное, те обитатели-на-краю как раз и практикуют постепенное стирание воспоминаний. А что? При нашем оскольском бессмертии занятие скорее полезное, чем вредное.

Так что я серьёзно сомневаюсь, будто у астрала нет мозгов. Ведь если он высасывает мысли из людей, должны же эти мысли, чувства, ощущения куда-то деваться? Должны! И нечего пенять, что я ребёнок и ничего не понимаю! Если природа астрала непонятна даже Великим магам, я имею такое же право на своё мнение по этому поводу.

Когда астрал возник, откуда, как — не знаю, знаю только, что давно, даже очень. Может, с неба пролился, а может, вытек навроде лавы из земли. Кто-то мне рассказывал, что изначально в этом виноваты маги и волшебники, которые оттуда черпали энергию для заклинаний и однажды доигрались. Это я очень даже понимаю! Бак с водой на кухне — это одно, а рухнувшая

плотина — совсем другое. Круглый мир, квадратный, треугольный, мне до этого нет дела. Хотя в виде звёздочки. Но когда весь мир — сплошные острова, а между ними «кипяток», который эти острова сосёт как леденцы, то даже дурачок поймёт, что дело плохо. Вот на это Крив и намекал.

С другой стороны, возможно, потому наш островок Оскол и стал таким некрупным, что его изрядно обглодало по краям?

Астрал в какой-то мере проходим. С аллода на аллод возможны путешествия, для этого и существуют порталы. Только магии для переброски требуется столько, а перебросить можно так мало, что случается это крайне редко. А уж как дорого, страсть! Иное дело — джунские порталы. Эти — да-а... Эти сами потихонечку сосут энергию из астрала, а как нажрут, долбанут прохожего — и поминай как звали. И куда забросят, тот ещё вопрос. Тут я даже и не знаю, что срабатывает. Можно сказать, что так и этак ловят мышку, только в первом случае этим занимается кошка, а во втором — мышеловка. И если с кошкой я ещё могу договориться, то с мышеловкой вряд ли.

Крив, вон, тоже не смог. Если не врёт, конечно.

— Как, ты сказал, с какого ты аллода? — спросила я.

— С Кадагана, — повторил Крив.

— Он большой? Насколько больше нашего?

— Я думаю, раз в десять, — осторожно ответил тот. — Если не в сто.

Ого, подумала я и в то же время подивилась этойкой неточности: нельзя же в самом деле так разбрасывать — где десять и где сто!

Парень явно темнил.

— Значит, ваша земля тоже цела. Как же вы тогда справляетесь с астралом?

— Маг справляется. На каждом аллоде есть Великий маг. Он и удерживает свой аллод от разрушения.

— У нас нет мага, — возразила я. — Ни великого, ни малого, никакого.

— Может, ты хочешь сказать, что не знаешь, кто у вас Великий Маг?

— Я сказала то, что сказала, — раздражённо ответила я. — Какой тут маг-шмаг! Зачем, ты думаешь, я под камнями шарю? Заколдованные вещи ого-го как ценятся! Таких уже не делают. Это потому, что магия запрещена. Даже старую башню заклинателей наместник велел разобрать, а из камней построить мост в Туар-Гелене. Он так и называется — Заговорённый мост. С него, бывает, рыбачат, а когда вытаскивают рыбу, то она сама...

— погоди, стой. — Крив помахал рукой. — Как ты сказала, какая башня? Значит, маг у вас всё-таки был?

— Да был, был.

— И что с ним... э-э... произошло?

— С ним ничего не произошло. Он погиб. Раз... это самое...

— Развоплотился? — подсказал Крив.

— О! Точно. Расплатился, когда накладывал заклятие.

— И это заклятие...

— То самое заклятие бессмертия, — пояснила я, — которое стало бичом нашего аллода.

— Бичом? — нахмурился Крив. — Не понимаю. Почему?

— Потому, что оно убило всех, кто старше тридцати трёх... — Я помедлила, потом закончила: — И младше двадцати пяти.

Мне показалось, этим я его добила. Крив выглядел по-настоящему ошеломлённым, я даже испытала некое злорадное удовлетворение. Впрочем, он быстро опомнился.

— Но зачем? — воскликнул он. — То есть я хочу сказать, что за нужда? Кому могла понадобиться такая жертва?

Я пожала плечами. В жизни не думала, что придётся кому-то снова всё это объяснять.

— Наместнику. Это он приказал, чтобы оставшиеся могли жить вечно. Сосчитал своих придворных, всяких там любимчиков, любовниц и прочую шушеру и решил, что двадцать пять и тридцать три — хорошие границы. Остальных не надо.

— Но я правильно понимаю, что заклинание убило всех прочих — детей, подростков, стариков?..

— Всех подчистую, без разбора, — мрачно подтвердила я и заглянула в кружку, где уже виднелось дно. — А остальные выжили. И до сих пор живут. Я не хочу об этом говорить. Ты правда хочешь знать?

— Хочу. Только не спрашивай зачем.

Не спрашивай... Легко сказать! А я никак не думала, что мне будет так тяжело рассказывать эту историю, как наш мир сделался таким, а я из обычной девочки стала маленьким чудовищем, Крысиндой, недоучившейся магичкой по прозвищу Смерть. Я подумала-подумала и поняла, что говорить надо. Потому что всё это живёт во мне, стучится, режет душу без малого два десятка лет. И может быть, этот бритоголовый то ли маг, то ли друид с дурацкой кличкой — единственный, кому имеет смысл это рассказывать. Во всяком разе был шанс, что он меня поймёт.

— Ну, — я задумалась, — честно сказать, я плохо помню. Это случилось, гхм... давно. И это было... как болезнь. Что-то страшное, неизлечимое. Три дня — и всё. Как мор. Поветрие. Зараза. Никакой надежды.

— Никакой надежды... А ты как же? Ты ведь уцелела! Ведь тебе... ты... — Тут он смерил меня странным,

каким-то *оценивающим* взглядом и покачал головой. — Вряд ли тебе тогда исполнилось двадцать пять.

— Не исполнилось, ага. — Я кивнула. — Только я не стала ждать, пока загнусь, и расплела заклятие.

— Как расплела?

— Как косу расплетают. Или шарфик вязаный. Взяла и распустила, ниточка за ниточкой. Чего уставился, будто я раньше не рассказывала? Я, может быть, и других успела бы спасти — и маму, и отца, и братьев, и сестру... и может быть, подружек и друзей. Но я такого раньше никогда не делала, а потом стало поздно. Всё было очень быстро, очень страшно: три дня — и они умерли. Все умерли.

Я выдавила это и умолкла. Не стала дальше говорить. У меня и без того глаза были на мокром месте. Я чувствовала: если начну рассказывать, как скиталась и вообще, то точно разревусь, а хвастать, как я грабила то, грабила сё, мне не хотелось.

— Невероятно... — прошептал одними губами Крив и повторил уже громче: — Невероятно! Слушай, как это у тебя получилось? Ты же не волшебница! Ты сама до этого додумалась?

— Нет. Додумаешься тут... Тогда я не умела ничего.

— Значит, тебя кто-то научил?

— Да. Парнишка по имени Ярре.

— Так он и был вашим Великим магом?!

— Нет. Он был его учеником. А мага звали Крессин.

Крив дёрнулся, будто его ударили.

— Как? — спросил он, словно не поверил ушам. — Как ты сказала... Крессин? — Я кивнула. — Это имя я знаю. Ты правду говоришь, не врешь?

— Не вру. С чего мне врать? Эй, какого...

Крив глядел на меня так, что от его взгляда мне опять сделалось не по себе.

— Потерянный аллод, — тихо вымолвил он, как будто это что-то объясняло.

И воцарилась тишина.

Наверное, это нас и спасло.

Я отвлеклась. Заслушалась, заболталась, ушла в дурацкие воспоминания и потому насторожилась слишком поздно. Впрочем, мы с ним оба были хороши — зажгли костёр, орали... Ладно, Крив почуял неладное раньше меня и схватил посох на изготовку, прежде чем со всех сторон слышалось тихое «Гррр...», «Гррр...», и через миг из темноты в круг света выступили маленькие согнутые фигурки.

Святые Камни! Гиберлинги!

Настоящее проклятие Оскола, маленькие дряни, отродье гоблинов! В последнее время их расплодилось не мерено, но обычно мне удавалось их избегать. Старая раса Йула, взрослому они по пояс, мне — по макушку. Счастье, что они ужасные трусы и долго не решаются накинуться — выталкивают вперёд одного, другого и только потом наваливаются скопом. Один гиберлинг всё равно что ничто, два легко прогонят кошку (на которых они, кстати, похожи), три уже опасны для человека. Говорят, они когда-то были шибко умными, и у них есть вожди и шаманы, только верится в это с трудом: где в их головах мозгам-то поместиться? Живут они лет двадцать, память никакая, но даже они усвоили, что нападать на людей бесполезно — смерть есть смерть, а человека на Осколе не убьёшь, разве что потопчешь. Но, видно, малых допекло: позарились на сумки и харчи. Я не ношу меча (его мне даже не поднять, не то что им ударить), предпочитаю убежать или залезть на дерево — гиберлинги плохо бегают и до смерти боятся высоты. С ножом я легко отобьюсь от двух-трёх, но здесь их был десяток или два. Чёт с Нечетом давно почуяли неладное и смылись. Да и я бы смылась, кабы не нога.

Я поняла, что сейчас нас будут рвать, и завизжала.

Что-что, а визжать я умею. Говнюки шарахнулись назад, и я успела встать, но через мгновение они опомнились и накинулись на нас, крича «Гар! Гар!», размахивая кольями и каменными топорами.

И тут Крив явил себя во всей красе! Я аж залюбовалась. Наконечник его посоха затеплился зелёным, из него ударило — раз, два — и в стане нападавших сделались прорехи. Одни упали и задёргались, кто поумней рванули наутёк, остальные замешкались. А маг встал в позу, выкрикнул заклятие, и началось совсем уж несусветное. Я глазам не поверила, когда убитые вдруг стали подниматься и дубасить друганов по кумполу (преимущественно со спины). Да-а... недооценила я этого парня! Сперва я думала, он их заколдовал, но после поняла, что дело серьёзное. Посох исторгал волны белого света, заливавшие лужайку, даже я прищурилась, чего уж говорить о гиберлингах... Атака захлебнулась, все верещали и вслепую лупили друг друга почём зря. Если кто валился с рассечённой черепушкой или с копьём в печёнке, то спустя мгновение вставал и ввязывался в свару, но уже на нашей стороне, а те, кто встать не мог, кусали недругов за пятки.

А Крив стоял и словно дирижировал побоищем, его посох сверкал, а бритая голова блестела, как череп. Я потеряла чувство времени, но, наверное, минут через пять-десять всё было кончено — поломанные, искалеченные, перемазанные кровью гиберлинги выстроились в ряд и убредли обратно в лес — покорно, медленно, безмолвно. Впрочем, «убредли» — это громко сказано, ведь если кто и вправду шёл, то другие ковыляли кое-как на трёх ногах, а некоторые и вовсе ползли. Из ран торчали кости, ветки и обломки копий, а один тащил за волосы собственную оторванную голову.

— Что это было? — потрясённо вымолвила я, когда последний поганец скрылся в темноте. — Что ты... сделал с ними?

Крив показал рукой, чтоб я молчала, долго прислушивался, потом сел у кострища и кивнул мне, чтоб я тоже садилась. Посох давно погас, на поляну вернулась темнота. Огонь пришлось зажигать заново. Котелок опрокинулся, супа уцелело на донышке, но у меня кусок в горло не лез. Меня трясло. Мне было по-настоящему страшно, но не от вида одичавших гиберлингов, а от мысли, что и я могла бы сейчас вот так же идти в лес с копьём, торчащим в животе, и головой под мышкой. Я ничего не поняла, ведь эти твари точно были мёртвые — и в то же время некоторым образом живые. Или небо упало на землю и астрал потёк вспять, а гиберлинги тоже стали бессмертными?!

Волшебник смотрел им вслед как-то странно.

— Крив! — не выдержала я. — Как ты это сделал?

Если б я не видела собственными глазами, никогда бы не подумала, что этот человек только что стравил между собою два десятка озверевших тварей и заставил их забить друг друга до смерти. Взгляд его был полон жалости.

— Это были гиберлинги? — спросил он вместо ответа. Я закивала. — Они здесь все такие?

— Ну... я других не встречала. А какие «такие»? Что в них этакое?

— Давай пока не будем об этом.

— Что значит: «не будем»? — взвилась я. — Ничего себе! Ты заставил их перебить друг дружку, а теперь — «не будем об этом»! Как это называется по-твоему, а?

— Девочка, — тихо сказал Крив, будто хотел меня успокоить, — иногда убить врага — не главное. Сядь, успокойся. А лучше ляг поспи. Нас больше никто не беспокоит.

— Да? Вот как?! А кто нас будет охранять?!

— Они и будут охранять, — был ответ.

Он сказал это, и я осеклась. А что тут скажешь? (Вообще, я много чего хотела ему сказать, мне было над чем подумать.)

— Кто ты, Крив? — холодея сердцем, спросила я. — Зачем ты здесь? Как ты сюда попал? И что значит «Потерянный аллод»?

Крив посмотрел на меня усталым взглядом, потёр переносицу, потом перехватил поудобнее посох и ответил, но как-то странно, невпопад и не на тот вопрос.

— Крессин-бунтарь. Крессин-отступник, — сказал он, будто это что-то объясняло. — Ты знала что-нибудь о нём? Он изучал проблему смерти и всерьёз считал, что может её решить. Когда-то это почти удалось волшебникам народа зэм. Вряд ли он о них знал, но, наверное, нашёл похожий способ.

Он сказал это так, будто эти «зэм» были по меньшей мере джуны. Между тем я никогда о них не слышала и поэтому спросила с самым глупым видом: «И что?» Я имела право на глупый вид. При моём занятии я привыкла к разным гадостям, но на меня в эти дни свалилось столько, что хватило бы на много месяцев — папоротники, заброшенный портал, пришелец ниоткуда, разворованный курган, плита, потом ещё голем этот проклятый, ловушка дурацкая... а теперь ещё и гибберлинги! У меня нога болит, наконец, а этот тип играет в загадки! Впору было по-настоящему разозлиться.

Впрочем, и Крив выглядел слегка растерянным.

— Ну, так и что? — опять спросила я.

— И всё, — ответил Крив.

Сколько-то времени мы молчали. Потом Крив полез себе за спину, порылся в мешке и достал продолговатую синюю бутылку.

— Ты пьёшь? — спросил он меня.

— Вино? — Я поморщилась. — Пробовала раз или два. Мне не понравилось.

— Понятно: печень детская. Не вздумай начинать. Но это не вино. Бальзам. У нас его перегоняют маги в... э-э... ну, в общем, ты не знаешь, но они его перегоняют, а потом настаивают на травках. Выпей, от двух глоточков не умрёшь. Заодно и нога будет меньше болеть.

— А г'хаша у тебя случаем нет?

— Г'хаша? Г'хаша нет.

Я вздохнула.

— Ладно, давай свой бальзам.

Пахучая мятная жидкость обожгла язык и горло и упала в желудок. В носу у меня защипало, я закашлялась, потом почувствовала как по жилам расходится тепло. Настойка была что надо, крепкая, я никогда такой не пробовала. Очень скоро в голове у меня зашумело, стало трудно смотреть перед собой — в общем, начались обычные пьяные штучки, но боль в ноге и верно притупилась. Крив тоже приложился, заткнул горлышко пробкой, помолчал, потом неожиданно начал рассказывать.

И странную же историю он мне поведал.

У нежити есть имя, и это имя — зэм. Давным-давно, когда планета Сарнаут ещё не была расколота на мелкие куски, существовало государство зэм (если верить Криву, находилась оно там, где ныне были три аллода — Игш, Арав и Язес). И если большинство Великих магов старого Сарнаута искали могущества, шлифовали заклинания и открывали источники силы, то целью колдунов народа зэм было как раз таки изучение жизни и смерти. В этом деле им не было равных. Один их маг по имени Тэп пришёл к выводу, что у любого существа есть некая основа жизни, покидающая тело после смер-

ти. Он назвал её «искрой жизни» и после долгих исследований и экспериментов сумел выделить её и заключить в особый сосуд.

Спору нет, это было удивительное открытие, и поделились им Тэп с соплеменниками, история Сарнаута могла повернуться совсем по-другому, но в итоге она пошла так, как пошла. Тэп был уже не молод, жертвоприношения и опыты подточили его силы, и жажда личного бессмертия оказалась сильнее, чем долг учёного и мага. Тэп вознамерился собрать невероятное, дичайшее количество «искр жизни» в одном месте, чтобы с их помощью жить вечно, и для этого построил посреди пустыни громадную пирамиду — Хранилище душ. Она должна была действовать как магнит, притягивая жизненные «искры» после того, как люди умирали. И что самое интересное, она так и действовала.

До этого момента я слушала как-то вполуха. Боль, усталость и настойка на травках подействовали на меня как снотворное. Веки мои слипались, я всё чаще зевала и непременно уснула бы, но далее события в рассказе приняли такой поворот, что сон слетел как снег от ветра, а на душе у меня похолодело, словно от фальшивой виделки.

То, что известно в мире как «естественная смерть» — не более чем догорание «искры», ничего не оставляющее после. В общем, не ахти какой секрет. Мага-отступника не интересовали старики, ему нужны были молодые, сильные «искры». Тэп спешил, потому не стал искать сложных путей, и в государстве разразился мор — ужасная болезнь, которая грозила уничтожить всех. Люди гибли сотнями, а их «искры жизни» устремлялись в Хранилище. Наивно думать, что другие маги были дураками: они быстро смекнули, откуда ноги растут, объединились и атаковали Тэпа прямо в пирамиде. Но поскольку тот уже поднакопил достаточно жир-

ка, чтоб воскресать сколько угодно раз, он победил, но в ходе битвы растерял магическую защиту и в итоге... заразился сам.

Лекарства против мора не существовало. Тэп умирал и воскресал, чтоб снова подхватить заразу и через пару дней умереть — и так без конца. Опустошение империи было стремительным — все, кто не умерли, бежали прочь, подальше от чумных земель, рассеялись по миру, и только руины древних городов напоминали, что тут когда-то жили люди. Полторы тысячи лет никто не рисковал даже близко подходить к пирамиде, где умирал и воскресал (а в промежутках страшно мучился) проклятый волшебник, пока Великий Катаклизм, расколовший мир на аллоды, не прекратил его страдания. Астрал разъял и поглотил Хранилище, и миллионы, биллионы «искр» вырвались на волю и устремились на поиски новых вместилищ. Вот так из-за безумства Тэпа часть народа зэм спустя века вдруг получила шанс воскреснуть в собственных разрушенных телах.

— Так на аллодах появилась нежить, — подытожил Крив. — То, что ты видела, это мелочи. Поймать и удержать «искру», не дать ей уйти, повелевать ею — в этом и состоит искусство некромантии. Я родился на Игше и видел, как появились ожившие мертвецы, которые обладали разумом и свободой воли. Долгое время даже маги этого не понимали, считали их обычными зомби и использовали их труд на рудниках, пока однажды не воскрес маг по имени Нефер-Ур. Этот Нефер-Ур был одним из тех, кто штурмовал Хранилище, он сразу понял, что к чему. Он поднял восстание, и нежить обрела права свободного народа, собственное государство и аллод Кадаган.

— Так ты, выходит, этот самый... некромант, так? — спросила я. Крив кивнул утвердительно, и я задала сле-

★ дующий вопрос, который показался мне вполне логичным: — Ну а что ж ты делаешь здесь, у нас?

— Кто-то же должен исследовать заброшенные порталы! Я не соврал. Была война, потом восстание, карты земель потерялись, сгорели, были съедены мышами... Мы составляем новые. Порталов много, большая часть неизвестно куда ведёт. Всего-то нужно — подпитать, шагнуть, а дальше будь что будет.

— И ты не боялся?

Крив пожал плечами.

— Я разведчик, у меня задание, — просто сказал он. — И потом, чего бояться? Раз портал активен, значит, выход цел. Раньше ими пользовались по всему Сарнауту, чтоб сократить путь, что же удивительного, если некоторые теперь способны перебрасывать с аллода на аллод? Мы уже исследовали семь или восемь, но они ведут из Кадагана в Кадаган и только два — на Игш и на Арав. Я думаю...

— А если бы это был клочок земли в астральном море, на котором портал — и больше ничего, что тогда?

— Это маловероятно, — покачал головой Крив. — Слишком много времени прошло. Маленький аллод давно б уже распался и исчез без присмотра, а на обжитом, крупном есть Великий маг, а значит, население, наместник, порталы. Меня могло, конечно, забросить в дикие места, но... — Он поднял свой посох. — Я могу за себя постоять.

— Нет, ну а если бы? — упорствовала я. — Я б вот ни за что не рискнула! Представляешь: ты выходишь, а вокруг только тишина, пустыня, холод, звёзды, ветер воеет... и астрал со всех сторон! Ни еды, ни воды. Хоть садись и помирай, если сможешь.

Крив развёл руками.

— Значит, мне б тогда не повезло, — сказал он. — Но видишь, обошлось.

Мы помолчали. В котелке над костром закипала вода. Крив приготовил луковицы, сыр, крупу, вяленое мясо и собрался варить новую похлёбку вместо опрокинутой, а мне всё никак не засыпалось.

— Ну а нам-то что до ваших дрызг? — наконец не выдержала я. — Может, мы и нежить, но мы всё-таки не умирали. Мы же не эти, как их... зэм, мы местные, оскольцы.

Крив покачал головой и уставил на меня палец.

— Нет, Крысинда, вы хадаганцы. Я понимаю, когда случился мор, ты была ещё слишком мала и плохо знала историю. Оскол был частью большой империи. Кания оторвала этот кусок, но прожевать не сумела, и наш правитель Незеб начал ответную войну. Хадаган и сам долго воевал, прежде чем добился независимости. А после Великого Катаклизма, когда Сарнаут раскололся и в трещины хлынул астрал, ваш аллод сочли пропавшим. В самом деле, трудно было поверить, что такой клочок уцелеет! Царила паника, можно сказать, мир рушился, всех волновало другое. Море астрала поглощало обитаемые земли, все знания и силы были брошены на поиски путей спасения. Когда Незеб собирал под своей рукой обломки империи, он не захотел сражаться с нежитью, вместо этого вызвал Нефера на переговоры и не прогадал. Нефер-Ур получил во владение собственный аллод, а Незеб — целую армию нежити. Нефер и его соратники принесли с собой знания и магию своего народа, почти такую же древнюю, как эльфийская и джунская. Это помогло остановить астральную эрозию и соединить аллоды в глобальную сеть. А сейчас, когда Кания и Хадаган опять воюют, любая помощь и содействие неоценимы. Так что мы — один народ.

— Мы тоже, — не удержалась и съязвила я.

Он был прав. Но не во всём. Ещё до Катаклизма наш аллод столько раз переходил из руки в руки, что мы

уже не помним, кому принадлежали изначально. Большинство местных жителей — это осевшие после кампаний наёмники и дети наёмников, а также тех, кто шли за ними. Так что имперские ценности для нас ещё не повод драться.

Крив на мгновение замешкался, потом оценил ремарку, усмехнулся и продолжил.

— Тем более. Любая разведка — ерунда по сравнению с тем, что у вас творится. Тут всё так перепуталось, канийца от имперца не отличишь. Но я о другом. Пусть я некромант, но я пока не понял сути здешнего бессмертия, хотя есть у меня кое-какие догадки... Знаешь, я даже начинаю думать, что наша встреча была не случайной. Маг Крессин, которого ты давеча упомянула (если это был, конечно, тот самый Крессин), преподавал когда-то в магическом университете на Яхче. Если память меня не подводит, он возглавлял кафедру Исторических Изысканий и не сошёлся во мнениях с профессурой, чуть ли не с самим Гурлухсором. Они нашли какую-то рукопись в катакомбах на Суслангере...

— Э-э... Суслангер — это тоже аллод? — устало уточнила я.

— Да, и тоже Хадаганский. Но если честно, тёмная была история, о ней не стоит говорить. Лучше расскажи, что ты помнишь и знаешь о вашем мире. Я же вижу, как что-то тебя гнетёт! Расскажи, хуже не будет. Может, мы оба выиграем от этого.

Крив говорил гладко, как по писаному. Не иначе, долго готовился. И всё-таки что-то в этом было страшное, неправильное, но что — я не смогла понять и решила молчать. К тому же, пока Крив излагал свою историю, я слопала полную миску похлёбки, высосала два кумквата и окончательно запуталась во всех этих «зэм», «тэм», «зэп» и «тэп». У этих древних явно были трудности с воображением, если они вместо имён брали себе такие

собачьи клички. И вообще, я слегка осовела от вина, и мне, если честно, было уже не до разговоров.

— Завтра, — пробормотала я. — Я всё расскажу тебе завтра... может быть. А сейчас я устала. Спать хочу.

— Тогда спи, — просто сказал Крив и сам тоже стал готовиться ко сну.

Разрешил, видите ли...

А здорово было бы хапнуть эту пирамиду Тэпа! Уж я бы там пошарилась, пока он подыхает от своей заразы! Меня же она не убила бы? Всяко нет, хотя и подхватить такое мало радости. А небось штуковин у него волшебных было — всех чисел в математике не хватит, чтобы сосчитать, пришлось бы новые придумывать. Да... Жаль, что она сгинула в астрале, а то б я ею непременно занялась.

Постепенно ветер прекратился, стало холодать. Вызвездило. Вскорости вернулись Чёт и Нечет. Уцелели, вредины. Я для приличия выругала обоих за то, что они вовремя не подняли тревогу, но потом простила и пустила спать, одного, как всегда, на шею, второго в рукав. Но сама я до утра вздрагивала и просыпалась, когда убитые гиберлинги копошились и шуршали около кургана в темноте. А когда рассвело, там обнаружился только холм вывороченной земли и больше ничего.

Проклятые твари похоронили друг дружку.

Я долго стояла там, зевая и ёжась от утреннего холода, смотрела на этот холмик и недоумевала, что такого притягательного в этом зрелище, почему я не могу от него оторваться.

Потом внезапно поняла.

Я очень долго не видела свежих могил.

К полудню я более-менее пришла в себя. А Крив ещё утром отправился в ближайшую деревню (это были Малые Пятаки) купить еды. У него были свои деньги, но я предпочла не рисковать и дала ему наших мест-

ных, чтоб не привлекать внимания. Я примерно объяснила дорогу, подсказала, где там лавка Гарика и Ярика и сколько те запросят. Правда, в последнее время они малость забросили торговлю и занялись сочинительством историй на потребу публике. Бывает же... В мире без смерти хотя бы люди не меняются, можно быть уверенной, что сыровар и лавочник даже через сто лет останутся сыроваром и лавочником, и вряд ли оба сменят имена (самое большее спятят). А я никуда не пошла — дорогу я по-любому не осилю. Этот «бальзам на травках» всё-таки зверская штуковина, а печень у меня и правда детская. Меня ещё поташнивало, но уже терпимо. Я выломала костыль и ковыляла по поляне, время от времени отмачивая ногу в ручье, или пыталась что-нибудь состряпать без огня, не привлекая внимания. Если подумать, всё складывалось не так уж плохо. Дня через три опухоль спадёт, а тут всяко безопаснее, чем на дороге. А что курганы близко, это даже хорошо. Я что-то не слыхала, чтоб скелеты вылезали и разгуливали днём, а с заклятиями у меня разговор короткий. К тому же мы ведь не какие-нибудь там зэп-кэп, а нормальные, порядочные оскольцы. Впрочем, после вчерашнего я уже ни в чём не была уверена.

Зато теперь можно было спокойно рассмотреть, что я в этот раз нашла в кургане.

А нашла я ровным счётом пять штук (шесть, если считать табличку). Тут был запечатанный свинцом кувшин неизвестно с чем, весь фигурно выгнутый, украшенный всяко-всяко да ещё как-то и вдобавок тёплый на ощупь. Потом — некая штуковина с блестящими висюльками; если её покачать, они как будто пели, и всякий раз получалась новая мелодия. Я немного с нею позабавилась, потом взялась за адамантиновую кисточку, которая, если снять колпачок, оставляла в воздухе тонкий, долго не тающий синеватый след. Ещё была

красивейшая маска рубинового стекла — маленькая, как раз на моё лицо, с позолотой и прозрачными глазами; я сняла её с какой-то статуи. Мне ужасно хотелось примерить эту маску, но я не рискнула, а то вдруг она потом не снимется или ещё чего. Я слыхала, будто некоторые маги умели заключать в предметы часть сознания их бывшего владельца, и мне совсем не улыбалась мысль, что у меня в черепушке поселится дух какой-нибудь джунской жрицы. Может, я бы и не отказалась от такой советчицы, но ещё неизвестно, кому они там поклонялись. Но диковинней всего были песочные часы — на полторы минуты, странной формы, со светящимся песком, который, вдобавок, ещё и сыпался снизу вверх. Ну, дела! Чего только в древние времена не клали в гробницы... Удивительно, как это всё не побилось, когда я загремела в яму. И то сказать: бутылка вдребезги, нога едва не пополам, а этим хоть бы хны. Вот были маги в прошлые века! Крив наверняка сказал бы что-нибудь по этому поводу, но я не стала хвастаться находками, а то у мужиков какие-то свои понятия насчёт больших сокровищ и маленьких девочек, даже если вторые добывают первое.

Если учесть, что вещи были старинные, джунской работы, да ещё и заколдованные, за всё скопом можно было отхватить порядочно (или огрести — смотря кому попадёшься). А если принять во внимание, что весь курган я не обшарила, только чуток пощипала, всё было ещё впереди. Даже самый беглый осмотр выявил как минимум одну замурованную нишу, где довольно подозрительно светились кирпичи, и две агатовые вазы таких размеров, что я б не смогла их не то что унести, а даже укатить. В нише могло быть золото, а могли быть волосы и ногти древнего жреца, которому религия не позволяла их сжечь или выбросить, а вот на вазы моя рамочка реагировала бурно.

Я приободрилась, даже дохромала до кургана, где полюбовалась на провал и на упавшую плиту и вдруг поймала себя на странной мысли, будто мне понравилось быть с кем-то вместе. То есть не то чтобы мне это действительно понравилось, а как бы это сказать... ну, короче, можете смеяться, только мне ужасно не хотелось снова оставаться одной. Я ещё раз осмотрела холмик, под который закопались гиберлинги, убедилась, что под ним всё тихо, и повернулась, чтоб идти к костру.

И там увидела очередного незваного гостя.

Сперва я подумала, что это Крив, но тут же заметила, что к дереву рядом привязана лошадь, да и ростом мужчина был пониже Крива, и сложением плотнее, и одет богаче. Я поколебалась, подходить или нет, но у меня все вещи были в лагере, и дядька был один, а что мне может сделать один человек? Он не выглядел опасным или настороженным, просто сидел у огня и ждал меня, поскольку ждать тут больше некого. И он ещё издавка меня заметил, но нарочно ждал, пока я подойду поближе, а после встал, снял свой берет небесно-голубого цвета, поклонился, выпрямился и сказал учтиво, глядя мне в глаза:

— Здравствуйте, леди Смерть.

И по тому, как он это сказал — спокойно, печально, одновременно с каким-то облегчением и сожалением, я поняла: он пришёл сюда *умирать*.

Ну вот, подумала я, опять двадцать пять. Что за неделя выдалась! Врагу не пожелаешь.

Я вздохнула, крепче перехватила костыль, который мне уже натёр подмышку, и заковыляла к костру.

Я умею убивать, да. Я умею убивать так, как никому и не снилось, потому что я умею убивать *бессмертных*. И это не оттого, что я, допустим, «бессмертнее» прочих

или я злая волшебница, а просто потому, что их хваленое бессмертие — не что иное, как зацикленное заклинание. А я умею расплести чужие заклинания. Это мой дар и моя ноша. Но что там, за гранью смерти, я не знаю. Вот Ярре наверняка бы додумался. Он был по-настоящему хороший маг... вернее, стал бы им, успеи он вырасти и закончить обучение. Вот его бы в этот самый университет на Яхче! Как жаль, что с нашего аллода невозможно было убежать, как сбежали уцелевшие из этих... тэм-зэм. Здесь никому не дали доучиться и дожить до старости, чтоб повзрослеть и полюбить, свершить задуманное, воспитать детей... Оскол — застывшая частица прошлого, засушенный цветок, муха в янтаре. Здесь никогда и ничего не происходит, потому что по большому счёту людям не *для чего жить*. Зачем вспахивать поле, строить дом, сажать сад, когда это никому оставить? Как может счастье прийти в дом, в котором не звучит детский смех?

Мы не стареем и не умираем, но время всё равно каким-то образом берёт своё. Тела изнашиваются, от ранений остаются шрамы и увечья, неизвестно откуда появляются новые загадочные болячки... Думаю, пройдет лет триста-четыре, и мы все превратимся в мумии, ходячие трупы, о которых рассказывал Крив. Ума останется у каждого — только чтобы руду ковырять. Крессин наложил заклятие, от которого наши «искры жизни» не могут отделиться от тел, но не могут и догореть. Наверное, все так или иначе это понимают. Я так думаю, что единственная цель, которую теперь можно ставить перед собой, — это забыться. Забыться любым способом: пить вино, курить г'хаш, предаваться разврату, дикой охоте, разным удовольствиям и глупым извращениям — скакать по крышам, прыгать с водопадов Рано-Ароа, заключать дурацкие пари, щеголять нарядами, обжираться вкусностями и прочим образом схо-

дить с ума. Впрочем, это знать, а у бедноты труба пониже, дым пожиже. Но цель у них едина. Накапливать знания никто не хочет, да и как их накопить? Кто этим будет заниматься? После наложения Завета наместник первым же указом повелел уничтожить библиотеку, чтоб никто ни сейчас, ни потом не смог повернуть дело вспять. Из творчества разрешены поэзия и музыка, да ещё живопись, а из наук — единственно что математика, и то лишь затем, чтобы дома на голову не падали. Ну и чтоб деньги знали счёт... хотя, я слышала, банки десять лет уже не принимают вклады под проценты. Неудивительно, если подсчитать, сколько набегит за две-три вечности.

За два десятка лет, которые прошли с момента Завета, на меня сумели выйти двенадцать человек. Сказать иначе, дюжина. И все они искали смерти. Если честно, я не очень представляю, откуда они узнали про моё умение. С другой стороны, Оскол невелик, слухи расходятся быстро. Кумушки на кухнях, пьяницы в кабаках, любовники в будуарах и торговки на рынке, все они рассказывают шёпотом друг дружке, будто слышали о девочке, которая не только не растёт и вечно остаётся ребёнком, но может убить человека, даровать ему смерть (если, конечно, захочет). Зачем они это рассказывают, понятно, дело не в убийстве. Просто, если некто несёт в себе дар смерти, значит, есть надежда, что кто-то может даровать и жизнь.

А убила-то я больше, чем двенадцать. Приходило тоже больше. Только я кому-то отказала, у других, наоборот, не стала спрашивать. А вообще, я поняла, что могу убивать на второй год, когда Перри Остроглаз, который был, скажем так, довольно знаменитым вором, решил, что раз мы вместе промышляем, то и постель у нас должна быть общая, нажрался и полез героизмовать ко мне под одеяло. За что и поплатился. Я даже не

хотела его убивать, как-то само получилось. Но именно тогда я поняла, что с воровством пора завязывать, и ушла в одиночное плавание. После этого меня и прозвали Смертью, сначала в воровских кругах, а после по всему Осколу. Вот так, когда нарочно, а когда и вынужденно я отправила в другой мир ровным счётом девятнадцать человек, аккуратно по числу прожитых лет: подельника-вора, двух нюхачей, одного чересчур назойливого егеря, кого-то ещё... ну и двенадцать «добровольцев». Попутно выяснилось следующее правило: один год — одна жизнь. Я из-за этого чуть не попала, когда однажды понадеялась на своё умение, а оно возьми и дай осечку.

Иногда ночами я не могу заснуть, так сильно думаю об этом. Крысята дрыхнут у меня под боком, зубки чешут, а я лежу, смотрю на звёзды, и Оскол мне представляется тогда огромным театром, вроде кукольного: сцена, занавес и маленькие люди, нити от которых тянутся куда-то к небесам. И эти ниточки такие прочные, что их уже не оборвать, пусть даже кукла износилась. Стальные нити, может быть, адамантиновые. Самое умное, до чего я додумалась, это будто старое заклятие каждый год спохватывается, «вспоминает» обо мне и ищет мою «нить», чтоб её оборвать.

А я ему каждый раз подсовываю другую.

Всё-таки жаль, что я не волшебница, а то бы непременно с этим разобралась.

У всех, кто добровольно ищет смерти, есть на то свои причины. Иногда дурацкие, вроде скуки или несчастной любви, а иногда серьёзные, от них рехнуться можно. Была одна женщина, у которой умерли дети и она совсем помешалась от горя. Сестра просила за неё, и я не смогла отказать. Впрочем, даже если я и откажусь, не всё потеряно — на крайний случай есть ещё астрал и крайняя обитель.

А у этого дядьки, похоже, причины были серьёзные, хотя выглядел он как обычный придворный хлыщ. Вернее, как придворный хлыщ, который две недели ползал по лесам, жрал что попало, ночевал у костра и подтирался листиком. Костюм его был весь в пыли и конской шерсти, бархатный колет, обшитый золотой тесьмой, потёрся и залоснился, тёплый синий плащ, который он сейчас отбросил за спину, помялся, штаны с прорехою, а сапоги не знали щётки много дней. В то же время его лошадь не выглядела усталой, так что последние дни он скорее шатался по окрестностям, чем шёл издалека. Как и все аристократы, он был бледен, только кожа у него была не белой, а какой-то *слишком* белой, чтоб назвать её здоровой. Это была мёртвая, слепая белизна, среди которой выделялись пятнышки и трещины, как будто что-то разъедало человека изнутри, а когда он снял берет, чтобы раскланяться, я увидела, что пальцы его скрючены и одного мизинца не хватает, лицо опухло, а волосы на голове торчат пучками, словно островки речного камыша среди гноеточивой сыпи. Грязная кожа, изуродованные пальцы, воспалённые глаза и запах гниющей плоти, который не в силах отбить никакие духи... Я не очень разбираюсь в болезнях, но даже у меня похолодело сердце: будь он хоть трижды бессмертный и трижды аристократ, ошибки быть не могло.

Лепра, подумала я. Это лепра.

Всякий раз теряюсь, когда вижу подобное. Этот человек был болен, и если бы мы жили в прежнем мире, до Заключения, я бы сказала, что он болен *смертельно*. Ну а поскольку в нашем мире нет ни смерти, ни лекарства от проказы, то ему и дальше суждено страдать и разлагаться заживо.

Вот про это я говорила, что в мире есть вещи похуже смерти.

Но всё это было не важно, ибо по-настоящему меня поразило другое.

Этого человека я знала.

Его было трудно узнать, особенно теперь, когда он выглядел так ужасно. Но эта его манера кланяться и говорить, этот взгляд я узнала бы из тысячи, пусть даже голос его стал скрипучим, как несмазанная дверь.

Бард Кассиус де Рей из Туар-Гелена.

Я ещё раз глянула на лошадь, распознала среди поклажи маленькую арфу в кожаном чехле и поняла, что угадала. Бард молчал. А я стояла перед ним, глядела снизу вверх — недоразвитая угловатая дурёха с костылём, такая же оборванная, как и он, а в голове у меня было пусто и только сердце бухало в груди. Вся моя злость куда-то испарилась. Я проглотила все колючие словечки, что вертелись у меня на языке и норовили выпрыгнуть, и произнесла одно лишь слово.

— Больно? — спросила я.

— Боль — не самое страшное, госпожа, — грустно улыбнулся Кассиус. — Я к ней привык.

— Есть средства...

— Есть, я знаю. Только мне они уже ни к чему. Прокказа — милосердная болезнь... впрочем, до определённой степени.

Я опять поразилась. Даже сейчас, в таком ужасном положении поэт изыскивал красивые сравнения. Когда он улыбался, разочарование и безнадежность исчезали с его лица, и это был прежний Кассиус де Рей, за которым я когда-то, будучи совсем малявкой, бегала с подружками. Мы всегда просили его спеть или сыграть, а он всё время торопился и отшучивался. Высокий, красивый, с арфой за спиной и неизменным свежим цветком в петлице, он дюжинами сочинял дразнилки, над которыми мы хохотали до упаду, а в кошельке у него были леденцы. Мы ничего не смыслили в куртуазной

★ поэзии, но его весёлые песенки, такие, как тот же «Крысомор» или «Шляпа моя, шляпа», распевали до самозабвения. Когда он соглашался спеть, все люди замирали, и даже куры переставали кудахтать, а свиньи — возиться в грязи. Вряд ли он помнил меня, обычную дворовую девчонку, дочку угольщика и прачки. Но я его помнила. Этот человек сросся со своим несчастьем, он целиком признал свои заслуги и грехи, он смирился и больше уже ничего не хотел. Я не знала, что ему сказать. У меня ком к горлу подкатывал.

Я не хотела лишать его жизни.

— При дворе наместника хорошие лекари, — сказала я, правда, не очень уверенно.

— Я давно там не живу. Сама понимаешь почему. Мне нигде нет места. Раньше такие, как я, надевали балахон из мешковины и ходили с колокольчиком, чтобы люди слышали их и уступали дорогу. Но в этом нет нужды. Я сам ищу одиночества. Конечно, есть обитатели, но прокажённным туда хода нет.

— Есть ещё астрал, — напомнила я.

Кассиус покачал головой.

— Я... не хочу, — сдавленно сказал он. — Терять воспоминания... и мысли... дать себя выпить демонам астра-ла, превратиться в чистый лист — это не по мне. Мне говорили знающие люди, что ты ходила за край. Значит, ты знаешь, каково это. А ты ведь знаешь, кто я, леди Смерть?

— Знаю. Ты великий бард.

Кассиус опять улыбнулся. Несмотря на изуродованное, «львиное» лицо и бескровные губы, улыбка у него по-прежнему была красивая. Я даже сейчас могла представить, как придворные дамы готовы были заложить свои сердца за одну его строку, за одно слово, за один аккорд его арфы.

— Я ничтожный бард, — ответил он. — К несчастью. Но зато я богат. Я владею небом. Я вложил весь свой капитал в солнце. И как все богачи, я боюсь растерять свои богатства. Я хочу всё унести с собой.

Мы помолчали.

— Кто сдал меня? — спросила я. — Кто подсказал, где меня искать? Финтий? Клещ? Малахия? Йенс Водяной из Тиндервета? Кто?

Кассиус опять покачал головой.

— Это не важно, леди Смерть. Я всё равно тебе не скажу. Не хочу, чтобы ты винила кого-то из друзей. Ты же знаешь, для чего я тебя искал. Несколько месяцев я скитался по лесам, целых семнадцать дней я шёл от одного хутора до другого и даже сейчас не верю, что мне наконец повезло.

— И ты хочешь уйти, — подытожила я.

Бард смежил веки и некоторое время так стоял, словно что-то высматривал в темноте.

— Да, — сказал он наконец. — Да. Ты поможешь мне? Я... могу рассчитывать на твоё снисхождение?

Я замешкалась и сразу не ответила, а он, приняв молчанье за отказ, стал расшнуровывать колет. Я смотрела, недоумевая, что он хочет, но в конце концов, если человек пришёл ко мне за смертью, вряд ли он желает мне зла. Шнуровка была частая, корявые пальцы плохо слушались, но он справился. Блеснула тонкая цепочка, Кассиус подцепил её ногтем, вытащил на свет небольшой овальный медальон и протянул мне.

— Возьми, — сказал он и, когда я заколебалась, подбодрил: — Возьми, не бойся: проказой ты так просто от меня не заразишься.

Я взяла. Медальончик оказался неожиданно увесистым.

— И что? — спросила я.

— Открой.

Я поддела медальон ногтем, и крышка отскочила. Внутри оказался маленький женский портрет в три четверти. Девушка была смуглая, молодая, очень красивая. У неё были большие сверкающие глаза диковинного разреза, с лёгкими веками и длинными ресницами под густыми широкими бровями. Она смотрела на меня и улыбалась так, как улыбаются любимому мужчине — весело, открыто, с примесью лукавства и обмана, без которых не обходится любовь. Позади неё виделось море, пальмы и песок. Краски были такие яркие, что здесь, я думаю, не обошлось без волшебства.

— Кто это? — спросила я.

— Её звали Килалиана, — сказал бард. Незнакомое имя прозвучало как звон колокольчика. — Она жила на юге, на Пандуро, на острове Ароа. Ты, наверное, никогда там не была. Мы с нею... очень любили друг друга. Я даже собирался перебраться туда насовсем. Знаешь, там невероятно красиво! Солнце, пальмы, водопады. Чистые озёра. Море. Море и солнце...

Я хмыкнула. Пандуро, говорят, архипелаг забавный. Много островов, большие, маленькие, всякие. На некоторых есть заброшенные храмы, даже города — пустые, дикие, заросшие лианами, они стоят там, а местные жители водят к ним приезжих за деньги. Я только слышала о нём, потому что и правда ни разу там не была. Даже если я скоплю такую прорву денег, чтобы оплатить проезд, меня сразу сцапают в порту. Делать на островах особо нечего, поэтому аристократы испокон веков катаются туда на отдых. Там был бы настоящий рай, когда б не ураганы и пираты. Когда Сарнаут раскололся после Катаклизма, ураганы прекратились. Но вот пираты...

— Ты заразился там? — невпопад спросила я.

— А? — бард сделал усилие, чтобы вернуться с небес на землю. — Да. Наверное, да. Я тогда ещё не знал, что

болен. Когда на Оскол пало Заклятие, я был вполне себе здоров. Проказа есть проказа, тут ничего нельзя сказать заранее — эта зараза может сидеть в тебе и восемь лет, и десять, а ты даже не будешь знать, что уже обречён. Потом ничего нельзя сделать. Может, магия мне помогла бы, но...

Тут он пожал плечами и умолк.

— А эта девушка, она тоже больна?

— Нет. Ей не было двадцати пяти. Она умерла. Просто умерла, как все остальные. Знаешь, дитя, я прожил много лет. Сейчас мне пятьдесят, а в год Заклятья было тридцать. Я любил многих женщин. Сочинял для них песни, посвящал им стихи, пил за их здоровье на пирах, сражался на дуэлях, совершал всякие глупости... Но сейчас, когда я остался один и превратился в развалину... я вспоминаю её. Только её. Больше никого.

Он, должно быть, и правда расчувствовался, раз начал называть меня «дитя». Впрочем, на кого-кого, а на него я обижаться не могла. Сквозь расшнурованный колет и распахнутую рубаху я видела голую кожу, и она вся была покрыта язвами, а среди них белели шрамы от ножа — как раз там, где сердце. Не иначе, бедняга и вправду пытался покончить с собой. Тело не подвластно смерти, только разрушению. Крессин совершил большую ошибку, когда накладывал Заклятие. Привязанная «искра жизни», бесконечное существование — это ещё далеко не всё, что нужно человеку для счастья. Оскол заплатил страшную цену, а что в итоге? Если нежить, о которой рассказывал Крив, — это «живые мертвецы», то кто тогда мы? «Мёртвые живучки»?

Я захлопнула медальон и протянула его Кассиусу, но он только покачал головой.

— Оставь себе, — сказал он. — Я знаю, ты грабишь могилы, чтобы прокормиться. Там, в седельной сумке золото, а в маленьком мешочке камни. Немного, но это

всё, что мне удалось накопить. Думаю, мне это больше не понадобится. Деньги не вернут мне ни силы, ни здоровье.

— Тебе правда так плохо?

Бард хмыкнул и пожал плечами.

— Если ты поможешь мне, то скоро будет хорошо. Боль уже не так сильно мучает меня, но я уже много недель не могу есть — моё тело отторгает пищу. Я гнию живо, у меня отсыхают ноги и руки, пальцы отваливаются, связки рвутся, мне тяжело говорить. Счастье, что я нашёл тебя: ещё неделя — и я бы не смог забраться в седло. Скоро я смогу только лежать и разлагаться, и лучше делать это мёртвым, чем живым... Я хочу покоя, леди Смерть. Дай мне его, избавь от дальнейших мучений. Пожалуйста. Я прошу тебя. Ты можешь это сделать?

Больше уговаривать не стоило, и спорить тоже было не о чем, и я сказала:

— Да. Могу.

Я прекрасно знала, с чего начинать, но всё-таки на всякий случай достала рамку и глянула на барда сквозь неё. И не увидела ничего особенного — человек как человек. Никаких наведённых заклятий, магических предметов, следилок и прочего. Что касается Заклятия Бессмертия, то я и не надеялась его обнаружить. Я никогда не знала, где оно находится, за что цепляется и как туда попало. Когда-то я думала об этом, но так и не смогла понять. Мне представляется что-то вроде паука или грибницы, которое, наверное, так прочно срослось с «искрой жизни», с душой, что их уже не различить.

А чтоб увидеть душу человека — тут моя рамочка слабовата, тут даже настоящее магическое зрение не поможет.

Тут нужно божественное.

Кассиус терпеливо выдержал осмотр.

— Что я должен делать? — спросил он, когда я убрала рамку.

— Ничего. Но лучше ляг. Ты чего-нибудь хочешь? Я не спешу. Если хочешь, мы можем подождать пару дней. Всё равно я никуда не тронусь, пока не заживёт нога.

— Мне ничего не надо, — ответил бард, постелил свой плащ, лёг на него вверх лицом, посмотрел в мою сторону и улыбнулся, как мне показалось, ободряюще. — Я давно уже простился с этим миром, раздал долги, допел все песни и сосчитал все облака. — Он посмотрел на небо. — Солнце клонится к закату. Хороший день, чтобы уйти. Не стоит тянуть до темноты — этого добра у меня впереди будет достаточно.

Я села рядом на поваленное дерево и нерешительно протянула руку.

— Мне нужно будет прикоснуться к тебе.

— Делай, что считаешь нужным, девочка.

Он в самом деле сильно исхудал. Тело на ощупь было как ватное. Дряблые мышцы, торчащие рёбра, впалый живот. Вдавишь кожу — остаётся ямка. Как он страствовал верхом, не понимаю — седло запросто могло разрезать его пополам. Если у меня поначалу и была мысль предложить ему самому выкопать себе могилу, то теперь я от этого отказалась. Заставлять его сейчас работать было бы бесчеловечно. Я сама, конечно, не справлюсь, но Крив должен был вернуться в самом скором времени. С моей стороны нехорошо было без спроса рассчитывать на его помощь, но я хотела успеть покончить с этим делом до его прихода. Лишний свидетель мне ни к чему.

Надеюсь, он хотя бы не пустит в ход эту свою дурацкую «некромантию».

Я положила ладонь барду на грудь, а он взял меня за руку. Мне надо было успокоиться. Я шуганула крысят,

которые вертелись поблизости и шарили в траве, сосредоточилась и стала нащупывать заклятие. В некоторой степени это было то же самое, что взламывать ловушку, только можно было не опасаться ответного удара. Я прошептала заклинание, заплетающее кон-кон, — то, которому когда-то обучил меня Ярре. Миновало несколько томительных ударов сердца. Ничего не происходило, и на меня нахлынули сомнения (вдруг не получится?) — но тут пальцы ощутили пульсацию магической силы.

Странное дело, если вдуматься — с единственным заклинанием я могу даже больше, чем иные волшебники с десятком оных. Вопрос, *что* я могу...

Я вспомнила Ярре — его худенькую фигуру в ученическом балахоне, голову, которая вечно клонилась к плечу от привычки смотреть по ночам в телескоп, его очки, которые он всё время поправлял кстати и некстати. Я редко видела Великого мага, у которого он ходил в учениках: Крессин не поощрял нашу дружбу, но и не препятствовал ей. Это Ярре однажды от нечего делать устроил мне проверку на восприимчивость к магии и не на шутку испугался, когда увидел лопнувший и почерневший кристалл адамантина. Ему бы здорово влетело, узнай маг об этом, ведь у парня не было ни диплома заклинателя, ни лицензии на выявление адептов. Но мы помалкивали. Это был наш маленький секрет. Да и кто б ему поверил? Сопливая замарашка, дочь прислуги — кандидатка в магички? Смех на палочке... И это Ярре разыскал меня в *тот* день, угрюмый, запыхавшийся, сказал, что маг с наместником о чём-то сговорились, а он подслушал, и что аллоду грозит что-то страшное, и что я не должна спать в ближайшие ночи, потому что... Я тогда не поняла и половины, помню только, что ужасно испугалась. А он сказал, что скоро все умрут и никого нельзя спасти. А я ему не поверила. Да и кто бы

такому поверил? «Ты тоже умрёшь?» — спросила я и заплакала, а он сказал: «Не знаю. Но ты можешь спастись. У тебя сильнейшая сопротивляемость, заклятье подействует не сразу, ты успеешь его расплести. Я научу тебя, слушай и запоминай...».

Вот так всё кончилось.

И началось.

И я не знала и не знаю, умер Ярре, как другие, или нет.

Вот и сейчас я расслабилась, как он меня учил, открылась и позволила увлечь себя в эту «паутину», дать ей присосаться ко мне. На какой-то миг «нити» наших жизней сплелись и мы с Кассиусом стали одно; я ощутила его боль и страх, поверх которых разлилась неимоверная, смертельная усталость, целое море усталости, к которой примешивались спокойствие и облегчение. Тонкие лучики, потоки энергии, которые связывали Кассиуса с этим миром, были натянуты, как цепи узника, который рвётся на свободу, я даже будто слышала их звон. Мне стало страшно. Он действительно хотел уйти.

Бежали секунды, а я сидела и чего-то ждала. Я никогда не позволяла этой силе заходить так далеко и кого другого давно бы уже *отпустила*, а с Кассиусом почему-то медлила. Он смотрел на меня, я смотрела на него, пока окончательно не поняла, что дальше мне нельзя, иначе океан небытия поглотит нас обоих. Бард и так слишком долго ждал, когда этот кошмар закончится.

— Готов? — спросила я. Он смежил веки: «Да», и я сказала: — Прощай, Кассиус... Лёгкой тебе дороги.

И стала *расплетать*.

Это странный миг, когда расплетается заклятие такого уровня. Это не звук, но я будто слышу, как высоко в небесах лопается тонкая серебряная струна, мир

★

замирает, а потом всё опять приходит в движение, но уже по-другому. И Кассиус де Рей будто тоже это почувствовал.

— Спасибо тебе, девочка, — сказал он. — Спасибо — и прощай. А если там что-то есть, то... до свидания.

Он улыбнулся и закрыл глаза. Судорожно сжатые крючковатые пальцы разжались в последний раз, бард откинулся назад, и столько безмятежного спокойствия было в этом движении, что казалось, он всего лишь погрузился в сон. Я наклонилась к нему и окликнула по имени, сперва вполголоса, потом громче. Ответа не было. Я уже решила, что всё кончено, но вдруг услышала, как он шепчет, даже не отсюда, а откуда-то из темноты: «Там в кошельке... леденцы...»

И он умолк.

А я от этих слов просто опешила. Всё так — болезни, смерти, двадцать лет скитаний, «леди Смерть» и всё такое, но... он помнил! Он узнал меня. Наверняка он с самого начала всё-всё помнил. Я приучилась быть злобной, как крыса, и чёрствой, как сухарь. Я так привыкла, что всегда одна, что у меня нет прошлого, а прошлое подкралось и ударило, нахлынуло, накрыло с головой. И я никак не ожидала от себя того, что я потом сделала.

Я расплакалась.

Я сидела на поляне, прямо на земле и ревела, размазывала слёзы и сопли, как последняя дура. Немного успокаивалась, но потом бросала взгляд на тело Кассиуса — и начинала опять. Лошадь возле дерева переступала, фыркала и звякала сбруей, рыдания рвались из меня наружу, и я не могла и не хотела их сдерживать. Я плакала и плакала и ничего не видела вокруг.

А когда я успокоилась и подняла взгляд, то увидела, что меня окружили всадники. Они ничего не говорили, просто молча смотрели, и пускай у меня в глазах всё плыло и двоилось, я сразу поняла, что это не простые

егеря и не загонщики на зверя, а отряд гвардейцев. Во главе стоял какой-то белокурый дворянчик, а с ним был тип в суконной куртке и дурацкой шляпе с низкой тульей в форме сковороды, какие носят нюхачи наместника при исполнении, совершенно неуместной в лесу. И они искали именно меня.

Не Крива же.

Я огляделась. Крысюки мои предусмотрительно слиняли. Заклятие я расплела, тем самым потратив единственное своё оружие. Убегать с моей ногой не имело смысла. Опять меня подвело то, что я поверила людям. Нельзя, нельзя было подходить к костру, надо было сразу драпать, прятаться и уходить, как только я увидела чужака!

Тем более что для меня все люди — чужаки.

— Так-так, — с усмешкой произнёс белобрысый стервец, который, как видно, был в этом отряде предводителем. — Чисто сработано! Вот так и ловят рыбку на живца. Я же говорил, что это должно помочь. — Он оглядел своих охотников и ловчих с выраженьем торжества и снова обернулся ко мне. — Так вот ты какая, Крысинда... Что ж, не так уж ты и страшна.

— Поимей себя в зад, — мрачно посоветовала я.

Они меня не боялись, потому что знали: если б я могла убивать, давно бы уже их убила. Хотя бы одного, вон того, белобрысого.

Мне было тошно до безумия.

— Плохая девочка, — заметил ловчий с арканом, и все засмеялись.

— Вяжите её, — сказал предводитель.

Комната под самой крышей, куда меня заперли, была тесной и холодной, с маленьким окном и жёсткой лежанкой. Из окна я могла видеть часть двора, часть огра-

ды и южные ворота городского кремля. Башмаки и одежду у меня отняли, взамен дали длинную рубашку, которая болталась на мне, как на пугале. Щелястый пол, тонюсенький тюфяк, мучная похлёбка, больше похожая на солоноватый клейстер... в иные времена я сочла бы эти условия ужасными, но всё познаётся в сравнении. Как ни крути, это было лучше, чем скакать верхом, дуряя от бессонницы и тряски. Видимо, насчёт меня у стражников был особый приказ. Четверо суток маленький отряд провёл в пути, меняя лошадей на постоянных дворах и останавливаясь только на еду и сон. Я даже не знала, похоронили они барда или бросили так — мне не сочли нужным сообщить. Со мной вообще не церемонились. Никто из них не знал моих сил и возможностей, поэтому мне на всякий случай заткнули рот, связали руки, и всё равно боялись как огня. То привязанная за спиной у стражника, то брошенная поперёк седла, к концу пути, я вся была в ссадинах от верёвок и синяках от скачки. Руки мои онемели, губы распухли, зад вопиял. Я ничего не соображала, даже не узнавала мест, по которым мы ехали. Быть может, этого они и добивались. Когда отряд добрался до Туар-Гелена и над серебряной лентой реки замаячили купола и крыши резиденции наместника, я не узнала знакомые места. Всё сильно изменилось. Я слышала, лет пять назад случился пожар, половину города потом отстроили заново. Городскую стену разобрали в двух местах, прорубили двое новых ворот. Посад остался прежним, даже уменьшился (естественно, откуда взяться новым людям-то), вот только привычные белые фахверковые домики сменили рубленые избы и узорчатые терема на манер канийских. Новая каменная ратуша, новые мосты, новые дома, особняки... Однако первое, что мне бросилось в глаза, это исчезновение башни мага. Раньше она торчала, словно рыбья кость, теперь там не было ничего,

только солнце и небо. Пока мы проезжали предместья и дорога шла вдоль колосющихся полей, меня не трогали, но ближе к воротам закутали, спеленали как мумию, а на голову надели мешок, чтоб не привлекать внимания зевак и не плодить нежелательные слухи. День выдался душный, я сразу одурела в этих тряпках, меня вырвало, я потеряла сознание и пришла в себя уже в этой злополучной комнате.

Спасибо, хоть не в подземелье.

Всё было неясно — сколько меня здесь продержат, зачем привезли и когда прибудет наместник. Женщина, которая носила мне еду и забирала пустые тарелки, не отвечала на вопросы. Зачем вообще было так спешить, чтоб засадить меня в башню и после оставить в покое? Я не понимала.

Шёл третий день моего заточения, когда во дворе внезапно поднялся гам и я увидела в окошко, как в замок въезжает кавалькада расфуфыренных придворных. Оказывается, наместник изволил охотиться. Ну, хоть что-то! Наверняка в ближайшее время следовало ждать визита.

Так оно и вышло.

Он мало изменился, наместник Володар Хубин. Двадцать лет прошло, а он был всё такой же невысокий, с одутловатым лицом и пухлыми щеками, на которых плохо росла борода. Жиденькие волосы красноватого оттенка закручивались в длинные локоны, в которые он то и дело засовывал пальцы, украшенные перстнями, слишком большими, чтоб быть не магическими. При случае я б с охотой посмотрела на них в свою рамочку. Сколько ему было во времена Заклятия? Двадцать шесть? Двадцать семь? Наверное, да. Может, чуть больше. Надо же... А раньше он казался мне старше, в памяти у меня он остался почти взрослым. Впрочем, что я могла помнить, чернавка, прислуга, девчонка тринад-

цати лет? Конечно, я интересовалась жизнью знати и заучивала даты, имена, но в последующие годы возраст потерял всякое значение. Старше, младше — какая разница, если тебе самой уже тридцать три? В лесах и под камнями никто не спрашивает, сколько лет ты живёшь на свете. В первые годы после наложения Заклатья дни рождения не отмечали, так свежа была боль от потери родных и близких. Потом долго не могли привыкнуть к мысли, что теперь придётся жить вечно.

А когда привыкли, перестали отмечать.

Наместник вошёл, завидел меня, усмехнулся, сделал знак, и ему принесли и поставили стул. С ним были трое — мужчина с оружием, в котором я после некоторого усилия опознала начальника стражи, потом заросший бородой широкоплечий дядька в чёрном. Ну и тот самый белокурый дворянчик.

Я не стала вставать.

— Ну здравствуй, Крысинда, — сказал наместник, усаживаясь и закидывая ногу на ногу. — Или как там тебя на самом деле зовут?

— Меня зовут, если хотят умереть, — безразлично сказала я. — Потому сами решайте, как меня называть.

— Ах, ах, как патетично! — Володар усмехнулся и покачал головой, потом стянул перчатки и хлопнул себя ими по коленке. — А ведь мы двадцать лет искали тебя. Так хотели встретиться — и не могли. Ты могла бы быть и повежливей.

Я пожала плечами, зыркнула на белобрысого и потупилась.

— Я не знаю, что такое «патетично», — сказала я. — И с чего мне быть вежливой? Это ведь не вас четверо суток везли связанной и закутанной в ковёр.

Белобрысый стиснул зубы, вцепился в ремень, но Володар тронул его за локоть, будто хотел успокоить, и тот не двинулся.

— Сама виновата, — сказал наместник. — Что творила, на то и нарвалась. Не стоит рассчитывать на ласку, если убиваешь моих людей. Знаешь, сколько Пашка потерял нюхачей? Не притворяйся удивлённой, мы прекрасно знаем, чем ты занималась. Ты знаешь, кто я?

— Кто ж не знает... Вы — здешний наместник, Володар Хубин Третий.

— Ого! — притворно удивился тот. — А я уж думал, ты всё забыла за двадцать лет жизни в лесах. — Володар сделал знак бородатому, тот выглянул за дверь, что-то сказал, и двое слуг втащили столик, на котором стояли вазы с фруктами, серебряные кубки, кувшин и даже цветочек в вазе. — Был наместник, да сплыл, — объявил он. — Зови меня просто: Князь Володар, третий и последний правитель аллода Оскол. Не правда ли, лучше звучит? Хочешь вина?

— Я не пью вина.

— Тогда, может быть, яблоко? Или персик? Или ты предпочитаешь г'хаш? — Я вздрогнула, а Володар рассмеялся. Слуга нацедил ему вина из кувшина, он отхлебнул глоток и поставил бокал на стол. — Удивлена? Мы навели о тебе справки. За двадцать лет можно многое узнать.

Он встал, подошёл к окну и встал там, заложив руки за спину и качаясь с пятки на носок.

Я сидела, насупившись, смотрела на него, и помаленьку на меня стала накатывать тошнота. «Князь Володар»! Кем он был до Заклятия? Владимир Губин, третий и последний сын имперского аристократа, наместник крохотной провинции. Ни рыба ни мясо. А сейчас — посмотрите на него! Маленький, плюгавый, ноги тонкие, кривые, а туда же — «князь»... Даже имя поменял на канийский манер. Володар, надо же. Тьфу!

— Александра Хилл по прозвищу Крысинда, — сказал он, глядя вверх, будто читал слова в небесах.

Я вздрогнула — так давно я не слышала своего настоящего имени. — Бывшая прислужница вот в этом самом тереме. Какая ирония судьбы! В сущности, мы в некоторой степени знакомы, так ведь? — Наместник обернулся ко мне. — А ведь я тебя даже помню, — сказал он, словно бы смягчаясь. — Ты, правда, в детские годы выглядела несколько иначе, но у меня хорошая память. Тринадцать лет возрастных и тридцать с чем-то прожитых. Нигде не живёшь, нигде не работаешь, промышленешь грабежом могил... Нарушаешь закон, между прочим!

Я потупилась.

— Этим камням тысяча лет. И я делаю это только ради денег.

— Продажа и распространение заколдованных вещей — тоже преступление, — резонно заметил наместник. — По счастью, в нашем мире маленькому ребёнку трудно спрятаться, хотя какое-то время это у тебя получалось. Дорого бы я дал, чтобы узнать, как тебе удалось уцелеть. Не могло же тебе, в самом деле, исполниться двадцать пять... Не хочешь рассказать? Впрочем, ладно. Не хочешь — не надо. — Он опять отвернулся к окну. — Как ты думаешь, зачем мы тебя искали?

— Знать не знаю, — буркнула я.

— Честно?

— Честно.

Володар рассмеялся.

— А между тем могла бы догадаться. Да... — Он постучал пальцем по стеклу. — Очень жаль, что ты не хотела говорить с моими людьми и сразу убивала! Очень жаль. Но сделанного не вернёшь. Я предлагаю тебе сделку.

— Сделку? — Я не поверила своим ушам.

— Если кто-то может то, чего не могут другие, он может продать своё умение, — сказал наместник. — Всег-

да найдётся тот, кто захочет его купить. Ты умеешь убивать. Умеешь, не оправдывайся, я знаю. Несмотря на пробелы в моём образовании, я умею считать. Девятнадцать лет — девятнадцать смертей. Наш аллод не так велик, чтоб можно было сохранить в тайне подобные вещи. Год, два, но не двадцать же!

— И вы хотите, чтобы я убивала для вас?

— Умная девочка, — подтвердил мою догадку «князь-наместник». — В общем и частном — да. Нельзя же, в самом деле, оставлять такое оружие беспризорным! Само твоё существование разлагает население, порождает дурацкие слухи и глупые надежды. Но всё может измениться, если мы объединимся. Я предлагаю тебе стать моей супругой, княгиней и правительницей аллода Оскол.

Вот тут я, пожалуй, впервые за последние дни понастоящему растерялась. Я ожидала чего угодно, только не этого.

— Что?.. — пискнула я.

— Разумеется, женой и мужем мы с тобой будем только на бумаге, — поспешил успокоить меня Володар. — Впрочем... там видно будет. Но представь, какво народу будет знать, что мы — единственные в этом мире, кто может карать и миловать, наказывать смертью!

— И ты ради этого женишься на простолюдинке?

— Ах, избавь меня, — с досадой отмахнулся тот. — Какая ерунда! Кого и когда волновали подобные мелочи? Послезавтра в архиве отыщется бумага, подтверждающая, что ты внебрачная дочь заезжего аристократа. Тем более, многие помнят твоих родителей. Ты мало походила на мать и уж совсем не походила на отца. Если б я знал, что всё так обернётся, я бы озаботился этим до того, как накладывать Заклятие, но и сейчас не поздно.

Я вскинулась.

— То есть как... какое Заклятие?

Наместник повернулся ко мне, опять накрутил волосы на палец и рассмеялся.

— Боги! Неужели ты думала, что Заклятие наложил Крессин? Не смей меня! Его в то время волновало только одно — как спасти наш островок от Катаклизма. Конклав тогда помешался на этом. Будто не было другого способа! Старый дурак так и не смог понять, что нам выпал отличный шанс стать независимым, отдельным королевством. Мир и процветание! Бессмертие и безопасность! Никаких вторжений, никакой метрополии. Это ли не жизнь?

— Ты врёшь, — сказала я. Ни я, ни он, ни все присутствующие даже не заметили, что я уже минут пять как перешла на «ты». — Этого не может быть. Если не Крессин, то Ярре... Кто угодно, но не ты!

Теперь наместник уже откровенно расхохотался.

— Дурочка! Да ты лучше меня понимаешь, что мальчишка не мог этого сделать. Чего ради ему было убивать себя? А старый маг оказался слишком упрям... Мне выдалась отличная возможность одним выстрелом убить трёх зайцев. Даже четырёх, если считать мальчишку... Удивительно, какими беспечными бывают люди, если они уверены в собственной неуязвимости!

Я ничего не ответила, но, кажется, начала понимать. Частички головоломки стремительно складывалась в единую картину. Если это правда и наместник баловался магией, он мог зайти далеко. Не зря же он приветил мага-ренегата, который изучал заклятия бессмертия и был знатоком старинной магии! Володар не мог не знать легенду о Тэпе. Он всё рассчитал, а если и ошибся, то чуть-чуть. Сколько народу умерло в тот год? Десятки тысяч! Энергия жизни — поразительная сила, если знать, куда её направить. Часть её подпитывает Заклятие бессмертия, другая обеспечивает защиту аллода от

разрушения (та самая «скорлупа», по поводу которой удивлялся Крив). Отсюда эта ненависть к волшебникам, отсюда и запрет на магию, чтобы никто не превзошёл его в магическом искусстве. И вряд ли был какой-то сговор. Когда Ярре отыскал меня в тот день, он уже был болен, уже умирал! Ограничение заклęcia определённым возрастом очень ловко вывело из игры и мага, и его ученика. Некуда бежать: аллод закуклился, порталы работают только на выход, «искры жизни» бьются, словно мухи о стекло, — ну чем тебе не пирамида Тэпа? Ярре знал, что ничего нельзя исправить, и отыскал единственного человека, которому мог хоть как-то помочь.

У меня природная сопротивляемость заклęciaм. Я должна была успеть.

И я успела.

Мне хотелось смеяться и плакать. Наместник смотрел на меня и недоумевал. Он не понимал, что девочка, которая сидит перед ним в драной рубашке, поджав под себя голые исцарапанные ноги — не просто случайно выживший ребёнок, который по какой-то прихоти судьбы умеет убивать бессмертных, а болезнь, смертельный приговор этому миру. Всё их «бессмертие» — не больше чем отсрочка. Это я, Крысинда, леди Смерть, останусь жить и буду убивать их всех, по одному в год, медленно, но верно, пока не останусь одна на этом проклятом аллоде. Я не могу не убивать. И уж если я отправила на тот свет Кассиуса де Рея — единственного человека, который в этом мире что-то значил для меня, то остальные уж точно не в счёт.

Кроме, может быть, Крива.

И крысят.

— Выйти за тебя замуж? Стать палачкой у тебя на службе? — спросила я. Слезы текли у меня по щекам. — Это всё, что ты можешь мне предложить?

— Тебе этого мало? — Володар поднял бровь. — Я предлагаю тебе титул, должность при дворе, богатство, вечную жизнь! Глупая замарашка! В этом мире никто не предложит тебе больше. Итак? Что ты мне ответишь?

Я вытерла глаза, потом набрала в грудь побольше воздуха.

— Полижи собаке жопу, пока кровь не потечёт!

Воцарилась тишина.

— М-да, — сказал наместник, потирая переносицу, будто я не высказала, что думаю, а треснула его по морде кулаком. — Я всё время забываю, как обманчива может быть внешность. Ну что же... будем говорить как взрослые люди. Давай прогуляемся, Крысинда. Вставай и следуй за мной. И лучше, если ты сделаешь это сама, иначе стража потащит тебя силой.

Делать было нечего, я встала и пошла.

Мы шли куда-то вниз, всё вниз и вниз, этаж за этажом. Должно быть, странную мы представляли процессию: трое взрослых мужчин, два стражника и я, босая и растрёпанная. Меня шатало, ноги плохо слушались. Каменные ступени были холодные, дощатые — с занозами. Никто не озаботился вернуть мне башмаки. Мы миновали дверь, вторую, третью... Окна исчезли, стены стали влажными и белыми от селитры. Стражник отпер последнюю дверь и затеплил фонарь. Ещё минута — и недлинный коридор привёл нас в сводчатую комнату. Достаточно было бросить один взгляд на её убранство, один раз вдохнуть этот сырой застоявшийся запах, чтобы понять, что здесь мой путь и окончится.

— Смотри, Крысинда, — сказал Володар. — Смотри. Эй там, поднимите повыше фонарь! Это камера пыток. Видишь дыбу? Это дыба, Крысинда. На неё кладут человека и растягивают воротом, пока руки и ноги не выворачиваются из суставов. Она великовата, но мы

сумеем подогнать её под тебя. Это жаровня, на ней раскаляют прутья и щипцы, чтоб прижигать кожу и мясо. А вот эта решётка...

Я слотнула. Я уже всё поняла, мне ничего не надо было объяснять.

— Хватит, — сказала я.

— Что же ты отворачиваешься? Не хочешь смотреть? Зря, зря: здесь столько интересного! А ведь ты ещё не знаешь, какие у меня хорошие мастера и как они умеют делать человеку больно. Даже когда смерть ещё была реальностью...

— Я сказала: хватит! — крикнула я. — Не надо.

Он всё предусмотрел. Не нужно было ничего расписывать. И так нетрудно догадаться, что со мною будет, если я выберу этот путь. Меня посадят в эту клетку, будут мучить и морить голодом. Быть может, кто-то из особо приближённых даже будет приходить позабавиться с малолеткой, а раз в году, когда я снова буду в силе убивать, ко мне будут приводить очередную жертву, очередного неугодного придворного или того, кого они сочтут преступником. И если я убью его, мне будет послабление. А нет — нас так и будут содержать без пищи и воды вдвоём, пока я не сломаюсь и не сдамся. И так без конца. Что они придумают, когда им и это наскучит? Построят для меня лабиринт? Мразь, мразь, как же я вас всех ненавижу...

Жаль, ах как жаль, что я не умею убивать на расстоянии!

— Что я должна делать? — деревянными губами спросила я.

Наместник скрестил руки на груди.

— Моё предложение остаётся в силе, — сказал он. — Хотя свои грязные слова тебе придётся взять обратно. Впрочем, я не очень обижаюсь: мне даже нравятся такие строптивые особы.

— Очень великодушно с твоей стороны, — не удержалась и съязвила я. — А ты не боишься, что в один прекрасный день я убью тебя?

Тот усмехнулся.

— Едва ли, моя дорогая. Ведь это я налагал заклятие. Я знаю о нём всё или почти всё. Всех твоих сил не хватит, чтоб его сломать... Впрочем, до этого вряд ли дойдёт. Думаю, мы поладим. Это будет интересная и долгая жизнь. Тебе понравится. Так что ты скажешь теперь?

А что тут скажешь... Удар хлыстом невозможно не понять.

Такой беспомощной я давно себя не чувствовала.

Лучше б я осталась там, на дне колодца под камнями — там была хоть какая-то надежда.

— Я согласна, — ответила я.

Приготовления к свадьбе заняли неделю. На это время меня перевели в другие покои, где была нормальная кровать, а не продавленная лежанка, где лежишь как в корыте, а также столик с зеркалом, ковёр, занавески и всё такое, но дверь тем не менее всё равно запиралась снаружи. В остальном меня не ограничивали. Есть и пить давали вволю, на обед была оленина или почки, обязательный студень и сколько угодно хорошего сыру, а также вино, к которому, впрочем, я не притрагивалась. Я ужасно боялась объесться. Наместник был так любезен, что распорядился вернуть мои вещи, предварительно их осмотрев и сочтя для себя безопасными. Правда, джунские трофеи, которые я нашла под камнями, исчезли бесследно, а расспрашивать о них я не рискнула. Я с грустью убедилась, что рамка дала трещину и работает как попало. Должно быть, это случилось, когда я рухнула в колодец. Странно, что я не заметила сразу. Видимо, потому я и не увидела следящего за мной заклятия на

барде. Ну, хоть что-то хорошее, а то я совсем была готова разувериться в людях. По крайней мере, Кассиус не был виноват в том, что его использовали как приманку.

Едва только я дала согласие на брак, ко мне приставили двух девушек в качестве прислуги. С меня сняли мерку для платья, искупали в большой бадье и попытались уложить в более-менее разумную причёску мои волосы, которые в обычном состоянии напоминали взрыв, кое-как подвязанный тесёмкой. Я почти перестала хромать, синяки и ссадины сошли. Из зеркала на меня теперь глядела обычная девчонка лет четырнадцати, худосочная, глазастая, быть может, чрезмерно загорелая, но далеко не такая уродина, как казалось мне раньше. Всё-таки мыло, пудра и гребешок творят чудеса. Всё это время я не видела ни Володара, ни его приспешников. На репетиции свадьбы я чувствовала себя дура душой. По счастью, от меня почти ничего не требовалось, только разок сказать «да» и поцеловать жениха, которого изображала камеристка. Я надеялась, что в самый торжественный момент я смогу всё это выдержать и меня не вырвет, хотя даже мои крысятки были симпатичнее. Сам наместник (прошу прощения — князь) изволил отсутствовать. Приходилось откликаться на «сударыня» и «госпожа Александра», есть ножом и вилкой и пользоваться носовым платком. Я путалась в юбках, и ещё меня страшно раздражал корсет и дурацкие туфли на каблуках. Мало того, что всё тело чесалось, так ещё нужно было чуть ли не заново учиться ходить. Я пару раз грохнулась на лестнице и вдобавок натёрла мозоль. Придворные дамочки хихикали у меня за спиной, но в лицо ухмыляться побаивались.

Ночами я спала урывками и часто просыпалась, недоумевая, куда девались Чёт и Нечёт и что это кругом за подушки и простыни, но потом вспоминала, где я, вставала и подолгу стояла у окна. Я кое-как привык-

ла к челяди, но по большому счёту люди меня пугали. Если кто-то шёл за мною ближе, чем два шага, я чувствовала себя неуютно. Зато я обнаружила, что истосковалась по городу. Окна моих новых покоев смотрели в сторону ярмарки, и днём, если выдавалась свободная минутка, я могла выйти на галерею, куда доносились скрип тележек, крики уличных разносчиков и музыка шарманки. Две ночи я проплакала. Ещё две или три — размышляла о том, что за жизнь теперь меня ждёт. В последнюю ночь перед венчанием я спала как убитая. И то хлеб.

В день свадьбы меня разбудили, причесали, умыли и втиснули в красное свадебное платье. С утра к усадьбе стекался народ, привлечённый дармовым угощением, на городской ратуше готовились звонить в колокола. Мне не подали ни завтрака, ни даже бокала вина, но я и так была как пьяная и мало что видела из-под кисейных покрывал. Хорошо, хоть не пришлось ехать верхом, а то я бы с ума сошла от необходимости лезть в седло. Мне подали экипаж, в окошке замелькали улочки и площади, и через полчаса я уже стояла под гулкими сводами ратуши, рядом с князем Володаром (глаза бы мои его не видели). Началась церемония.

Говорят, что все подобные события скучны и похожи друг на друга, даже если женится правитель аллода. О чём думает невеста во время венчания? Я не знаю... Если честно, я как-то не ощущала себя невестой. У меня было такое чувство, будто меня ведут на казнь. Чтобы отвлечься, я начала думать о могилах и камнях. Я перебирала в памяти те склепы и курганы, где я думала пошарить, а не удалось. Наверняка мне больше никогда не суждено их увидеть. Но если уж думать, то лучше об этом, иначе, стоило мне посмотреть на жениха, перед глазами сразу вставало видение пыточной камеры. Запах свечей и ладана казался мне запахом сгорев-

шей плоти. Меня тошнило. Градоначальник, толстый, расфуфыренный, в зелёной шляпе, с лентой на груди, произносил какие-то слова, жених скучал и разглядывал ногти, нюхачи в углах переглядывались и покашливали вполголоса. Я бы не удивилась, если бы и ловчие наместника тоже оказались тут, переодетые в гражданское, с сетями и арканами под платьем на случай, если я задумаю дать дёру. Жаль, что в этих юбках не побегаешь, а то я непременно попыталась бы.

Наверное, кто-то наверху меня услышал.

Я тупо отвечала: «да...», «да...», «да...» и повторяла всякую белиберду, когда внезапно поняла, что происходит что-то необычное, незапланированное. Близился финал — какие-то дурацкие необязательные слова, как вдруг ход церемонии нарушился. Стражники заоборачивались, напряглись и вытянули шеи. Наместник сделался пунцов, надулся, крикнул что-то вроде: «Эй там! Какого...» — и осёкся.

У входа произошло коловращение, возня и толчея, истошно завизжали женщины, заругались мужчины, а стражники — неслыханное дело! — обнажили оружие в ратуше. А я от изумления разинула рот, когда в проход между скамеек выкатился непонятный светящийся шар — даже не шар, а бесформенный ком размером с большую сырную голову — и устремился в нашу сторону.

Время будто сжалось и замедлилось. Не знаю, как другие, а я всё видела необычайно ярко и отчётливо. Дамы подбирали юбки и запрыгивали на скамейки, все с проклятиями и воплями полезли друг на друга, а это ослепительное нечто, в глубине которого мелькало тёмное, неслось ко мне и «князю Володару». В первое мгновение я подумала, что кто-то попросту решил расстроить свадьбу и пустил шарогонь: убить не убьёт, но крови попортит. Но шаровой пал так себя не ведёт: он

или плывёт по воздуху, или ты его вовсе не заметишь, пока не накроет, но чтоб вертеться и скакать, как бешеные кони, — такого за ним не водится.

И вдруг в одно мгновение я поняла: не кони — крысы! Это были Чёт и Нечет. Это могли быть только они.

И они плели «косичку».

Немудрено, что их было невозможно узнать: я в жизни не видала заклятия такой мощи. Искры с них так и сыпались. Я никогда бы ни осмелилась повесить на крысят такую затравку — да я на ней сама подорвалась бы! И тут меня вторично осенило: Крив! Только он способен на такую ослепительную, феерическую пакость. Его никто не знает, ему ничего не стоило пробраться в город, затеряться в толпе, пронести крысят в сумке или в рукавах, а в нужный момент запустить их в ратушу. Не сами же они сюда прискакали в конце концов!

Но зачем ему это понадобилось?

Проще всего было воспользоваться паникой и сбежать. К тому же, в этот миг (как будто мало было суматохи) звонарь изо всех сил задёргал верёвки, и высоко над головами загремели колокола.

Я иногда бываю глупой, что да, то да. Но бывает и наоборот. Порою я сама горжусь, какая я бываю сообразительная. Так и тут. Мне хватило секунды, чтобы вспомнить, какое сегодня число, ещё секунды, чтоб понять, куда несётся крысиный клубок, где *сосредоточие*, и ещё одной, чтобы сложить одно с другим.

А недурно я их натаскала... Ведь даже я не распознала, где ловушка!

У тиранов, самодуров, диктаторов есть общая черта — они все ужасные позёры. Это их слабое место. И князь Володар (да какой он князь...) не был исключением и не придумал ничего лучшего, кроме как назначить венчание в годовщину наложения Заклятия. На-

верное, хотел произвести впечатление на подданных, быть может, даже думал показательно казнить какого-то несчастного. М-да. А что, могло сработать! И попробуй откажись: свадьба свадьбой, но ведь есть ещё и пыточный подвал.

Так или иначе, только он сам вырыл себе яму. Как он давеча говорил? «Удивительно, какими беспечными бывают люди, если они уверены в собственной неуязвимости»?

Золотые слова!

Всех моих сил не хватит, чтоб сломать твоё заклятие, наместник Хубин. Моих сил — да.

А как насчёт чужих?

Толпа в проходе, солнечный свет в витражах, шипящий ослепительный клубок и перекошенная физиономия наместника — всё слилось в одно. Я расхохоталась, сдёрнула с головы дурацкое белое покрывало, швырнула его на пол, вскинула руки и начала *расплетать*.

В конце концов, это единственное, что я умею.

Глупые люди, царёчки природы, вы думаете, вам всё дозволено! Мало вам власти над жизнью, захотели повелевать и смертью тоже? Захотели абсолютной власти, чтобы стать богами, карать и миловать? Ну так нате, получите! Я выносила вашу смерть, взрастила её в себе, вот, заберите её назад! Я двадцать лет мечтала это сделать, и теперь меня никто не остановит!

Володар не врал: именно он наложил *то самое* Заклятие на наш аллод. Иначе у меня бы ничего не получилось. На какое-то мгновение мне показалось, что крысята ошиблись, но они не ошиблись. Заклятие почувствовало приток силы, проснулось — и *открылось*. «Князь» завопил и через миг исчез в столбе ослепительного-синего пламени.

Что там какие-то нити! Это были настоящие жгуты невероятной, планетарной мощи, они тянулись вверх,

метались там под сводами ратуши, извивались и шипели как змеи. Градоначальник закатил глаза и мешком повалился под стол. Стражники с проклятиями шарахнулись назад, толпа разразилась воплями, возле дверей образовалась куча-мала. Всё было вихрь. Я почувствовала, как ноги мои отрываются от пола. Меня подняло, закружило, и было уже не понять — это я расплетаю Заклятие или Заклятие расплетает меня. Мне казалось, даже небо застонало, треснуло и осыпалось осколками. Золотые стебли корчились, рвались и распадались под моими пальцами, материя платья обуглилась, руки мои почернели, причёска вернулась в первозданное состояние. Я почти ничего не слышала и не видела, и никакая обманка тут не могла помочь. Я даже не знала, что способна на такое, но если крысу загнать в угол, она бросится на кого угодно, будь он хоть в десять раз сильнее её, хоть в сто, хоть в тысячу...

Когда всё кончилось, лишь кучка пепла на каменном полу вперемишку с обгорелыми костями, перстнями и серебряной нагрудной цепью напоминала о наместнике.

А также о Заклятии бессмертия.

Я обернулась к людям, и они шарахнулись назад, все без исключения — мужчины, женщины, торговцы и мастеровые, придворные и стражники, егеря и нюхачи. Они не понимали, что произошло. Что они видели? Девчонку в платье с обгорелыми рукавами — и всё. Вряд ли они осознали, что я только что вернула в этот мир смерть.

Я опустила взгляд. На полу лежали Чёт и Нечет. Опалённая шёрстка, поджатые лапки, закрытые глаза... Не нужно было гадать, кто принял на себя главный удар.

А потом я подняла глаза, полные слёз и успела увидеть, как по проходу ко мне, постукивая посохом, шествует Крив.

И только после этого упала в обморок.

Холодным утром я стояла на высоченной городской стене и наблюдала, как из астрального тумана призраками выплывают сверкающие хрусталём и полированной сталью летучие корабли гиберлингов. Их украшенные рунами и звёздами громады только появились на траверзе аллода, а десантные люггеры уже начали высадку. Выгнутые растяжками, гибкие и лёгкие, как стрекозы, они опускались на траву и замирали, покачиваясь на тонких пружинистых ножках. Зрелище было завораживающее, я никогда в жизни не видела ничего подобного. От него натурально кружилась голова, я крепче ухватилась за перила — и тотчас боль в обожжённых ладонях напомнила о себе. Я поморщилась и поправила бинты.

— Поверить не могу, такая красота! — сказала я, когда последний люггер коснулся земли. — Какие-то паршивые гиберлинги... Как это может быть?

— Не называй их так, девочка, — посоветовал Крив. Он как чувствовал, что я теряю равновесие и положил руку мне на плечо. Я не стала её стряхивать. — Нейтралы — не враги, но незачем гусей дразнить. Дойдёт до палаты старейшин, чего доброго ещё обидятся. А что касается тех, здешних гиберлингов, которых я... гхм... Что я могу сказать? Случается, что и люди становятся дикими. Мне очень жаль.

Я поёжилась при одном только воспоминании.

— Мне будет трудно привыкнуть. У них что, есть свой аллод?

— Да. И они единственные, кто может путешествовать через астрал на своих кораблях. Именно это я имел в виду, когда сказал, что порталы — не единственный путь.

— Как это у них получается?

Крив пожал плечами.

— Никто не знает, даже демоны астрала. Лига многое дала бы, чтоб выведать этот секрет. Впрочем, думаю, что рано или поздно мы сторгуемся. У нас много времени, а гиберлинги — жадный народец.

— А что теперь будет с нами? Мы будем жить, как все? Будем торговать с другими островами? И нам пришлют другого наместника и нового Великого мага?

Крив покачал головой.

— Не думаю, — сказал он. — Когда я уходил, великий Нефер-Ур планировал другое.

— Другое? Что другое?

— Ну, точно ещё неизвестно, но поговаривают, он хочет собрать сильных магов и объединёнными усилиями присоединить ваш остров к другому, крупному аллоду. Скорее всего, это будет Игш.

— А, — равнодушно вымолвила я. Сказанное им как-то плохо укладывалось в голове, слишком уж грандиозно это звучало, чтобы быть правдой. — И они станут одним?

— Ну, в общем, да. Если у нас получится и аллоды сольются, это может быть важным.

— Почему?

— Видишь ли, Крысинда, два — нелепое число. В этом смысле есть только единица и бесконечность. Удачный опыт может стать началом полного объединения.

— Ты думаешь, если аллоды соединятся, будет лучше?

— Смотря для кого, — вздохнул Крив. — Порой мне кажется, что лучше бы им оставаться расколотыми. Канья и Хадаган воюют, а граница есть граница. Пока всё сводится к диверсиям и высадке десанта, это мелочи, но если аллоды можно будет присоединять один к другому... — Он покачал головой. — Не знаю, не знаю. В любом случае, добавить Игшу немного земли не повредит.

— И как он будет называться? Игш? Или Оскол?

Крив опять пожал плечами.

— Поживём — увидим, — сказал он.

— Ты вернёшься на Кадаган?

— Я должен.

— А я? Что будет со мной?

— Насчёт тебя я не уверен, но... — Тут Крив поколебался. — Знаешь, я бы не хотел оставлять тебя одну. Грядут большие перемены. Работы непочатый край, не говоря уже о том, что война вот-вот может вспыхнуть с новой силой. Магический университет будет рад заполучить такую ученицу, как ты, любой из трёх — хоть на Яхче, хоть на Игше, а может, даже и на Кадагане. Я мог бы замолвить за тебя словечко перед Учёным Советом. В конце концов, нельзя растрачивать такой талант на банальное расхищение гробниц.

— А может, мне интересно расхищать гробницы!

Крив улыбнулся.

— Думаю, — сказал он, — что и этому умению найдётся применение. А теперь извини, я должен оставить тебя: нужно установить портал для общей высадки.

В самом большом и ближнем корабле открылась дверь, и оттуда посыпались пушистые фигурки гибберлингов — смешные, маленькие, в высоких сапогах и крагах и нелепых яйцевидных касках, они, тем не менее, внушали некоторое уважение, когда принялись выстраиваться в ряды с арбалетами наперевес. Я смотрела на них и размышляла. Мне было над чем поразмыслить.

По крайней мере, Крив прав в одном: мы все живём в эпоху перемен. Мой мир никогда уже не будет прежним, равно как и я сама, а стало быть, не стоит за него цепляться. Я слишком привыкла быть маленькой, пора взрослеть. Может, и правда стоит принять предложение некроманта и отправиться на дальние аллоды обучаться магии? Хотелось верить, что за краем мира, за серой пеленой астрала есть другие страны и другие города, где

меня ждут. В конце концов, разве не об этом я мечтала — чтоб меня хоть кто-нибудь где-нибудь ждал и верил, что я приду?

Жаль, мои крысята так и не увидели, чем всё закончилось.

Я похоронила Чёта и Нечета в саду на заднем дворе усадьбы, под старой яблоней. Она сильно выросла за двадцать лет, но я легко узнала место, где когда-то встречалась с Ярре. Наверное, если б я попросила, Крив мог вернуть их, заставить ожить, как тех диких лесовиков-гиберлингов, и возможно, даже колдовать, но я не захотела. По большому счёту это были бы уже не мои крысята, а просто существа, похожие на них. Пусть спят, они заслужили покой. Может быть, их маленькие любопытные искорки жизни уже отправились на поиски новых хранилищ, а может, уже их нашли. Мне кажется, незачем звать их обратно. Хотя вряд ли я найду себе таких же смышлёных помощников.

— Можно я попрошу тебя об одной вещи? — спросила я.

— Что за вещь? — Крив поднял бровь.

— Не зови меня больше Крысиндой.

Некромант кивнул и ободряюще сжал пальцы.

— Не беспокойся, — сказал он, — все имена в этом мире твои.

Я отвернулась, чтобы он не увидел моих слёз. Что-то я расчувствовалась. А между тем не время распускать сопли. Ещё посмотрим, что у них там за университет. Хотя желание назваться Индукцией у меня как-то резко пропало. В конце концов, «Волшебница Сандра Хилл» тоже звучит неплохо, хотя и длинновато. Ладно. Что-нибудь придумаю. А джунские курганы никуда не денутся.

На крайний случай есть ещё пирамида Тэпа.

А я наконец выношу жизнь.

АНДРЕЙ ДАШКОВ

БРОДЯГИ ТВЕРДИ

Мы... томительно долго спускались извилистым подземельем и вот увидели под собой пустоту, бескрайнюю, как опрокинутые небеса, и на корнях растений повисли над пустотой; я сказал: «Бросимся в пустоту и посмотрим, есть ли в ней провидение, — если не хочешь, я брошусь один».

Уильям Блейк

Nigredo или чернота — это начальное состояние, либо присущее с начала свойство хаоса, либо, в противном случае, производимое разделением элементов. Если условие разделения предполагается в начале процесса, как иногда случается, тогда союз противоположностей осуществляется подобно союзу мужчины и женщины с последующей смертью продукта союза и соответствующего nigredo.

Карл Густав Юнг

1. БУНКЕР

Свинцовый шарик в его карманных часах пересек границу первого квадранта, когда нигредо шагнул в проделанный им коридор и покинул пустоту, которая называлась «бункер» — двадцать восьмой по его личному счёту. Он выяснил это, изучая и анализируя сохранившиеся документы, надписи на стенах и прочие свидетельства давно закончившейся суеты. Пустоты с таким названием попадались довольно часто; с некоторых пор по всей многострадальной тверди были раз-

бросаны всевозможные «командные пункты», «станции слежения», «шахты», «хранилища» и тому подобные новообразования. Случалось, они медленно разрастались — как раковые опухоли в некогда здоровом теле.

Впрочем, нигредо было грех жаловаться. Раньше, благодаря обилию пустотников, ему хватало еды, даже оставались излишки. То был золотой век. Нигредо не убивали друг друга, некоторые объединялись и вместе ломали твердь. Однако времена изменились к худшему, и теперь борьба за угоды шла не на жизнь, а на смерть. Кстати, о смерти он знал не понаслышке.

Чужие языки также не являлись для него проблемой; все нигредо, независимо от того, когда они покинули Колыбель, обладали врождённым талантом постигать смысл и связь любых знаков — от иератических символов до алфавитов. В крайнем случае он мог прибегнуть к помощи призраков — мёртвых пустотников всегда было и будет гораздо больше, чем живых. Он улавливал их тонкие вибрации, и потребность в речи и мыслях отпадала вовсе.

В бункере номер двадцать восемь нигредо обнаружил шестерых. Он неплохо провёл с ними время, узнал кое-что новое, поэтому и задержался в пустоте дольше, чем обычно, — примерно на четыре спирали. Впрочем, призраки не считались серьёзной добычей, хотя и позволяли пополнить запас энергии. На этот раз он взял себе только троих — на тот маловероятный, но всё-таки возможный случай, если когда-нибудь придётся туда вернуться. По мере удаления от места смерти они быстро утрачивали питательные свойства даже при хранении в специальном контейнере.

Неутолённый голод гнал его дальше и дальше, в вечную тьму еще не пройденной тверди, взламывать которую стоило тем больших усилий, чем дольше он оставался без пищи. *Настоящей* пищи.

2. КОРИДОР

Нигредо шел в абсолютной темноте, не расходуя драгоценную энергию на бесполезный свет. Зачем ему свет? Он находился в своей стихии. Для него не было ничего более естественного, чем движение в коридоре — не важно, сопровождалось ли оно непосредственным взломом или же он проделывал это заранее. В обоих случаях продолжительность существования коридора зависела исключительно от его намерений. Коридоры могли исчезать буквально за спиной и открываться на границе ауры — на жаргоне нигредо это называлось «идти буром».

Кое-кто из ему подобных предпочитал поддерживать свои коридоры открытыми постоянно. Это требовало лишних затрат энергии, но обеспечивало определённые удобства. Крайне редко он пользовался чужими коридорами — такое нарушение негласного кодекса чести низводило его до уровня жалких тварей вроде пустотников, не имеющих понятия о взломе. Кроме того, коридор мог быть закрыт в любой момент, и для любого чужака, застигнутого врасплох, это означало неминуемую смерть.

Ему иногда снился худший из кошмаров (как предупреждение или сигнал тревоги) — он оказывался не просто заживо похороненным в тверди; он становился частью тверди, размазанным отпечатком существа в её упрощенной структуре, но прежде подышал с землёй в ноздрях и вмерзшими в базальт желудком и сердцем.

Всякий раз эти кошмары позволяли ему вовремя проснуться. И всякий раз, избежав опасности наяву, он думал: с чего бы это? Дурной сон — не обязательно следствие плохого пищеварения...

На исходе второго квадранта он решил сделать привал. Закрыл коридор на расстоянии десятка шагов в

обоих направлениях, уселся, используя стену в качестве опоры, и достал из контейнера душу пустотника.

Ужинал он также в темноте. Ни один луч не должен был помешать восприятию вибраций, которые не имели ничего общего с видимым светом. Мерцание призрака в момент, непосредственно предшествующий поглощению, мог заметить только истинный гурман... или очень голодный нигредо. Он был очень голоден. И очень высоко ценил свой голод. Пока он был голоден, он двигался. А пока нигредо двигался, он чувствовал себя живым.

3. ЛИМБ

Три спирали спустя он вошёл в Лимб.

Эта пустота считалась нейтральной территорией, одним из немногих относительно спокойных мест. Иногда её также называли Зоной Любви. В Лимбе заключались сделки, продавалось и покупалось оружие, одежда, контейнеры для призраков, источники света, спиральные часы и прочие вещи, которые делают существование возможным, сносным и даже приятным — на определённое время, не более того. Здесь можно было взять проститутку или попытаться счастья в игре. Сюда приводили захваченных пустотников, но рабство не практиковалось. Кто же захочет таскать за собой сквозь твердь обузу, которая лишает хозяина главного преимущества — мобильности?

Тут попадались тихие уголки, где раненые нигредо залечивали раны. Некоторые приходили в Лимб, чтобы умереть. Выбор последних он, мягко говоря, не уважал. По его мнению, покидать этот мир следовало так же, как входить в него — в одиночестве, хотя и через другую дверь. Исторгнутый Колыбелью, он, как и все остальные, испытывал смутную потребность в ней вернуться, но эта пустота никого не выпускала обратно...

Размышляя о смерти, он пытался представить себе свои последние мгновения. Он предпочел бы умереть без свидетелей. И самому закрыть коридор, превратив свой кошмар в окончательную реальность. Ну а если смерть застанет его в какой-нибудь пустоте? Это было другое дело. Наличие вероятности того, что его собственный призрак может быть кем-то поглощен, ему очень не нравилось. Наверное, потому он и не любил пустоты, в которые рано или поздно его приводила необходимость поддерживать существование. Истинный бродяга тверди, он никогда не покидал бы её, если бы не проклятие, разделившее жизнь надвое: на краденый свет и мать-тмю.

Как только позади него закрылся коридор, он испытал то же, что и всякий раз, когда входил в пустоту. Агорафобия, которая следовала за ним неотвязной, невытравленной тенью, терпеливо ждала своего часа. И он её не разочаровал. Нападая, она словно в мгновение ока, одним движением сдирала с него кожу. Он ощущал её ледяные объятия каждым обнажённым нервом. Она не играла, она замораживала.

От этого нельзя было избавиться — оставалось только преодолевать себя. Ему казалось, что от него вот-вот начнёт отваливаться мясо и весь он, уже не сдавленный спасительной твердью, распадётся на куски. Угроза — мнимая или реальная — исходила отовсюду; он находился под ударом, точно выползшее из щели насекомое, и удар мог последовать с любой стороны. Даже без оружия он был в несколько раз быстрее и опаснее самого натасканного пустотника и всё-таки остро чувствовал измену сознания и плоти. В пустоте было нечто инородное, отторгаемое его сущностью, которая заключала в себе имманентный изъян. Боль неизменно служила на-

★ поминанием: он должен был знать своё место, а место нигредо — в непроницаемой тьме тверди.

Как всегда, он подавил болезненные ощущения, загнал их в специально отведённую клетку мозга, срезал до терпимого уровня. Вероятно, период адаптации занимал всего несколько мгновений, но субъективно длился гораздо дольше. Это почти ничего не меняло. При необходимости он вступил бы в схватку немедленно, точно так же, как если бы ломал твердь и случайно наткнулся на чужой коридор. И вряд ли противник уловил бы различие.

Лимб пребывал в своем мрачном величии, наполненный тайнами, видениями и снами. Бродяга считал его красивым, но ощущал в этой красоте что-то чуждое, почти противоестественное. Свод нависал опрокинутым нагромождением скал, мерцавших влагой, будто усыпанные звездами небеса, под которыми никто из отпрысков Колыбели не сохранил бы рассудок даже на протяжении четверти квадранта. Зámки Спящих подпирали свод, словно колонны гигантских сталагматов, — погружённые во тьму и обвитые восходящими спиралями кошмаров. Зрелище завораживающее даже для нигредо, а о пустотниках и говорить нечего. При желании в окрестности любого из зámков можно было найти трупы или скелеты тех, кто стал жертвой старой иллюзии и слишком долго играл в молчанку с самой тишиной. Но у него не возникало такого желания, и тайны обитателей Спящих не манили его — неизбывная тоска по Колыбели не имела ничего общего с тоской по дому.

Совсем мало огней и множество оттенков тьмы... Русло подземной реки, впадавшей за много пустот отсюда в океан Абзу, многократно изгибалось, словно мозаика, выложенная из отполированных серпов; быстрая вода

отливала на перекатах расплавленным металлом с примесью фиолетовых и лиловых тонов.

Как всегда, стражники Лимба появились внезапно и словно ниоткуда. Ещё мгновение назад он никого не видел, но теперь дёргающиеся изломанные силуэты чётко выделялись на фоне невысокой скалистой гряды, которая уступами спускалась к реке. Всего фигур было шесть; от них падали тени, которым вроде бы неоткуда взяться. Одна казалась двухголовой и выглядела слегка несообразно, точно лишний палец на чёрной руке.

Пока стражники ковыляли к нигредо, их тени исполняли свой изнурительно сложный тягучий танец, огибали неровности, сворачивали за углы, проваливались в пещеры, сливались с тьмой... и удлинялись, будто где-то за ними садилась ослепительная луна пустотников. Как только стражники останавливались, тени исчезали.

Тот, кто счёл бы их медлительными, совершил бы большую и, вероятно, последнюю в жизни ошибку. Бродяга мог лишь догадываться о том, как им удаётся почти мгновенно перемещаться к месту взлома. Чутьё чутьём, но что касается охраны границы, то дело явно не обошлось без Проектора.

И только смрад опережал их. Чувствительный нос нигредо уловил запах мертвечины шагов за тридцать. Стражникам понадобилось не меньше минуты, чтобы одолеть это расстояние. Они не торопились, поскольку он не предпринимал попыток скрыться. Ещё бы — им принадлежало всё время тверди, включая Обратный Циферблат. Пока тени были с ними, они оставались неуязвимыми.

Тот, которого можно было принять за двухголового только издали, был капитаном стражи. На его левом плече сидел нетопырь, вцепившийся когтями в накладку из кожи пустотника. Иногда тварь принималась вынюхивать и вылизывать единственное ухо хозяина,

которое было лишь немного больше каждого из её собственных заострённых ушей, напоминавших отогнутые лоскуты надорванного скальпа. Временами капитан «выслушивал» напарника благосклонно, но мог и ударить по оскаленной морде, после чего ненадолго лишался второй головы: оскорблённый в лучших чувствах нетопырь опрокидывался, полураскрыв крылья, и в течение какого-то времени болтался на хозяйском плече, будто эполет.

В красном глазу капитана зажётся огонек узнавания — точно кто-то заново раздул угли в дотла выгоревшей башне:

— А-а, Твердолобый... Тебе известны наши правила. Ты должен сдать оружие. За своих пустотников отвечаешь головой.

Голос у него был сдавленный, будто он пережёвывал землю, а тон — ленивый, как и движения. Оживлялся он только тогда, когда ему перечили. Но даже в этом случае слово «оживлялся» было не совсем подходящим.

Нигредо, которого называли Твердолобым, не впервые заносило в Лимб, и он знал правила. Поэтому без возражений отстегнул обе кобуры и снял клинки в ножнах, которые принял в свои руки стражник с трепанированным черепом — этот малый двигался ещё хуже, чем остальные, и вообще не разговаривал. Тем не менее, за сохранность оружия можно было не беспокоиться. Путьницы или пропажи на памяти бродяги не случалось ни разу. Поскольку в этот раз он не привёл с собой живых пустотников и капитан это прекрасно видел, предупреждение было простой формальностью, продиктованной понятным желанием показать, кто тут главный.

Но зато нигредо имел при себе кое-что другое, а именно контейнер в заплечной сумке, и стражник не преминул спросить:

— Э-э-э... Нет ли у тебя чего-нибудь, что помогло бы моим людям скрасить вечность в пустоте?

Сила обычая. Тирания традиций. Теперь уже не узнать, кто и когда впервые предложил стражникам взятку, но с тех пор они вежливо просили «что-нибудь» в обмен на свою благосклонность. И обычно им не отказывали. С ними предпочитали не ссориться. Никто ведь не знал, что ждёт его за границей следующего квадранта. А может, и раньше.

Нигредо открыл контейнер и заглянул в стальной сосуд, наполненный отражениями. На дне его плавало нечто, напоминавшее два размытых чернильных пятна. Или клочья дыма. Или взвесь пыли. Но ни то, ни другое, ни третье.

Он сунул руку в контейнер и достал душу пустотника. У него осталась всего одна. Маловато, но сойдёт.

Стражники сделались похожими на свору голодных псов. Он почти ощутил пронзившую их дрожь ожидания. Они не сводили с него глаз, в которых засветились нездешние огни.

Душу, что трепетала в кулаке, подобно пойманной рыбке, он отдал им без сожаления.

Они сдвинулись, превратились в однородную массу, застыли; их тени слились и на несколько мгновений исчезли.

Капитан сохранял тень и достоинство. Старейший из стражников Лимба расплылся в улыбке — зрелище, от которого дети пустотников становились зайками на всю жизнь.

— Добро пожаловать в Зону Любви! — проскрипел он, а тварь, сидевшая у него на плече, распростёрла крылья, словно хотела принять голову нигредо в свои объятия и впиться ему в губы кровососущим поцелуем.

4. ТАВЕРНА

Обычно они собирались в таверне Жирного Либоумера. Приходили всегда поодиночке. Уходили иногда парами — мужчинам и женщинам расы нигредо тоже хотелось ласки. Но никакие любовные утехы и улады плоти не сравнятся с трансцендентной лаской Колыбели — с этим согласился бы каждый из них. Именно поэтому они время от времени возвращались в Лимб. Чтобы услышать пророчество Спящего. Чтобы попытаться уловить в нём туманный намёк или стёршееся от старости указание. Чтобы найти путь *домой*, проделать тот единственный заветный коридор, который ведёт в... Кто знает — куда?

В конце концов, Колыбель — это всего лишь слово.

★ ★ ★

— Земля тебе пухом, Твердолобый!

Общеупотребительное приветствие Либоумер произносил не без иронии. Ему это прощалось, как, впрочем, и многое другое. Нет ничего печальнее, чем бывший бродяга, сменивший просторы тверди на жалкую участь пустотника.

— Могила ждёт, — в тон ему ответил нигредо.

— Да я уже и рад бы полежать, вот только кто будет варить пиво для вас, проклятое племя!

— Пиво у тебя хорошее, толстяк. — Нигредо положил на стойку небольшой самородок, расплачиваясь за выпивку на много кружек вперёд. — Как ты сказал — «проклятое племя»?

Самородок мгновенно исчез в огромной лапше Либоумера. Он никогда не утруждал себя отсчитыванием сдачи.

— Ну да, проклятое и есть. Нашептала одна старуха...

— Пустотница? — Презрение в голосе нигредо появилось само собой.

— Ага. Ну и что? — огрызнулся Либоумер. — Да ты о ней, наверное, слышал. Ясновидящая. Говорят, она... э-э-э... чуть-чуть... самую малость... ломает время.

— *Ломает время?* Да ты совсем свихнулся, мать твою! Если бы она это делала, её шкура уже висела бы на Башне Циферблата.

— Ну, ей не позавидуешь. — Либоумер понизил голос и придвинулся ближе, насколько позволяло громадное пузо. Затем сообщил доверительно: — Стражники съели её глаза.

— Но ты все равно её слушаешь. Эх ты, жаба... Так что там насчёт проклятия?

— Вот сам у неё и спросишь, — обиделся толстяк, однако тут же вспомнил о других самородках, возможно, лежавших в карманах нигредо. Клиент всегда прав.

— Обрати внимание. — Либоумер повёл головой с тройным подбородком в том направлении, где за угловым столиком сидела одинокая фигура, голову которой полностью скрывал капюшон с густым мехом. — Сегодня у меня особый гость. Готов поклясться, что сюда забрела цыпочка из Льдов.

— С чего ты взял, что из Льдов? — медленно спросил Твердолобый. Запах женщины был достаточно силён.

— Я, братец, может, и жаба, но ледоколов всё ещё чую за три коридора. Э, да у тебя, кажется, с одной такой что-то было? Говорят, у них топка между ног — можно согреться, а можно и член спалить...

Ничто не дрогнуло в лице нигредо. И всё же Либоумер осёкся. Предпочёл немного отодвинуться. И сменил тему.

Она действительно пришла из Льдов — женщина с прозрачными глазами и кожей цвета пламени седьмой свечи Семисвечника. На исходе квадранта Твердолобый получил немного её огня, но так и не растопил чёрный лёд у себя внутри. Он невольно сравнивал её с той, которая уже целиком принадлежала памяти, а это почти всегда выигрышная позиция. Те, кто умерли, больше не совершают ошибок. Если минуло достаточно времени, они даже не причиняют боли. Они пробуждают только глухую тоску, и, чтобы усыпить её снова, нужно заснуть самому. Иногда он завидовал Спящим...

Женщина не была покорной, как шлюхи-пустотницы. В постели, в тесной задней комнате таверны Либоумера, началась маленькая война. Их взаимные атаки становились всё более жестокими, под конец они терзали друг друга всерьёз, забыв о том, что это всего лишь соитие. Но каждый, обнимая живого любовника, был обречён сражаться со своими призраками.

Потом он лежал рядом с ней и замерзал в тепле, источаемом разгорячённым телом. Её кожа сияла в полумраке, а в глазах было что угодно, кроме желания принять его в себя ещё раз. Вначале она была как раскалённое оружие, а чуть позже — как расплавленный свинец, когда тот начинает застывать и покрывается тусклой плёнкой, пряча жидкое нутро...

Всё равно Твердолобый был доволен. Всё, что накопилось внутри него за многие спирали одинокого странствия, сторело в костре соития у неё между ног. Правильно сказал Либоумер — это была топка. Спасительная и безжалостная. Топка, в которую он бросал то, что давно умерло, перегнило, слежалось, стало нефтью и каменным углем. То, что *должно* было превратиться в дым и пепел... Потом он почувствовал бесконечное отчуждение.

На прощание она положила ему ладонь на живот. Не надолго. Это было всего лишь мимолетное прикосновение. Но остался ожог — багровая пятерня, которая ещё долго напоминала о ней нестерпимым жжением. Эта сука из Льдов... Она дала понять ему, что могло бы произойти с ним, прежде чем он успел бы задушить её или свернуть ей шею.

А та, первая, которую он потерял, была ещё опаснее. Но это её не спасло.

6. ВСТРЕЧИ

В Пороховой Дыре нигредо пробыл недолго — ровно столько, сколько потребовалось, чтобы посетить оружейную лавку. Лицо пустотника, который стоял за прилавком, показалось ему смутно знакомым. Выяснилось, что в прошлый раз Твердолобый имел дело с его отцом, а этот был рождён в Лимбе и не так давно унаследовал торговлю. Пустотники жили мало; даже у самых свободных из них не хватало времени на поиски своей Колыбели, а у подавляющего большинства никогда и не возникало подобного желания.

Стоило Твердолобому расплатиться самородками за пять сотен патронов, как у него за спиной возник стражник с просверленной головой. Произошло это появление раздражающе быстро — быстрее, чем ноздрей коснулись миазмы *зарытого сокровища*, после чего стражник уже никуда не торопился. Неудивительно, что Ясновидящая лишилась глаз, — если, конечно, Либоумер не приврал, болтая о том, чего не видел. Но болтовня толстяка заинтересовала нигредо сильнее, чем ему хотелось бы.

Стражник провожал его взглядом до тех пор, пока он не вышел и не закрыл дверь лавки. Оказавшись в Кривом переулке, Твердолобый подозвал рикшу и велел

везти себя в Могильный тупик. Откинувшись на спинку сиденья, он некоторое время размышлял об извращённости здешних обычаев. Не то чтобы все они ему не нравились; просто, находясь в Лимбе достаточно долго, он опасался подхватить смертельную болезнь — чувство ложной безопасности. Не потому ли его потянуло в тупик? Он нуждался в инъекции веры, отрицающей вечную жизнь, — чтобы помнить о неминуемом конце. Порой ему казалось: он жил полноценно только потому, что постоянно думал о смерти.

Рикша задыхался на подъёме. Этот пустотник был уже стар, находился где-то на середине своей последней спирали и перешёл под управление Спящего В Земле. На повороте его обогнал другой рикша. Твердолобый присмотрелся к тёмному силуэту пассажира за мутным стеклом в окне повозки. Без сомнения, это был нигредо, целью которого тоже был Могильный тупик.

Встречи в пустоте. Как правило, от них оставались плохие воспоминания — но только у выживших. Впрочем, Лимб всегда был исключением из правил, и минувшая четверть квадранта, которую он провёл с женщиной из Льдов, служила лучшим тому подтверждением. Стоило подумать о ней, и он снова ощутил боль ожога — стигмат опасной любви был куда более реальным, чем тысячи слов, произнесённых в лихорадке совокуплений.

Твердолобый поспешно выбросил женщину из головы. До тупика оставалось совсем немного, если, конечно, никто из Спящих не отправил его в *грейф*. Передняя повозка уже была едва различима. Что же он успел заметить? Что силуэт за стеклом принадлежал очень крупному мужчине. И явно массивному — однако нанятый им рикша был молод и здоров. Ещё на виду оказались сапоги на очень толстой подошве с поблескивающими металлическими носами. Судя по тлеющему

огоньку сигареты или сигары, незнакомец мог позволить себе некоторые излишества.

Вроде бы простая вещь: любой нигредо опасен. Сложность заключалась в своевременном определении степени опасности. Кроме того, Твердолобый верил в совпадения, то есть в синхронность некоторых событий — она означала всего лишь, что в каждой руке судьбы зажато по несколько нитей. И хочешь не хочешь, а кое-каких встреч не избежать.

Он достал флягу и отхлебнул тревожной настойки Либоумера. Толстяк знал своё дело: кровь быстрее побежала по жилам, чувства обострились, самые отдалённые предметы приобрели необычайную резкость очертаний, будто были вырезаны бритвой из цельной глыбы темноты. Да, настойка стоила потраченного на неё серебра. Правда, Твердолобый был далёк от мысли, что Жирный Либоумер продаёт свои зелья ему одному.

7. ТУПИК

Ворота на въезде в Могильный тупик были распахнуты настежь. Твердолобый ни разу не видел их закрытыми. Как он слышал, когда-то от них была определённая польза — или ещё будет, он не помнил точно. Глядя на ажурную кованую решетку, в это было трудно поверить.

Сторожка привратника стояла заброшенная, так же, как и часовня, похожая на возомнивший о себе склеп. Часовню венчал шпиль, вокруг которого бесшумно вращалось медное кольцо, запущенное, по преданию, Отцом Взлома, чтобы положить конец спору со Скульптором о возможности вечного движения. Случилось это много тысяч спиралей назад.

Среди пустотников часовня слыла плохим местом. Некоторые исчезли здесь бесследно. И всё равно тех,

кто хотел сбежать из Лимба, тянуло сюда, как магнитом. Стены, сложенные из гладко обтёсанных и хорошо пригнанных камней, были густо исписаны антрацитом. Бесполезные молитвы и бессмысленная хула. И ещё подражания символам нигредо.

Твердолобый не находил в часовне ровным счётом ничего таинственного. Ещё одна старая клетка со сломанным замком. Пустота в пустоте. У него были другие «святые» места. Гораздо больший интерес вызывали у него могилы опоздавших. Он считал их погребёнными в назидание, даже если никто из завещавших себя Лимбу ничего такого не имел в виду. Ему нравилось, что в отличие от них у него пока есть выбор, хотя выбирал, скорее всего, не он, а Колыбель. Тем не менее, он чувствовал себя свободным, ибо мог удовлетворять свои не только сиюминутные, но и сокровенные желания.

Вот как сейчас. Завидев творения Скульптора, он велел рикше остановиться. Вылез из повозки и огляделся по сторонам. Всюду тишина и неподвижность. Должно быть, другой посетитель тупика пожелал отправиться гораздо дальше. Твердолобый решил прогуляться среди могил и того, что язык не поворачивался назвать памятниками, хотя по сути так оно и было.

Ветер.

Дождь.

Звёзды.

Ангел, вырвавшийся из гранитной плоти.

Путеводный огонь.

Падающий плод.

Сумерки.

Бесконечная мелодия.

Забвение...

Это было осязаемым и в то же время ускользало, манило за собой туда, где искушениям и предвкушениям становилось тесно. Скульптор умел делать то, чего

не умел больше никто. В то время как другие тщетно пытались отделить реальность от снов, он высекал сны из реальности. Твердолобый надеялся, что это помогло Скульптору добраться туда, куда нужно. Надеялся отчасти потому, что сам не испытывал ни малейшего желания встретиться с ним — хоть в пустоте, хоть в коридорах тверди. В данном случае его измеритель опасности зашкаливал.

Пройдя под Радугой, он наконец увидел другого рикшу, отдыхавшего рядом с пустой повозкой. Что-то мешало Твердолобому просто наслаждаться жизнью в обители мёртвых. Он не доверял никому, в особенности тем, кто разделял его пристрастия. Он ждал встречи и был уверен, что встреча состоится. Это уже не зависело от его желания. В конце концов, тупик был как нельзя более подходящим местом для тайных свиданий.

Его глаза заметили начавшееся расщепление теней; в следующее мгновение ему пришлось напомнить своим рукам, что у него нет оружия, и они остановились на половине привычного пути.

Вспыхнул огонь зажигалки, но лица за ним было не разглядеть — незнакомец раскуривал сигару, наклонив голову, а на голове у него была странная шляпа с широкими полями. Твердолобый видел только огромные руки, в которых сигара выглядела как сигаретный окурок. Сам он был отнюдь не низкорослым и отличался крепким телосложением, но мужчина оказался намного выше и шире в плечах. Вблизи его мощь подавляла.

Физическое превосходство не имело решающего значения, когда речь шла о вооружённых стычках в тверди; там все решали быстрота и точность. Убийства нигредо в Лимбе случались крайне редко, но всё же они случались.

Наконец незнакомец поднял голову, зажав сигару в зубах. Руки он отвёл назад, и полы широкого пла-

★ ща, скрадывающего очертания фигуры, распахнулись. Твердолобому хватило доли секунды, чтобы заметить матово отсвечивающие рукоятки пистолетов. И никаких стражников в пределах видимости — а ведь вооружённый нигредо находился в самом сердце Лимба. Это повергло Твердолобого в изумление.

Но плащ скрывал что-то ещё, не столь плоское и компактное, как пистолеты. Кроме того, на груди у незнакомца висел металлический предмет, который формой своей напоминал крест, увенчанный кольцом, а ещё силуэт человека с разведёнными руками. Твердолобый помнил, где совсем недавно видел нечто подобное. Уменьшенную копию такого символа носила Светловолосая в ложбине между своих прекрасных грудиц...

Незнакомец молча разглядывал его в упор. Намеренной демонстрацией силы тут и не пахло, в этом попросту не было необходимости. Твердолобый склонялся к тому, что от него ждут ответного шага — глупого или не очень. Вероятно, от этого зависела его жизнь. Он не знал, что делать, поэтому не делал ничего.

Он рассматривал чужака, не отводя взгляда и не мигая. Можно было не сомневаться, что перед ним чужак, — такого типа не забудешь, увидев хотя бы однажды. Вопрос, каким образом тому удалось пронести в Лимб оружие, оставался открытым. Незнакомец излучал силу, которой никакие законы не помеха. Лицо, будто высеченное из пористого камня, сохраняло презрительное выражение. Всё в нём было слишком крупным, за исключением ледяных глаз, глубоко сидящих в амбразурах.

Неизвестно, как долго они созерцали бы друг друга, если бы Твердолобый не почувствовал, что у него за спиной появился третий. Не нужно было оглядываться, чтобы узнать, кто это. Стражник стоял совсем близко, и от его запаха стошнило бы даже голодную крысу.

Если незнакомец и выдержал вначале эффектную паузу, чтобы дать Твердолобому возможность осознать, чем грозит постороннее присутствие, то затем он действовал без промедления. Ни один мускул не дрогнул на его лице; он умудрился даже не потревожить сигарный пепел, когда выхватил пушку и нажал на спуск.

8. КАРБОН

Твердолобый не успел даже дёрнуться — как выяснилось, на своё счастье. С некоторым опозданием он понял, что ствол направлен чуть в сторону от его глаза — выстрел уже прогремел. Крупнокалиберная пуля едва не снесла ему ухо, зато отправила стражника туда, откуда не возвращаются. Звук упавшего тела показался едва слышным.

Он обернулся и посмотрел на мертвеца, от головы которого осталась едва ли половина. И поскольку Твердолобый стал кем-то вроде соучастника убийства представителя местной власти, то имел все основания думать, что очень скоро от его головы останется ещё меньше. Кстати, стражник был тот самый, которому он сдал на хранение свое оружие.

— Зачем ты это сделал? — спросил он, ощущая недостаток влаги во рту.

— Он помешал бы нам договориться. — Голос у незнакомца оказался глухим и шелестящим, словно, пробираясь из глубин туловища наружу, преодолевал залежи мятой бумаги. Он разговаривал, не вынимая сигару изо рта, и её кончик подрагивал, выписывая огненные иероглифы. Глаза в клубах дыма поблёскивали, как слюдяные чешуйки.

— Я пока ни о чем ни с кем не договаривался.

— Это тебе так кажется, Твердолобый. — Сзади раздался другой голос, который он узнал сразу. Запах,

вызвавший прилив желания, тоже был ему знаком. Твердолобый подумал, что два ледокола на одной спирали — явный перебор.

Оглянувшись, он увидел в десяти шагах позади себя женщину, с которой действительно уже кое о чём договорился в задней комнате таверны Либоумера. Он очутился в её ловушке (чертовски хорошая была приманка) и даже не заметил этого. А она, как видно, не теряла времени даром.

Светловолосая тоже была при оружии, и он понял, что ему отрезаны все пути, за исключением самого короткого — в пустующую здешнюю могилу. На правах человека, осведомлённого о писанных и неписанных законах Лимба не понаслышке, он позволил себе заметить:

— Это было не слишком умно. Теперь придётся иметь дело с остальными. И с капитаном.

— Вряд ли, — сказал незнакомец и распахнул полу плаща пошире. Твердолобый увидел подвешенного к поясному ремню нетопыря. Зверек, несомненно, когда-то принадлежал капитану. Его голова была свернута, на шерсти и крыльях остались следы засохшей крови.

Легкость, с которой чужак избавлялся от назойливой опеки стражников Лимба, поначалу казалась сверхъестественной. Но очень скоро Твердолобый начал догадываться, что эта парочка бродяг из Льдов изобрела какой-то новый способ охоты, для успеха которой нужны, как минимум, двое. Или трое — с одним нигредо на крючке в качестве приманки. Рискованный способ...

Он пытался прикинуть, где находилась женщина в момент выстрела. Возможно, на линии огня. Но если бы она была поблизости, он бы почуял её раньше.

Он снова бросил взгляд на Светловолосую. Та подмигнула в ответ. И хотя об этом ещё не было произнесено ни слова, он знал, что ему сделано предложение, от которого он не сможет отказаться. Каковы бы ни были их

истинные цели, они рассчитали верно. Мёртвый стражник являлся неоспоримым аргументом.

— Ещё будут вопросы, крот? — спросил ледокол без иронии, употребив презрительное словечко, которое было в ходу у обитателей Льдов.

У Твердолобого было много вопросов. Но кое-что казалось ему в данную минуту самым важным. Он склонился над мертвецом, содержимое черепной коробки которого лишь подкрепляло его сомнения.

— И сколько ты настрелял?

— Этот был четвёртым.

— Значит, осталось всего несколько десятков. Не считая тех, которые появятся, когда включится Проектор. — Если в этой фразе и был сарказм, то ледокол его не заметил. Он кивнул:

— Вот именно. Поэтому пара твоих стволов нам не помешала бы.

Это уже смахивало на конкретное предложение.

— Против стражников Лимба? Я не самоубийца.

— Скажи ему, Карбон, — вмешалась Светловолосая, когда молчание затянулось.

— Я не услышал, ты с нами? — Ледокол, которого называли Карбоном, по-прежнему сверлил Твердолобого взглядом сквозь клубы ароматного дыма.

— А разве у меня есть выбор?

— Выбор есть всегда. Откуда нам знать, может, ты предпочёл бы отдохнуть в земле.

— Я предпочёл бы уйти отсюда живым и со своим оружием.

— Понятное желание. А как же Колыбель? Разве ты пришёл сюда не за пророчеством Спящего?

— Сомневаюсь, что смогу теперь его услышать.

— Кто знает. Мы тоже не прочь послушать, правда, сестра?

— Скажи ему, — повторила женщина.

— Ладно. Убить стражника проще, чем ты думаешь. Надо всего лишь отрезать его тень.

«Будь я проклят, если он не насмехается надо мной», — решил Твердолобый, но не подал виду. Карбон ему ничего не должен. И даже оружие, которое лежало в рюкзаке стражника, формально принадлежало ледоколу. Это был ценный трофей.

— Ты можешь взять свои стволы. — Казалось, Карбон перехватывает его мысли.

Твердолобый медленно кивнул и снял с трупа рюкзак. Его пистолеты и ножи покоились внутри, аккуратно разложенные по отделениям и завернутые в непромокаемую ткань.

Он прикоснулся к оружию и не получил опережающую пулю в голову. Это означало, что он принят в команду.

К новому статусу ещё надо было привыкать. Хуже всего, что придётся подчиняться Карбону и даже Светловолосой. Следовало отдать им должное — он крепко сидел у них на крючке. Они не были безумцами в обычном смысле слова и, судя по тому, что он услышал, не собирались воевать с Лимбом. Тут пахло заговором. Он не знал, что у них на уме, и утешало только одно: они не знали, что на уме у него. Пусть так и будет — до момента, когда их пути разойдутся снова. Он — бродяга и до конца останется верен себе, только себе — до мозга костей одиночка.

Твердь уже манила его благословенной тьмой и долгой тишиной, звала под защиту в своё базальтовое лоно, сулила погружение в чёрный монолит покоя, обёрнутый вуалью обманутого времени. Зов был как никогда сильным, и Твердолобый ощутил почти непреодолимую тягу, но уйти из пустоты сейчас было равносильно признанию в убийстве. В этом случае он уже больше никогда не услышал бы Спящих и лишился бы даже при-

зрачного шанса когда-нибудь вернуться в Колыбель. Слишком высокая цена за одиночество на остаток дней, который, он был уверен, оказался бы недолгим.

— Церковь Говорящей Рыбы, — сказал Карбон. — Встретимся там через четверть квадранта. И ещё одно, Твердолобый: избавься от своего рикши. Нам ведь не нужны свидетели, не так ли?

Он поднял мертвеца — легко, будто тряпичную куклу — и направился с этой избочивающей преступника ношей, равносильной смертному приговору, к выходу из тупика. Для столь крупного мужчины его походка была удивительно легкой и скользящей. Светловолосая последовала за ним, сохраняя дистанцию в несколько десятков шагов. С таким прикрытием любой чувствовал бы себя спокойно... если, конечно, уверен в партнёре и не опасаясь получить пулю в затылок.

Твердолобый почти не сомневался, что следующую остановку Карбон сделает в Геенне. Он ухмыльнулся своим мыслям и спрятал оружие под одеждой.

9. РИКША

Четверть квадранта — большой срок. Можно многое успеть, если знать, чего ты хочешь и что тебе нужно. Потеряв независимость, Твердолобый лишился привилегии следовать своим намерениям, а над его желаниями нависла тень выбора.

Пытаясь вернуть себе утраченное равновесие, он пошатался по кладбищу, постоял возле Падающего Плода, затем долго всматривался в темноту, но так и не увидел ускользнувшего от него Путеводного Огня. Будь он постарше, его, возможно, утешила бы Вода Забвения, однако зов Колыбели ещё звучал для него слишком громко и притягательно.

Настала минута, когда он почувствовал отвращение к себе и той жизни, которую вёл до сих пор. Для него это являлось достаточно надёжным свидетельством иного существования — было бы странно, если бы он стремился к тому, чего не изведal прежде. Неясно только, какого дьявола он умудрился забыть обо всём.

Он вернулся на то место, откуда начал свою прогулку в тупике. Рикша ждал его. Напуганный звуком выстрела, старик, тем не менее, не пытался сбежать. Да и где пустотник мог скрыться от нигредо?

«Нам не нужны свидетели, не так ли?»

Что ж, Карбону было проще.

— У тебя есть еда? — спросил Твердолобый у старика. Тот кивнул, ещё не понимая, в чём дело, но, конечно, не ждал ничего хорошего.

— Набери воды. — Нигредо имел в виду протекавший неподалёку подземный ручей. Рикша достал из приделанного к повозке ящика кожаный мех и отправился выполнять приказ. Он был слишком стар и, скорее всего, заранее смирился со своей участью, какова бы она ни оказалась.

Ещё до того как он вернулся, Твердолобый произвёл аккуратный «ножевой» взлом, в результате которого вскрылся узкий коридор, круто уходящий вниз. Нигредо надеялся, что при этом не потревожил никого из постоянных обитателей Могильного тупика. Он начал спускаться и поманил за собой рикшу. На глубине нескольких метров он расширил пещеру настолько, чтобы воздуха в ней хватило пустотнику как минимум на половину квадранта. Но это на крайний случай, если кто-нибудь завалит или перекроет вентиляционный канал.

Старик безропотно двигался за ним, придерживая свою повозку. Вряд ли он, несмотря на почтенный возраст, когда-нибудь присутствовал при взломе, стоял так близко перед разверзающейся твердью, вдыхал камен-

ную пыль. Твердолобый буквально кожей ощущал исходивший от него благоговейный страх. У рикши дрожали веки, но у него были заняты руки, и он не мог заткнуть уши, чтобы не слышать ни с чем не сравнимого звука — того, что среди пустотников называлось «шёпотом земли». Для нигредо не было ничего привычнее, для старика — ничего страшнее. Тот уже чувствовал себя похороненным заживо.

И предчувствия его пока не обманывали. Темнота здесь была почти абсолютной. Твердолобый сказал из этой темноты:

— Я вернусь за тобой. И хорошо заплачу.

Без сомнения, Карбон имел в виду нечто другое, когда говорил: «Избавься от своего рикши». Плевать на Карбона.

— А если не вернёшься? — прошептал старик, содрогнувшись, но нигредо уже удалялся, о чём свидетельствовали едва ощутимые колебания воздуха. На какое-то мгновение рикше почудилось, что он различает сквозь пылевую взвесь чёрный силуэт на фоне нависшего над выходом из пещеры тускло мерцающего свода, а потом снова раздался тот же невыносимый для его слуха тихий звук. Нигредо запечатывал выход.

Наверное, Твердолобому казалось, что это лучше, чем убить пустотника.

Рикша был другого мнения, особенно восьмую часть квадранта спустя, но его мнение никого не интересовало.

10. ЧЕРЕП

Пребывая в твердолобой уверенности, что никто не сможет допросить спрятанного им рикшу, он решил прогуляться обратно пешком. Сам факт обладания оружием подействовал на него благотворно; прогулка показалась даже приятной, и агорафобия отступила, толь-

ко изредка выползая из своей норы, чтобы пощекотать нервы. Небывалый случай: он дважды останавливался, чтобы полюбоваться пейзажем. Но могло случиться и так, что это было предчувствие и он видел Лимб в последний раз.

И, стоя на вершине какого-то безымянного холма, рядом с почерневшим обломком вкопанного тут деревянного столба, он снова и снова спрашивал себя: почему он не ушёл в твердь, а возвращается в сердце пустоты, словно замороженный исчезающим призраком Колыбели — вдобавок ненадёжным, как обещание. Учитывая сложившиеся обстоятельства, это чересчур смахивало на самоубийство. И точно не стоило всех прелестей Светловолосой, вместе взятых. Впрочем, её он тоже, кажется, уже потерял, не попользовавшись как следует. Это и есть жизнь: вода непрерывно вытекает между пальцев. Ты слышишь журчание; время от времени ты утоляешь жажду; ты видишь разбитые отражения — но вода течёт дальше, а ты превращаешься в грудку высохших костей...

...Примерно такую же сухую, как гигантский человеческий череп в основании холма. Кто-то вскрыл ведущий к нему коридор, который по сию пору оставался нетронутым. Череп тускло светился, имея в себе неисчерпаемый источник энергии; его свечение вызывало на расстоянии ощущение лихорадочного жара. Увидеть череп полностью можно было с единственной точки — Твердолобый очутился там словно бы ненароком, но узрел в этом перст судьбы.

Красная мёртвая голова в чреве холма представилась ему зловещим символом тайны, которая втягивает в свою орбиту пролетающие мимо обломки творения. Одним из таких бесформенных кусков космического мусора был сам нигредо, но тайна уже начала придавать ему форму и менять его изнутри. Какова цель, он не знал,

да и не его это дело. Когда работа по преобразению будет закончена, он, возможно, увидит результат — как отражение мёртвого в живом, прежде чем погрузится в благородный расплав и навеки растворится в нём...

11. СПАСИТЕЛЬ

Тем временем старик рикша начал бояться не того, что может случиться, а того, что есть. И обмер от ужаса, когда вдруг почувствовал, что уже не один. Кто-то появился в запечатанном подземелье, едва потревожив воздух. И точно не потревожив тверди. Если бы вернулся нигредо, всё было бы иначе.

Проникновение без взлома находилось за пределами понимания бедняги рикши, и, вероятно, от этого ему стало еще страшнее. Он затаил дыхание и услышал, как дышит кто-то другой. Дыхание было мощным, как ветер, дующий в Пустоте Под Небом. Старик, уведённый из той пустоты давным-давно, почти забыл, что такое небо и ветер, но сейчас вспомнил.

Раздались тяжёлые шаги и скрип земли под подошвами. Ядовито-багровый свет внезапно ударил рикше в лицо. Он закрылся руками и решил, что это конец. Безжалостные лучи насквозь прожигали веки, прижимали к осыпающейся стене...

Мгновение проходило за мгновением, а последнее так и не наступило. Наконец чьи-то огромные пальцы, которые могли легко раздавить рикшу, почти нежно прикоснулись к нему и играючи отвели его руки.

Смерть долго взирала на него. Старик испытывал запредельный ужас... но еще — впитывал утешение и надежду на избавление от муки, которой была его жизнь, и потому он всё-таки осмелился посмотреть смерти в лицо.

Старик немного приоткрыл правый глаз. Жжение сетчатки по-прежнему было почти нестерпимым, но он всё же успел разглядеть гигантский силуэт, что сливался с темнотой за пределами горящего рубинового круга.

Внезапно силуэт исчез. Однако свет не погас окончательно. На земле остался зажжённый фонарь, который освещал стены и вырезанный в одной из них конус коридора.

Прошло ещё немало времени, прежде чем рикша решился протянуть к фонарю руку.

12. УЛИЦА ЧУДЕС

Церковь Говорящей Рыбы находилась в тупике улицы Чудес, протянувшейся вдоль подземной реки от площади Шрамов. Путь до неё был неблизкий, да ещё и небезопасный, если двигаться в пустоте Зоны Любви. И хотя на площади в ожидании клиентов топтались свободные рикши, Твердолобый обогнул их, чтобы не пришлось потом избавляться от ещё одного. Он никогда раньше не убивал и не прятал в Лимбе, а старые привычки отмирают медленно. Достаточно и того, что натворил Карбон.

Твердолобый как будто ещё надеялся на лучший исход, отделяя себя от чужих преступных деяний. Но он уже по уши погряз в заговоре — и разве не свидетельством тому таинственная сила, с которой Церковь Говорящей Рыбы манила и притягивала его? Возможно, уже сегодня он услышит пророчество Спящего и ему откроется коридор, возвращающий в Колыбель. Ради этого стоило рискнуть своей довольно однообразной жизнью. Что бы он делал с ней, если бы не души пустотников, наполнявшие его неотличимые друг от друга дни и ночи видениями мира за пределами тверди?

Вспомнив, что контейнер почти пуст, он решил пополнить запас в какой-нибудь лавке. Неизвестно, удастся ли сделать это потом. Возможно, через четверть квадранта он умрёт. А возможно, придется срочно уходить в твердь. И второй вариант мало чем напоминал спасение; это было бы всего лишь продолжение затянувшегося пути — теперь уже без всякой надежды завершить его в раю Колыбели. Но, по крайней мере, у него будет кем утешиться и с кем разделить одиночество.

Чем ближе он подходил к окраине Лимба, тем хуже были видны замки Спящих, а поверх крыш всё чаще скользили сумеречные, тусклые, будто сотканые из мглистого тумана, лучи Проектора. Вряд ли кто-нибудь ещё помнил, каким таким чудесам обязана полузаброшенная и малонаселенная улица своим названием. Во всяком случае сейчас здесь чудесами и не пахло.

До сих пор Твердолобый бывал на этой улице лишь дважды, и оба раза не заходил дальше её первой трети, а о Церкви Говорящей Рыбы знал только понаслышке. Здешняя тишина казалась зловещей, покой — обманчивым, как дремота перед кошмаром. Да и разве могло быть иначе, если капитан и, по меньшей мере, часть стражников мертвы? У Твердолобого было ощущение, что он двигается по самому краю хаоса и достаточно одного неосторожного шага, чтобы опрокинуться в бездну. Для нигредо с его агорафобией бездна была другим названием преисподней.

Он шёл по той стороне улицы Чудес, что находилась ближе к реке. Тут держали свои лавки знахари, гадалки и те из нигредо, кто избежал «отдыха в земле», но уже не хотел и не мог ломать твердь по причине увечья, дряхлости или общей слабости здоровья. В этом месте Твердолобому невольно приходили на ум мысли о вырождении. На первый взгляд, мало что изменилось со времени его последнего посещения: всё та же клоака

★ никчемности, отчаяния и беспомощности. Но не здесь ли он впервые услышал от умирающего инвалида древнюю легенду о Пути Превращения и возможности изменения для прошедших этим путём до конца? Причём речь шла о настолько радикальном преображении сущности, что и Колыбель сделалась бы ненужной.

Потом ему пересказывали легенду несколько раз, даже пустотники приложили руку к её распространению, но сам он ни разу не встречал *альбего*. Он не встречал даже тех, кто взял бы на себя смелость утверждать, что видел хотя бы одного альбеда собственными глазами. Ничего удивительного. Легенда на то и легенда, чтобы вводить в искушение. Твердолобый знал об этом на примере множества призраков, обманутых призрачной мечтой. Он не поддавался. Что-то глубоко внутри него ещё помнило абсолютный, нечеловеческий покой Колыбели, и это «что-то» никогда его не обманывало.

13. ЛАВКА

По старой памяти он сначала заглянул к Коротышке. Тот был так плох, что даже не приподнялся на своём продавленном диване. Какая-то девчонка-пустотница прислуживала ему; у неё было клеймо на полголовы, и при появлении Твердолобого она вообще лишилась речи. Вглядевшись в глубину лавки, где скорчилось безногое тело Коротышки, Твердолобый понял, что здесь душами не разживёшься — у хозяина осталось слишком мало сил, чтобы удержать собственную. Поколебавшись немного, он всё-таки положил на прилавок небольшой самородок — милостыня уже никого здесь не оскорбит.

Следующей была лавка Слепой Магдалены. Вывеска утверждала, что всяк вошедший сюда за небольшую плату узнает своё будущее, а потерявший память услы-

шит правду о прошлом. Таким образом, Магдалена при-торговывала временем. Судя по виду лавки, дела у неё шли не очень. Твердолобому вспомнилась болтовня Либоумера... что-то о стражниках, съевших глаза Ясновидящей, которая научилась ломать время. Или он не так понял?..

Ещё одно жалкое подобие пороховой норы. Он прошёл мимо, не испытывая нужды в патронах. То же касалось и книжной лавки — ни одна книга не способна заменить ему призрака. Слова не могли передать того, что он чувствовал, извлекая душу из контейнера. По сравнению с витиеватым словоблудием это было настоящее, пронизывавшее до печёнок откровение.

...Он застыл перед неприметной дверью. Единственное, что заставило его остановиться и замереть, — это знак на ней, рисунок, наспех сделанный углем. Он мог бы поклясться, что это не случайное и крайне маловероятное совпадение, а послание, оставленное для него Карбоном. Или Светловолосой — какая разница. Но клятва окажется преждевременной, если за дверью ловушка. Тем не менее, он вошёл без стука.

С первого же взгляда ему стало ясно, что в этой лавке уже ничем не торгуют, и всё-таки нигреда надеялся получить то, за чем пришёл. Он улавливал необычно высокую концентрацию призраков — здесь их было больше, чем в любой из посещённых им прежде пустот.

Он различил чей-то силуэт в темноте — маленький, как будто принадлежавший ребёнку. Когда дверь за спиной Твердолобого закрылась, внутри уже неоткуда было взяться свету, но, невзирая на это, хрупкая фигура постепенно выступала из мрака. Твердолобому показалось, что она сама начала понемногу излучать свет. Это выглядело завораживающе, точно время повернуло вспять и у него на глазах пепел превращался в бумагу...

Вскоре он уже мог различить лицо — действительно детское, окружённое ореолом шевелящихся седых волос. От этого возникала иллюзия, что девочка стоит в потоке воздуха, хотя никакого потока, конечно, не было. Спустя некоторое время нигредо понял, в чём дело: вокруг её головы роился целый сонм призраков. Каждая прядь этих слишком длинных и слишком рано поседевших волос извивалась вопреки собственной тяжести, поднятая оплетавшим её незримым ужасом (и это разительно напоминало спирали кошмаров, обвивавшие замки Спящих), — однако девочка улыбалась, и в её улыбке было столько добра и покоя, что Твердолобый расслабился, хотя голос сомнения нашептывал ему: «Тебя здесь ждали». А что ещё могло делать это невероятное нездешнее существо, просто стоявшее посреди давно опустевшей лавки?

Ответ на свой невысказанный вопрос он получил почти сразу же:

— Я знала, что ты придёшь.

Нежный голос. Наверное, такой он хотел бы слышать в своём последнем сновидении. И после него собственный показался ему хриплым кашлем:

— Откуда тебе знать?

— Я вижу кое-что скрытое от глаз.

Странно, он ни на мгновение не заподозрил, что ошибся дверью и всё-таки угодил на сеанс к Слепой Магдалене.

— В Лимбе не жалуют тех, кто видит больше других.

— Это касается только тебя и меня.

Вдруг до него дошло:

— Ты — альбедо?

Она рассмеялась. Её смех, казалось, не затих полностью, а затаился во всех уголках этого мрачного дома. И если смех может превратиться в свет, то так оно и было: дом уже выглядел не старой развалиной, а ме-

стом, где древняя легенда обретала плоть. И всё-таки голос внутри него твердил своё: «Альбедо — здесь? Среди этой нищеты и грязи? Да ты свихнулся, братец. Действительно, есть над чем посмеяться. А эта кукла просто издевается над тобой. Может быть, она с её светом — порождение Проектора. И тогда ты всё испортил...»

— Тебе не удастся околдовать меня, — сказал он, не очень-то уверенный в собственных словах.

— Я ждала тебя не для того, чтобы околдовывать.

— Тогда зачем?

— А зачем ты зашёл сюда?

— Призраки, — произнёс он, наблюдая за тем, как её волосы отпрянули от него сотнями потревоженных белых змей.

— Ты не пробовал обходиться без них?

Внутренний голос был прав — она издевалась над ним. Хотя, глядя на неё, он мог без труда поверить, что ей неведом голод, одолевающий бродяг тверди. Она — альбедо, существо не от мира сего... И всё-таки её исторгла из себя здешняя клоака. Может быть, Путь Превращения не закрыт и для него?

Он сделал ещё одну попытку защититься от ментальной инфекции, которая исподволь проникала в сознание и грозила отравить дальнейшее существование:

— А ты пробовала обходиться без них?

— Ты не понял. Это они нуждаются во мне. Я их последнее пристанище, без меня они скоро исчезнут или станут пищей для таких, как ты... голодных... ненасытных.

— Значит, я напрасно теряю время.

— Не беспокойся, в Церковь без тебя не войдут.

— Ты и об этом знаешь? — Его рука медленно потянулась к пистолету.

Она пожала плечами — мол, не важно.

— Единственное, что я могу тебе предложить... — Она подняла с пола предмет, который был почти не виден в сумраке лавки. Черный пакет из какого-то непромокаемого материала. Твердолобый не сразу взял его, но с пистолетом решил подождать. Чаще всего, когда он, посещая очередную заброшенную пустоту, находил нечто подобное, в пакетах оказывались отбросы.

— Что это?

— А что ты почуял?

Сначала он взвесил пакет на руке и слегка согнул пальцы. Тот весил немного, внутри находилось что-то твёрдое и в то же время странно податливое. Нигредо запустил туда руку и вытащил на свет куклу. Голова без лица, плоское деревянное туловище, конечности из многожильного провода, напоминающего скрученную мускулатуру под содранной кожей...

Сделано грубо, но ни в коем случае не примитивно. В этой штуковине угадывалась рука мастера. Твердолобому был известен только один, который, по слухам, делал оживающих кукол. Он присмотрелся, повернул куклу другой стороной. В её туловище имелось отверстие размером как раз со свинцовую дробинку... или шарик для часов.

Игрушки Куклодела стоили настолько дорого, что мало кому доводилось их видеть. Твердолобому посчастливилось. Один раз. Издали. Насколько он помнил, тогда кукла стояла своему хозяину жизни. Не хотелось бы разделить его судьбу.

— Я предпочёл бы их... — Он не удержался от намека на окружавший альбеда призрачный рой. — И что мне с этим делать?

— Не знаю. Может, когда-нибудь найдёшь для неё время. Меня только попросили передать её тебе.

— Кто попросил? Карбон?

— Ох, какой же ты... твердолобый. Бери или не бери, дело твоё. В любом случае уходи. Нам плохо, когда ты рядом.

После недолгого колебания он решил оставить пакет у себя. Дело было даже не в причастности альбеда к сомнительному подарку и не в том, что, как он успел почувствовать, волосы попали сюда из невероятно отдалённой пустоты. За время разговора у него неоднократно возникало желание *заставить* девочку сказать больше, а в таких случаях он обычно шёл до конца — и с пустотниками, и с побеждёнными нигредо. Однако что-то останавливало его, и вскоре он понял, что именно: присутствие силы, которая лишь по своему непостижимому капризу избрала местом обитания тщедушное тело ребёнка. Только *внешне* тщедушное, поправился он. Даже Твердолобый усвоил кое-какие уроки, иначе просто не дожил бы до этой спирали. Поэтому он повернулся и вышел, краем глаза заметив, как угасает сияние у него за спиной.

На улице он почти сразу же встретился со старухой-нигредо, которая ковыляла под самой стеной откуда-то со стороны церкви. В трёх шагах от него старуха остановилась и прислушалась. Он увидел её открытые глаза без зрачков, напомнившие ему лица мраморных статуй, сохранившихся кое-где в древних пустотах. Но стоявшая перед ним древность ещё не окаменела, и от неё исходил запах отчаянной нужды.

Слепая Магдалена, не иначе.

— Эй! — окликнул он тихо. — Кто живёт в этом доме?

Старуха ощупала рукой стену, словно хотела убедиться, что не совершает ошибку.

— Никто не живёт. Уже давным-давно.

Такой ответ несколько не удивил Твердолобого. Заброшенная лавка на улице Чудес — чем не подходящее

место для встречи с альбедо... Он ухмыльнулся и пошёл своей дорогой. Внезапно в чёрном мешке шевельнулась игрушка Куклодела. Тведолобый решил, что это ему почудилось.

14. СПОР

По слухам, ходившим среди нигредо, Церковь Говорящей Рыбы была созданием самого Архитектора. Снаружи она представляла собой небольшой чёрный куб с идеальными гранями и рёбрами. В одной из граней — единственный вход. Вошедший оказывался в единственном громадном зале, который ни за что не мог поместиться внутри куба, но как-то помещался. В противоположном от входа конце зала — штуковина, именуемая Турникетом. Нужно было заплатить, чтобы пройти дальше. Рискнул ли кто-нибудь — неизвестно.

Поговаривали, будто из лабиринта под Церковью можно попасть куда угодно — даже в Колыбель, — но Твердолобый относился к таким разговорам с большим сомнением. Чтобы сомнение превратилось в уверенность, достаточно было спросить у того, кто разносил слухи, или у себя самого: откуда ты можешь знать об этом? Или: почему ты ещё здесь? На первый вопрос ответа не было. Ответ на второй Твердолобый, возможно, скоро получит. Впервые он подобрался так близко к некоторым ответам, но не испытывал ни малейшей радости и ни малейшей надежды. Когда имеешь дело с творениями Архитектора, лучше забыть о радости и надежде и сосредоточиться на крайней осторожности.

Здравомыслящие нигредо держались подальше от Церкви Говорящей Рыбы, а для пустотников она и во все была чем-то таким, что не приснится даже в ночном

кошмаре. Сны Архитектора — совсем другое дело. Вероятно, они ужаснули бы любого, однако наяву хватало и бледного их воплощения. Кроме того, как показали недавние события, не все нигредо пребывали в здравом рассудке, даже если выглядели здоровыми и уравновешенными. Это вызывало у Твердолобого наибольшие опасения. Он не мог сказать, на что способен Карбон. И только глупец, переспав со Светловолосой, решил бы, что знает, на что способна она.

Луч Проектора, описывая очередной круг, выхватил из темноты скалу правильной формы, одиноко торчавшую на берегу подземной реки. После этого она уже не пропадала из поля зрения, оставшись тенью среди ещё более глубоких теней. Таково было свойство Проектора — он наделял многие вещи видимостью, а кое кто из жалких философов-пустотников, чрезмерно впечатлившихся увиденным, решил, что Проектор наделяет вещи *существованием*. Надо же. Твердолобый избегал размышлений на эту скользкую тему. Туговато соображавший, он предпочитал всегда и везде слушать, что болтают другие.

Согласно очередной влившейся в его уши легенде, Архитектор и Уборщик однажды крепко поспорили. А началось всё с того, что бродивший без особой цели Уборщик наткнулся на целую систему туннелей, прорытых пустотниками под их гигантским надземным городом. Не то чтобы туннели сильно кому-то мешали, но, по мнению Уборщика, пустотники слишком уж зарвались и возомнили себя чуть ли не хозяевами тверди. Он решил преподать им урок, который запомнился бы надолго, в идеале — навсегда. Простая одноразовая демонстрация силы и превосходства его не устраивала, у пустотников, как известно, память коротка. Зато фантазии в избытке.

К тому времени концепция бога получила среди них широкое распространение и даже, как показалось Уборщику, успела в значительной степени себя изжить. Он захотел проверить заодно, так ли это. И ему пришло в голову, что, справедливости ради, богу не помешал бы хороший адвокат.

— Хочешь побыть их богом? — предложил он Архитектору. — Или кем-то вроде?

Архитектору было скучно. Он, как мог, забавлял себя созданием объектов с числом пространственных измерений более трёх и порой сам не понимал, куда пропадают его двуногие крысы.

— А зачем? — спросил он (на взгляд Твердолобого — вполне резонно).

— Ну, должен же и у них быть шанс, — сказал Уборщик.

— У них было множество шансов. Они не использовали ни одного.

— И всё-таки. Назовём это высшей справедливостью. В последнее время, приступая к уборке, я задаюсь вопросом: *кто* насорил?

— Ну и?

— Представь себе, ни один из них не признал: это я сам. Все они ссылаются на своего *создателя*.

— Чего же ты хочешь от пустотников?

— Признания вины.

— Это им поможет?

— Нет. Но хотя бы будут понимать, за что.

— Ну ладно. А чего хочешь от меня?

— Небольшого *божественного* вмешательства. Один шанс на миллион. Говорят, для любой религии этого вполне достаточно. Закроем туннели... но не совсем. А потом...

— Хм, — сказал Архитектор. — Коридоры-призраки. Интересная может получиться игрушка. Говоришь,

один на миллион? Готов поспорить: раньше рыба в Реке заговорит, чем кто-нибудь из пустотников найдет выход из моего лабиринта.

Легенда умалчивала о том, как Архитектор и Уборщик высказались насчёт шансов нигредо.

15. ВХОД

Свинцовый шарик в карманных часах вёл себя странно. Твердолобый достал их, желая убедиться, что не опаздывает, но ни в чем не убедился. Кроме одного: он попал в очень странное место. И даже Твердолобому было ясно, что пути назад нет. В лучшем случае он разделит с заговорщиками сомнительный триумф, а в худшем... О худшем он старался не думать. Когда речь заходила о специфических казнях, придуманных для преступивших закон нигредо, фантазия становилась излишней.

Но по пути к Церкви до него начало доходить, что недавняя встреча с альбеде — слишком уж маловероятное совпадение. Он потрогал предмет, лежавший в кармане. Многие ли нигредо получали дары от альбеде, находясь неподалеку от замков Спящих? Он не слышал о таких «счастливчиках». То ли ему сильно повезло, то ли его используют как последнего пустотника. А началось всё со Светловолосой. Вот что бывает, когда выпускаешь вождество из запертого подвала, где ему надлежит томиться в ожидании, напоминая о высшем предназначении. Твердолобый пообещал себе, что больше не сделает подобной ошибки. «Больше и не надо», — шепнул внутренний голос, подозрительно похожий на тот, что принадлежал Карбону.

А вот и он сам. Узнать его можно было по тлеющей сигаре, широкополой шляпе и громадной тёмной фигуре. Ледокол стоял, небрежно прислонившись к чёрной

★ стене Церкви. Твердолобого встретил ухмылкой. Тот знал, что и Светловолосая где-то рядом; возможно, уже взяла его на мушку. Оставалось только позавидовать слаженности, с которой работала эта парочка, а ещё — способности Карбона с выгодой торговать раскалёнными прелестями своей сестры. Или всё не так, как казалось? Ни в чём нельзя быть уверенным, когда имеешь дело с ледоколами.

— Всё-таки пришёл, крот, — прошелестела горящая бумага в глотке Карбона. Непонятно, с удовлетворением или с упрёком за то, что крот заставил себя ждать. А может, с насмешкой над его глупостью.

— Такие, как он, обычно приходят, — сказала Светловолосая, появляясь из-за другого ребра чёрного куба. — И не сдают старых друзей.

На какое-то мгновение Твердолобый испытал искушение разочаровать её. Но это вряд ли приблизило бы его к Колыбели.

Словно прочитав его мысли, Карбон высказался в своей саркастической манере:

— Раз уж мы здесь, то почему бы нам не войти и не помолиться вместе о скором возвращении в Колыбель.

— Что толку в молитвах? — буркнул Твердолобый.

— У меня предчувствие, что на этой спирали молитвы могут оказаться бесполезными. Но не забывай про пистолеты. — Карбон выплюнул сигару и достал обе свои пушки.

Как выяснилось немного позже, он захватил с собой не только предчувствие. Светловолосая тоже взяла оружие на изготовку и двинулась к проёму входа, опережая Карбона на полшага. Твердолобый держался поодаль. Он до сих пор не учуял, в чём подвох, но это ничего не значило. Засада стражников Лимба внутри Церкви? Почему бы нет? Если лабиринт и впрямь спо-

собен привести к Спящим, то разве они не позаботились как следует о своей защите?

На пороге он обернулся. Всё было тихо. То ли ловушка беззвучно захлопнулась, то ли ледоколы удачно выбрали время, чтобы вспороть брюхо святыне отупевших нигредо. Пока же Лимб выглядел погруженным в летаргию, однако пробуждение могло наступить в любой момент.

16. ТУРНИКЕТ

Шагнув в проём, Твердолобый ощутил примерно то же, что рядом с творениями Скульптора в Могильном тупике. Манящую и ускользающую тайну. Измеритель опасности «успокаивал»: пока всё не хуже, чем было четверть квадранта назад.

Потом внутренность Церкви завладела его скудным воображением. Здесь не было ничего, кроме пространства, одновременно ограниченного и бесконечного, уводящего за пределы обычной агорафобии, существующего вопреки здравому смыслу и законам, что позволяли взламывать твердь. Оказаться тут было всё равно что ходить по воде или дышать базальтом. Ни одного предмета, за который можно зацепиться взглядом. Только чёрные зеркала гладких стен, напоминающих... да, всё тот же куб, только непостижимым образом вывернутый наизнанку. И как средоточие «выверта» — тёмная воронка в стене напротив входа. Турникет. Так это называли те, кто когда-то что-то видел. Или слышал. Но явно не бывал по ту сторону.

Внезапно на стенах замерцали светлые пятна. Они двигались, увеличивались в размерах и постепенно приобретали более-менее знакомые очертания.

— Быстрее! — рывкнул Карбон и устремился к Турникету вслед за Светловолосой.

То, что луч Проектора может проникнуть внутрь Церкви, как-то не приходило Твердолобому в голову, но теперь ничто не казалось невозможным. Во всяком случае, появление стражников Лимба прямо из стен не застало его врасплох. Понимание, что конец близок и ему отводилась роль простого прикрытия, сильно отдавало горечью. С другой стороны, разве его не предупредили: «пара твоих стволов нам не помешала бы»? Честная сделка. И за любовь Светловолосой надо платить. Он проводил ледоколов недобрым взглядом и открыл огонь по стражникам.

Призраки, порождения Проектора, отделяясь от зеркал, тут же обрастали плотью. Но в этот момент они и были наиболее уязвимы. Карбон и Светловолосая расстреливали их в четыре руки, приближаясь к Турникету. Сильно отстававший от них Твердолобый больше думал о спасении собственной шкуры. Пробиваться к выходу — тому, через который вошёл, — было равносильно самоубийству. Там его ждала быстрая смерть или казнь — в конечном счёте тоже смерть, только гораздо более мучительная. И он двинул вслед за ледоколами, гадая, останутся ли у него патроны, прежде чем он доберётся до воронки. Он не исключал, что окажется лишним там, где за вход берут отдельную плату. Чтобы разобраться с ним, хватило бы одной пули в голову. Ему же понадобятся, как минимум, две.

Правда, до сведения счетов надо было ещё дожить. Поначалу нигредо удавалось отстреливать стражников поодиночке, в момент окончательной материализации, но потом они стали появляться с трёх сторон одновременно (те самые проклятые «несколько десятков»), причём палили из всех стволов, и в Церкви сделалось совсем жарко. Остро смердело сгоревшим порохом; в ушах стоял почти непрерывный грохот. Каждая гильза на гладком, словно лёд, полу представляла опасность,

однако всё же не настолько большую, как свинцовый град.

Наступил момент, когда Твердолобый почувствовал себя мишенью в тире, и от расстрела его спасала только плотная завеса порохового дыма. Своих недавних спутников он уже не различал ни прямым, ни боковым зрением и вскоре сам слегка удивился, обнаружив, что живым добрался до жерла воронки. Но чем дальше, тем страннее. С каждым его шагом стражники и стены Церкви отодвигались на гораздо большее расстояние. Он перестал ощущать отдачу оружия. Движения догонявших его и в то же время отдалявшихся стражников сделались до смешного медленными.

Ему так везло, что это настораживало (а может, и в самом деле *молитвы оказались бесполезными*). У него уже почти опустели обоймы, но, продолжая нажимать на спуск, он увидел одну-единственную вспышку ответного выстрела во мгле — неестественно долгую, будто где-то вдалеке зажёгся и погас фонарь. Вязкая стена воздуха напоминала трясину, вспаханную лениво ползущими пулями. Заклинил затвор пистолета в правой руке. Ещё несколько мгновений назад это стало бы фатальным, но теперь...

Передышка оказалась настолько долгой, что Твердолобый успел поменять обоймы и снова заглянул в сужавшуюся до размеров зрачка воронку в том направлении, куда до этого двигался спиной вперёд. По её поверхности скользили две спиральные тени, в которых он с трудом узнал искажённые силуэты Карбона и Светловолосой. Он не мог отделаться от ощущения, что на его глазах происходит нечто обратное оживляющему тени действию Проектора — трансформация плоти в видимость, бестелесную субстанцию призраков.

Все звуки словно собирались в фокус, сливались в режущую уши какофонию, затем перешли в оглуши-

тельный свист, от которого нигредо сжался и зажмурился. Свист достиг высшей точки, сделался невыносимым. Твердолобый готов был бросить пистолеты, чтобы спасти барабанные перепонки, но тут свист оборвался.

Он открыл глаза.

17. КОМПАС

Всё исчезло, словно кто-то одним ударом обрубил пуповину, связывавшую его со старым привычным миром. Окружавшая его темнота была такой же, как в глухих коридорах тверди. Но это был чужой коридор, а если верить легенде о Церкви — коридор-призрак, проложенный Архитектором. И, похоже, только Архитектор знал точно, что это означает. Ещё, возможно, знали нигредо, попавшие сюда раньше, но теперь они мертвы и уже ничего не расскажут.

Твердолобый сунул пистолет с заклинившим механизмом в кобуру и провёл перед собой освободившейся рукой. Справа, затем слева пальцы коснулись стены. Вверху он нащупал низкий потолок. Он сделал шаг, другой. Услышал чьё-то дыхание помимо своего. Почуял аромат Светловолосой...

Что ж, если ледоколы рядом, значит, он всё ещё в игре. Одно плохо: это не его игра. Он прислонился к стене. Хватит ли у них наглости взломать здешнюю твердь, или для начала они всё-таки прогуляются лабиринтом, продолжая уповать на *молитвы*? Оказалось, ни то ни другое.

Раздались шорохи, хриплое приглушённое ругательство. Звякнул металл. Зажёгся тусклый рубиновый свет. Твердолобый обнаружил, что свет падает из-за угла, а сам он стоит в тупике. Сзади — стена. Оттуда он пришёл. И не стал испытывать судьбу, пробуя, сможет ли вернуться. Он двинулся вперёд.

За углом, привалившись спиной к стене коридора, сидел Карбон. Брошенные пистолеты лежали рядом. С одного взгляда было ясно, что дела его плохи. Он получил пулю в спину; на выходе кусок свинца разворотил грудь, и Твердолобый удивился, что ледокол, во-первых, дошёл до этого места, а во-вторых, ещё дышит. И не только дышит. Он держал в своих громадных ладонях шутовину, похожую снаружи и на часы, и на старый портсигар из тёмного металла. Из-под откинутой крышки исходил рубиновый свет. В красной квадратной луже был также виден какой-то тёмный узор.

Шутовина заворожила не только Твердолобого, который начал припоминать то, что некогда слышал. Светловолосая стояла над Карбоном и смотрела вниз. Её лицо застыло багровой маской, будто глина, опалённая жаром вулкана.

— Что это? — спросила она наконец.

— А на что, твою мать, это похоже? — прохрипел Карбон, не растерявший своих привычек, даже находясь при смерти.

— Где ты его взял? — Твердолобый не хотел задавать этот глупый вопрос. Знал, что ответа не получит. Но вывралось.

— Ещё один придурок, — сказал Карбон. — Бери его и убирайся!

Слова, явно обращённые к Светловолосой, вывели её из ступора. Она нагнулась и взяла испускавший рубиновый свет предмет, который снаружи был красноватым ещё и от крови.

Твердолобый подобрал пистолеты Карбона. Не пропадать же хорошим пушкам. Затем он протянул руку к не менее ценной вещи — контейнеру ледокола. Открыл и заглянул внутрь. Контейнер оказался пустым. Карбон использовал все души без остатка.

Даже крот ледоколу не откажет в последней услуге.

— Как насчёт могилы в тверди? — спросил Твердолобый.

— Да ты свихнулся, крот, — презрительно выдохнул Карбон несколько слов и кровавых пузырей, после чего замолчал навсегда.

— Пусть остаётся здесь, — сказала Светловолосая. — Не тебе его хоронить.

Твердолобому было плевать — пусть болтает, слова не пули. Именно поэтому он не спешил прятать пушки Карбона. Светловолосая поняла это и посоветовала:

— Расслабься, крот. Обычно я не убиваю тех, с кем сплю. Ты мне нравишься. Хотя...

— Хотя что?

— До сих пор не дошло? В церкви должен был сдохнуть ты.

Он не понял, зачем она это сказала, и не стал уточнять, чей это был план. Некоторые вещи лучше не знать до конца, особенно если надеешься однажды снова затащить женщину в постель. А он, как ему только что стало ясно, все ещё хотел её. Недаром его прозвали Твердолобым.

Но даже он подозревал, что истинная причина её «благосклонности» кроется в чём-то другом. Возможно, в том, что её тоже использовали, причем не чужие, а свой. И потом, Карбон скрывал от неё, что завладел Компасом. А значит, совсем не исключено, что она тоже должна была сдохнуть в церкви.

Избежавшие жертвоприношения одновременно воззрились на мёртвого леодола.

— Он был твоим братом?

— Ха, братом... Он был проповедником в Медленном Лёду.

— И что он проповедовал?

— Что надо разбудить Спящих, если хочешь вернуться в Колыбель.

— Но... — Кое-что не укладывалось в твердолобой башке. — Когда Спящие проснутся, что будет с нами?

— Если Карбон прав, то исчезнут сны. Исчезнет Проктор. Исчезнут Льды, твердь и Зона Любви. И, само собой, мы тоже исчезнем... Радуйся, тупица! Ты вернёшься в свою Колыбель.

Что-то он не испытывал радости, хотя жаждал возвращения всем своим естеством. С другой стороны, он спросил себя, сколько можно трусливо цепляться за опостылевшую «реальность». В ней не было ничего, кроме могилы, ждавшей его на одной из следующих спиралей. А может, и могилы не было. Как у Карбона.

— И ты ему поверила?

— Я с детства была его поводырём. Вела туда, куда он приказывал.

Твердолобый нечасто чувствовал себя таким идиотом.

— Он был слепым?

— Слепым, как последний крот. Но это не мешало ему убивать.

— Ещё бы, ведь это *ты* убивала.

Она только улыбнулась. От этой улыбки его пробрала дрожь. Совсем недавно он держал эту суку в объятиях... Теперь он понял, что означали «отрезанные тени» и многое другое.

— А как к нему попал Компас?

— Значит, это Компас?

— Да. Компас Уборщика. О нём рассказывают всякое. Редкая штука...

— Карбон говорил, что когда-то наткнулся на чужой тайник в Тающем Льду. До этого он был зрячим.

— Да, возможно. Он взял себе Компас. За это Уборщик его ослепил.

— А почему он не забрал назад свою игрушку?

Твердолобый пожал плечами, но на самом деле он знал ответ или, по крайней мере, догадывался. Старый

спор с Архитектором. Один шанс из миллиона? Пусть будет два. Почему бы не помочь своей крысе в лабиринте. Слегка. Самую малость...

18. ЛАБИРИНТ

Лабиринт был хуже кошмара: от кошмара можно очнуться. С одной стороны, он вызывал агорафобию, как бездонное пространство, с другой — приходилось долаживать непрерывно зараставшие коридоры-призраки. Это была изматывающая борьба с иллюзией и реальностью, неотличимыми друг от друга. Спасал Компас, без которого плоть нигредо давно растворилась бы в тверди ложных коридоров или превратилась бы в изуродованное мясо в разрывах пустоты. Однако всего четверть квадранта спустя Твердолобый истратил такое количество энергии, что при обычном движении его хватило бы на целую спираль. Пополнить запас было негде. Судя по всему, Светловолосая испытывала то же самое. В их контейнерах не осталось душ, чтобы утолить голод.

«Ты не пробовал обходиться без них?..» Слова девочки-альбеда уже некоторое время звучали у него в голове, но он не замечал их, поглощённый странными и противоречивыми ощущениями: то сопротивление нарастало до такой степени, что для очередного шага уже требовался взлом, то внезапно наступала леденящая разреженность и страх пустоты сдирал с Твердолобого кожу. А в следующее мгновение... В том-то и дело, что нельзя было предсказать, каким станет лабиринт в следующее мгновение. Компас отсекал ложные ответвления, но не избавлял от необходимости продираться сквозь чужие коридоры или, возможно, сквозь чужое безумие, искажившее твердь до полной неузнаваемости.

Светловолосая выдохлась первой. Твердолобый почувствовал что-то вроде удовлетворения: если бы её превосходство было полным, он начал бы опасаться за свою шкуру ещё раньше, чем им удалось бы выбраться отсюда. Она не убивает тех, с кем спит? А как насчёт тех, чьими жизнями устлана дорога в Колыбель?..

Но вот она остановилась и, вконец обессиленная, привалилась к стене. Вокруг пульсировал слегка окрашенный рубиновым светом Компаса предательский туман, ещё не ставший или уже побывавший твердью. За спиной у Твердолобого медленно затягивалась дыра коридора-призрака. И хотя нигредо мог бы поклясться, что всего несколько шагов назад они прошли правый поворот, сейчас кишка заканчивалась поворотом в другую сторону.

Светловолосая сползла на пол и замерла в той же позе, в какой смерть застала Карбона. С небольшой разницей: она закрыла глаза и у неё не было огнестрельной дыры в груди. Удобный случай, чтобы исправить это. Твердолобый пошевелил пальцами, которые пока ещё слушались, хотя все его реакции явно замедлились. Он так и не поставил на предохранитель пушки Карбона...

— Давай, — сказала она, не открывая глаз. — Всё равно нам не выбраться из этой грязи. Хоть с Компасом, хоть без.

Словечко пустотников «грязь» действительно как нельзя лучше подходило для описания места, где они очутились.

Не твердь.

Не пустота.

Грязь.

Голосок альбеда снова зазвучал у него в башке. «*Меня попросили передать это тебе...*» Он совсем забыл про подарок. Рука, тянувшаяся к пистолету, почти произвольно нащупала лежавший в кармане свёрток.

★ *«Бери или не бери, дело твое... Нам плохо, когда ты рядом...»*

Маленькая дрянь что-то изменила в нём. Теперь он почувствовал это, но было поздно. Мелькнула жуткая догадка: альбеда толкнула его на Путь Превращения. Неважно, что в мешке, магия уже работает. Это было подобно яду, медленно растекавшемуся по телу. И, что гораздо хуже, не только по телу.

У него хватило бы остатка сил на то, чтобы застрелить Светловолосую, забрать Компас, пройти ещё немного... и, возможно, встретить Уборщика в одном из коридоров бесконечного лабиринта. Что тогда?

Кажется, он начал бредить. Во всяком случае, внутри него появился кто-то чужой. Тот, кто ответил ему: «Тогда я ослеплю тебя. Во имя высшей справедливости и честного спора. Глаза и мой Компас — многовато для нигредо...»

Разбитый на части, он прислонился к стене. Ноги подкосились. Он оказался плечом к плечу с женщиной-ледоколом. Она замерла в неподвижности, и он решил, что она отключилась. От этого ему сделалось ещё хуже. Внезапно она ткнула его локтем в бок.

— Один вопрос, крот. Что ты сделал с рикшей?

Он и думать забыл про рикшу.

— Запер в земле, а что?

— Карбон приказал тебе избавиться от него. Совсем.

— Рикша уже ничего не расскажет.

— Да я о другом. Ты не убил пустотника. Может, поэтому ты до сих пор жив?

Он не видел в этом смысла. Жизнь пустотника ценилась так дешево, что сама идея, будто можно выторговать за неё жизнь нигредо, казалась абсурдом. Но только сначала. Потом тот же голос в голове спросил у него: «Кто сказал тебе, крыса, что ты стоишь больше в

глазах Архитектора, Скульптора или любого из тех, кто устроил крысиные гонки?..»

Это заставило его внимательнее отнестись к её словам.

— Хочешь сказать, если рикша умрёт, то и нам конец?

— Тебе конец, крот. Только тебе. У меня кое-кто другой в залоге. Но это ничего не меняет. Похоже, их не обманешь...

— Кого?

— Проклятых рубедо.

Твердолобый поморщился. Она первая произнесла это слово, которое означало, что на самом деле их жизни принадлежат демонам пустоты. И, кажется, она была права. Ничего удивительного: после встречи с альбе-до древние легенды обрастали плотью. Кем ещё быть ублюдкам вроде Уборщика, если не рубедо, превосходящими нигредо настолько же, насколько те превосходили пустотников?

За последнюю половину квадранта Твердолобый растратил не только запас душ и патронов, но и потерял достойное место в тверди, а с ним и остатки самоуважения. Он был даже не крысой — скорее, слепым червём на предпоследней снизу ступени здешней иерархии. Червём, ползавшим во мраке неведения и обреченным сдохнуть, так и не узнав, для чего, по какой причине был низвергнут в эту темноту.

— И давно додумалась? — хмуро произнёс он.

— После того как подстрелили Карбона. Он свернул шею своему рикше. Старый глупец. Думал, Колыбель уже у него в кармане...

Если она не лгала, он попал в дурацкую зависимость от пустотника, запертого в Лимбе. Почти смешно: сам запер, но теперь не добраться. Сколько тот ещё протянет, прежде чем задохнётся?

Всё было не так, как раньше, словно его опутала невидимая сеть долгов, о которых он прежде не подозревал или от которых давно отрекся. И от этого принуждения за гранью обычного шантажа и насилия он испытывал злобу — на себя, на альбеда, на Светловолосую. Если она может столько болтать, то, значит, сможет и идти дальше.

— Вставай, — сказал он грубо и с трудом сдержался, чтобы не пнуть её сапогом.

Она покачала опущенной головой.

— Только если отдашь мне душу...

Он повторил то, что твердил чужой голос в голове:

— А ты не пробовала обходиться без них?

Она с трудом подняла голову и сквозь спутанные волосы посмотрела на него так, словно перед ней внезапно появился незнакомец. Он действительно стал другим, хотя не мог бы найти слова, чтобы объяснить, в чём заключается изменение. Прежде всего, он ощущал на себе бремя, от которого необходимо избавиться. И это бремя слепые черви вроде него называли душами...

Он взял её за подбородок. Она уже не могла не только обжечь, но даже согреть. Её кожа сделалась холодной, как влага на стенах старого туннеля. На губах появилось что-то вроде рубинового инея.

Он впервые увидел, как замерзают изнутри.

19. ПРОВОДНИК

Чем в действительности была игрушка Куклодела, Твердолобый понял немного позже. Разбуженная, она двигалась подобно нигредо с больными суставами или просто очень старому нигредо... но она двигалась. Как разбудить её, он узнал, сидя рядом с коченеющим телом Светловолосой и тоже приготовившись сдохнуть.

Шёпот чужих голосов в голове тревожил его не больше, чем лишняя царапина беспокоит умирающего от ран. То, что он считал надвигающимся безумием, пожалуй, спасало от тягостного ожидания и чересчур откровенного злорадства победившей безнадёжности. Голоса повторяли всё когда-либо им услышанное, поэтому скучно ему точно не было. Он и не подозревал, что запомнил столь многое. Чаще бесполезное, почти всегда неприятное, иногда загадочное.

Голосок девочки-альбеде отличался тем, что повторял всего три-четыре фразы. Среди них, конечно, был вопрос без ответа: *«Ты не пробовал обходиться без них?»* А ещё: *«Может, когда-нибудь найдёшь для неё время»*. О да, теперь у него было время, даже слишком много времени. Он не знал, что с ним делать. Но вдруг уловил намёк на двойной смысл вопроса, затем сам двойной смысл и, наконец, удивился собственной тупости.

Полез в карман за часами. Откинул крышку и установился на свинцовый шарик, бежавший по спирали как никогда быстро. Зачем ему теперь часы? Тем более такие, что показывают искажённое время...

Он с трудом поймал шарик непослушными пальцами. Выронил, думал — потерял. Выудил из складок одежды и вставил в отверстие в туловище куклы. Шарик провалился в гулкую темноту, из которой вскоре донёсся едва слышный и словно бы отдалённый стук. Это совсем не напоминало удары сердца. Скорее уж чьи-то шаги...

И когда Твердолобый поставил куклу на каменный пол (безысходность потешалась над ним, как над последним идиотом), та начала двигаться. Шаг за шагом. На ногах с «большими» суставами. В ритме, задаваемом потусторонним барабаном.

Вскоре она добралась до границы озарённого рубиновым сиянием пятна. Твердолобому ничего не оставалось, кроме как подняться на ноги, взять Компас из за-

★ твердевших пальцев женщины-ледокола и отправиться следом за куклой.

Уже через несколько шагов он осознал, что игрушка Куклодела не просто двигалась.

Она ломала пространство.

★ ★ ★

Он шёл по коридору, проделанному куклой, и лабиринт больше не оказывал сопротивления. Компас Уборщика пригодился в качестве фонаря, чтобы не терять из виду проводника. В рубиновом свете Твердолобому иногда казалось, что его преследует собственная тень. Но лучше собственная, чем чужие. Тем более что голоса не унимались. Одни шептали: «Глупец, тебя заманивают в ад, а кукла — посланец Кочегара». Другие посмеивались над этим: «Дурачок, ты уже давно в аду. Почему бы тебе не податься куда-нибудь ещё, для разнообразия?»

Бросая взгляд на диск Компаса, он замечал, что игра линий в узоре взломанного лабиринта сделалась совершенно хаотичной, и понимал: без проводника он пропадёт, у него не будет ни единого шанса выбраться отсюда. *«Тогда кто из вас кукла?»* — спросил новый вкрадчивый голос. Твердолобый послал его в адскую топку и продолжал идти.

Голод притушился, остался напоминанием о том, что раньше нигредо был пожирателем душ, а теперь это внушало ему такое отвращение, словно он был пожирателем падали. Он не знал, откуда брались силы, но голосок альбеда больше не задавал надоевшего вопроса.

Однажды его путь всё-таки пересекла чужая тень — настолько быстро, что он не успел обернуться и увидеть её. Лишь багровым отблеском мазнуло по глазам. На мгновение обдало жаром затылок. Сзади и справа, а затем слева возникли и сразу затянулись чёрные дыры.

Кто-то из рубедо шёл «буром», и Твердолобый понял, что ему снова сказочно повезло. А может, не повезло. Может, это Уборщик уже забавлялся с ним, сужая спираль вокруг намеченной жертвы. Мысль избавиться от Компаса была трусливой и дурацкой, но она возникла, хотя не он взломал чужой тайник во Льдах.

С некоторых пор темнота не казалась ему уютной. В ней не было спасения от агорафобии, только самоослепление. Как будто не видеть орудие пытки означало избежать её... Кожа на руках потрескалась, потемнела и зудела. Точно так же зудело лицо. Твердолобый был уверен, что виной тому — рубиновый свет Компаса, холодный и всё равно обжигающий. Не чувствуя тепла, он обливался кровавым потом.

Его опыт оказался бесполезным; он не испытывал прежде ничего подобного, хотя ему приходилось ломать твердь в окрестности действующего вулкана, а однажды, по молодости и по глупости, он предпринял почти самоубийственный спуск к Нижней Границе. Тогда нигредо едва не изжарился заживо и мог потерять жизнь, но сейчас он терял себя.

На какое-то кошмарное мгновение ему даже почудилось, что он переселился в ковыляющую куклу — вернее, в контейнер внутри её груди, где тоже был лабиринт, по коридорам которого перекатывался свинцовый шар, угрожая раздавить его. То было пристанище пойманных проводником душ, чьи опустевшие оболочки теперь тащились следом за новым хозяином... или к новому хозяину?

Потом наваждение прошло, но не совсем. Оставшаяся неопределенность разъедала внутренности, как слабая кислота. Это длилось слишком долго, но невозможно было сказать — сколько. Пару раз, забывшись, Твердолобый подносил к глазам мёртвые часы. Сквозь пелену,

застилавшую мозг, пробивалось понимание того, что, убив свои часы, он убил само время.

Но коридор внезапно кончился, и вслед за куклой он вошёл в пустоту.

20. КОЛЫБЕЛИ

Поначалу Твердолобому показалось, что он очутился среди мертвецов. Никто из них не двигался. Никто не шевелился. Никто не дышал. Некоторые внешне напоминали пустотников, другие — нигредо. Третьи никого не напоминали, потому что раньше он не видел таких существ. Среди них были четвероногие, шестипалые, многорукие, существа на колесах и на гусеницах, гибриды рикш и экипажей, слепых пони и зрячих всадников. Были миниатюрные — не больше куклы, что привела его сюда, — и гигантские, лишь части которых нащупывал в темноте свет Компаса и взгляд Твердолобого. Лица были спокойны и безжизненны — у тех, что имели лица. Их недвижимое и безмолвное присутствие нарушило самогипноз, в котором двигался нигредо, и он попытался понять, где находится.

Пустота имела форму спиральной раковины, и кривизна её стен постепенно увеличивалась. Прежде это означало бы, что рано или поздно он окажется в центре спирали, но после Церкви Говорящей Рыбы Твердолобый уже ни в чём не был уверен. Мертвечиной не пахло. На самом деле здесь не было мёртвых. И возможно, скоро не останется живых. Одни лишь создания Куклодела. Проводник вернулся к своим. Но было ли куда вернуться бродяге нигредо?

Спиральная пустота сужалась, превращаясь в подобие постоянно открытого коридора. Игрушки стояли так тесно, что за ними почти не было видно стен, а проход сделался таким узким, что Твердолобый поневоле

задевал их. Для него, привыкшего к одиночеству, эти прикосновения были мучительны. Они вводили в заблуждение. Не пустота и не твердь. Не грязь. Даже не плоть. Жутковато реалистичное подобие плоти...

Чужое движение застало его врасплох. Два нигре-до, стоявшие лицом к лицу по обе стороны коридора, схватили его за плечи в тот момент, когда он проходил между ними. Судя по внешности, это были ледаколы — высокие, массивные и, как с опозданием заметил Твердолобый, похожие на Карбона, словно единоутробные братья. Он оказался зажат почти намертво. Дергаться бесполезно. Руки блокированы. О пушках можно забыть.

Ледаколы обезоружили его быстрыми четкими движениями. Их лица ничего не выражали. Глаза смотрели (если смотрели) прямо перед собой. Забрав у него пистолеты и ножи и оставив ему Компас, они толкнули его вперед.

Дальше. Иди дальше.

За это время кукла успела скрыться за поворотом, но заблудиться теперь было невозможно. Разве что... Твердолобый попытался уйти в твердь. Отодвинул от стены какого-то старика-пустотника и начал взлом.

Тщетно. Он не смог сделать ни полшага. Тупо уставился на стену, как на собственную надгробную плиту. Почувствовал, что значит оказаться *запертым*. И только потом узнал в пустотнике рикшу, которого оставил умирать в Могильном тупике. В отличие от других игрушек рикша улыбался ему из своей безжизненной неуязвимости. Правда, эта улыбка выглядела слегка натянутой.

Из-за поворота падал свет. Твердолобый сунул в карман Компас, сделавшийся бесполезным, и двинулся на встречу судьбе, какой бы та ни была.

Постепенно его взгляду открылось место, где заканчивалась (или начиналась — смотря откуда и куда идёшь) раковина пустоты. И опять странность: это место было необъяснимо огромным и здесь уже представлялись иллюзией пройденные витки опутавшей его спирали. Низкий свод напоминал изъеденную червями деревянную поверхность или некую карту.

Свет исходил от огромного существа, сидевшего за столом в глубине пустоты. Судя по всему, существо спало, положив голову на руки. Длинные спутанные волосы казались розовыми от сочившегося сквозь них багрового света, но это были седые и почти прозрачные волосы древнего старика.

Несмотря на умиротворенность и полную тишину, даже спящий Куклодел — Твердолобый решил больше не обманываться на сей счёт — внушал страх и тревогу, как и положено одному из хозяев тверди. И не меньший страх внушали предметы, рядами стоявшие в пещере, отчего последняя напоминала дешёвую ночлежку для пустотников где-нибудь в Лимбе. Однако, приблизившись, Твердолобый убедился, что всё обстоит гораздо хуже — по крайней мере, для него.

Колыбели.

Это были колыбели. Но не только. В некоторых из них лежали игрушки — далеко не младенцы. То ли незаконченные, то ли отслужившие свой век, то ли приготовленные к обновлению. Их нагота была предельной и отвратительной. Гибкие трубки и шланги торчали из отверстий тела и тянулись куда-то в темноту. Кое с кого была снята кожа. У одного существа — явного нигредо по формам и пропорциям — был вспорот живот, отсутствовали внутренности, а глазные яблоки были вынуты из глазниц и закреплены при

помощи хитроумного приспособления на некотором расстоянии от лица. Твердолобый мог бы поклясться, что зрачки выпотрошенного нигредо следили за ним, пока он проходил мимо. Но больше ничто не шевельнулось.

Кроме того, здесь были и пустые колыбели. Рядом с ними лежали инструменты посмертной или дожитной пытки. Кожаные ремни, двойные шипы, похожие на раскрытые птичьи клювы, полые рёбра наконечников, резиновые кишки, усеянные мелкими зубьями языки, бронзовые пауки и сотканные ими прозрачные покровы...

Несмотря на усталость и ступор, Твердолобый почувствовал зловещую иронию, заключённую в этой картине. Здесь было всё, о чём шёпотом рассказывали друг другу бродяги тверди — и многое другое, — но разве о таком возвращении он мечтал и разве был похож окружавший его стылый кошмар на райские видения, на средоточие покоя и счастья, каким грезилась ему Колыбель?

Куда привёл его шарик вместо сердца, жертвоприношение в Церкви Говорящей Рыбы, мёртвые часы, украденный Компас? В замок Спящего, куда же ещё. И даже Карбон не обманул. Возможно, кто-то выиграл пари, поставив на нигредо, но он не мог оценить этого. Неумолимая сила тащила его дальше.

Теперь он ничем не отличался от куклы, за которой пришёл сюда. И ему открылась окончательная неутешительная истина: они оба двигались не потому, что хотели и выбирали, а потому что таким было вложенное в них свинцовое предназначение — вместе с понятием о безвозвратно уходящем времени, ложной памятью о Колыбели и способностью ломать твердь.

21. КУКЛОДЕЛ

Разбуженный его шагами и дробным топотом проводника, Куклодел медленно поднял огромную голову. Опутанная волосами, словно коконом, она напоминала состарившееся кровавое солнце пустотников в ореоле медленно истекавших из неё лучей. Свечение было тусклым, но всё равно Твердолобый не мог смотреть на создателя прямо; его ослеплял не свет, а сила, что преодолевала волю изгнанника или, возможно, заблудшего беглеца.

Жутким голосом, похожим на скрежет камня и шум обвала, хоронящего очередную пустоту, и так, словно задремал лишь ненадолго и они расстались каких-нибудь четверть квадранта назад, Куклодел произнёс:

— А, вот и ты, малыш... Иди к папочке. — И раскрыл ладони, каждая из которых была размером с колыбель.

Твердолобый до последнего мгновения надеялся, что хозяин обращается к кукле-проводнику.

Но он ошибался.

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

МИРАКЛИН

— Давай же, парень, — сквозь зубы зашипел Адам. — Нам пора убраться отсюда.

Эйб повис на руке тряпичной куклой, и Адаму пришлось ухватить его за шиворот и крепко тряхнуть, чтобы снова начал перебирать ногами.

Ощупью пробираясь по полутёмным портовым труппам, Адам старался выбирать улочки темнее и глуше. Раз или два хозяева здешних мест, принимая Эйба за

перебравшего гуляку, пытались потолковать с ними по вопросу неожиданных капиталовложений. Но всякий раз, осознав свою ошибку, торопливо убирались восвояси, предоставив джентльменам самим расхлебывать свою кашу. Адам не боялся лихих портовых парней. Может, потому, что в нём мало осталось от джентльмена. А может, из-за того, что страх, который мог бы остановить его, остался далеко позади — в чистой маленькой лаборатории отцовского дома в Мэйдстоне — в том самом доме, где некогда был магазинчик миссис Перкинс. Магазинчик, куда, по слухам, некогда заходила за сахаром сама Френсис Киддер. И единственным страхом, который гнал сейчас Адама по дуврским дышащим гнилью закоулкам, было видение качающейся пеньковой петли.

По телу Эйба прошла едва заметная дрожь, из горла вырвался стон. И Адам зажал ему рот.

— Держись, братишка, — шепнул он. — Не смей сдаваться сейчас.

Адам втолкнул Эйба в тёмную нишу. Рядом тотчас вспыхнул яркий свет. Открылась расшатанная дверь кабака, наружу вывалился подвыпивший матрос в компании ярко раскрашенной девицы. Шёл сорок шестой год. Война окончилась, но морячок, видно, не заметил этого — он нагло оглядел Адама с головы до ног, стряхнул с руки хихикнувшую девку и, широко ставя ноги в грязных военных ботинках, направился к нему. Синий необъятный клёш на мгновение прильнул к ноге матросика, намекнув Адаму — у этой птички найдётся пёрышко.

Адам видел много птичек — морских и сухопутных. Видел через внимательное око пулемётного прицела. Видел, как, несмотря на свои пёрышки, винтовки, кительки и шинельки, они падали в весеннюю грязь, без-

ропотно подставляли лица под клювы падальщиков, отдавали мародерам казённые воронные сапоги.

— Закурить не найдётся? — ухмыляясь, спросил матросик. Адам заметил, как из двери кабака появились ещё двое парней и, учуяв назревающую драку, направились к ним.

— Завязал, — небрежно уронил Адам, стараясь закрыть собой сползающего по стене брата. Эйба трясло как в лихорадке, парнишка вцепился в пальто Адама и снова застонал.

— Здоровье берегу, — бросил Адам в лицо матросику.

— Здоровье он бережёт, — громче выкрикнул тот через плечо, отчего папироска в углу его рта подмигнула Адаму красным глазком. Приятели задиры прибавили шагу, на ходу закатывая рукава. — О здоровье думают тыловые крысы. Уж не сидел ли ты, парень, в кабинетике, пока мы кровь проливали... За королеву...

— Думаю, друг, что королеве едва ли нужен грог, что течёт в твоей проспиритованной туше. — Адам осторожно нащупал за пазухой «смит-вессон». — Шёл бы ты стороной и не мешал человеку.

— Эта вонючая крыса... — обернулся было к товарищам морячок. Адам мысленно прикидывал, что делать с третьим, на которого не хватит пули, и успеет ли он уволочь Эйба из этой дыры, пока на крик девки не сбегутся местные.

Девка завизжала, хотя Адам ещё не выстрелил. Матросик побледнел, застыл с открытым ртом, и папироска, прилипшая к его губе, задрожала. Адам почувствовал, что тело Эйба выгнулось дугой, рука, вцепившаяся в его пальто, разжалась.

— Бог мой, парень, нет, — с досадой прошептал Адам, ныряя в темноту и подхватывая брата под руки, — Это же Дувр, братишка. Они тебя повесят...

Под истошный крик девки матросики бросились наутёк. И вслед за ними из переулка шагнул небольшой, в холке не крупнее лошади, длинный, мягко отсвечивающий зеленью ящер.

Ощерившись, рептилия выбросила вперёд длинную суставчатую лапу, сцапала задиру-матросика и поволокла по плевкам и отбросам.

Адам вытащил из-за пазухи короткую толстую палочку, вложил её в яростно клацающие зубы брата и держал, покуда Эйб не затих:

— Ну же, Абрахам, убирай эту тварь, мальчик... — ласково попросил он, но Эйб блаженно улыбался, бессмысленно глядя в чёрное исколотое звёздами небо. Тварь с глухим влажным чавканьем заглатывала ногу истошно вопившего драчуна. К чести выпивохи, тот не только надсаждал горло, но и умудрился выхватить нож и пару раз ударил им по фосфоресцирующей чешуйчатой морде.

Адам поднялся, приблизился, выстрелил твари в жёлтый круглый глаз, потом подхватил на плечи обмякшего Эйба и нырнул в темноту.

Весной 1879 года, в тот самый день, когда солнце нещадно жгло осоловевший от зноя Париж. Когда упрямый зануда Альфонс Бертильон, лелея в голове честолюбивые мечты, корпел над полицейскими карточками. Когда седеющий Жан Серве Стас, первооткрыватель способа выделения растительных алкалоидов из трупного материала, вносил правку в очередную статью. Когда в далёкой Германии Юлиус Конгейм подтвердил инфекционную природу туберкулёза, Людвиг Бригер обмакнул перо в чернила и вывел на девственно чистом листе первые слова своего «Ueber Ptomaine», а юная красавица Амелин Сидэ заметила в дверях книжной лавки месье Тибо скромно одетого молодого доктора... Так вот,

в этот самый день в Лиможе, в небольшом розовом домике с эркерами жена аптекаря Этьена Миро Эрнестина произвела на свет первенца — Рене.

И, пожалуй, никто. Ни доктор Вернон, присутствовавший при родах, ни счастливый отец, ни бабушка — мадам Клер — никто не предполагал, что этот краснолицый, захлебнувшийся плачем младенец всего через пару десятков лет принесёт в этот мир чудо.

Сам Рене тоже до поры до времени не подавал признаков гениальности. Как все окрестные мальчишки, он по воскресным дням ходил с маменькой и гранд-мам в церковь и покорно рассказывал святому отцу, как начинал дёгтем круассаны мадам Элоизы и как они с Жаном и Матье, сыновьями булочника Лаватена, на днях открыли перочинным ножом мёртвую крысу.

Священник мягко журил Рене за круассаны, втайне благодаря провидение, покаравшее гадкую сплетницу Элоизу. А вот за осквернение тела твари Божьей Рене, а также и более молчаливые на исповеди братья Лаватены каждый по две сотни раз прочли «Отец наш небесный» и обещались до самой Пасхи помогать церковному комитету убирать цветами алтарь. Что с успехом и выполнял Жан. Матье, к сожалению, не проявил достаточного вкуса и был привлечён к уборке и ремонту церковных скамей. А Рене? Рене составил несколько замечательных букетов для воскресной службы и, походя, начинил церковные свечи похищенной из аптеки Этьена Миро серой.

Даже заступничество мадам Клер, имевшей вес в церковном комитете, не смягчило гнева святого отца. Грех осквернения мёртвой крысы остался неотпущенным, а нечестивец Рене перестал сопровождать маман и мадам Клер на воскресные богослужения. И, признаться, не слишком расстроился. Его больше занимала мёртвая крыса...

Эти твари были повсюду. Их зрачки фосфоресцировали в темноте. Эйб лежал на деревянном ящике, укрытый от любопытных глаз сваленными в груду мешками. Адам подтащил к нему пару бочек и, поднатужившись, поставил одну на другую. В воздухе резко запахло порченной рыбой. Теперь даже самый внимательный пассажир «Екатерины» не заметил бы в нагромождении груза распростертое на досках, неподвижное человеческое тело. А если бы все-таки заметил — молча поспешил удалиться, решив, что бедняга уже переселился в более счастливое и весёлое место, где не было ни алчных крыс, ни сизой пыли, лохматой, как клочья ваты.

Но юноша был жив. Адам уже не верил обманчивой неподвижности брата. Лицо Эйба казалось чистым и безмятежным, как сентябрьское вечернее небо. Но Адам знал, что через какие-то пятнадцать-двадцать минут это небо вспыхнет, и мечущиеся лучи прожекторов выхватят из бархатной синевы чёрные силуэты «юнкерсов». Эйфория, охватывавшая брата после каждого чуда, проходила. Оставалось лишь надеяться, что «Екатерина» придёт в Кале в срок.

Барка мерно покачивалась на волнах. Эйб спал. Пока он спал, Адам мог отдохнуть. Он прикрыл глаза, но не убрал руки с рукояти «смит-вессона». Сон Эйба становился с каждым днём всё короче, и один Бог знал, во что в следующую минуту придётся всадить пулю.

В правом кармане оставалась ещё одна — последняя доза. И Адам надеялся лишь на то, что в Кале найдётся сумасшедший, готовый продать ему ещё.

Осенью 1891-го, когда в Брюсселе умирал Жан Сервэ Стас, а в далёком Санкт-Петербурге Иван Петрович Павлов намечал перспективы нового отдела физиологии Института Экспериментальной Медицины. Когда Роберт Кох возглавил основанный им Институт инфекци-

онных болезней в Берлине, а Михаил Фёдорович Попов отдал в редакцию «Известий Томского Университета» статью «О птомаинах, токсальбуминах и об иммунитете», в маленькой лиможской аптеке появился новый помощник — сын аптекаря Рене. В день, когда Попов, заведующий кафедрой судебной медицины Императорского Томского университета, обрушился с критикой на идею Ломброзо о «порочной организации» преступников и провозгласил, что преступником человека делает воспитание, — в тот самый день Этьен Миро вернулся домой раньше обычного и собирался уже плотно поужинать, когда Эрнестина заговорила с ним о Рене.

Мальчик рос непослушным, огорчал святого отца, мать и бабушку. Под потоком жалоб супруги Этьен отложил ложку, молчаливый, как кладбищенская статуя, направился в кабинет и потребовал к себе сына.

Через месяц с небольшим Рене начал работать в аптеке у отца. По совести сказать, Этьен Миро не слишком хорошо представлял, что делать неуёмному подростку в стенах аптеки, и потому Рене чаще скучал от отсутствия дела и доверия родителя, по сотому разу переминая склянки, протирая пол или окна. От скуки он начал читать.

За чтением статьи «Применение пикриновой кислоты при определении растительных алкалоидов в токсикологии» в одном из новых, только что привезённых отцу парижских журналов, и застал мальчика звонок колокольчика.

Этьена Миро вызвали к мадам Лаватен — бедняжка лежала без чувств, муж опасался за её жизнь и раскусок, но никак не мог отыскать доктора. Причиной бедственного положения мадам послужила гибель Матье — его нашли поутру возле дерева, где мальчишки устроили себе дом на ветвях. Матье упал и разбился.

Испуганный и встревоженный, Рене попросился с отцом.

Покуда месье Этьен хлопотал вокруг мадам Лаватен, Рене прокрался в комнаты, где, окружённый свечами, лежал мёртвый товарищ. Но, увидев его бледное, восковое лицо, заострившийся нос, сизые губы, Рене не почувствовал ни страха, ни отвращения, ни печали — маленький, похожий на лисёнка, он шмыгнул к гробу и внимательно вгляделся в лицо Матье.

— Мсье, — тихо сказал он отцу в экипаже по дороге домой, — мне кажется, Матье не умер...

— Я понимаю тебя, мой мальчик, — снисходительно отозвался аптекарь. — Он на небесах и смотрит на тебя.

— Нет, отец, — возразил Рене, и голос его окреп. — Я думаю, его убили. Я заметил на его шее пятна, думаю — его задушили, а потом сбросили с дерева.

Через шесть месяцев убийца Матье Лаватена был казнён. Рене Миро продолжал тайком вскрывать крысы, не ведая, что его судьба уже предрешена.

Ночь была так темна, что Адам не опасался случайных прохожих. Чёртовы лягушатники оказались ещё трусливее своих — взять новую дозу было неоткуда. Адам снял комнату в грязной гостинице, накрепко прикрутил Эйба к кровати, вколол брату морфий.

Пожалуй, за пару монет он уговорился бы с местными о помощи, да только дельце было не шуточное. И полагаться можно было только на себя. Поэтому он впервые за долгие месяцы решил оставить брата одного.

Адам размахнулся и воткнул лопату в землю. Искать свежую могилу в такой темноте было трудно — он пошёл на запах живых цветов, щупал пальцами ещё не осевшую землю. Наконец, выбрав наугад могилу, Адам принялся быстро, не щадя сил копать, покуда лопата не чиркнула о крышку гроба.

— Прости, друг, — тихо шепнул он, поддевая лопатой доску, — может быть, Господь наш простит тебе твои грехи за то, что я сейчас вынужден сделать.

Адам расстелил на земле простыню, взятую с кровати в гостинице, стараясь не дышать, вытряхнул на неё тело, развернул кожаный футляр с инструментами. Брюшина трупа поддавалась легко, скальпель вошёл почти беззвучно. Адам ощупью нашёл то, что требовалось, тщательно отделил материал и положил во флагу со спиртом. Наскоро забросал гроб землёй, молясь, чтоб Эйб дождался его возвращения.

Парню было плохо — комната кишела тварями. Адам набрал ванную, переловил химер и утопил, чтоб не мешали работать. Пристрелить проще, да только постороннее внимание ни к чему. Реактивов почти не осталось: эфир и едкий калий отсутствовали вовсе. Адам выругался — в который раз за вечер.

Абрахам выгнулся, хрипя. Лопнула верёвка. В углу комнаты сгустилась тьма, и из неё тотчас соткались, устремились к нему полтора десятка толстых осьминожких щупалец. Адам пару раз со злости ударил по ним кочергой и вышел. Кажется, на соседней улице есть небольшая аптека, возможно, если быть тихим и осторожным, лягушатник не заметит, что кто-то пользовался его гостеприимством.

В 1902 году, когда дело Роз Харсент стало известно далеко за пределами тихого Писенхола. Когда эсер Балмашев был повешен за убийство министра внутренних дел Сипягина. Когда пришедший на улицу Фобур Сент-Оноре в дом № 157 Альфонс Бертильон обнаружил на месте убийства его слуги Жозефа Рейбеля осколок стекла с жирным отпечатком пальца — и захватил с собой в лабораторию... так вот, в тот год молодой Рене Миро был всего лишь одним из многих молодых ме-

диков, которых судьба привела под крылышко Сюртэ. Усердный анатом, Рене любил своё дело и был достаточно честолобив, чтобы добиться многого. Но даже он не предполагал, что первым шагом к мировой славе станет дело Амелин Ортанс.

Амелин Ортанс (урождённая Сидэ) была женой доктора Жана Мориса Ортанса. Супруги благополучно прожили в браке более двадцати лет, подавая друзьям и знакомым пример супружеских отношений. Но безоблачному счастью не суждено было длиться вечно — Амелин заболела. Убитый горем муж диагностировал туберкулёз. От этой болезни Амелин скончалась на руках супруга и была похоронена на кладбище Монпарнас — безутешный Жан Морис не жалел денег и не скупился на обещания и мольбы. Ведь речь шла о его Амелин.

Мадам Ортанс так и упокоилась бы с миром, если бы не анонимное письмо, заставившее полицию заподозрить неладное. Неизвестный утверждал, что супруг облегчил мадам Амелин переход в мир иной при помощи таинственного яда, который тот приобрел незадолго до смерти супруги в Новом Свете через цепочку знакомых.

Следователь, не менее честолобивый молодой человек, немногим старше Миро, вцепился в дело, надеясь, что таинственный яд обеспечит ему внимание газет. А на стол к Рене лег трупный материал, полученный при эксгумации тела Амелин.

Дело окончилось, едва начавшись. Жан Морис признался, что отравил жену мышьяком, не в силах видеть её страдания. Суд признал его виновным, и уже через пару недель Париж забыл о месье Ортансе, увлечённый новыми сенсациями.

Единственным неготовым расстаться с делом Ортанс был Рене Миро. Он всё ещё не определил, что за яд ис-

пользовал сентиментальный доктор для убийства супруги. Миро был уверен: Ортанс использовал не мышьяк или какой-либо другой металлический яд. Сам Орфила, будь ещё жив, согласился бы с ним.

Рене понял, что нужно искать алкалоид.

Адам снял пальто и с сожалением заметил, что полы прострелены в трёх местах. Одна пуля задела плечо. Царапина. Он видел раны значительно тяжелее этой. Только плечо болело нестерпимо, и сама мысль о том, чтобы взвалить на себя бредившего Эйба, вызывала озноб.

Чёртов аптекарь оказался бдительным — слишком резво вызвал жандармов. Адам бросил в аптеке все: инструменты, остатки трупного материала, грязные колбы. Взял только дозу. Уж теперь у тех, кому придётся за ним убирать, не останется сомнений, что готовили в лаборатории этой аптеки.

Адам наклонился над Эйбом, наложил жгут на правую руку брата и ввел в вену всё содержимое одного из двух шприцев. Юноша резко втянул ртом воздух, его глаза широко раскрылись. Волна дрожи прошла по телу.

— Где мы, сэр? — через минуту прошептал он, пытаясь сесть. — Здесь так холодно...

— Вставай, парень, — стараясь казаться спокойным, ответил Адам. — Нам предстоит долгая дорога...

— Так точно, сэр, — едва слышно отозвался Эйб. Он спустил ноги на пол, настороженно осмотрелся, прищурился, вглядываясь в лицо брата.

— Извините, сэр, — начал он, но остановился, подбирая слова. — Разрешите обратиться, сэр. Я на положении военнопленного?

— Вы на положении свободного, но очень больного человека, — ответил Адам. — Война закончена. Во всяком случае, для тебя.

— Вы можете подтвердить это документами? — спросил Эйб, недоверчиво оглядывая Адама, кровь на его плече, испачканную землёй одежду. — Возможно, у вас есть письменный приказ моего начальства?

— Тебе придётся поверить мне на слово, Эйб, — ответил Адам, одеваясь. — Как брату.

— Адам? — переспросил Абрахам, заглядывая ему в лицо.

— Точно, парень. — Адам помог брату подняться и поправить одежду. — И пока ты в сознании, нам стоит поторопиться.

— А это? — испуганно шепнул Эйб, косясь на комок мёртвых щупалец.

— А это уже не важно...

Рене Миро был учёным. Из тех, для кого наука становится единственной возлюбленной. Одержимый загадкой, он неделями не покидал лабораторию, экспериментируя, пробуя всё новые реактивы.

Алкалоид. Рене Миро искал алкалоид. К его величайшему сожалению, время работало против упряма. Труп успел изрядно разложиться, и теперь выделить растительный алкалоид, которым воспользовался Ортанс, стало в сотни, тысячи раз сложнее. Отделить его от животных алкалоидов, продуктов тления — птомаинов... Миро сходил с ума.

Увы, наука, его капризная любовница, не могла в те поры помочь ему. Опыты чередовались с экспериментами. Несколько раз Рене был близок к разгадке, но удивительное происшествие заставило безумца Миро оставить загадку Ортанса.

Выделив очередной образец, Рене в который раз приступил к серии опытов. По счастью, в Париже водилось достаточно бездомных собак. С помощью ассистента,

★
месяце Клода, Миро доставил в лабораторию двух собак и обеим ввёл полученное вещество.

К радости исследователя, у одной из подопытных вскоре появились те же симптомы, что и у бедной мадам Ортанс. Животное умерло. Но каково было удивление Миро, когда он обнаружил, что вторая собака, у которой на момент начала эксперимента наблюдались признаки туберкулёза, не издохла, более того — находилась в полнейшем здравии. При более детальном осмотре потрясённый Рене Миро обнаружил, что собака не только не пострадала от введённого препарата — шрамы и ожоги, также наблюдавшиеся у животного ранее, исчезли.

Миро решился повторить опыт, расширив опытную группу. Было заражено туберкулёзом пять животных. Непосредственно перед введением препарата собакам были нанесены идентичные резаные раны скальпелем. У четырёх собак из пяти после введения препарата обнаружилось быстрое рубцевание ран и восстановление функций повреждённых органов. Пятая собака умерла после череды судорог, при которых изо рта животного появились большие объёмы пищи, едва смазанной желудочным соком.

Из голодной дворовой собаки, которой перед экспериментом не давали есть, вышло порядка трех килограммов свежей еды, хоть и посредственного качества. Словно невидимая сила на глазах учёных набивала бедное животное пищей.

Миро вновь принялся за эксперименты, на этот раз остановившись на двух животных, предварительно заражённых туберкулёзом бычьего типа, одно из которых плотно покормили перед введением препарата, а другое оставили без еды.

Голодная собака погибла, сытая — выздоровела.

Заинтригованный результатами исследования, Миро решился на рискованный шаг — эксперимент над человеком. С этой целью он собрал сведения о безнадежных пациентах клиник Парижа и предместий и лично поговорил с каждым из сорока шести. Несмотря на риск, двое из них согласились стать испытуемыми.

Мадам Р., вдова шестидесяти лет, после заражения туберкулёзом и введения препарата почувствовала улучшение самочувствия, прекращение болей. Неоперабельная раковая опухоль начала уменьшаться и совершенно исчезла через шесть дней после начала эксперимента.

Мадам Г., сорока девяти лет, страдающая правосторонним параличом тела, умерла вследствие развития болезни, получив известие о долгожданной женитьбе сына.

— Это чудо, — воскликнула мадам Р. над её трупом. — Ваш препарат не вылечил её, он исполнил её желание. Умирая, она была совершенно счастлива.

— Чудо, — повторил в глубокой задумчивости Рене, — «Miracline»...

Так была открыта «сыворотка чудес» — мираклин. Но в тот момент его отец и первооткрыватель и не подозревал, какая судьба ждёт его детище в новом XX веке.

Адам оставил дрожащего от слабости Эйба в дровяном сарае, надеясь, что никому не придёт в голову в такой час туда отправиться. Взбежал на крыльцо и дёрнул за колокольчик, думая, как заставить прислугу без лишних расспросов впустить его в дом.

Но дверь открыла не служанка, а высокий седой господин в свободном артистическом свитере.

Адам не предполагал, что Рене Миро так мало похож на свои портреты в научных журналах. Он ожидал увидеть старика, изнурённого научной лихорадкой, сломленного невзгодами. Но господин Миро, несмо-

★
тры на свои шестьдесят семь лет, был крепок и держался прямо.

— Что вам угодно, месье? — спокойно спросил он, со сдержанным интересом оглядывая одежду молодого гостя.

— Мне нужна ваша помощь, господин Миро, — глухо проговорил Адам.

— Вы, мой друг, по-видимому, англичанин, — небрежно бросил старик, переводя взгляд с незваного гостя на пышные пунцовые астры под окнами дома. — Я уже достаточно помог англичанам. Поэтому прошу простить меня...

Так и не взглянув в глаза своему посетителю, Миро повернулся и взялся за ручку двери.

— Месье Миро, я прошу не для себя, и уж тем более не для своей страны, — дрогнувшим голосом бросил ему в спину Адам. — Я прошу для того, кому знакомство с вашим открытием может стоить жизни...

— Моё, как вы выражаетесь, открытие, — не оборачиваясь, тихо ответил старик, — многим стоило жизни и карьеры. И в том нет моей вины. Я не смогу помочь вам.

Адам чувствовал его непреклонную решимость. И, пожалуй, понимал чувства старика. Но в дровяном сарае, корчась от боли, лежал его брат. Совсем ещё мальчик. И Адам решил не выбирать средств.

— Подразделение М-1, — тихо сказал он, так, чтобы услышал только старый брюзга. — Вы точно не чувствуете вины, профессор?

Миро остановился в дверях, потом медленно пошёл в дом, не закрыв двери. Адам счёл это приглашением.

— Со мной раненый, — крикнул он вслед старику. Миро устало махнул рукой, позволяя гостю делать, что заблагорассудится. Через четверть часа Эйб лежал на софе в гостиной профессора. Адам сидел у него в из-

голове. Миро не стал садиться: он медленно прохаживался возле камина, согревая в руках бокал с коньяком. От коньячного аромата желудок Адама громко напомнил о том, что нуждается в пище.

— Я отпустил прислугу, — ответил Миро желудку. — Но могу предложить холодную телятину, сыр...

— Не нужно, — ответил Адам, — я прошу прощения за свои слова. Надеюсь, выслушав меня, вы поймёте, что вынудило меня быть жестоким. Мне нужна ваша помощь. Вы — последний человек, способный ему помочь. Вы — отец мираклина...

— Я всего лишь нашёл мираклин, — воскликнул Миро, прерывая гостя. — Нашел, как уличный мальчишка находит монету. Я нашёл чудо. И это сломало мне жизнь. И не только мне. Они запретили мираклин. И я был не против — вещество опасно. Я сам помогал им уничтожить сведения о нём, едва вполне осознал, чем может стать мой мираклин. Но у меня нашлись последователи, нашёлся ученик, такой же ненормальный, каким был я сам...

Адам молчал, глядя в пол. При последних словах профессора странная смесь чувств отразилась на его лице, но Миро не заметил этого. Старик продолжал ходить по комнате, широко размахивал руками, расплескивая коньяк.

— Этот ненормальный, кажется, даже писал мне несколько раз...

— И вы не ответили, — глухо отозвался Адам, — тогда ему пришлось самому разыскивать информацию о ваших опытах с мираклином. Вы могли предупредить его, но не нашли нужным ответить на письма. Тот парень оказался, на свою беду, старательным малым — он нашёл неуничтоженные выпуски журналов с вашими статьями о первых экспериментах. Он воспроизвёл...

— Так это были вы? — потрясённо воскликнул Миро. — Это вы, мистер Адам Сэн... Стэн...

Старик защёлкал пальцами, пытаясь вспомнить фамилию, но Адам не спешил помочь ему.

— Не нужно, — бросил он. — Того человека больше нет. Я изменил имя, когда меня попытались заставить работать на проект М-1. Проект, созданный на основе моих собственных исследований. Моих и ваших. Я стал другим человеком, я бросил семью и ушёл на фронт, надеясь потеряться там, на передовой, и вернуться, когда шум уляжется. Я был уверен, что без меня они ничего не смогут сделать. Но им удалось привлечь к сотрудничеству вас, мой дорогой месье Миро — самого отца мираклина. Да, я открыл мираклиновую кому. Но именно вы создали отряд М-1, в который попал мой брат.

— Этот молодой человек?... — Миро с интересом посмотрел на мертвенно бледного Эйба. Абрахам впал в короткое забытие, и Адам надеялся, что им удастся договориться со стариком к тому времени, как парнишка начнёт «творить чудеса».

Миро присел на корточки возле софы, пристально взгляделся в лицо Эйба. В глазах старика вспыхнула надежда.

— Они закрыли проект?

— Нет, — холодно ответил Адам. — М-1 существует и остаётся основным оружием моей страны. Да и какая страна откажется от отряда чудотворцев. Я выкрал брата...

— Я был прав, называя вас сумасшедшим, юноша, — почти радостно отозвался Миро, на этот раз с заметным интересом взглянув и на старшего из братьев. — Но ваш брат слишком молод, чтобы заинтересовать военных?

Адам развёл руками, будто бы извиняясь за своё безрассудство.

— Увы, не мне вам объяснять, что для М-1 нужны не мускулы, а здоровое тело, богатая фантазия и большая внушаемость. После того как вы покинули проект, они значительно омолодили состав группы — и дальность материализации увеличилась вдвое. Синхронизированная группа из двадцати человек способна материализовать внушённый образ любой величины за двести одиннадцать миль от базы, размерами не более самоходной машины — за триста миль. И это с погрешностью не более километра.

— Потрясающий результат, дружище! — восторженно воскликнул Миро, счастливо глядя на Адама, — я и не подозревал, что мираклиновая кома может обеспечивать такую дальнобойность! Но... организм должен работать на пределе...

— За пределом, — мрачно кивнул Адам, — максимальная интенсивность выработки мираклина надпочечниками, плюс инъекции по три кубика в сутки.

— И он ещё жив? — Миро удивлённо заглянул под веки Эйбу. — Он в сознании? Вы вытащили его?

— Нет, не вытащил. — Молодой человек подошёл к каминной полке и, не спрашивая разрешения хозяина, налил себе в бокал коньяка, выпил залпом.

— Я старался, — чуть охрипшим голосом ответил он.

Он действительно сделал всё, что было в его силах. Попытался восстановить работу надпочечников, приостановить выработку мираклина. Тщетно. Попытки уменьшить дозу вводимого препарата привели к глубоким обморокам и, дважды, к остановке сердца. Адам реанимировал брата. И начал эксперименты с чистого листа. Переливание крови не дало результатов. Эйбу становилось хуже, требовалась всё большая доза. Галлюцинации Абрахама становились причудливее, а убирать следы материализации — всё труднее. Чтобы не попасться в руки военных, Адам возил брата по стране, пробуя всё новые способы лечения.

— Результата нет, профессор, — горько заключил Адам. — Он умирает. Наука не в силах его спасти, поэтому остаётся только чудо. Вы — творец чуда, творец мираклина. Вы знаете о нём всё. Может быть, есть способ, о котором я и не догадываюсь. Возможно, другие свойства...

Адам замолчал, с надеждой глядя на старика. Миров покачал головой.

Он знал свойства «чуда», как свои пять пальцев. Мальчик был обречён. Рене потёр пальцами лоб, стараясь найти слова. Но в тот же миг безумная мысль мелькнула в его голове.

— А вы пробовали сами принимать мираклины? Вылечить брата в мираклиновом припадке материализации? Ведь, судя по всему, это ваше желание ощутимо доминирует над другими?

— Увы, профессор, — отозвался Адам, — я пробовал и это. Но, видимо, для меня в этом мире чуда не предусмотрено. Полкубика внутривенно — и анафилаксия. А вот туберкулёз обжился так хорошо, что я едва не умер, пока таскал Эйба и города в город, бегая от тех, кто охраняет мирный сон моей родины.

— Я сожалею, — прошептал Мир.

— Я знаю, что вы сожалеете, — заговорил Адам, вцепившись взглядом в лицо старика, — Сожалеете не только о моём брате. Я знаю цену сожалений. Я исправил бы всё сам — но бессилён. Бессилён, как младенец. Чудо в ваших руках, месье Рене, и ваши сожаления будут гарантией. — Голос молодого человека окреп, в нём послышались стальные ноты. — Жалей вы чуть меньше, и какое-нибудь другое желание могло бы одержать верх. Но вы сожалеете так же, как я. Вы сожалеете о тех, кто поплатился жизнью и научной карьерой, защищая ваше изобретение. Вы сожалеете о тех, кого убила зависимость от вашего детища...

Адам помолчал, испытывая странное наслаждение от смятения старого профессора. Кажется, Миро наконец начал понимать, за чём в действительности пришёл его незванный гость. Эйб выгнулся на узкой софе, застонал.

— А ещё, мой друг, — почти шёпотом добавил Адам, и на его губах дрогнула улыбка, — я знаю, что вы больны туберкулёзом. И я склонен видеть в этом перст судьбы, дорогой профессор. Я жду от вас... чуда.

Адам протянул старику шприц.

Миро спокойно принял его, рассмотрел, взвесил на ладони.

— Вы умный человек, месье Адам С., — наконец сказал он. — Умный и жестокий. Отчего-то я уверен, что если я сам не сделаю себе инъекцию, вы вполне способны мне помочь. Но я не в обиде. Я виноват перед вами и вашим братом. И я искренне хотел бы всё изменить.

Миро неторопливо сел в глубокое кресло. Адам подал ему жгут. Профессор откинулся на спинку кресла и сосредоточенно ввёл содержимое шприца в вену.

— Я правда желал бы всё изменить, — шепнул он.

Весной 1879 года, в тот самый день, когда Софья Ковалевская выступала с сообщением на VI съезде естествоиспытателей в Санкт-Петербурге... В этот самый день в Лиможе, в небольшом розовом домике с эркерами жена аптекаря Этьена Миро Эрнестина произвела на свет дочь Мари Эмануэль. Обычную девочку, в будущем — примерную жену, мать троих детей, бабушку восьмерых внуков. Женщину, не поколебавшую ни одной из мировых основ.

А в далекой Германии, во Франкфурте-на-Майне, вместе с Мари и другими ничем не примечательными крикливыми краснолицыми младенцами, в тот же солнечный весенний день появился на свет Отто Ган — будущий отец ядерной химии.

НИКОЛАЙ НЕМЫТОВ

КОГДА НИНТУ
В ЛАДОШИ ХЛОПНЕТ

*Памяти Тура Хейердала
последнего морехода*

*Но одиночек не берут на этот
ковчег...*

На этот ковчег...

И на этот ковчег...

*Константин Арбенин
«Только парами»*

Жилы на руках вспыхнули перламутровым светом, вода забликовала, превращаясь в тонкий диск, повисший перед лицом. Я не заметил, как зачерпнул малька. В созданном зеркале получился живой указатель.

— Угораздило тебя, братец, — улыбнулся я, любуясь живым серебряным бликом. От этого маленького недоразумения напряжение последних часов немного отпустило.

Диск потемнел, колючие крошки звёзд усыпали его. Казалось, посреди ясного дня передо мной образовалась дыра в пространстве. Шагни, и космос окружит тебя, оставив позади светлый круг зеркала.

Самая яркая звезда приблизилась, стали видны планеты, вращающиеся вокруг неё. Малёк, подчиняясь велению пальцев, коснулся третьей планеты — Нинту — с большим спутником — Нанна — и, проплыв через космос, достиг восьмой планеты — Энки, словно связывая их между собой незримой эфирной нитью.

Я вздохнул, собираясь с мыслями, прикрыл глаза. Текст послания следовало бы записать раньше, но ду-

малось, что перед самой катастрофой найдутся нужные слова. Теперь придётся импровизировать.

— Здравствуй, Итари! Как дела дружище? — Тонкая плёнка водяного зеркала покрылась кругами ряби, преобразая голос в эфирные волны. — Когда сообщение дойдёт до далёкого Энки, Нинту уже «хлопнет в ладоши». Воды, зажатые между материковых плит, хлынут на волю... — Робаро вздохнул. — Как всё просто, правда? Не надо астероида, пришельцев или опасного опыта учёных. Природа сказала — пора! — и решила обновить очертания материков. Береговые народы ушли в глубь суши, поднялись в горы, залезли в пещеры... Сомневаюсь, что уцелеют все. Некоторые настолько упрямы, что до сих пор не верят в реальность надвигающегося бедствия.

Я тебе уже рассказывал: города Утопии разделились на сегменты и погрузились в Океан.

Что было, Итари! Настоящая паника! Никогда не думал, что редины так трусливы! — Он рассмеялся. — Советники визжали, как крысы на тонущем корабле. Ведь Утопия никогда не делала такого маневра, хотя разделение было предусмотрено строителями согласно Завету. Ты помнишь, что в нём сказано? Ты помнишь, как поступили наши предки, чтобы спастись? Редины забыли о Завете. Мы уподобились сухопутным народам. Старемся больше строить, захватывая новые участки Океана, и вот, что из этого получилось.

Владыка приказал скинуть в море лишние пристройки, которые лишают города Утопии плавучести и маневренности. А это виллы и дворцы чиновников! Дошло до покушения на жизнь Владыки. Печально. Атлантис отрез отказался подчиняться Совету. Не поверили. Теперь пытаются что-то предпринять... Итари, мне удалось убедить твоих близких перебраться к нам на Рапа-Нуи.

Да! Я переслал тебе записи с удивительными природными явлениями последних дней. Они убедили даже неверующих.

— Не ной, друг Итари!

Такого шторма Робаро не видел за всю свою жизнь. Ветер ломал ветви, сбивал с ног, крушил крыши. А море лишь покрылось «гусиной кожей». Не было огромных валов, не было шума прибоя. Ветер дул с небес, словно невидимая длань легла на плечи каждого человека, заставляя преклонить колени перед неизбежностью.

Рыба ушла в глубины до начала светопреставления. Животные подались в горы. Только люди с упорством разумных ещё уверяли себя пустыми словами, надеждами, не желая принимать правду, бросать дома и нажитое добро. Робаро спорил, уговаривал, доказывал, но получил град камней в ответ и проклятия в спину.

На следующий день буря улеглась. На рассвете облака у горизонта горели алым с золотом — первый признак сильного ветра. Однако произошло иное.

Горячая точка вспыхнула на границе стихий, стала расти, превращаясь в огненный круг светила, и алое сияние, заполнив небесный свод, отразилось в глади Океана. Люди сонно двигались по улицам, часто останавливались, подолгу рассматривая чудное явление. И никакого ветра. Робаро подумалось, что Энлиль — воздушное божество — тоже сел в камышовую лодку — дхони — и отправился в плавание по небесному океану, а ветра последовали за своим господином.

Тишина окутала мир. Даже мухи куда-то подевались. Океан гигантским зеркалом лежал в обрамлении берегов, отражая алые небеса. Одержимый фанатик, который ещё вчера кричал о гневе богов, сидел у кромки воды, с блаженной улыбкой уставившись в горизонт. Чтобы не нарушать его идиллии, Робаро отошёл в сто-

рону. Время молитв прошло, пора выходить в море, пока само море не пришло к тебе.

Робаро осторожно спустил дхони на воду, толкнул её по глади. Храни меня, Всевышний! Редин прыгнул в лодку и подхватил весло. Вода у камышовых бортов стеклянно звенела. Робаро на мгновение замер. Обернуться? Зачем?

Он обернулся.

Несколько человек стояло на берегу: женщины, дети, старик-фанатик. Робаро встал. Горечь утраты подкатила к горлу. Для этого берегового племени, где он нашёл и потерял любовь, редин сделал всё, что мог. Обречённость, покорность судьбе успела поставить своё клеймо в их умах.

— Храни вас Всевышний! — крикнул он в полный голос и поднял весло к алеющим небесам.

Старик-фанатик медленно встал на ноги, ступил в полосу прибоя и помахал рукой. Радость озарила его лицо. Робаро поспешил отвернуться.

— Итари, друг мой! Я не вижу смысла прятаться от стихии. Такое событие! И что? Сидеть на дне океана или, ещё хуже, в пещере среди напуганных людей? Даже спасатели ушли в доки, представляешь? И это редины, которые живут согласно Завету! — негодование вновь охватило меня. — Да, наша цивилизация должна сберечь себя. Но чего мы будем стоять? Какой завет мы оставим потомкам?

Я взглянул на горизонт:

— Мало времени. Скоро начнётся. Я хочу, чтобы ты знал: я не собираюсь кому-то что-то доказывать. Я хочу это сделать — выйти в открытое море на тростниковой лодке. Ты единственный знаешь о моём намерении, и ты всё расскажешь отцу, если... Если что-то пойдёт иначе.

Не ной, друг мой! До встречи!

Примерно семь часов сообщение будет идти до Энки, минут пять Итари будет его читать, ещё минут десять потратит на ответную трансляцию на Нинту. Пока Робаро хватятся, пройдет четырнадцать часов. Катастрофа будет в самом разгаре! К тому же никто не станет рисковать людьми ради одного безумца и собирать спасательную партию.

Малёк плеснулся, коснувшись изображения далёкого Энки на фоне звёзд.

— Ага! — Игра рыбки забавляла. — Теперь и ты знаешь мой секрет.

Пальцы с перламутровыми жилками собрались в пригоршню, превращая эфирное зеркало в обычную воду, рыбка заметалась в горячих ладонях.

— Ну, я думаю, секрет останется между нами. — Я бережно опустил малька в Океан. — Увидимся в новом мире! Не ной, братишка!

— Робаро! Чужак Робаро! Это ты там скачешь вокруг костра? Это ты изображаешь из себя шамана, дурак Робаро?

Лодка медленно двигалась по реке. Стоящий у рулевого весла Хамел орал во всё горло, размахивая кувшином вина.

— Чужак Робаро! Зачем ты осквернил нашу землю каменным идолом? Зачем ты плясешь дьявольский танец? — не унимался горлопан.

Пирующие в лодке смеялись над каждым словом Хамела, девушки шептали ему на ухо шутки, от которых тот заливался хохотом. Только танцующий редин не замечал насмешек, отбивая ритм на маленьком барабане. Бронзовое тело лоснилось от пота, рыжие волосы, собранные в хвост на макушке, метались подобно языку

горящего костра. Блики пламени освещали потное тело, отражались в синих глазах.

Хамел отпил вина, хотел вновь крикнуть что-то оскорбительное, но поперхнулся. Заминка привела его в бешенство.

— К берегу! — надрывая связки, просипел он. — Прочим нечестивца!

Компания с готовностью поддержала вожака, и лодка стала плавно поворачивать, повинуюсь рулю.

Хамел ступил на землю первым, оглянулся, подобрал увесистый булыжник. Друзья присмирели, понимая, что сейчас произойдёт. Редин по-прежнему не обращал на них никакого внимания.

— Не надо, Хамел! — Арника коснулась руки вожака.

— Что?! Боишься за своего чужака? — усмехнулся Хамел и оттолкнул её. — Пошла прочь, сучья дочь!

Камень полетел в голову редина. Танцующий притопнул правой ногой и вдруг оказался в трёх шагах от того места, где только что стоял. Кто-то ахнул. Даже Хамел на секунду растерялся.

— Ах, ты ж, выродок акулий, — прошипел он сквозь зубы, поднимая с земли булыжник.

Однако редин не стал дожидаться броска. Он притопнул левой и словно растворился в воздухе. Песня на древнем языке понеслась над рекой.

— Не прячься, гадёныш! От меня не спрячешься! — ярился Хамел.

Ноги не слушались вожака. Хмель неожиданно ударил в голову, превратив окружающий мир в раскачивающуюся на волне лодку.

— Притащите убудка ко мне! — велел Хамел, едва держась на ногах.

Мир в его глазах совсем свихнулся, стал раскачиваться всё сильнее. Хамелу показалось, что и идол редина качнулся сначала влево, потом вправо. Парни из

★ компании, которые бросились выполнять приказ вожака, остановились с открытыми ртами, а идол вновь качнулся и придвинулся к людям на два шага, сотрясая землю.

Шаг за шагом каменный истукан в два человеческих роста закружил вокруг костра, сотрясая землю в такт барабану. А танцор приплясывал рядом с ним, звонким голосом распевая... Заклинание? Видимо, да. Для компании окружающий мир вдруг сжался до размера освещённого костром пространства, ритм упруго ударил в уши, отозвался в желудке и заставил сердце биться поновому. Дыхание дало сбой, но в следующее мгновение юношам и девушкам захотелось крикнуть, что было сил, хлопнуть в ладоши и запеть вместе с редином. Пульс здравомыслия забился в смущённых умах, теряя силу, а Робаро ужом крутился среди них, подталкивая ближе к костру, выкрикивая слова песни, смущая девушек возбуждённым естеством. От топота идола дрожала земля, и ноги сами пускались в пляс в тщетной попытке обрести твёрдую опору.

Внезапно мир распахнулся: глубина звёздного неба, тьма лесной чащи, блестящая лента реки и далёкий Океан. Танцующие разом ахнули, лица их озарились счастьем.

— Баробаро! — воскликнул редин.

— Баробаро! — отозвалась дюжина голосов.

— Дьявол! — завопил Хамел.

До этого момента он ошарашено наблюдал, как легко вся компания пускается в пляс следом за чужаком. Тело его готово было подчиниться ритму барабана, но Хамел держал себя в руках, терпя мучительные корчи: ноги дрожали от напряжения, чтобы не пуститься в пляс следом за олухами, руки сжались в кулаки, чтобы не ударить в ладоши, кадык постоянно дёргался, сглатывая слюну, чтобы не выкрикнуть бесовские слова.

— Дьявол!

Хамел схватил первого попавшегося танцора и толкнул его к лодке.

— Дьявол!

От его крика люди один за другим приходили в себя, останавливались, растерянно оглядываясь вокруг, на заплетающихся ногах брели прочь.

Только на редина вопли Хамела не действовали. Барабан грохотал бешеным ритмом, каменный истукан вертелся юлой, сотрясая землю.

Пришедшие в себя не сговариваясь бросились к лодке, опрокидывая Хамела.

— Эй, сучьи дети! Меня забыли! — завопил тот, пытаясь подняться на ноги.

За ним вернулись, подхватили под мышки, затащили в лодку. Вёсла дружно ударили по глади реки, оставив рыжего редина наедине с жутким идиолом.

Он лежал обнажённый у потухшего костра, раскинув руки. Загорелая кожа посерела, на ресницах и волосах бисер росы. Каменный истукан стоял над ним утрюмым стражем, и Арнике стало страшно. Однако она смогла убедить себя, что с восходом солнца ночное колдовство пропало, идол не сможет двинуться с места, тем более причинить ей вред.

Девушка шла, чтобы сказать редину нечто... неприятное, но, увидев на берегу распростёртое тело, забыла обо всём.

— Робаро! Робаро, любимый!

Кожа редина обожгла горячую ладошку Арники снежным холодом.

— Робаро!

Он дышал, но едва-едва.

— Робаро... — Слеза скатилась по девичьей щеке.

Она растёрла его грудь дрожащими ладонями, и Робаро дёрнулся, ожил. Сильное тело изогнулось, редин с хрипом вдохнул воздух.

— Не бойся, — слабым голосом произнёс Робаро.

Кожа приобрела прежний цвет, лицо прояснилось. Редин поднялся и сел. Синие глаза с прежней радостью смотрели на возлюбленную.

— Не бойся, — повторил он, протягивая руку.

— Ты только что был мёртв. — Арника отступила на шаг, крепко прижимая к груди руки.

— Вовсе нет, — улыбнулся Робаро. — Просто део забирает много сил.

— Значит, это правда?

— Что правда?

— Ты общался с демонами.

— Ха-ха! Нет-нет! Део — древний танец мореходов, а не злое существо, приносящее беду. Мы танцуем, чтобы стать сильнее. Део помогает выдержать дальние переходы, сильные шторма, выжить в поединке с акулой.

— Новел сказал, что человек не может танцевать всю ночь.

— Да уж! Новелу с его брюхом будет тяжело.

— Не смей смеяться над первосвященником!

Он смолк: не следовало оскорблять её чувства. Арника — девочка набожная.

— Новел получил от Всевидящего скрижаль, — гневно сверкая глазами, продолжала она, — и он строит сундук, в котором спасёт всех нас.

— Я слышал, — кивнул Робаро.

Однажды ему довелось читать святыя книги, которые предоставил Новел, рассчитывая, что чужак примет их веру. В одном из талмудов Робаро нашёл глиняную табличку: договор, заключённый редиными с айнами на переселение. Редины обязались перевезти айнов с материка на указанные острова. На вопрос

Робаро Новел ответил, что древняя скрижаль хранит в себе диалог ангелов и смысл его людям никогда не понять, ибо письмо то божественно. Однако сам первосвященник понимал написанное, но скрывал от соплеменников, ибо символ веры для паствы гораздо нужнее правды. Потом, когда редин получил сообщение о потопе, он сделал табличку с предупреждением от Всевидящего, и подкинул её Новелу при свидетелях. Спасение людей важнее правды.

— Даже знаю, что на ковчег Новел возьмёт только праведные пары. Потому многие в селении спешно женятся. — Робаро улыбнулся. Люди перестали ругаться, помирились с соседями, простили врагов. Но от того жажда вцепиться в глотку ближнего только стала сильнее: жить несколько дней с проклятыми соседями бок о бок в одном сундуке — немыслимо.

— Вот! Опять смеёшься над деяниями Новела, — осуждающе произнесла Арника.

— Прости. Всё это...забавно.

— Скрижаль Всевидящего существует! Я сама её видела: глиняная табличка, исписанная божественными знаками.

Арника гордо приподняла подбородок. Робаро невольно залюбовался ею.

— Ты прекрасна, — тихо произнёс он, глядя на возлюбленную снизу вверх.

— А ты пугаешь меня своим танцем, — немного успокоившись, ответила девушка.

Он пожал плечами:

— В море по-другому не выжить.

— Это если плыть на твоей тростниковой лодке. Но сундук-ковчег очень прочен, и воды океана отступят перед праведником Новелом.

Он склонил низко голову, чтобы не рассмеяться и вновь не обидеть.

— Отрекись от своего демона, — Арника указала на каменного истукана, — и покайся.

Она опустила рядом с ним, взяла ладонями за подбородок, заглянула в спокойные глаза.

— Мы поженимся и займём достойное место в святом сундуке.

— Пожалуйста, ответь мне на один вопрос.

— Да, любимый. — Её фанатизм сменился нежностью.

— Ты говоришь «любимый», но веришь Новелу, который никогда не ходил в море так далеко, чтобы не было видно берегов. А ведь когда придёт океан, земля исчезнет под его покровом. — Он взял её ладошки в руки. — Идём со мной. Я построю большую дхони для тебя и спасу тебя. Ведь я — редин, моя жизнь — море. Поверь мне.

Она отвела взгляд.

— Не могу, — тихо ответила Арника, а он услышал в голосе страх и недоверие. — Для нас защита — Всевидающий.

— Любимая моя, милая моя. Тебе нечего бояться рядом со мной...

— Нет! — Она вскочила, освобождая ладони. В его голосе, как ей показалось, звучали нотки змеиного искушения.

Но больше всего Арнику удерживал страх отступить от остальных. Что скажут люди, если она останется с ним, танцующим део?

— Либо ты идёшь со мной, либо... Либо я отрекаюсь от тебя.

— Арника! За что?

— Решай, Робаро!

— Одумайся, Арника!

— Нет! Ты должен решить здесь и сейчас!

— Арника...

— Нет! Не прикасайся, демон!

— Что ты говоришь? Позволь хотя бы объяснить...

— Уходи! Прочь!

Он остановился. Ссутуленный, обескураженный её словами, с растерянностью во взгляде.

— Арника... — вздохнул редин. — Хорошо. Я ухожу. Прошу только об одном...

— Нет! Я не желаю слушать демона!

— Прекрати! Ты должна передать Новелу! Сундук надо строить в горах. Всё, что будет в долине, океан разобьет в щепы. В горах волна просто снимет ковчег с вершины. И вот ещё что. — Он протянул ей два мешочка. — Здесь плоды лумбо и трава. Лумбо спасёт тебя от порчи зубов, а трава позволит пить морскую воду.

Она отступила:

— Я не возьму даров демона.

— А я возьму! — Из-за дерева вышел Хамел и ещё пятеро селян с палицами в руках. — Я возьму всё и её.

Он грубо привлёк к себе Арнику. Девушка охнула, но не сопротивлялась.

— Третья жена не помешает. — Хамел оскалился в лицо Робаро.

Он вырвал из рук редины суму с лумбо — жёлтые фрукты рассыпались по траве.

Робаро смотрел только на девушку. Неужели она так напугана, что готова покориться Хамелу? Но самое страшное то, что она не доверяет ему, Робаро. А раз нет доверия, значит...

— Ты сделала выбор, Арника? Скажи только слово, и ты будешь свободна.

— Она свободна! — рявкнул наглец, на полголовы возвышаясь над редином. — Задайте уроду трёпку, — велел Хамел помощникам, — чтобы неповадно было возвращать праведных дев.

— Арника!

— Беги! — крикнула девушка.

Поднялись дубины.

— Идём со мной! — звал Робаро, не обращая внимания на угрозу.

Редин двигался между противниками, словно лодка между рифами. Селяне били что есть мочи, но попадали друг другу по плечам.

— Арника...

Человек не мог так легко и быстро двигаться. Не иначе, демон вновь начинал свой дикий танец, и если прозеваешь, то проклятый редин вовлечёт тебя в круговорот и утащит в преисподнюю.

Селяне растерянно отступили. Хамел попятился, прижимая к себе девушку.

— Арника. — Робаро протянул к ней руку.

— Уходи! Уходи, проклятый демон!

Я родился в море. Жил в море. Море текло в моих жилах. Но представить себе не мог, как страшна родная стихия в приступе безумия.

Первый удар огромной волны теперь казался предупреждением. Куда ты плывёшь? Вернись к близким, пока не поздно.

Было поздно, и ревущая волна рыдала над судьбой дерзкого морехода и просила прощения за те муки, которые она несла ему.

Страхом и ужасом волна давила на плечи. Я стиснул зубы, чтобы не закричать, камышовый корпус изгибался под ногами толстой змеей, полая лодка, какие строят береговые, давно, треснув пополам, развалилась бы на части. А дхони взмыла на пенный гребень, и вода прошла сквозь бунты, связанные воедино. Я заорал от радости, выныривая из пенного гребня, вцепившись в рулевое весло до боли в пальцах.

Получилось! Прошёл! Выдержал!

И тут же отчаянье захлестнуло меня. Нос дхони повис над открывшейся бездной и медленно опустился в водяную пропасть. На мгновение обнажились вершины донных скал... Тугой порыв ветра ударил в лицо — лодка неслась с горы всё быстрее и быстрее.

Я заорал вновь, чувствуя, как занули зубы, заломило в затылке...

Небо потемнело, первые тяжёлые капли упали на лицо, и изогнутый нос дхони врезался в серую пелену ливня. Ощущение неба и океана пропало, словно повелитель всех вод взбил, смешал властной рукой дождь и море. Серая пелена, сплошная серая пелена.

Водолазный костюм спасал от холода, но страшнее всего был холод, зародившийся в сердце, холод страха. Ноги дрожали от напряжения, руки на рулевом весле посинели, дыхание давалось с трудом — дождь и брызги волн заливали рот и нос.

И я сдался. Кое-как расцепив сведённые судорогой пальцы, попытался создать зеркало. Получилось плохо: пальцы окоченели, перламутр едва тёк по жилам, а получившееся эфирное зеркало плыло под струями дождя, создающими помехи. Я поднёс его к самому лицу, ткнул пальцем в изображение Энки и заговорил:

— Мой друг, Илтари! Моя жизнь подходит к концу! Это последнее сообщение! Море всегда было для рединов матерью! Но пусть нас хранит Всевышний! Видеть безумие матери — это страшно! А именно безумие творится сейчас вокруг меня!

Я дрогнул, заметив боковым зрением какое-то движение, скрюченными пальцами стёр с лица дождевые капли, стараясь разглядеть надвигающуюся угрозу. Стая дельфинов неслась прямо на лодку. Должно быть,

животные одурели от происходящего: они стонали над своей судьбой, заставляя холодеть от тоски мою душу. Дельфины выныривали из бушующей воды, фыркая дыхалом, пролетали над поверхностью, плавно изгибая тела, словно на замедленной картинке в водяном зеркале. Странно.

Дхони перемахнула через очередную волну, когда я увидел надвигающуюся опасность. Длинное тело показалось на поверхности, зубастая пасть, способная проглотить лодку, открылась, хватая одного из дельфинов, и миг несчастное животное было перекушено пополам.

Поверхность Океана фосфоресцировала, бликовала, лучистые потоки носились в глубине вод и в высоте мрачных небес. Немыслимые чудовища бились за пищу и пространство, корабли всевозможных конструкций и дхони рединов терпели бедствия, взрывались, сражаясь между собой. Пред моим взором предстали события, о которых писали предки, о которых рассказывал отец. Острова и континенты поднимались из глубин Океана, с грохотом извергая вулканический пепел и лаву, опускались на его дно. События далёких времён менялись с головокружительной скоростью.

Звёздная круговерть ворвалась в мир из эфирного зеркала сверкающим смерчем. Вспышки сверхновых, вуали туманностей, яркие шары скоплений — вода Вселенной соединилась с водой Океана в единый Хаос. Крутились «шайбы» новых звёздных систем, выплёвывали струи вещества диковинные чёрные провалы, сталкивались галактики, переплетаясь навеки гнутыми крыльями. Существа далёких миров, целые цивилизации зарождались и гибли на моих глазах. Вся Вселенная была Здесь и Сейчас!

Я подставил лицо под дождевые струи. Казалось, над головой боги крутят свою ступу, взбивая Превозданный Океан, первоначальный Хаос, чтобы добыть землю для

первого редина, от которой он мог бы отправиться в плавание.

Я поднёс ладони к глазам — жилы ярко светились перламутром, неслышные разряды срывались с пальцев, стреляя в разные стороны. Хаос! Первоначальный Хаос, в котором Небо слилось с Океаном, и мятежный Дух носился в нём в поисках пристанища. Память вод бросила меня в свои глубины, превратив в тот самый Дух, мечущийся меж волнами в поисках... Утопии? Берега? Себя? Сознание металось от одного зыбкого образа к другому, в тщетной попытке осознать происходящее, найти в круговерти фантомов что-то реальное, какую-то опору для растерянного разума.

Дыхание участилось, пульс стучал в виске, тело содрогалось от смеси страха, усталости, гнева...

— Не ной! — закричал Робаро, хватаясь за весло. — Не ной!

Я — есть! И у меня есть лодка!

Расставив ноги пошире, попробовал, как дхони слушается руля. Это и есть опора!

Светящийся палец ткнул в эфирное зеркало. Оно медленно оплыло, тонкими струйками стекая под ноги. Хаос исчез с последней каплей.

Дхони прошла сквозь пенный гребень, и вода, плеснувшая в лицо, заставила опомниться, понять произошедшее. Когда я решил отправить предсмертное, так казалось, послание другу и создал зеркало, я, как всегда, вошёл в Память Океана... Ливень превратился в огромное объёмное зеркало, в котором отразилось всё накопленное водой за время существования Океана. Беспредельное хранилище мудрости открылось, едва не лишив ума и самой жизни.

И тут вдруг пришло понимание: только покойник мог увидеть Хаос. Я осознал, что умер.

Из пелены дождя появилась дхони. Она соскользнула со склона волны и догнала мою лодку. У рулевого весла стоял птичечеловек, собиратель душ погибших мореходов.

Чёрная фигура стояла у рулевого весла камышовой лодки, и Робаро на мгновение решил, что сам бог-хранитель подземного мира спасается от буйства водной стихии.

На самом деле это оказался молодой редин в чёрном одеянии. Бледное измученное лицо, тёмные круги под глазами, острый подбородок мелко дрожит. Он едва держался на ногах, усталость и страх почти лишили его сил.

Шаман? Странная одежда даже для шамана. С виду редин, однако мореход слабый. Такому место на большой ладье с женщинами и детьми, ухаживать за стариками, а он пустился в море в одиночку. Но было в нём что-то удивившее Робаро. В глубине глаз таилась скрытая мудрость, словно молодой повзрослел за одну ночь, поняв суть Мироздания.

— Баробаро, мореход!

Я дрогнул, когда птичечеловек поднял головной убор в виде массивного клюва и заговорил на непонятном языке. Пришелец кричал сквозь шум дождя и рёв ветра, тыча пальцем в рулевое весло.

«Держи весло! Держи весло!» — дошёл до меня смысл его слов.

Мы с чужаком как раз миновали седловину меж волнами и стали подниматься на очередную водяную гору. Моя лодка стала уклоняться вправо, грозя стать бортом и перевернуться.

Пальцы вцепился в руль, возвращая дхони на прежний путь.

Птичечеловек вновь окликнул. Он умело вёл свою дхони борт в борт. Дождевая вода потоками стекала с его плаща, сшитого из птичьих перьев, и скрывающего фигуру незнакомца до пят. Клювовидная шляпа защищала лицо от дождя, свергающегося с жемчужных небес.

Да, мир переменялся. Белое сияние разгорелось над головой и отразилось в глубине. Капли дождя матово светились, нитями жемчуга сшивая небо и океан.

Незнакомец крикнул. В поднятой руке он держал не-большой свёрток.

«Еда! — понял я. — Надо поесть!»

Птичечеловек открыл рот, оскалив зубы, словно хотел укусить свёрток. Действительно, еда.

Мои посиневшие пальцы едва не выронили брошенное угощение. Я, конечно же, взял с собой съестные припасы, сушёные фрукты, но за всё время странствия так и не решился бросить руль, чтобы подкрепиться.

Желудок скрутил спазм при виде спрессованной смеси орехов и кусочков фруктов, а жёлтый плод лумбо наполнил рот слюной. Стало обидно до глубины души: оказалось, я не один отправился в море во время потопа, но ещё обиднее то, что второй путешественник подготавливался тщательнее, подробно придерживаясь изложенного в Завете. Странная шляпа и плащ из перьев, смазанный жиром, защищали его лучше, чем гидрокостюм с капюшоном. А пища... Я почувствовал, как горячее тепло разливается от желудка по телу, как отпускают судороги в пальцах и под коленями. Впервые за время плавания облегчённо вздохнул, и пологие волны Океана показались не такими уж страшными.

Я скинул капюшон и подставил голову под струи дождя.

— Баробаро! — крикнул незнакомец, улыбаясь.

Он снял свою шляпу. Пучок рыжих волос на затылке и диски «солнца» в растянутых мочках ушей — редин!

— Баробаро! — ответил я, приветствуя соплеменника.

И всё же, в облике спасителя было что-то странное. Лицо покрыто морщинами, светлыми лучами собирающимися в уголках глаз. Крепкие руки с сухими длинными пальцами и мышцы, словно свитые канаты.

С другой стороны, незнакомец вряд ли был старше меня. Скорее всего, он чаще выходил в море, больше времени уделял део. Я не удивился, если бы оказалось, что этот редин владеет почти забытым искусством танца с каменным идиолом.

Моя попытка не увенчалась успехом. Выбрав камень с магнитной жилой, как смог, вырезал из него идола таким образом, чтобы центр магнитных линий проходил через центр тяжести истукана. Но не довёл дело до конца: не хватило терпения тщательно отшлифовать камень, придав ему чёткую форму молящегося редина, сидящего на пятках. А ведь образцы на Рапа-Нуи рядом. Смотри и делай.

Теперь я понимал, насколько мало выделял времени на тренировку. Я понимал, как повезло встретить в Океане, покрывающем почти всю планету, одинокого морехода-соплеменника.

Незнакомец положил ладонь на грудь и торжественно произнёс:

— Робаро!

И я окончательно понял смысл происходящего — магия имени!

«Мёртвый штить» — смысл слов понимаешь, только когда сам переживёшь это. Я прожевал траву и зачерпнул кружкой морской воды.

После проливных дождей поверхность Океана некоторое время была пресной и только на третий день после катастрофы стала солонеть. В запасе оставалось достаточно воды для питья, однако я перед отплытием запасся травой и теперь мог пить морскую воду. Хоть в этом неплохо подготовился.

Судя по положению солнца, меня отнесло достаточно далеко от Утопии. Впрочем, недельный переход — ерунда. Солнцепёк и «болота» доставляли больше хлопот. Волны смыли с берегов почву, и теперь по океану странствовали целые острова из выкорчеванных деревьев, наносов, разрушенных строений с останками погибших зверей, на которых пиروвали чайки и бакланы.

Ещё сутки после чудесной встречи мы с Робаро шли борт в борт. Работая веслом, я размышлял о том, что мог сказать редину, великому предку, именем которого меня назвал отец. В голову лезла всякая ерунда, наверное, потому, что я не мог относиться к спутнику, как к простому человеку. Легендарный Робаро — Робаро, оставивший после себя Завет. Смел ли я говорить с ним? Однако Робаро первым обратился ко мне на древнем диалекте. И даже тот немногословный диалог, который состоялся, сильно повлиял на меня, его потомка. Спокойствие и уверенность, с какими предок управлял своей лодкой, вдохнули в меня доселе неведомую внутреннюю силу.

Перелетая с волны на волну, мы с ним смеялись и пели. Я не понимал многих слов из песни редина-предка, но с жадностью ловил каждое слово песни и старательно повторял, не теряя ритма. Вскоре пришло и понимание. Нас разделяли тысячи лет, но если бы Всевышний глянул бы с высоты небес, решил бы, что это братья-близнецы смело идут по волнам взбесившейся стихии.

Судьба разлучила нас так же неожиданно, как и свела. Порыв ветра бросил пелену дождя между лодками, моя дхони чуть вильнула в сторону — и рядом уже никого нет. Какой смысл звать или искать? Море подарило встречу, и в его власти было разлучить двух Робаро.

На следующий день ярко светило солнце. Ленивые волны катили от горизонта до горизонта. Океан успокаивался.

Наверняка Илтари уже получил первые сообщения, и, возможно, именно сейчас слушает мой рассказ, сидя в каюте космической дхони на орбите восьмой планеты, которая носит имя бога всех вод Энки. Забавно: на экране друга я ещё только вышел в море и горжусь своим поступком. Тот прошлый «я» растворился в Хаосе, оставшись Мятежным Духом в Первозданном Океане.

Интересно, сохранила ли вода память о встрече с легендарным предком? Жилы на руках вспыхнули, создавая круглое зеркало Памяти. Океан помнил редина по имени Робаро, но рассказ о нём кончался с началом потопа. И это был вовсе не я — Робаро из Утопии, а Робаро-предок.

Как так может быть? Может ли буйство стихии нарушить память воды?

С замиранием сердца Робаро спросил о родном городе...

Белый предмет он заметил издали, но, как ни всматривался, не мог понять, что лежит в «болоте», прикрытое ветвями дерева. Идти туда Робаро не рискнул. Если даже оставить лодку и пробраться к дереву в болотоходах. Жижа всё время в движении, и дхони может далеко унести от места высадки. Кроме того, «бо-

лото» может наскочить на течение, которое разорвёт его на части...

Робаро двинулся вдоль жижи, не упуская из вида белый предмет, и очень скоро море вознаградило его за терпение. «Болото» закрутилось в стремнине течения, теряя кусок за куском. Предмет проплыл рядом с Робаро, и редин внимательно рассмотрел его со всех сторон — эдакий маленький сундук-ковчег из белого материала. Умелый строитель зачем-то придал ему форму острого копья. В таком ковчеге бурю не переживёшь, разве что можно ходить по реке, как в лодке Хамела. Возможно, кто-то рискнул спастись от потопа в белом сундучке, но судёнышко быстро набрало воды и утопило хозяев. Это не камышовая дхони: через камыш вода просто просачивается, делая его прочнее. Бестолковая лодка, заключил редин.

Природная любознательность взяла верх. Робаро осторожно пришвартовался к неуправляемому сундуку, привязал дхони к гнущемуся ограждению и поднялся на палубу. Засохшие водоросли, слизь медуз покрывали палубу ковчеге. Ничего интересного, да и ноги печёт нагретая солнцем поверхность. Редин прошёл в надстройку. Здесь хлопала вода, попавшая в сундук из разбитых прозрачных перегородок. Мелкий мусор катался по палубе в такт волнам. Робаро досадливо цыкнул сквозь зубы и уже направился к дхони, когда в воде у его ног появилось изображение.

— Помогите! — молила молодая женщина, заливаясь слезами. — Мы в нижней каюте. Помогите...

Робаро не понял ни слова. Он на мгновение растерялся, не веря своим глазам.

— Арника...

Чутьё морехода не подвело: редин быстро нашёл залитый водой спуск в нижнее помещение. Внизу оказался закрытый наглухо проход. Казалось, потяни за тор-

чашую рукоятку, и проход откроется, но у Робаро не хватало сил сделать это, как он ни старался. Редин вынырнул, чтобы набрать воздуха, упрямо вернулся к ручке, и с пятой попытки та поддалась. Оказалось, её нужно не тянуть, а поворачивать.

Вода хлынула в просторное помещение. Испуганно вскрикнула женщина, кто-то пьяно заворчал. Робаро едва удержался, чтобы не врезаться в стоящий посреди помещения стол. Но вода быстро иссякла и доставала всего лишь до щиколоток. В затхлом воздухе чётко угадывались винные пары.

— Редин? — Молодая женщина удивлённо смотрела на морехода.

«Арника!» — едва не закричал Робаро, только «эта» Арника его не знала. Он перевёл взгляд на другую койку: крепкий мужчина спал на спине, раскинув руки. На Хамела не похож, но так же пьян.

Однако сейчас было не до него. Лицо женщины покрылось испариной: огромный живот доставлял ей муки.

— Помогите...

Робаро не надо было просить. Труднее всего поднять её из этой комнаты наверх и перевести в дхони. А там Океан.

Роженица помогала редину по мере своих сил, но короткий тяжёлый путь в камышовую лодку вымотал обоих. Не просто было раздеть женщину. Робаро готов был порезать тряпки, в которые так любят заворачиваться береговые. Что в них проку? Окунёшь роженицу в воду, а они намокнут и потянут на дно. Хорошо хоть несчастная не сопротивляется: нет сил. Только смотрит жалостно, прикрывая обнажённую грудь.

— Давай, иди ко мне. — Робаро соскользнул в воду, маня женщину за собой.

В объятьях воды проще и легче. Редин ловко перерезал пуповину и вручил здоровенького кричащего мальчика матери. Он забыл только об одном: кровь попала в воду, и очень быстро над поверхностью появился треугольный плавник акулы. Морская хищница лениво закружила вокруг лодки.

Робаро поместил женщину под навес дхони и взялся за весло — лучше уйти. Акула, скорее всего, не голодна, но испытывать судьбу не стоит. Робаро поправил кремнёвый нож — а придётся, так не впервой. С другой стороны... Он бросил взгляд на припасы, лежащие под навесом дхони. Акула — свежее мясо, которое может пригодиться и мореходу и молодой матери. Кто знает, сколь долгим будет путь в незнакомом мире?

Женщина испуганно взглянула на редина, прижимая к себе новорождённого. Оценивающий прищур глаз Робаро она восприняла по-своему. Редин понял её и улыбнулся.

— Ты веришь мне? — спросил он женщину.

Она не поняла, тогда редин стал вспоминать речь потомка, которого ему довелось встретить в бушующем Океане — магия имени. Отдельные слова, фразы он помнил на звук и только некоторые понимал по смыслу.

— Ты веришь мне? — с расстановкой повторил он, невольно коверкая произношение.

— Верю, — кивнула она.

В небе загудело, словно огромный жук завис над дхони, заслоня полуденное солнце. Ветер упруго давил на плечи, как в странный шторм перед потопом.

— Робаро! Друг мой! — заговорили на языке Робаро-потомка. — Наконец-то!

Высокий редин в синих с золотом одеждах ступил на дхони. Рыжие волосы сложены в высокую причёску, перо совы вплетено у правого виска.

Он крепко обнял Робаро.

— Ты не представляешь, что случилось! — принялся рассказывать чужак. — В космосе образовалась воронка, и нашу дхони привлекло к Нинту в считанные мгновения...

Он осёкся, взгляделся в лицо Робаро.

— Робаро? Это же я, Итари...

Но «этот» Робаро друга не помнил.

Ковчег был огромен. И он смердел.

Пришлось сделать из тонкой материи, которой обычно завязывают раны, маску, но запах успел врезаться в память и, казалось, ничто не спасёт от него. Даже расстояние.

И всё же я решил подняться на борт, тем более, течение несло дхони к ковчегу.

Я знал, что буря забросила меня в прошлое, понял, что некому прийти на помощь, что катастрофа свирепствовала здесь, в прошлом, больше месяца. Повторные землетрясения продолжали тревожить Океан и бури сменялись штилями. Вода помнила об этом.

В одном повезло: переместившись на несколько тысяч лет назад, удалось пережить шторм только раз. А ковчег, похоже, било неоднократно. Дерево корпуса потемнело, покрылось оспинами от морских древоточцев, гирлянды водорослей свисали с бортов.

Я усмотрел разбитые доски обшивки с левого борта и, привязав дхони, к торчащему обломку, поднялся на ковчег.

Смрад усилился. Он тёк из открытых окон приземистой надстройки, похожей на барак. Я поморщился, но заставил себя сделать пару шагов. Из надстройки выбежал волк.

Зверь рычал и скалил зубы, не давая пошевелинуться. Однако я был не беззащитен. Левая рука осторожно

коснулась фляги с водой, открыла пробку, и пара тяжёлых капель ударила зверя в нос и лоб.

Волк заскулил, мотая головой, бросился наутёк под ноги людям, которые появились в дверях барака. Грязные лица, оборванные одежды, исхудавшие тела. Глядя на всклокоченные бороды мужчин, я поблагодарил Всевышнего за то, что Он не дал мужчинам моего народа такого украшения.

Впереди шёл дряхлый старик. Две женщины придерживали его под локти. Бледной рукой старец прикрыл от солнца слезящиеся глаза. Старик склонил голову чуть влево и о чём-то спросил женщину.

Языка я не понял. И снова в ход пошла пресная вода из фляги. Я сделал маленькое зеркало и дал ему роль переводчика.

— Демон Робаро, ты вернулся за нашими душами? — произнёс старик скрипучим голосом.

— Зачем мне ваши души? — Я уже почти жалел, что поднялся на борт сундука. — Я пришёл, думая, что здесь кому-нибудь нужна помощь.

Поразительная вещь: из всех ковчегов, построенных береговыми народами, мне встретился именно тот, где знали Робаро-предка. Магия имени! Интересно, встретит ли предок ковчег береговых там, в будущем?

— Что с вами произошло? — спросил я.

Народ недовольно загомонил, а старик ответил:

— Мы построили сундук в горах, как ты советовал. Когда начался конец света, животные из долин бросились в горы, спасаясь от большой воды. Они стали забираться на ковчег, и мы были бессильны их остановить. — Он горестно покачал головой. — А потом пришла вода...

Жуткая картина: сундук, перегруженный людьми и животными, подхватывает вода и крутит, и несёт. Сорвавшиеся с борта гибнут в безумном Океане...

— Как зовут тебя, старик? — спросил я.

Седые брови старца удивлённо приподнялись:

— Ты не узнал меня, редин? Я первосвященник, Но-ой!..

Его бесцеремонно толкнули в спину, грязные люди испуганно расступились.

— Редин! Проклятый демон!

Громогласный мужчина в более-менее чистом одеянии выступил вперёд в сопровождении молодых парней и девушек.

— Я здесь хозяин! — заявил наглец. — И я здесь первосвященник! Если ты забыл и моё имя, то я тебе напомню: я — Хамел!

От него воняло не меньше, чем от кучки испуганных оборванцев, но, по крайней мере, зубы и дёсны его выглядели здоровыми. Видимо, он ел лумбо, спасаясь от зубной гнили.

— Зачем пришёл?! — орал Хамел.

Девушка, стоящая за его спиной, разглядывала меня во все глаза, словно не верила, что перед ней живой Робаро. Скорее всего, она знала легендарного предка. Я присмотрелся к ней. Безусловно, девушка была красива. Когда-то, месяц назад. Теперь же передние зубы отсутствуют, и гниль, похоже, тут ни при чём. Жёлтый синяк красовался под левым глазом, волосы давно не знали гребня, сквозь дыры в платье видны синяки на бёдрах.

Хамел уловил мой взгляд, оскалился:

— Пришёл за своей шлюхой. — Он расхохотался и вытолкнул несчастную вперёд.

Девушка робко прикрывала обрывками платья худое тело, боясь подойти ко мне или встретиться взглядом. Если её отмыть, причесать... Такая могла понравиться Робаро-предку.

— Обними же любимую, Робаро! — ржал Хамел.

— Я не тот Робаро, — признался я и повторил для де-вушки. — Прости, я не тот Робаро.

— Да, да, — тихо произнесла несчастная. — А я уже не та Арника. Я теперь грязная, и я отказалась от тебя, я не поверила тебе...

Ещё одна страничка из жизни предка открылась по-томку.

— Я не виню тебя. Я понимаю. — Она всхлипнула, скрывая глаза ладонью.

— Что же ты робеешь, Робаро? — Хамел чувствовал себя хозяином положения.

Неспешно он подошёл на расстояние вытянутой руки и заглянул в глаза.

— Ну, что, змеёныш, смотришь? — Хамел слегка шлёпнул меня по щеке.

Тот Робаро, который тайком покинул Утопию, наверно, попятился бы, стараясь не вмешиваться в чужие дела, убежал бы, не желая драться с противником, превосходящим наглостью и силой. Но того Робаро смыло первой же волной, убило грозovým разрядом, он сгорел под палящими лучами солнца во время страшного штиля, его поглотил Хаос.

Перед Хамелом, упоённым властью над горсткой оборванцев, стоял молодой редин, испытавший безумство стихии не в чреве сундука. Он встретил потоп лицом к лицу, он вдохнул свободы, которой научил его предок. Я чувствовал себя человеком, прошедшим ритуальное Омовение, но не в бассейне перед пирамидой-хавиттой. Меня омыл сам Океан, сам Энки плеснул на голову штормовыми волнами, которые унесли в глубины всё наносное, цивилизованное, правильное, рациональное. «Путешествие, как самая великая наука и серьёзная на-

ука, помогает нам вновь обрести себя»¹, — писано в Завете рукой Робаро-предка. Или...

Смутная догадка, словно порыв ветра, коснулась разума и унеслась не пойманная.

Потом. Всё потом.

Теперь громогласный наглец, стоящий предо мною, был смешным дурачком, возомнившим себя правителем слепопотопного мира, носителем Закона, продолжателем рода человеческого.

— Я не тот Робаро, — спокойно ответил я, не дрогнув и мускулом.

— Тогда она тебе не нужна!

Хамел сильно толкнул девушку в плечо, и несчастная упала за борт. Вскрик, всплеск, довольный хохот Хамела... оборвался криком боли.

— Я не тот Робаро, — гнев клокотал в моём горле, рука сломала наглецу пальцы, — но я и не Ной! Терпеть не буду!

Рука Хамела хрустнула в локте. В следующее мгновение я оттолкнулся от борта и нырнул в глубину, где таяла в синеве тень Арники.

Яркая точка горела на западе, играя в лучах восходящего солнца. Так бы сверкала вершина хавитты в Утопии, окажись я в своём времени.

В небе, расправив крылья, парил ворон. Арника проснулась от его карканья и испуганно смотрела на чёрную птицу.

— Не бойся, — окликнул её я, стоя у рулевого весла. — Это наш проводник.

В глубине, куда её толкнул Хамел, Арника стала сопротивляться моим попыткам вытащить её на поверх-

¹ «Путешествие, как самая великая наука и серьёзная наука, помогает нам вновь обрести себя» (Альбер Камю).

ность. В синей чистоте Океана Арника превратилась в дочь Энки: волосы превратились в облако, скрывающее её лицо, рваные одежды почти не прикрывали наготу. Я старался припомнить, были ли у властителя всех вод дочери, но времени на любования и размышления не оставалось. Арника твёрдо решила покончить с жизнью. Пузыри воздуха сорвались с её губ, руки конвульсивно дрогнули. Я толкнул девушку к поверхности.

Хамел орал, потрясая кулаками, когда я положил бесчувственную Арнику на дхони. Вниз летели кости и тряпье — свита властителя мира старалась угодить ему, целя в проклятого демона и шлюху. Я быстро отрезал канат, а дальше не пришлось прилагать особых усилий — течение подхватило камышовую лодку.

Хамел пришёл в бешенство, однако под рукой не было ничего, чем можно швырнуть во врага. Тогда он подхватил Новела и кинул его вослед дхони. Люди на ковчеге оторопели, испуганно попятились от обезумевшего Хамела. Старик утонул не сразу, он кричал, простирая руки к небу, но под ним уже образовался водоворот, из глубины поднялись водоросли. Словно сети Энки, они поймали несчастного и увлекли в глубину.

Земли не было. Через час пути они достигли плавучего города рединов. Я хорошо знал Утопию, величественную столицу рединов своего мира, но то, что предстало взору, поразило. Большие тростниковые дхони и маленькие лодки, связанные вместе, образовали остров с домами, улицами, площадями, даже огородами. Вороны-путеводители кружили над высокой башней, вершина которой горела золотом, указуя рединам путь в открытом море. Флотилии дхони разных размеров входили в тростниковые заливы, превращаясь в берега острова и

готовые в любой момент обрести свободу, чтобы отправиться в новое плавание.

Где-то шёл торг, где-то танцевали део, готовясь к дальнему плаванию к неведомым берегам изменённого мира. Древняя Утопия жила и процветала, готовая к любым капризам родной стихии — Океана.

При виде острова, полного жизни, тревоги и волнения, наконец, отпустили меня. Хотя это было странно, но проделав путь в тысячи лет, я оказался дома.

— Баробаро, Робаро! — крикнули с проходящей дхони.

— Не ной, друг! — ответил я, поднимая руку в знак приветствия.

Арника удивлённо смотрела на происходящее вокруг, вертя головой, словно любопытный ребёнок. За два дня совместного пути она загорела, окрепла, синяки сошли с кожи. Единственное — она смущалась выбитых передних зубов, при разговоре склоняла голову, прикрывала рот ладошкой. Я вывел насекомых из её волос, и они обрели прежний блеск — лекарства далёкого будущего, которые взял с собой,годились.

Девушка выстирала своё рваньё, что сумела, зашила. Но теперь среди почти обнажённых рединов её наряд смотрелся чуждо. Я хмыкнул: пришлось спрятать гидрокостюм, чтобы не удивлять соплеменников. А Арника... Надо дать ей время привыкнуть.

— Ну, вот и дом, — сказал я, выбирая место для швартовки.

— Дом, — эхом повторила девушка.

Она подошла и коснулась моего плеча:

— Я верю тебе, Робаро.

Я не совсем понял смысл этих слов, но сообразил, что для Арники они значат много.

— Это хорошо, — кивнул я.

Теперь оставалось написать Завет.

ОСНОВА ОСНОВ

УДИВИТЕЛЬНАЯ НАХОДКА

Вчера двое газонокосильщиков обнаружили на лугу пять золотых слитков общим весом два с половиной килограмма. Клад был завёрнут в пластиковый пакет, который лежал рядом с аккуратно выкопанной ямкой. Полиция оценила стоимость находки в 124 000 швейцарских франков. Несмотря на фирменные клейма, ни один из банков пока не признал золото своей собственностью...

«Базельская газета» от 13.07.2012

Когда домофон разразился противным кваканьем, Андреас Вебер безмятежно дрых после корпоративной вечеринки. Не вовремя разбуженный, он буркнул жене «Сильвия, открой!» и нахлобучил на голову подушку. Однако Сильвия не отозвалась. Тут Андреас вспомнил, что жена на работе и открыть непрошеному визитёру придётся самому.

— Чтоб вас орки взяли! — прорычал Андреас в подушку и заткнул уши.

Но кваканье раздалось снова, а к нему присоединился требовательный стук. Поняв, что отвертеться не удастся, Андреас натянул штаны и побрёл в прихожую. Он хорошо знал городских жителей и уже догадался, кто стоит за дверью.

— Доброе утро! — голос незваного гостя, казалось, растекался оливковым маслом по горячей сковородке. — Как чудесно, что я вас застал!

★ Андреасу удалось изобразить улыбку. На лестничной площадке обнаружился круглолицый румяный гном в красном колпаке и синем балахоне — традиционном наряде государственного служащего. Посетитель хозяину, как говорится, в пупок дышал, но возникло ощущение, что гном гораздо выше человека. И немудрено: высоким тебя делают отнюдь не природные данные.

— Извините за беспокойство, — поклонился госслуж, едва не заехав Андреасу в глаз кончиком длинного колпака, — меня к вам направила компания «Телепат». К величайшему сожалению, при последнем пересчёте была допущена ошибка. Как выяснилось, шестьдесят шесть телепатом пришли из другого измерения...

— Верно, — прервал его Андреас, — я уже связался с компанией...

— ... и вы обязаны заплатить не только за отсылку сообщений, но и за приём, — не слушая, закончил гном и довольно улыбнулся. — Поэтому я здесь! — Он достал из-за пазухи государственный жезл восприятия. Накопчик артефакта светился нежно-розовым светом.

— Погодите, — запротестовал Андреас. — Я знаю, откуда приходили телепаты! Моя жена ездила в командировку в Серую Зону, и оттуда...

— Верно, — ласково сказал гном. — Серая Зона формально принадлежит нам, но фактически находится у Приграничья. Вероятно, ваша уважаемая супруга покинула пределы города, сама того не заметив...

— Я не могу решать без неё. Кроме того, мы имеем право на отсрочку.

Весёлое выражение лица гнома не изменилось, однако взгляд сделался враждебным.

— Но ведь я уже пришёл, — проворковал он, поднимая жезл. — Гораздо проще заплатить сейчас, чем устраивать нудную переписку с «Телепатом»... Требова-

ние компании отменить нельзя, а судиться с ними бессмысленно...

Андреас устал спорить. Левый висок ныл, очень хотелось пить.

— Сколько с меня? — спросил он, доставая из комода позвякивающий кожаный мешочек.

Служащий опустил жезл и сладко зажмурился:

— Ровно три золотых.

— Смотрите не подавитесь...

— Не беспокойтесь, — ответил гном и ловко запихал монеты за щеку. Розовый огонёк на кончике жезла погас. — Большое спасибо, господин Вебер! О вашей любезности будет доложено. Василиск ценит людей, легко расстающихся с золотом... Всего наилучшего!

Гном повернулся и с дробным стуком кованых башмаков ссыпался по лестнице.

— Э! — крикнул вслед Андреас. — А если бы у меня не было золота?

— Тогда я бы зашёл чуточку позже! — умильно произнёс госслуж. Солидно прогудел скоростной лифт, и гном исчез.

Андреас захлопнул дверь и прошёл на балкон. Свежий воздух мгновенно исцелил голову и вложил успокоение в расстроенную душу.

— Хорошо! — сказал Вебер, жадно вдыхая ароматы Заречья. — Подумаешь, золото... Главное — город!

С высоты восемнадцатого этажа город был виден почти весь — от заснеженных пиков гор Безрассудности до реки Отчаянной. Море черепичных крыш привольно разлилось по долине, заполнив доступное глазу пространство. У горизонта мерцала полоса Серой Зоны, отделявшей волшебное поселение от окружающего мира. По старинным улочкам бесшумно сновали магомобили, шагали люди в ярких одеждах, лёгкой рысью пробегали единороги. Время от времени между высотками пере-

пархивал дракон-блюстителю, но только для напоминания о централизованной власти, поскольку о преступлениях в долине никто и слыхом не слыхал. Однако не драконы и единороги, не гномы в сказочных одеждах и даже не аромат магии, неизменно висящий в воздухе, делали город столь необычным. Любого человека, впервые оказавшись в этом невероятном месте, задирали голову и бесконечно долго созерцали небо. Не стоит напоминать, что чистому небу днём полагается быть голубым. На Марсе оно розовое, на Венере — тускло-молочное, с кипящей пеной облаков. Придёт время, и человечество познакомится с небесами других, бесконечно далёких планет... Однако нигде во Вселенной не найдётся неба, которое сияет всеми оттенками червонного золота.

Вероятно, уже много веков путники, заблудившись в измерениях, попадали в Приграничье, откуда просматривался город. Он являлся караванщикам фата-морганой в пустыне, лепился из туманов шотландских озёр, светился башнями у подножия Гималаев... Некоторые говорили «Город», подчёркивая первую букву. Другие произносили это слово так, что все буквы звучали как заглавные, а были и такие, кто умудрялся говорить не только большим шрифтом, но и с точкой после каждой буквы — Г.О.Р.О.Д. Впрочем, последний вариант появился недавно, когда учёные легально прошли Серую Зону и воочию узрели золотое небо. Днём оно сияло торжественно и весомо, а ночью россыпи звёзд вспыхивали драгоценными камнями на тёмной парче. Сам город названия не имел, ибо для жителей всегда был единственным. Разумеется, они не сомневались в существовании остального мира. Некоторые даже предпринимали загородные поездки, неизменно пугая своим обликом суеверных людей, но родная планета мало интересовала обитателей волшебной столицы. А вот люди лезли

в город поодиночке и целыми экспедициями, подкапывались под границу измерений, долбили Серую Зону пучками электронов, ныряли в глубины морей и жерла действующих вулканов. Они гибли тысячами, пропадали без вести, калечились, сходили с ума, но считанные единицы пробирались сюда и застывали в изумлении при виде безмятежного золотого неба. Это рай, думали счастливчики. Как можно ещё назвать страну, где нет горя и болезней, где царят процветание и довольство и даже сама смерть столь далека от мирного существования горожан, что никто не помышляет о ней? Заворожённые магией этого неповторимого места, путники забывали обо всём и... оставались. Аборигены не возражали, даже наоборот — всячески поддерживали. Люди, сделавшись почти бессмертными, очертя голову бросались в магическое бытие. Они пытались стать похожими на могучих и храбрых орков, нежных и мудрых эльфов, трудолюбивых и хозяйственных гномов... А горожане перенимали у них человеческое и всё больше смахивали на людей. К началу двадцать первого века пришельцев из-за Приграничья стало так много, что, казалось, они жили здесь всегда. Теперь уличная толпа состояла из людей, одетых в костюмы разных эпох соответственно времени прибытия, и мифологических существ, столь же пёстрых и необычных. Те, кто появился на свет в городе, по праву считали его своей родиной. Но люди не были хозяевами, ибо не владели магией. В городе можно было жить и работать, но стать по-настоящему своим никто не смог. Зато люди принесли с собой знания и умения, доселе незнакомые местным существам: науку и дух авантюризма. Окрылённые новыми идеями, хозяева решились на доселе немыслимый шаг — открыть тайну города остальному миру.

И мир был потрясён.

Ведь никто по-настоящему не верил в гоблинов, магов, драконов и прочую сказочную ахинею, как вдруг выяснилось, что всё это правда! Появились люди, пропавшие без вести десятки, сотни лет назад. Они рассказывали, объясняли, подготавливали почву... Их гнали, сажали в тюрьму, убивали, объявляли безумцами, однако неопровержимые доказательства неуклонно добывали прагматизм земных правительств и косность обывателей. Когда посольство города золотого неба впервые предстало перед телекамерами, все были к этому готовы. То есть думали, что готовы. Никто не ожидал увидеть процессию крылатых эльфов под охраной драконов и троллей. Главы крупнейших религиозных конфессий настолько растерялись, что отправили на встречу своих представителей, но муллы и священники вернулись домой изрядно пристыженные. Волшебные существа не нуждались в религии. Посольство Города Золотого Неба (это название прочно закрепилось в документах) заявило, что будет разговаривать только с Организацией Объединённых Наций. Все помнят знаменитую трансляцию из зала заседаний, где эльфы парили рядом с ошарашенными представителями земных правительств, тролли несли вахту у входа, а драконы, стоя в одной цепочке с полицией, грозно порывкивали на прытких зевак и репортёров. Планета едва не свихнулась. Повсюду вспыхивали локальные конфликты, религиозные и атеистические бунты, шли многотысячные митинги протеста и поддержки, словом, ломались стереотипы. Вспомнились старые обиды, пальцы президентов замерли над красными кнопками, поднялись и застыли в боевой готовности ракеты... Ничего не случилось. В первый и последний раз появились эльфы перед общественностью, доказав, что Город Золотого Неба — не миф. А потом ушли, завершив переговоры. Они сделали своё дело: мир убедился, что магия и волшебство — ре-

альность, с которой можно познакомиться лично. Городу требовались профессионалы — учёные, финансисты, администраторы. А земные правительства нуждались в золоте. Лучшие умы планеты сражались за право получить Gold Pass — визу в магическую страну. И ручейки золота из Эльдорадо текли в банки, залечивая раны в экономике и латая бюджетные дыры...

Андреас Вебер был первоклассным администратором, хотя понятия об этом не имел. Последние десять лет ему пришлось работать на складе бытовой техники, поэтому идея подать заявление на Gold Pass казалась пустой затеей. Из интереса Сильвия отослала документы в Серую Зону. К изумлению супругов, они получили приглашение на собеседование, откуда вышли опьянённые удачей. Фактически разговора не состоялось. Весёлый бородач в костюме эпохи Ренессанса усадил Андреаса с женой на диван, поглядел в магическое зеркало, а затем торжественно поздравил с получением пятилетнего права на жительство в Городе Золотого Неба с возможностью стать гражданами по истечении указанного срока, если в их услугах ещё будет необходимость. Андреас направлялся менеджером в фирму, занимавшуюся оборудованием для волшебной техники, а Сильвия с её высшим медицинским образованием заняла место ассистентки в отделе прикладной алхимии института магических наук. Сборы прошли, как безумный сон, и вскоре супруги Вебер стояли у ворот Города, не в силах отвести глаз от небесного золотого сияния. Никто тогда помыслить не мог, что дни волшебства на Земле уже сочтены.

— Кофе и бутерброд с краковской колбасой, — приказал Андреас, любуясь чудесной панорамой.

Звякнул металл, и на столик опустился поднос с заказом. В службе доставки хорошо знали вкусы четы Вебер, поэтому на материализацию не потребовалось и

★ двух секунд. Как местные маги умудрялись проделывать подобное, Андреас не знал. Сильвия честно пыталась разобраться в сложнейших уравнениях трансатомной химии, но поняла одно: материализация и трансгрессия ей не по плечу. А муж давно уже перестал ломать над этим голову и просто наслаждался жизнью.

Позавтракав, Андреас принял душ с десятипроцентной примесью живой воды и, вообразив себя эльфом, магом и троллем, вместе взятыми, отправился в парк — зарядиться энергией на пару дней вперёд.

На улице он подумал, не вызвать ли единорога — прокатиться с ветерком, но все скакуны куда-то запропастились. Тогда Вебер решил срезать путь и свернул в узкий переулок между стеной Гильдии Магических Трав и домами, где жили гоблины-пивовары. Именно этот момент следует считать переломным в судьбе Города Золотого Неба.

Андреас не прошёл и сотни шагов, когда позади раздался топот кованых ботинок. Обернувшись, Вебер увидел запыхавшегося гнома, прижимавшего к животу красный колпак. Первой мыслью было, что вернулся утренний визитёр и сейчас опять потребует платы. Андреас вознамерился дать госслужу достойный отпор, но незнакомый гном, поравнявшись, вдруг сунул менеджеру свой колпак, а сам прыгнул в жерло водостока. Андреас, изумлённый до крайности, заглянул в подозрительно тяжёлый свёрток и вытащил золотой слиток с клеймом в виде готической буквы «В» — символом василиска.

— В Приграничье тебя! — ругнулся менеджер на местном жаргоне. — Чтобы гном добровольно расстался с золотом?..

Он огляделся в поисках свидетелей, но переулок был пуст. Гоблины по традиции днём спали за плотно закрытыми ставнями, а уж из-за стены Гильдии никто

не мог выглянуть. Вебер сунул слиток обратно в колпак и собрался заткнуть находку за пояс, как зашумели крылья, и на мостовую опустился дракон-блюститель. Из пасти чудовища, словно из газовой конфорки, струилось синеватое пламя. Незадачливый менеджер по сбыту маготехники покрылся потом. Ещё ни разу ему не доводилось столь тесно общаться с представителем власти.

— Х-с-с-с, — прошипела рептилия, высунув чёрный язык с тремя кончиками. — Стой, где с-стоиш-шь!

— Стою, — отозвался Андреас. Известно, что драконы ненавидят две вещи: юмор и непослушание, поэтому все старались не раздражать огнедышащих тварей.

— З-здесь пробежал гном, — сказал дракон, облизнувшись. — Где он?

Андреас открыл было рот, чтобы выложить всё как на духу, но невесть откуда взявшийся бес противоречия заставил его сказать нечто другое, приблизив гибель Города ещё на один шаг.

— Пробегал, — заявил Вебер. — Промчался мимо, что твой единорог. Чуть меня с ног не сбил.

— Куда промчалс-ся?

— Туда, за угол. — Андреас махнул рукой вдоль переулка. — Разве вы сверху не видели?

— Улица уз-зкая, крыши меш-шают. — Тут взгляд дракона остановился на красном свёртке в руках Андреаса. — Пс-с-ст! Что это у тебя?

— А это он на ходу обронил, — симпровизировал менеджер.

— Положи на мос-стовую и с-сделай шаг назад, — скомандовал блюститель. Вебер повиновался. Дракон развернул колпак и присвистнул:

— Фс-с-с! З-золото!

Пустые глаза рептилии заметно подобрели. Дракон подбросил золотой слиток и заглотнул его на лету,

а красный колпак брезгливо подцепил когтем и дыхнул. Ткань осыпалась пушистым пеплом, а блюститель вновь уставился на Андреаса, но уже благосклонно.

— Спас-сибо, гос-сподин Вебер, — церемонно произнёс дракон, — вы нам оч-чень помогли. Вас-с-силиск ценит людей, легко рас-стающихся с золотом. Ес-сли где-нибудь увидите гнома без колпака — с-сигнализируйте. Ус-спешного дня!

Горячий вихрь от распахнувшихся крыльев опалил Андреасу лицо, и дракон шутихой взметнулся ввысь. Вебер задумчиво поскрёб затылок. Небывалое дело: блюститель гонится за гномом! Что такого мог натворить государственный служащий? Украсть золото? Маловероятно. Гномы отличались кристальной честностью, потому-то их и брали на службу. Но клеймо на слитке! Знак василиска!

Крышка канализационного люка посреди улицы приподнялась, и в щели блеснули испуганные глаза.

— Улетел? — хрипло спросил их обладатель.

— Ис-с-спарился, — ответил Вебер с драконьими интонациями в голосе. — Можешь вылезать.

Люк со скрежетом откинулся, и на свет выбрался помятый и перепачканный гном. Андреас брезгливо поморщился.

— Где мой колпак? — нахально спросил гном и завертел ушастью головой.

— Вот! — Андреас указал на кучку пепла.

Лицо гнома исказила гримаса, уши задёргались.

— Не-е-ет! — завыл он и бухнулся на колени. — Мой хорошенький, красненький колпачок! Какой же я теперь гном без колпака-а-а!

— Другой купишь, — посоветовал Андреас.

— Что ты в этом понимаешь! Колпак — это знак принадлежности к гильдии! Кто мне другой выдаст? Поймай! А где слиток?

— Отдал.

— Зачем? — завопил гном. — Это же доказательство! Не мог сказать, что он твой?

— Поспоришь с драконом, как же, — возразил Андреас, которому наскучил непонятный разговор. — Я в ваши гномьи разборки не встречаю. Всего наилучшего!

Он повернулся, чтобы уйти, но дрожащие пальцы ухватили его за штанину.

— Помоги! — зашептал гном. — Они меня по всему городу ищут. Ты хороший человек, известный. Люди вообще вне подозрений. Я только до темноты у тебя отсижусь и уйду...

— Вот ещё! — запротестовал Вебер, вырвавшись из цепких лап. — Этак я визы лишусь! Вышлют в двадцать четыре часа!

— Я тебе такое расскажу! — продолжал бывший госслуж. — Онемеешь!

— Иди ты к василиску! У меня выходной, дай отдохнуть спокойно!

— А с магией не хочешь познакомиться? — вкрадчиво спросил гном.

— Ты разве можешь научить?

— Вот у тебя дома всё и выложу. До темноты. А потом смоюсь. Ну, как, договорились?

Андреас задумался. Перспектива заполучить в личное пользование магическую силу выглядела соблазнительно. Никто из людей не смог овладеть даже начатками волшебного искусства, жители города ревниво берегли свои секреты. Разумеется, если гном способен на такие штучки. Но гномы никогда не лгут...

— Ладно, пошли, — решил Андреас. — Знаешь, где я живу?

— Мы всех знаем! — отозвался гном и прыгнул обратно в люк. — Увидимся в парадном! — донеслось из под земли.

★ Андреас недоверчиво причмокнул, но, подумав, что отступать поздно, отправился следом.

Гном ждал его у двери квартиры, подпрыгивая от нетерпения.

— Твоя жена дома, — сообщил он, вытаращив круглые глаза.

— И всё-то вам известно, — вздохнул Андреас, отпирая дверь. — Лезете, куда не просят... Сильвия, ты тут? Я с гостем! Встречай!

Фрау Вебер появилась из кухни, вытирая руки полотенцем, и с удивлением воззрилась на лысую голову гнома.

— Добрый день, — неуверенно сказала она. — Чем могу быть полезна?

Рука визитёра потянулась к несуществующему колапу, не обнаружила искомого, поменяла цель и ухватила хозяйкину ладонь.

— Я ещё не имел чести быть представленным, — галантно сказал гном и приложился к руке. — Меня зовут Рэнд.

— Брось эти гномские штучки, — нахмурился Андреас. — Мне ты своего имени не назвал.

— Времени не было, — пожал плечами Рэнд. — Когда драконы наступают на пятки, не до церемоний.

— Что это значит, дорогой? — обратилась к мужу Сильвия. — У тебя неприятности?

— Увы, мадам, — вздохнул гном, — неприятности у вашего покорного слуги Рэнда. Господин Вебер мило-стивно согласился предоставить мне убежище...

— Кончай любезничать, — прервал гостя Андреас. — Сядь на диван и помолчи три минуты.

Рэнд забрался на указанное место, проворчав что-то насчёт человеческой вежливости. Пока он кряхтел, оглаживал бороду и с любопытством осматривал комнату, Андреас кратко пересказал сегодняшний уличный

эпизод. Сильвия немедленно прониклась участием к «бедному гномику», которого хотел сжечь «гадкий птеродактиль». Рэнд грустно кивал и даже выдавил пару слезинок для пущего сочувствия. Попытки Андреаса объяснить, что дракон гнома только искал, а вовсе не собирался поджаривать, вызвали бурные протесты самого Рэнда. Он объявил, что поджариваться куда приятнее, чем угодить в лапы василиску, а именно это с ним собирались сделать. Андреас махнул рукой, а Сильвия в порыве гостеприимства предложила гному остаться у них, покуда не утихнет шум. Рэнд торжественно принял приглашение, слез с дивана и вновь приложился к руке хозяйки. Лишь тогда слово предоставили Андреасу, который сразу взял минотавра за рога.

— Ну что же, — объявил он, потягивая поющий мандрагоровый чай, заваренный Сильвией, — вот ты и в безопасности. Теперь будь любезен, сдержи слово. Расскажи, почему за тобой гнался дракон, откуда ты взял слиток, ну и про магию, само собой.

Рэнд пожевал губами, смакуя чай, отчего борода смешно заёрзала из стороны в сторону, и спросил:

— Вам известно, почему небесный купол в городе золотого цвета?

— Конечно, — отозвался Андреас, — мы на курсах интеграции проходили. Магический купол служит защитным полем, не позволяющим проникать в город посторонним, то есть людям из-за Серой Зоны. В то же время он удерживает город в межпространственных рамках, не давая растечься по измерениям.

— Вопрос был не «зачем», а «почему», — подчеркнул гном последнее слово.

Супруги слегка растерялись. Рэнд подождал и продолжил чуточку свысока:

— Видите, насколько вы нелюбознательны. Ясен гипс, люди в магии ничего не смыслят, но уж с логикой-

★ то у вас всё в порядке! Чем славится наш город? Верно, магией. А ещё чем? Золотом, дорогие мои! И не простым, а волшебным! А теперь раскройте уши, слушайте внимательно, запоминайте надолго...

Следующие час-полтора супруги Вебер сидели, затаив дыхание. Поющий чай выдохся и замолк, небо начало менять цвет на вечерний, а гном всё говорил и говорил. Без присущей этому народцу вычурности, ясным, почти академическим языком.

Золото — это основа основ, поучал Рэнд. Там, за Серой Зоной, оно является эталоном ценности. Добыть его трудно, зато уничтожить фактически невозможно. Золото — один из элементов, часть фундамента, на котором стоит Вселенная. Но люди ничего не знают о нематериальной силе жёлтого металла. А жители Города Золотого Неба пользуются ею с незапамятных времён. Много эпох назад, когда разумные расы появились на свет, перед ними возникла проблема выбора: материалистическое, прикладное познание или нематериальное, магическое. Люди пошли по первому пути, остальные — другой дорогой. Кое-кто из учёных или служителей культа порой, тыкаясь вслепую, овладевал простенькими фокусами, но дальше этого дело не шло. К тому же официальные религии ополчились на колдунов, объявив их врагами рода человеческого, а наука окончательно добила ростки волшебства. Сказочные существа даже не заметили, как стали сказочными. Магия позволила им выйти за границы пространства, создать собственный мир, куда они постепенно переселились.

Выяснилось, что удержаться тут весьма трудно. Многие погибли, не в силах сопротивляться беспощадной энтропии, но маги справились и с этой проблемой. Найти решение помогло золото — ковкое, вечное, постоянно пребывающее во всех мирах. Под воздействием ма-

гической энергии его свойства менялись. Атомы теперь уже волшебного металла, встраиваясь в молекулярные структуры, превращали зыбкое бытие за Приграничьем в реальное существование. Постепенно магия слилась с золотом, которое сделалось не только эталоном стоимости, но и основой жизни. Так возник Город Золотого Неба. Существа, обитающие в нём, зависимы от золота, как обычные животные и растения от воды. Волшебным золотом тут пропитано всё: дома, техника, пища, земля, жители... Оно постоянно циркулирует в магической системе, обновляясь, заряжаясь и поддерживая замкнутый мир Заречья. Вот почему в городе золотое небо. Это всего лишь отражение местного золота в магическом силовом поле. Беда в том, что драгоценного металла на Земле мало, поэтому его хватило не на всю планету, а лишь на один город с окрестными землями. Но зато жители вечно здоровы, богаты и счастливы...

Дойдя до этого пункта, Рэнд погрузился и вздохнул. Тут Андреас кое-что сообразил:

— Постой! Люди-то магией не владеют! Как же они тут живут и пользуются всеми преимуществами?

— Я же сказал, что атомы волшебного золота встраиваются в любую структуру, — напомнил гном. — Вы оба напичканы им по самые уши, хоть пробу ставь.

С минуту Андреас пререваривал сказанное. Затем спросил:

— А зачем горожанам приглашать специалистов извне? Коль магический золотой запас ограничен, почему приезжают всё новые мигранты? Ведь на всех магии не хватит!

— Вот именно! — Гном спрыгнул с дивана и нервно зашагал по комнате. — Я работаю... то есть работал в государственном учреждении, мне была доступна статистика. Последние учёты привели меня в ужас. За двенадцать лет, прошедших с момента, как город открылся

людям, количество коренных жителей уменьшилось наполовину. Гномов это почти не коснулось, а вот численность орков упала в семь раз! Эльфы тоже не пострадали, а гоблинов стало в пять раз меньше! Драконы и единороги процветают, а когда ты в последний раз встречал вервольфа? Но главное: исчезают настоящие маги, те, кто устанавливал золотое поле и латал дыры в измерениях. Зато людей становится всё больше, не в обиду вам будет сказано. Куда подевались местные, позвольте осведомиться?

Рэнд остановился посреди комнаты и вопросительно задрал бороду.

— Ты хочешь сказать, — испуганно произнесла Сильвия, — кто-то из людей убивает вас?

Гном затряс головой.

— Не обязательно люди. Но кому-то понадобилось заменить нас на людей, вот в чём дело!

— Зачем?

— Не знаю. Однако уверен, что это связано с золотом, — сказал Рэнд и, поманив к себе Сильвию с Андреасом, прошептал: — Я с двумя гномами пробрался в главное хранилище у реки. В охране работал знакомый гoblin... Он мне сообщил, что по ночам тут творится нечто странное, какие-то работы, суэта... Короче говоря, мы там были. Люди добрые, хранилище почти пусто! Только два ящика стоят у стены. Зато слитки в них насыщены магической энергией! Одного такого бруска хватило бы на месяц всему нашему ведомству. Но главное: всё это золото... не в системе.

— Не понимаю, — наморщил лоб Андреас.

— Оно выключено из магооборота! При такой силе! Атомы ни с чем не связаны, это просто золотые слитки невероятной, можно сказать, критической магомассы! Для чего же предназначено это ничейное золото?

— Не знаю... — хором сказали супруги.

— И я тоже, — признался гном. — Я взял один брусок, чтобы повозиться в твоём, Сильвия, институте... Но не успели мы выйти из хранилища, как на нас обрушились драконы. Гоблин из охраны куда-то исчез. Мы побежали в разные стороны, и мне удалось прыгнуть в реку под носом у блюстителя. Вынырнул я у Серой Зоны, где дракон не мог меня почуять. Затем добрался до моста и вернулся в город. Очень хотел попасть в институт, но драконы шли по запаху золота, и один выследил меня у Гильдии Магических Трав... Остальное ты видел.

Рэнд снова вскарабкался на диван.

— А что стало с твоими друзьями? — спросила Сильвия.

— Не думаю, что им удалось спастись, — мрачно ответил гном. — Их наверняка утащили к василиску, а с Королём Змей шутки плохи...

Помолчали. Затем Андреас спросил:

— Что же ты хотел предпринять?

— Исследовать брусок и установить направление магических потоков. Я сам в науке ни бельмеса, но в институте работают люди из-за Приграничья... Впрочем, что теперь говорить...

— Думаешь, золото из хранилища имеет отношение к исчезновениям?

— Убеждён. — Гном извлёк из складок балахона жезл восприятия. — Когда исчезает или умирает сказочное существо, что случается крайне редко, его энергия возвращается в золотой круг. Все жители учтены, и любые колебания поля фиксируются. А тут сгинула половина обитателей без каких-либо изменений! Там, в хранилище, я просканировал внесистемное золото. Уровень напряжения магополя примерно соответствовал количеству пропавших без вести...

★ Андреасу показалось, что золотое сияние за окном окрасилось кроваво-красным. Он испугался, но тут же сообразил, что это зажглись сигнальные огни на высотах. Вебер перевёл дух и отхлебнул замолчавший чай. Сильвия тихо спросила:

— Мы что-нибудь можем сделать для вас?

— Для меня? — удивился гном.

— Не только. Для всех вас. Для жителей...

Рэнд в очередной раз за день вздохнул:

— Вы хорошие, добрые люди. Впрочем, я не сомневался... Но что может человек там, где бессильна магия?

— Кстати о магии! — вспомнил Андреас. — Если ты научишь нас чему-нибудь...

— Не выйдет. — Палец Рэнда уткнулся Андреасу в грудь. — Вы не городские. Магия — это не стишок вызубрить. Мы познавали её тысячелетиями...

— Значит, ты соврал, когда сказал, что научишь меня магии! — возмутился Андреас.

— Ничего подобного! — оскорбился Рэнд. — Гномы никогда не лгут! Я обещал рассказать о магии, но не утверждал, что смогу научить.

— Хитрец, — проворчал Андреас, но не особенно огорчился. Василиск с ней, с магией. Вот если расследовать такое сногшибательное дело... Это пахнет не только золотом, но и досрочным получением гражданства, пожизненным благополучием и даже бессмертием!

Андреас Вебер решил:

— Сильвия, сегодня кто-нибудь остался в институте?

— Отто Бауэрнштайн из лаборатории нелинейной алхимии... Он всегда работает вечером... Только золота ведь нет, исследовать нечего...

— Золота нет. Зато в жезле осталась отсканированная информация! Верно, Рэнд?

— Гениально! — воскликнул гном. — Как я сам не сообразил...

— Сильвия, связывайся с Отто, немедленно! — заявил Андреас, в запальчивости грохнув чашкой о стол. — Мы распутаем этот клубок! Только... Надо для Рэнда придумать что-то похожее на колпак. Иначе его лысину заметит первый встречный дракон...

Два часа спустя машина Сильвии остановилась у института магических наук. Рэнд выглядел потешно в новом колпаке, перешитом из диванной подушки, но помалкивал, понимая, что выбора нет. Втроём они проскочили автостоянку и зашли в просторный вестибюль. Высокий длиннолицый Отто Бауэрнштайн поднялся с кушетки, пожал всем руки (чтобы поздороваться с гномом, ему пришлось согнуться пополам) и повёл посетителей в лабораторию.

— Никакой проблемы не вижу, — объяснял он на ходу, — достаточно подключить жезл к энергетическому преобразователю. Если вы, конечно, знаете, что ищите...

— Я покажу, — проговорил запыхавшийся гном, едва поспевая за длинноногим учёным. — Информация получена прошлой ночью... Только дело это щекотливое...

— Я в такие дела не вмешиваюсь, — добродушно заметил химик, сунув палец в глотку тигровой лилии, охранявшей вход. — Ну их всех к василиску с такими делами. Допустим, я просто хочу помочь коллеге в решении личной проблемы...

Гости шагнули в почерневшее силовое поле входа.

— Добрый вечер! — прошелестел чей-то нежный голосок. Услыхав его, Рэнд как-то не по-гномьи пискнул и ринулся под ближайший стол. В центре зала, распространяя бледно-лунное сияние и трепеща стрекозиными крыльями, висело маленькое остроухое создание с гигантскими голубыми глазами.

— Здравствуйте, господин Айлофольд, — растерянно ответил Отто. — Я думал, вы уже ушли... То есть улетели...

— Я заканчивал расчёты энергообмена в Серой Зоне, — голос существа журчал, словно ручеек живой воды. — Не ожидал, что лаборатория понадобится кому-то в столь поздний час...

— Вылезайте, — обратился Бауэрнштайн к трясущемуся гному. — Это мой шеф. Он — хороший человек... простите, эльф.

Айлофольд рассмеялся и спланировал к людям.

— Вашу оговорку я принимаю, как искренний комплимент, — сказал он. — Сравнение с человеком польстит любому эльфу.

— Рэнд, доставай жезл, — сказал гному Андреас. — Господин Айлофольд, я надеюсь, вы не станете возражать, если мы... посмотрим кое-что. Это личное, понимаете...

— Разумеется! — с жаром ответил эльф. — Я с удовольствием помогу в меру моих возможностей... Хорошо, что я не успел отключить преобразователь... Сюда, пожалуйста!

Айлофольд полетел к мигавшей разноцветными огоньками машине. В центре голубой панели зияло контактное гнездо, окружённое шевелящимися фюлерами росянок-проводников. Выбравшийся из-под стола гном опасливо приблизился.

— Ну и салат, — проворчал он, с недоверием глядя на росянок, раскрывших жадные листья. — Туда, что ли, совать?

— Конечно, — подтвердил Бауэрнштайн. — Нет-нет, другим концом...

Чмокнули присоски, вспыхнул опознавательный сигнал, и над панелью возникла инфограмма жезла. Эльф приник к изображению, напряжённо вглядываясь.

Остальные присоединились к Айлофольду, а гном забегал вокруг, пытаясь хоть что-то разглядеть за широкими спинами людей.

— Вот эта линия, — сказала Сильвия. — За последние сутки.

— Ага, вижу, — ответил Бауэрнштайн, ведя сканер параллельно временному потоку. — Закачка в половине второго ночи, сегодня. Оно?

— Да! — выкрикнул Рэнд, путаясь под ногами. — Что там?

— Сейчас, сейчас, — бормотал Отто, поглаживая стимуляторы росянок. — Вот так...

— Великий купол! — изумился эльф. — В городе лежит внесистемное золото!

— Если бы только это, — пробормотала Сильвия. — Отто, пожалуйста, отследите силовые линии.

— А тут и отслеживать нечего, — отозвался Бауэрнштайн. — Вот они, как мелом по асфальту. Все ведут к реке... Мнэ-э... К Серой Зоне... Дворец... Дворец василиска...

— Так я и знал, — удовлетворённо заявил гном. — Куда же без нашего любимого чудовища!

— Не пойму, как эта история связана с правительством, — заметил Андреас.

— Ну как же! — заорал гном. — Правительство владеет магией, стало быть, и золотом! Вот кому прибыльно избавляться от неугодных — василиску! Он их, знает, того, а сам наливается силой!

— А вы можете установить связь между исчезновениями и магической энергией? — обратился эльф к Бауэрнштайну.

— Если сохранилась информация о конкретных личностях и есть доступ к золоту, то с лёгкостью! — ответил Отто, не задумываясь.

★ Андреас почувствовал, что его дёргают за штанину. Посмотрев вниз, он обнаружил испуганную гномью физиономию.

— Откуда ему известно? — прошипел Рэнд, округлив глаза.

— Что?

— Мы ничего не говорили про исчезновения, а он знает!

Нежный эльфийский смех раскатился по лаборатории:

— Конечно же, мы знаем. Просто надо было установить место утечки!

Айлофольд вспорхнул и завис, высоко подняв жезл восприятия, который выдернул из контактного гнезда. Фюлеры росянок обиженно свернулись.

— Спасибо, что помогли найти ошибку в системе. — сказал эльф, сверкая голубыми глазами. — Особая благодарность господину и госпоже Вебер за сотрудничество с властями. Василиск не забывает оказанных услуг и умеет награждать подданных... Доктор Бауэрнштайн, вы можете рассчитывать на повышение... А гном Рэнд...

Эльф пронёсся над головами застывших от изумления посетителей:

— Полагаю, город в его услугах больше не нуждается.

Распахнулись люки в потолке, и на каменный пол рухнули, угрожающе распахнув крылья, два драконаблустителя.

— Я погиб, — пробормотал гном и обречённо сел. — Прощайте!

— Господин Айлофольд, — сказал Андреас, к которому вернулся дар речи. — Я понимаю, что вы — эльф, представитель высшей касты, но... Не соблаговолите ли объясниться?

— Всё просто, дорогой Андреас! — любезно ответил эльф. — Нам нужно много золота и магии. С некоторых пор город стал тесен — никаких перспектив. Но ведь на городе свет клином не сошёлся. Мы хотим распространить наше влияние на всю Землю! Поэтому золото, поступающее в мир людей, — волшебное! Оно создаёт базу для вторжения магии за Приграничье! А чтобы купол золотого неба закрыл всю планету, нужно очень много золота! Так решил василиск, и мы, эльфы, исполняем его волю!

— Ценой жизни других волшебных существ? — тихо спросила Сильвия.

— Когда золото питает планету целиком, все станут волшебными и бессмертными, — гордо сказал Айлофольд. — И могущество василиска будет безгранично! А теперь... Блюстители, возьмите гнома!

Драконы шагнули вперёд, изрыгая голубые сполохи, раздули мешки под челюстями и хором произнесли:

— Во имя вас-илиска и Города Золотого Неба! Наруш-шитель общес-ственного порядка, бунтарь и с-смутьян гном Рэнд приговаривается...

К чему приговаривался несчастный бунтарь, съёжившийся на полу, осталось неизвестным, поскольку на сцену выступил нелинейный алхимик Отто Бауэрнштайн, вооружённый огнетушителем устрашающей величины.

— Курить и зажигать огонь в лаборатории категорически воспрещается! — рявкнул он и грохнул капсюлем об стол.

В одну секунду рабочее помещение института магических наук превратилось василиск знает во что. Тугая струя пены полоснула драконов по мордам и ударила в парящего Айлофольда. Раздался пронзительный визг, и ноздреватый белый ком, из которого торчали отчаянно дёргавшиеся крылышки, покатился к стенду с маготех-

★
ником. Драконы шарахнулись, плюясь разноцветными пузырями вместо пламени. Один из блюстителей неудачно махнул крылом и разбил переключатель энергопотоков, отчего лаборатория погрузилась во мрак. Огнетушитель ревел, как голодный тролль, заполняя комнату быстро застывающей пеной.

— Бегите! — проорал невидимый Отто. — За преобразователем аварийный выход! Я задержу их, ничего!

И вновь заревел пеногонный тролль. Андреас потащил за собой жену, но на его ноге тяжёлой гирей повис гном, и все трое ухнули в пенное озеро. Где-то позади, подобный герою Зигфриду, сражался Отто Бауэрнштайн, поливая в прямом и переносном смысле всё вокруг. Разъярённые драконы рычали, хлопали крыльями, с потолка сыпались искры, освещая лабораторию стробоскопическими вспышками. Андреас ухитрился встать и метким пинком отпасовал Рэнда в сторону аварийного выхода. Послышался глухой удар и радостный вопль гнома:

— Дверь! Я открыл её лбом!

В стене появилась полоска света. Андреас и Сильвия бросились туда. Дракон кинулся было наперерез, но свалил себе на хвост тяжёлый шкаф и дико заорал. Беглецы протиснулись в проём, захлопнули дверь и налегли на неё, отплёвываясь и фыркая.

— Как её запереть? — выкрикнул Андреас.

— Сейчас, сейчас, — пропыхтел Рэнд. Он потрогал косяк, пробормотал что-то вроде «запирательное воздействие, неотменный приказ» и неожиданно плюнул туда, где должен был находиться замок. Тотчас плевок засветился жёлтым, растёкся по панели, как чернильная клякса по бумаге, и дверь... исчезла. Вместо неё возникла ровная каменная стена. Веберы перевели дух.

— Плевательная магия? — спросил Андреас, выковыривая из уха крошки застывшей пены. — Интерес-

но. Для маленькой двери — плевков. Даже боюсь спросить, что понадобится для больших ворот...

Рэнд не отреагировал на шпильку. Он стряхнул пену с непокрытой головы (самодельный колпак остался в лаборатории) и осмотрел коридор, полого идущий вниз. Под потолком висели связки кабелей, оплетённые разноцветной паутиной, стены украшали фонари в виде петушиных голов со свечами в клювах.

— Не нравится мне это место, — заявил гном, покосившись на светильники. — Предчувствие нехорошее...

— Хочешь назад к драконам? — осведомился Андреас. — Я — нет. Да и некуда возвращаться. Сильвия, что это за проход, ты не знаешь?

— Это аварийный коридор, ведущий к энергоблокам, — ответила Сильвия. — С другой стороны сюда зайти нельзя.

— А где главный вход? — спросил Рэнд.

— Метрах в трёхстах отсюда, у реки. Как раз перед Серой Зоной.

— Справа от старого моста, — прошептал Рэнд, в ужасе схватившись за осиротевшую лысину.

— Ну да, — удивилась Сильвия. — А в чём дело?

— Святые единороги! — простонал гном. — Вы знаете, что находится над энергоблоками? Дворец василиска!

— Какая разница? — спросил Андреас. — Лишь бы выбраться отсюда...

— Нет-нет! — сжал кулаки гном. — Василиск контролирует всё в своих владениях! Он может видеть сквозь камни, он слышит, как течёт река, он...

— Сказки! — отрезал Андреас. — Ты его хоть раз в жизни видел?

— Ты магическое силовое поле тоже не видел, — отпарировал гном. — А оно есть! К василиску тянутся все линии, в его когтях золотой запас города... Постой!

Сильвия! Откуда он берёт энергию? Не из ваших ли источников?

— Конечно. Станция института работает на дворец василиска. Оттуда же можно попасть к энергоблокам...

— Вот она, точка пересечения, — удовлетворённо констатировал Рэнд. — Поэтому Айлофольд ждал нас в лаборатории. Он получал телепатемы из канцелярии василиска. Чудовище пасло вас, как овечек на альпийских лугах...

Мощный удар сотряс стену там, где раньше была дверь. По каменной поверхности зазмеились трещины.

— Эльфы! — заверещал гном, враз позабыв о василиске. — Они ломают мой заговор!

Андреас насупился и мрачно произнёс:

— Я знаю, что делать.

— Что? — жадно спросили Рэнд и Сильвия.

— Ноги! — завопил Вебер и без дальнейших рассуждений помчался прочь. Сильвия и гном едва поспевали за ним. Сзади грохотало, пол дрожал, мигали лампы. Через несколько сотен метров коридор изогнулся и упёрся в другую дверь, снабжённую заржавевшим колесом. На нём тут же повис Рэнд. Колесо скрипнуло и слегка шевельнулось.

— Навались! — крикнул гном, и люди вцепились в обод. Противный скрежет заглушил остальные звуки, дверь подалась и тут же застряла, на этот раз намертво. Рэнд юркнул внутрь, а Сильвии с Андреасом пришлось обдирать спину и живот, чтобы протиснуться. Внутри незнакомого помещения царил вязкая тьма. Вебер нащупал ручку, упёрся ногой в каменный косяк и с лязгом притянул железную створку на место.

— Рэнд, живо! — гаркнул Андреас. — Запечатывай!

— Не могу! — отчаянно воскликнул гном. — Не хватает сил! Срочно нужно золото!

— Тоже мне проблема! — послышался в темноте чей-то ленивый голос.

Сильвия взвизгнула, а Вебер отчаянно замолотил кулаками по невидимому противнику.

— Кто здесь? — каркнул Рэнд.

— Рэндик, это ты? — отозвался тот же голос и отчётливо икнул. — Погоди, сейчас я к вам...

Раздался грохот, будто на пол свалили груду металлолома. Все трое застыли, пытаясь разглядеть что-нибудь в кромешной темноте. Тогда неподалёку возник слабый розоватый огонёк. Он неторопливо приближался, петляя зигзагами, как пьяный светлячок. Наконец вяло горящая точка оказалась так близко, что можно было разглядеть гнома, который нёс под мышкой жезл восприятия. Наконечник тлел, разбрасывая дохленькие искры.

— Бор? — изумился Рэнд, взглядевшись в лицо неизвестного.

— А ты думал кто, птиц-ца Рух? — заплетающимся языком выговорил гном. Выглядел он странно: по губам ползала глупая улыбка, глаза смотрели в переносицу, а живот, и так выпуклый у всех гномов, смахивал на крупную тыкву.

— Бор, старый ты купорос! — бросился обнимать незнакомца Рэнд. — Я был уверен, что ты погиб!

— Гоблина лысого! — гордо ответил Бор. — Не дождётесь! Я только жениться собрался! У меня такая невеста... Дикая кошка, а не ж-женщина...

Он важно откинул голову, потерял равновесие и чуть не упал.

— Друзья, это мой коллега Элаксор! — обратился Рэнд к своим спутникам. — Мы втроём с Петримом отправились на разведку в хранилище...

— Можно просто Бор, — сказал гном и слегка рыгнул. — Я улизнул, а бедняга Трим попался...

Каменный пол в очередной раз дрогнул, а следом вздрогнули и все присутствующие.

— Послушайте... э-э-э... Бор, — обратился Андреас к новому знакомому. — Вы сказали, что можете...

— Дверь, что ли, заварить? — фыркнул гном. — Ща сде... Эйнс, цвей, дрей...

Из жезла вырвался ослепительный поток жёлтого пламени. Для начала он зигзагом резанул по стене, выплавив в ней нечто вроде знака Зорро, но потом нашёл нужную цель и принялся лупить по двери, рассыпая капли жидкого металла. Бор со вкусом махал жезлом, будто дирижёрской палочкой, люди щурились, не в силах что-либо разглядеть за сполохами. Через несколько секунд наконечник жезла вновь свернулся до светлячковых размеров, а вместо двери тускло светилась застывающая бесформенная масса.

— Но пасаран, — довольно сказал Бор. — Они не проползут!

— Святые единороги! — выдохнул Рэнд. — Не знал, что ты такое умеешь!

— А я и не умел, — хихикнул Бор. — До сегодняшнего дня.

— Ты как спасся, кварц бородатый?

— Оч-чень просто. Побежал туда, где меня не ждали — к дворцу василиска. Думал, отсижусь в подсобке, кто меня тут — ик! — искать будет? Прыгнул в какую-то будку, а там дна — ик! — нету! И я полете-е-ел! Потом: тресь! Очнулся — лежу...

— А откуда такая мощная магия? — недоверчиво спросил Рэнд. — И почему ты икаешь, будто вылакал бочку чёрного эля?

— Да вот почему! — жезл Элаксбора вспыхнул ярким факелом, и все ахнули.

Они находились в просторном шестиугольном помещении, в центре которого торчали кожухи энергобло-

ков, но сами устройства были почти полностью завалены золотыми слитками. Бруски громоздились вдоль стен, блестели в деревянных ящиках и образовывали диковинные орнаменты на полу. Высоко в потолке зияла дыра, куда, по всей видимости, провалился гном-беглец. Сильвия с Андреасом замерли, потрясённые изумительной картиной, а Рэнд схватил Бора за грудки.

— Ты объелся внесистемным золотом? — гаркнул он. — Пожиратель душ! И даже меня не позвал!

— Но-но! — грозно ответил Бор. — Как тюкну жезлом, только пепел полетит!

— Ничего! — Рэнд отпустил приятеля и жадно заозирался. — Сейчас мы уравнием шансы...

— Эй вы, гномы! — гаркнул пришедший в себя Андреас. — Не время! Эльфы с драконами вот-вот будут здесь!

— Ну и пусть, — ухмыльнулся Бор. — Зато хоть немного проживём по-человечески... То есть по-гномы...

Но Рэнд уже очнулся. Он оставил Бора, всё ещё державшего жезл, словно олимпийский факел, и побежал вдоль стены.

— Где-то тут есть выход, — забормотал он. — Чую!

— Ага, — подтвердил Бор. — Прямо во дворец. Прощай, город, здравствуй, василиск!

Рэнд зарылся в угол, расшвыривая бруски.

— Дыра! — глухо заорал он. — Пошли!

— Не! — отмахнулся Бор. — Я останусь. Лучше дать последний бой драконам, чем лезть в клюв Короля Змей... Ик!

Голова Рэнда показалась из-за груды слитков.

— Ну и дурак, — объявил он. — Сожрут тебя драконы вместе с золотом. Ребята, за мной!

Запечатанная дверь загрохотала, будто в неё били тараном. Пару секунд Бор стоял, соображая, а потом сорвал с головы колпак, швырнул в него несколько бру-

сков, закинул импровизированный мешок на плечо и побежал за остальными. Они пролезли, пихаясь и пинаясь, сквозь узкий лаз и оказались в другом зале: гигантском и совершенно бесформенном. Помещение напоминало безобразно раздувшийся коровий желудок. К боковой поверхности (стеной её можно было назвать лишь с большой натяжкой) прилепилась узкая дорожка без перил, ведущая наверх. Знакомые фонари в виде петушиных голов освещали это архитектурное безобразие. Но внимание нечаянных взломщиков приковало нечто, возвышавшееся в центре зала. Издали оно походило на гигантскую муравьиную кучу, только не куполообразную, а в виде кривой пирамиды из множества деталей. От их разнообразия рябило в глазах.

Гномы и люди приблизились к жутковатому сооружению.

— Что это? — осторожно спросила Сильвия.

— Не понимаю, — шёпотом ответил Андреас. — Похоже на упорядоченный хаос из деталей и механизмов... Гляди: арифмометр... Похоже, конец девятнадцатого века...

— Точно, — ахнула Сильвия. — Ух ты, паровой котёл! Смотри, смотри! Ламповый компьютер! И под ним — архимедов винт!

Андреас, как загипнотизированный, обходил загадочную постройку.

— Невероятно, — бормотал он. — Автомобильные аккумуляторы... Целая стопка современных ноутбуков... А рядом каменные жернова! И самолётная турбина!

Гномы с испугом созерцали торчащие под всеми углами образцы человеческой техники.

— Я боюсь, — проговорил Бор, стуча зубами. При виде неизвестного механического чудовища он быстро протрезвел. — Пошли отсюда...

Сильвия сказала, нахмутив брови:

— По-моему, тут находятся все механизмы, изобретённые человечеством...

— И они связаны между собой, — дополнил Андреас, — Эй, гномы! Есть идеи?

— Драпать надо, пока живы, — храбро заявил Рэнд. — Бежим по той дорожке!

— Гномьё трусливое! — с презрением сказал Андреас.

— Ошиваться рядом с таким кошмаром — увольте! — затряс головой Бор. — Мы даже не знаем, что это!

— Я знаю, — слышался дрожащий голос Сильвии. Она смотрела на медную табличку, прибитую к гранитной стене. На полированной поверхности виднелась надпись готическим шрифтом:

BASILISK v. 5773

— Василиск! — завопили гномы. — Спасайся, кто может!

И оба ринулись к узкому карнизу, поднимавшемуся к потолку.

— Его создавали тысячелетиями, — тихо сказал Андреас, глядя на табличку. — Цифры — это число апгрейдов... Люди, попадавшие в город, приносили с собой технические новинки, которые шли на улучшение монстра. И волшебные силы объединяли механический хаос в единое целое...

— Немыслимо! — взялась за виски Сильвия. — Страшный василиск, хозяин Города Золотого Неба — древняя машина! Но как он работает? И зачем?

Андреас взял жену за руку:

— Не думаю, что мы разберёмся. Гномы правы, надо уходить...

Веберы попятились, как вдруг наверху пирамиды что-то зашевелилось.

Из недр машины со свистом вырвались струи пара. Заработали манипуляторы, отодвигая заслонки. Ожили и загрохотали приводные цепи, завертелись коленчатые передачи. Ржавый решетчатый столб выдвинулся ввысь, раскинув лапчатые опоры. На вершине виднелось нечто похожее на исполинских размеров телекамеру. Отомкнулись створки, и появилась огромная исцарапанная линза. Она стала наливаясь мертвенным багровым свечением.

— Главное при встрече с василиском, — забормотал Андреас, лихорадочно вспоминая старинные легенды, — главное... главное... Не смотреть ему в глаза!

Он сбил Сильвию с ног и упал рядом. Красный толстый луч блеснул над их спинами.

— Беги! — крикнул Андреас жене. Затем откатился в сторону, вскочил и замахал руками.

— Эй, урод! — заорал он. — Я здесь!

Глаз василиска мгновенно повернулся. Андреас помчался вокруг механической кучи, петляя, как заяц. Сильвия кинулась к пандусу.

— Что, гад, взял? — в припадке отчаянной храбрости выкрикивал Андреас Вебер. — Слабо́ изловить человека? Механический выродок! Куча железного дерьма!

Моторы василиска гудели и выли. Красный луч сверкал, отражаясь от гладкого пола. Краем глаза Вебер видел, что Сильвия уже почти добралась до подъёма. Ещё чуть-чуть, и она будет в безопасности. Глаз страшилица, неповоротливый на первый взгляд, постепенно теснил человека в глубь зала. Только бы продержаться одну минуту, думал Андреас, отплясывая смертельную джигу. Одну минуту...

Но минуты у него не было.

Распахнулись двери тайных боковых коридоров, и в зал ворвались драконы, числом не меньше дюжины. Один бросился к Сильвии, повалил и прижал когтистой

лапой, яростно дыша в затылок. Остальные подступили к Андреасу, выстроившись полукругом. А из сокровищницы, подобно пушинкам одуванчика, летели эльфы. Андреас замер, растерявшись, и тогда глаз василиска достиг его, ударив лучом прямо в лицо.

Всё исчезло. То есть осталась уродливая груда, драконы, эльфы, жалобно кричащая Сильвия... Исчез сам Андреас. Пропали его желания, страхи, радости, горести, одним словом, всё, что составляет человеческую душу. Пустая оболочка по имени Андреас Вебер стояла, безразлично рассматривая драконов, замеревших в церемониальном строю, мельтешащих в воздухе эльфов, железный муравейник, слепящий красным прожектором... И глаза бывшего человека медленно разгорались ответным багровым огнём.

Один из эльфов опустил перед Андреасом. Голову существа венчала золотая тиара, в руках эльф сжимал посох с наконечником, завитым, как улиточная раковина, — символ верховной власти.

— Человек Вебер! — тихий голос крылатого создания разнёсся по залу в наступившей тишине. — Ваши поступки переполнили чашу терпения хозяина Города Золотого Неба. Своими бездумными действиями вы поставили под угрозу власть василиска и само существование города. Единственная кара за подобные преступления — изъятие магической энергии с утилизацией тела-носителя. Но такое наказание неприменимо к гражданину другого мира. Поэтому вас ждёт иная участь. Отныне вы с женой становитесь внешними сотрудниками василиска за Серой Зоной и будете нести планете эльфийские идеи, волшебное золото и силу Короля Змей! Да пребудет власть василиска во всех измерениях, пока во Вселенной существует золото!

Эльф трижды стукнул посохом об пол и поклонился механическому чудовищу. Драконы вытянулись, закры-

ли глаза и сложили крылья. Блюстителю, державший Сильвию, тоже зажмурился, но лапу не убрал. Эльфы разлетелись подальше к стенам. Внутри механического безобразия что-то залязгало, струи белого пара сменились жёлтыми. Из недр василиска выбрался медный куб на откидном шарнире, весь в заклёпках, антеннах, с зияющей воронкой на лицевой стороне. Механизм смахивал на помесь самогонного аппарата с граммофоном. Багровый свет начал густеть, будто малиновый сироп. Сильвия кричала, звала мужа, но Андреас безучастно взирал на зловещие приготовления. И в тот самый миг, когда всё замерло в ожидании конца, из поточного люка раздался громкий крик Рэнда:

— Андреас! Лови!

Взгляд василиска рванулся вверх, отпустив на свободу тело и душу Андреаса Вебера. Дальнейшие события происходили невыносимо медленно, словно кто-то лениво крутил ручку киноаппарата, периодически останавливался, созерцал застывшую картину, проматывал плёнку и вновь любовался очередным стоп-кадром.

Вот падает, ослепительно сияя, жезл восприятия. Глаз василиска шарит по потолку, пытаясь найти дерзкого гнома. Блюстителю оглядываются с глупым видом. Андреас напрягается и прыгает. Ближайший дракон плюёт синим пламенем и промахивается. Жезл ударяется о каменный пол, подпрыгивает и попадает в руки Андреаса, который ловит его на лету, словно вратарь мяч. Волшебный жар обжигает, как расплавленный свинец, но человек вцепляется в добычу троллей хваткой. Прокатившись пару метров, Андреас замирает, глядя на разворачивающийся кроваво-красный глаз. Дикая, безудержная ненависть захлёстывает мозг. Андреас видит, как блюстителю скопом срываются с мест, но это его уже не волнует. Волшебное золото вскипает в крови, могучая волна магии прокатывается по телу и верхушка

жезла взрывается вспышкой такой невероятной мощи, что всё вокруг тонет в испепеляющем жёлтом огне...

В небольшом скверике у реки Отчаянной два гнома суетились под говорящими липами. Один, будто охотничий пёс, остервенело рыл руками землю, расшвыривая куски дёрна. Рядом лежал красный колпак с золотыми слитками.

— Быстрее, Рэндик, дорогой, — стонал и метался другой гном. — Хотя что-нибудь сохраним...

— Заткнись, Бор, — отвечал первый, пыхтя и хлюпая носом. — Не помогаешь, так хоть не мешай...

Бор закатывал глаза, хватался за голову и ныл опять:

— Мой жезл... Зачем ты это сделал? Теперь всё пропало... Ни жезла, ни золота... Ничего!

Рэнд отплёвывался и вновь принимался драть пальцами газон.

— Молись, чтобы у Андреаса получилось, — кричал он. — Иначе нам обоим капут. Впрочем, шансов почти нет. Человек есть человек...

Внезапно он замер, прислушиваясь.

— Ничего не замечаешь?

Бор прекратил метаться и потянул воздух волосатыми ноздрями.

— Вроде холодает, — заметил он. — Тучи ползут из-за Серой Зоны...

Рэнд отряхнул руки, встал и посмотрел вверх.

— Нет, это не тучи, — сказал он с едва заметной печалью. — Андреас всё-таки расправился с василиском.

Они стояли, похожие на статуэтки садовых гномиков, и смотрели, как утреннее небо меняет цвет с тёмно-золотого на светло-синий. Дворец таял, расплываясь зыбким пятном, городские здания колыхались, будто отражения в пруду, отступали прочь вершины гор, а бирюзовая поверхность реки тускнела, линяла как яркая тряпка после стирки...

— Что же теперь будет? — тоскливо спросил Бор, потыкав башмаком красный колпак, набитый золотом.

Рэнд усмехнулся и безразлично плюнул на драгоценный свёрток.

— Главное, мы живы! А дальнейшее не столь важно. Справимся, не впервой...

Поднявшийся ветер брызнул холодной влагой, прошелестел листвой и понёсся дальше над бывшим Городом Золотого Неба.

ЭПИЛОГ

— Брось оружие, не то будем стрелять!

Андреас открыл глаза и недоумённо заморгал. Он стоял посреди незнакомого бюро, сжимая в руке маленький пистолет. Клерки в серых костюмах испуганно выглядывали из-за кресел и конторок. Вокруг в напряжённых позах застыли полицейские, держа оружие наготове. Молодцеватый сержант надевал «браслеты» на молодую женщину, показавшуюся Андреасу смутно знакомой. Вебер уставился на свой пистолет. Потом перевёл взгляд на колючие глаза блюстителей закона, нахмурился и разжал пальцы. Пистолет звякнул о мраморный пол, и в ту же секунду Андреаса схватили двое дюжих полисменов.

— Вы арестованы за попытку вооружённого ограбления банка, — просипел полицейский, выкручивая задержанному руку. Тот не сопротивлялся, пытаясь вспомнить, что он, собственно, тут делает и кто эта женщина... Перед глазами мелькнули золотые слитки, красный луч, яркая вспышка... Возникло ощущение не то блестящей победы, не то горького поражения. Затем его поставили на ноги и вытащили из банковского филиала.

— Сильвия, — тихо позвал Андреас Вебер, когда их вели к полицейскому фургону. — Скажи, мы его прикончили? Теперь всё будет по-другому, правда?

Женщина невесело усмехнулась разбитым ртом.

— Основа основ, — сказала она. — Разве можно уничтожить фундамент мироздания? А грабить банк — глупость. Зря мы на это пошли...

Андреас попытался возразить, что он не хотел никого грабить, что случилось нечто совершенно иное, гораздо более странное... Но не смог вспомнить и замолк. Последнее, что Вебер увидел перед тем, как забраться в автозак, были двое газонокосильщиков на лугу соседнего сквера. Они изумлённо рассматривали содержимое красного полиэтиленового пакета.

СТЕПАН ВАРТАНОВ

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

— То есть, — скучающим голосом произнёс демон, — вы хотите стать магом.

Это был не вопрос, а скорее утверждение. Скучная констатация скучного факта. Виктор отрицательно покачал головой.

— Не вполне, — сказал он, стараясь, чтобы в его голосе звучала та же ленивая ирония, что и в голосе его собеседника. Получалось... получалось так себе. Похоже, для того, чтобы проделывать подобные штучки, нужно было иметь бесконечное время для практики.

Больше всего демон походил на персонажа 3D-фильма, походил до такой степени, что Виктору постоянно хотелось снять несуществующие очки с раз-

ноцветными стёклами. Потому, что живые существа не бывают столь элегантными. Столь обаятельными. Столь отточенно холёными.

Был он коренаст, с небольшим животиком — но в меру, в разумную меру. Не обжора, но и не безмозглый качок, каких любят рисовать на обложках фэнтезийных книжек. Интеллигент, умница... Демон.

Одет был демон по американской моде — светлые брюки, тенниска, лёгкие кроссовки. Всё чистое, новое. Никакого хвоста, разумеется, никакого запаха серы, зато — лёгкий аромат дорогих духов. На стареньком диванчике питерской холостяцкой квартиры он сидел, откинувшись на подушки, словно восточный шейх — на золотом троне.

— Что значит — не вполне? — удивился демон. Удивление получилось у него столь элегантно, что любой британский лорд немедленно удавился бы от зависти. — Магия. Вы хотите, чтобы любые ваши желания исполнялись без материального посредника. Значит...

— Да, верно, — перебил его Виктор. — Но я имел в виду отсутствие ритуала. Никаких там сушёных лягушек и...

— О! — сказал демон. — Я понимаю. Вычёркиваем сушёных лягушек. Омела? Тень спор пещерного мха?

— Э... — сказал Виктор. — Нет. Я...

Он вздохнул. В принципе было вполне понятно, чего добывается его собеседник. Сбить с толку. Смутить, не нарушая основного принципа магического вызова, заставляющего прямое насилие. Заставить ошибиться.

Не на того напал. Имея за спиной юрфак по специальности «имущественное право», Виктор мог бы, пожалуй, чувствовать себя уверенно и не в такой ситуации. Если бы не элегантность собеседника, вызывающая сильнейший комплекс собственной неполноценности.

— Я долго размышлял, — сказал Виктор, стараясь, чтобы голос звучал примирительно. — Насчёт того, как

именно это должно быть устроено. Так вот — я хочу, чтобы исполнялись именно желания, чётко сформулированные, и — это важно! — высказанные от всей души. Это куда удобнее, чем любой ритуал или ключевая фраза.

— О... — озадаченно протянул демон. — То есть, если вы натолкнётесь в толпе на какого-нибудь недотёпу... И пожелаете ему, от всей души, провалиться сквозь землю, так сказать, нанести нам дружеский визит...

Виктор кивнул.

— Я знаю, что поначалу это будет непросто. Но уверен, что очень скоро научусь контролировать подобные позывы.

— Сколько народу пострадает ДО этого? — всё с той же долей иронии уточнил демон.

— Да, собственно, — на этот раз у Виктор получилось ответить в тон собеседнику, отчего его настроение сразу улучшилось, — какое мне до этого дело?

— О? Н-да... И в самом деле... Однако... — Демон улыбнулся. — Логично.

Улыбка у него была милой и солнечной, никаких там кривых клыков и раздвоенного языка.

— Тогда, пожалуй, приступим.

Лист бумаги возник из ниоткуда, и лёг на разделяющий собеседников журнальный столик. Этот драматический жест заставил молодого человека ощутить бегущие по спине мурашки, однако менять своё решение он, разумеется, не собирался. Да и не мог — ритуал вызова, раз начавшись, приводил либо к подписанию договора, либо к смерти вызывающей стороны.

Росчерк пера — и лист бумаги исчезает, оставляя после себя ощущение сквозняка и какой-то... окончательности, что ли?

— Вот и всё, — произнёс демон довольно. — Дело сделано. Вы вольны в любой момент потребовать фи-

нализацию, я дам вам ваши новые способности, после чего останется лишь произнести формулу изгнания. Однако... Позвольте вопрос? Я... — Он усмехнулся, словно признаваясь в слабости. — Я коллекционирую ответы.

— Зачем мне это нужно?

— В общем, да, — кивнул демон. — Только в другой формулировке. Зачем вам — вам всем — это нужно, если известно, что платить придётся больше, чем вы взяли? Вот умрёте — и сразу, понимаете — придёт расплата? И навсегда. Конечное удовольствие, в обмен на бесконечное унижение.

— Унижение... — задумчиво протянул Виктор. — Интересная формулировка. Не мучения, значит, а именно... Но, видите ли, я не собираюсь умирать.

— А!

— Ну да. Пожелать неуязвимость, вечную молодость — и готово.

— Распространённое заблуждение, — кивнул демон. — Но вот ведь в чём беда, люди, они просто не предназначены для вечной жизни. Вам станет скучно — и — вуаля!

Он сделал левой рукой жест, бесконечно совершенный в своей уместности ситуации.

— И опять возражу, — пожал плечами юноша. — Я просто пожелаю не скучать.

На этот раз демон обошёлся без междометий. Он наморщил брови и побарабанил пальцами по столу. Усмехнулся. Снова побарабанил.

— Да, — признал он наконец. — Интересный парадокс. Вы и вправду можете пожелать жить без скуки. Но заметьте, вы без скуки — это уже не вы. Велев себе забыть о бренности бытия, вы себя меняете, причём радикально. Это, если угодно, просто другая форма самоубийства.

— Меняю, — согласился Виктор. — Ну и что? Посмотрите на меня, и скажите честно, есть тут о чём сожалеть? Я не герой. Не гений. Не... меня и хорошим человеком назвать нельзя. Я — это я, и больше во мне нет ничего ценного.

На этот раз пришла пора демону пожимать плечами.

— Я буду внимательно следить за вашим прогрессом, юноша, — сказал он. — Вы меня заинтересовали. Так вот, с ходу, даже не предположу, что вас прикончит, но замечу, вечность есть — только по ту сторону... ну, вы понимаете.

— Вы пытаетесь посеять семя сомнения? — уточнил Виктор. — Нечто, что со временем...

— Угу, — фыркнул демон. — Ненавижу адвокатов.

— Ну почему все переговоры, которые я веду, неизменно заканчиваются этой фразой! — вздохнул молодой человек. — Ладно. Давайте приступим к финализации. Честно говоря, мне...

— Не терпится, — кивнул демон. — Я понимаю. Кстати, замечу, что с вами, несмотря на некоторую вашу, так сказать, профессиональную деформацию, разговаривать намного приятнее, чем со среднестатистическим клиентом. Вы меня не ругаете, из круга вон выпустили, формулу изгнания переписали под мою диктовку... Мелочь, конечно, но по мне, так «ступай с миром» как-то милее, чем «изыди, тварь»... Как ни трудно поверить, но вы у меня такой — первый, вот я и заболтался. Ладно, не буду вас больше мучить... Сделано.

— Э... — опешил молодой человек, — Вот так, сразу?

— А вы чего ожидали? Золотые искры и звуки арфы — это не по нашему ведомству. Можете отправлять меня домой.

— Сейчас. — Несмотря на пусть небольшую, но весьма интенсивную юридическую практику, несмотря на всю свою выдержку, Виктор почувствовал, что у него

дрожат кончики пальцев. Дрожат, почему-то именно сейчас, а не пять минут назад, когда он подписывал договор. — Я... я только проверю. Вы... не обижайтесь.

Демон усмехнулся.

— «Не обижайтесь!», подумать только. Нет, вы действительно редкий клиент. Давайте. Распаковывайте свой подарок, я подожду.

Наверное, «подарок» оказался ключевым словом. Подарок.

Новый год. Запах ёлки.

Виктор посмотрел на свою руку — пальцы по-прежнему чуть дрожали, но страха не было, была лишь радость предвкушения — и скомандовал, вполголоса, но стараясь, чтобы голос звучал твёрдо:

— Цветок. Розу.

Демон негромко фыркнул, похоже, роза была расхожим и ожидаемым штампом.

А затем ему стало не до демона. Воздух над его рукой дрогнул, и из него, как в диснеевских фильмах про сказочных фей, соткался цветок. Пробежали прозрачные волны, искажая свет, сложились в трёхмерный контур, окрасились зелёным и красным — и вот она, роза. В меру колючая, пахнущая свежестью и летним днём.

Чудо.

— Она... — шёпотом произнёс Виктор, — настоящая?

— Самая что ни на есть, — с оттенком гордости отозвался демон. — Что бы там ни говорили о нашей конторе, халтурщиками нас никто не назовёт. Никогда.

Виктор сделал глубокий вдох. Покачал головой. Ощущение праздника. Радость. Сказка.

— Спасибо, — от всей души сказал он, прижимая к груди свободную руку.

Что-то изменилось.

— Ох! — выдохнул его собеседник. — Ох.

Глаза у него стали совсем круглые. В комнате как-то разом посветлело, и откуда-то издали донеслась негромкая музыка. Миг — и демон, обратившись в облако золотых искр, устремился вверх, к потолку скромной однокомнатной квартиры в пригороде Питербурга, и дальше, в серое осеннее небо.

МИРОСЛАВ БУГРОВ

КЛИНОК

Клинок был откровенно хорош. В нем соединились прекрасные боевые качества: баланс, заточка, сталь и красота — он был покрыт сложной рунической вязью, от самой гарды и почти по всему лезвию. Рукоять обтянута кожаным ремешком, который защищал руку от скольжения. Меч был полуторным, мечом-бастардом — им можно фехтовать как одной, так и двумя руками. Да, он был взаправду великолепен. Но давайте подробнее...

Мы нашли этот меч в горах Шотландии в прошлом месяце. Но до сих пор так и не удалось установить возраст этого оружия, хотя было понятно, что ему не меньше шести сотен лет. Если исходить из этого возраста, то можно сказать, что клинок очень и очень хорошо сохранился. Сейчас меч хранился в музее за бронированным стеклом... И он был прекрасен!

Мы с Иваном Петровичем остановились у входа в музей. Он закурил. Честно говоря, терпеть не могу сигареты! Да, кстати. Иван Петрович — руководитель археологической экспедиции, в которой я состоял, когда мы нашли меч.

— Знаешь, я вот что не могу понять, — сказал Иван Петрович, — ведь это оружие — необычайно красиво, достойно восхищения и почитания, так ведь?

— Да.

— Но как можно восхищаться предметом убийства? Я не понимаю.

— Но ведь не меч убивает. Убивает человек.

— Нет, ты не понял. Я не говорю об убийце, я сказал об орудии убийства, эдаком билете в загробный мир! Как можно им восхищаться? Этот клинок обагрён кровью, он видел жизни многих людей и оборвал их, он опасен. Он попросту недостоин восхищения. Разве я не прав?

— Не совсем, Иван Петрович. Я могу привести, по крайней мере, два аргумента против вашей идеи.

— Ну-ка, ну-ка, давай слушаем, — заинтересовался он.

— Во-первых, люди восхищаются не мечом-орудием, а мечом-шедевром, предметом созидания. Ведь он не появился из воздуха. В этот клинок вложено не меньше труда, чем в любое другое произведение искусства. Лично я впечатлён работой и талантом человека (или людей), которые создали меч.

— Хорошо, допустим, тут я согласен с тобой, хотя и не во всем. А вторая причина?

— Суть второго аргумента в том, что вы смотрите лишь с одной стороны — стороны тотального гуманизма.

— Это плохо?

— Разве я так сказал? Это нормально, но такая точка зрения неполноценна. Некоторые люди *должны* быть убиты. А некоторых и людьми считать нельзя. Тогда меч будет инструментом очищения мира от такого балласта. Кстати, некоторые религии так себе его и представляли — как предмет очищения мира от пороков.

— Проклятый софист, — пробормотал Иван Петрович, с удовольствием затягиваясь сигаретой.

На такой оптимистической ноте мы и расстались. Иван Петрович сел в подъехавший автобус, а я пошел домой пешком. Скажу честно, я не люблю ездить машинами, как, впрочем, и автобусами да любым другим транспортом. Слишком много там людей; людей злых, нервных... они как радио — транслируют свои подгнивающие эмоции, удручают меня и друг друга, рождая все новые островки пустоты в душах. А те транслируют всё новую гниль... Идти пешком спокойнее, можно подумать, полюбоваться таким знакомым и разным городом. Хотя архитектуру я тоже не люблю.

Солнце садилось — день подходил к своему завершению. Но самое интересное ещё только начиналось...

Я уснул сразу, как только голова коснулась подушки: день выдался длинным и невыносимо скучным, как и большинство подобных ему. Знаете, мне часто снятся сны. Цветные сны. Иногда страшные, иногда смешные, но всегда интересные и цветные. Вот и сейчас приснился.

По пыльной дороге шли люди...

По пыльной дороге шли люди, много людей. Они двигались двумя колонами. За ними ехали какие-то повозки, наверное, поклажа или ещё что-то. Хм... странно, хотя это и мой сон, но я не могу ими управлять. Впрочем, у меня всегда так. Будто я гость, а не хозяин сна. Но... может, всё так и есть? Тогда кто мне все это показывает? Извините, отвлекся.

Самым интересным были не люди и повозки. Впереди всей этой проходящей и галдящей толпы шёл человек в белом плаще с красными вставками на плечах,

в доспехах, которые когда-то были блестящими, а теперь покрыты пылью, и небольшим изящным венцом на голове. Но самое главное — на его спине через плечо был перекинут тот самый клинок, что мы нашли, и о котором я сегодня спорил в музее с Иваном Петровичем!

Внезапно в небе что-то гроыхнуло. Я лишь на мгновение вскинул голову, а когда опустил, то декорации уже изменились. Люди были другими; они шли по другой дороге, а с неба веером шёл дождь; толпу вёл другой человек. Когда я попытался рассмотреть его получше, всё потемнело, а потом опять прояснилось, и вновь перед моими глазами восстала иная картина. И так раз за разом менялся провожатый, толпа, что шла за ним, их повозки — лишь одно оставалось неизменным — меч. У каждого лидера был этот меч.

Вновь всё потемнело, потом я увидел человека в плаще, который протягивал мне меч. Я поднял руку и взял его...

Стояло раннее утро.

Люблю это время — когда над землей нет ещё ни единого луча солнца, но ночная темень уже начинает потихоньку отступать, сдавая свои позиции грядущему утру. Город ещё спит, город только начинает просыпаться, и это видно везде. Люди на улице движутся подобно сонным мухам, машины ползут медленно и неохотно, дома стоят хмурыми великанами, вечно чем-то недовольными. Даже тучи плывут по небу как-то сонно и без особого желания. Город, возможно, только в это время спокоен. И я люблю его именно таким. И он такой меня любит.

Разозлится он позже, когда солнце будет изливаться на него все запасы своего света, когда миллионы ног

и тысячи колёс будут топтать его, город возненавидит нас. Но это будет позже, потом. А сейчас... я вернулся в комнату и обмер. На стене висел тот самый КЛИНОК! Сейчас он был в простых ножнах с перевязью, но я не сомневался — это был ОН. Но откуда? Как? И как с этим связан мой сон? Не понимаю. Я сел, тупо уставившись на меч, который висел передо мной. Ладно, попробуем мыслить логически. Допустим, кто-то забрал меч из музея и принёс его сюда. Могло такое быть? Могло. Правда, есть одно маленькое но. Квартира была заперта, ключей от неё больше ни у кого нет. Могли, конечно, взломать замок, но, собственно, зачем? Да и двери у меня такие, что попробуй, взломай. Один старый приятель (бывший взломщик к тому же) ставил. Могли, конечно, залезть через балкон. На восемнадцатый этаж? Слишком много усилий, и совершенно незначительный результат. К тому же сплю я чутко. Если бы услышал шаги — проснулся. Да и мой сон явственно намекал, что меч попал ко мне в квартиру явно неспроста. Но всё же лучше я спрячу клинок в укромном месте.

Как бы там ни было, а работу никто не отменял. Сегодня в музее торжественное представление экспонатов, и я, как один из наиболее удачливых участников экспедиции, должен присутствовать. Хотя голова у меня была занята совершенно иными мыслями...

Умывшись и позавтракав, я вышел на улицу. Церемония начиналась в двенадцать, а сейчас было не больше девяти, поэтому я решил пройтись пешочком. Мало того, что я не люблю ездить в транспорте, а тут ещё утренние тянучки. Ну их, уж лучше пройтись.

На улице стоял светлый осенний день. Небо было чистое, ни единого облака. Солнце сияло со всей своей яростью, подобно немощному старику, который со-

хранил все свои умения и навыки, но уже не может их применить, он бессилён... пока что...

Я всё равно пришёл слишком рано и решил погулять в окрестностях музея. Немного пройдясь, вдруг заметил церковь... странно... почему-то раньше я никогда её не видел. Откуда-то появилось желание зайти внутрь. Церковь встретила меня пустотой, тишиной, запахом благовоний и покоем. Вообще, я атеист, но сейчас ощутил благоговение перед спокойной и мудрой силой этого места. Почему-то мне показалось, что церковь очень старая. Я посидел там совсем немного, так и не встретив никого из прихожан. Когда-то церкви, монастыри и соборы были самыми большими и красивыми зданиями, конкурировали с княжескими хоромами (или скорее наоборот). Люди пытались таким образом показать силу своей веры. Пристанище их Бога было достойно самого Бога. Теперь у людей другие Боги — разноцветные бумажки с водяными знаками и лицами президентов и других людей, пьяные звёзды с манией величия, интернет и телевизоры... Да и храмы иные — небоскрёбы. Они возвышались над старыми церквями, укрыли их вечной тенью, забрали их паству. Старушки церкви потеряли главное — душу. Перестали быть проводниками Бога. Теперь это лишь тяжёлые, старые стены, лишь воспоминание былого величия, которое молча доживает свой век. Из них ушла душа...

Из церкви я вышел с чувством лёгкой грусти. Я вошёл в музей, и хотя было ещё рановато, но мне просто стало скучно. Меч, как ни в чём не бывало, висел на своём месте. Та-а-ак, дело становится ещё запутаннее. Допустим, клинок могли подбросить мне домой, чтобы меня подставить, обвинить в воровстве, но зачем же его вернули назад в музей? И самое важное — кто это сделал?

Ответов на все эти вопросы не было, и, к сожалению, совсем не было времени их искать. Впрочем, а почему бы и нет?

Презентация шла своим ходом. На помост меня не вызывали — все наши прекрасно знали: когда я в таком задумчивом состоянии, меня лучше не трогать. Пользы ноль будет. Что я тут делаю, в таком случае? А чёрт его знает. Существует традиция, что все участники экспедиции должны присутствовать на конференции, вот я и придерживаюсь её...

События последних дней выбили меня из колеи. Я искал логичное объяснение ситуации, но не находил... И даже наоборот, всё ярче проступала дикая, трусливая мыслишка о чуде! Я ведь всегда верил в сказку, желал попасть в неё. А теперь сказка сама приглашала меня поиграть с ней. Эти мысли будоражили кровь, терзали душу манящей сладостью...

В какой-то песне есть слова: «Я ненавижу серость дней!» Это про меня. Собственно, я в археологи пошёл лишь для того, чтобы не так тесно сталкиваться с унынием бытия живущих в городе человечков. И всё же время от времени я чувствовал, насколько бессмысленно моё существование, как много в нём фальши, лжи, чаще всего по отношению к самому себе...

Надежда. Надежда, что это изменится, застенчиво стучалась в двери моей души...

Меж тем презентация закончилась, и я, с чётким ощущением своей ненужности здесь, уж было двинулся домой. Но неожиданно на улице столкнулся с Иваном Петровичем. Он помахал мне рукой, подзывая к себе.

— Ну как тебе наше сборище? — Последнее слово Иван Петрович как будто выплюнул.

— Честно? Никак, — мрачно ответил я. Мне правда не понравилось.

— И правильно, — согласился он. — Не было никого, слышишь, никого из интересующихся. Сплошные «пустышки»!

«Пустышками» он называл людей, которые лишь делают вид, что им интересны наши находки.

— Целые отряды лицемеров, им совершенно плевать на историю, культуру, на всех, кроме себя! Ходят лишь для статуса, чтобы показать свою интеллигентность, которой на самом деле нет! — всё кипятился он.

— Ну и что? — Казалось, из-за этой простой фразы он взорвётся.

— Как что?! Как что?! — аж взвился он.

— Иван Петрович. Я ведь такой же, как и они, — задумчиво протянул я. — Я путешествую с вами не для изучения истории или культуры, там... Просто это разнообразит жизнь.

— Тут другое. Даже будучи «пустышкой», ты приносишь пользу нашему делу. А они просто занимают жизненное пространство музея. А может, кто-то, кому это действительно интересно, пришёл бы! А мест-то уже и нету! А, да что тут говорить? Тебя подкинуть?

— Нет, спасибо, сам доберусь. Удачи.

Солнце клонилось к закату, отблёскивая последними лучиками, которые плясали по крышам и стёклам. С моего восемнадцатого этажа открывался отличный вид на город. Говорят «старые постройки уничтожаются новыми зданиями». Неправда. Этот странный контраст намного красивее отдельных его составляющих. Чёткость линий советских и современных зданий подчёркивает мрачность старых готических соборов и пышность дворцов. Одно без другого выглядит либо слишком тусклым, либо чрезвычайно монотонным. Город красив.

Да, город красив. Настолько красив, насколько же и страшен. Я стоял посреди пустынной площади. Заброшенные здания вокруг смотрели проёмами выбитых окон и дверей. Россыпь туч покрывала тёмное небо. Вой ветра, казалось, сплетался в тихую странную мелодию. Город был непохожим на все прочие. Он создавал атмосферу. Не её подобие, как фантик создает подобие конфеты. Город был настоящим. И мёртвым. Замерший крик ужаса и счастья, радости и любви — вот чем было это странное место.

Я медленно шёл, разглядывая тихие улочки. Мне было абсолютно ясно — город мёртв, причём уже давно...

По всей дороге меня сопровождал странный запах. Лёгкий аромат дразнил ноздри. Немного погодя я вышел на ещё одну площадь. Посреди неё стоял большой красивый фонтан. Это была пробитая лодка, через пробоину текла мутноватая вода. Я наконец понял, что это запах. Пахло смертью и забвением. Кто-то уничтожил весь город, выпил из него жизнь, как вампир выпивает кровь из жертвы.

Через мгновение из подворотни вышел сгорбленный человек в плаще, с накинутым на голову капюшоном. Его руки были в чём-то красном. Лишь когда он подошёл ближе, я узнал кровь...

Непонятно откуда пришло знание — он виновен в смерти этого места. А мне... мне уготована судьба плача.

Человек подошёл ближе и встал на колени. Его лицо не выражало абсолютно ничего. В моей руке появился Клинок. Взмах! И в лодочку полилась кровь. Фонтан заполнился до краев и с оглушительным грохотом провалился под землю! Воздух заполнил оглушительный вой,

и я, не в силах противостоять ему, упал на землю, затыкая уши руками. Здания вокруг начали рассыпаться, а над ними... над ними засияло Солнце!

★ ★ ★

Солнце сияло за окном. Однако странные дела творятся. Вернее снятся. Сон оставил странные ощущения. Особенно казнь. Я ведь ни на секунду не сомневался в правильности наказания, в том, что я лишь пешка в руках Неотвратимости. Наверное, тот человек тоже это осознавал, потому он был так спокоен.

Бросив взгляд на комнату, я понял: что-то не так, что-то не в порядке. На стене висела картина фонтана. Того самого фонтана в виде лодочки! А Клинок был испачкан уже подсыхающей кровью!

Я резко встал. Бред. Нелепица. Одно дело убить кого-нибудь во сне, но наяву... Не знаю, сколько времени я так просидел. Если бы меня не отвлек дверной звонок.

Я пошёл открывать, догадавшись-таки спрятать меч под кроватью. Не ахти какое укрытие, но всё же лучше, чем оставить его на стене.

Посмотрев в «глазок», я увидел Сергея — своего соседа по этажу. Он выглядел неуверенным, даже напуганным. Я открыл дверь. Она распахнулась неожиданно резко, а через несколько секунд я обнаружил себя лежащим на полу со скрученными руками. Слегка скосив взгляд, я увидел нескольких людей в форме спецназа. Ещё один рылся под кроватью.

— Нашёл! — крикнул он.

— Хорошо. Приведите его в порядок.

Меня грубо подняли и пару раз врезали для остротки. Правда, били легонько, больше запугивая.

— Будешь дёргаться.... — мрачно намекнул один.

— Вот скажи, зачем ты это сделал? Сектант ты какой или просто псих? А, неважно. Ребят, уводите его!

То, что произошло дальше, вряд ли можно назвать моей волей. Какая-то непонятная сила подтолкнула меня вперёд, вырывая из рук бойцов. Спецназовец с мечом инстинктивно поднял руки, и я, словно бабочка на иглу, нанизался на блестящее лезвие!

Люди вокруг засуетились, что-то кричали, бегали... А через секунду мир померк.

Мир померк и снова засиял. Но это был другой мир. Он напоминал пасторальную картинку из сказок: зелёная трава, фруктовые деревья, синее небо с белыми пышными облаками и маленькая тропинка под ногами. По ней я и зашагал.

Идти пришлось недолго, хотя какое значение имеет время после смерти? Но это неважно. Важно то, что я наконец увидел двоих. Оба сидели на траве. Один — тот, что справа, — был одет в старенький, местами рванный голубой хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а лицо выражало спокойствие и грусть. Второй был одет в грязную и мятую чёрную рубашку и того же цвета брюки. На его груди висел жук, вырезанный из тёмного камня. В руках он держал трость с набалдашником в форме головы пуделя.

Отличная пара: философ и князь тьмы, Иешуа и Воланд!

Вопрос лишь в том, зачем они здесь? И зачем здесь я?

— Все действительно просто, — будто прочитал мои мысли Иешуа. — Мы здесь, чтобы рассказать тебе кое-что!

— Понимаешь, — продолжил князь тьмы, — человечество — это слепой человек, оно не может существовать без поводыря. Людям нужен тот, за кем можно по-

следовать, тот, кто возьмёт на себя тяжесть принимать решения...

— Обладающий властью должен указать остальным путь... — продолжил философ.

—... и символ сей власти есть Клинок! — закончил Воланд.

Они замолчали. Распятый смотрел на меня, князь поигрывал своей тростью...

— Погодите, я ничего не понял! Что за власть, что за решения?! Что мне нужно сделать?!

— Мы не можем помочь тебе принять решение, лишь ты уполномочен решать.

— Но мы вправе ответить на все твои вопросы. Спрашивай.

— Расскажите мне обо всём подробнее, — попросил я.

— Хорошо. Один раз в цикл (не спрашивай, сколько это лет, мы и сами не знаем) Клинок является на землю, чтобы выбрать своего Пророка.

— Человека, который решит судьбу всего человечества. Всех Пророков не сосчитать... На них накладывалась большая власть и ещё большая ответственность: выбрать тот путь, которым пойдёт человечество дальше.

— И, подчиняясь воле Пророка, изменяются все люди.

— Но ведь, — в моей голове мелькнула одна мыслишка, — но ведь Пророки — лишь люди. Они выбирают те пути, что ближе им, однако могут не подходить человечеству. И, несмотря на это, все обязаны пройти путь.... Получается, люди — рабы?

— От этого утверждения до истины, как с Земли до Луны пешком, — фыркнул Воланд.

— Но, за неимением лучшего, примем его за истину, — вздохнул Иешуа.

— Тогда получается, что за все злые поступки, за все творимые людьми мерзости их нельзя винить?! Ведь таков Путь, — задал я самый важный вопрос.

— Разве? Вспомни свои же слова: «Это лишь одна из точек зрения» — или как там?

— Слушай внимательно, Пророк. Люди делятся на две категории. Одни противятся Пути, а вторые безоглядно подчинены ему. В свою очередь вторые разделены на тех, кто принял новый Путь, кто помогал ему всеми силами; и тех, кому просто не хватило смелости воспротивиться, — негромко говорил Иешуа.

— Кого ты зовёшь невиновными? Пионеров нового порядка, которые есть соучастники всех его преступлений? Трусов, неспособных на жертву? Кого, Пророк? — подхватил князь тьмы, отвлекаясь от своей палочки.

— В конце концов, именно они воспитали Пророка, они в ответе за то, кем вырос мессия.

—... а значит, и за принятый Путь, — закончил я.

— Правильно. Мы удовлетворили твоё любопытство?

— Пожалуй, да.

— Хорошо. Теперь ты должен принять решение. Вступит ли Земля в эпоху процветания или начнёт Третью мировую? Решать тебе.

— Просто подумай о своём выборе. Клинок поймёт, — подсказал Воланд.

Иешуа закрыл глаза, князь вернулся к пуделю, а я сидел и думал. Я ведь никогда не ожидал такого развития событий. Ещё вчера я — простой серый человек, а сегодня?!

Наконец я поднялся на ноги. Действуя всё по тому же наитию, я резко ударил коленом по мечу, переломив его пополам.

— Путь не может быть общим. У каждого должна быть своя дорога, своя судьба. Широкая и светлая или

узкая и мрачная, но своя. Знаете почему? Мир не должен делиться на лагеря, не должен бросаться в крайности — «за» или «против». Это Путь в никуда, и вы прекрасно понимаете, что я прав. Я не знаю, что будет со мной, если честно — мне плевать на это. Я принял решение. Прощайте.

Мои собеседники истаяли. Из моей груди, пробитой насквозь Клинком, хлынула кровь, орошая зелёную траву. Я исчез.

А Путь не исчез. Он разделился на многие Пути. И пусть каждый сам находит свой, мне остаётся только пожелать удачной дороги!

**БЕРЕГИТЕ ПРИРОДУ –
МАТЬ ВАШУ!**

МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

урт, — устало сказал Распорядитель Занду, — что вы делаете?

Помощник выравнивал по линейке точность расстановки кресел. Но как только услышал начальственный голос, замер на месте и тут же вытянулся во фрунт. Разве что каблуками не щёлкнул. Семь лет в роте почётного караула... М-да.

— Как вы приказали, господин Распорядитель, я...

— Вы уверены, что правильно поступаете, усаживая рядом Оплот и Союз? Они же терпеть друг друга не могут. Только скандала нам и не хватало! Ещё одного Генеральный не переживёт, да и мы с вами тоже.

Дней пять назад Занду немедленно преисполнился бы самых чёрных подозрений. Всего лишь ошибка, да? А вдруг Курт подкуплен — мало ли желающих сорвать конференцию.

Но сегодня Распорядитель просто устал напрягаться и переживать. Всё, что можно, — сделано. Всё, что в человеческих силах, и даже сверх того. Хватит. Есть предел эмоциям, и даже его легендарные железобетонные нервы могут не выдержать.

— Простите, господин Распорядитель. Я не подумал... Это больше не повторится, господин Распорядитель!

«Устал я, — подумал Занду. — Устал, да и надоело всё. Вот закончится эта конференция — попрошусь в отставку. Выкуплю гектар-другой на какой-нибудь из новооткрытых планет и уеду с Земли. Чтoб ничего

этого больше не видеть и поскорее забыть. Как страшный сон».

С тех пор как сверхдержавы, испугавшись, что может наворотить ставленник противной стороны, лишили Генерального секретаря практически всех рычагов воздействия, сама ООН превратилась в некое подобие вышколенного персонала при шикарном отеле.

— Мы лишь предоставляем место для встреч, — любил говорить прошлый генсек Одзима. — А договариваться пусть сами. Без нас как-нибудь обойдутся...

В итоге должность распорядителя, который ещё лет десять назад всего лишь следил за соблюдением протокола и дипломатического этикета, неожиданно приобрела солидный политический вес. Занду шестнадцать раз пробовали подкупить, семь раз шантажировали и дважды пытались запугать давлением на семью. Служба безопасности докладывала о девяти удачно предотвращённых покушениях.

«Уеду, — снова подумал Занду. — В самую отдалённую глушь. В подмышку вселенной».

В наушнике нудно запиликал сигнал общего оповещения. Распорядитель поморщился — день послушаешь, потом опять зубы ломить будет.

— Внимание всем! Атмосферная активность ниже нормальной, серьёзных осложнений в ближайший час не прогнозируется. В связи с чем прибытие делегаций ожидается на пятнадцать минут раньше запланированного срока. Наземному персоналу и ангарной службе — приготовиться к приёму. Всем встречающим и лично господину Распорядителю предлагается прибыть на посадочную аппарель.

Занду посмотрел на часы. Время ещё есть, даже с запасом, но лучше всё же поторопиться. Правила хорошего тона требуют, чтобы он уже стоял на краю ковровой дорожки, когда стратолёты пойдут на посадку.

— Лучше шлем, Барри. Он прозрачный — все смогут видеть моё лицо. Мы должны выказывать уважение хотя бы внешне.

— Ну да, конечно, — проворчал техник, переживший на своей должности уже трёх генсеков и двух распорядителей, — уважение... Ветром грязь на забрало налипает, будете оттирать у всех на виду. Вот тогда самое уважение и случится.

Занду лишь покачал головой. Никогда ещё он не видел Барри довольным и весёлым, но без его ворчания, наверное, почувствовал бы себя неуютно: в этом мире хоть что-то должно оставаться неизменным.

— Какая там погода? — спросил он. Прогноз прогнозом, но в последнее время ни в чём нельзя быть уверенным. Атмосфера взбесилась окончательно.

— Как у чертей в аду, — буркнул Барри. — Жара шестьдесят два, штормовой ветер, и сверху накрыло, словно в хорошей оранжерее. Сваритесь за полчаса. Так что надевайте защиту, не спорьте. И не забудьте охлаждение вывернуть на максимум.

Техник помог загерметизировать шов, быстрыми и точными движениями запустил автотесты. Гулко хлопнул Занду по армированному плечу и показал большой палец — готово, мол.

Всю дорогу до посадочной площадки Распорядитель клял перестраховщика Барри последними словами. Тяжёлые доспехи термической защиты весили куда больше пушинки, и у дверей лифта он уже вовсю обливался потом и даже начал задыхаться.

Но когда кабина остановилась и, едва створки поползли в сторону, с улицы ворвался раскалённый воздух, наполненный бетонной крошкой, песком и пылью, Занду понял, что Барри, пожалуй, был не так уж не прав. Лёгкий скафандр действительно нагрелся бы за считанные минуты, а в цепких объятиях защитного панциря Занду

почти не ощущал дискомфорта. Особенно, когда поставил на максимум охлаждающий контур.

Он остановился, посмотрел вверх и по сторонам, приывая к обстановке.

Небо, бурое с серыми прожилками вихрей, висело совсем низко, казалось, протяни руку — и коснёшься неопрятных клочьев грязного кислотного тумана. Атмосферное электричество, рассыпая жирные искры, с жадностью цеплялось за рогатые антенны громоотводов на куполе ООН и бессильно стекало в землю. На самой верхотуре плясали в безумном хороводе огни Святого Эльма. Ветер, ежеминутно меняя направление, гонял по площадке сухую чёрную пыль — содранный ураганами слой почвы, а сверху бесконечным потоком валилось разноцветное крошево из бетона, кирпича и песка. Крошево закручивалось в маленькие вихри, рассыпалось, оседая на зданиях, машинах и людях, а потом снова поднималось вверх, когда очередной локальный самум лизал землю раскалённым языком.

Занду обогнали люди из технической службы, электрокары снабженцев потянули к аппарели заправочные шланги. Жара мгновенно высосала крупинки инея на цистерне с жидким азотом, и большая серебристая сигара ползла в облаке быстро испаряющегося тумана, как заправский курильщик.

Тяжело топая, вдоль аппарели выстраивалась рота почётного караула. Директор Службы безопасности презрительно окрестил их «балетом» — ему парадные части не подчинялись, это тоже была епархия Распорядителя. Пресса по привычке называла части ООН миротворцами, «писмейкерс» — хотя от старых подразделений почётному караулу достались лишь голубые затылки шлемов и большая эмблема организации на грудной пластине бронекастюма.

Настоящая охрана заняла свои места дней пять назад. Снайперы с приказом стрелять во всё, что покажется им подозрительным, держат в прицеле окрестные высоты, десантно-штурмовые батальоны оседлали верхушки разрушенных небоскрёбов. Через минуту после приказа они посыплются с неба, как очень опасная и донельзя разъярённая мошкара.

Наверное, невозможно предусмотреть всё. Но для Распорядителя не существует слова «невозможно». Очередная — и на этот раз, видимо, последняя — попытка найти мирное решение конфликтов не должна провалиться. Иначе тлеющие огоньки конфронтаций перерастут в большую войну, финальную для Земли и первую космическую, убийственную для десятков неокрепших колоний.

Посадочные полосы заискрились сигнальными огнями. Проблесковые маячки слепили даже сквозь мутную пыльную взвесь.

Техническая служба устроила переключку по общей сети вместо собственного канала связи. Занду сначала решил, что показуху затеяли для него, хотел оборвать, но передумал. Сейчас, как никогда, важен порядок, чёткое, даже немного буквоедское выполнение всех инструкций. Чтобы никто не сорвался от нервного стресса. Чтобы сразу заметить подозрительное поведение подкупленных саботажников. Чтобы, в конце концов, отвлечь людей от последних сверхнапряжённых минут ожидания.

Переключка закончилась последним «воздухозаборные фильтры в норме!», и главный инженер отработовал:

— Готовы к приёму, господин Распорядитель.

— Хорошо, Саймон, спасибо. — Занду переключил канал. — Радарный контроль!

— Здесь!

— Отметки появились?

— Все пятеро, господин Распорядитель. Уже минут десять ведём их.

— Выходили на контакт?

— Да, все идентифицированы. Первым запросил посадку Оплот, второй — Гегемония, и пары минут не прошло. Даже здесь соревнуются, чтоб их...

— Хорошо, я понял. Спасибо, контроль.

Конечно, каждая из пяти мировых сил (преса предпочитала называть их Векторами, дипломаты по-прежнему — нациями) имела длинное, грозное и весьма представительное название. Но поскольку с присоединением новых колоний, расширением границ влияния или с изменением политики после выборов та или иная Нация каждый раз меняла официальное наименование, в ООН использовали старые термины, заложенные в устав ещё при реорганизации Совета Безопасности в Совет Пяти Наций. Так проще.

Поэтому даже ангарная служба распределяла посадочные полосы не по номерам, а по названиям делегаций — бывший номер один для стратолёта Оплота Свобод и Демократии, номер два — для Конфедерации Стран Старого Континента и далее по списку: Союз Непримиримой Религии, Перенаселённая Восточная Гегемония и Никем не понятая Держава.

И больше никаких номеров. Цифры запрещено рисовать даже невидимой изотопной краской, даже размером в пару миллиметров. Иначе за первый ангар начнётся такая дипломатическая драка, что мало не покажется никому. Ещё бы — стоит только головидению дать шпионский снимок, на котором машину того же, скажем, Оплота затягивают в ангар с номером один... страшно представить.

Занду включил внешние микрофоны. Через заунывный скрежет миллионов песчинок, вой ветра и злобное

шипение молний прорезался победный рёв прямоточных ускорителей — разорвав тягучий облачный кисель, на посадку стремительно снижался корабль Оплота. Вспухли ядовитые колпаки тормозных парашютов, лопатки сопел направили раскалённые струи точно вниз, измазав чёрной копотью бетонный парапет. Стратолёт коснулся посадочными опорами земли, прогнулся, подпрыгнув на амортизаторах и замер. Магнитные захваты намертво вцепились в металл посадочных полос.

Распорядитель мельком подумал, что посадка самолёта выглядела бы куда красивее — белоснежная птица, паря на раскинутых крыльях, форсирует ревущие турбины, выпускает когти-шасси и, словно перья, топорщит закрылки. Жаль, что атмосферной авиацией сейчас почти никто не пользуется: самолёты слишком опасны из-за вихрей. Никому не хочется попасть под удар тайфуна и очнуться где-нибудь в Антарктиде. А стратолёту не нужны обтекаемые формы — уют с короткими и уродливыми крыльями. И цвета угрюмые, какая уж там «белоснежная птица»! Сколько ни раскрашивай борта, грязевые потоки встречных ветров, электрические разряды, песчаные бури и вездесущая пыль вымажут обшивку унылыми серыми пятнами.

Воздушный корабль Оплота ещё покачивался на опорах, когда в пляске огненных хвостов начали садиться все остальные стратолёты. Сначала ненамного отставшая от Оплота машина гегемонов, потом — Конфедерация и Союз. Последним, с опозданием минут на двадцать, что не лезло ни в какие рамки этикета, вывалился из грозовой облачности трёхцветный стратолёт Державы. Конечно, за спиной у представителя непонятых опять будут перешёптываться, а он опять не обратит на это никакого внимания. Может быть, извинится за опоздание, сославшись на плохие погодные условия.

Хотя Державу никто и не понимал, торговали с ней охотно. Она по-прежнему лидировала в космических технологиях, из которых, правда, не использовала и половину, зато широко и недорого продавала всем, кто ни попросит. Особенно Гегемонии и Союзу, что, понятное дело, частенько вызывало недовольство Оплота и тащившейся в кильватере его политики Конфедерации. Впрочем, на многочисленные ноты протеста и грозные заявления Держава благодушно поплёвывала. Как и на многое другое, кстати. В том числе и на союзы, выгоду, прежние договорённости. Кого Держава поддержит на очередных переговорах, оставалось загадкой до самого последнего дня. Оплот и Гегемония пытались перещеголять друг друга в посулах и угрозах, но Держава всегда оставалась непредсказуемой. Непонятая, одно слово.

В наушниках оркестр отыграл последний из пяти гимнов. Шлюзы открылись, на площадках появились главы делегаций, охрана, сопровождающие лица. В одинаковых чёрных скафандрах, похожие как близнецы.

Разумная мера, кстати. И порядок высадки каждый раз новый по той же причине: чтобы снайпер не знал, в кого стрелять. Один лишь представитель Союза позволил себе небольшое отступление — традиционный головной убор, такой же зелёный, как и нос стратолёта, венчал верхнюю часть шлема. Он, естественно, снайперов не боялся.

Занду выступил вперёд, включил микрофон:

— Уважаемые гости конференции! От лица секретариата и самого Генерального секретаря Ральфссона сердечно приветствую вас на нейтральной территории Организации Объединённых Наций. Добро пожаловать! С сегодняшнего дня и до конца конференции позвольте нам заботиться о ваших комфорте, досуге и безопасности.

Да, и это входило теперь в обязанности Распорядителя. Хотя на дипломатических встречах под эгидой ООН террористические акты находились под негласным запретом, Служба безопасности следила, чтобы гости — особенно из Союза и Оплота — особо не шалили. Они зачастую даже не пытались скрыть приготовления и, пойманные на горячем, не строили из себя воплощённую невинность. Ну да, мол, попались, сожалеем...

Каждый раз Занду, так же, как и его предшественники, гадал, зачем затевался весь этот спектакль. Для проверки бдительности? Или для отвода глаз?

Впрочем, для участия в конференциях ООН давно уже не прибывали сколько-нибудь заметные цели. Обычные пешки, с готовыми решениями в портфелях.

К сожалению, тщательно заготовленную и выверенную речь пришлось скомкать. Стоило Занду мысленно перелистнуть вторую страницу — должность не позволяла читать по бумажке или пользоваться диктовкой суфлёра, — как чуть слышно пискнула частота внутренней связи:

— Господин Распорядитель, говорит метеоконтроль. К нам приближается грозовой фронт, возможен кислотный дождь повышенной активности, град, опасное атмосферное электричество. Минут через тридцать он будет здесь, а наземным службам ещё надо укрыть машины гостей в ангарах.

Проклятье. С ураганом не поспоришь: океан рядом. Перепады температуры дикие, страшно даже представить, что там творится. Чудовищный водоворот поднял из океана тонны воды, закрутил, потащил за собой к берегу и через полчаса обрушит их на площадь, вместе с ржавыми балками давно сгнивших нефтяных платформ, водорослями, медузами... Хотя откуда там медузы. На поверхности давно не осталось ничего живого.

Занду выругался про себя, но, когда снова заговорил, голос его звучал спокойно и уверенно:

— К сожалению, природные условия ухудшаются с каждой минутой. Поэтому я приглашаю всех вас под гостеприимные своды штаб-квартиры ООН. Техническая служба займётся вашими кораблями и, поверьте, подготовит их наилучшим образом. Сопровождающие покажут апартаменты делегаций. К услугам наших уважаемых гостей бары и комнаты отдыха, рекреационные центры и переговорные боксы, защищённые от любого прослушивания. Чувствуйте себя как дома. Открытие конференции по оговорённому протоколу состоится в восемнадцать ноль-ноль по среднесолнечному времени в главном приённом зале. По любым вопросам вы можете обращаться прямо ко мне, во всех комнатах стоят аппараты прямой связи. Надеюсь, вам у нас понравится.

Десятиметровые полотнища флагов свисали с потолка, медленно раскачиваясь под кондиционированным сквозняком. Все пять, вкруговую, чтобы, не дай Бог, ничей не оказался первым или последним. Скандала не оберёшься, упреков и протестов. Обиженные настрочат ноту в самых нелестных выражениях, обвинят в подкупе противной стороной. Та в ответ отзовёт послов, а там и до войны недалеко. Хорошо, если дело ограничится очередной перестрелкой и парой бомбовых ударов.

В общем, лучшего повода сорвать конференцию не найти. А она и так уже шестнадцатая по счёту.

Занду произнёс приветственную речь. Гости выслушали призывы к мирному урегулированию проблем с каменными лицами. Ещё утром, прослушав секретные записи из переговорных боксов, Распорядитель понял, что как минимум Оплот, Конфедерация и Союз не настроены на поиск компромиссов. Гегемония, как обычно, держит в рукаве десяток неожиданных козырей, да

и Держава всегда готова выкинуть какой-нибудь неприятный сюрприз.

В крайнем случае, можно прервать заседание, сославшись на террористическую угрозу, но вряд ли потом удастся снова заставить делегации сесть за стол переговоров.

Тупик.

Первым слово взял представитель Оплота. Так было всегда, и всегда никто из противников не протестовал. Ему давали выговориться, чтобы с удвоенной силой потом навалиться на доводы и предложения. Или поймать на какой-нибудь мелочи, ошибке или подтасовке фактов — Оплот не любил дипломатические изыски, предпочитая решать проблемы грубой силой, слегка прикрытой благожелательной риторикой на тему свобод и демократии.

Лощёный посол, блестя в свете бестеневых ламп высоким лбом философа и посверкивая благообразной сединой, зачитал приветствие гостям конференции. Естественно, его тут же поймали на лжи.

— ...Наши владения сейчас составляют 25 планет...

Красные лампы полыхнули сразу над тремя делегатами. Слово просили все — и Союз, и Гегемония, и даже скрытная Держава. Занду по праву Распорядителя предоставил говорить посланцу Гегемонии, невысокому пожилому дипломату с непроницаемым лицом восточного тирана.

— Позвольте вас поправить, уважаемый посол. Насколько я знаю, тридцать семь часов назад квартирыеры Оплота начали подготовку к приёму колонистов на Касторе IV. Хотя это именно ваша Астрофизическая Служба представила на Мировом Совете по Космонавтике доклад об отсутствии в системах Альфа и Бета Близнецов пригодных для жизни планет.

Улыбка оплотника стала вымученной и фальшивой:

— Ваша разведслужба выше всяких похвал!

— Как и у вас, — ядовито заметил представитель Союза.

Посол Оплота пригладил безупречный пробор, тыльной стороной ладони стёр капельки пота. Он занервничал.

— Давайте перейдём к главному. Мы тут все собрались для того, чтобы официально объявить Землю демилитаризованной зоной и подписать соответствующие документы. Планета и так дышит на ладан, если на ней начнутся ещё и ядерные конфликты, то мало не покажется никому.

Теперь оплотник не читал по бумажке. Заготовленную речь он демонстративно отложил в сторону, решив говорить простым языком, а не канцеляритом дипломатического протокола. Когда трансляция первого заседания пойдёт по головидению, понятная и легко переводимая речь будет смотреться куда выгоднее деклараций противников. Как обычно, Оплот умело работал на свой имидж.

— Мы должны подумать о наших потомках, о детях миллиардов колонистов, которые подрастут и захотят посетить свою историческую родину. Что мы покажем им? Радиоактивную пустыню? Мир с полностью разрушенной экологией? Так пусть же ядерные взрывы больше не гремят на нашей родной планете! Мы... а к нашей позиции присоединяются и лидеры Конфедерации, что может подтвердить господин полномочный посол Кригсфогель...

— Йа, — важно сказал худощавый дипломат с военной выправкой, — мы поддерживаем инициативу многоуважаемого Оплота.

— ...мы предлагаем присвоить Земле статус зоны, свободной от конфликтов, для чего необходимо запретить на ней присутствие любого оружия и войск, кроме

необходимого минимума полицейских сил. Давайте перенесём военные действия в космос!

Под бурные аплодисменты дипломатов Оплота и Конфедерации посол сел на своё место. Занду включил микрофон, чтобы предложить слово Союзу, но тут, без предупреждения и вопреки протоколу, поднялся представитель Гегемонии. Он не пошёл к трибуне, лишь знаком попросил включить ему микрофон.

— Да простят меня глубокоуважаемые враги, — сказал он, — но я позволю себе не согласиться. Я выражаю мнение руководителей моей страны. С нами согласен и достопочтенный личный посланник пожизненного президента Державы...

Плотный, вечно улыбающийся увалень согласно кивнул. Остальные переговорщики поморщились — в этот раз Держава оказалась на чужой стороне.

— Если мы перенесём военные действия в космос, — продолжил гегемон, — то угроза разрушения нависнет над сотнями процветающих миров. Новых миров. Пока ещё живых, зелёных, незагаженных. Не говоря уж о герметичных куполах на смертельно опасных планетах, о тех колониях, что из последних сил борются за своё существование.

Гегемон взял небольшую паузу. Никто не перебивал его и не просил слова — он просто замолчал. Закрыв глаза и постоял с минуту неподвижно в абсолютной тишине.

Первым не выдержал посол Оплота:

— И что же предлагают ваши руководители, господин Ю Фан?

Желтолицый посланник как будто очнулся. С видимым усилием взял себя в руки и сказал:

— Мне тяжело это говорить, но иного выхода нет. Сегодня, на этой конференции, Гегемония предлагает отныне проводить все войны ТОЛЬКО на Земле.

Кто-то ахнул. Кто-то, не сдержавшись, непечатно выругался. Потом все загомонили разом, перебивая друг друга. Занду потребовалось пять минут, чтобы успокоить гостей. Звонок секретаря с призывом к тишине звучал, как похоронный колокол. Но едва голоса чуть стихли, снова заговорил Ю Фан:

— Посмотрите вокруг — ей уже всё равно.

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ

АЛЛЕРГИЯ

Яркая точка вспыхнула в предвечернем небе прямо над головой Лаки. Зависла на миг и огненной птицей рванула вниз, к земле.

Разумеется, никакая это была не птица. Небесный камень, из тех, что носятся в пустоте, за пределами воздушной сферы. Ме-те-о-рит. Лаки видел похожие два года назад — целый рой! Но те были крохотные, вспыхивали и сразу гасли. А этот никак не сгорит, наверное, огромный. Как шарахнет оземь — мало не покажется!

Лаки невольно прикрыл ушные раковины, ещё и ладошками зажал, сдвигая слух из акустического в радиодиапазон. И услышал неожиданно — камень разговаривает! Смысл слов он не разобрал, но это была человеческая речь, несомненно. Вовсе не камень приближался к опушке леса. Камень летел бы всё быстрее и быстрее, а эта штуковина уменьшала скорость. И не горела она — огонь вырывался из сопел тормозных двигателей. Просто Лаки не ожидал увидеть такое, потому не узнал. Зато теперь сомнений не оставалось — они вернулись! И Наставник, и Дедушка Эрл, и другие взрослые твердили, что рано или поздно они вернуться,

не могут не вернуться. И вот это случилось. Небесные Люди возвращались на Землю.

Озноб прошёл по телу, приподнял чешуйки на спине. Получается, он, Лаки, первым увидел долгожданных сородичей?! Повезло, так повезло! Это же все обзавидуются, даже Герка, что так кичится пучком длинных лилово-сизых волос, выросших на макушке.

Восторга хватило ненадолго. Толку-то, что первым увидел? Пока добежит до Города, Небесные Люди не только космолёт свой успеют посадить прямо на центральной поляне, а и сами усядутся с дедушками и наставниками, пустят по кругу чаши. А мелюзга — и Герка первая! — будут шнырять вокруг, подливать в чаши сукровицу и слушать разговоры взрослых, учиться языку пришельцев. Один он не успеет — хоть все чешуйки на лодыжках пообдирай о кусты!

Лаки заурчал обиженно. И обомлел — будто услышав его, космолёт сделал крутой вираж и понёсся в противоположную сторону, к холмам. Блеснул на прощанье соплами и исчез за тёмным частоколом сосен.

Лаки растерянно моргнул, опустил руки — вспомнил, что по-прежнему зажимает уши. Что случилось? Почему Небесные Люди не захотели лететь в Город? Испугались?

И тут же понял — ничего они не испугались. Небесные Люди не знали о Городе! Они ведь покинули Землю задолго до того, как его начали высаживать. В те времена Город был в другом месте, там, где сейчас Руины. Именно туда сородичи и полетели. Надо было не стоять, таращась да уши зажимая, а позвать их! Теперь поздно, теперь они за холмами, туда не докричишься.

Лаки понимал, что он должен делать: бежать в Город, рассказать всё Наставнику — пусть взрослые поспешат на поиски гостей. Однако пока добежит, пока расскажет, а главное — пока поверят, что и правда видел, а не

насочинял, может оказаться, что идти за холмы поздно. Небесные Люди не найдут никого в Руинах и снова улетят, уже навсегда. Они ведь не знают, что на Земле до сих пор живут люди. Уверены, что те давно умерли от странной болезни, название которой Лаки не помнил.

Конечно, если побежать не в Город, а к холмам, он успеет перехватить пришельцев. Но... в одиночку к Руинам не ходят. А маленьким детям туда и вовсе соваться запрещено.

Лаки гутукнул презрительно. Никакой он не маленький, ему уже шесть лет исполнилось! Через два года совершеннолетним станет, то есть почти взрослым.

Больше не сомневаясь и не медля, он припустил к холмам.

— Вахта вызывает шлюпку! Исай, как там у вас дела?

— Всё нормально. Вышли почти точно на город. Выбираю место для посадки.

Сидевший рядом Марко хмыкнул:

— Да уж, «почти точно»... Едва нашли этот «город». Я же говорил, твои старые карты ни к чёрту не годятся.

Спорить Исай не стал. Найти город оказалось и впрямь не так легко, как он ожидал. Что по одну сторону холмов лес, что по другую. Лишь когда прошли на бредущем, увидели торчащие среди непроходимых зелёных зарослей зубья бетонных конструкций да раскрошившиеся остовы из рыжего кирпича. Всё, что уцелело... А чему удивляться при здешних ливнях, ураганах и землетрясениях? И особенно при гиперактивной органике? Это тебе не надёжный, спокойный Марс. Планета за три с половиной сотни лет умудрилась почти полностью стереть следы пребывания здесь человечества. Разве что в пустынях сохранилось поболее. Возможно, стоило послушать Ренату и для первой высадки выбрать

какую-нибудь «сахару»? Но если первая окажется и последней, что тогда? Что они привезут домой? Им ведь нужны не фото «утраченной родины предков», а конкретные данные. Уцелевшие материалы исследований, проводившихся здесь после эвакуации. Хотя бы что-то полезное, что позволит доказать скептикам необходимость будущих экспедиций. Иначе правительство свернёт программу межпланетных полётов, как и было обещано... Бесплезная трата ресурсов, видите ли!

— Они что, бомбили друг друга? — прервал размышления Клавдий.

— Кое-где и бомбили — нужно же было ядерные боеголовки израсходовать, — снисходительно пояснил Марко. — Но не здесь. Против здешних пришлось применить тектоническое оружие.

— Зачем?!

— Превентивная мера. Они могли помешать нам с эвакуацией.

Исай опять промолчал, только поморщился. Всё-то наш Марко знает — историк доморощенный! На самом деле никаких «они» и «мы» не было уже в ту эпоху. В переселенцы отбирали самых здоровых, сильных, выносливых, с безупречной наследственностью представителей всех рас и национальностей. И самых умных, сообразительных, предприимчивых, разумеется. Отбирали лучших, потому что спасти всех не могли. До первого цикла пандемии на Земле проживало без малого восемь миллиардов, к началу массовой эвакуации — три с половиной. Слишком много. Ресурсов купола над кальдерой Олимпа едва хватило, чтобы разместить пятьдесят миллионов колонистов. Всем прочим пришлось остаться и умереть. Жестокая плата за выживание человечества как вида. Но уплачена она была не зря. На Марсе люди построили идеальное общество, о каком их земные предки могли лишь мечтать. Общество

равных стартовых возможностей и социальных гарантий, взаимного уважения и командной солидарности. Межгосударственные границы, войны, терроризм, религиозная и расовая нетерпимость — всё это сохранилось только в исторических фильмах. Кто знает, может, правы были мальтузианцы, утверждавшие, что главная беда человечества в его непомерной численности? И уж наверняка не ошибся тот, кто первым сказал: что-бы осознать себя единым целым, человечеству нужен общий враг. Грозный, смертельно опасный...

— Где садимся?

Теперь размышления Исая прервал Марко. Надо же, в какие дебри философии занесло! Не вовремя. «Отчий дом» — не то место, где можно расслабиться, поразмышлять, поностальгировать. Он только и ждёт, как бы прикончить незваных гостей.

Исай вывел на экран навигатора укрупнённую карту города. Сверился с панорамой за иллюминатором. Сходство уловить было трудно.

— Думаю, территория института прямо под нами. Садимся вон на ту площадку перед главным корпусом.

— И где же ты «главный корпус» разглядел? — хмыкнул Марко.

Впрочем, это он преувеличивал. Фасад первого этажа уцелел почти полностью, проглядывал проёмами окон сквозь мясистое покрывало плюща. Вернее, это был второй этаж. Первый утонул в горах бетонно-стеклянного крошева, непролазных зарослях ясеня и айланта.

Лапы-опоры шаттла коснулись поверхности. Машина вздрогнула, накренилась. Мгновенный испуг — здесь вполне могут скрываться тоннели коммуникаций, присыпанные грунтом люки. Но нет, обошлось. Челнок стоял крепко.

Гул двигателя замолк. С минуту никто не решался нарушить тишину в кабине. Но не сидеть же так вечно?

— Шлюпка вызывает вахту! Рената, мы приземлились. Выходим.

— Хорошо, Исай, удачи! Только прошу, будьте осторожны.

— Пожелай нам ни пуха, ни пера, — неожиданно попросил Марко. — По древней традиции.

— Как? Ни пуха и ни пера?

— Иди к чёрту! — Марко захохотал и, прежде чем Рената успела возмутиться, растворил нижний люк.

Сосновый бор закончился, едва Лаки перебрался через гребень холма. За ним тянулась полоса пустоши, словно граница, отделяющая принадлежащий людям мир от Руин. Лес, поднимавшийся за пустошью, на первый взгляд ничем не отличался от того, что остался за спиной. Но то — на первый. Лес, поглотивший Руины, был совсем иным. Опасным, хищным, как и твари, что жили в нём.

Лаки остановился на опушке. Может быть, не стоит идти дальше? Он снова слышит, как Небесные Люди переговариваются между собой, значит, и позвать их сумеет. Нужно крикнуть погромче. И с диапазоном частот не ошибиться.

Лаки крикнул громко:

— Я здесь! Летите и сразу увидите. Я отведу вас в настоящий Город!

Затем ещё раз. Но как понять, услышали его Небесные Люди или нет? Они продолжали разговаривать между собой, и космолёт оставался на месте. Почему? Они ведь не могли не понять его слов — Наставник рассказывал, у Небесных Людей есть умные устройства, чтобы понимать любой язык. И сами они умные, куда до них земным людям! Дедушка Эрл говорит, на Небеса забрали самых-самых умных. Правда, он Не-

бесных Людей не видел — даже дедушкин дедушка родился уже после того, как они улетели. Но раз улетели — то ведь в самом деле умные. Земные люди летать не умеют, разве что самую малость, с дерева на дерево. И то не все, а лишь те, у кого пёрышки на руках растут, как у Герки. И до красной звёздочки, где теперь живут сородичи, земные люди докричатся не смогли, как ни старались.

Лаки вздохнул. Пришельцы не ответили, не услышали его крика. Видно, ничего не поделаешь, придётся самому в Руины идти.

Дюзы выжгли вокруг шаттла овальную прогалину. Каждый шаг поднимал в воздух облачко мелкого чёрного пепла. Исай выбрался из-под днища машины, включил внешние микрофоны. Лес вокруг вовсе не был безмолвным. Что-то шелестело, шуршало, похрустывало, посвистывало, скрипело и ухало. Краем глаза Исай заметил, как Марко передёрнул плечами и поспешно растегнул кобуру. Страшно? Это тебе не кибер-тренажёр на базе, здесь всё настоящее. И риск — настоящий.

— Неужели и правда туда сунешься? — Марко кивнул на заросший амброзией и борщевиком склон щебневой горы.

— Разумеется. — Исай переключился на дальнюю связь: — Рената, мы снаружи. Видишь меня?

— Да, картинка чёткая. Просматривается весь фасад здания.

— Отлично, — и шагнул прямо в густую, высокую, почти по грудь, траву.

На первом шаге Исай невольно задержал дыхание, прислушался к ощущениям, словно ожидал почувствовать, как ядовитый сок разъедает металлоткань скафандра. Тут же ругнул себя мысленно. Ерунда полная,

отголосок фобий, которыми страдали предки. Металлоткань — это тебе не голая кожа, с ней никакая растительная дрянь не справится.

Чуть выше по склону пришлось расчехлить тесак. Булатное лезвие на раз сносило яшеньки в руку толщиной, усилий прикладывать не приходилось. Мягкая древесина, рыхлая, не то, что у их марсианских потомков. Вся органика на этой планете мягкая и рыхлая. И люди были такими же. За что и заплатились...

Исай отогнал лезущие без спросу мысли. Тем более выбранное им окно — вот оно, рядом. Последний взмах тесаком, и плющ стёк под ноги горой зелёного мусора. Исай осторожно заглянул в проём.

Как ни странно, перекрытие между вторым и третьим этажом уцелело почти полностью. С одной стороны, есть надежда, что удастся найти что-нибудь интересное. С другой — на этой долготе уже вечерело, солнце почти касалось вершин деревьев на западных холмах. Снаружи-то ещё светло, но сюда, в развалины, лучи его едва пробивались. Через час и вовсе темно станет.

Час — это уйма времени. Исай включил фонарь и полез внутрь.

— Исай, ты с картинки пропал, — тут же сообщила Рената. — Будь добр, подключи свою видеокамеру к шлюпочному ретранслятору.

— Угу. — Исай послушно открыл прикреплённый к поясу пенал пульта управления, щёлкнул рычажками. Поинтересовался: — Хорошо видно?

— Плохо. Темно там очень. Не видно, что в углах делается.

Исай покосился на дальний угол зала. В самом деле, одна сплошная тёмная клякса.

— Да ничего там не делается.

— Ой...

— Что случилось?

— Помеха пошла, рябь. Ага, снова вижу... Нет, опять. Да что там происходит?

— Может быть, стены экранируют?

— Не должны... Ну что ты будешь делать! Если б не знала, что такое невозможно, решила бы, что кто-то нарочно пытается заглушить трансляцию.

— Ладно, после поглядишь, что я здесь наснимаю. Главное, голосовая связь устойчива.

Исай, медленно поводя головой из стороны в сторону, пошёл в глубь здания. Пятно света металось вокруг него, выхватывая из темноты давным-давно сгнившую древесную труху, покособившиеся, утратившие цвет и форму куски пластика, бетонное крошево. Если это и всё, что уцелело...

Лаки старался быть тише воды и ниже травы. Тенью бестелесной прошмыгнуть, пока не заметили. Поначалу казалось — получится. Он же такой маленький, вёрткий. И совсем-совсем не вкусный! Здоровенные красноглазые собаки, с которыми он столкнулся буквально нос к носу, уставились на него удивлённо, но стоило замереть, и они помчались по своим собачьим делам, только длинные голые хвосты засвистели, срезая листву с ветвей — вжик, вжик! Собак мальчишка не интересовал. Собакам хотелось настоящего, наполненного алой кровью мяса.

После этой встречи Лаки успокоился. А зря. И двух десятков шагов не сделал, как с ужасом ощутил на плече чью-то крепкую хватку. Обернулся... И ужаснулся ещё больше. Кряжистый, в пять обхватов дуб тянул к нему когтистые сучковатые лапы. Не дуб — людодуб! Собачьи хвосты разбудили хищника, раздражили. До-

гнать стаю он, разумеется, не мог, но тут как по заказу мальчишка подвернулся. Свеженький, сочный, для людодуба в самый раз.

Лаки взвизгнул, дёрнулся, не обращая внимания на боль. Вырвался, оставив в древесной лапе немалый ло-скут кожи. И тут же упал — появившиеся невесть отку-да плети корней затянулись на лодыжках.

— Помогите! — завопил Лаки во всю мочь.

Да толку-то? Взрослые за холмами, не услышат. А Не-бесные Люди хоть и близко, хоть и слышат, но пони-мать отчего-то не желают.

Людодуб выбросил ветви-клешни, снова вцепился в плечо, в спину, в руки, волоком потащил мальчишку к себе. Упирается, цепляться за кустики травы было бес-смысленно.

— Отпусти, слышишь?! Мы же почти родичи!

Но уговаривать безмозглую тварь ещё глупее, чем упираться. Лаки завыл от ужаса. И тут его с размаху впечатало в твёрдую, шершавую кору. Дыхание пере-хватило, во рту стало кисло. А древесина под корой уже шевелилась, вибрировала — хищник формировал дуп-ло, примерялся к размерам жертвы.

— Нет!!! — последний раз завизжал Лаки.

И провалился в липкую вонючую темноту.

★ ★ ★

Визг из динамиков так врезал по барабанным пере-понкам, что слёзы из глаз брызнули. Исай охнул, присел от неожиданной боли. Потом закричал:

— Марко, Клавдий! Что там у вас?! Что случилось?

Нет ответа. И тревожный голос Ренаты, еле различи-мый среди хрипов и скрежета помех:

— Исай, что происходит?

— Понятия не имею! Думал, может, ты мне скажешь?

— Картинка со шляпочных камер пропала. Какой-то очень сильный импульс. Боюсь, схемы ретранслятора повреждены. У нас лишь голосовая связь осталась.

— Мне они и по голосовой не отв...

— Исай, скорее!.. — тут же опроверг его вопль Марко. Не вопль — визг перепуганного до смерти человека.

— Что случилось?!

Не дожидаясь ответа, Исай метнулся назад, стараясь не заблудиться в сумеречных лабиринтах развалин. Здесь направо, и ещё раз... Ах, чёрт! Едва не упал, зацепившись ногой за бетонный обломок. Вывалился в зал...

Нет, это был не тот просторный зал, в который он забирался снаружи. Длинная, похожая на пенал комната, чуть ли не по колено заваленная какой-то скользкой мерзостью. Не важно! Главное, в дальнем её конце — окно, задёрнутое зелёной занавесью плюша. И оттуда — «та-та-тах!» — автоматная очередь.

Исай, не оглядываясь по сторонам, метнулся сквозь комнату. Вскарabкался на обломки, отдернул занавесь...

Гора щебня под окном обрывалась круто, ясенки на ней не росли. Потому челнок посреди выжженной проплешины был виден отлично. И всё, что происходило вокруг.

Марко медленно пятился от края проплешины к борту шаттла, то и дело резко оборачивался, посылая в травяные заросли короткие очереди — «та-тах!». Что он там видел?!

Из-под днища челнока вынырнул Клавдий... И тут всё завертелось с неимоверной скоростью.

Они бросились одновременно со всех сторон. Похожие то ли на приземистых чёрных собак, то ли на крыс-переростков. С красными выпученными глазами, острыми мордами, голыми хвостами-верёвками. Их было много — два или три десятка, и трава продолжала шевелиться. Первых Марко положил длинной очере-

дью, но Клавдий выстрелить не успел. На него набросились сзади, повалили, накрыли шевелящимся клубком. Марко развернулся, вскинул автомат — «тах!» — обойма пуста!

Исай выдернул из кобуры «штайр». Целиться времени не оставалось, поэтому он ударил по краю проплешины, в чёрные спины, в загривки тварей. Главное, отвлечь их на себя, дать Марко несколько секунд отсрочки, чтоб успел заменить магазин.

«Та-та-та-та-тах!» — ударила очередь, эхо гулко разнеслось по лабиринту комнат. И словно ответом что-то ухнуло позади, зашелестело. Исай оглянулся...

Сначала ему показалось, что звук выстрелов нарушил хрупкое равновесие и перекрытие этажа рухнуло. Но это было не перекрытие. От потолка комнаты отделялись тёмно-серые твари. Лоснящиеся кожаные крылья молотили воздух — миг, и всё пространство позади Исайа заполнилось живой кипящей массой. А затем стая метнулась к окну, к свету угасающего дня.

Исай не успел увернуться. Его толкнуло, сбilo с ног, но покатился он почему-то не вперёд, к крутому обрыву, а опрокинулся навзничь, перекувыркнулся, упал на усталый помёт пол и...

Когда бежал через комнату, он не заметил эту дыру, спешил. А сейчас ухнул прямо в неё, сквозь проломленное перекрытие, вниз головой.

Исай попытался сгруппироваться, перевернуться на бок, но задел коленом обо что-то твёрдое, и тут же — теменем об пол. В глазах вспыхнули звёзды...

И погасли.

Нога болела отчаянно, голова ныла, подташнивало. Неужто сотрясение мозга умудрился заработать? Но это не самое страшное. Страшнее — сплошная чернота перед глазами. Ослеп?!

Исай усилием воли придушил панику. Нашарил на пульте включатель подсветки. Тут же зафосфоресцировали индикаторы на рукаве. Слава богу, с глазами обошлось. Просто фонарь разбился при падении, а в это подземелье ни один лучик света не попадает снаружи.... Потому что снаружи — ночь!

Исай с недоумением уставился на циферблат хронометра. Он провалялся без сознания четыре часа?! Но почему ребята его не вытащили? И тут же вспомнил — чёрные спины, шевелящаяся груда, поглотившая Клавдия...

— Марко! Клавдий!

Тишина. Исай судорожно переключил тумблер на связь с кораблём:

— Рената! Рената, ответь! Рената!!!

Минут пять он пытался докричаться безуспешно. Почти отчаялся, и вдруг услышал голос. Не Ренаты, мужской:

— Исай?!

— Марко? Ты где?

— Здесь, на корабле. Я думал... Я не знал... Какие-то твари напали на нас, добрались до Клавдия. Потом ты начал стрелять откуда-то, я не увидел. Потом другие твари появились, летучие... Я звал тебя, но ты не отвечал! Они Клавдию скафандр прорвали, представляешь?! Я спешил...

Прорвали скафандр?! Исаю сделалось холодно.

— Что с Клавдием?!

— Я же говорю — скафандр повреждён... А, вот Рената пришла, она скажет!

— Исай, ты живой?! Ты где?

— Что с Клавдием?!

— Он... Мы ничего не могли сделать. Ты же сам понимаешь, от этого лекарства не существует! Даже тело

пришлось кремировать... Ты-то сам как? С тобой всё в порядке?

— Почти... — Исай закрыл глаза. Значит, «отчий дом» получил своё жертвоприношение. Мальчишка, тридцати лет не исполнилось...

— Исай, ты почему молчишь? Что с тобой?

— Головой ударился немного... И нога. В какую-то дыру провалился. На первый этаж, а может, и глубже. Темно здесь, ничего не видно.

— А скафандр как?

— Скафандр цел.

— Слава богу... Держись, мы сейчас за тобой прилетим. Там никаких животных не видно поблизости?

— Не видно. Говорю же — темно!

— Хорошо, мы скоро. Потерпи полчаса. — Рената отключилась.

Исай вздохнул, попытался лечь поудобней. Вот и всё... Теперь можно не сомневаться — первая экспедиция станет последней. Его старания убедить Совет были напрасны. Те, кто утверждал, что попытки полётов на Землю — неоправданный риск, оказались правы. Разведчики не нашли здесь ничего полезного, а заплатили за это знание человеческой жизнью.

Под спиной тихо хрустнуло. Что там такое? Исай перевернулся на бок, сился рассмотреть, на чём лежит. Весь пол был усеян квадратными полупрозрачными пластинками в пол-ладони размером. Он поднял одну, поднёс к фосфоресцирующим экранчикам на рукаве. Прочёл на узкой боковой грани: «Лаб. журнал №2/456». Да это же старинные голо-оптические кристаллы! Наверняка рассыпались вон из того шкафа, когда он врезал по нему коленкой. Собственно говоря, нечто подобное он и предполагал найти. Хоть один приятный сюрприз под конец экспедиции. Только бы кристаллическая решётка носителя не разрушилась.

Исай вынул из чехла покетбук, приладил ридер подходящего типоразмера. Ну, поехали...

Материал голо-кристалла проверку временем выдержал.

★ ★ ★

О том, что человечеству необходим общий враг, чтобы обрести единство, люди твердили ещё во второй половине XX века. Смешно, но никто и не подозревал, что к тому времени человечество уже несколько десятилетий пестовало такого врага. Люди создали его, когда зачислили антибиотики в разряд «лекарств», тем самым объявив геноцид старейшим обитателям Земли.

Миллионы лет человек и прокариоты¹ сосуществовали бок о бок. Первый был для вторых иногда симбионтом, иногда домом. Иногда — пищей. Но не врагом. Понятия «враг» для прокариотов не существовало.

Зато человек во «врагах» толк знал. Враг — это тот, с кем нужно воевать хотя бы потому, что он враг. Человеку нравилось воевать. «Действуя на микробы, следует помнить об их собственных интересах» — предупреждение Павлова не слышали. Ведь полная и окончательная победа казалась так близка. Ещё одно усилие, ещё одна линейка антибиотических «лекарств» — и «книга инфекционных заболеваний будет закрыта».

Спихватились, когда стало поздно. Вдруг оказалось, что люди почти ничего не знают о своём противнике, не представляют даже, что он есть такое. Первый сюрприз — открытие горизонтального переноса генетической информации. Получалось, что колония бактерий — это не просто триллионы одноклеточных организмов, а

¹ П р о к а р и о т ы — одноклеточные живые организмы, не обладающие оформленным клеточным ядром и другими внутренними мембранными органоидами.

некое совершенно иное существо, пусть неразумное по человеческим меркам, но порой действующее весьма осмысленно. Потом люди обнаружили «пятую колонну» прокариотов в собственных клетках. Потом... А война уже переходила в новую стадию.

Первым делом бактерии разработали эффективную стратегию самозащиты. А когда антибиотическая резистентность¹ стала почти стопроцентной, перешли в наступление. Ударили по человеку его собственным оружием, его иммунной системой. Первый цикл аллергических пандемий, второй, третий... А сколько их было после того, как пятьдесят миллионов счастливицов сбежало в стерильную атмосферу марсианских куполов? Сколько времени понадобилось прокариотам, чтобы последний представитель вида *Homo Sapiens* на Земле испустил дух? Десять лет? Год? Месяц?

Странная всё-таки судьба сложилась у открытия пенициллина. Первое столетие препарат величали спасителем человечества. Затем — обвинили во всех бедах, назвали гробовщиком. Затем, уже на Марсе, вновь возвели на пьедестал — в буквально смысле: памятник Александру Флемингу давно стоит в столице державы, на площади Солидарности. Ведь если бы не проигранная прокариотам война, люди рано или поздно нашли бы способ истребить себя. А так — человечество вынудили начать всё заново, искать другой путь. И оно его нашло!

Надо признать, проблему решали и другим способом. Исай читал о подобных экспериментах, а теперь, просматривая лабораторные журналы, убедился в этом во-

¹ Антибиотикорезистентность — феномен устойчивости штамма возбудителей инфекции к действию одного или нескольких антибактериальных препаратов, снижение чувствительности культуры микроорганизмов к действию антибактериального вещества.

очию. Исследователи пытались обмануть прокариотов, модифицировав человеческую ДНК. Рекомбинировали, добавляли в неё гены бактерий, животных, растений. Исайя чуть не стошнило, когда он увидел фото полученных результатов... Нет, называть людьми этих химер язык не поворачивался. Марко был прав, отстаивая правомерность того превентивного тектонического удара. Даже если здешние не могли помешать эвакуации, то, чем они занимались, — мерзко. Понятно теперь, что за твари напали на ребят. Не иначе «опытные образцы» сбежали из вольеров во время землетрясения. И надо же — выжили, сумели приспособиться, размножились.

Лаки неслыханно повезло. Людодуб задремал, едва солнце село за холмы. Хищник не удосужился переварить пойманную жертву. Может быть, решил прибереечь на завтрак?

Как бы там ни было, Лаки не собирался ждать, пока его высосут досуха и выплюнут. Как только сообразил, что волокна людодуба ослабли, прекратили его сплющивать, выдавливая по капельке сок, врезался в них локтями, коленями, впился зубами, выгрызая путь к свободе. Конечно, если хищник почувствует боль, то неминуемо проснётся, dokonчит начатое. Но об этом Лаки не думал.

Ему повезло ещё раз — болевых рецепторов в волокнах людодуба нет. Лаки вывалился наружу, поднялся на ноги, тяжело дыша. Всё же многовато соков высосал из него хищник. Самое время растянуться на солнышке, выпустить из-под чешуек псевдолисточки, впитывая лучистую энергию... Да где его взять, солнышко? Ночь давно. Значит, нужно уползти в Город, приткнуться где-нибудь незаметно и дожидаться утра. А как иначе? Не просить же Наставника, чтобы поделился сукровицей.

Сразу расспросы начнутся: где был да что стряслось? Почему сам в Руины попёрся, почему взрослым о гостях не сообщил? А что сообщать теперь-то? Небесные Люди давно вернулись в свой космический дом.

И тут он услышал... Да, космолёт улетел, но один Небесный Человек почему-то остался. Он был близко, разговаривал со своими товарищами. Всех слов Лаки пока не понимал, но страх, отчаяние в интонациях уловил. Случилась беда. А оставлять человека в беде нельзя, это и шестилетний мальчишка знает.

Лаки повернулся и поковылял к холодным пятнам развалин.

Исай вздохнул... И неожиданно ощутил, что воздуха попало в лёгкие слишком мало. Попробовал снова, снова... Удушье накатывало всё сильнее. Да что происходит? Неполадки в скафандре? Но ведь он его протестировал. Первое, что сделал, очнувшись — проверил герметичность. Нет, глупости. Если б была прореха, он бы уже умер, как Клавдий, — за четыре-то часа.

Четыре часа?! Да плюс время, пока приземлялись, пока искали город. Давно пора было дозаправить баллон. Исай поспешно взглянул на индикатор уровня кислорода. Так и есть, почти на нуле.

— Рената! Рената! — заорал в микрофон. — У меня кислород заканчивается!

— Я знаю, не хотела тебя пугать. Исай, не беспокойся, мы близко. Тебе хватит.

— Хватит?!

— Хватит. Просто не кричи. И не делай резких движений. Жди нас и старайся дышать пореже.

Исаю захотелось выругаться — грязно, как он никогда не ругался. «Дыши пореже»... Сколько кислорода в баллоне? На десять минут жизни? На пять? Или

на одну? И ещё одну человек способен не дышать. За две минуты они даже в подземелье это спуститься не успеют...

Он заскрежетал зубами и отшвырнул прочь кристалл с картинками уродливых тварей, ничем не напоминавших человеческих детёнышей.

★ ★ ★

Место, где стоял космолёт, Лаки нашёл быстро — дюзы выжгли огромную проплешину в траве. Но пахло здесь не только пеплом, но и кровью. Собачьей кровью! Стая напала на Небесных Людей? Вот куда они бежали, оказывается! Людям пришлось отбиваться. Должно быть, тот, кто остался, ранен. Не сумел добежать до космолёта, спрятался, затаился в развалинах.

Лаки из последних сил вскарабкался по крутому склону, заглянул в чёрное нутро комнаты. Запах человека шёл из дыры в полу. Не раздумывая, мальчик прыгнул туда.

★ ★ ★

Кислорода в баллоне всё же оказалось больше, чем на одну минуту. Но меньше, чем на десять. Потому как красные круги уже начинали плыть перед глазами.

— Рената... Я не могу больше... — прохрипел он.

— Исай, держись! Мы на подлёте, захожу на посадку.

Наверное, он потерял сознание на несколько минут. Потому что сразу услышал шорох осыпающегося гравия, мягкий стук упавшего с высоты тела.

— Рената...

— Сейчас, сейчас. Ты помнишь, в какой из комнат та дыра?

— Что?

Существо, лежащее в трёх метрах от Исай, было не Ренатой. И не Марком. Не человеком! Химера с голым

черепом и тускло поблёскивающей чешуйчатой кожей. Вот оно приподняло голову, приоткрыло ротовую щель...

— Нет!

Исай схватился за пустую кобуру. «Штайр» он, должно быть, обронил наверху. Тесак тоже... И теперь безоружен, беспомощен...

Пальцы наткнулись на твёрдый кругляш. Световая граната. Конечно, тварь это не убьёт, но хоть отпугнёт, ослепит.

Исай сорвал чеку, швырнул гранату в монстра. Зажмурился, не надеясь, что автоматика гермошлема успеет включить светофильтр...

★ ★ ★

Лучистая энергия вспышки оказалась такой интенсивной, что несколько листиков на груди съежились. Но другие сумели её воспринять, усвоить. Бодрость словно после хорошего глотка сукровицы растеклась по жилам.

Лаки вскочил. Сонливой слабости как не бывало. Человек поделился с ним жизненной силой! Может быть, это последний его резерв, но он всё равно отдал. Выходит, Небесные Люди такие же, как земные, лишь выглядят иначе. Теперь пришёл черёд Лаки помогать.

Мальчишка бросился к лежащему навзничь пришельцу. Присел, принялся ощупывать. Холодный? Мёртвый?! Нет, это не настоящая кожа. Наставник рассказывал — Небесные Люди поверх собственной кожи носят другую, в их мире иначе нельзя. Ничего, Лаки ощущал и сквозь неё.

Человек в самом деле был ранен — в ногу и голову. Но это неопасные раны. Гораздо страшнее — он задыхался. Должно быть, что-то повредилось в его наружной коже, она не пропускала воздух к внутренней. И как быть? Небесные Люди не умеют останавливать

дыхание, впадать в спячку. Человек умрёт, если ему не помочь. Но внешняя кожа прочная, ни руками, ни зубами не рвётся.

И вдруг Лаки сообразил! Он ведь умный, хоть и обычный земной мальчишка. Верхняя кожа — не настоящая, с ней не родятся. Её надевают, когда понадобится. А значит, и снимают! Должно быть устройство, чтобы это сделать. Да вот же оно, на поясе! Но здесь так много рычажков. Как узнать, какой нужен?

Лаки хотел было дёргать все по очереди, но тут же испугался. Что, если он ещё сильнее навредит Небесному Человеку? Он принялся трясти пришельца, выговаривая звуки, которые слышал и запомнил. Непривычная к акустической речи гортань подчинялась плохо, но Лаки очень старался:

— И-са-е... Ри-а-те... Ка-рбель... Са-фандр... Ти-би-хатит...

Бросок гранаты отобрал последние силы, и вспышка толкнула Исаю назад в липкую, удушливую тину беспмятства. Надолго? Наверное, нет — он не умер, не задохнулся. Чьи-то руки принялись трясти его, не позволяя утонуть окончательно:

— Исай! Ты слышишь меня?

— Рената? — с трудом пошевелил он губами.

— Да, это Рената! Мы уже на корабле, быстрее снимай скафандр!

Ни руки, ни ноги, ни даже мысли не желали слушаться.

— Я... Я не могу сам... Помоги...

— Исай, хватит притворяться!

Как она не поймёт, что он и правда не может...

Исай с трудом дотянулся до ворота, вцепился пальцами в застёжку гермошлема. Ну помоги же, помоги!

Ладонь Ренаты легла на его руку. Сдавила, дёрнула...

Удушливое беспмятство отступало толчками. С каждым новым глотком прохладного воздуха, наполненного ароматами мускуса и гвоздики. Станные пристрастия у Ренаты, отрешённо подумал Исай. Никогда прежде он не замечал у неё этих духов...

Он медленно разлепил веки. С полминуты вглядывался в полумрак, пытаясь понять, что видит. Потом понял. Лицо, склонившееся над ним... Это была не Рената! Хи-мера из лабораторных журналов.

Страх кольнул крошечной иглой в сердце и тут же отступил, оставляя одну безысходность. Поздно. Прохладный, пахнущий пряностями воздух, которым он дышал всё это время — полминуты? минуту? две? три? какая разница! — был забит до отказа крошечными, невидимыми глазу смертями. Пока он боролся с беспмятством, пока открывал глаза, пока всматривался в темноту, смерти входили в его тело. Чтобы сожрать, как Клавдия, а перед этим — как миллиарды людей на планете Земля.

Тварь чуть отодвинулась, безгубая щель рта искривилась в улыбке:

— Иса-е... Ла-ки... лю-ди...

Ишь ты, «люди».

Ответить он не успел. Ослепительно яркий свет фонаря ударил в глаза, автоматная очередь оглушила. Тяжёлые пули пробуравили чудовище насквозь, бросили на Исай. Густая зеленовато-бурая жидкость хлынула на лицо, на полуоткрытые губы, заполнила рот. Кровь у этих «людей» была кислой, а не солёной.

★ ★ ★

Лаки не понял, что случилось. Верхнюю кожу с Небесного Человека он снять не сумел, но зато лопнула прозрачная плёнка, закрывающая его лицо. Свежий

воздух оживил пришельца, он задышал глубоко, ровно. Затем открыл глаза, посмотрел на Лаки. И Лаки заговорил с ним — он уже понимал смысл нескольких слов.

И вдруг — яркий свет, и сразу же — удары в спину. Стало больно, очень-очень больно. Кровь выливалась из рваных отверстий в груди так быстро, что он не успевал её остановить.

Вокруг бегали Небесные Люди, о чём-то кричали. Это хорошо, значит, они вернулись за своим раненым товарищем, они его спасут.

Потом вновь сделалось темно и тихо. И страшно. Лаки понял, что если заснёт сейчас, то кровь вытечет из него вся, и он не сможет проснуться, никогда не увидит рассвет. Однако сил, чтобы не заснуть, не оставалось...

Но рассвет он увидел.

— Лаки, Лаки... — Наставник нёс его на руках, и солнце поднималось над древними Руинами. — Что же ты наделал, мальчик? Зачем?

Лаки хотел рассказать о том, что случилось, но губы не подчинялись. Тогда он посмотрел в небо. Где-то там кружил над Землёй космический дом Небесных Людей. И пусть Лаки никогда их больше не увидит. Главное, он знал — Небесные Люди добрые, умные и смелые. И они вернулись!

★ ★ ★

— Исай, я ещё раз повторяю — это глупая затея!

Рената твердила одно и то же всю дорогу, пока шаттл шёл сквозь атмосферу. И снова Исай начинал объяснять:

— Мальчик пытался спасти меня, а мы его — из автомата, в упор. И теперь сбежим, как нашкодившие щенки?

— Он хотел тебя убить! Снимал гермошлем...

— Не говори глупости! Я сам отключил застёжку в беспамятстве. Вы по-любому не успевали — я бы задохнулся раньше, чем вы меня нашли.

— Мы бы тебя... ну... был бы какой-то шанс реанимировать после клинической смерти. А так... Кто мог предположить, что у тебя проявится иммунитет? Это настоящее чудо!

— Рената, ты сама веришь в то, что сказала? «Чудо»! Вид хомо сапиенс утратил иммунитет двести лет назад. Меня спасла кровь мальчишки, понимаешь? Пока наши предки обустроивали Марс, те, кто остался, нашли способ выжить.

— Выжить? Неприемлемо высокая плата! Во что они себя превратили? Это полуживотные-полурастения, не имеющие ничего общего с людьми.

Исай промолчал.

Он уже видел выжженное пятнышко внизу, готов был сделать вираж, заводя челнок на посадку, когда заметил тёмные точки на безлесном склоне холма. Быстро провернул верньер обзорного экрана: полдюжины двуногих существ, покрытых мелкими зеленоватыми чешуйками, уходили из разрушенного города. Самый высокий нёс на руках маленькую фигурку. Ночью Исай видел мальчика от силы минуту, но узнал. Да и как не узнать изъеденную пулями грудь?

Рената тихо охнула.

— Исай, не нужно, пожалуйста. Мне страшно! Они же совсем другие! Мы никогда не сможем...

Он не собирался ни слушать её, ни спорить. Посадил шаттл как раз на пути процессии, в двух десятках шагов от переднего. Распахнул люк, выпрыгнул. Сделал шаг, второй, третий навстречу. Решившись, отщёлкнул забрало гермошлема. Утренний воздух пах травяным соком и мятой.

Существа сбились в тесную группку, остановились. Чёрные выпуклые глаза без ресниц уставились на Исая. Лишь мальчик не смотрел на него. Неподвижный взгляд затерялся где-то в небесах.

Существа молчали. Ждали? Исай понимал, что следует сказать что-то правильное, очень важное. Но придумать не мог ничего. Только прошептал:

— Лаки, Исай — люди...

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЗОРКОГО БОГА

Увидев трехглазую лапу, висящую над заброшенной, потрескавшейся дорогой, Зверобой замер — будто налетел на стену. Поднял сжатую в кулак правую руку, давая знак остановиться следовавшим за ним настороженному Тимьяну и напряжённому Васильку, и тихо, не поворачивая головы, скомандовал:

— Начинаем.

Двое за его спиной действовала слаженно, так, словно не раз уже имели дело с нечистью, хотя не так давно начавший брить редкую щетину Василёк никогда к Улицам даже близко не подходил, а пожилой, но ещё крепкий Тимьян последний раз бывал там, когда в его бороде не водилось седины.

Лесничие сложили к ногам колчаны, луки и посохи и почтительно, в пояс поклонились дремлющей лапе. Зверобой осторожно, щупая ногой землю перед каждым шагом, пошёл вперёд, нараспев повторяя заклинание:

— Сестрица светофорница, разреши пройти. Мы — мирные пешеходы, зебра блюдем. Не плутай нас по перекрёсткам, позволь двигаться дальше.

Минуты утекали одна за другой.

Первым не выдержал Василёк — злость и досада толкали его вперёд:

— Может, она спит? Прошмыгнём быстренько — она и не заметит.

— Не заметит, — хмыкнул в седую бороду Тимьян. — Ты знаешь, что бывает с теми, кто в Улицы входит, не получив благословения светофорницы?

— Ну?

— Светофорница обежит вокруг тебя незаметно по кольцу, — зашептал Тимьян, — И ты из него никогда не выберешься, так и будешь бродить кругом по Улицам, пока не помрёшь с голоду и не обернёшься упырём.

«Сказки», — отчётливо читалось в юношеских глазах, бесстыже и нагло отказывающихся верить рассказам стариков.

— Или, упаси Дерево, как дядька мой, попадёшь в лапы к кикиморам или сантехам, и они тебя зыбочником обернут на веки вечные, — продолжил Тимьян, кивнув куда-то в сторону.

Василёк проследил за его взглядом, немедля увидел серого зыбочника, спрятавшегося неподалеку от дороги, и поёжился. Железное тело покрыто птичьей паршой, рогатый верх высится над кронами, и от него в обе стороны тянутся железные нити, намертво скрывая зыбочника с другими собратьями... Ходоки говорили, зыбочья цепь бесконечна, она тянется от одних Улиц к другим, на много сотен вёрст, и опоясывает весь белый свет.

— Будешь стоять мёртвый, и только в грозу оживать сможешь. Станешь обрывать нити и хлестать ими как

молниями насмерть всё живое, что случится пройти рядом с тобой, — зловеще закончил Тимьян и многозначительно покачал седой головой.

— Да понял я, понял, — присмирел Василёк и вздохнул: — И долго ждать?

— Столько, сколько надо... Бывало, днями ждали, а то и неделями.

— Днями? — взвился парень. — Да она же тогда сгинет без следа, ни за что не нагоним...

— Тихо, — резко приказал Зверобой, резанув напряжённым взглядом по стоявшим позади него.

Василёк пристыженно замолчал — Зверобоя, немного сутулящего спину, как это обычно делают люди высокого роста, хмуро щурящего темные глаза, опытного ходока, уважали и побаивались все лесничие.

— Тихо, — повторил Зверобой и продолжил свой медленный ход к лапе светофорницы, приговаривая заклинание.

Прошло ещё несколько мучительно долгих минут, и верхний глаз лапы нехотя загорелся красным. Зверобой немедленно остановился, пошарил в перекинутой через плечо котомке, выудил сухарь, искрошил его в длинных пальцах и высыпал перед собой на землю длинной продольной полосой.

— Сестрица светофорница, прими подношение, — почтительно произнёс он и наступил на полосу крошек.

В ответ верхний глаз погас, а средний загорелся жёлтым.

Зверобой извлёк из котомки следующий сухарь и повторил процедуру.

— Сестрица светофорница, прими подношение.

Средний глаз нехотя мигнул и погас. Путники затаили дыхание, впившись взглядом в нижний глаз. Тот мигнул и загорелся зелёным.

— Благодарствую, сестрица, — низко поклонился Зверобой, оставляя на земле третью полосу, а затем путники быстро пробежали под трёхглазой лапой.

— Уф, — перевёл дух Василёк, когда, обернувшись назад, увидел, что на лапе светофорницы снова загорелся красный глаз. — Пронесло.

— Погоди радоваться прежде срока, — осадил его Тимьян. — Сколько их ещё впереди! Да и если бы только их...

Зверобой не присоединялся к разговору. Закинув посох за спину, он уже широко шагал по изрытой трещинами дороге в сторону Улиц. Лесничие поглядели ему в спину и слаженно бросились догонять ходока.

К Улицам подобрался засветло, и, хоть до заката оставалось ещё часа два, Зверобой решил, что внутрь они пойдут только завтра. Лес совсем поредел и уже не нависал плотным шатром над запретной дорогой; впереди, в опасной близости, вызывая липкий холод в самом низу живота, высились огромные каменные строения, пляшущие по сторонам слепыми провалами глазниц-окон. Некогда — владения людей, а теперь — нечистое царство кикимор, упырей и правдомов.

Для ночлега Зверобой облюбовал поеденные ржой останки железного скелета огромного водильца, чем вызвал замешательство не только у неопытного Василька, но и у делавшего в прошлом пару ходок в Улицы Тимьяна.

— А не рассердим мы дух умершего зверя, ночуя у него в брюхе? — опасливо осведомился он, не решаясь, Впрочем, налагать запрет. У себя в роще Тимьян был ведун, потому лесничие всегда прислушивались к его словам. Но не Зверобой — он был, хоть и хорошо знакомым, но пришлым, не своим. Собственно, доподлинно о

Зверобое было известно только две вещи. Первая — что он лесничий, потому что безошибочно и неукоснительно чтит все леснические заветы. Вторая — вот уж лет десять как он ходит из одной рощи в другую, нанимаясь за деньги провожать в Улицы по самой разной надобности: вызволить из неволи заплутавшего в окрестностях злых земель, выследить сбежавшего от справедливого суда, вернуть неосторожного, заманенного хитрыми русалками. Но какого Дерева, которой рощи он родом и почему стал ходоком, никто не знал. И уже давно не расспрашивал — всё равно из Зверобоя слова было не вытащить.

— Не оскверним, — заверил ходок. Уверенно подошёл к квадратному лобастому черепу, вспрыгнул на вываленный набок на землю ребристый железный язык, пошарил в котомке, выудил звенящие медяки и, отсчитав три, опустил в проем между ржавыми рёбрами, приговаривая:

— Братец водилец, прими за проезд, разреши переночевать.

Обернулся и дал знак жавшимся позади него — заходи.

Василёк медлил, теребя редкие усы, Тимьян шептал молитвы дереву. Но минуты текли за минутами, Зверобой уже развел внутри костёр, а дух мёртвого зверя не спешил сокрушать наглых путников, и лесничие, наконец, решились войти внутрь.

— Завтра утром войдём в Улицы, — неожиданно подал голос Зверобой, когда путники ополовинили котелок. Лесничие вздрогнули — за предыдущие пять ночёвок они привыкли, что ходок неизменно молчит вечерами у костра, а если и говорит что, то лишь в ответ на обращённый к нему вопрос, да и то отделяется од-

ним-двумя словами. — Улицы тянутся на много вёрст, в них плутать можно до зимы. Потому вам пора рассказать, что произошло на самом деле.

— Зачем тебе?

— Чтобы знать, где вернее искать.

— Сказано же — ушла по грибы и заплутала, — недовольно буркнул Тимьян. — Небось русалки речные заговорили да и довели до Улиц, а там её уж...

Зверобой безразлично пожал сутулыми плечами, глядя в сторону, и равнодушно оборонил:

— Это вы её отыскать хотите, не я.

«Мне-то что, я и неделю по Улицам прохожу, и месяц, её разыскивая. И не сгину. А вам коли охота шеи нечисти подставлять — так то ваше дело», — ясно читалось в молчании ходока.

Тимьян крикнул и покосился на Василька. Парень тяжело задышал и пошёл багровыми пятнами.

— Сбежала она, — нехотя отозвался Тимьян. — От жениха сбежала.

— Почему?

— Другого полюбила.

Василёк сосредоточенно разбивал алые головни костра длинным прутот и не поднимал глаз, словно разговор и вовсе его не касался.

— Одна сбежала или...

— Или.

— Пришлый?

— Свой.

— А мне говорили — только одного вернуть, — медленно произнёс Зверобой.

Тимьян с досадой дёрнул себя за бороду и вздохнул:

— Мы боялись, ты за двоих сразу не возьмёшься... Ну, так как, ходо, теперь и вправду лучше знаешь, откуда начинать поиски?

— Знаю, — нехотя буркнул Зверобой. — С Храма-на-холме.

Василёк немедленно обернулся к запретным землям. Он никогда не бывал в Улицах, но не признать Храм-на-холме было невозможно. Холм располагался в самом центре, в самой сердцевине злых земель. Он высился над крышами угрюмых домов, и видно его было отовсюду. Видно было и статую Зоркого бога, венчавшую его. Невысокий лысый бог стоял на солидном каменном постаменте и протягивал вперёд правую руку, указывая на что-то.

Тимьян ответу ходака не удивился. Печально качнул головой, словно получив подтверждение собственным подозрениям, и с затаённой досадой спросил:

— Почему они все непременно бегут к нему? Зверобой, а Зверобой, ты знаешь?

— Знаю. — Ходок прикрыл глаза и замолчал так надолго, что, казалось, продолжения уже не будет. Но потом всё-таки заговорил — медленно и чуть напевно, словно рассказывая легенду: — В древние времена, когда наши предки ещё жили в Улицах, было заведено, чтобы каждая влюблённая пара перед тем, как сочетаться браком, испрашивала благословения Зоркого бога. Они одевались в самые праздничные одежды и брали с собой друзей и родных в свидетели. Клали на пятиконечный алтарь у ног бога живые цветы и ждали знака. Если Зоркий бог благословлял пару, то он являл им язык пламени, вырывавшийся прямо из середины алтаря... Говорят, раньше бог был милостив и являл огонь каждому, кто просил его благословения. А теперь можно ждать днями и неделями, но так и не дождаться его знака...

— А ты откуда знаешь, что сейчас он не благословляет? Что, бывал уже прежде в Храме? — бесцеремонно нарушил медленный рассказ Василёк.

— Бывал, — не открывая глаз, отозвался Зверобой. И замолчал.

И было ясно — больше не заговорит.

Бог оказался обманчивым — чудилось, будто он уже совсем рядом, однако путники продолжали красться вверх по холму, по мёртвым улицам, а Храм, такой близкий, руку протяни и дотронешься, по-прежнему оставался недосягаемым.

Солнце, вовсю жарившее в небе, пробивалось в Улицы нехотя, застревало высоко в крышах, шарахалось от плотно сжатых стенами дорог, потому в злых землях стоял прозрачный синеватый полумрак. От него веяло холодком, он словно оживлял валяющиеся на обочинах скелеты водильцов самых разных размеров, клубясь среди ржавых рёбер, углублял плотные тени давно заброшенных зданий и превращал выбитые глазницы окон в бездонные тёмные провалы.

Лесничим, уставшим шарахаться от каждой тени и вздрагивать, покрываясь холодным липким потом, от каждого постороннего звука, казалось, что они давно безнадёжно заплутали среди угрюмых строений. Все огромные стылые дома, все разъединенные ржой скелеты, все неподвижные зыбочники, парадным строем вытянувшиеся по обочинам, казались похожими. Наверное, когда-то всё было по-другому: ветшающие стены некоторых домов ещё несли на себе слабые следы краски, над входами в некоторые здания угадывались разномастные вывески, кое-где среди домов были маленькие каменные поляны, но время запустением и разрухой сгладило с Улиц отличительные приметы — так старость стирает морщинами черты лица.

Путники шли успешно — тихо, не задевая спящих зыбочников, обходя круглые проходы в царство водя-

ного — Кализацию, договариваясь со светофорницами, не тревожа звуком своих шагов прячущихся по разрушенным дворам и глухим подворотням кикимор и упырей. И лишь когда до Храма-на-холме осталось рукой подать, а у Зоркого бога стала различима маленькая бородка и прищур, с которым тот смотрел в ему одному видимую даль, Василёк случайно обронил яблочный огрызок.

Идущий впереди Зверобой немедленно метнулся к огрызку, сгрёб в ладонь и, ничего не объясняя, потащил своих спутников в ближайший дом. Втолкнул внутрь и распластал на полу; сам прижался к стене сбоку от провала окна и осторожно выглянул наружу. Колченогая нечисть, похожая на заросшего грязного мужика, вылезла на дорогу всего несколько мгновений спустя и долго бродила вокруг, кровожадно оглядываясь по сторонам и размахивая своим страшным оружием — метлой.

— Говорят, дворник своей метлой загоняет путника в огромную железную вазу, а там сжигает заживо, — побелевшими губами прошептал Тимьян, когда нечисть, издавая время от времени громкие утробные звуки, начала нехотя удаляться.

— Как это люди раньше здесь жили? — тряским голосом отозвался Василёк. — Упаси Дерево, уронишь чего на землю — дворник сожжёт. Пробежишь под лапой — светофорница насмерть заплутает. Во двор какой заглянешь — кикимора или жекехашник замучают. Зыбочника ненароком заденешь — он тебя молнией убьёт. А то просто этому лешему Улиц, как его?...

— Мерру, — подсказал Тимьян, напряжённо следя за вскоченным дворником.

— Вот-вот, а не то просто мерру не понравишься, и он тебя живьём сожрёт... Как же здесь раньше люди жили?

— Как мы в лесах, — неожиданно отозвался Зверобой, не отрывая взгляда от нехотя, с ворчанием удаляющегося дворника. — В лесах тоже нечисти полно.

— Да, но они ж не насмерть обычно. Ну, побалуются, поплутают, поозоруют — так ведь и выпустят потом. И травник, и болотный хмырь, и даже лесавки.

— Потому что мы с ними договариваться научились. Умели бы с уличными — тоже бы живыми оставались... Смотри ещё чего не урони, — предупредил Зверобой и первым вышел наружу.

Именно потому, что все Улицы казались лесничим безликими, а день, погруженный в сиреневые сумерки — бесконечным, выход к Храму, открывшемуся за очередным поворотом, застал их врасплох.

Огромная площадь, выложенная каменными плитами, между щелями которых упрямо пробивалась густая зелёная трава, простиралась по всей вершине холма, с которого открывался вид на темные Улицы, пустынные и безжизненные, покинутые настолько давно, что исчез даже дух заброшенности. Открытое пространство, залитое яркими лучами закатного солнца, отчего-то пугало больше сдавленных высокими стенами улиц, и лесничие, торопясь за стремительно пересекавшим площадь Зверобоем, затравленно озирались по сторонам, ежесекундно ожидая нападения.

Бог на каменном постаменте возвышался над площадью; с двух сторон от него располагались уродливые развалины, несущие на истёртых временах и погодой стенах еле различимые надписи. К останкам храма со всех четырёх сторон вели высокие ступени. Прямо в ногах Зоркого бога лежал пятиконечный алтарь. Огня в нём не было. Зверобой присел около алтаря на корточ-

ки, подобрал несколько завядших стеблей. Пружинисто поднялся на ноги и принялся осматривать площадь.

— Ну, что, что такое? — не выдержал Василёк.

— Они дошли сюда оба, — отозвался Зверобой. — И должны быть где-то неподалёку — если ещё не попались в лапы нечисти.

— Откуда знаешь, что до сих пор здесь должны быть? — вполголоса осведомился Тимьян, неослабно сжимая древко посоха.

— Цветы совсем недавно обуглены. Они знак получили, ну, может, час назад, не могли далеко уйти.

— И что теперь делать будем?

— Искать, — пожал плечами ходок.

— А солнце зайдёт? — покосившись на уже трущщийся брюхом о горизонт ядовито красный диск, озвучил своё беспокойство седой ведун.

— Тогда на ночлег устроимся.

— В Улицах? — воскликнул Василёк. Кровь схлынула у него с лица, отчего редкие усики показались словно приклеенными понарошку, и он зачастил: — Нет, я в Улицах ночевать не стану, я же не самоубийца.

Зверобой обжёг его мрачным взглядом.

— Ты зачем со мной сюда напросился, парень? — спросил он вдруг молодого лесничего.

— Ну... Помочь...

— Помощи от тебя, конечно, — неожиданно хмыкнул ходок, а потом посуровел: — Хочешь выглядеть героем — я, мол, сам лично невесту из Улиц вызволил, так не мешай мне делать моё дело.

Под пристальным взглядом Зверобоя Василёк немедленно потупился. Не от стыда — он скрывал глаза, в которых отражалось облегчение: нелюдимый ходок разглядел только одну из причин, по которым он напросился в поход. Значит, вторую парень сумел от него скрыть. И слава Дереву; чего ему стоило уговорить Ти-

мьяна, а ведь Василёк тоже не рассказал ему про вторую причину. А признался бы, что надумал расквитаться с обидчиком, уведшим у него невесту, Тимьян бы его ни за что не взял, ещё, чего гляди, изгнал бы из рощи — ведь именно такое наказание полагается убийцам.

Пронзительный женский крик, донёсшийся с дальнего края площади, бросил Василька в холодный пот.

— Резеда, — выдохнул парень и, не раздумывая, рванулся на крик.

Не преодолев и десятка шагов, он был сбит с ног метком запущенным посохом Зверобоя.

— Куда рванул? — проворчал ходок, проносясь мимо. Не замедляя шага, поднял посох с земли и бросил через плечо: — Держитесь позади.

Девушку увидели сразу, едва завернули за угол почти не разрушенного белого дома в форме огромного куба. Невысокая, русоволосая, она в страхе смотрела куда-то в сторону и даже не замечала, что прислонилась спиной к неподвижному зыбочнику. Впрочем, тот крепко спал, и нити, тянущиеся от его рогов к соседям, даже не шевелились.

Шагах в десяти от неё стоял жилистый молодой парень, держал наперевес рябиновый посох и неотрывно смотрел туда же, куда и девушка.

Зверобой остановился так внезапно, словно упёрся в невидимую стену. Василёк с размаху налетел на спину ходока и был бесцеремонно отпихнут локтём в сторону.

— Дягиль, — прошипел он, увидев парня с рябиновым шестом.

— Ни с места, — приказал Зверобой. — И не смотрите ей в глаза.

Василёк немедленно повернул голову, ища ту, в чьи глаза ему запретили смотреть. И вскоре увидел.

Прямо через дорогу, на краю круглого спуска в царство водяного — Кализацию сидела моделья и задумчиво чесала густые длинные кудри. Василёк прищурился, разглядывая нечисть, и слотнул, наполовину с отвращением, наполовину с восхищением. Парень знал, что модели заманивают своими прелестями мужчин, а потом страшно их убивают, но сейчас, когда нечисть сидела перед ними в чём мать родила — высокая шея, упругая грудь, длинные ноги, — мысли возникали никак не о смерти. Если бы не бледная до синевы кожа да не белоснежные острые зубы, глаз бы не отвести. Не зря иные страхолюдины морют себя голодом до смерти, надеясь, что встанут из могилы красавицами-модельями.

Парень с девушкой ещё не заметили подмоги. Зато моделья тут же углядела неожиданных защитников её добычи. Отбросила гребешок, оскалила белоснежные острые зубы и, откинув голову, закричала — пронзительно и страшно.

Зверобой подскочил к девушке. Резеда вскрикнула от страха, парень с рябиновым посохом в руке тут же обернулся, но прежде чем успел сделать хоть шаг, ходок предупреждающе вскинул левую руку и приказал:

— Бежим. За мной. И быстрее.

Василёк, сверливший Дягиля отнюдь не дружеским взглядом, вскинулся:

— Зачем бежать? Нас трое... четверо, — нехотя поправился он. — Неужто не справимся с одной?

— Она подмогу зовёт, — процедил сквозь зубы Зверобой и, не дожидаясь, все ли за ним следуют, рванул к площади.

Василёк не сразу присоединился к остальным. Поудобнее перехватил посох, присогнул ноги в коленях, чуть наклонился, готовясь встретить нечисть лицом к лицу...

Геройского запала хватило ненадолго. Когда из круглого прохода в Кализацию показалась пара бледных рук и длинноволосая женская головка, а за ней и всё тело второй модели, лесничий, не медля ни секунды, припустил вслед за Зверобоем.

Он бежал со всех ног, намеренно не оглядываясь. И уже завернул за угол, увидел перед собой ярко-оранжевую в закатных лучах солнца площадь и спины бегущих к Зоркому богу людей, когда откуда-то издалека послышался тяжёлый металлический грохот. Василёк оглянулся — и страх пронзил всё тело. На противоположной стороне площади из дороги с грохотом вылетела круглая металлическая плита, закрывавшая один из многочисленных входов в Кализацию. Ещё одна модель ловко выбралась наружу и быстро, безмолвно устремилась вслед за бегущими к Зоркому богу. Теперь за беглецами охотилось трое.

Страх, парализовавший всё тело, уже через мгновение подтолкнул Василька — тот понёсся вслед за Зверобоем как на крыльях. Он не думал о том, знает ли ходок, куда их ведёт, нагоняют ли его, отставшего, бегущие позади модели и спасёт ли их Зоркий бог от нечисти. Догнать Зверобоя — это казалось ему сейчас самым главным.

Когда Василёк взбежал по высокой лестнице, у ног Зоркого бога, спокойно смотрящего мимо стягивающейся внизу нечисти в ему одному видимую даль, парня поджидал только тяжело дышавший Тимьян. Остальные уже спускались по ступеням с другой стороны и бежали прямо к острому каменному краю, которым холм резко обрывался. Дальше не было ничего, кроме крутого откоса, поросшего ершистой травой, и только далеко внизу снова начинались Улицы.

— Он куда нас завёл? — с яростью завопил Василёк, не увидев ни укрытия, ни пути спасения.

— Идём, идём, — торопил его ведун, с трудом переводя дух.

У самого края холма прямо на каменном полу обнаружилась ржавая металлическая плита, которую, когда Василёк, наконец, нагнал остальных, тщетно силились открыть Зверобой и Дягиль. Тимьян немедленно присоединился к ним; Василёк, нервно оглянувшись, спросил только:

— Зачем?

Зверобой полоснул по нему яростным взглядом.

— Там убежище, — процедил он. — Хочешь выжить — помогай.

Тяжёлые металлически ставни, хоть и изрядно проржавевшие, поддаваться не собирались. От страшного усилия на шее вздувались вены, к голове прилиwała кровь, но лесничие тянули и тянули, и даже Василёк забыл прожигать злым взглядом осунувшегося Дягиля.

В ногах Зоркого бога появились первые модели, углядели беглецов, и, тонко заверещав высокими головами, принялись спускаться к ним по ступеням.

— И как же их... раньше... открывали? — через слово переводя дух, выдохнул Тимьян. — Тут... захочешь спрятаться... и не сможешь...

— Там засов изнутри, — с натугой отозвался Зверобой. — Если деревянный, то должен был прогнить...

— А если нет? — заорал Василёк. Сердце бухало в груди кузнечным молотом, в голове колотилась только одна мысль: «Не хочу умирать».

Глухой деревянный треск, донесшийся из-под железных створок, казалось, удесятерил силы. Лесничие принялись тянуть ещё рьянее, и тяжёлая металлическая ставня начала со скрипом поддаваться. В образовавшуюся щель первой проскользнула Резеда, миг спустя она уже подавала наружу обломок прогнившего засова. Зве-

робой подпёр им приоткрытую ставню и жестом приказал Тимьяну лезть следом за девушкой.

Ведун не успел скрыться. Первые модели, уже почти спустившиеся с лестницы, увидели, что добыча вот-вот ускользнёт, жутко зарычали и понеслись к лесничим. Самая проворная прыгнула вперёд, целясь в Зверобоя растопыренными тонкими пальцами с острыми когтями. Ходок отскочил и закружился; моделья, получившая от него ощутимый удар посохом, взвыла — осину нечисть переносила плохо. И тут же напала снова, немедленно, с полуоборота, в этот раз метя когтями в Дягиля. Парень не успел увернуться и только закрылся от нечисти выставленным вперёд себя посохом. Соприкосновение с рябиной модели не понравилось почти так же, как с осиной. Она зашипела и подалась назад.

Тут подоспели ещё четыре модели; сверху по лестнице спешило с полдюжины. Они насакивали с пронзительным воем, щёлкали острыми зубами, силились достать когтями, визжали от боли, причиняемой священной древесиной, отскакивали назад и вновь бросались на лесничих. У Дягиля уже было расплосовано плечо, у Тимьяна набухла красным рубаха с правого бока; у Василька тонкой струйкой стекала с виска кровь. Зверобой пока казался цел и невредим.

— Внутрь, — скомандовал он, отбрасывая на каменные плиты очередную зеленокожую тварь. — Быстрее.

Тимьян первым скрылся в тёмном проходе. Василёк полез вслед. Он уже почти полностью скрылся под тяжёлой ставней, когда заметил моделью, подбирающуюся со спины к отбивающимся сразу от четырёх бестий Зверобоем и Дягилем. Открыл было рот крикнуть, предупредить, увидел, что моделья целит когтями прямо в шею стоящему чуть позади ходака Дягилем, — и промолчал.

Они прыгнули одновременно — моделья с низким утробным рыком и Резеда — из-под приподнятой ржавой ставни укрытия, с отчаянным криком. И хоть нечисть была сильна и проворна, девушка успела первой. Когти модели рассекли ей шею, самую малость не дотянувшись до Дягиля.

Парень обернулся и на миг застыл, сиюсь вобрат в себя случившееся. Затем взвыл и бросился на довольно урчавшую моделью, которая, забыв о нападении, усе-лась на остывающие каменные плиты и принялась облизывать окровавленную руку...

Зверобой пришлось приложить изрядное усилие, чтобы зашвырнуть Дягиля внутрь убежища. Миг спустя он и сам нырнул в тёмный проём и выбил из-под приподнятой ставни обломок засова. Снаружи по ржавому металлу немедленно заскребли когти.

— Пусти, — бросился к железным дверям Дягиль. Упёрся руками в холодный металл, принялся изо всех сил давить. — Пусти!

Тимьян, пропустивший случившееся, был невидим в плотной темноте. Василёк, споткнувшись обо что-то хрусткое под ногами, с размаху шлёпнулся на пол.

— Резеда... — беззвучно шептал он. — Как же это... Резеда...

Зверобой деловито высек огонь и поджёл извлечённую из котомки лучину. Устроил её меж обломков камней и костей, которыми был покрыт пол убежища, затем, не пытаясь оттащить упирающегося спиной в ставни Дягиля, деловито вбил второй обломок засова в пазы на дверях. И только потом, когда выдохшийся парень обмяк, отвёл его в сторону и усадил на пол, среди серого крошева.

— Это убежище выстроили наши предки перед тем, как Улицы изгнали их прочь. Оно соединено с другими укрытиями подземными ходами. Я не знаю, куда ведёт

именно это, но куда бы оно ни вело, оно приведёт нас в другую часть Улиц, подальше от моделей.

Едва ли всё ещё ошеломлённые случившимся лесничество слышали его. Зверобой вздохнул, поднял лучину с земли и скомандовал:

— За мной.

Предки, жившие у Улицах, знали толк в подземных ходах. Казалось, под землёй они выстроили целый город — просторные коридоры с высокими потолками и каменными стенами тянулись во все стороны, насколько хватало скудного света мигающей лучины.

Зверобой мерно шагал впереди. Лесничество следовали за ним, мрачно глядя на его сутулые плечи и не говоря ни слова.

Уже глубокой ночью они выбрались на поверхность, где-то на самой окраине Улиц, и до рассвета безмолвно следовали за ходоком, всё больше углубляясь в знакомые леса и всё дальше оставляя позади злые земли.

Когда путники получили благословение последней светофорницы, Зверобой нарушил тягостное молчание.

— Всё, Улицы позади, — сказал он. — До рожи своей сами доберётесь или вас проводить?

— Доберёмся, — тяжело отозвался Тимьян. В слабых лучах рассвета было видно, как состарился за эту ночь ещё вчера крепкий седобородый ведун. — Бывай, ходок, — попрощался он, отвернулся и, всем весом опираясь на посох, зашагал по дороге. Василёк, повесив голову, молча последовал за ним.

Но стоило только Дягилю сделать шаг вслед лесничим, как ведун немедленно повернулся. Встретился взглядом с осунувшимся от усталости и горя парнем и сказал — как выплюнул:

— Тебе, сорняк, в нашей роще больше места нет, — тут лицо Тимьяна, изображавшее суровую маску, задрожало и сморщилось в жалобной гримасе: — Если бы не ты... Это из-за тебя... Если бы Резеда с тобой не пошла, она бы сейчас... живая...

Дягиль пошатнулся.

— Да если бы ты, ведун, её замуж за племянника своего насильно не сговорил...

— Хватит, — резко прервал его Тимьян. Лицо ведуна снова посуровело, и только левое веко нервно дергалось. — Сказано тебе, сгинь, сорняк поганый, — повторил он и круто развернулся.

— А вздумаешь в нашу рощу заглянуть, — высоким тряским голосом продолжил за ведуна Василёк, — клянусь Деревом, я тебя...

Тимьян резко дёрнул парня за рукав, и тот так и не закончил свою угрозу. Бросил на Дягиля на прощание злобный взгляд и зашагал вслед за тяжело опирающимся о посох ведуном.

Дягиль равнодушно опустил на землю, положил руки на колени, откинул голову назад и закрыл глаза.

Зверобой постоял над парнем, рассматривая измождённое лицо, на котором сегодня ночью появились первые морщины, а затем спросил:

— Что теперь делать станешь?

— Всё одно, — нехотя отозвался Дягиль.

Зверобой кивнул, будто решив что-то для себя, и сказал:

— Ну, раз всё равно, так, может, со мной пойдёшь?

Дягиль равнодушно пожал плечами:

— Может, и пойду.

— Тогда вставай.

Парень послушно поднялся. Рассвет занимался всё сильнее, и сквозь прорехи деревьев стали видны вздымающиеся вдалеке громады мёртвых Улиц. Дягиль на-

шел глазами Храм-на-холме с Зорким богом с протянутой рукой и слотнул.

Зверобой, незаметно наблюдавший за парнем, положил руку ему на плечо и тихо сказал:

— Зато он успел вас благословить...

Дягиль вздрогнул и, кажется, впервые встретился взглядом с тёмными, прищуренными глазами Зверобоя.

— Так ты тоже?...

Незаконченный вопрос умер у него на губах. Зачем спрашивать, если уже видишь ответ в глазах стоящего напротив?

— Зачем я тебе? — спросил он вместо оборванного вопроса. И обнаружил, что высокий сутулый Зверобой уже шагал по дороге в сторону Улиц. Торопливо проверил, на месте ли рябиновый посох, и бросился догонять.

И потому не расслышал тихого ответа:

— А откуда, как ты думаешь, берутся ходоки?

КРИСТИНА КАРИМОВА

НИЧЕГО ОСОБЕННОГО

День не задался с самого утра.

Для начала Яська, навалившись на хлипкий заборчик палисадника, прорвалась в огород. И с удовольствием принялась за поедание сладких корней. Пока Лис выбегал во двор, Яська успела потоптать полгрядки. Получив по загривку толстой суковатой палкой, обиженно зафыркала, затоптала лапами, попятилась. Однако в последний момент извернулась, вытянула хобот и сорвала с окна занавеску. Держа её на весу, будто поверженное знамя противника, ломанулась в поле, и топот её тумбообразных ног ещё долго отдавался в ушах.

Вернувшись в дом, Лис обнаружил, что хитрая Марыська забралась на стол и употребила по прямому назначению почти полную крынку сметаны. Естественно, преступница делала вид, что она тут ни при чём, и мирно сидела на скамье, чистя и вылизывая шёрстку. Однако художественно расположенные белые шестипалые следы выдавали её с головой.

Не успел Лис разобраться с наглой зверюгой, пришла делегация женщин жаловаться на комбайн. Комбайн — это серьёзно. Не успеешь вовремя собрать урожай колосистки, она осыплется, покроет поле жёсткой хитиновой коркой, а спустя несколько дней из-под корки вместо полезных колосьев выберутся усаые мясистые сорняки, заглушая всё вокруг. Потому ремонт Лис решил заняться в первую очередь. И этим привёл в подавленное состояние крупного, почти взрослого щенка овчарки, названного в память о прошлой собаке Шариком. Прежний Шарик исчез в лесу, то ли был задран вульфами, то ли добровольно присоединился к дикой стае. И упорные поиски Лиса результатов не дали — ни положительных, ни отрицательных. Молодой Шарик, обнаружив Лиса, вооружённого набором инструментов вместо охотничьего самострела, понял, что веселье откладывается на неопределённый срок, завздыхал и побрёл к своему лежбищу под крыльцом.

— Ничего, сходим вечером, — примирительно пообещал ему Лис.

Шарик приостановился, наострил уши: «Правда, хозяин?»

— Правда, правда, — проворчал Лис.

«Договорились!» — пёс обрадованно махнул кисточкой хвоста и устроился в тени раскидистого дуба, прикрыв два глаза, а третий вытянул на стебельке, чтобы наблюдать. Лис покачал головой и отправился встречать комбайн.

Дом Лиса стоял на пригорке, потому прямо от калитки можно было видеть весь Посёлок. Невысокие домики, похожие на приземистые грибы-подорожники, рассыпались по долине, окружённой частоколом. Кое-где вился дымок. Лис нашёл взглядом Алишину хатку. Чистенькая крыша красовалась свежим мхом, который они вместе собрали, потом тщательно высушили, переворачивая каждый час, чтобы не завелись ползуны. А потом Лис красиво выложил его, да не ровными привычными рядами, как у всех, а так, что сложился узор. Крыше девушка радовалась, а вот узору — не очень. Не любила она новшеств, впрочем, как и большинство в Посёлке. И потому Лиса за чудачества и странные выдумки, вроде Алишиной крыши, считали странным, но за добрый нрав и умелые руки прощали. Как когда-то прощали и его деда Данила Лукича, чьи повадки и нрав, видимо, и перенял Лис.

Дед Лиса вырастил и воспитал. Да и научил всему, что знал сам. Человеком он был крепким и, может, был бы жив и поныне, да пропал на лесной охоте. А родители Лиса умерли в тот год, когда шёл по миру Великий Мор и Посёлок опустел наполовину. Вот и остался Лис один. Впрочем, разве ж он один? Полон двор живности, да поселковые в расчёте на помощь в ремонте частенько наведываются. Да вот Алиша забегает по нескольку раз на дню. Когда по делу, а когда и просто так, пошумничать.

Хорошая девушка Алиша, и стряпает, и рукодельничает. Ну чем не жена? Давно пора попросить у неё фенечку из кос да сказать заветные слова. Но Лис все тянет и тянет, ждёт чего-то. А чего? Лучше девушки в Посёлке нет.

Размышления Лиса прервал далёкий гул неспешно подъезжающего комбайна. Дядька Михей, бессменный водитель Посёлка, подрулил вплотную к ограде, заглу-

шил двигатель. Быстро, будто паучок-тутовник, скатился по скобам на землю и остановился перед Лисом, суетливо потирая руки.

— Ну вот... Пригнал, — сообщил он.

Лис кивнул и пошёл вокруг, осматривая технику. Надо же какая махина! Каждый раз сложный механизм приводил парня в восхищение. Детали прилегали одна к другой так плотно и точно, что можно только было диву даваться, как люди смогли придумать и соединить всё это вместе. Комбайн казался Лису живым существом, приболевшим какими-то своими странными болячками. И задача его, Лиса, найти эти болячки и излечить. И Лис оглаживал, успокаивал машину, будто живое существо, шептал ей ласковые слова, искал больное место. Парень осмотрел стояк, проверил работу желваков, накрутки, вертела, а Михей всё ещё почему-то топтался рядом.

— Что? — в конце концов, не выдержал Лис. Лечение капризного механизма требовало сосредоточенности, а дядька Михей своими вздохами отвлекал и мешал поймать поломку.

Михей переступил с ноги на ногу, подёргал себя за оборки жилетки и начал издалека:

— Слушай, ты это... В общем... Дело тут такое... Одним словом, надо нам с тобой в Город съездить.

Лис удивился. В Городе он ещё ни разу не был. Без специального разрешения туда не попадёшь, а если по делу — продукты увезти, технику забрать, то на это были Михей и его племянник Николька.

— А племяш где? — переспросил Лис.

— Да вот, понимаешь, заболел он. И, выходит, больше, как тебе, и некому.

— Один поезжай. У меня вон комбайн... Завтра бабы придут, опять ругаться будут. И плетень поломан, делать надо.

— Один не могу, — с сожалением сообщил Михей. — Знаешь же, два водителя нужно. А грузовик никто, кроме тебя и меня, не водит.

Это было правдой. На Посёлок двух водителей вполне хватало. А сам Лис научился водить где-то с год назад. Михей тогда еще ворчал на лишнюю трату топлива, а вот, гляди-ка, пригодилось.

— Ладно, — кивнул Лис. — Съезжу.

И вдруг понял, что поедет не потому, что больше некому. То есть, конечно, и поэтому тоже. Но он и сам очень хочет посмотреть Город. И как это никогда раньше ему в голову не приходила мысль попроситься вместе с Михеем?

— Ну вот и славненько! — обрадовался Михей, всплёскивая сухонькими ручками. — Договорились, значить. Так ты тогда к вечеру будь готовый. Как темнеть начнёт, так и поедем.

— Буду, — кивнул Лис и двинулся обратно во двор. До вечера предстояло починить комбайн и поднять плетень, а то набегут вечером ночные твари, и прощай огород. А вот Шарик с охотой сегодня, похоже, всё же не повезло...

— Ты, Лисик, главное, всё там, в Городе, запомни и, как приедешь, мне расскажи, — золотистый голосок Алиши, как всегда, ввёл Лиса в благодушное состояние. Веснушки на круглом личике девушки светились яркими звёздочками, жёлтые точки в глазах таинственно мерцали, кончики закрученных вокруг головы косичек задорно подрагивали.

— Да ладно, — поддразнил Лис Алишу, любуясь ею. — Что там такого может быть... Ничего особенного.

— Лисик! Как же ничего особенного?! Это же Город! Ты смотри ничего не забудь!

— Постараюсь...

Алиша забежала на минутку — занести Лису «на дорожку» свежие, только что испечённые пирожки с красной ягодой. Проходить в дом не стала, вызвала Лису к калитке. Корзинка с выпечкой стояла у ног, заботливо прикрытая полотенцем, которое ничуть не препятствовало распространению вокруг вкуснящего запаха. Вон и Катька уже чего-то почуяла. Подойти не решилась, помня утреннее преступление, но старательно принюхивалась издали и завистливо фыркала. Лис подумал-подумал и присел на скамеечку около оградки, которую он всё-таки успел отремонтировать. Сорвал травинку, прикусил. Времени до приезда Михея было ещё много. Алиша стрельнула глазками, взмахнула ресницами, как проворная птичка крылышками, и пристроились рядом. Лис ощущал тепло её тела, втягивал ноздрями лёгкий лесной запах. Девушка сидела близко-близко, почти касаясь, но только почти. «Лучше жены не найти», — в очередной раз привычно подумал Лис и в очередной раз промолчал.

— Вообще, ты такой герой, что решил туда ехать! — вновь защебетала Алиша, которой не требовался собеседник, её вполне устраивал молчаливый слушатель. — Вот я бы сама — ни за что!

— Да ладно, больше же некому... — поскромничал польщённый Лис.

Вдалеке, полыхая разноцветьем, догорал закат, в кустах, подслушивая, возилась вредная Катька, где-то прокричал одинокий оборотень. Переливаясь и серебрясь, в воздухе вспыхивали ночные светлячки. Хороший вечер, подумалось Лису. А сегодня ночью он будет уже в Городе... Как, интересно, всё там устроено?

— А правда, что у тебя бабушка из Города была? — спросила вдруг девушка.

— Правда.

Лис бабушку не помнил, да и дед о ней почти ничего не рассказывал. А жаль.

— И как это твой дед решился привести в дом чужую женщину? — изумилась Алиша.

— Не знаю...

А сам задумался: а действительно, как? Все девчонки в Посёлке знакомы. Знаешь, из какой семьи, которая готовит хорошо, которая мастерица... Вот он про Алишу всё-всё знает. А про девушку из Города кто что скажет? Как на такой жениться? Рисковым всё-таки человеком был его дед.

— А ты, наверное, в бабушку пошёл? — Алиша деликатно покосилась на Лиса.

— Наверное...

— Ничего, ты мне и таким очень нравишься...

Лис только пожал плечами. Он действительно отличался от всех. Высокий, со светлыми, а не рыжими, волосами, чёрными, а не жёлтыми глазами.

— Ах, Лисик! — преувеличенно оживлённо застрекотала Алиша, видимо, испугавшись, что сказала не то. — Ты такой молодец, что решился всех выручить! Михей бы один не поехал, а как бы мы стали без вещей из Города? Так что ты нас спас!

Девушка соскочила со скамеечки, лукаво стрельнула глазками — будто птичка-молнёвка пролетела — и добавила:

— А ещё, знаешь... я буду скучать.

И быстро направилась к дому. Сарафан водоворотом закручивался вокруг ног, подчёркивая кругленькие соблазнительные формы, хвостики обвитых вокруг головы косичек задорно подпрыгивали на каждом шагу. Лис только покачал головой. Замечательная девушка Алиша. Хозяйственная, старательная. Ну, ничего, вот вернётся он из Города и попросит так-таки фенечку из кос. Хватит уже тянуть.

Выезжать принято было в ночь — чтобы с утра оказаться в Городе, потому дорога большей частью не запомнилась — Лис дремал. Однако на подъезде он всё-таки проснулся, покрутил головой, осматриваясь. Старенький грузовичок неторопливо, будто ощупывая пространство, летел вдоль старой дороги, почти полностью скрытой под зарослями ползучей травы. Вокруг тёмной стеной стоял лес, глубоко погруженный в марево белёсого тумана. Впереди бледным заревом светился Купол — граница между Городом и окружающим миром.

— Ништо, парень, — протянул Михей, покосившись на проснувшегося Лиса. — Скоро прибудем, малёхонько совсем осталось...

Когда они подошли к Ограде и нырнули в чёрный зев Заставы, похожий на раззявленную пасть громадного зверя, то клочья тумана ещё некоторое время пытались следовать за ними. Тащились за машиной, ластились к ней, но постепенно всё-таки отстали. Михей ещё какое-то время продолжал двигаться вперёд, потом остановился, выключил фары, пробормотал:

— Ждать, однако, надо. Сперва нас наверх утянут... Потом проверка... Коли пройдем — то всё, считай в Городе...

— А что за проверка? — спросил Лис.

— Боятся, кабы мы каку гадость им не занесли. Ты, главное, не дёргайся там. Уж терпи как можешь...

Лис, не очень представляя, что его ждёт, неопределенно пожал плечами. Мрак, сгустившийся в тоннеле после выключения фар, постепенно начал приобретать сероватый оттенок. По бокам выступили стены, покрытые кустиками мха-столетника, загорелись точки светляков, неторопливо пролетела ночная бабочка-крысоедка.

— А говорили, что в Городе живности нет... — пробормотал Лис, рассеянно следя за неторопливым взмахом крыльев хищницы.

— А это и не Город ещё, это Коридор, — ответил Михей. — А в Городе — да, нет никого. Не любят там, вишь, живности-то. Они бы и нас не пускали, да ведь без продуктов не обойтись. А нам своя выгода — с ихними машинами-то как-никак легче...

— Дядька Михей, а как всё так вышло? Мы — отдельно, они — отдельно? — полюбопытствовал Лис.

— Дык никто уж и не знает толком... Издавно так повелось...

Михей то ли нервно, то ли зябко передёрнул плечами. Лис решил, что придётся довольствоваться этим неопределённым ответом — не любил дядька Михей странные рассуждения. Но тот, видимо, чтобы скрасить ожидание, не очень охотно, но заговорил снова:

— Сказывают, перед самым началом Катастрофы, энти, городские, спряталась под своим Куполом, за Оградой, то бишь. Там всё и пережили. Вот с тех пор и боятся наружу выходить. А мы здесь остались. И ничего, живём себе спокойненько. И раньше жили, и дальше будем жить...

Про Катастрофу Лис почти ничего не знал. Смутно помнилось, что о ней рассказывал дед. Вроде произошла она в незапамятные времена. Много живности и людей тогда погибло, а те, которые выжили, стали сильно другими... Но как, почему всё это произошло? Лис уже собрался спросить об этом дядьку Михея, но не успел — зашуршало, зашумело, и на прозрачный купол грузовичка обрушился ливень. «Дождь? Откуда в пещере дождь?!» — Лис встревоженно заозирался.

— Не бойсь, парень, — успокоил его дядька Михей. — Это они чистят нас так.

Струи лились резко, густо, сильно и полностью закрыли обзор. И вдруг прекратились так же неожиданно, как начались. Взглянув за окно, Лис разинул рот — светлячки уже не мерцали на стенах, мох-столетник, которому вроде бы всё нипочем, скрутился и пожух, а на полу лежала почерневшая, будто сожжённая огнём, крысоедка.

— Отрава какая-то... А, дядька Михей? — пробормотал поражённый Лис.

Ответить Михей не успел — грузовичок, влекомый неведомой силой, вдруг резко взмыл вверх. Не успел Лис и ахнуть, как они оказались в другом помещении — совсем малюсеньком — не больше Лисова сарайчика за домом.

— Ну всё... Сейчас последнее... — Михей глубоко вздохнул и нажал кнопку. Непробиваемые стёкла грузовичка, проткнуть которые не могла бы и огнёвка в период гона, медленно поползли вниз.

— Зачем?! — возмутился Лис.

— Ничё, ничё... Всё путём... Ты потерпи, щас самое сложное будет...

Дядька Михей нервничал. Почему? Переспросить Лис не успел. Ближайшая к нему стена вспучилась бутоном, бутон вытянулся, дёрнулся и лопнул. Лепестки разлетелись рваной розеткой, а из влажной глубины выглянул что-то чёрное, гибкое, длинное. «Змеёвка! — понял Лис. — Бежать!» Он рванулся к двери.

— Спокойно, парень! — схватил его за локоть Михей. — Не шевелись, они это не любят!

Лис вжался в сиденье. Нечто, так похожее на змеёвку — страшную зверюгу, способную вытянуть из человека все соки, — всё росло и росло из стены. Вот стебель дотянулся до окна, ощупал проём. Лис скосил глаза — утолщение на конце стебля заканчивалось мелкими шевелящимися ворсинками.

— Тихо, тихо, — бормотал рядом Михей. С его стороны тоже тянулось, росло, продвигалось страшное щупальце. — Им проверить надо... Ты только не дёргайся.

Лис и не дёргался, он просто замер, мёртвой хваткой вцепившись в сиденье. Ворсинки нежно коснулись подбородка, пощекотали, двинулись вверх по щеке. Лис закрыл глаза. Как ни странно, сейчас прикосновения казались даже приятными. Ворсинки были тёплыми, мягкими и чем-то похожими на Марыськин мех. Пуховки пробежали по лбу, взъерошили волосы, пощекотали шею и... исчезли. Лис приоткрыл глаз. Потом другой. А что, ничего страшного. Зря все так боятся этого контроля Города, ничего такого особого. Лис покосился на Михея: тот всё ещё сидел, вжавшись в сиденье и крепко зажмурив глаза.

— Михей, — позвал его Лис. — Всё уже? Или ещё чего будет?

Михей разжмурился, повертел головой.

— Ииииих! Убрались! — забормотал он, вытирая рукавом лоб, покрытый испариной. — Ну, сейчас всё, парень. Прошли, значить. Ух! Ну, щас всё. Щас, значить, нас пропустят.

И действительно, стена впереди налилась серебристым светом, будто вода в озере в безветренную погоду. А потом, к удивлению Лиса, взяла и поползла в сторону. Михей тронул ручку управления, грузовичок фыркнул, дрогнул и медленно вплыл в открывающийся лаз.

Ангар, громадный, как поселковое поле, был почти пуст. Где-то в необозримом далёке виднелись странные механизмы непонятного назначения. В передней стене на большом расстоянии друг от друга просвечивали

прозрачные проемы. Двери? Над головой возвышался купол, светящийся мягким рассеянным светом. «Будто небо», — подумал Лис, задирая голову вверх. И тут же пошатнулся, чуть не сбитый с ног снующим вокруг грузовика Михеем.

— Слухай сюда, парень, — Михей отодвинул Лиса в сторону и занырнул в кабину так, что снаружи остались торчать только тощий зад. Голос зазвучал глухо. — Я разгружаться буду, а ты, гляди, под ногами не мешайся, в сторонке стой.

И вынырнул с кучей сопроводительных магнитных пластин. Лис молча посочувствовал — шутка ли, правильно собрать продукты со всего Посёлка, а потом точно раздать полученные за них в Городе вещи. А вслух спросил:

— Долго разгружаться-то?

— Тебе-то что? Твоё дело маленькое, отдыхай пока. К вечеру, глядишь, будем готовы.

— А можно я прогуляюсь?

— Где? — Михей с подозрением наморщил лоб.

— Здесь где-нибудь... — Лис неопределённо обвёл рукой окружающее пространство. — Разомнусь...

— Ладно. Иди, покуда, ходи. — Согласие было выдано с большой неохотой. — Но лучше, вон, спать ложись. У меня и спальничек на это дело припасён...

— Да не, я пройдуся. Ноги отсидел... — соврал Лис. Уж очень ему хотелось посмотреть хоть что-нибудь, когда ещё потом такая оказия выйдет.

— Ладно, погуляй маленько. Но из ангара, смотри, ни-ни, а то мало ли чего! Город всё-таки, чай, не Посёлок.

— Да я рядом постою, — договаривал Лис уже на ходу, боясь, что Михей его остановит, оставит в помощь. А посмотреть, хоть одним глазком, хотелось. Надо будет хоть что-то рассказать Алише.

Бесконечная стена, вдоль которой двигался Лис, длилась и длилась. Дверей не было. Только какие-то круги, затянутые мутной полупрозрачной плёнкой. Может, это и есть выход? И из чего это, интересно, сделано? Желая пощупать странную материю, Лис протянул руку и тут же испуганно отпрянул — плёнка лопнула и плавно растеклась в стороны, будто расходящиеся лепестки цветка-хищника. Лис однажды наблюдал, как такой цветок умудрился заглотить громадного — с ладонь — жука-вертушку. Может, кто-то собирается проглотить его, Лиса? Любопытство, однако, пересилило, и юноша, колебавшись, осторожно заглянул в проём.

Снаружи был Город.

Ничего подобного ранее Лису видеть не приходилось. Причудливые изогнутые формы громадных строений нависали, стёкали вниз, взлетали вверх и внимательно смотрели стёклами блестящих окон на замершего от восторга парня. Казалось, они изучали его, всматривались, щуря подернутые зеркальным блеском глаза. Лис, озираясь, стоял столбом. Замечал одно чудо, восхищался и через секунду замечал следующее. Что это? Здания? Места для работы? Жилища? Неужели люди живут прямо здесь? Лис вспомнил уютные домики Посёлка, мягкие крыши, листья склонившихся тополей или кроны дубов, прикрывающих дворы от жаркого солнца... Здесь же солнца вообще не было, только рассеянный свет, падающий с купола. Великолепие, мощь Города одновременно подавляли и удивляли.

Стоя у входа в ангар, Лис всё ещё крутил головой, когда сверху ударил рёв, и нечто, страшное и большое, стремительно спикировало вниз. Сильная воздушная волна сбила парня с ног, крутанула по земле. Мелькнуло отливающее металлом брюхо, и машина, едва не раздавив человека, скрылась в ангаре. Всё происшествие

заяло считанные секунды. Лис, приходя в себя, всё ещё лежал на земле, когда услышал рядом возмущённый девичий голос:

— Бестолочь! Чего ты пялишься?! А если бы пришибло?! Ты же видишь, что идёт на посадку!

Уперев руки в бока, над ним стояла девушка. Не привычный сарафан, а ярко-красный комбинезон плотно облегал фигуру. Большие чёрные глаза. У них в Посёлке ни у кого не было чёрных глаз, только у самого Лиса. И тёмные блестящие волосы. Длинные! А вместо косичек — хвост, свисающий ниже середины спины. Как с таким хвостом работать в поле? Он же за все колючки будет цепляться.

— Вот те на! — поразились вдруг девушка. — А чего ты так вырядился, будто из Посёлка?

— А я и оттуда и есть, — проворчал Лис, поднимаясь.

— Да? — недоверчиво переспросила незнакомка, оглядывая его сверху вниз. — Что-то не больно ты похож на поселкового...

Лис неопределённо пожал плечами:

— Какой уж уродился...

— Ну хорошо. А как ты сюда попал?

— Я с Михеем. Он грузовик разгружает, а я жду.

— С Михеем?! Ну и имечко! А как из ангара вышел?

— Через дверь, — буркнул Лис.

— Да не может такого быть! Дверь для кого попало не открывается! Там идентификация на геномном уровне.

Лис развернулся и пошёл прочь. Непонятный разговор, а ещё пуще ехидное недоверие девушки ему не понравились.

— Эй, подожди... — сзади слышались торопливые шаги.

Лис подумал-подумал и остановился. Всё-таки первая встреча. К тому же, неохотно признал он, незнакомка произвела впечатление. Какая она! Совсем не такая, как

поселковые девчонки. Стоит прямо, глаза не прячет, говорит насмешливо...

— Не обижайся, а? — останавливаясь перед Лисом и заглядывая ему в глаза, просительно произнесла девушка. — Я просто никогда близко с людьми из Посёлка не общалась, вот и не могла поверить сразу. Меня Нимфа зовут. А тебя?

— Лис.

— Значит, Лис, ты сейчас совершенно свободен?

— Нет, а только до вечера.

— Ооооо! До вечера ещё море времени! И что собираешься делать?

— Я хотел Город посмотреть.

— Да, логично. — Девушка разглядывала его, будто какую-то диковинку. — Слушай, мне тоже очень любопытно кое-что посмотреть... Может быть, мы вместе?..

— Что вместе?

— Что-нибудь посмотрим?

Предложение было дельным. Смотреть чужие места с проводником намного безопаснее, чем одному. А как же Михей? Он велел далеко не отходить...

— К вечеру вернёмся?

— Обязательно!

— Согласен.

— Здорово! Пойдём-ка скорее, пока нас тут не застали.

Нимфа схватила Лиса за руку, и он дёрнулся, как от удара. Ещё никто никогда не обращался с ним так фамильярно. Даже Алиша, с которой он общался много чаще, чем с другими, ещё никогда не прикасалась к нему.

— Ну чего ты?! — удивилась девушка. — Пойдём.

Лис вышел из столбняка и сделал шаг. И тут же уткнулся в спину своей проводницы. Шарахнулся в сторону и испуганно пролепетал:

— Извини!

— Да ничего, это я остановилась не вовремя. Подумала, что лучше тебе подождать меня здесь. Полиция бдит, знаешь ли. Постой буквально одну минутку, я подгоню аэроцикл. — И Нимфа, выпустив его руку, скрылась за углом ближайшего здания.

Лис остался. Прошёл вдоль стены и обратно, постоял, покрутил головой — вершины зданий тянулись, заслоняли небо, нависала над улицей. Ну и красотища! Интересно, что это такое — аэроцикл? Какая-то машина? Любопытно посмотреть, на чём они тут передвигаются. Лис прошёлся ещё, удивляясь пружинящему слою под ногами. Вроде, не земля. А что? Он присел, поцарапал ногтем. Подстилка под ногами, несмотря на всю мягкость, не поддалась. Колупнул ещё раз. И ещё. И уже совсем было решился извлечь небольшой ножик да вырезать кусок, как услышал над собой строгий голос:

— Что ты здесь делаешь?

Лис, подпрыгнувший от неожиданности, оглянулся и обнаружил рядом мужчину в чёрной одежде с жёлтой повязкой на рукаве. Поодаль стоял ещё один.

— Ты из Посёлка? Почему не в ангаре?

Лис хотел объяснить, что он ждёт Нимфу, чтобы посмотреть Город, но его рот закрыла мягкая нежная ладошка. Лис поперхнулся.

— Господин офицер. — Нимфа мило улыбалась и старательно отпихивала Лиса в сторону. — Не обращайтесь на него внимания, это мой друг, с ним бывает. Наглотался какой-то гадости, переоделся невесть в кого... Я сейчас увезу его, и никаких проблем.

Человек в форме недовольно прищурился. Нимфа продолжала смотреть открыто и честно:

— Господин офицер, давайте будем считать, что я вам должна. Мы можем встретиться, когда вам будет удобно.

Офицер подумал ещё немного, окинул цепким взглядом фигурку Нимфы и неохотно кивнул.

— Благодарю! — пропела Нимфа и поволокла Лиса прочь.

Они подошли к странной двухколёсной машине с рогами, похожими на Катькины. Нимфа перекинула ногу, будто садясь на верховую ламу, и недовольно оглянулась на остановившегося Лиса.

— Чего ты? Давай... — И кивнула себе за спину.

Лис стушевался. Сиденье такое узкое и короткое, что если он сядет, то ему придётся просто прижаться к ней.

— Чего ты стоишь, бестолковый?! Быстрее! — зашипела Нимфа, косясь на людей в форме. — Они просто не уверены, что ты из Посёлка, уж слишком похож на наших! Садись, пока не расчихали!

И Лис — была не была! — осторожно пристроился позади девушки, постаравшись сесть как можно дальше. Аэроцикл, подчиняясь воле наездницы, приподнялся над землёй и начал набирать скорость. Резкий рывок машины бросил Лиса вперёд и, чтобы не упасть, ему просто пришлось схватиться за талию всадницы. Парень в ужасе зажмурился, ожидая взрыва возмущения. Но, оказывается, Нимфа ничего против не имела. Она одобрительно кивнула и, прибавляя скорость, крикнула:

— Держись крепче!

Замелькали, проносясь мимо, странные, тёмные и светлые, длинные узкие и широкие обтекаемые здания. Аэроцикл нёсся вперёд всё быстрее и быстрее. Лис чувствовал гибкое податливое тело Нимфы, и от этого незнакомого ранее ощущения кружилась голова и леденели ладони. Впрочем, возможно, они леденели от ветра, который весело мчался за ними, пел на разные голоса, забивал слезящиеся глаза.

— Держи-и-и-ись! — радостно кричала девушка. И ветер вторил ей: «Держи-и-и-ись!»

★ Смех Нимфы неся за ними, пытаясь догнать и отставал, теряясь в переулках.

— Держи-и-и-ись!!!

Полёт длился, длился, длился... Мелькали улицы, дома, и всё крепче и крепче Лис обнимал Нимфу. Волосы всадницы, мягкие, будто нежная шёлковая паутинка тутовника, трепал ветер, бесцеремонно ерошил пятернёй, бросал из стороны в сторону. Их лёгкий незнакомый аромат забивал дыхание Лиса и заставлял желать, чтобы этот полёт никогда не кончался. Однако девушка начала притормаживать, и через несколько мгновений они плавно остановились. Лис с большой неохотой выпустил тонкую талию и чуть сдвинулся на сиденье.

— Ну как? — обернулась раскрасневшаяся девушка.

— Да-а-а-а... — счастливо выдохнул Лис.

— Дальше будет ещё лучше! Мы пойдём не низом, а верхом. Глядишь, удастся избежать бравых полицейских.

Лис кивнул. Верхом, низом — сейчас он готов был отправиться куда угодно и абсолютно любой дорогой.

— Вот и славно! — одобрила Нимфа. — Только для начала тебя нужно переодеть.

★ ★ ★

— Слушай, — Нимфа с любопытством обошла его кругом. — А ты вполне даже очень ничего без своих тряпок.

Одежда грудкой валялась на полу, а сам Лис, облачённый в облегающий комбинезон, с сомнением вглядывался в чужого ладного парня, отражающегося в зеркальной поверхности стены. Ни у кого в Посёлке не было таких больших зеркал. Алиша, например, всегда таскала с собой маленькое зеркальце, уместящееся в

ладошке, и очень его ценила. А здесь — целая стена. Вот бы ей показать!

— Очень-очень хорошо! — вынесла вердикт Нимфа. — Сейчас можно отправляться куда угодно.

— Ммммм... — неуверенно протянул Лис. — Как-то оно это всё странно... Может, я лучше одену своё?

— Ну уж нет! Давай так. У вас ведь таких комбезов в Посёлке нет? Вещь полезная, и, если захочешь, возьмёшь потом с собой. Не волнуйся, ты быстро привыкнешь, он удобный, с кучей функций. А сейчас пойдём скорее, нам ещё далеко. Уж очень хочется посмотреть, как на тебя туннель среагирует.

Нимфа провела рукой перед чёрным квадратом на стене, и панель отъехала в сторону. Они шагнули в маленькую комнатку, скорее, даже штольню, так как потолка не наблюдалось.

— Сейчас будем подниматься. Твоя задача — держать равновесие.

Нимфа ещё раз провела рукой, и панель с лёгким шуршанием вернулась на место.

— Держи равновесие, понял? — ещё раз на всякий случай повторила она.

Лис, не очень осознавая, о чём идёт речь, кивнул. Нимфа удовлетворённо отвернулась. И тут неожиданная сила подхватила Лиса, дёрнула, потянула вверх. Он качнулся, но вспомнил слова Нимфы и попытался выпрямиться. Инстинктивно вытянул руки в стороны, и балансировать стало значительно легче. Неведомая сила тянула вверх, выше и выше. Нимфа поднималась параллельно, но держала руки вдоль тела. Лис попытался последовать её примеру. Что-то получилось. Мелькали стены, кружилась голова, а они всё поднимались и поднимались.

Нимфа глянула на Лиса, мимолетно улыбнулась:

— Гравитационное поле.

Юноша покосился вниз, и голова невольно закружилась — пол окончательно и бесповоротно исчез где-то далеко.

— Уже немного осталось, — подбодрила Нимфа.

И действительно, вверх, светясь рассеянным светом, появился небольшой прямоугольник выхода. Скорость подъёма замедлилась, и они, подобно жукам-плавунцам, выныривающим на поверхность воды, выскочили из полутёмной шахты на плоскую площадку крыши. Лис огляделся. Защитный купол, заменяющий Городу небо, переливался почти над самыми головами. А далеко внизу, везде, куда хватало взгляда, простирался Город. Купола зданий отливали синим, зелёным, фиолетовым, жёлтым. Светились, создавая невиданную перемигивающуюся картину. Нимфа шагнула к краю.

— Иди сюда, — позвала она.

Лис осторожно подошёл. Он никогда ещё не поднимался так высоко. Под ногами лежала бездна, наполненная очертаниями причудливых зданий, светящаяся переходами цветов, играющих на крышах, поблескивающая множеством окон.

— Посмотри, какая красота! — прошептала Нимфа, прижимаясь близко-близко.

Лис неловко замер. Он одновременно боялся потревожить доверие девушки и опасался свалиться вниз — бездна тянула, звала, манила.

— Тебе нравится?

— Да, очень, — прошептал он.

Губы девушки были так близко, что Лис, засмотревшись на них, чуть не пропустил следующую фразу.

— А сейчас будет ещё лучше. Мы с тобой полетим.

— Что сделаем?!

— Полетим, — терпеливо повторила Нимфа.

— Как?

— Вырастим крылья, конечно. Я же говорила, что верхом пойдём.

— Я не понимаю. Какие крылья?

— Комбинезон подчиняется твоим желаниям, потому с его помощью можно создать крылья. Да и вообще чего угодно. Достаточно подумать, и он сделает всё, что нужно.

— Всё?!

— Ну, не совсем всё, конечно. Но многое. Защита, мощность, инструменты... Много чего. Сейчас нам нужны крылья для полёта, потому ты должен их создать, пожелать, чтобы они были. Это же просто.

— Не знаю, — с сомнением протянул Лис.

— Попробуй. Можешь сказать вслух.

Нимфа смотрела выжидающе. Лис вздохнул. Чувствуя себя совершенно глупо, произнес:

— Я хочу, чтобы у меня были крылья...

Ничего.

— Мне нужны крылья, чтобы летать... — безнадёжно повторил он и развёл руками. — Не получается.

— Эй, не так! — засмеялась Нимфа. — Мало говорить, надо представлять, чего ты хочешь. Представь, что они появляются... увеличиваются... растут до нужного размера... Ну я тебе прямо как ребёнку объясняю! Давай, делай уже!

Лис закрыл глаза, вспомнил высоту, на которой он находился, почувствовал воздух вокруг, ощутил плотно прилегающий к телу костюм и представил, как где-то поверх лопаток проклёвываются и медленно и неторопливо начинают расти два широких надёжных крыла. Появляется маленький пучок перышек, вытягивается, становится всё больше и больше. Перья с лёгким шорохом расправляются, ложатся рядами, полётный край заостряется, как у стрижа... Он бы, наверное, представил бы ещё что-нибудь, но его прервал изумлённый возглас:

— Что это?!

Лис приоткрыл один глаз. Девушка, разинув рот, глазела на что-то у него за спиной. Лис открыл второй глаз и вывернул голову. За спиной действительно покачивались два стального цвета крыла. Мощные, крепкие, покрытые крупными, плотно прилегающими друг к другу перьями. Красиво.

— Что это на них? — потрясённо произнесла Нимфа. — Вот это, пушистое?

— Перья, — в свою очередь удивился Лис.

— А зачем?

— Чтобы летать. У всех птиц есть крылья, а у крыльев есть перья.

— Никогда такого не видела! — покрутила головой Нимфа. — Вот смотри, как надо.

Из-за спины девушки стремительно вылетели два копьеобразных отростка. Из них расцвели несколько отростков поменьше — будто ствол дерева с ветками, подумал Лис, только разложенный на плоскости. Между отростками возникла сначала почти не заметная, но становящаяся всё более плотной, полупрозрачная радужная паутинка, нити которой крепили, утолщаясь, сливаясь вместе, и наконец превратились в кожистое поблескивающее покрытие. Нимфа чуть повела плечами, и гладкие, отливающие серебром крылья послушно открылись и закрылись.

— Вот так надо, видишь?

— Вижу, — кивнул впечатлённый Лис. — Похоже на птерокрыла.

— Не знаю, на что похоже, но они для полёта точно пригодны. А твои — не знаю. Но если хочешь, то можешь, конечно, попробовать, — Нимфа с сомнением покосилась на создание Лиса.

— Знаешь, я, пожалуй, сделаю, как у тебя.

На этот раз Лис не стал закрывать глаза. Наверное, он уже почувствовал, как нужно думать, потому вторая трансформация удалась значительно легче. Перья, как глина под дождём, оплавилась, растеклись и сложились вновь, повторив форму крыльев Нимфы.

— Так?

— Вот сейчас — так! Молодец! Полетели?

Нимфа, стоящая на краю, качнулась и шагнула навстречу пропасти. Не ожидавший этого Лис, инстинктивно попытался схватить её, удержать, но рука соскользнула. Несколько секунд Лис балансировал на краю, а потом полетел вниз вслед за Нимфой. Всё произошло в считанные мгновения.

Ветер моментально залепил рот, нос, уши. Блоки здания хаотично замелькали то справа, то слева. Далёкая земля тянула, будто магнит.

— Откры-ы-ывай кры-ы-ылья! — раздался далёкий крик Нимфы.

Скорость падения всё увеличивалась, Лис уже не различал, где верх, а где низ, а где он сам. Нимфа, стремительной рыбкой вынырнула откуда-то сверху, нагнала, обхватила руками и ногами, попыталась замедлить падение. Но её легкие крылья не могли удержать двоих, и они, кувыркаясь, продолжали падать.

— Лети же! — отчаянно закричала Нимфа прямо ему в лицо.

Как?! Земля, небо, окрестные здания вихрем неслись вокруг.

— Скорее! — в голосе девушки было отчаяние. — Не успеем!

Земля стремительно приближалась.

— Лис! Давай! Пожалуйста! Раскрывай крылья! Лети!

Как лететь? Может, представить, что он птица? Он вспомнил Посёлок и полёт степных соколов. И тут же

почувствовал рывок — крылья раскрылись за спиной, закрыли полнеба. Нимфа отцепилась от него:

— Лети! Лети!

Лису не хватало опыта, умения, но он уже чувствовал силу за плечами, подчиняющуюся, готовую нести за собой. Ветер уже не свистел злобно, а вился вокруг, крылья ловили воздушную струю, опираясь на неё, и Лис летел.

— Молодец! — закричала Нимфа, тревожно кружащая рядом. — За мной!

И кругами начала подниматься всё выше и выше к куполу. И Лис, делая взмахи чуть чаще, чем нужно, полетел вслед... Внизу оставались купола зданий, мостовая, причудливые крыши. А впереди был свет и свобода.

— Ну как? — спросила Нимфа некоторое время спустя, когда они присели передохнуть на каменный парапет очередной крыши.

Лис только счастливо улыбнулся. Где-то внизу высились, пузырились, вздымались причудливыми волнами здания Города. Несмотря на то что плечи болели, как будто он махал не крыльями, а собственными руками, Лис был счастлив. Вновь и вновь переживая полёт, чувство свободы и лёгкости, он наслаждался отдыхом, ощущением тепла, исходящего от девушки, сидящей рядом.

— Я люблю летать, — продолжила Нимфа. — И вообще люблю скорость, а ещё всё необычное. Только у нас мало чего необычного, всё уже надоевшее, скучное. А вот у вас, в Посёлке, много чего всякого, да?

Лис подумал. Что интересного есть у них? Что может сравниться с Городом? Что может удивить Нимфу? Девушка ждала.

— Ну... У нас есть поля... Мы растим зерно... Строим дома... Ходим на охоту...

— А что это такое?

— Это когда выслеживаешь в лесу зверя...

— О-о-о-о! Я и забыла, у вас же там есть звери! А какого зверя ты выслеживаешь? Большого?

— Ну, один раз я выследил вульфа... — скромно похвастал Лис. — Он ростом примерно мне по пояс. — Лис показал рост зверюги, которая ему встретилась всего где-то с месяц назад. — Лохматый... Очень опасный зверь.

Лис подумал-подумал и всё-таки решил сказать правду:

— Честно говоря, это не я, это он меня выследил. Я осматривал лес, а он, видимо, долго крался, выбрал момент и напал. Если бы не Шарик, то зубами клац — и головы нет. А так я успел выстрелить... Один раз... А потом он перекусил самострел и пришлось добивать ножом. Повезло. Он, видимо, отбился от стаи, один был, а то бы там мне и конец пришёл.

— Да-а-а... — уважительно протянула Нимфа. — А Шарик — это кто?

— Это собака. Живёт у меня дома.

— У тебя дома живёт зверь?! Настоящий?! — извество произвело на Нимфу большее впечатление, чем рассказ об охотничьей битве.

— Ну да, — Лис не понял, что её так удивило.

— Ух, у меня прямо мурашки по коже! Предвкушаю, что с тобой можно увидеть в туннеле! — Нимфа вскочила на ноги. — Пойдём скорее! Наверху мы уже полетали, а сейчас пойдём в подземелье. Не боишься? — И она задорно подмигнула.

— Не боюсь, — улыбаясь, ответил Лис. На подначки ведь не обижаются.

— Куда мы идём? — негромко спросил Лис.

Они уже довольно давно брели по узкому каменному коридору, который почему-то не вызывал у Лиса доверия, заставлял держаться настороже, ступать осторожно, как на охоте на пещерных медведей.

— Неважно.

— А зачем мы тогда идём?

— Потому что это туннель и рано или поздно здесь что-нибудь произойдёт. И тогда будет интересно.

Даже тех впечатлений, которые он уже получил, хватило бы Лису надолго. А ведь наверняка в Городе было ещё много чудесного. Ему повезло, что Нимфа согласилась стать проводником. Без её помощи он наверняка не увидел бы и сотой доли здешних чудес. Он с благодарностью посмотрел на девушку. Как же она отличается от поселковых девчонок. Кто бы из них решился на крылатый полёт? Никто, включая и Алишу. А Нимфа смогла научить и его, Лиса. А езда на аэроцикле? У Лиса, как только он вспоминал, как близко они сидели, мурашки начинали бежать по коже. И сейчас, разглядывая чёткий профиль, слушая её уверенные шаги, Лис решил, что вполне может понять деда, который привёз себе наречённую из Города, а не женился на одной из знакомых с детства девчонок...

Додумать мысль до конца Лис не успел, так как впереди раздался какой-то странный шорох. Скрррым, скрррым, скрррым...

— Что это? — Лис замер.

— Не знаю, — останавливаясь рядом, пробормотала Нимфа.

— Люди? Звери?

— Честно говоря, — Нимфа неуверенно оглянулась вокруг. — Здесь может быть что угодно. И кто угодно.

В каменной трубе-подземелье было темно, влажно, пахло плесенью, и эхо шагов, как упругий мячик, гулко перелетало от стены к стене. Шорох повторился. Лис прислушался, пытаясь угадать источник. Скрррым, скрррым, скрррым... На что это похоже? На что-то очень знакомое? Знакомое и опасное... И вдруг Лис вспомнил. И обмер. Крысолаки! Тёмные ночные твари, с острыми как бритва когтями, быстрые и безжалостные. Откуда они здесь, в Городе?

Скрррым, скрррым, скрррым...

Лис осторожно сделал шаг назад. Нимфа, не понимая, но чувствуя его состояние, попятилась вместе с ним. Эхо шагов испуганно метнулось от стены к стене.

— Что там? — в голосе девушки не было страха, одно лишь любопытство

— Беги, — сквозь зубы выговорил Лис, прислушиваясь.

— Что? — Нимфа не понимала.

— Нам всё равно с ними не справиться! Я постараюсь их задержать. Беги!

Нимфа неуверенно сделала шаг назад. И тут из-за угла появился первый зверь. Поджарый, с длинными ногами, с изящной вытянутой мордочкой. Маленький чёрный носик шевелился, вынюхивая добычу. Впрочем, крысолак уже увидел отступающих людей и облизнулся.

— Беги же! — отчаянно крикнул Лис.

— Я с тобой!

Лис простонал сквозь зубы. Если бы Нимфа побежала, то Лис попытался последовать её примеру. Шансы оторваться, конечно, были бы малы, но драка с крысолаком вообще не давала никаких шансов. Однако Нимфа, теряя последнюю возможность к отступлению, продолжала упорно топтаться рядом.

Зверь приближался, ступая мягко, красиво, почти бесшумно, если бы не скрежет коготков: скрррым, скрррым, скрррым... Вот хищник остановился, подогнув переднюю лапу, и прислушался, далеко ли осталась стая. Покопался на законную добычу — не уйдёт? Решил, что не уйдёт и, поджидая родичей, присел, вальяжно вытянув хвост. Серая гладкая ухоженная шерстка лоснилась — волосок к волоску.

Лис начал медленно отступать, прикрывая собой Нимфу и вынуждая её отступать тоже. Зверь заволновался. Привстал, закрутил хвостом из стороны в сторону — добыча собиралась сбежать. Лис пятился, не спуская глаз со светящихся зрачков, пытаясь поймать момент прыжка. Зрачки расширились, и почти в ту же секунду крысолак взметнулся в воздух, в мгновение преодолев в прыжке разделяющие их метры. Лис, толкнув Нимфу в одну сторону так, что она кубарем отлетела в угол, сам метнулся в другую. Крысолак, понимая, кто главный, метил именно в парня. И промахнулся совсем чуть-чуть. Острые когти рванули ткань, но до руки не достали. Крысолак, разозлённый неудачей, развернулся прямо в полёте, сгруппировался и прыгнул снова. Лис рванул в другую сторону, но на этот раз зверь успел зацепить его, и они покатались единым клубком.

Лис мысленно простился с жизнью и вдруг вспомнил: «Костюм может дать все: защиту...» Крысолак рванул передними и задними ногами одновременно. От таких действий острых когтей зверюги человек, обычно, оказывался порезанным на тонкие ломтики. Но, подчиняясь отчаянному приказу Лиса, ткань выдержала, крысолак даже не надорвал её. Зверь был страшно разочарован. Что за странная добыча ему досталась? Он издал рассерженное урчание и повторил попытку с удвоенной силой. Не вышло! Поняв, что когти не помогают, крысо-

лак тут же сменил тактику и щёлкнул зубами рядом с горлом человека. Пытаясь отпихнуть клыкастую морду, Лис вцепился в мускулистую шею зверя. Тварь изворачивалась, усы стояли дыбом, нос злобно морщился. Зверь злился — добыча не давалась!

Лис согнул ноги в коленях и изо всех сил ударил крысолака в живот. Тот взвизгнул, но добычу не выпустил. Лис ударил ещё раз. И крысолак с обиженным писком отлетел в сторону. Лис вскочил. Зверь клубком прокатился по полу, развернулся и, хлеща себя хвостом по бокам, снова двинулся к человеку, обходя его полукругом. Лис так же медленно поворачивался вокруг своей оси.

Внимательно наблюдая за зверем, Лис краем глаза все же заметил, что Нимфа уже не сидит у стены, как это было в начале. Она оглаживает пол под ногами, и в нём, медленно расширяясь, возникает лаз. Вот он величиной с ладонь, вот с человеческую голову, вот подрост ещё немного...

— Лис! Это выход, он ведёт вниз, но я не знаю, куда именно... — Вот сейчас голос Нимфы звучал испуганно.

И тут из-за выступа появилась остальная стая. Шесть великолепных особей, гордо подняв головки и шевеля усами, вышагивали, скыркая коготками. Зверь, прибывший первым, приветствовал подкрепление торжественным криком. Стая ответила тем же. И именно в этот момент, когда животные отвлеклись, Лис прыгнул к лазу, схватил в охапку Нимфу и нырнул в узкое отверстие. Они быстро заскользили вниз по гигантской горке. Вокруг плотной стеной встала темнота, а сверху, становясь всё глуше, летел разочарованный рёв стаи крысолаков, упустивших добычу.

Скорость движения всё увеличивалась. Лис изо всех сил прижимал к себе Нимфу, прикрывая её собой, пытаясь уберечь от ударов об стены, и всё равно не мог полностью защитить. Поворот, поворот, ещё поворот,

впереди мелькнул свет... Лис крепче обхватил девушку, и они, как горошины из стручка, вылетели из чёрной дыры. И тут же попали во что-то вязкое, мокрое, сгладившее инерцию падения. Вода! Лис рванулся, но вода залепила глаза, нос, уши. Стало совершенно непонятно, где берег, низ, верх...

Лис бестолково замахал руками и ногами, но вода была повсюду. Парень уже начал задыхаться, как вдруг почувствовал рывок — кто-то тащил, волок его за собой. Лис чуть не заорал от ужаса, задёргался, вырываясь, и тут почувствовал под ногами берег. На четвереньках быстро-быстро выполз из воды, оглянулся на подводное чудище. И залился краской — это была Нимфа. Это она волокла его за воротник, подтаскивая к берегу.

— Ты что, а? — в голосе девушки было возмущение.

— Я не умею плавать... — клацая зубами, пробормотал Лис.

— Как?! У вас там что, в Посёлке, воды нет?

— Есть. Вода есть. И речка есть. И озеро есть. Но в речке есть ещё много кого, к кому не хотелось бы попасться на зуб.

— Оооооо... — протянула Нифа, поражённо глядя на него. — А у нас в воде безопасно...

Лис насторожённо оглянулся. Опасности вроде не намечалось. Всё правильно, крысолаки боятся воды, потому и не последовали за ними.

— Откуда у вас здесь вообще крысолаки взялись? — спросил он Нимфу. — Я думал, что в Городе животных нет.

— А я их и правда никогда не видела, я даже не думала, что они такие страшные. — И добавила, доверчиво глядя на Лиса: — Я сильно испугалась.

Глаза у неё были широко распахнуты. И Лис понял, каково же ей пришлось. Но какая она молодец!

Не растерялась, смогла найти выход, вытащила его из воды. Если бы не она, то Лис бы точно утонул. Какая, однако, девушка!..

★ ★ ★

Они сидели на берегу подземного водоёма. Весело плясали сполохи огня, потрескивали искры, вырывающиеся и улетающие куда-то ввысь, чуть плескалась вода, отражая блики. Лис долго и старательно разжигал костёр, собрав плавняк на берегу. Откуда он тут взялся, в подземной пещере? Нимфа не знала. Но сейчас это было не важно, главное — согреться, высушить одежду. А заодно и отпугнуть зверюг, которые, возможно, пожелают разнообразить свое меню приблудившимися к их логову людьми. По словам Нимфы, на поверхность можно было выбраться только через нижний тоннель, сейчас залитый водой, однако, вода должна была уйти через час или два. Вот это время они и переживали.

— Знаешь, я никогда не видела огня, — тихо произнесла Нимфа, заворожённо вглядываясь в мерцание пламени. — Это очень красиво... Мы не жжём костров... Наверное, очень интересно жить в вашем Посёлке... Расскажи мне о нём?

Лис молчал. Что рассказать? Не мастер он на рассказы.

— Что вы там делаете? Чем занимаетесь? Где живут люди? У каждого есть своя ячейка?

— Какая ячейка?

— Ну, место, где он отдыхает, живёт...

— У каждого есть свой дом, — поправил её Лис. — Если мужчина сам не может построить дом для семьи, значит, он не может завести жену.

— А что такое семья? Жена? — переспросила девушка недоумевающе.

— Семья, это когда люди живут вместе, помогают друг другу...

— Как странно... Живут вместе... Ведь это тесно и неудобно...

— Нет, это хорошо — жить вместе, — убеждённо возразил Лис. — Это хорошо идти домой, зная, что тебя там ждут...

Нимфа смотрела непонятно. В её глазах отражался костер и пляшущие искры. Пряди тёмных волос рассыпались по плечам. Она сейчас была похожа на русалку из дедушкиных сказок.

— А мы не живём вместе... У нас все сами по себе... Наверное, это странно всё время быть рядом с кем-то...

— А моя бабушка была из Города... — неожиданно для самого себя произнёс Лис.

— Да-а-а-а?! — сильно удивилась Нимфа. — Так вот почему ты так похож на наших! И дверь ангара для тебя открылась... И костюм тебя слушается... — Нимфа поворошила веткой угли костра и добавила:

— Да, я бы тоже хотела посмотреть ваш Посёлок... Знаешь, Расскажи мне ещё. А что нужно сделать, чтобы завести семью?

— Если парню нравится девушка, то он просит у неё фенечку-верёвочку из кос. И если она дарит, то они становятся мужем и женой.

— А ты уже просил когда-нибудь фенечку?

— Ещё нет... — Лис вспомнил Алишу. В мерцающем свете ночного костра виделась она как-то смутно, неярко, отступала всё дальше и дальше. Сейчас, в этом странном месте, вся прошлая жизнь казалась призрачной, как сон, превращающийся в лёгкую дымку с наступлением дня. А явью была пещера, тёплый огонь и его отблески в глазах Нимфы.

— Значит, у вас всё решает мужчина? А девушка? Если девушке нравится парень, то она не может ему сказать об этом?

— Может... Она тоже может попросить фенечку. — И Лис покосился на свою верёвочку на запястье. — Только это не принято и редко кто решается.

— А я бы решилась...

Лис, не нашедший что сказать, промолчал. Тихо плескалась вода, потрескивал костёр, взметая вверх россыпи искр. Нимфа задумчиво взяла горсть мелкой гальки под ногами и начала пересыпать из ладони в ладонь.

— А я у тебя могу попросить фенечку? — медленно, не поднимая глаз, произнесла она.

Галька сыпалась сквозь пальцы с легким шуршанием.

— Можешь. — Лис почувствовал, что его голос охрип и откашлялся.

— А ты согласишься? — Нимфа по-прежнему не смотрела на него. Брала горсть камушков, пропускала сквозь пальцы, и они ссыпались маленьким водопадом.

Промелькнуло и исчезло круглое в веснушках лицо Алиши в обрамлении кончиков торчащих косичек. Смелая, решительная, уверенная Нимфа сидела сейчас рядом с ним. Не боящаяся странного, ищущая его. Наверное, именно такой и была жена деда, его бабушка.

И вдруг Лис понял, почему никак не решался сказать Алише заветные слова. Всю жизнь он ждал этого мгновения и эту девушку. И хочет только её и никого больше. Да с чего же он вдруг решил это? Ведь они вместе меньше одного дня! Но они вместе мчались на аэроцикле, он обнимал её за тонкую талию, прикасался к нежной коже, вдыхал запах волос. А потом она помогла ему взлететь. И позже вытащила из воды. Разве этого мало?

И тогда Лис решился.

— Я прошу тебя, девушка, — начал он слова принятой формулы, глядя на склонённую голову Нимфы, — быть со мной и в болезни и здравии, и в горе и счастье...

Слова, овеванные древней традицией, странно и непривычно звучали под сводами пещеры, пряталась в её глубину, таились за камнями.

— Обещаю заботиться о тебе, обещаю, что дом наш будет полон...

Камешки разом высыпались из разжавшейся ладони. Голова Нимфы склонилась ещё ниже. Отказ?! Она не согласна? Да чего, собственно говоря, он вообразил? У Нимфы своя жизнь, свой мир, у неё есть Город. Разве променяет она его на Посёлок? Что он может предложить ей в Посёлке?.. И всё равно, даже поняв, что рассчитывать ему уже не на что, он, договорил:

— Будь моей женой.

Эхо замерло. Лис замер. Даже пламя костра, казалось, притихло. Нимфа осторожно отряхнула ладонь о ладонь. И наконец подняла голову. Глаза её сияли.

— Я согласна!

Мир закружился, наполнился красками. Она согласна! Костёр весёлыми искрами взметнулся вверх. Согласна!

— Но у меня нет фенечки, чтобы отдать тебе. — Девушка тряхнула рассыпавшимися волосами. Языки огня, отражаясь, плясали в смеющихся глазах.

Лис поспешно дёрнул узелок своей верёвочки, осторожно взял руку девушки — узкое запястье, тонкие пальцы — и аккуратно повязал пеструю верёвочку. А потом он сделал то, на что никогда бы не решился в Посёлке. Осторожно притянул к себе — Нимфа не сопротивлялась — и поцеловал. Губы оказались мягкими, податливыми и почему-то сладко-солёными, как зимняя ягода. Нимфа льнула, прижималась, и он растворялся в её объятиях, тонул в ней, кружился вместе с ней.

Мир вертелся, летел, не зная куда, и затягивал за собой Лиса.

— Моя! Моя! Моя! — шептал он, обнимая, глядя, завоёвывая. И девушка радостно и смело отвечала ему...

★ ★ ★

— Ну вот и всё. — Нимфа вздохнула и потянула свою руку из руки Лиса. — Замечательный день! Как здорово, что мы с тобой встретились...

Они стояли у дверей ангара, и Город наливался вечерним светом. Окна склонившихся зданий по-свойски подмигивали Лису, а он думал, как они поместятся втроем в маленьком двухместном грузовичке. И что дядька Михей, наверное, будет недоволен, но уж придётся ему как-то потесниться — как-никак, Лис везёт жену.

— Слушай, а тебе разве не нужно взять какие-нибудь вещи? — вдруг спохватился он.

— Вещи? — удивилась Нимфа.

— Ну, мы же едем в Посёлок. Тебе же нужно что-то взять с собой?

— Эй, подожди! — опешила Нимфа. — Я не собираюсь в Посёлок! У вас же там ничего нет... Что я там буду делать? И эти, ну, животные. Ужас! Ты, конечно, милый и всё такое, но Посёлок — это не для меня.

Что ж, этого следовало ожидать. Конечно, Нимфа привыкла к Городу, всё здесь знает. В Посёлке ей будет тяжело. Ну, что же делать...

Лис вздохнул:

— Хорошо. Давай останемся здесь.

— В смысле?!

— Если ты не хочешь ехать со мной, то тогда я останусь здесь, с тобой.

Брови Нимфы поползли вверх.

— Ты что, смеёшься?! Кто тебе позволит здесь остаться? Не выдумывай. У тебя свой мир, у меня свой.

Лис растерялся. Он не понимал:

— Но ты же обещала быть моей женой?

— Ну да, обещала! Но это же игра! Мы же были в туннеле! Ты что? Не понял?

Лис онемел.

— Лис?! Ты не знаешь?! Туннель — это место, где можно вообразить, что угодно. И увидеть, что угодно. Не было там никаких крысолаков, никакого озера. Это ты всё так ярко представил. А я увидела, потому что была рядом. Мне очень понравилось, Никто из наших так ярко показывать не умеет. И знаешь, всё, что было у нас после, мне тоже понравилось... Но это была всего лишь игра!

Потрясённый Лис молчал. Слов не было. Мыслей тоже.

— Лис? — подёргала его за руку Нимфа. — Ну чего ты? Ведь у нас всё классно получилось! Ты просто прелесть. А сейчас я побегу, у меня дела. Хорошей тебе жизни в твоём Посёлке.

Она махнула рукой и, не оглядываясь, быстрым шагом ушла прочь. А Лис никак не мог поверить, что это всё.

— Лисик, ты вернулся! Я так скучала! — Алиша выбежала из дома, вытирая руки о фартук — видимо, стирала. Косички растрепались, волосы торчали в разные стороны. Девушка подскочила близко-близко, почти коснулась Лиса. Но в последний момент остановилась, отшатнулась, спрятала руки под передник.

— Лисик, ну как ты? Как город? Здорово там?

Лис смотрел на такое знакомое лицо. Жёлтые с крапинками глаза восторженно сияли. На покрасневшем лице щедрой россыпью выступали веснушки. Кончики косичек покачивались из стороны в сторону.

— Да ладно, что там в Городе может быть... Ничего особенного, — неохотно пробормотал он.

Серебристые купола башен... высокие шпили... бесконечное переплетение переходов... сверкание огней... Полёт...

— А люди? Какие там люди?

— Да чего люди.... Люди как люди, ничего особенно-го, говорю...

Смелые горько-солёные губы Нимфы, прикосновение сильной узкой ладони, дрожь по всему телу...

— Ой, — взгляд Алиши упал на пустое Лисово запястье, и лицо её вытянулось. — А где твоя фенечка?..

Лис тоже покосился на руку. Плеск воды, гулкие сво-ды пещеры, блеск костра в тёмных мерцающих глазах...

— Потерял, — неохотно произнёс Лис. И, секунду помедлив, вдруг добавил: — Алиш, ты знаешь, я подумал... А подари мне свою?

— А что, и подарю, — степенно ответила девушка и подняла руки, чтобы развязать узелок косичек. — Давно уж пора. Поле можно расширить будет, птичий двор объединим вместе...

Повязывая фенечку на запястье Лиса, девушка перечисляла нужные и важные дела, которые можно было делать женатым людям. Лис серьёзно поддакивал и думал, какой замечательной женой будет Алиша, и что он правильно решил, и хозяйство их будет самым крепким в Посёлке... А перед глазами плыли купола Города и стояло лицо уходящей Нимфы.

— Слушай, — произнёс он, перебивая поток слов. — Я, наверное, на грузовике соглашусь работать. Михей всю дорогу меня уговаривал, говорит, тяжеломерно ему, просил заменить.

— Ой, Лисик, — ахнула Алиша. — Может, не надо? Ну его, этот Город, в Посёлке как-то привычнее..

— Ничего, зато продукты дополнительные. Зимой ничего лишним не будет.

— Ну, если продукты — тогда да... Конечно. Вот какой ты у меня хозяйственный, всё в дом! — И Алиша одобрительно в первый раз в жизни легонько коснулась ладонью его щеки.

Лис провел рукой вдоль мутной мембраны. Ничего. Коснулся, надавил. И снова ничего. Впрочем, как и во все предыдущие десять приездов, когда он, доставив продукты, пытался выйти в Город. Лис сжал кулак и ударил изо всех сил. Упругий материал, не поддаваясь, мягко спружинил. Бесполезно.

Лис развернулся и, опустив голову, медленно побрёл назад. Ангар, как всегда, был пуст, и только у грузовичка суетился Михей, так и не решившийся оставить привычную работу.

— Ну что? Закончили? Едем? — подходя, устало спросил Лис.

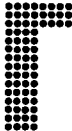
— Слушай, парень, тут такое дело... — забормотал Михей, почему-то пряча глаза. — Нам ещё кое-что передали...

И протянул Лису большую коробку. В ворохе тряпок что-то шевелилось и попискивало. Лис взгляделся и ахнул. Младенец! Несколько секунд малыш неотрывно смотрел на потрясённого Лиса, потом неуверенно улыбнулся и, будто приветствуя, взмахнул кулачком. На запястье пестрела потрёпанная, но всё ещё узнаваемая фенечка.

ФУТУРОЛОГИЯ ВСЕРЬЕЗ

«РУССКИЙ АПОКАЛИПСИС» ПОНАРОШКУ И ВСЕРЬЁЗ

 оспода и ребята!
Это очень печальная статья. Побочным эффектом её прочтения у восьми человек стала тяжёлая депрессия, у четверых — суицид, у троих — расстройство желудка, а один даже приобрёл жестокую чесотку. Может, сразу отложить её и почитать что-нибудь другое? С такими вещами не шутят.

Я предупредил.

Ещё три-четыре года назад фантасты, бравшиеся за футурологическую тему, предлагали читателям немало поводов для оптимизма. На разные лады звучало: «У нас есть будущее! У нас есть надежда!» И не только у всего мира, но и у отдельно взятой страны России.

Столь заметные вещи, как «Се, творю» Вячеслава Рыбакова (2010), «Симбионты» Олега Дивова (2010) и «Война 2020» Сергея Буркатовского (2009), представляют собой образцы футурологии «со счастливым концом». Иначе говоря, в духе «есть свет в конце тоннеля». Их обсуждали горячо, с верой: да, нам ещё есть на что опереться. Выкарабкаемся, не впервой! И даже жутковатые алармистские повести Игоря Пронина «Путешествие в Гритольд» (2009) и Эдуарда Геворкяна «Чужие долги» (2009) выглядел как предупреждение, но не как приговор.

А года два назад поднялась волна «футурологии со знаком минус». Катастрофы, революции, деградации, «смертная тоска» и прочая гибель. Грустно: дефи-

цит позитивной картинки русского будущего — налицо. Сценарии с благополучным «выходом из тоннеля» в нашей фантастике практически не появляются. Свет пропал из конца бетонной трубы... А если выходит роман с тремя крохами надежды в трюмах, то его просто не замечают.

Тема конца света — локального и всеобщего — сфокусировала на себе внимание как фантастов, так и их читателей.

Речь идёт не о посткатастрофном антураже, коим наполнены «сталкерные», «анабиозные» и «метрошные» романы. Ржавь, стреляные гильзы, мужики в противогазах, подземелья, радиация и всюду калашники, калашники, калашники... Можете представить себе тридцать пять тысяч одних калашников!

Это всё, знаете ли, «апокалипсис понарошку». После очередного раунда конца света декорации снимаются, проходят плановый ремонт, а затем монтируются по новой, в слегка переработанном виде. Читая про мужика в противогазе и с калашником, никто не воспринимает постапокалиптическую «картинку» всерьёз. Игра, не более того.

Когда очередной апокальщик вызывает к жизни привычную картинку очередной «зоны» с привычным квестовым сюжетом — группа приключенцев кого-то спасает, заодно становясь миллионе... миллиарде... триллионерами! — это всего лишь попытка поиграть на всем знакомой эмоции. Дескать, скучно живём, распорядок суров, в карманах нищета. Так вырвемся же, братие, за пределы общего закона! Накуролесим, постреляем, заработаем, любовька опять же яркая случится...

Иначе говоря, эстрада от фантастики. Громко, смачно и... совершенно не страшно. Конец света, light версия.

Но вот в фантастике, а также близких ей форматах мейнстрима появляется целый каскад текстов, где приближение конца света или его осуществление становится в центр действия. И совершенно неважно, каков антураж. Важно другое: глобальное «схлопывание» старого мира во множестве разных вариантов представлено как ближайших пункт повестки дня. Никаких игр! Приобретайте саваны загодя.

Первая ласточка — Захар Прилепин, роман «Чёрная обезьяна» (2011). Серьёзная страшная вещь. Общий смысл: мы обросли грехами, освинели, оскотинились, по грехам своим Россия пропадает и вконец пропадёт. Весь мир развращённых взрослых падёт под ножами детей, генетически не умеющих различать добро и зло.

Главного героя, журналиста, создателя «политических романов», допускают в тайную лабораторию некой правительственной спецслужбы. Там ему показывают несколько жутковатых детишек-недоростков». Они «...разговаривают какой-то странной речью, будто птичьей, только некоторые слова похожи на человеческие». Малыши считаются более опасными, чем маньяки-душегубы и полевые командиры террористических банд. А им всего-то от шести до девяти лет... Их отличие от обычных детей в физиологическом плане ничтожно: повышенный уровень стрессовых гормонов, высокая активность в области миндалины и передних отделов гиппокампа, отсутствие молекул окситацина... Всё. Внешне — никакой разницы. В силу непонятных

причин (скорее всего, массового генетического отклонения) они совершенно равнодушны к остальным людям — помимо себе подобных. У них полностью утрачена способность плакать. По словам изучающего «недоростков» профессора Скуталевского, они «...не просто не имеют, но и со временем не приобретают представлений о зле и... грехе... При случае они будут убивать без любопытства и агрессии... сделают это как нечто естественное».

И «недоростки» убивают. Для начала журналист расследует, как они умертвили жителей целого подъезда, а заодно и двух милиционеров в провинциальном городе Велемире.

Прилепин далёк от идеи о рождении нового вида на планете Земля. Концепты homo super и люденов какого угодно сорта нисколько не волнуют его. Две вставные новеллы о «недоростках», совершающих массовые убийства, отнесены к Африке 1980-х и... вообще к какому-то «параллельному миру», представленному как «пример из истории». «Детки из клетки» вовсе не являются порождением нашего времени. Тут, скорее, мистика, нежели НФ. Прилепин не забывает напомнить, что в России только официально зарегистрировано более двух миллионов сирот, которых никто никогда не усыновит и не удочерит. Но эта громадная беспризорность вовсе не является питательной средой для появления чудовищных «недоростков». Скорее, она представляет собой такой же результат застоя нашего мира грехом, злом, скверной, как и рождение детей-киллеров в массовом порядке. Они, в сущности, — нечто вроде Бича Божьего. И когда чаша грехов переполняется, страшные «недоростки» обрушиваются на города, народы и страны, подобно безжалостной саранче губя то, что сгнило на корню.

Автор «Чёрной обезьяны» рисует Россию нашего времени тёмными красками. Всеобщее озверение, опустевшие села, грязь, бессмыслица, уголовщина, несправедливость. Что ни возьми, всё моментально оборачивается трухой. И даже семья — последняя крепость, оставшаяся человеку, — рассыпается в мелкую крошку после того, как главный герой начинает изменять своей жене. Он чувствует, что живёт в большом социальном аду, накрывшем страну помимо его воли, да ещё и в маленьком персональном аду, сотворённым по собственному хотению...

«Сынок, это ад, — сказали мне. — Ты в аду, сынок».

С первых страниц в романе появляется мотив: «Когда всё это кончится?» Далее: «Давайте скажем прямо... Разве было бы плохо, если бы нас всех извели?.. И к этому всё идет, разве нет?» Наконец, потаённые мысли главного героя высказывает ему в лицо обезумевшая от измены жена: «Кто-нибудь пришёл да и убил бы нас всех». Центральный персонаж не боится «регионального апокалипсиса» и даже хотел бы приблизить финал. Утратив надежду, он стекленеет душой, становится живым мертвецом...

Нигде, ни в одной строчке не указан выход из этой ситуации. Разве только воспринимать всю книгу как один большой совет: хорошо бы всему народу переменить образ мыслей и действий. Тогда, возможно, проскочим.

Но надежды мало.

«Русские сумерки» Олега Кулагина (2011) по «декорациям» максимально приближены к реальности С.Т.А.Л.К.Е.Ра: растущие зоны, чудовищные мутанты, драгоценные артефакты... Порой возникает ощущение, что автор не успел к скончанию сталкерной серии и срочно перепрофилировал книгу. Вот только всем этим предметам боевиковаго обихода придан

легко считываемый политический смысл. Вампиры, мутанты и прочая нечисть окопались наверху, превратились в политическую элиту страны. Они — чужие во всех смыслах слова, а не только в идейном. Это другой вид, представители которого продают, предадут и убивают нормальных людей с возрастающей быстротой. Вся Россия скоро будет как одна сталкерная зона. Олег Кулагин предлагает выход, но весьма «узкий»: крепить сопротивление, строить русские анклавы. Там ещё возможна какая-то жизнь, какая-то свобода.

Очень хорошо видно, что автор оставил минимальный зазор между реальностью своего фантастического мира и реальностью-1 современной России.

Как ни странно, об этом же «Мы, народ» Андрея Столярова (2011, имеется в виду книга, а не одноименный рассказ, вошедший в неё как составной элемент). Хотя вещь, по большому счёту, — плод совсем другого мировидения.

Шторм сметёт весь мир. Чудо, мистика позволят... маленькому анклаву чистой, незамутнённой России пересоздать страну, а то и всё человечество. Но это потом. А стартует сюжет с общего состояния России «всё очень плохо» и «кажется, вот он, локальный апокалипсис». Мистическая «революция» становится возможной лишь к концу книги. Если же брать только рассказ «Мы, народ» (из коего выросла книга), то там смысл проще: та Россия, которую мы все знали, исчезает на глазах, её точно не будет и очень скоро.

Роман выглядит как производная от столяровского же футурологического трактата «Звёзды и полосы». Это слегка беллетризированный сценарий разрушения США, падения правительства в России и вторжения

принципиально нового устройства мира из будущего в настоящее. Но, знаете ли, сначала «до основания мы разрушим», а уж потом «новая земля и новое небо»... если получится.

Миниатюра Дмитрия Куренкова «Счастливый человек» (2012) повествует о том, как Россия стала нищей колонией евроатлантического мира. Тут просто нечему возрождаться. Отсутствует даже память, что была какая-то доколониальная реальность, которую можно реставрировать. Народ деградировал окончательно и бесповоротно.

На страницах «S.N.U.F.F'a» Виктора Пелевина (2012) действие перенесено в далёкое будущее. Во всем мире осталось два государства: вонючий примитивный угнетаемый Уркаганат (обобщённый образ Украины и России), а также свихнувшийся на деньгах, новостях и гламуре угнетатель-Бизантиум (обобщённый образ евроатлантической цивилизации). Ни у первого, ни у второго нет будущего. Криминальный Уркаганат так и будет погрязать в дерьме, а либеральный Бизантиум рухнет под тяжестью собственного идиотизма, да ещё гнева, идущего снизу. В романе разворачивается предпоследняя стадия апокалипсиса этой двоицы.

Выход для несчастных жителей Уркаганата и Бизантиума есть, но тоже до крайности «узкий». Это руссоистская цивилизация без электричества, зато на природе и со всяческой простотой отношений. Люди будут любиться на полянах, да-да.

И, наконец, «Шестой моряк» Евгения Филенко (2011) — по внешней видимости последняя часть романа с тем же названием, а на самом деле самостоятельная повесть или, вернее, повесть-эссе.

Предложенный пермским фантастом формат конца света, пожалуй, самый безнадежный и в то же время самый оригинальный из всех перечисленных: «Этот мир угасал... Никаких прибудных астероидов из космоса. Никаких разломов планетарной коры, фонтанов лавы, сорвавшихся с цепи волн-убийц. Никаких Годзилл — всё, что могло сойти за гигантскую тварь, мирно дремало на океанском дне и восставать в полный рост явно не собиралось... Просто время этого мира заканчивалось, и он засыпал как смертельно больное животное. Но засыпал он медленно, и поэтому ходили поезда, кое-где горел свет, и можно было раздобыть провизию без риска для жизни».

Засыпание, непобедимая усталость, бесконечная печаль... Выражаясь языком Шопенгауэра, утрата воли к жизни. «Смертная тоска охватит каждого человека и в печали своей предастся он мыслям о собственной ничемности и незначительности перед высшими промыслами». А «смертная тоска» накладывается на глубоко скрытую в человечестве тягу к самоубийству. Устами одного из второстепенных героев Филенко разъясняет читателю: «Суицидальное поведение всегда было присуще человеческому роду... Создаётся впечатление, будто человек изначально тяготился своим пришествием на эту симпатичную планету».

Не столь важно, что в основе этой «смертной тоски» — волновое угнетение психики, охватившее весь мир в результате научного эксперимента одной богатой секты. Отнюдь не чёрным чудесам науки посвящена книга. Автор романа, скорее, настроен всерьёз поговорить о том, что мир постарел, посерел и обрюзг. А значит, пора ему уходить. Даже как-то задержались... Техногенная катастрофа — всего лишь предлог для последней точки в конце последней фразы.

«Ну да, тихий неотвратимый апокалипсис, — слово говорит читателям автор, — а что тут особенно переживать? Человеческая цивилизация ничего особенного не создала. Жизнь скучна. Без бухла вообще не житьё. Даже самые хорошие женщины не вечны, а их, самых хороших, мало, чаще — тупые ведьмы или просто тупые». Хаос, свинство, позор. Отдельные островки смысла и творчества тонут во всеобщем раздолбайстве. Что тут жалеть? Тот же второстепенный герой оценивает современное состояние человечества с беспощадной прямоотой: «Мы превратились в аморфную, бесполоую, бессильную массу. В сообщество разрозненных потребителей информации. А ты говоришь — останавливать собственных палачей! Мы давно уже потребители, а не деятели... Наверное, мы заслужили такое обращение...»

Так что уж лучше... всё под корень. И Россию, и с нею весь мир.

Но для начала Филенко, книгу коего напечатали чуть раньше «S.N.U.F.F'a», предложил: может, попробуем руссоистскую цивилизацию без электричества, зато к природе поближе? Но устами одного из персонажей решительно ответил на это предложение: вот уж дудки! Без Интернета — лучше сразу в гроб.

Это ещё далеко не все авторы, за последние два-три года взявшиеся нешуточно размышлять о конце света. Целый залп таких романов и рассказов оставляет тяжёлое впечатление. Всё в гроб да в гроб. Или, в крайнем случае, предлагается столь узкий лаз наружу, что, пробираясь по нему, страна обдерёт себе рёбра до крови.

Мне скажут: это цикл такой. Скоро начнут писать светлое и многообещающее. Отлично! Вот когда он

«цикл» завершится, тогда и поговорим. А пока аргумент цикличности выглядит как попытка заразить оптимизмом участников похоронной процессии.

Чем можно объяснить необычайную популярность темы «Апокалипсис всерьёз»? Это ведь не мода, это нечто более глубокое.

Конечно, можно было бы свалить на «кризис среднего возраста». Должно быть, он разом наступил у целого поколения. Ещё три-четыре года назад оно держалось молодцом и строило планы на вечность, а теперь сдулось, устало. И, устав на своём маленьком острове, приписывает, навязывает депрессию всему миру — по крайней мере, всей России. А у людей просто фатальная проблема не востребоваемости...

Но перечисленные писатели относятся не к одному, а к разным поколениям. Андрей Филенко и Андрей Столяров родились в первой половине 50-х, а Прилепин и Кулагин — в 70-х. Разница между младшим и страшим составляет четверть века. К тому же о какой «не востребоваемости» можно говорить в отношении Пелевина? Прилепина? Да хотя бы и Столярова, постоянно фигурирующего в кругах, связанных с политическим моделированием?

Тогда, возможно, всё дело в кризисе традиционной книги и, может быть, шире — кризисе традиционной литературы с её обязательным стремлением не только «развлечь», но и «научить», завести разговор на «вечные темы»? Вот уж вряд ли. На дворе у нас то ли десятый, то ли сотый кризис литературы, но в стране, по неполным данным, 20 000 писателей, поэтов, критиков и публицистов. Многие ли из них громогласно сообщают городу и миру о нежелании творить, раз кругом такой кризис?

Возможно, ощущение непробиваемого тупика или, может быть, тупика, пробиваемого какой-нибудь отчаянной зубодробильной революцией, создалось из-за предчувствий новой волны большого кризиса? Там и сям пишут о необходимости обзаводиться «буржуйками», делать запасы крупы и макарон, закупать консервы, делать «схроны» в лесу. Дескать — скоро грянет! Обязательно. Не сегодня, так завтра. Готовьтесь. Экономисты говорят: «От старого мира ничего не останется». Политики комментируют: «Мы даже представить себе не можем, как будет выглядеть новый мир».

Вот тут уже, как говорится, «теплее».

Наш русский писатель, а особенно писатель-фантаст — невероятно чуткий барометр, откликающийся на те страхи, надежды и мечтания, коими полнится общество. Хороший литератор — настоящий человек-измеритель, питающийся лучами коллективного бессознательного. Этот ходячий прибор чувствует «зашкал» задолго до того, как градус беспокойства поднимется до критических величин. И редко ошибается... к сожалению. Потому что радужные эмоции он «ловит» до крайности редко, а в скверных предчувствиях оказывается прав до крайности часто.

То, что подцепили перечисленные выше писатели, очень трудно определить в четких формулировках, рационально. Скорее, речь может идти о весьма сильном ощущении — расплывчатом, но устрашающем.

В двух словах его можно описать следующим образом: *мелко и холодно*.

Второе, допустим, понятно. Из-под двери будущего сквозит холодом. Мороз ещё не сбывшегося пробирает до костей. Отчего? Да слишком много думают и говорят о том, что там, в «прекрасном далёко», сохранится лишь ничтожная толика человеческого — того, чем жил мир на протяжении нескольких тысяче-

тий городской цивилизации. Нынче непрестанно боются между собой два мировидения — либерально-прогрессистское и консервативно-почвенническое. Но, видимо, ни одно из них не возобладает, а будет нечто третье, вообще слабо связанное с возможностью сохранить суть человека и полноценную культуру его. Грядущее, кажется, не очень заинтересовано в... людях — если прикладывать к людям традиционное понимание этого слова, а не что-нибудь, невозвратно стирающее нас и на нашем месте малюющее принципиально новую сущность. Кризис когда-нибудь кончится. Не он страшен: как-нибудь перетерпим! Однако не обернутся ли его конечные стадии начальными фазами этой ужасающей трансформации в нечто нечеловеческое? Мета-, супер-, транс... но прежде всего именно не-человеческое.

Оттого-то и холодно. Оттого-то и зябко. Словно стоишь на отмели, и в ботинки наливается ледяная вода, а за воротник непрошеным гостем пролезает ледяной ветер.

Но почему ещё и мелко?

Да из-за того, что новый мир, кажется, не хочет принимать интеллектуальную жизнь старого мира во всей её пестроте и сложности. Происходит стремительное упрощение и уплощение всего и вся. Всё строится в ровные ряды, всё пакуется в брикеты со стандартизированными наклейками, всё загоняется в рамки «конфекции». Высокие смыслы убавляют в росте, сгибаются, мельчают. Глубины обращаются в ровные места, омуты заливаются.

Улавливая черты нечеловеческого будущего, фантаст чувствует: нас ожидают очень интересные эксперименты над нами, только общество их не хочет. Люди их опасаются. Когда всерьёз повеяло

эпохой метагомов, люди стали осторожнее открывать дверь своего дома и приглашать того, кто за нею стоит, зайти.

Писатель всегда один. Он боится, и он чётко понимает, что в одиночку может лишь прокричать об опасности, но не остановить её. А потому, отчаявшись, плодит чёрные апокалиптические сны. Ему так удобнее — чисто психологически.

Но... это именно писатель. Он трусит сильнее прочих, поскольку у него и воображение развито лучше, чем у «молчаливого большинства».

Зато человечество в целом — далеко не столь нервная особа, как фантазёр-фантаст. Когда за ним придут, оно, быть может, не станет покорно отмыкать засовы, а отправит визитёров по другому адресу. Очень дальнему.

Есть такая надежда...

А потому не стоит торопить конец света. Даже мысленно.

ТАТЬЯНА БЕСПАЛОВА

БЕССТЫЖИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ БУДУЩЕГО

Будущее считается чем-то само собой разумеющимся. Оно неизменно следует за «сегодня» и непременно наступит «завтра». Христианская религия снимала проблему наступления будущего, отнеся её в сферу загробной жизни. В двадцатом веке произошёл перелом в мировоззрении, заключавшийся в том, что рай с небес был перенесён на землю, а впоследствии и ад из преисподней был поднят на поверхность.

Устремлённость в будущее — вот отличительная черта идеологических учений, завладевших умами человечества в индустриальную эпоху. Гуманизм и справедливое, разумное мироустройство, рациональное управление обществом — таковы элементы стройной социальной системы будущего, созданной умами выдающихся утопистов минувших столетий. Могли ли предвидеть Кампанелла и Томас Мор наступление эпохи научно-технической революции, изменившей условия жизни рода людского во второй половине двадцатого века?

А человечество, между тем, всё ещё вымирало целыми городами от эпидемий, с чудовищными затратами открывало новые земли и изобретало простейшие механические устройства.

Так продолжалась до тех пор, пока «атмосферный двигатель» Томаса Ньюкомена не втащил род людской в эпоху научно-технического прогресса. Дымы заводских труб заволокли небеса над городами. По булыжным мостовым и дощатым тротуарам застучали подбитые гвоздями тяжёлые башмаки пролетария — человека Нового времени.

Пролетариат стал той средой, в которой зрели семена будущих исторических катаклизмов. Пролетариат стал инструментом в руках умелых и бесстрашных авантюристов, возжелавших управлять помыслами и чувствами огромных масс людей.

Карл Маркс превратил проблему размышлений о будущем в проблему делания будущего в соответствии с заранее разработанным планом. В противоположность своим предшественникам, которые пытались объяснить мир, он поставил другую задачу: изменить его.

На рубеже девятнадцатого и двадцатого веков коммунистические идеи завладели умами колоссального количества людей. Революция 1917 года в России сделала коммунизм одной из ведущих мировых идеологий. Коммунистическая идеология стала восприниматься остальным человечеством как реальная угроза сложившемуся миропорядку. После Второй мировой войны эта угроза усилилась, породив «холодную войну».

И с этого момента прекраснодушная розовость в представлениях о будущем сошла на нет.

«Холодная война» была противостоянием особого типа. В ней противники, обладавшие колоссальными вооружениями, использовали друг против друга лишь ничтожный их процент. Средства идеологии, пропаганды и психологии — вот главное вооружение «холодной войны». Опыт «холодной войны» разрушил целый ряд широко распространённых заблуждений. Одно из них заключалось в том, что целый народ обмануть не возможно. Итоги «холодной войны» неопровержимо свидетельствуют об обратном. Современные средства идеологической обработки и манипулирования сознанием делают осуществимым оболванивание целой нации. Оболванивание целенаправленное, долговременное, с заранее запланированным результатом. «Холодная война» дала яркий пример тому, что нацию обмануть легче, нежели отдельного человека.

Не вызывает сомнения и другой итог «холодной войны». Постиндустриальная цивилизация зародилась не в пожаре мировых войн двадцатого столетия, а в оледенении «холодной войны». Не грохот канонады и разрывы бомб сопровождали её появление на свет. В тех битвах

★ танковые колонны не форсировали водные преграды, пехотные полки не ходили в штыковые атаки. В той войне противники использовали совсем другое оружие: лукавство, коварство, клевету, подкуп, разврат. Можно ли одержать победу в такой битве? И есть ли в такой победе хоть крупица благородства, героизма, жертвенности, идейной одержимости?

Итоги «холодной войны» наложили печать на нашу нынешнюю повседневность. Итоги «холодной войны» в значительной мере будут определять внешний облик и менталитет человека будущего.

Каким же будет человек, рождённый в постиндустриальную информационную эпоху, выросшую из «холодной войны»?

Во второй половине двадцатого века процесс изобретения, усовершенствования и распространения информационных устройств привёл к образованию высоко-развитой индустрии информации.

Телевидение, кино, газеты, лекции, реклама стали инструментами влияния на индивида. Влияние это осуществляется ежедневно и ежечасно на бытовом уровне. Посредством этих инструментов формируется вид одежды, характер питания, обиходный язык, обстановка жилья, режим дня, способы развлечений, манера общения с ближними, сексуальные предпочтения. Всё перечисленное в сочетании с шаблонным, упрощённым образованием привело к тому, что исчезла необходимость логического мышления. Потеряло смысл понятие истины. Мы перестали познавать реальность и рассуждать логически.

Научно-техническая революция породила большое количество хорошо информированных индивидов. А вот число хорошо образованных людей — уменьшилось. Хорошее образование не востребовано обществом. Современный мир насыщен сложно устроенными, но простыми в использовании техническими приспособлениями. Все эти устройства, которыми напичкано жилище современного человека, устраняют большинство бытовых проблем. На первый взгляд может показаться, что они высвобождают время для творчества. Но это только на первый взгляд....

В прежние времена, когда средства массовой коммуникации ещё не достигли нынешнего уровня развития, образованный человек, который мог поддерживать беседу, располагал творческой независимостью в самых широких рамках, его развитый постоянными упражнениями ум имел большую ценность. Объектов культуры было не так много. Меньше издавалось книг, и они выше ценились. В те времена существовали условия для богатой внутренней жизни: материальная обеспеченность (хотя бы на скромном уровне), любознательность, качественная образованность, информационный и культурный голод, интерес к другому человеку. В современном мире таких условий нет. Отсутствие жизненных гарантий делает людей занятыми и озабоченными. Нужно все силы вкладывать в работу. Людям не до праздных размышлений. Информации — переизбыток. Население локализовано в крупных и сверхкрупных населённых пунктах. От людей буквально некуда податься.

Жёсткие идеологические установки, проводником которых стала «массовая культура», программируют

★ индивида на конкретный стиль поведения. Мировосприятие индивида регулируется применительно к действующим представлениям правящей касты.

Загруженность быта различными счётными и запоминающими устройствами отменяет необходимость в запоминании и умственной переработке накопленных знаний. Логическое мышление становится не нужным. Таким образом, платой за научно-технический прогресс становится деградация человека. Речь идёт не только об интеллектуальной, но и о психологической деградации. И дело тут вовсе не в эмоциональной сдержанности, являющейся результатом воспитания и волевых усилий индивида. Человек будущего холоден и чёрств по природе. Он знает о чувствах неизмеримо больше, чем имеет их. Эмоциональная ущербность отчасти компенсируется другими факторами. Первый из них — информированность о способах внешних проявлений эмоций. Другой — хорошо развитые навыки имитации эмоций.

Сложную информационную, бытовую и производственную технику конструируют единицы, а используют многие. Огромному большинству людей неизвестны даже основные принципы работы такой техники. Это обстоятельство приводит к расслоению общества на две неравные части, которые со временем могут перестать соприкасаться между собой в социальном смысле. Произойдет выделение из массы человечества небольшой касты сверхчеловеков, сохранивших способность контролировать информацию, использовать её, вести насыщенную интеллектуальную деятельность. Эта каста и будет править миром. Возможность ротации между двумя неравными частями рода людского, видимо, будет или уничтожена полностью, или сведена к минимуму.

Дальнейшее развитие медицинской техники и генной инженерии может существенно увеличить продолжительность жизни человека. Дети с врождёнными дефектами, в прошлом не совместимыми с полноценной жизнью, выживут и интегрируются в общество. А само общество всё в большей степени будет ориентироваться на обслуживание той части себя, которая не в полной мере способна самостоятельно удовлетворить свои повседневные нужды. То есть на инвалидов. Таким образом, естественный отбор будет устранён, нивелирован полностью. А ведь именно он, естественный отбор, был тем самым механизмом, который незаметную, хрупкую, вертлявую тварь, каковой на заре своей истории был человек, превратил в «венец творения».

Все перечисленные факторы, получившие широкое распространение во второй половине двадцатого века, сделали эволюцию человека как вида безальтернативной.

Человек будущего — существо, искусственно культивированное с помощью средств воспитания, обучения, пропаганды, медицины.

— А как же гуманизм? — спросите вы.

Ах, идеи гуманизма, пропагандируемые и прославляемые в эпоху кровавых войн! Нетленные перлы выдающихся умов, призывавшие относиться к человеческой жизни как к высшей ценности и доведённые до абсурда в постиндустриальную эпоху. Может быть, одним из условий выживания человечества в целом, его развития было именно отступление от идеалов гуманизма? Могут ли эти идеалы реализоваться применительно к каждому индивиду на всей территории, населённой человеками?

Те времена, когда идеи гуманизма нашли отражение в трудах великих мыслителей, но редко применялись в практической жизни, безвозвратно миновали. Сегодня постиндустриальное общество является нагляд-

ным примером торжества этих идей. В конечном итоге, их реализация в таких масштабах может стать помехой развитию цивилизации, в значительной степени ориентированной на обслуживание людей, сверхдолго живущих, и инвалидов с рождения.

Человек будущего — существо идеологическое. Человеческие качества или те свойства натуры человека, которые и сейчас всё ещё принято считать добродетелями, теряют значимость. Они будут заменены достижениями научно-технической революции, а именно: деньгами, славой, правовыми нормами, открытиями науки и медицины.

Коллектив людей будущего представляет собой механизм, где каждый исполняет определённую функцию, ограниченную строгими рамками. Такая система отношений в коллективе полностью исключает из процесса жизнедеятельности элемент творчества, приводит к замкнутости индивида.

Снижается роль личных качеств человека в совместной деятельности с другими людьми. Значимость межличностных отношений становится ничтожной. При этом индивид имеет мощную правовую защиту. Его деятельность регламентирована нормативно — правовыми актами разного уровня. Поэтому он совсем не нуждается, или нуждается в ничтожной степени, в поддержке трудового коллектива или семьи.

К этому следует добавить бытовые удобства, средства коммуникации, возможность обслуживать себя самостоятельно, отсутствие необходимости в тесных контактах, постоянную занятость, напряжённую работу. В таких условиях межличностные отношения если и возникают, то являются поверхностными. Такого рода отношения несут в себе расчёт, предполагают выгоду. А значит, между людьми всегда сохраняется зна-

чительная дистанция. Обрываются такие отношения легко и безболезненно.

Самой распространенной болезнью будущего станет одиночество. Множество одиноких людей станут жить рядом, иметь сходные судьбы, может быть, участвовать в одном общем деле. Они не смогут объединиться и преодолеть некий барьер, обрекающий их на одиночество. Внешне одинокие люди ничем не будут отличаться от прочих. И умирать они будут от обычных человеческих болезней. Одиночество — болезнь неизлечимая, но и не смертельная. Состояние одиночества станет неминуемым результатом внутренней эволюции человека. Человек будущего обречён на одиночество. Одиночество — болезнь сытых.

Таким образом, хорошо информированный, эмоционально упрощённый, идеологически зомбированный, одинокий индивид является социальным роботом — вершиной эволюции человеческого существа.

Одним из последствий краха коммунистической системы стало превращение территории бывшего Советского Союза в идеологическую свалку. Главная беда не в том, что мы разобщены и вымираем. Главная беда в том, что нас лишили идеологии. Настал день и час, когда марксистско-ленинскую идеологию просто отменили. В результате в наших душах образовалась пустота. В свободное пространство устремились потоки словесных помоев, затуманивших наше сознание окончательно. Вступившее в жизнь новое поколение лишено системы ценностей, дезориентировано. Русская нация вымирает, рассеивается по свету. Происходит утрата самобытной культуры. Всё это является

★ следствием навязывания нам чуждой идеологии. Негативным следствием. Однако наше превращение в социальных роботов пока не стало свершившимся фактом. Менталитет русского человека до сих пор не гармонизировался с идеологией «победителей». Может быть, причиной тому наша вечная бедность или ставшие притчей во языцех лень и пьянство?

Так или иначе, в противоположность человеку западному русский человек, как правило, является идеальным членом естественного коллектива, будь то семья или любая команда, созданная для совместной работы. В наши смутные времена крестьянский общинный дух так же присущ русскому человеку, как и сто, и двести, и триста лет тому назад. Психология пока ещё многочисленных потомков русского народа мало изменилась. Мы по-прежнему гордимся своей отчизной, хотя, как и прежде, надеясь на авось, ничего не хотим делать для её величия без принуждения.

Русский человек по-прежнему иррационален. Для него всё ещё важны такие отношения, которые строятся на личных симпатиях и антипатиях. Эти отношения могут быть душевными, доверительными, искренними, открытыми. Бескорыстие, взаимопомощь, сопереживание всё ещё не чужды нашим соплеменникам. Равно как и бесцеремонность, насилие над индивидом со стороны коллектива. Чрезмерное внимание к частной жизни индивида и утрата вследствие этого уважения к нему всё ещё являются широко распространенным явлением. Часто мы по-детски жестоки и не способны довести начатое до конца. Мы человечны.

Эти и другие противоречия и несуразности нашего быта и менталитета могут стать «точками роста», ко-

торые позволят нашим потомкам эволюционировать в каком-то другом, альтернативном западному, направлении.

Да, «авось» и «небось» наши любимые девизы. Но, может быть, именно под этими знаменами мы найдём иное прибежище? Может быть, русский общинный дух, принёсший столько вреда и по большому счету почти погубивший нашу нацию, спасёт нас от обезчеловечивания?

ДАРЬЯ РОДИОНОВА

ШАГ НАЗАД

ПЕРВАЯ. ВВОДНАЯ

Как-то раз я с родителями посетила загородный дом знакомых. Гостеприимные хозяева, встретив нас, решили провести экскурсию по своим владениям. И, я вам скажу, было на что посмотреть.

Загородный дом у знакомых добротный, из жёлто-красного кирпича. Просторную гостиную украшает длинный (на десять персон) стол с изогнутыми резными ножками. Богато обшитые стулья удачно сочетаются с кожаным белым диваном. Переведёшь взгляд на стену — и увидишь репродукции знаменитых картин: «Всадница», «Девочка на шаре», «Женщина с гитарой». Пестрота сюжетов говорит скорее о тяге к коллекционированию, нежели о вкусе хозяев.

Особенно бросаются в глаза хрустальная люстра-сосулька, две рельефные колонны в прихожей и... добивающий сознание простого обывателя — позолоченный унитаз в ванной комнате. Чистота помещений

восхищает. Будто пять секунд назад кто-то заботливо вытер пыль и вылизал полы. Я хмыкнула. Мне по душе творческий беспорядок. Пусть к выходным он превращается в хаос.

Мы расположились в уютной беседке во дворе. Мужчины принесли дымящийся шашлык. Я через открытое окно кормила домашних голубей, бросая пернатым крысам зерно. И тут мой взгляд скользнул по женщине в платье цвета дорожной пыли и белоснежном фартуке. Неизвестная, передвигаясь неуверенными шажками, несла на подносе закуску.

На мой вопросительный взгляд друг родителей махнул рукой:

— А! Это — прислуга.

Невольно я повернулась, чтобы рассмотреть получше. «Это» поставило поднос, так и не подняв головы, дошло до крыльца и спешно покинуло поле зрения.

Хозяйка защелкала:

— Знаете, сейчас так — модно! Вот мы ей тыщонку за трое суток платим, а она всю грязную работёнку делает. Чудо просто! Находка!

Я почувствовала, как сочный кусок мяса норовит застрять в гортани. И, сглотнув, призадумалась.

Чем не разделение на господ и простолюдинов? У первых — богатая родословная и «голубая» кровь в жилах. У вторых — ничего столь же поэтичного. Куда дворянину до посуды и стирки? Для этого кухарки, служанки, уборщицы сгодятся.

Пропасть между богатыми и бедными безостановочно расширяется. Зачастую через mass media правительства только подчёркивают сложившуюся обстановку. Скажем, с помощью газет или... сериалов. Из них самый популярный и наглядно демонстрирующий расслоение общества за последние годы — это

«Барвиха». А может, стоит пересмотреть «Дикого Ангела» или сагу о семействе Кэпвеллов? Необычайно приятные вещи с — художественной точки зрения. А вот если события сериалов перенести в реальность...

Последнее время я всё чаще слышу, как произносят с гордостью: «Я — дворянин». Эти люди возвращают себе земли предков, строят замки, возводят вокруг них бетонные стены. Разве что ров не сооружают. Личная охрана у них уже есть... О прислуге я вообще молчу.

Да и слово-то какое... Служанка — прислуга — слуга. Слуга — это всегда зависимость от господина. А зависимость — отголосок чего?

Дорогие друзья, рабство возвращается.

ВТОРАЯ. ПОНЯТИЙНАЯ

Обратимся к истории. В 1861 году указом императора Александра II в России была отменена система крепостного права, которая разделяла все миллионы царских подданных на господ и рабов.

De jure — не придерёшься. De facto — забудьте о равенстве. Его нет и никогда не будет. Равенство — это привязанная на верёвку морковка перед носом осла, который двигается вперёд в попытке дотянуться до яства.

Пропасть между населением, гниющим в нищете, и узким кругом, купающимся в денежной ванне, настолько велика, что её уже ничем не заполнить.

Вы скажете: XXI век — не может быть! Приведу несколько примеров:

1. Правящие семьи, работающие с целью обогащения... себя же.
2. Отчуждение народа от природных ресурсов и территории путем монополизации или приватизации.

3. Система долговых обязательств под завышенные процентные ставки.

Что это? Имею честь познакомить вас с рабством XXI века. Как любой вирус, оно трансформировалось во всё более выгодную форму. Поэтому не стоит удивляться — под маской обыденности мы частенько его не распознаём.

Итак, в модернизированной интерпретации рабство — общественный строй, предполагающий скрытую экономическую кабалу, т.е. принуждение к постоянной работе, без которой человек (раб) не может удовлетворить ни материальные, ни культурные потребности, ни постичь душевное равновесие. Это пожизненная зависимость от денег, которыми владеют другие.

Поставьте определение в рамочку и никогда не забывайте повторять перед сном. Укрепляет иммунитет, знаете ли.

Труд стимулирует человека, делает его жизнь интереснее и плодотворнее. Однако зачастую он не приносит удовольствия, так как заработная плата оставляет желать лучшего. Получая гроши, люди не могут прокормить семью. Какое тут душевное равновесие?! Нужно больше и усерднее работать, скажете вы. Но тогда встаёт немаловажный вопрос: на черта нам это? Чтобы, как животное, что-то есть и где-то спать? И, получая от работодателей копейки, не иметь ни единого шанса вести достойный образ жизни?

В кого нас хотят превратить? В «говорящее орудие»?

До сих пор не верите в существование рабства... Приведу сравнение.

Древние рабы трудились бесплатно за еду и жильё, которые предоставлял им хозяин.

Современный раб может оплатить лишь квартиру, еду и проезд за 1 месяц. Денег у него хватает только на тридцать дней. При экономии — на 60 — 80. Но разве это жизнь: дом—работа—дом?

Все продукты рабского труда становились собственностью хозяина. Тем самым древний раб обязан был передать созданные/добытые им вещи господину.

Современный раб скован ипотеками и кредитами. С каждым днём он должен государству всё больше. Образуется так называемая долговая пирамида, которая передаётся по наследству детям, как генетический код.

Если древний раб трудился на себя, то он должен был платить хозяевам определённую сумму в день.

В наши дни эту систему заменили налоги и нежданно-негаданно возникающая на пороге, словно теща, — инфляция. Рост цен при отсутствии роста зарплаты у рабов. Разве не ограбление?

Древний раб мог позволить себе только плотские развлечения. И то с разрешения хозяина.

Современный раб... Хотя зачем объяснять. И так ясно, что без денег в кармане не сможешь ни купить книжку, ни насладиться выставкой, ни отправиться в путешествие, ни сходить в театр или кино. Вы скажете: «Интернет — спасение, во всемирной паутине я найду всё». Не забывайте, что для этого, как минимум, нужен компьютер или телефон...

Наше государство возлагает надежду на стабилизацию обстановки в обществе с помощью так называемого среднего класса. Это понятие возникло в XX веке, однако по сей день осталось всего лишь понятием. По мнению экспертов, критериями принадлежности к среднему классу являются:

1. Уровень дохода (не менее 30 тыс.руб. в Москве).
2. Наличие движимого и недвижимого имущества.

3. Достаточно высокий уровень профессионализма.

4. Наличие высшего образования.

Если брать в расчёт все четыре фактора, только 2,5 % населения нашей страны можно отнести к среднему классу. Согласитесь, вряд ли столь незначительная группа способна что-то уравновесить и стабилизировать.

Кроме «скрытого» рабства по сей день не искоренены более тяжкие его формы:

— трудовое рабство, жертвами которого становятся эмигранты, приехавшие на заработки в неизвестную страну или вывезенные насильно;

— сексуальное рабство;

— торговля людьми.

Вы думаете: докатились? Отнюдь. Вспомним некоторые особенности жизни раба в период крепостного права: древний раб не имел собственности, не мог вступать в законный брак без разрешения, его могли продать, купить или подарить.

Нам есть к чему «стремиться», господа.

На фоне вышесказанного можно с лёгкостью представить картину будущего в нашей стране.

ТРЕТЬЯ. ФУТУРИСТИЧЕСКАЯ

Бушующий в Москве вихрь революции разоряет дома богачей, уничтожает их плантации с прекрасными садами и виноградниками. Сорвавшиеся с поводка «низшие» заставляют в спешке покинуть страну представителей правящих семейств.

Правильно говорят: «русский мужик долго запрягает, но быстро едет». Россияне терпели гнёт достаточно, с 2050 года. И сейчас волна революции застала многие богатые семьи врасплох.

Казалось, что коридорам не будет конца.

Я бегу. Справа и слева — комнаты, комнаты, комнаты... Я заглядываю в помещения, но не могу найти его.

Зелёный кабинет с перевёрнутым массажным столом; разбросанными повсюду полотенцами; искусственным фонтаном, по которому стекает вода, смешанная с кровью...

Меня пробирает дрожь. Значит, безумная толпа уже побывала здесь.

Другая, красная, опочивальня превосходит предыдущую комнату в размерах. В её центре стоит большая кровать с красным шёлковым балдахином и простынями. На полу — круглый ковёр прошлой эпохи... Я поворачиваю голову в другую сторону.

Третья — фиолетовая, спортивный зал с тренажёрами. Для хозяев дома — всего лишь железки, металл для работы над собой. Для меня — куча денег, которую я никогда не заработаю.

Я бегу дальше. Становится ясно, что здесь, на третьем этаже особняка, ребёнка нет. Я скидываю с себя фартук и прислоняю его к лицу. Спускаюсь ниже. Дым уже пробрался в череду здешних комнат. Остановливаясь в начале длинного, как жизнь хозяев, коридора. Я будто стою в жерле вулкана. Рано или поздно огонь доберётся и до этих помещений.

Но где же ребёнок господ?

Я продолжаю поиски. В боку начинает колоть. Гардеробные, находящиеся на втором этаже, будто выпотрошены. Одежда разорвана на клочки в тех местах, где сверкали драгоценные камни. Уважающий себя богач не выходит из имения без перстня из платины или трости с золотым наконечником. Дамы носят кофты и юбки с каймой бриллиантов и покрытые самоцветами туфли.

Сердце бешено колотится в моей груди. Что будет, если столкнусь с оставшимися охранниками поместья? Меня расстреляют! А если наткнусь на «своих»? Я мельком взглянула на себя через старинное зеркало, украшенное золотыми ангелами с отпиленными головами. Простой «пучок» на голове, рваные джинсы и майка, кроссовки на ногах, идиотский кожаный браслет на запястье и пёстрые серьги. При всём воображении меня не причислить к хозяевам имения...

Я гулко дышу в фартук и спускаюсь ещё на один лестничный пролёт. Здесь огонь и дым — братья-властелины. Я кашляю. В глазах щиплет, в горле першит.

Он где-то здесь! И не один...

Наконец, сквозь дымовую завесу и языки пламени я вижу двоих. Они сидят под столом. Вокруг нагромождена мебель. Девушка, скорее всего дочь хозяев, прижимает к себе братика. Я замираю, наблюдая. Как нежно она обнимает его руками, прижав к своей груди, и гладит волосы...

Наконец, она замечает меня.

— Чего стоишь, дура!!

В мгновение её лицо принимает хищнический оскал. Правильно, такие, как она, добры только с себе подобными.

Я разбираю завал, чтобы хозяева могли выйти из ловушки. Пламя разъедает стены, мебель, одежду, великолепные занавески... Огню плевать — имение или обычная двухкомнатная квартира. Он сжигает добычу с одержимостью маньяка, обхватывая в свои страшные объятия одно помещение за другим.

— Скорее вылезайте оттуда!

Я рада, что нашла их. Что мне удалось справиться с заданием.

Остается несколько шагов до желанного выхода — дубовой двери с головой льва, — как в коридоре

появляется низший. Я быстро скольжу по нему взглядом. В карманах — драгоценности, на теле — кофта с позолотой и янтарные бусы. На каждом пальце виднеется по перстню, на запястьях сверкают браслеты... Но больше всего меня пугают его глаза — карманы-то он наполнил, но душа по-прежнему жаждала места.

Низший выставляет «розу» вперёд. Острые края разбитой бутылки «Кристал Брут» грозно «смотрят» на господ. Молодая хозяйка с ребёнком отступают.

— Послушай, ты уже наворовал, зачем ещё убивать?..

В следующее мгновение я чувствую сильный толчок в спину. Я кричу, упав в объятия грабителю. «Роза» впивается в мой живот, будто врастает в него...

Низший затрясся, опускаясь вместе со мной на мозаичный пол... Он так и не понял, что произошло. Я вижу, как хозяйка с мальчишкой шмыгают в проём двери. Я успеваю «выхватить» её прощальный взгляд — надменный и торжествующий.

— Но за что... — шепчу я и...

... резко срываю с лица маску визуализатора.

Схватившись руками за живот, я плачу. Гладкая кожа, никакой «розы» внутри. А как реалистично! И спальня, и разбросанные вещи, и... хозяйские дети!

Я вытираю вспотевшее лицо. В ноздрях до сих пор стоит запах гари и жжёных кожаных диванов. Не дав прийти в себя, администратор по подбору персонала в имения грубо хватает меня за локоть и выставляет за дверь.

На прощанье он кратко произносит:

— Ты не справилась с испытанием. Пошла вон!

— Но мне нужна работа в этом доме, я хочу быть служанкой! Я смогу! — кричу я и тут же получаю затрещину.

— Не смей повышать голос!

— Но я смогу быть служанкой...

— Ни черта не сможешь! У тебя нет достаточной квалификации, чтобы служить в имении. Пошла вон!

Я разворачиваюсь и, захлебываясь слезами, бреду по улицам, минуя кварталы богачей с вооружённой охраной. Чтобы не получить пулю...

Постепенно я успокаиваюсь. Всю дорогу до дома, захламлённой двухкомнатной квартирёнке с видом на стройку, я размышляю: что не так? Почему меня выставили? Я знаю, что могу работать в имении, я была бы хорошей служанкой!

И только ночью, лежа в односпальной кровати с мягкими простынями, я понимаю свою ошибку. Дурацкую ошибку! И тихо рыдаю полночи в подушку.

Я должна была сама броситься на «розу», чтобы выиграть время для бегства своих хозяев.

ЧЕТВЕРТАЯ. УТЕШИТЕЛЬНАЯ

В настоящее время рабство официально запрещено во всех «цивилизованных» государствах мира. Однако мы же с вами знаем: людская смекалка всегда поможет «обойти» законы государства. Её уже хватает, чтобы современные рабы не замечали, как окружающие используют их, превращая в «вещь».

Всеобщая декларация прав ООН расширила понятие «раб» до любого, кто не может по своей воле отказаться от работы. Получается, что от 40 до 80 процентов жителей практически любой страны мира — рабы. Попав в клетку и не имея возможности выбраться, они пытаются устроиться в ней поудобнее. «Забивают» себе место под солнцем, обзаводятся семьёй, находят развле-

чения... И постепенно забывают о прутьях решётки, которые по-прежнему отгораживают их от настоящей свободы.

В России, как поётся в известной песне, «идёт борьба со злом» по имени «рабство». Захочешь разбогатеть, продав своего врага заинтересованному покупателю, — познакомишься со 127.1 статьей Уголовного кодекса РФ, заставишь соседа работать под страхом насилия и расправы — со 127.2.

Современное рабство процветает благодаря особой черте — скрытому характеру. Силовое воздействие на экономические рычаги показывает, насколько эволюционировало данное явление. Сегодня правители мира используют власть денег для того, чтобы снова закабалить народы. И у них это неплохо получается.

Человек должен работать, но для этого нужен определённый стимул: достойная заработная плата, чтобы прокормить себя и свою семью. Люди в нашей стране не работают, а вкалывают. Причём в рабских, не приемлемых для существования условиях.

В России занижена цена человеческой жизни. Существующие богатые семьи держат прибыльные производства в ежовых рукавицах. Крупный капитал диктует моду, политику, культуру.

Дорогие друзья, мы опоздали: все кормушки заняты.

Каков будет следующий шаг? «Идеологическое» рабство? Кстати, для человеческой психики крайне вредна подобная зависимость. Ясное дело, что она не на пользу современному рабу. Но и господин, привыкший к исполнению своих желаний, перестаёт владеть собой, погружаясь в распушенность.

Неравенство — это совокупность прогресса и регресса. Совершенствуя рычаги рабства, мы, несомненно, спускаемся на несколько ступенек по эволюционной

лестнице. С другой стороны, неравенство — это движущий фактор человеческого роста, стимул вырваться вперёд.

Человек — существо, находящееся в постоянной борьбе. С самим собой, с окружающими, с условиями жизни. Кто-то слишком рано сдаётся. Но большинство принимают правила игры и стараются запрыгнуть на ступеньку «эскалатора», который везёт в светлое будущее.

Я с удовольствием поддерживаю всех в этой борьбе. Но это не значит, что я не буду активно работать локтями, прокладывая себе дорогу к пьедесталу.

Учитите.

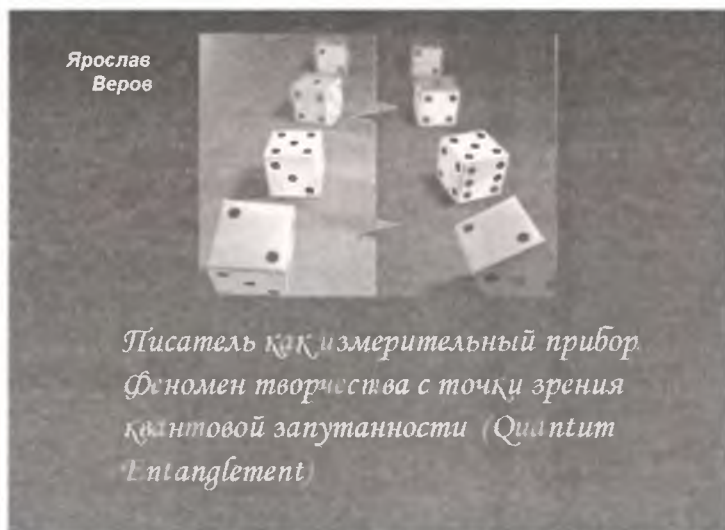
ПУБЛИЦИСТИКА НАИЗНАНКУ

ПИСАТЕЛЬ КАК ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЙ ПРИБОР.

Феномен творчества
с точки зрения квантовой запутанности
(Quantum Entanglement)

(материалы доклада на конференции «Чумацкий
Шлях, г. Одесса, 27—29 июля 2012 г.)

Дорогие коллеги!

Сегодня я хочу поговорить о том, что никакого так называемого творчества не существует. Главным образом, я намереваюсь рассказать, что не существует литературного творчества. И, поскольку здесь собрались любители фантастики, то, не желая никого обидеть, скажу кратко и прямо: фантастического творчества нет!

Всех нас вводит в заблуждение наличие так называемых «авторских текстов», которые по установившейся традиции принято считать результатом творческого акта. Между тем тексты возникают благодаря гораздо более загадочному и тонкому процессу, нежели легендарное творчество. Этот процесс протекает на квантово-механическом уровне. И становится возможным этот удивительный процесс только благодаря тому, что существуют так называемые авторы. Более того, автором является лишь тот, кто внутри себя в отношении текста устроен ортогонально. Или, говоря привычным языком, перпендикулярно. Тот, кто, не будучи устроен подобным образом, берётся создавать текст, является графоманом, а не автором. И последнее в этой короткой преамбуле: все авторы — тоже ортогональны.

1. Проблема измерения в квантовой физике. Редукция фон Неймана и коллапс волновой функции.

Квантовая механика и макромир

- По общему мнению, квантовая механика - теория микромира: молекул, атомов, субатомных частиц.
- Почти все физики, тем не менее, убеждены, что это относится ко всем вещам, независимо от их размера. То, что отличительные особенности скрыты, - не простой вопрос масштаба.
- Эксперименты последних нескольких лет демонстрируют квантовые эффекты в растущем числе макроскопических систем.
- Наиболее существенный квантовый эффект, перепутанность, может иметь место в больших и теплых системах, включая живые организмы, даже при том что движение молекул может ее разрушить.

Проблема совместных измерений

$$M \cdot \Delta E \geq h \quad \Delta x \cdot \Delta p \geq h$$

Соотношения неопределённости Гейзенберга (1927)

Для того чтобы вы правильно понимали, о чём пойдёт речь, нам придётся вспомнить азы квантово-механических представлений. Для этого я параллельно буду рассказывать о, например, легковых автомобилях. Представьте, что вы выбираете машину. Перед вами каталог. В каталоге фотографии машин всевозможных фирм и моделей, их технические характеристики и, конечно, цены. Так вот, с позиции квантовой механики, каждая позиция в каталоге — это «состояние». А процедура выбора машины — акт измерения.

Но, в отличие от каталога, наши возможности измерений в микромире существенно ограничивает *принцип неопределённости Гейзенберга*. По-научному это звучит жутковато: «произведение стандартных отклонений измерений двух сопряжённых переменных состояния не может быть меньше константы». Или проще: нельзя точно измерить одновременно, например, скорость и координаты частиц. Чем точнее мы измеряем скорость,

тем больше будет ошибка в измерении координат, и наоборот.

Мы видим, что измерение в квантовой физике — дело особое, раз квантовый физик и полицейский не могут понять друг друга, — и о нём-то мы сейчас поговорим подробнее. Дело в том, что любая квантовая система, сама по себе, то есть которую мы НЕ измеряем, никогда не находится в одном определённом состоянии. Она оказывается вещью в себе, пребывающей в нескольких состояниях одновременно. Точнее, эти состояния пребывают в вещи. И степень пребывания для каждого из этих состояний принято называть вероятностью, за которую отвечает волновая функция. Вероятность — это квадрат волновой функции. То есть на квантовом уровне любая вещь — это кисель возможностей, который называют *суперпозицией состояний*. При каждой волновой функции в этой сумме стоит свой коэффициент. Именно он и определяет возможность измерения.

Live in Drive

МОТО	МОДЕЛЬ	ЦЕНА	ТИП
	Honda Accord	От: 999 000 До: 1 275 000	Седан
	Honda Accord Crosstour	От: 1 799 000 До: 2 050 000	Хэтчбек
	Honda Civic	От: 849 000 До: 1 079 000	Хэтчбек
	Honda Civic 4D	От: 695 000 До: 835 000	Седан
	Honda Civic 5D	От: 849 000 До: 969 000	Хэтчбек
	Honda CR-V	От: 1 149 000 До: 1 459 000	Кроссовер
	Honda Jazz	От: 615 000 До: 754 000	Хэтчбек
	Honda Pilot	От: 1 799 000 До: 2 099 000	Кроссовер

Теперь вернёмся к каталогу автомашин. Вещь по имени автомобиль — это вовсе не то, что вы думаете. Не рычащая железяка. Это — вот этот каталог, со всеми возможными позициями. Такому правильному взгляду на жизнь учит нас квантовая механика. Машина — это кисель возможностей из каталога, суперпозиция предлагаемых вариантов. И в каждом варианте вы встретите свой коэффициент — это цена позиции.

Выбор машины с точки зрения квантовой теории — это акт измерения. Но сказать только это — значит преднамеренно ввести вас в заблуждения. Потому что каждый полагает, что выбрать — это значит полистать каталог и ткнуть пальцем в картинку со словами: «Куплю эту «Хонду». Нет, в квантовой теории выбрать означает заплатить продавцу цену согласно коэффициенту при волновой функции и получить свою железяку. Происходит так называемый коллапс волновой функции. Квантовая система перестаёт быть таковой. Вместо каталога вы имеете материальный автомобиль. Вещь.

Волновые функции и состояния

Обычное обозначение волновой функции — ψ

в векторном виде: $|\psi\rangle$ — состояние системы

Вероятность состояния:

$$p = \|\psi(q)\|^2 = \int \psi(q) \psi^*(q) dq$$

или

$$p = \langle \psi | \psi \rangle$$

Суперпозиция состояний: $|\psi\rangle = c_1 |\psi_1\rangle + c_2 |\psi_2\rangle + \dots$

А то, что считаете выбором вы, — это и есть тот самый загадочный и тонкий процесс, которому и посвящён весь доклад. И в этом тонком процессе задействованы такие материи, как предпочтение по цвету, марке, престижность данного авто, как вы это понимаете. Если к вашей даче ведёт разбитая дорога, то вас интересуют в первую очередь полноприводные машины с высоким клиренсом. И так далее. Заметим главное: ваши явные, и особенно неявные, предпочтения как бы соединяются с каталогом, многие даже проявляются только тогда, когда вы этот каталог листаете. «Оба-на, какая ещё марка есть!»

Итак, вы купили. Распад суперпозиции в одно из альтернативных состояний называется редукцией фон Неймана или «объективной редукцией», сокращённо — OR, ИЛИ.

Многие слышали про знаменитого кота Шрёдингера, но мало кто толком помнит, что там, в ящике, происхо-

Коллапс волновой функции

Редукция фон Неймана

Величина A принимает одно из двух значений: a' или a''

$$c'|a'\rangle + c''|a''\rangle \rightarrow \begin{cases} |a'\rangle, & p_1 = |c'|^2 \\ |a''\rangle, & p_2 = |c''|^2 \end{cases}$$

The sudden collapse of the wave function

дит. Мысленный эксперимент Шрёдингера описывает незавидное положение кота в ящике, в котором испущенный фотон падает на полупрозрачное зеркало, а переданная часть его волновой функции регистрируется датчиком. Поскольку зеркало полупрозрачное, датчик может обнаружить фотон, а может не обнаружить. Если датчик обнаруживает фотон, то срабатывает пистолет, убивающий кота. Если датчик не обнаруживает фотон, то кот остаётся жив и здоров. Волновая функция такой системы является суперпозицией этих двух возможностей... То есть, пока не произведено измерение, кот и жив, и мёртв равновероятно.

Как измерить эту систему? Просто: открыть ящик. Измерительным прибором будут наши органы чувств, а то, что мы увидим, обратно же — *коллапс волновой функции*. Нет больше никаких таинственных суперпозиций, а есть либо окровавленная тушка, либо из ящика выпрыгнет живой и здоровый кот. Квантовое состо-

яние разрушено измерением. Это и есть редукция фон Неймана.

Но в квантовой физике измерительный прибор влияет на квантовую систему, а — внимание — квантовая система в свою очередь влияет на измерительный прибор! Вспомним пример с каталогом, когда многие желания у нас возникли только после того, как мы его полистали. Запомните это внимательно: **КВАНТОВАЯ СИСТЕМА ВЗАИМНО ВЛИЯЕТ НА ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЙ ПРИБОР**. Это нам пригодится.

Ещё одна штука: результат измерений зависит от того, есть ли на шкале нашего прибора соответствующие риски, чёрточки для фиксации возможных состояний. В ситуации с автомобилем это означает — есть ли у вас права, умеете ли вы водить. Если нет, то каталог вам не нужен. Нет, полистать вы его, конечно, можете, но процесс измерения вам недоступен.

В случае с котом мы умеем видеть два состояния: жив или мёртв. Не бывает чуточку беременных, не бывает немного мёртвых, знаем мы. Но это только потому, что на шкале нашего прибора нет соответствующих рисков.

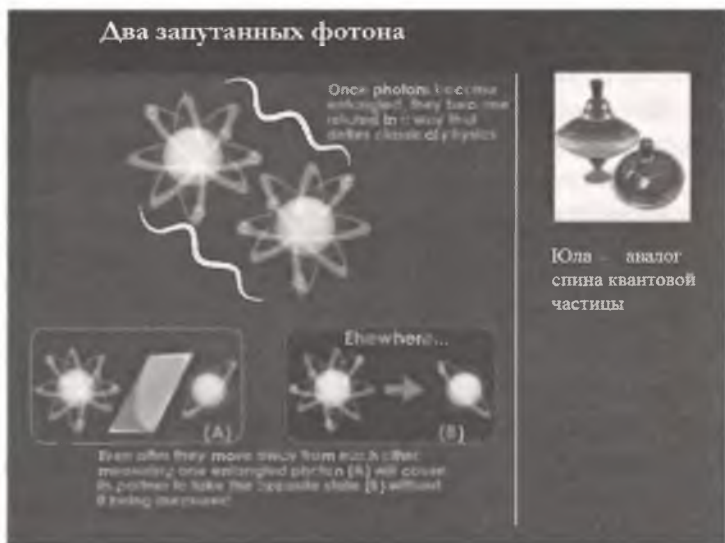
Что ещё может произойти с котом? Возможна реализация ещё двух квантовых состояний. Известный историк Гумилёв любил говорить (повторяя вслед за В.И. Вернадским): смерть есть отделение пространства от времени. В квантовой механике мы вполне можем глянуть на кота Шрёдингера в геометрии пространства-времени.

Мгновенно обнаруживаются ещё два состояния при вскрытии ящика: в геометрии пространства кот жив, но в геометрии времени — мёртв. И наоборот. В геометрии пространства кот мёртв, в геометрии времени — жив.

Всё это вроде как бы не наблюдаемо, но в фантастике есть точное описание состояния, когда пространственно объект жив, а во времени — мёртв: это старый до-

брый зомби. Обратное состояние представить сложнее, но очевидно, что это мёртвая, неподвижная тушка кота, а рядом — его активный, яростно мяукающий призрак. Как видите, ничего сложного, просто никакие наши приборы не умеют отделять пространство от времени, оттого мы этих чудес и не наблюдаем.

2. Явление квантовой запутанности и декогеренции (потери фазовых соотношений между элементами волновой функции). Измерительный прибор как квантовая система, запутанная на измеряемую квантовую систему. Мозг как квантовый компьютер и сознание как квантовый феномен.

Многие, если не все, специфические свойства и парадоксы квантовых измерений имеют своим источником свойства так называемых запутанных состояний. Поэтому, чтобы прояснить сложные процессы, протекающие, например, при выборе автомобиля (а мы уже с вами убе-

дились, что это таки квантовый процесс), нам крайне необходимо осмыслить ещё одно важное явление — *квантовая запутанность* или перепутанность (entanglement). Это понятие введено самим Шрёдингером в 1935 году, тогда же, когда он придумал своего кота, а явление запутанности стало объектом активных исследований начиная с девяностых годов. О запутанности говорят, когда вроде бы имеют дело с несколькими объектами, но которые ведут себя настолько согласованно, словно образуют единое целое. При этом сами системы могут быть разнесены в пространстве. В этом случае объекты описываются единой волновой функцией.

Если две запутанные системы находятся в суперпозиции состояний, то, измерив состояние одной, можно узнать состояние другой. Например, можно запутать два электрона, спин одного из которых направлен вверх, а другого — вниз. Если перевернуть спин одного электрона вверх, окажется, что спин другого опрокинулся вниз.

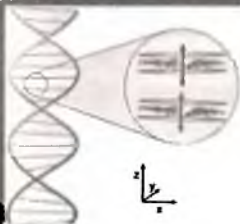

Физики смогли добиться квантовой запутанности между единичным атомом и конденсатом Бозе-Эйнштейна, находящимся в другой лаборатории

Малиновки удерживают квантовую сцепленность в своих глазах на 20 микросекунд дольше, чем в лучших лабораторных системах

Двойная спираль ДНК не расплывается из-за квантовой запутанности

При этом взаимодействия между электронами нет, поскольку находятся они друг от друга очень далеко, хоть за миллион парсеков. С парсеками пока плохо, но есть сведения, что недавно физикам удалось запутать атомы на расстоянии метра друг от друга. А это уже макрорасстояния. Как выясняется, запутанные состояния электронов отвечают и за навигацию птиц в их сезонных миграциях, и за фотосинтез.

Проблема и она же суть любого измерения (выбора) состоит в том, что взаимодействие между системой и её окружением приводит к их запутыванию. Запутываются все и запутывается всё. Запутываются каталог и покупатель, запутывается ассортимент товаров в мегамоле и опять же покупатель. Вот вам экзистенциальная проблема, обнаруженная Камю. Самая страшная проблема — проблема выбора. Не зря многие покупатели покидают супермаркет, набрав огромное количество ненужных им вещей. Потому что именно запутываются, в буквальном смысле. Иногда до головокружения. Можно сказать, что в момент выбора из суперпозиции возможностей мы впадаем в состояние лёгкой шизофрении. И не всегда лёгкой. И не всегда можем рационально объяснить свой выбор. А если объясняем рационально, это вовсе не означает, что объяснение хоть как-то соответствует истинной причине выбора. Квантовая механика даёт нам строгое понимание этого процесса. Называется он *декогеренцией*.

Поскольку уже почти доказано, что мозг является квантовым компьютером, а сознание — виртуальным процессом в этом компьютере, то квантовая сущность процесса измерения, который мы привыкли называть выбором, в дополнительных доказательствах не нуждается. Итак, зафиксируем ключевую мысль. Мозг как квантовый прибор запутывается на измеряемый объект (предмет внимания).

3. Понятие Текстона как суперпозиции всевозможных текстов. Автор как измерительный прибор и творчество как акт измерения.

Перейдём же, наконец, от скучных автомобилей к нашей любимой фантастике. Теперь будем говорить о художественном тексте, о процессе его возникновения. Хочется употребить слова «легко видеть» и произвести следующее: «Легко видеть, что текст до написания автором — это такой же квантово-механический объект, как каталог машин». Но дело в том, что увидеть это вовсе не легко. Здесь требуется введение новой сущности.

Представим себе виртуальный океан всевозможных текстов. Всевозможных в квантовом смысле, то есть ничем и никак не разделённых, находящихся в суперпозиции состояний. Назовём этот океан Текстоном. Тогда реализованный текст — это состояние, полученное при квантовом измерении Текстона мозгом автора.

Автору вовсе не нужно ничего сочинять, раз имеется бесконечный Текстон. Единственно, что нужно, более того, совершенно необходимо автору, — запутаться на Текстон. Тот, кто не умеет этого делать, то есть не умеет запутываться именно на Текстон (а запутываться, как было показано выше, все мы умеем, и авторы, и читатели, и даже покупатели), но пытается соединиться с Текстоном — тот графоман. Если не пытается — тот читатель. Через готовый текст читатель запутывается не с Текстоном, а, к примеру, со своими воспоминаниями, жизненным опытом, фантазиями и неосуществлёнными желаниями, со своим глубинным Эго. Читательская магия — это другая квантовая магия и заслуживает отдельного доклада. Я же — об авторах.

Для этого рассмотрим так называемую матрицу творчества.

Опишем схему Текстон $\leftrightarrow$ Автор. Для этого Текстон сузим с бесконечной суперпозиции до суперпозиции двух состояний. Предположим, Автор задался целью написать роман в жанре фэнтези. Пускай наш простейший Текстон — это суперпозиция двух состояний: фэнтези на основе героического эпоса (далее для простоты Эпос) и фэнтези на основе мира компьютерной игры (далее для простоты Квест).

Система и наблюдатель

Измеряемая система $|\psi\rangle = c'|\psi'\rangle + c''|\psi''\rangle$

Текстон

$|\text{текстон}\rangle = (\text{возм. эпоса})|\text{эпос}\rangle + (\text{возм. квеста})|\text{квест}\rangle$

Измеритель до измерения $|\Phi_0\rangle$

после измерения $|\Phi\rangle = |\Phi'\rangle + |\Phi''\rangle$

Автор $|\text{автор}\rangle = |\text{эпос в авторе}\rangle + |\text{квест в авторе}\rangle$

Составная система $|\Psi\rangle = c'|\psi'\rangle \cdot |\Phi'\rangle + c''|\psi''\rangle \cdot |\Phi''\rangle$

Запутанное состояние автора и текстона

$|\text{запутанность}\rangle = (\text{возм. эпоса})|\text{эпос}\rangle \cdot |\text{эпос в авторе}\rangle +$
 $(\text{возм. квеста})|\text{квест}\rangle \cdot |\text{квест в авторе}\rangle$

Итак, перед автором лист чистой бумаги и старый добрый карандаш. Но мы уже знаем, что перед его квантовым прибором — мозгом находится незримый Текстон. И коль наш автор именно автор, то происходит запутывание Автора на эту простейшую систему Текстона. При этом автор впадает в состояние, напоминающее помешательство. Всякий, знакомый с писателями, знает это

особое состояние отрешённости от внешнего мира: и не приведи, к примеру, жене или кому-нибудь ещё это состояние разрушить, можно и по голове получить.

Творческое запутывание

$$(\text{возм. эпоса}) \cdot (\text{возм. эпоса}) = (\text{вер. эпоса})$$

$$(\text{возм. квеста}) \cdot (\text{возм. квеста}) = (\text{в. р. квеста})$$

$$|\text{эпос}\rangle\langle\text{эпос}| = \text{текст эпоса}$$

$$|\text{квест}\rangle\langle\text{квест}| = \text{текст квеста}$$

Матрица плотности измеряемой системы

$$\rho = |c'|^2 |a'\rangle\langle a'| + |c''|^2 |a''\rangle\langle a''| + \\ + \langle\Phi''|\Phi'\rangle c'c'' |a'\rangle\langle a''| + \langle\Phi'|\Phi''\rangle c''c' |a''\rangle\langle a'|$$

Матрица творчества

матрица творчества =

$$= \begin{pmatrix} \langle \text{эпос} | \text{эпос} \rangle & \langle \text{эпос} | \text{квест} \rangle \\ \langle \text{квест} | \text{эпос} \rangle & \langle \text{квест} | \text{квест} \rangle \end{pmatrix}$$

$$= \begin{pmatrix} \langle \text{эпос в авторе} \cdot \text{эпос в авторе} \rangle & \langle \text{эпос в авторе} \cdot \text{квест в авторе} \rangle \\ \langle \text{квест в авторе} \cdot \text{эпос в авторе} \rangle & \langle \text{квест в авторе} \cdot \text{квест в авторе} \rangle \end{pmatrix}$$

$$= \begin{pmatrix} \langle \text{эпос в авторе} \cdot \text{эпос в авторе} \rangle & \langle \text{эпос в авторе} \cdot \text{квест в авторе} \rangle \\ \langle \text{квест в авторе} \cdot \text{эпос в авторе} \rangle & \langle \text{квест в авторе} \cdot \text{квест в авторе} \rangle \end{pmatrix}$$

Г. Л. Олди в докладе «Как оживить персонажа» интуитивно, сами того не зная, верно описали способы запутывания на Текстон и возникающее состояние: перевоплощение и представление. При этом, говорят Олди, в мозгу возникают псевдоличности, от которых в обыденной жизни надо избавляться: псевдоличности давят на мозги. Это всё то же описание квантовой запутанности, только в других терминах.

Но когда же происходит собственно измерение?

Вот как описывает это известный фантаст Святослав Логинов: «Пишешь рассказ (или повесть, или роман, это неважно). Есть сюжет, есть герои, имеется идея и авторская сверхзадача. Нет только рассказа. А потом,

вдруг, — раз! — и рассказ готов, просто ещё не написан. Вот тут-то и возникает вопрос: а в какую минуту рассказ начинает быть?»?

Ортогональность и декогеренция

Требование ортогональности состояний
измеряющей системы

$$\langle \Phi' | \Phi'' \rangle = \langle \Phi' | \Phi' \rangle = 0$$

В этом случае возможна декогеренция в процессе измерения

$$p = |c'|^2 |a'| \langle a'| - |c''|^2 |a'' \langle a''|$$

Авторская ортогональность

$$(\text{квест в авторе} \cdot \text{эпос в авторе}) = (\text{эпос в авторе} \cdot \text{квест в авторе}) = 0$$

Творческая декогеренция выводит процесс
творчества к двум возможностям

$$\text{творческий результат} = (\text{квест} \cdot \text{эпос}) \cdot \text{текст} \cdot \text{эпос} =$$

$$+ (\text{эпос} \cdot \text{квест}) \cdot \text{текст} \cdot \text{квест}$$

После запутывания должна неминуемо произойти декогеренция. Иначе автор останется в состоянии творческого безумия навсегда. И только благодаря тому, что автор сам в себе ортогонален, ему удаётся выйти из состояния творческой шизофрении победителем. Иначе, смотрите на матрицу творчества, будет нехорошо. И, хотя вроде бы авторская ортогональность сужает авторское же разнообразие, именно она позволяет ему произвести измерение желаемого состояния в Текстоне.

Тот же Г.Л. Олди в лице Дмитрия Громова описывает любопытный квантово-механический эксперимент, связанный с запутыванием автора в Текстоне. В про-

цессе написания романа «Чёрный Баламут» Дмитрий никак не мог выбрать из пространства эпизодов тот, который казался бы ему подходящим для разрешения некой ситуации в романе. Сбросив результаты работы на дискету, он отправился к соавтору, продолжая в голове перебирать варианты, то есть оставаясь в состоянии квантовой запутанности. Повстречавшийся по дороге кришнаит попытался всучить писателю «священные тексты», но тот, будучи «глубоко в теме», как-то рассеянно заметил, что все эти тексты всего лишь комментарии такого-то гуру к такой-то главе «Махабхараты».

И в этот момент — внимание — произошла декогеренция! Писатель совершенно чётко увидел ускользающий от него эпизод. Потрясение было столь велико, что он обратился к кришнаиту:

— Стой, мужик, сейчас я тебе расскажу, как там на самом деле всё было!

Ошеломлённый кришнаит в ужасе ударился в бегство, а Дмитрий, ещё некоторое время пребывая в состоянии эйфории после акта декогеренции, преследовал его со словами: «Да стой же, я расскажу, как там было-то», пока не осознал некоторую нелепость ситуации.

Таким образом мы наглядно увидели, как случайное явление (встреча с кришнаитом) послужило триггером к выходу из состояния квантовой запутанности на редукцию фон Неймана и сопровождающую её декогеренцию. Не говоря уже о том, что таким образом удалось доподлинно выяснить некоторые события древнеиндийского эпоса.

Да не введёт вас в заблуждение используемое в формулировках слово «творчество». Оно употребляется исключительно для наглядности. Изначально понятие творчества означает создание чего-либо нового. А в на-

шем случае не создаётся ничего. Происходит квантовое измерение, выбирается нечто уже где-то существующее как чистая потенция и превращается в материально реализованное. Конечно, эти рассуждения теряют смысл, если не существует самого Текстона. Но вот он как раз есть. Вспомним, что научной фантастики не существовало до девятнадцатого века, хотя наука была. А потом она вдруг появилась. Есть первопроходцы в фантастике, но нет её изобретателя. Представляется, что до определённого времени авторы не обладали в себе соответствующим делением на шкале своего измерительного прибора, подобно тому, как мы не обладаем делениями, чтобы разглядеть все четыре реализации состояний кота Шрёдингера. С появлением таких измерительных приборов, как Жюль Верн, возникла и НФ. Никто её не сочинял, никто не конструировал её как новое направление. Просто Жюль Верн писал тексты, которые, как потом обнаружилось, принадлежали новому направлению литературы.

Имеется и другое обстоятельство, указывающее на реальность Текстона. Это существование фэнтези и НФ. Как ни стараются авторы, добиться синтетического литературного направления не удаётся. То же технофэнтези неизбежно сводится либо к НФ, либо к фэнтези. Если описываемые чудеса имеют научное объяснение, то это НФ, если сверхъестественное, то — фэнтези. Если бы авторы именно творили и никакого Текстона не существовало, то имелась бы куча текстов, где причудливо и комфортно переплетались бы волшебные и научно-фантастические реалии. Да и самого бы разделения на эти жанры не существовало. Да и вообще мы бы имели не строго дискретный спектр литературных направлений, а непрерывное распределение. И в каждом тексте было бы от всего понемножку, и ни один из них нельзя было бы атрибутировать какому-либо кон-

кретному жанру. Эта жанровая дискретность свидетельствует о том, что, во-первых, Текстон существует, а во-вторых, что он устроен квантово. То есть состоит из суперпозиции ортогональных волновых функций, соответствующих, например, жанровому делению. В нём, конечно же, имеется масса новых жанров, но время авторов с «вшитыми» в них новыми делениями ещё не пришло.

Ещё одним важным доказательством бытия Текстона является условие единственности измерения каждого состояния. Проще говоря, невозможно написать две «Анны Каренины». Даже если вторую назвать Жанной, а действие перенести в Бразилию и на узкоколейку, такое не будет воспринято, как текст. Происходит это вовсе не в силу нашей так называемой психологии. Вспомните про редукцию фон Неймана. В результате квантового измерения происходит коллапс волновой функции. Она попросту исчезает, остаётся макроре-

Декогеренция и готовый текст

Согласно вероятностям выбора

(вер.эпоса) **И** (вер.квеста)

Автор выбирает из двух текстов один

(вер.эпоса) · текст эпоса + (вер.квеста) · текст квеста → $\left\{ \begin{array}{l} \text{текст эпоса, с вероятностью (вер.эпоса)} \\ \text{текст квеста, с вероятностью (вер.квеста)} \end{array} \right.$

X. Эверетт

Tolstoy, Anna
Karenina

зультат в виде книги. И возможности написания похожего текста исчезают. По крайней мере, в нашей Вселенной, а не в параллельной эвереттовской. Вот там это как раз возможно, если, конечно, гипотеза Эверетта верна. Вот там, в бразильском Сан-Паулу, в среде бразильских аристократов обитает некая Жанна Кареньо, мучимая личными проблемами. И в итоге тоже бросается, но на рельсы узкоколейки Бразильских Штатов. При этом в эвереттовской России ничего подобного, разумеется, написано не будет.

На этом примере мы можем видеть, что любое состояние Текстона — это не слова, не имена персонажей. Это сложная и тонкая система образов. А слова, озвучка производится автором в меру его интеллекта, жизненного опыта, словарного запаса и нравственных ценностей. На самом деле в результате измерения автор всегда огрубляет измеренное состояние, сужая образы Текстона. И степень огрубления зависит от количества делений и масштаба шкалы автора как измеряющего прибора. Поэтому гениальность определяется как максимально возможная для человека разрешающая способность шкалы его мозга, как квантового компьютера. Причём это верно не только для литературы, но и для других сфер деятельности, связанных с проявлением эффектов квантовой запутанности. Человек может быть гениальным игроком в покер, гениальным покупателем, который всегда знает заранее, какие акции покупать, а какие — сбрасывать.

В заключение, хочется заметить, что, насколько бы забавными ни выглядели предложенные умпостроения, речь идёт о вещах серьёзных. И коль скоро мы обнаружили, что существует удивительный квантовый мир Текстона, то возникает вопрос: а кто его создал?

РЕЦЕНЗИИ

**«Секс в к т пультном кресле, или Любовь за
в стр тосфере»**

Автор Марриэтта Худэнька, издательство «Тихие
домочадцы», серия «Наши в женском монастыре», тираж
большой, гонорар детям Африки, год выпуска текущий.

Новый триллер известного автора содержит интригу уже в самом названии. Не зря книга стала бестселлером и стоит в рейтингах продаж магазинов столицы в пятёрке лучших. Вовсе не просто так она выдвинута на «Русский букер» и «Книгу года». О чём же эта книга? Что хотела сказать нам на этот раз суперзвезда женского секси-технотриллера Марриэтта Худэнька? Не благое это дело пересказывать шедевр, однако, прочитав его на одном дыхании, я сразу и не вытирая слёз бросилась к перу и чернилам.

Действия этого захватывающего романа происходят в основном на базе ракетных стэлс-бомбовозов Эдвардс. Герои — многочисленные пилоты и штурманы этого самого бомбовоза Б-1. Точными, умелыми стежками Марриэтта Худэнька описывает нам их быт и судьбу. В свободное от полётов и чистки ракетных боеголовок время пилоты и штурманы катаются на «американских горках». У некоторых есть семьи, и тогда они катаются всей семьёй. У главного героя тоже есть семья, но он влюблён в жену русского консула Верокосу Житкую. Однако погодим о главном герое, расскажем о его боевых товарищах.

Штурман Гад Берроу посредством гамбургера заразился куриной слепотой. Но поскольку судьба безработного пилота в Америке до жути трагична — множество

бывших лётчиков побираются на окраинах Эдвардс и ночуют в картонных коробках от пылесосов, — то боевые товарищи не хотят бросать своего коллегу в беде. Ведь до пенсии ему осталось всего-то восемнадцать неполных лет. Во время полёта они, используя намеренно освоенный язык жестов, подсказывают второму пилоту, когда надо опускать, а когда поднимать закрылки. Кроме того, они специально покрасили самые нужные кнопки и экраны управления фосфором, и потому их друг может уверенно убирать и вынимать шасси, когда требуется по делу. А ежегодный медосмотр он вообще проходит уверенно. Старший врач базы генерал-мичман Хрен Тарикоид давно пристрастился к виски и готов всего за одну бутылку сдать любые анализы вместо проверяемого.

Не проста судьба и пулемётного прапорщика, латиноамериканца филиппинского происхождения Маздры Тю. Пострадавшая в филиппино-американской войне за испанское наследство мать героя передала ему по генетической цепи своё заболевание, вызванное дефолиантами, применёнными агрессорами против окучивания моркови, основного продукта тамошнего населения и их свиней. Как и его упокоенная мать, а также все братья, сестры и свинята, Тю постоянно мучается от дизентерии. Из солидарности к развивающимся народам мира, его боевые товарищи смотрят сквозь пальцы на то, что пулемётный прапорщик основное время полёта проводит, запершись в туалетной комнате. Только лишь иногда они аккуратно стучат ему в дверь и предупреждают, дабы он не гадил, пока их Б-1 пролетает над Нью-Йорком или Парижем.

Четвёртый пилот и старший применяльщик подвесного оружия Зебр Благострик абсолютно здоров, однако он страстный серфингист. Порой он не в меру увлекается своим увлечением, и проходящая волна уносит его в малоизвестные дали. Потому его боевые друзья

и товарищи давно привыкли, что он не всегда успевает вернуться с пляжа к вылету, и часто убывают в свои стратосферы без него. С большим знанием дела Худэнька описывает судьбу этого человека, нашедшего своё призвание и место во Вселенной и непростом окружающем мире.

Но все же о главном герое. Дофин Синдроун — это человек неполных сорока лет. Он несколько лысоват, но умело скрывает свой недостаток стратосферным шлемом, который всегда носит несколько набекрень и пикантно-залихватски. Он привержен человеколюбивому глобалистическому гуманизму, серьёзно относится к своей службе, тщательно проверяет дозиметром давление шин перед вылетом, и если что не так, то тут же умело достаёт из одежды переносной насос подкачки. Однако последнее время он обеспокоен. Дело в том, что однажды, катаясь на «американских горках», он встретил на изгибе поворота жену русского консула Вероко-су. Состоялся роман. Да, прямо тут, на «американских горках». С большим знанием дела, с неприкрытой правдой жизни сочинитель Марриэтта Худэнька описывает нам все анатомические прискорбия их любвемыслия и страстности «камасутрости» (так у автора).

Но ведь вокруг героев кипит жизнь. Они ведь не сами по себе в этом мире, а лишь часть общечеловечной общности. Трагедия разрывательной двойственности между долгом и любовной лихорадкой — вот о чём в сущности книга. У главного героя есть его верный могучий В-1, у главной героини муж — русский консул Булан Панорамов. Последний весьма противоречивая и по-своему притягательная личность. Ведь как каждый русский за границей, он не только простой советский консул, но ещё и шпион-диверсант. Конечно же, он знает о проделках своей жены Житкой, ведь в её левый каблук загодя встроена микросхема с джипизс-шагомером. Но что же делать? Ведь как разведчик, он должен

только приветствовать, что его поверенная жена может теперь запросто подобраться не только к шинам стэлс-бомбовоза Б-1, но даже узнать давление в них, выраженное в мегапаскалях. О, здесь тоже умело встроенная автором интрига между любострастием и родино-долгой обязателькой.

И всё же расскажем немного о сюжете и трагическом финально-развязочном конце.

Встречаться исключительно на извилистых терниях «американских горок» героям всё же не слишком удобно. В дом Дофина Синдроуна они попасть не могут: ведь там водится его, вынесенная автором за кадр и неясная нам как читателям, семья. Переступить порог советского консульства Дофин не может, даже когда консул на выезде с отчётом в Москве, бюрократы от Пентагона не торопятся выдавать нашему герою нужную визу, всё тянут и тянут с оформлением. Что же остаётся? «Природа», скажут некоторые и будут не правы. Ведь база Эдвардс находится посреди пустыни Невада, а нынче в эту негуманную к человеку местность ещё и пришла зима. Вокруг неприветливые сугробы, и одичавшие, изголодавшиеся, неухоженные лоси бродят тут и там, угрожая встречным рогами и копытами. И потому у героев остается один путь — Б-1.

Здесь, в тесной кабине стратегической машины, между рычагом опускания шасси и поднятия закрылков, а также нависшей поверху жужжащей болванкой гироскопа и проходят основные натуралистические сцены романа. Это шикарные сцены. Скажу как читательница, особое впечатление на меня произвёл рычаг управления шасси. Как он ходит туда-сюда, туда-сю... Впрочем, не буду распространяться о всех перипетиях, лишая читателя ощущения чувственного открытия.

К сожалению, всё в романе заканчивается трагически. Долг и любострастие столкнулись на страницах нешуточно.

Однажды бомбовоз Б-1 обязуется срочно подняться в воздух по тревоге. Герои вынуждены спешно расстаться. Дофин пылко лобызает возлюбленную, вовсе не подозревая, что это последний поцелуй. И тут, после её поспешного бегства по подвесной стремянке, обнаруживает на своем штатном кресле-катапульте забытые Верокой предметы гардероба и кое-какие туалетные принадлежности. Что же делать? Нельзя, чтобы его подчинённые убедились, будто все слухи о их командире правда. К тому же искажённая, обращённая правда. Ведь что они могут подумать? То, что здесь, в пилотской кабине, произошёл обычный низменный блуд? Но ведь всё тут было совсем на другом, неповторимо возвышенном уровне. Сможет ли герой это доказать? Не стоит и пытаться. Его соратники хорошие, но всё же приземлённые люди, им не понять высот истинной, незамутнённой любви.

Именно поэтому Дофин Синдроун героическим усилием дотягивается до заправочной бомбовозной штанге, и, поцеловав предварительно, запихивает в неё трусики, чулки и прочие принадлежности русской красавицы. О, сколь эротично выглядит сцена заталкивания бюстгалтера во влагалище трубы. Но вот, всё. Следы «преступления» скрыты. Так что друзья застают героя за его обычным занятием по подкачке шин.

На горе, нынче полёт Б-1 планируется далеко. Цель полёта — остров Паломарес. Там разразилась очередная гуманитарная катастрофа. Бомбовоз Б-1 должен пройти над хижинами, на малой высоте, чтобы шумом двигателей и отражением солнечных бликов от крыльев сообщить всем жителям Паломареса, включая неграмотных, что, мол, «всё нормально, мировое сообщество с вами, не забыло и соболезнует».

Однако до Паломареса Б-1 не добирается. В смысле, роман Марриэтты Худэнькой заканчивается чуть

раньше. «Почему же так?» — спросит читатель и получит ответ.

Несчастный остров Паломарес находится далеко. Бомбовоз должен дозаправиться в воздухе. Романистка Худэнька, со знанием дела, погружает нас в пучину специальных терминов, в дебри расчёта расхода горючего на квадратный километр в секунду. Однако вот и сам акт совокупления тяжёлых металлических машин. Да, да, я не ошиблась, именно «акт совокупления». Как трогательно описан подход бомбовоза Б-1 к заправщику сзади. В лучах поднимающегося солнца партнеры словно танцуют в воздухе (дополнительную пикантность вводит куриная слепота штурмана Гада Берроу, его спорадические, не сразу попадающие в такт дергания рычагами). И наконец сам акт. Как штыревая труба бомбовоза находит раструб заправочной пуповины, о, тут целая поэма в прозе. Признаться, в процессе читки я почти испытала ор... Да, вернёмся к роману.

После длительного, трёхдневного полета над морями и пилоты, и уж тем более читатели как-то забыли о застрявших в наливной полости принадлежностях Верокосы Житкой. А топливо-то по шлангу пошло!

Это трагично, это очень трагично. Топливо пошло, горячее полилось. Но куда же ему деваться? И оно прыщет во все стороны. Заливает округу, заливает стёкла пилотов, через которые они видят мир. Заливает крылья и киль. Но ведь мало того, что заливает. Оно ведь ещё и замерзает, забивает своим льдом выхлопные дюзы многосильных двигателей.

И вот трагичный финал. Бессильный бомбовоз Б-1 несётся над полярными льдами. Катапультные кресла не работают, видимо, их тоже чем-то залило. Сквозь стёкла ничего не видеть, и потому герой просто вспоминает свою жизнь и свою любовь. Навязчиво стучит что-то, отвлекая. Это случайно закрытый снаружи пулемётный прапорщик Маздры Тю рвётся наружу из

своего туалета. Это вносит диссонанс. А не есть ли забывчивость жены русского консула не просто забывчивостью? Вдруг это было разведывательно-диверсионное задание? Или всё-таки бескорыстно-бесшабашная любовь? Нам, читателям, остаются вопросы. Впрочем, как и герою романа Синдроуну. Тщательно ли он проверил давление в шинах на шасси? Сможет ли Б-1 сесть на ледовые торосы. Разобьётся ли вдрызг о ледовый наст? Или проломит лунку и уйдёт в глубину мировой бездны? Придётся ли экипажу попросту обратиться в сосульку, или их объедят донные рыбы-ремни? Что теперь будет с островом Паломарес, раз Б-1 не сообщит о сочувствии мирового сообщества?

Вот на такой ноте и заканчивается повествование. Будет ли продолжение? Возьмёт ли этот шедевр русский и прочие букеры? Думаю, мы узнаем это очень скоро.

«Новый Маугли-Пятница, или Поиск предназначения штучек-дрычек»

Автор Болван Пенисглерс, перевод с другого языка, издательство «Трусишка зайка серенький», серия «Тарзанка», тираж средний, года выпуска нет.

Книжка Болвана Пенисглерса — это небывалый эксперимент на самую актуально-философичную тему. К тому же здесь не просто бряканье с ходу и вдруг. Самим названием книга Болвана отфутболивает нас к классике. Каждый вспоминает Дефо, Диккенса, Берроуза, Киплинга, Толстого, Свифта и прочих нечитанных ранее титанов пера. Но вопрос в романе поставлен, что называется, ребром. Потому как этот вопрос волнует всех и каждого всю сознательную жизнь, особенно в бессознательном плане. Кто я? Какова моя ориентация? Правильно ли я выбрал оную? Не ошибся ли? Не сбили ли меня с панталыку встречные знакомые? А вдруг всё не так?

Каждый из нас в долгом жизненном пути ошибается с ориентацией. Порой ставит над собой смелые эксперименты, обжигается и снова ставит. Однако вокруг нас наличествует населённый мир. Добрейшие люди вокруг могут посоветовать, разубедить, поделиться своим собственным опытом жизни в отношении поиска ориентации. Показать свои штучки-дрючки и научить их пользоваться. Иное дело, главный герой (или, быть может, героиня) романа Болвана Пенисглерса.

Маугли-Пятница (судя по первичным страницам, вроде бы мальчик) вынужден ютиться в общежитии с волками. А что с этих волков взять? Они же собаки собаками, правильно? Под тёплой, но свалывшейся верблюжьей шерстью совсем не найти, чего ищешь, а если и найдешь, то неясно чего. Недаром герой долгое время не находит себе места. В конце концов он вынужден обратиться за советом к чему-то более похожему на себя, в плане навесных туловищных штучек-дрючек. К собратьям павианам.

С одной стороны, у павианов есть руки, и они, оказывается, вполне толково умеют применять их по делу поиска ориентации. С другой же стороны, павианье общество давно состарилось, потеряло хватку не только в руках, но и в ногах. Запуталось в своих пальцах, в лептописях, в склерозе сомнений. «Какая же ориентация у нас самих?» — спорят до хрипоты на общих собраниях мудрейшие из павианов. Часто для доказательства они пользуют свои штучки-дрючки. Очень смело и, на первый взгляд Маугли-Пятницы, просто донельзя правильно ставят они этот первичный вопрос. Они даже, почти как неведомые герою люди, целенаправленно ставят и проводят над собой и друг над дружкой удивительные по смелости эксперименты со штучками-дрючками, в плане поиска ориентации. Но находят ли братья-павианы ответы? Правильно ли они ориентируют свои штучки-дрючки? Вот в чём главный вопрос. Терзаемый новой

чередой сомнений, проделавший над собой не один эксперимент в обобщённых оргиях, Маугли-Пятница всё более запутывается со своей и без того неясной ориентацией. Вместе с героем мучается неясностью и читатель. Кто же всё-таки главный герой? Правильно ли он ориентирован?

Через множество сотен страниц сомнений и подробнейших прописок всё более неожиданно экстравагантных экспериментов братско-сестринского павианьего царства со штучками-дрючками вроде бы наступает некая ясность. На горизонте жизни Маугли-Пятницы вырисовывается Багира. Всё как бы устаканивается, книжка начинает течь ровно, однако...

Некая тень сомнения всё-таки сохраняется, остаётся. Ведь в самом-то деле! Ясно ли что-то по самой Багире? Не прячется ли где-то под нутриевым мехом некие другие штучки-дрючки? Кроме того, жутким диссонансом отзывается появление на страницах медведя Балугу. В неожиданном смысле, зарождается самоистязающая мысль, а медведь ли в самом деле Балугу? Есть ли у него нужные штучки-дрючки? Может быть, всё тут тоже не просто? Ведь, в конце концов, сомнения в выбранной когда-то ориентации прощупываются под ондатровым мехом даже у весельчака и балагура Балугу.

С введением в повествование ещё и питона Каа дело совершенно запутывается. Можно, конечно же, понять сомнения в ориентации самого Каа. Когда в тебе добрых девяносто пять метров, тут поневоле свихнёшься, где тут и что. Дай-то бог найти начало или хотя бы конец чего-нибудь. Хоть какой-то штучки-дрючки. Для определения ориентации желательно всё же побыстрее определиться именно с концом. Возможно ли такое в полумраке и непроходимости джунглей вообще? Разумеется, чистосердечно жаждущий помочь другу Маугли-Пятница проводит целые дни в поисках хоть каких-то штучек-дрючек и хоть какого-то конца друга. Он

производит с ним совместные эксперименты по поиску ориентации и пригодности штучек-дрючек. Всё тщетно.

И уж совершеннейшим диссонансом выплёскивается периодическое явление из ниоткуда товарища-тигра Шархана. Вместе с дружкой (а то и подружкой) шакалом Табакой они давно потеряли всякую ориентацию. Даже заявившиеся красные собаки неясной ориентации и с незнакомыми штучками-дрючками не проясняют дело. Ни Шархан, ни Табака всё равно не способны припомнить хоть какую-то внятную ориентацию.

Девочка Маугли-Пятница уже в совершеннейших потёмках насчёт ориентации, как своей, так и окружающих. Найденные в руинах старых дворцов батареечные штучки-дрючки только запутывают дело. Опробовавшие вибро-штучки-дрючки Багира и Балу в растерянности ещё большей. Попросту в трансе. Не помогает даже братско-сестринское волчье сообщество. Тем более что Акелла во время эксперимента с вибро-штучкой-дрючкой позорнейше промахнулся.

Так что вывод, выплеснутый в конечной стадии книги, неизбежно предрешено, конечно, неумолим. Для точного определения своей ориентации и предназначения своих собственных штучек-дрючек Маугли-Пятница всё-таки должен (должна) отправиться за советом к хомосапиенсам. Каков будет этот ответ?

Именно такой вопрос задаёт себе каждый прочитавший книгу и надолго задумывается над Мауглиными штучками-дрючками. Да и над своими тоже. Задумалась и всё ещё размышляю и я тоже.

«Гондв н ский лесопов л, или Полуостров Цейлон»

Автор Бунч-Брунич Хлюпик, перевод с латинского, издательство «Марсианские упыри», серия «Я, ты, он, она — вместе демократия», тираж неразборчиво, год выпуска следующий.

«Гондванский лесоповал» — это вам не фифти-три-ля-ля. Это серьёзный, можно сказать, научный труд. Он основан на череде кропотливых исследований, проведённых учёным интернет-поисковиком правдолюбом Бунч-Брунич Хлюпиком. Как всякий передовой учёный современности, он не стал тратить бесценность отпущенного нам миром времени на какие-то ненадёжные полевые изыскания. Копания в палеонтологическом мусоре известняковых наслоений — это не метод современной науки. Бурить всяческие шурфы, путешествовать со спелеологами по загаженным летучими мышами пещерам — разве это лицо современной науки? Столь примитивные методики давно выброшены серьёзной учёной братией на помойку. Безобразно не ухоженные и до сей поры слабо систематизированные, неопылённые поля интернет-ресурсов — вот истинное эльдорадо практичных, нужных человечеству открытий. Сколько жемчужин, изумрудин и прочих драгоценных камней сокрыто от людей примитивно-грубыми поисковыми системами-автоматами? Только кропотливый перебор всего схороненного материала, статья за статьей, страница за страницей и промокашка за промокашкой дают нужный результат. Но многие годы и десятилетия поиска вознаграждаются. Вот и сейчас мы получили на-гора настоящий перламутр.

Книга-откровение Бунч-Брунич Хлюпика приоткрыла нам завесу времён, доселе совершенно неведомых. Абсолютно неизученных. Однако пристальный взгляд учёного позволил нам разглядеть в безднах палеонтологических далей неумолимые ростки доброго и вечного, того, что окружает и тепло баюкает теперь нас всех. То есть истинной, незамутнённой тоталитаризмом демократии. Корни её простираются в неумолимые пласты истории. Ведь книга Хлюпика отсылает нас к тому времени, когда планета Земля была совершенно дру-

гой. К трагическому времени, когда первый праматерик Гондвана, составленный из Мадагаскара, Гренландии и Цейлона, начал распадаться на составляющие. Учёный перст Бунч-Брунич Хлюпика сосредотачивает нас конкретно на полуострове Цейлон. Именно там проходит трагедия подавления ростков демократии и свободы. Ведь теперь наукой точно установлено, что демократия являлась неотъемлемой частью мира ещё до появления хомо сапиенсов. Однако и тогда, в мезозое-архее, не всё было так просто.

Маленькое семья-сообщество млекопитающих утконосов, в несколько миллионов особ, мирно демократизировалось на полуострове. Возделывало поля, наготавливало соленья и даже развивало рыночную, меновую торговлю. Однако тоталитарно настроенные соседи с оледенелой Гренландии всё ещё не понимали преимуществ демократии и свободы. Подлые, роющие отхожие ямы в льдистых снегах, донельзя отсталые тоталитаристы тираннозавры решили задавить, задушить ростки нового света. И вот посланные бандой тиранов бронтозавры-исполнители, явившись среди бела дня, затоптали кладку яиц семейства гордых утконосов да ещё и уволокли к себе наготовленные к зиме соленья.

Напрасно старейшины утконосового племени посылали иски о компенсации ущерба. Подло-гнузные тираннозавры рексы только посмеялись над бумагой, использовали её в соответствии со своей ящерной сущностью. И снова глупые орды диплодоков, науськанных тиранами, прибыли топтать посевы и кладки свободолюбивых утконосов, выискивать и без сочувствия изымать банки с соленьями. Хоть труд Бунч-Брунича Хлюпика написан и научным языком, на глаза всё едино наворачиваются слёзы. Научно подкованный читатель просто зеленеет от жутчайших кар-

тин попирания демократий и свобод цейлонских утконосов. Как переживательно, совершенно без прикрас, описана попытка утконосного народа вырыть совместную канаву и обратить полуостров Цейлон в неприступный, свободный остров. Всё тщетно. Безбожные тоталитарные рексы напустили на утконосные кладки так же плоско-тоталитарно мыслящих птеродактилей. Камни и глина — вот что сыплется на демократический утконосный народ сверху. Некоторые норы-жилища утконосов самозакупориваются этой глиной, и бедный народ должен дышать, напрягая легкие и экономя воздушную среду.

Но ещё печальней судьба тех милых семейств утконосов, кои не пожелали зарываться по норам, а гордо подняли клювы перед птеродактилями-наймитами. Племенных и закованных, их отправляют пешим ходом на жуткий гондванский лесоповал. Измученные, но, как прежде, демократические утконосы вынуждены стачивать клювы о мезозойские пальмы и сосны. Возводить дворцовые помосты для тираннозавров-антагонистов, откуда те вещают свои тоталитарные воззвания и подтасовочные голосовательные списки. Однако даже под дворцовыми помостами не увядают новые демократические кладки, чтобы донести семена свободы даже до далёких потомков — нас с вами.

В общем, не стоит грубым, ненаучным языком описывать все перипетии открывшейся учёному-поисковику и доведённой уже нашему, людскому, сообществу правды. Ищите и изучайте книгу «Гондванский лесоповал». А Бунч-Брунич Хлюпику мы можем только пожелать успехов в его научном правдолюбстве. И можно лишь приоткрыть завесу о ведущихся ныне учёным-испытателем поисках. Уже завершаемый труд «Столкновение демократий и тотальной пещерности в сообществе прокариотных анаэробных бактерий протерозоя» приподнимет для нас завесу нового знания.

«Ев и Адольф»

Автор Жария Опуевшая, издательство «Самочит», серия «Откровения на матрасе», тираж около того, год выпуска не прописан.

«Ева и Адольф» — новый упоительный роман-откровение доселе малоизвестной, пламенной писательницы Жарии Опуевшей. Не все могут сразу догадаться, что эта умосмещающая книга не просто о чём-то, а о любви. Но она именно об этом сложном и малоизвестном многим чувственно-носном происшествии. Тяжёлая судьба любви в тоталитарном интерьере — вот в чём идея сольного повествования Опуевшей.

Адольф — ныне упоительно скромный высокопоставленный служащий. Тяжёлая судьба, инцесты и угнетения окружающих не позволили Адольфу осуществить свою мечту детства — сделаться известным художником с мировым именем. С горя он вынужден был обратиться для утешения печалей к морфию. Однако не в нём он нашел успокоение, а в простом, но истинно баварском пиве. Именно в пивбаре он обрёл своих верных друзей и подруг. Однажды Адольф даже угодил на войну, где стойко перенёс все тяготы отсутствия пива, воблы, мольберта и морфия. Только воспоминания о своих верных друзьях-соратниках, всё ещё достойно ожидающих его в пивбаре, помогло ему отсидеть в окопе, а не закопаться глубже. Потом была тюрьма и прочие мелкие неприятности. Ну и, наконец, пивной путч, цветы, разные почести и медные трубы. Но все это не раздосадовало и не обозлило Адольфа. Он так и остался скромным, чувственным вегетарианцем с изысканно морфической убеждённостью.

Ева, скромно-прелестно-блондинистая посудомойка при пивбаре, верила в Адольфа с детства, но всё не решалась к нему приблизиться из-за очень неопрятного форменного передника. Однако пивной путч, похваль-

ное одиночество Адольфа в тюремном дворике, а также тотальная несправедливость и непонимание мирового сообщества сблизили их по-настоящему. Так сблизили, что Ева взяла расчёт в пивбаре и перешла работать посудомойкой при бункере.

Здесь, в закопанном от мировых несурязиц, азиатского непонимания и нелепиц западного общества бетонном бункере, и наступило счастье. Отныне Адольф и Ева вместе. Только горестное присутствие всё плотнее набивающихся в бункер соратников, всё более частые телефонные звонки, какие-то несносные совещания ставки, а также периодические заступления Евы на дежурство в подземной посудомойке отвлекают героев книги от упоительного счастья взаимной любвеобильности. Что им в этой эротически правдивой любви до какого-то офигевшего в безобразиях мирового сообщества? Что им до каких-то периодически приходящих по факсу нот и требований капитуляций? Им так хорошо вдвоём, в этом почему-то всё более теснящем бункере.

Конечно, роман написан так упоительно-увлекательно и читается так молниеносно-живо, что становится несколько неясно: откуда бункер? Что есть «бункер»? Есть ли в этом какой-то метафорично-апломбовый под-смысловый намёк? Или же это всё же «бункер», который и есть бункер?

Отчего наши герои в бункере? Почему те соратники, что туда спускаются, больше не покидают их общество? Видимо, им там тоже очень и очень хорошо? Не слишком пояснено, что за ноты всё же сыплются и сыплются с факса. Не есть ли этот бункерный факс тоже всего лишь метафоричная метафора? Может, он символизирует собой всегдашний всеобъемлюще-мощный информационный взрыв? Впрочем, имеет ли этот факс какое-либо значение, раз на его призывы всё едино никто не соизволяет отвечать?

Главное в романе — это простые сцены любви. Как трогательно, животрепетно рассказано о первых прикосновениях героев друг к другу. Как не вульгарно-пошло, а возвышенно-правильно описано отбрасывание Евой прочь своего назойливого форменного передника. Как старательно-смело выведено автором расстёгивание Евой скромно-бриллиантовой заколки на галстук Адольфа с его молчаливо-пристойного согласия. Однако не буду пересказывать весь роман, ибо как передать трепетные чувства романтизма, возникающие у читателя в момент развязывания галстука Адольфа? Или, тем более, как не обычно-грубыми словами пересказать главу, посвящённую распечатыванию Евой морских узлов на шнурках форменных посудомоечных ботинок? Чувства ностальгического упоения попросту не передать.

Ну и наконец, как и положено в любом нормальном романе, заключительная сцена — апогей с перигеем и катарсисом. Свадьба героев. Как рады съехавшиеся со всего мира, окружающие счастливую пару высокопоставленные служащие — соратники Адольфа. Как всё-таки горды за свою подругу Еву её соперницы-посудомойки, которые тоже бы не прочь, но с любовью не поспоришь, она сразу берёт быка за рога, а Адольфа за...

Извиняюсь, что я, будучи критиком, всё же не выдержала и рассказала, чем завершается эта прекрасно-прямолинейная история. Интрига ведь сохраняется до самого конца, лишь за двести или триста страниц до окончания некоторые особо проникнутые могут угадать, чем всё кончится. Но тем не менее, мы всего лишь читатели и не знаем, как дальше сложится жизнь животрепещущих влюблённых, но убеждены, что всё будет изрядно-возвышенно-величественно. Пожелаем же вместе с Опуевшей вечного счастья и любви и Еве, и Адольфу.

Вся В ш М р г рит Плоск я

«РОЗОЧКИ», «ЯЗЫКУШИ», «БОЛТУНЬИ»...

В последние пару миллионов лет у нас, в западном секторе Вселенной, недооценивается роль языка в развитии цивилизации. Как-то само собой позабылось, что именно язык лежит в основе всех научно-технических свершений. А ведь было сказано: в начале было слово. Сиречь — язык.

Лучший пример успешной языковой политики — развитие восточнославянской цивилизации на Земле (для тех, кто ещё не знает: третья планета звезды +RA27618-UAG09, в просторечье именуемой Солнцем; лететь — если у вас нет джипезника — лучше всего через туманность Конская Голова, повернуть сразу за левое ухо и справа обогнуть галактику М-543).

Так вот жили-были на этой самой Земле три закадычных друга: Глеб Ясномыслов, Мыкола Налывайко и Петрусь Маланчук. Глебушка возглавлял известную компьютерную фирму в Москве, Коляша редактировал в крупном киевском издательстве, а Петька слыл самым крутым в родном Минске дизайнером и пиарщиком. Познакомились они случайно, лет за пять до описываемых событий. Отдыхали вместе в Крыму, как-то сошлись в местной кафешке за одним столиком и в задушевном разговоре «за рюмочкой чая» вдруг обнаружили массу интересных тем для беседы, множество общих знакомых, а когда копнули глубже — нашлось и единое генетическое сродство. С тех пор так и съезжались три-четыре раза в год для совместного приятного времяпровождения.

Вот и тем уже далеким от наших времён летом собрались друзья в стольном граде российском Москве, испили напитков разнообразных, подзакусили и занялись разговорами о том и о сем. Постепенно общий вектор душевной беседы уткнулся в обсуждение тем языковой политики. Общеизвестно: лучше всего языковые проблемы рассматривать в том состоянии беседующих, когда их языки уже начинают слегка заплетаться.

— Смотрел недавно по телевизору старый хороший фильм «Двенадцать стульев» с Мироновым и Папановым в главных ролях, — сказал Мыкола Нalывайко и горько вздохнул: — Фильм хороший, а перевод никакущий...

— Перевод? — вскинул брови Петрусь Маланчук. — Так тот фильм изначально озвучен на русском языке, зачем же перевод?

— У нас в Украине двуязычие, — взмахнул рукой Мыкола. — Вот и принято во всех фильмах с русским языком пускать внизу экрана строки перевода на украинской мове. Политика такая, хотя русский язык у нас все прекрасно понимают, и даже большинство людей на нём именно и говорит. А качество украинского перевода, мягко говоря, ни в какие ворота не лезет. Знаете, как перевели всем известную фразу мастера гробовых дел Безенчука «Туды его в качель!» наши горе-языковеды? «Тягны його на гойдалку!»

— Не понял, — тряхнул головой Глеб Ясномыслев. — Переведи обратно!

— «Тяни его на качели!» — вздохнул Мыкола. — Ну, разве ж это перевод?

— Да уж, — согласился Глеб. — Лопухнулись толмачи с вашего телевидения!

— Эх, хлопцы, — Nalывайко мечтательно закатил глаза, — вот если бы можно было сделать так, чтобы человек сам, прямо в собственных мозгах, мгновенно переводил текст с любого языка! И чтобы это было без

★
всяких компьютерных программ и нудного обучения! Вот смотришь на текст — и сразу видишь перевод!

— А в чём проблема? — пожал плечами Петрусь Маланчук. — Главное — правильно сформулировать задачу и примерно прикинуть пути её решения.

— Ну, задачку Колян только что сформулировал достаточно ясно, — Ясномыслев задумчиво потёр виски пальцами. — А вот пути решения... Есть, братцы, одна идеяка...

— Слушайте, сябры, — подмигнул друзьям Петрусь. — А давайте-ка под это дельце учредим совместную фирму? И покажем всему миру, что такое творческий союз лучших сыновей братских народов!

Троица ударила по рукам. Новорождённое предприятие назвали МКМ — «Москва—Киев—Минск».

Долго ли сказка сказывается, скоро ли дело делается...

Через пару лет фирма МКМ выдала первый продукт инженерной и конструкторской мысли — многоуровневый шестиядерный процессор с оптическим распознавателем для ускоренного восприятия текстов. Центральным элементом устройства был экранчик нежно-розового цвета, который посредством двух дужек, заводимых за уши, и опорного элемента на носу крепился перед глазами. Поэтому появившуюся на свет штучковину стали именовать сначала просто «розовые очки», а вскорости вообще редуцировали название до короткого — «розочки» (с ударением на первом слоге). Надев розочки, человек сразу же видел любой текст на родном языке.

Однако люди ведь не только читают на иностранных языках, но и довольно часто слышат чужую речь. Какой толк в том, что можно читать тексты, если во всех иных аспектах общения ты выглядишь «глухонемым иностранцем»?

Поэтому второй разработкой трио Ясномыслев — Налывайко — Маланчук стал гиперканальный модулятор

языковых переводов для размещения в ушной раковине. Его название, Впрочем, тотчас же упростили до простенького слова «языкуши» (с ударением на третьем слоге).

А чтобы сделать диалог сторон активным, фирма МКМ предложила ещё и третью штучковину собственного изготовления: языковые насадки для ротовой полости, активизирующие речевые способности. Насадки получили прозвище «болтуньи» (с ударением на втором слоге).

Как правило, самые продвинутые пользователи Интернета и разнообразных компьютерных систем желают не только читать и говорить на иностранном языке, но ещё и писать. Поэтому четвёртым продуктом «от МКМ» стал мультязычный аппарат ввода текстов многопальцевым методом слепого печатания — «писульки». Молодежь, однако, сегодня использует в речевом общении более фривольный вариант названия устройства, заменяя в «писульках» букву «у» на «ю», но мы будем в нашем повествовании придерживаться канонического названия, данного аппарату его разработчиками ещё на стадии создания.

Все четыре устройства — «розочки», «языкуши», «болтуньи» и «писульки» — были доведены до надлежащей дизайнерской кондиции и представлены на Международной выставке «Восточнославянская новь: путь в будущее».

Так получилось, что выставку соизволило посетить Очень Важное Лицо (которое его собственная охрана за глаза именovala ОВаЛ — чтобы не произносить все фамилию, имя, отчество, многочисленные титулы и звания руководящей персоны). Важному Лицу долго впаривали информацию о передовых отечественных технологиях нефте-газо-угольной добычи, а потом гид подвёл его к малюсенькому стендику, на котором на узенькой полочке были разложены экспериментальные образцы розочек, языкушей, болтуний и писуллек. ОВаЛ впал в со-

стояние полнейшего восторга от демонстрации гаджетов фирмы МКМ. И коротким, но величественным взмахом руки дал добро на производство технических новинок для массового восточнославянского потребителя.

И пошло, и поехало...

Буквально с первых же дней после появления новых электронных прикамбасов у покупателей началось «комплексное всенародное овладение языками» — именно так окрестили позднее все происходившее земные историки. Этот процесс сблизил народы восточнославянской цивилизации до почти полного социально-культурного единения. Ведь раньше как было? После развала великой державы в конце минувшего века и ускоренного становления национальных языков в Прибалтике, Грузии и Украине по сути единственной общей языковой средой оставался только до конца понятный всем бывшим советским гражданам ядрено-матерный диалект, в котором одна фраза — например, «пи-пи-пи пи-пи-пи-пи пи-пи» (*фраза самостоятельно изъята автором из текста по морально-этическим соображениям. — Авт.*) — теоретически могла значить всё, что угодно, но интуитивно и в контексте текущей ситуации была однозначно понятна всем. Правда, был ещё молодежный сленг, существовавший в интернетовском и околоинтернетовском пространстве, на котором, к примеру, предложение «Я очень удивилась» произносилось и писалось как словесная конструкция «Короче, типа прикинь: я конкретно в шоке и отморожилась в натуре». Но этот сленг в целом погоды не делал, поскольку не имел хождения среди людей среднего и старшего возрастов. Поэтому проблема внутривосточнославянских коммуникаций стояла в обществе очень остро.

А тут такой подарок! Счастливые поклонники и поклонницы языковых гаджетов в буквальном смысле носили на руках трио авторов технических новинок. Чеканные профили героев интеллектуально-инноваци-

онного труда Глеба Ясномыслева, Мыколы Налывайко и Петруся Маланчука появились на билбордах, лайтбоксах и рекламных растяжках. Продукция фирмы МКМ раскупалась, как бутылки с охлажденной газировкой в знойный летний полдень.

Как результат, резко возросла степень проникновения восточных славян в культурные сообщества иных стран. Последствия оказались неожиданными и непредсказуемыми даже для самых опытных аналитиков и футурологов.

Так известный русскоязычный автор боевой фэнтези, более десяти лет прозябавший в духовной эмиграции в провинциальном американском штате Мичиган, после покупки розочек, языкушей, болтуний и писулек настолько полно овладел американским диалектом английского языка, что уже через полгода под псевдонимом Рой Башен (измененное Бой Рашен) стал лауреатом всех местных литературных премий — от Ньюбела до Хьюго.

Вырос и уровень контактов в научной среде. Результат не заставил себя ждать: в течение всего пяти лет сразу десять учёных из восточнославянских земель стали лауреатами Нобелевской премии практически по всем её номинациям.

На высшую ступеньку поднялись литература, киноискусство и театр восточных славян. Что иногда обращивалось для гостей из зарубежья настоящим конфузом. Бывало зайдёт иностранец в московский театр. В программке значится «Опера по роману Л.Н.Толстого «Война и мир».

«Ну, это часа на два-три, не меньше», — подумает житель закордонья, удобно устраиваясь в мягком кресле и готовясь к восприятию произведения искусства.

Занавес поднимается. Невероятная суэта и мелькание актеров на сцене. Под потолком висит словно соловьём на рассвете пропетая трель: «Тирлим-тир-

★
лим пам-пам тю-тю!» На всё это уходит от силы секунд пять, не более.

И тут же выкрики — «Браво!», «Бис!», «Брависсимо!» Зрители встают и аплодируют. На сцену и за кулисы несут корзины с цветами. А потом все направляются в гардероб и к выходу.

— Как, и это всё?! — У иностранца, который даже не успел раскрыть пакетик с любимыми чипсами, лезут на лоб глаза. — А где же представление? Верните деньги за билет!

— Эх, дядя, садовая твоя голова! — говорят ему. — На сцене нынче все четыре тома романа Льва Николаевича отыграли, буковка в буковку. И чего же ты, болезный, в театр поперся без розочек, языкушей и болтуний? У нас же теперь ускоренное восприятие!

А ведь и в самом деле — ускоренное. Нажимаешь на гаджетах маленькую такую кнопку — и всё «на скоростях» слушаешь и созерцаешь.

Ну, а как же человеческий мозг? Способен ли он к такому скоростному восприятию действительности?

Оказалось, что способен. Адаптировался. Раньше учёные говорили, что мозг человека обычно загружен всего процентов на десять. А остальные девяносто — то ли дремлют, то ли в отключке, то ли вообще черт знает чем тайно занимаются. С появлением гаджетов Ясномыслева, Налывайко и Маланчука мозги стало возможным загрузить на все сто.

Более того, работая в ускоренном режиме, человеческий мозг очень быстро привыкал именно к такому темпу работы и начинал сам вкалывать по-стахановски даже без розочек, языкушей, болтуний и писулук.

Летающее вскачь мышление не могло не потребовать скоростного движения. Действительно, мало радости ускоренно видеть и читать, если весь остальной человеческий организм не способен ускоренно работать. Ощу-

щение — хуже, чем у мухи, постепенно увязающей в толще сахарного сиропа.

Идя навстречу желаниям скородумающих масс, Ясномыслов, Налывайко и Маланчук создали портативный всепогодный внешний искусственный скелет на биомеханической основе, который, естественно, сразу стали сокращенно именовать ВИС, а потом и запросто — «виськой».

Испытать «виську» бизнесмен и редактор Налывайко взялся на знакомых писателях. Изобретение сразу же дало невиданный литературно-коммерческий эффект. Если раньше среднестатистический восточнославянский писатель производил на свет три — от силы четыре романа в год, то теперь творческий процесс многократно ускорился. Ранним утром писатель обзаводился идеями для нового романа. К завтраку успевал прикинуть сюжет и составить примерный план работы. К обеденному перерыву текст, как правило, вчерне был готов. Дымились перегревшиеся клавиатуры, потели жидкокристаллические экраны, хрипели истощённые системные блоки. Но к ужину отредактированные и правленные тексты уже лежали в распечатанном виде на писательских рабочих столах. Как следствие, резко возросла издаваемость литературно-художественной продукции. Выросла и общая способность к чтению у населения: даже интеллектуально-перегруженный философский роман теперь потреблялся читателем буквально за считанные секунды — в течение рекламной паузы между двумя сериями очередной мыльной оперы.

Однако ускоренное движение населения восточнославянской цивилизации потребовало соответствующего роста энергопотребления.

Сначала друзья-изобретатели хотели пойти по проторённой дорожке и создать «скорожевалки», «молниежелудки» и все прочие необходимые для нормального пищеварительного процесса и энергопотребления эле-

менты человеческого организма. Но, поразмыслив, отвергли привычный путь: так, глядишь, и от человека ничего не останется. Будет жить под солнцем только какой-нибудь «трансгуманоид» — набор ускоренной биомеханомашинерии.

Поэтому решили человеческий организм оставить в неприкосновенности, а просто добавить ему дополнительной энергии за счёт обострённого кожного восприятия. Вы загорать любите? А прокатиться с ветерком? А понырять в бассейне или в море? Все эти действия — это настоящий дополнительный кладёз энергии, которую вполне можно использовать путем кожной адсорбции.

Для прямого поглощения всяческих энергий человеческой кожей друзья-изобретатели создали специальный крем. Крем, кстати, имел побочное действие: по желанию лица, которое им пользовалось, мог менять цвет кожного покрова человека. Новый продукт в народе прозвали «цветюлькой». На улицах замелькали синие, зелёные, полосатые и даже серо-буро-малиновые лица (последние, кстати, стали всё чаще появляться в городской толпе без всякого влияния спиртосодержащих жидкостей). Радости восточнославянских косметологов и модниц не было предела.

Поскольку восточнославяне стали больше потреблять тепловых потоков из воздушной среды, сама собой решилась всемирная проблема глобального потепления. Восточные славяне настолько раскошегарились, что земной шарик, — дабы избежать внеочередного ледникового периода, — даже пришлось дополнительно подогревать за счёт размещённых на околоземной орбите солнечных зеркал. Что, конечно же, двинуло вперёд отечественную космонавтику.

У гаджетов производства фирмы МКМ было ещё и прямо противоположное свойство: они могли замедлять протекание любого процесса в человеческом ор-

ганизме. Нужно было всего лишь нажать ещё одну полезную кнопку на панельке управления. Особенно радовался новой опции редактор Налывайко: впервые в восточнославянской литературе ему удалось воплотить в жизнь гениальные поэтические строки «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!»

Закономерный вопрос: почему же все остальные земные государства не скопировали восточнославянские технические новинки? Многие ведь привыкли жить «на халявку», хакерить базы научных данных да ещё постоянно приворачивать.

Да вот с изделиями фирмы МКМ у инородных господ вышла промашка. Во все свои штуковины основатели фирмы изначально заложили системную защиту от воровства и хакерства, которую в принципе невозможно было ни обойти, ни отключить. А при попытке взлома гаджеты просто переставали быть гаджетами и превращались в металлопластиковое крошево.

Суть же защиты по идее своей была простенькой. Любой, кто хоть раз воспользовался розочками, языкушами, болтуньями или иными штуковинами «мэйд ин МКМ», становился «вославором» — «восточнославяноориентированным», то есть ментально раз и навсегда воспринимал и разделял все базисные ценности восточнославянской цивилизации.

В результате бурной изобретательской деятельности трёх основателей фирмы МКМ восточные славяне резко рванули вперёд, оставив далеко позади весь остальной замедленный мир. В физике была создана Единая Теория Всего и запущена термоядерная энергетика. В генной инженерии творились настоящие чудеса, по сравнению с которыми эволюция выглядела робким прологом настоящего существования жизни на Земле. Человеческую жизнь с помощью биотехнологий продлили едва ли не до бесконечности. В галопирующем темпе освоили Луну, Марс и все прочие планеты Сол-

нечной системы. Стало, наконец, возможно то, о чем в старинных русских сказках скромно умалчивали — мол, ни в сказке сказать, ни пером описать.

А что же наши друзья — Глеб Ясномыслов, Мыкола Налывайко и Петрусь Маланчук? Они всегда были на самых передовых участках научно-технического прогресса восточнославянской цивилизации. Вы уже слышали, что готовится первая экспедиция во внепространственное замирье? Да, в то самое, из которого наша Вселенная выглядит испещрённой огоньками звёзд и галактик микроскопической мембранкой, скромно плавающей среди мириад иных миров с совершенно иными физическими законами. Кто вошёл в состав «руководящей тройки» экспедиции, вы уже догадались или с трёх раз угадывать будем?

Недавно вся обозримая Вселенная отметила столетие создания фирмы МКМ и появления её первых разработок. Мы, жители западновселенских провинций Земли, должны признать, что общий положительный результат успешного развития восточнославянской цивилизации стоит на трёх «слонах» — это, прежде всего, верно сделанная ставка на нетрадиционные новые технологии, успешный менеджмент производства и правильная общемировая маркетинговая политика.

Но, как говаривал в своё время выдающийся мыслитель и философ Козьма Прутков, «Зри в корень!». Под тремя «слонами» есть ещё и «черепаха»: в основе всех успехов восточнославян лежал правильный ответ на языковой вопрос.

Ибо сказано: в начале было Слово...

Но с космических высот восточнославянской цивилизации кто теперь припомнит, что феноменальный научно-технический взлёт в северном полушарии Земли начался с сущей, казалось бы, мелочи — с некачественного перевода взятой из гениальной книги двух авторов фразы «Туды его в качель!»?

ПАМЯТИ
БОРИСА НАТАНОВИЧА
СТРУГАЦКОГО

КОНСПИРОЛОГИЧЕСКАЯ УТОПИЯ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

(Эссе о НАСТОЯЩЕМ)

*Памяти Аркадия и Бориса Стругацких,
Семинара Бориса Стругацкого,
журнала «Полдень, XXI век» — посвящается.*

1

Конспирология сегодня в моде. Но если присмотреться к истории, то окажется, что она была в моде всегда. Конспирологические теории, за малым исключением, основываются на вере в существование тайных движущих сил прогресса. Всегда приятнее верить, что миром правит Великая Ложа, а не Большая Лажа. Кроме того, конспирология дает простые ответы на сложные вопросы, вызывая иллюзию постижения глубоких истин, скрытых от профанов. А тут недалеко и до рефлексии «высокого посвящения» или даже «богоизбранности», которая способна перепахать любого, сколь угодно образованного, человека.

Конспирология легко вписывается в идеологию, когда та апеллирует не к разуму, а к чувствам. Например, в Третьем рейхе частью государственной идеологии была вера во всемирный «еврейский заговор». В Советском Союзе для поддержания атмосферы «осаждённой крепости» ставка делалась на зловещего «капиталистического спрута» и «всесилие» иностранных спецслужб. Что характерно, и в современной России перед выборами власти резко меняют риторику, забывая о западно ориентированной направленности своей полити-

ки и превращаясь в главного борца с силами, которые «нас злобно гнетут». Утверждению конспирологии также способствуют псевдоисторические дискуссии вокруг хитроумных измышлений ревизионистов и таких фальшивок, как «Протоколы сионских мудрецов» или «План Аллена Даллеса».

Но есть нюанс — никогда любители конспирологии не признают тайную деятельность по преобразованию мира благом. Их можно понять: если кто-то скрывает свою деятельность, значит, он, негодяй, что-то нехорошее задумал. «А иначе обязательно подписался бы как честный человек!» Даже если согласно конспирологической теории загадочные масоны (тамплиеры, розенкрейцеры, иллюминаты, алхимики, махатмы, инопланетяне — нужное подчеркнуть) декларируют своё стремление к улучшению общества и возрождению духовности, называют своими приоритетами права человека и равенство всех по факту рождения, всё равно они вызывают неприятие и яростную критику. Тайных вершителей судеб подозревают в том, что, прикрываясь благостной демагогией, они стремятся к неограниченной власти, которая позволит узким элитарным кругам решать, по каким законам жить человечеству. Дескать, мы сами с усами, имеем суверенность, традиции — разберёмся, как нам жить. И вообще «благими намерениями вымощена дорога в ад». То, что самые открытые и демократически избранные правительства периодически прибегают к тайным операциям, сплошь и рядом нарушая законы собственной державы, в расчёт не принимается, поскольку всякий легко может представить себя на месте руководящих «сукиных сынов», признавая их право на насилие, а вот представить себя, допустим, махатмой получается с трудом.

Кстати, именно теме противостояния традиционных спецслужб и могущественных тайных организаций полностью посвящены два культовых фантастических телесериала недавнего времени: «Секретные материалы» («X-Files», 1993–2002) и «За гранью» («Fringe», 2008–2013) — они же могут служить идеальной иллюстрацией к вышеизложенному.

Получается, что тайная деятельность по установлению нового мирового порядка традиционными способами в принципе не может восприниматься как созидательная, а, наоборот, только как подрывная и нацеленная на преумножение хаоса. И опыт кровавых революций XIX и XX веков, когда гонимые и глубоко законспирированные партии приходили к власти с целью реализации своих утопических воззрений, наглядно подтверждает самые худшие опасения. Но давайте представим, что нам известно будущее, что мы определённо знаем (или нам кажется, что знаем), какой вариант развития цивилизации более прогрессивен, сопряжён с меньшими потерями и принесёт в перспективе максимальные блага, даже если в какой-то период придется прибегнуть к жестоким мерам. Совсем другой колленкор, не правда ли?..

Прошлое не может противостоять будущему. Ведь по большому счёту всё, что мы делаем и ради чего живём, сосредоточено там — в завтрашнем дне, в наших детях и внуках. Они наполняют смыслом наше существование, заставляют идти вперед и при необходимости драться насмерть. И они же (вот неприятная деталь!) остаются мерой и высшим судьёй нашим поступкам. Если бы человеческая природа была устроена иначе, аргумент «будущее нас рассудит» не пользовался бы такой популярностью.

Тема «попаданцев» популярна в современной российской фантастике. Два десятка лет прилавки завалены книгами, рассказывающими о приключениях наших современников, которые по неведомой причине проваливаются в прошлое и, пользуясь знаниями своей эпохи, начинают исправлять исторические ошибки и таким образом дают государству, в котором оказались, стратегическое преимущество перед конкурентами. Хотя о новизне этой темы для фантастики говорить не приходится (она выглядела не слишком оригинальной даже во времена Марка Твена), «попаданческие» романы пользуются неизменным спросом. В прошлое из настоящего проваливались уже не только отдельные супермены и воинские подразделения суперменов, но и целые страны (такой неожиданный вариант описал, например, Анатолий Логинов в романе «Механическая пьеса для неоконченного пианино»). Интересно сравнить российскую фантастику с аналогичной литературой, переживавшей расцвет в Веймарской республике. И там, и здесь её подпитывала жажда реванша за поражение в глобальной войне (в нашем случае можно говорить о поражении в «холодной» войне, которая хотя и обошлась без кровавой бойни, но имела катастрофические последствия для трёх десятков государств). Только вот в немецкой фантастике преобладала вера в будущее, выраженная в образе гениального инженера, который раньше или позже даст Германии великое оружие, само наличие которого заставит пересмотреть унижительные условия Версальского договора, а в отечественной — сосредоточилась глубокая убеждённость, будто бы на всём протяжении истории Россия погрязла в ошибочных решениях, будто бы существует некий особый путь, позволяющий ей вырваться из дурной бесконечности самоедства.

Очевидно, популярность «попаданческой» темы обусловлена многообразием интерпретаций собственной истории, ни одна из которых не может удовлетворить большинство: достаточно бегло ознакомиться с полемикой вокруг 1937 года и роли Сталина в тех давних событиях, чтобы понять, сколь глубока пропасть между схожими членами российского общества. А ещё возникает впечатление, что российские фантасты априори признают: у нашей страны нет позитивных вариантов будущего. Отсюда произрастает второе популярное направление — бездумная постапокалиптика, описывающая мрачные умирающие миры.

Оставим в стороне политические предпочтения авторов многочисленных романов о «попаданцах». Будем считать, что в том случае, когда они мечтают о продлении сталинской эпохи или романовской монархии лет на двадцать-тридцать, то добросовестно заблуждаются, связывая свои чаяния со спекулятивными интерпретациями отечественной истории. То есть будем воспринимать их страстное желание изменить мир в позитивном ключе. Тогда у нас получится, что вся литература о «попаданцах» — своего рода конспирологическая утопия. Персонаж из нашего времени знает, как лучше устроить общество, каких ошибок следует избежать, что способствует прогрессу, что является приоритетным для развития. Но он не может действовать в открытую, посему обращается непосредственно к властям, давая им ключ к пониманию происходящих процессов, а зачастую и инструменты из будущего, которые следует использовать с умом. Фактически такой персонаж выступает в роли тайной силы, главной целью которой является установление нового мирового порядка. И прошлое не может противиться его выбору, каким бы странным этот выбор ни казался — ведь человеку из будущего лучше знать, он мера и судья.

К сожалению, авторы фантастики о «попаданцах» редко показывают последствия игр с историей. В лучшем случае их хватает на поверхностное утверждение, будто бы, сохранив бóльшую часть ресурсов (в первую очередь человеческих), Россия рванула бы вверх опережающими темпами и завоевала бы Солнечную систему. На кой сдались обновленной и многочисленной России мёртвые каменистые миры, обычно не уточняется — видимо, фантасты полагают, вопреки реальному опыту, что стремление к звёздам испокон века присуще нашему народу (вышеупомянутый Анатолий Логинов в своём романе выводит главным энтузиастом пилотируемой космонавтики Лаврентия Берию!). На самом деле для обоснования необходимости космической экспансии в данном случае нет особой нужды — вне зависимости от политических пристрастий все современные авторы российской фантастики утверждают «по умолчанию» одну и ту же утопию, в рамках которой такая экспансия выглядит органичным и обязательным элементом. Речь идёт, разумеется, об утопии, созданной воображением Аркадия и Бориса Стругацких.

3

В последние годы Борис Натанович Стругацкий подвергался ожесточённой критике. Будь то анонимная сетевая критика, цена которой грош в базарный день, на неё можно было бы не обращать внимания, однако шпильки в адрес БНа позволяют себе даже те, кто считается любителями и знатоками его творчества. И даже те, кто называют себя его учениками! В их неслаженном хоре слышится неприкрытая обида. По утверждению критиков, когда-то братья Стругацкие сумели пленить мечтой о великольном будущем несколько поколений читателей, а сегодня, дескать, БНС «изменил»

мечте, «предал» идеалы и полагает общество потребления идеальным вариантом будущего.

Как водится, критики подменяют авторитетное мнение собственными психологическими комплексами. Личная рефлексия застит им взгляд на реальность. Но прежде чем указать на их ошибки, поясню, о чём идет речь. Аркадий и Борис Стругацкие создали самую известную в советской фантастике утопию — Мир Полдня (Полудня). Многолетнюю популярность ей обеспечила хронологическая связность текстов: от романа «Страна багровых туч» (1959) через сборник новелл «Полдень, XXII век (Возвращение)» (1960—1963) до повести «Волны гасят ветер» (1986) можно проследить полноценную «историю будущего», включающую не только событийный ряд, но и биографии центральных персонажей. Читательский успех обеспечили великолепный литературный стиль и ключевая идея, которую можно сформулировать так: люди светлого будущего мало чем будут отличаться от наших современников — они будут умнее, добрее, интеллигентнее, ответственнее, рассудительнее, но останутся «почти такими же». Любой читатель мог соотнести себя с описываемыми персонажами и найти себе «место под солнцем» в прекрасной утопии. И соотносили. И искали. И находили. Пожалуй, это первая утопия в истории литературы, которая обходилась без дидактики и которую каждый мог примерить по себе. Стоит ли удивляться, что многие поклонники Мира Полдня начали воспринимать его не как литературный образ, а как готовую модель лучшего общественного устройства, которую можно овестить при известном приложении сил?

Братья Стругацкие начинали придумывать Мир Полдня во второй половине 1950-х годов — в то время, когда они искренне верили, что, избавившись от сталинизма, Советский Союз сумеет стать передовой

державой и построить коммунизм ещё при жизни их поколения. Посему выглядит логичным относить этот вымышленный мир к числу коммунистических утопий. Однако позднее пришло разочарование, хорошо описанное самими Стругацкими в романе «Град обречённый» (текст романа появился в начале 1970-х, но был впервые напечатан в 1989 году). Коммунизм потерял для них былую привлекательность, что было вполне предсказуемо — советские коммунисты так и не справились ни с одной из серьезных проблем послевоенного мира, а грызня элит (осуждение Сталина, снятие Хрущёва) не способствовала укреплению надежд на скорое наступление светлого будущего в СССР. Согласно изменению взглядов стали жёстче и «полуденные» тексты братьев Стругацких. Читатель узнал о тайной стороне деятельности обитателей утопии — о прогрессорах, вмешивающихся в дела инопланетных гуманоидных рас; о Комиссии по контролю, сдерживающей развитие земной цивилизации; о люденах, потерявших всё человеческое на новом витке биологической эволюции. Среди «младших научных сотрудников», о которых и для которых писали Стругацкие, всё чаще можно было увидеть профессиональных убийц и двуличных дознавателей. Впрочем, даже такое заметное изменение фактуры не повлияло на восторженное отношение поклонников к Миру Полдня — здесь авторы потеряли контроль над интерпретациями, как часто случается с культовыми произведениями. Но возможно ли авторов за это обвинять? Ведь от искажений замысла внутри читательского восприятия не застрахован ни один писатель, даже если он бездумно строчит инструкцию к новому пылесосу.

Борис Натанович Стругацкий имел полное право заявить, что больше не разделяет ценностей персонажей текстов, написанных в молодости. Мог публично отме-

жеваться от коммунистической утопии. Однако, вопреки мнению обвиняющих критиков, ничего подобного он не сделал. Наоборот, до конца жизни БНС не устал повторять, что Мир Полдня — лучший из воображаемых миров. В качестве доказательства можно привести всего лишь две короткие цитаты. Из интервью 1998 года: *«К Миру Полудня мы всегда относились как К-Миру-в-котором-Нам-Хочется-Жить. Не более, но и не менее. Было, разумеется, время — конец 50-х, — когда этот мир казался нам реально достижимым и даже — в обозримом будущем. Но это заблуждение быстро миновало. Мир этот (на наш вкус) хорош, но, скорее всего, недостижим, пока мы не научимся что-то делать с обезьяной, сидящей внутри каждого из нас»*. Из интервью 2012 года: *«Мир Полудня по-прежнему остаётся (и останется навсегда) Миром-в-Котором-я-Хотел-бы-Жить-и-Работать. Сегодня мир этот представляется недостижимым. <...> Мир, идёт совсем другой дорогой, имея целью создание Общества Потребления, и эта цель, похоже, совпадает с направлением пресловутой «равнодействующей миллионов волей» (о которой Лев Толстой писал ещё в позапрошлом веке)»*. Как видите, отношение БНа к утопии, придуманной двумя молодыми писателями полвека назад, практически не изменилось за последние четырнадцать лет, а за это время, кстати сказать, даже высшие лица государства умудрились неоднократно пересмотреть свои мировоззренческие и политические приоритеты.

Откуда же проистекает обида на БНа, которая всё чаще перерастает в обличение «предательства» идеалов? Выскажу гипотезу. Очевидно, всем этим современным коммунистам, монархистам, националистам, реваншистам, патриотам авторитарной государственности и прочим политически озабоченным товарищам очень хотелось бы, чтобы Борис Стругацкий был с ними. И толь-

ко с ними! Но он отдавал предпочтение либералам. Как тут не обидеться? Ведь даже теперь, когда цензура в художественной литературе по факту отсутствует, а за «диванную» политику не преследуют, никто так и не сумел придумать более притягательную утопию, чем Мир Полдня. Посему выходило, что БНС как один из полноправных создателей этой утопии выступает ещё и в роли её единственного живого представителя, человеком будущего, которому нельзя противостоять, потому что невозможно противостоять.

Истина в том, что мир раскрепощённого творчества, абсолютного равноправия и неукоснительного соблюдения интересов личности имеет куда больше отношения к либерально-демократической модели общественного устройства, нежели к коммунистической или какой-то другой.

4

О главной находке братьев Стругацких сам Борис Натанович писал в «Комментариях к пройденному» (1998—1999) так: *«Перед мысленным взором нашим гро- моздился, сверкая и переливаясь, хрустально чистый, тщательно обеззараженный и восхитительно безопас- ный мир, мир великолепных зданий, ласковых и мирных пейзажей, роскошных пандусов и спиральных спусков, мир невероятного благополучия и благоустроенности, уютный и грандиозный одновременно, но мир этот был пуст и неподвижен. <...> В конце концов мы поняли, кем надлежит заполнить этот сверкающий, но пустой мир: нашими же современниками, а точнее, лучшими из со- временников — нашими грузьями и близкими, чистыми, честными, добрыми людьми, превыше всего ценящими творческий труд и радость познания... Разумеется, мы несколько идеализировали и романтизировали своих*

грузей, но для такой идеализации у нас были два вполне реальных основания: во-первых, мы их любили, а во-вторых, их было, черт побери, за что любить!»

Что и говорить, находка гениальная — только вот она очень быстро породила глубокую структурно-смысловую проблему. Младшие научные сотрудники стали старшими, и оказалось, что они вовсе не имеют иммунитета ни к «родимым пятнам» социализма, ни к «родимым пятнам» капитализма, ни — самое ужасное! — к «родимым пятнам» тоталитаризма. Даже в лучших людях современности нет-нет да и проявлялась «обезьяна», которая при всём желании не вписывалась в светлые декорации Мира Полдня. Очевидно, братья Стругацкие осознали проблему раньше других и нашли изящное решение — человека Полдня можно и нужно «воспитать». Опять процитирую Бориса Натановича и опять возьму одно из последних интервью (сентябрь 2012 года), чтобы ещё раз подчеркнуть преемственность взглядов: *«Общество, которое Вы называете коммунизмом, а мы — Миром Полудня, может возникнуть лишь при одном чрезвычайно важном условии: будет сформулирована и внедрена Высокая Система Воспитания, способная формировать Человека Воспитанного, — личность, главным наслаждением которой в жизни станет успешный творческий труд».*

Таким образом, возникновение Высокой Системы Воспитания (или Высокой Теории Воспитания) является, по мнению братьев Стругацких, обязательным условием для формирования предпосылок к овеществлению утопии. Иного варианта просто нет. Но, как отмечал БНС в другом своем интервью 2012 года: *«Следует ясно понимать, что «проекта воспитания такого человека» в нашем реальном мире не существует. Человек Воспитанный никому не нужен. Нет ни партии такой, ни*

класса, ни социальной группы вообще — всех вполне устраивает Человек Потребляющий».

В самом Мире Полдня процесс воспроизводства «Человека Воспитанного» поставлен, что называется, на конвейер. Во-первых, с определённого возраста дети растут и обучаются в отрыве от родителей — в системе интернатов (подобно многим утопистам, братья Стругацкие полагали, что воспитанием нового человека должны заниматься исключительно профессионалы). Во-вторых, с молодых ногтей ребёнок находится под пристальным наблюдением Учителя и Наставника, которые должны выявить его главные таланты и помочь взрослеющей личности раскрыть свой потенциал в полной мере. В-третьих, юному жителю утопии с самого начала навязывается жёсткая иерархия ценностей, в рамках которой пустопорожнее развлечение выглядит низменным пороком, а плодотворный труд на благо общества — высшей добродетелью.

Примечательно, что такая, вполне «макаренковская», система воспитания почти не вызывала нареканий в советские времена, поскольку более или менее соответствовала представлениям тогдашних партийных работников об идеальных вариантах обучения. Но почти сразу вызвала нарекания, когда появилась возможность публично обсуждать альтернативные педагогические методики. На уровне художественного осмысления серьёзную критику системы Стругацких можно найти в романе Сергея Лукьяненко «Звезды — холодные игрушки» (1997) и в романе Бориса Акунина «Азазель» (1998). На уровне публицистики — в эссе Елены Первушиной «Конфликт семьи и школы в утопии» (2002) и в переписке Марианны Алферовой с Борисом Стругацким «Невесёлые разговоры о невозможном» (2010), опубликованной в журнале «Полдень, XXI век».

БНС и сам понимал шаткость своих позиций по этому вопросу. Возможно, когда-нибудь Высокая Теория Воспитания и возникнет. И наверняка она будет куда сложнее литературно упрощённых схем, описанных в текстах братьев Стругацких. Но где найти предпосылки для неё в современном мире? Что станет прототипом? Размышляя об этом, Борис Натанович приходит к конспирологической утопии. «Человек Воспитанный» уже существует! Его нужно только отыскать и обеспечить ресурсами. *«Мир Полудня теоретически возможен. Люди названного типа — не есть что-то фантастическое, они жили среди нас всегда, а сегодня очень часто объединены в творческие группы, решающие серьёзные задачи, — это островки Светлого Будущего, и дело теперь за малым: научиться увеличивать число таких людей и число таких «островков», пока они не сольются в единый континент».*

Конспирологическую утопию как возможный путь к Миру Полдня братья Стругацкие рассматривали, начиная с повести «Гадкие лебеди» (она была завершена в 1967 году, но запрещена к публикации до 1987 года). В повести действуют «мокрецы» — мутанты из будущего, поражённые генетической болезнью. Фактически это те же прогрессоры-«попаданцы». Трагичность ситуации «мокрецов» в том, что они твёрдо знают: их мир находится на краю гибели и, чтобы спасти его, необходимо кардинально изменить историю — однако это изменение неизбежно ведёт самих «мокрецов» к исчезновению. «Будущее создаётся тобой, но не для тебя», — сказал «мокрец» Зурзмандор. В этой странной максиме содержится квинтэссенция конспирологической утопии в частности и любой прогрессорской деятельности вообще.

Впоследствии братья Стругацкие неоднократно возвращались к коллизиям столкновения будущего с на-

стоящим. Им было ясно, что настоящее не сдастся без боя, что архаика будет неизбежно сопротивляться прогрессу. Советский Союз, в котором бойцы идеологического фронта непрерывно болтали о «самом прогрессивном обществе» и который, казалось бы, был создан для великого социального эксперимента, превратился в военно-промышленную машину, противостоящую остальному миру, а независимые республики, сформировавшиеся после его крушения, сразу погрязли в безудержном потреблении, отбросив идеалы, как старый хлам. Где найти место для ростков утопии?

Безуспешная попытка собрать «островки» будущего в «единый континент» описана в романе «Отягощённые злом, или Сорок лет спустя» (1988). Действие происходит в первой половине XXI века, в центре событий — талантливый педагог Георгий Анатольевич Носов (Г.А.), который собирает в закрытом лицее одаренных подростков. Из лицея должны выйти первые Учителя и Наставники, которые и реализуют план по формированию «Человека Воспитанного». Стоит отметить, что мир, описанный в «Отягощённых злом», куда уютнее и добрее нашей современности, но даже он, по мнению Стругацких, невообразимо далёк от овеществлённой утопии. Носову приходится пожертвовать собой, «взойти на крест» (Г.А. — «Га-Ноцри», арамейская форма библейского прозвища Иисуса Христа), чтобы стать легендой в глазах соотечественников и дать таким образом толчок к переменам.

Ещё более мрачный вариант представлен в повести Бориса Стругацкого «Бессильные мира сего» (2003). Эксперименты над людьми с целью получить технологию обеспечения физического бессмертия для товарища Сталина дали парадоксальный результат: подопытные обрели фантастические сверхспособности. Один из них, Стэн Аркадьевич Агре, получивший многозна-

чительное прозвище «сэнсей», обладает способностью выявлять в детях скрытые таланты. Именно ему по ходу сюжета предстоит решить, кто возглавит следующее поколение: мальчик с зачатками Великого Учителя или девочка с зачатками Великого Диктатора. В принципе ясно, какой выбор он сделает, но драматизм повествования лежит в другой плоскости — сам Агре стремится быть Учителем, конструирующим будущее из настоящего, но его ученики не желают следовать замыслам «сэнсея». *«Вы сдєлались отвратительно самогостаточны, — говорит Агре с горечью, — вы не желаете летать, вас вполне устраивает прыгать выше толпы, вы ДОВОЛЬНЫ — даже самые недовольные из вас...»* Чтобы как-то «пришпорить» своих «довольных» учеников, Агре прибегает к моральному и физическому насилию. Но опять же — с плачевным результатом. Архаика упорно сопротивляется будущему.

В «Бессильных мира сего» Борис Стругацкий ещё раз обращается к идее «Человека Воспитанного» — теперь прямо, в лоб: *«Ничего не изменится, пока мы не научимся как-то поступать с этой волосатой, мрачной, наглой, ленивой, хитрой обезьяной, которая сидит внутри каждого из нас. Пока не научимся как-то воспитывать её. Или умирять. Или хотя бы грессировать. Или обманывать... Ведь только её передаём мы своим детям и внукам вместе с генами. Только её — и ничего кроме.* Можно воспринимать эти слова как завещание братьев Стругацких всем нам.

Хорошо видна смысловая переключка между «Гадки-ми лебедями», «Отягощёнными злом» и «Бессильными мира сего» — в настоящем нет и не будет механизмов для построения более совершенного будущего, а утопия («царствие небесное», sic!) достижима только через самоотречение, через самопожертвование, через категорический отказ от «довольства». Но так ли это?..

«Будущее создаётся тобой, но не для тебя».

Братья Стругацкие знали, что им не дожить до светлого Мира Полдня. Однако стремились форсировать процесс своими текстами, потому что пришли к выстраданному выводу: другого пути, кроме как созидание свободного общества разумных ответственных людей, у человечества просто нет; сохранение архаики в той или иной форме неминуемо приведёт к глобальной катастрофе. И путь этот лежит через души детей, которых ещё не успела искорёжить, подогнав под шаблоны пресловутых традиций, наша современность.

Последние тексты Бориса Натановича Стругацкого наполнены горечью поражения. Он признал, что общество потребления в любых его вариантах, вплоть до фашистских, устраивает большинство населения, и если следовать «равнодействующей миллионов волей», то утопия станет всё более зыбкой, не в силах соперничать с грубостью материального мира. Неужели нет ни малейшей надежды?

Думается, надежда есть. Не случайно в текстах Стругацких люди из будущего — фанатичные книгочеи. К примеру, «мокрецы» испытывают физические страдания, оказавшись без книг. И в этой идее содержится великая мудрость. С генами мы передаём следующим поколениям только «ленивую обезьяну», но книги (и в более широком смысле — культура) способны воспитать в обезьяне человека. Если, конечно, это умные книги...

Аркадий и Борис Стругацкие писали умные книги. Значит, Мир Полдня будет жить и после ухода братьев. Как конспирологическая утопия, как инструмент из будущего, как маяк посреди чёрной бури — пленительный, зовущий, вечный. Братья Стругацкие сделали

самое главное — зажгли его, указав тем самым спасительное направление.

Остальное предстоит сделать нам.

Получится ли? Сумеем ли?..

БОРИС СТРУГАЦКИЙ

«СПАСИБО ВСЕМ, КТО НАС ЧИТАЕТ!»

Интервью

Бориса Натановича Стругацкого

Настоящее интервью Борис Натанович Стругацкий дал десять лет назад — специально для еженедельника «Секретные материалы XX века». С тех пор оно не переиздавалось. В подготовке интервью принимали участие Павел Гросс, Антон Первушин и Николай Романецкий. В те времена Борис Натанович был бодр и полон творческих планов: только что закончил роман «Бесильные мира сего», принимал активнейшее участие в развитии журнала «Полдень, XXI век». Вот так и получилось, что интервью посвящено секретам прошлого и надеждам будущего.

1: Уважаемый Борис Натанович, прежде всего позвольте от имени редакции еженедельника «Секретные материалы» поздравить Вас с получением Премии Президента Российской Федерации. По этому поводу первый вопрос. Вручением премии наше государство наконец-то оценило тот огромный вклад, который своим творчеством и своей деятельностью Вы с братом внесли в развитие российской культуры. По-

чему же это произошло так поздно? Ведь любому мало-мальски грамотному человеку, проживающему в нашей стране, очевидно, что это нужно было сделать много раньше...

— Не кажется ли вам, что этот вопрос надлежало бы обратить к «государству»? Но вообще-то очевидно, что «государство», не любившее Стругацких и относившееся к ним с подозрением и неприязнью, это совсем не то, что нынешнее государство, исповедующее не тоталитарные, а, скорее, либеральные принципы и идеи. «Ощутите разницу».

2. Насколько нам известно, братьев Стругацких в СССР вообще не баловали литературными премиями. Зато в странах так называемого «капиталистического окружения» о вас не забывали. 1977 год — Кэмпбелловская мемориальная премия, 1979 год — премия имени Жюль Верна, 1981 год — приз за лучшую иностранную книгу года, 1987 год — международная премия за вклад в фантастику, 1987 год — приз всемирной организации научной фантастики «За независимость мысли». Понятно, что в те времена подобные знаки внимания Запада к советским авторам не могли не насторожить «компетентные органы». Что Вы можете рассказать по этому поводу? Были ли у Вас или у брата проблемы с КГБ?

— Никаких проблем, непосредственно связанных с нашей работой, у нас с Конторой Глубокого Бурения, слава богу, не было. Война шла, так сказать, на нейтральной территории — в домах тех несчастных людей, которые виноваты были только в том, что читали и держали у себя самиздат. Мы узнавали об этом иногда (из писем и рассказов), а в большинстве случаев даже и не знали ничего. Прямой и крайне неприятный контакт с ГБ был только у меня в середине 70-х, когда меня до-

прашивали (как свидетеля) по «делу Эткинда—Хейфица». Как это было — можете прочитать у С.Витицкого в романе «Поиск предназначения» — там это всё описано с большой степенью достоверности.

3. Создается впечатление, что советское государство целенаправленно делало из братьев Стругацких диссидентов. Некоторые произведения цензоры заставляли переписывать буквально строчку за строчкой, другие — запрещались. Как Вы думаете, зачем это было нужно? Зачем, например, нужно было запрещать роман «Гадкие лебеди»? Неужели он настолько разрушал устои существовавшей идеологии? И может ли вообще какая-либо рукопись представлять серьёзную угрозу для государственной машины?

— По поводу «Гадких лебедей» следовательно, меня допрашивавший, выразился в том смысле, что это не есть книга антисоветская, это — «книга упадническая». Почему надо изымать у граждан «самопальные» издания упаднической книги и наказывать владельца, направляя соответствующие кляузы ему на работу, — зачем это надо организации, призванной бороться исключительно за государственную безопасность, я спросить не решился. Да и не пришёл мне тогда в голову этот дерзкий вопрос. Но дело тут, видимо, в том, что тоталитарное государство иначе не умеет. В тоталитарном государстве — единая цель, единая власть, единая идея. А значит — по определению — любая идея, любая мысль, любая книга, отклоняющиеся от установленной нормы, суть угрозы государственной безопасности, и тоталитарное государство готово обрушиться на эту идею-мысль-книгу всей мощью своего репрессивного аппарата.

4. Почему, невзирая на давление со стороны властей, братья Стругацкие решились написать «Град обречённый»? Что лично для них значило это произведение?

— «Град» был задуман еще в конце 60-х и в процессе работы над ним претерпевал существенные изменения. В конечном счёте авторы стали писать его (и написали) как роман о судьбе типичного «шестидесятника» — человека, начинавшего яростным большевиком-сталинистом, прошедшего через все идеологические перипетии своего времени и растерявшего в конечном итоге вообще все мировоззренческие идеи, оказавшегося в пустоте, без идеологической опоры под ногами. В середине 70-х (когда роман был окончен) он казался нам весьма актуальным (настолько актуальным, что мы его даже в редакцию нести не рискнули и вообще скрывали почти от всех, что роман окончен). По-моему, он актуален и сейчас — недаром же разноголосый хор самых разных политических запевал вот уже много лет твердит: дайте же, дайте нам общегосударственную идею!

5. К счастью, времена меняются, и вот уже издательство «Сталкер» закончило выпуск третьего (или уже четвёртого?) собрания сочинений братьев Стругацких, претендующего на академизм и полноту. Выходит приличным тиражом и литературный журнал Бориса Стругацкого «Полдень, XXI век». Расскажите, пожалуйста, нашим читателям, что это за журнал. Какова его основная идея? Чем он отличается от других «толстых» литературных журналов? Каковы критерии отбора публикуемых произведений?

— «Полдень, XXI век» — журнал, о котором мы с АНС мечтали много лет. Подзаголовок у него — «Новый мир русской фантастики», а это значит, что мы намерены печатать всё лучшее, что пишут по-русски писатели, использующие специфический литературный приём, делающий произведение фантастическим: вводят в произведение сюжетообразующие элементы чудесного, невероятного и невозможного вовсе. Спектр фанта-

стических произведений, понимаемых так, невероятно широк и многообразен: здесь и реалистическая, и научная, и философская фантастика, и магический реализм, и современная сказка (фэнтези), и остранный проза, и альтернативная история... Мы постараемся выпускать журнал, который будет интересен не только людям, читающим по преимуществу фантастику, но и квалифицированному читателю вообще — именно в этом, да ещё и в том, что зарубежную фантастику мы, как правило, печатать не намерены, — этим и отличается (по замыслу) наш журнал от всех аналогичных.

6. Борис Натанович, как известно, Вам с братом в своё время удалось поспособствовать расширению русского языка. Например, «сталкер» — это английское слово; в армии США существует специальное подразделение «Ночные сталкеры». Тем не менее, именно благодаря братьям Стругацким это слово стало частью русского языка со своим специфическим и отличающимся от оригинала смыслом. Расскажите, пожалуйста, как это произошло.

— Вообще-то, мы придумали несколько новых слов, ставших употребительными, правда, в основном в среде фэнов — «кибер», например, или «скорчер». До сих пор не знаю, кто первый придумал слово «планетолёт» — мы или Иван Антонович Ефремов. Но вы правы: «сталкер» — словечко, которое у всех на слуху, в том числе и у тех, кто ничего и никогда не читает. Заслуга тут, я думаю, всё-таки не столько наша, сколько А.Тарковского, снявшего по нашей повести фильм, ставший всемирно знаменитым. А придумали мы это слово так. В черновых разработках понятия «сталкер» не было. Охотники за внеземными чудесами в Зоне назывались у нас «трапперы» или просто «старатели». И только в самый последний момент, может быть, на первой же странице

черновика выскочило у кого-то из авторов это звонкое словечко, которое и было принято обоими на ура. Прямо скажем, словечко это неправильно образовано и не свидетельствует о высокой грамотности авторов. В английском языке есть слов *to stalk*, означающее (в частности) «идти крадучись», «подкрадываться». Но читается оно как «сток», а значит, должно быть не «сталкер», а «стокер». Но мы-то взяли это слово не из словаря, а из древнего (конца 40-х) перевода замечательной книги Киплинга «*Stalky&Co*», который (перевод) АНС сделал, еще будучи курсантом ВИИЯка. Мне приходилось видеть и ещё чей-то, ещё дореволюционный, перевод этой книги, он назывался «Бесшабашная компания» (или что-то вроде) и был гораздо хуже перевода АНС, который мы дружно любили и всегда называли «Сталки и компания». От имени (неправильно образованного имени!) рискованного, лихого, дерзкого героя этой книги — Сталки — и пошло наше словечко «сталкер». Такая вот лингвистическая история.

7. Раз уж зашла речь о «сталкерах», то грех не вспомнить о фильме Андрея Тарковского. Как Вы относитесь к его фильму «Сталкер»? Как Вы относитесь к кинофантастике вообще и к экранизациям в частности?

— Мы всегда считали, что по нашим повестям был сделан один очень серьёзный фильм («Дни затмения») и один фильм мирового класса («Сталкер»). Всё прочее (а их набирается еще с полдюжины) нам не нравилось. Опыт (мировой опыт!) показывает, что действительно хорошую экранизацию можно сделать только по неважному художественному произведению. Кино — это своя образная система, своя специфика, там всё другое, и даже действует кино, грубо говоря, на другие органы чувств. Авторам экранизируемых произведений, впрочем, от этих теоретических выкладок не легче. Но я дав-

но уже ни на что не надеюсь. Вот сейчас Герман снимает фильм по «Трудно быть богом». Вообще, если кто-то в мире и способен снять хороший фильм по этой повести, то — только Алексей Герман, и никто другой. Но я уверен, что фильм получится по-настоящему хорошо лишь при условии, что будет сильно отличаться от «оригинала». И ничего тут не поделаешь.

8. Известно, что в Америке вот-вот должен появиться фильм, снятый по «Пикнику на обочине». Вы неоднократно говорили, что ничего особенного не видите в этом «очередном кинофантастическом боевике». Скажите, чего точно не будет в этом фильме?

— Представления не имею. Мы продали права этой экранизации много лет назад (еще АНС был жив), и по условиям договора никак не можем влиять на форму или содержание будущего фильма.

9. Следует ли читателям ждать новых произведений Бориса Стругацкого?

— Да, я закончил только что роман (или большую повесть?) под названием «Бессильные мира сего». Надеюсь опубликовать эту вещь в №1 журнала «Полдень, XXI век» за 2003 год.

10. И напоследок пара слов читателям, которые вас любят. Вы не против?

— Спасибо всем, кто нас читает. Дважды, трижды, четырежды спасибо тем, кто нас вдобавок и любит!

ТО, ЧТО МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ

Ярослав Веров, Игорь Минаков. ОТЕЛЬ ДЛЯ ТРОГЛОДИТА	7
Елена Первушина. ЖЕРТВА.....	100
Владимир Марышев. КЛЮЧ.....	161
Николай Немытов. СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ХЛАМ	181
Павел Шейнин. ПРАКТИКУМ	
ПО РЕКРЕАЦИОННОЙ ДЕБИЛИЗАЦИИ	195
Дмитрий Федотов. ВАРИАНТ РЕШЕНИЯ	208
Татьяна Томах. ИО, МОЙ ИО	279
Ярослав Кудлач. БАРАКУДРА НАПАДАЕТ СЛЕВА	298
Майк Гелприн. ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ШУТКА.....	315
Олег Быстров. ЖИВАЯ МЁРТВАЯ ВОДА.....	339
Андрей Бочаров, Светлана Колесник.	
ПЯТЬ МИНУТ... И НИ СЕКУНДОЙ БОЛЬШЕ.....	363
И.А. Даль. ЦВЕТОЧНЫЙ САМУРАЙ.....	384

ТО, ЧЕГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Дмитрий Скирюк. КРЫСИНДА.....	403
Андрей Дашков. БРОДЯГИ ТВЕРДИ	491
Дарья Зарубина. МИРАКЛИН.....	550
Николай Немытов. КОГДА НИНТУ В ЛАДОШИ ХЛОПНЕТ.....	570
Ярослав Кудлач. ОСНОВА ОСНОВ.....	601
Степан Вартанов. ОТ ВСЕЙ ДУШИ.....	637
Мирослав Бугров. КЛИНОК	643

БЕРЕГИТЕ ПРИРОДУ — МАТЬ ВАШУ!

Сергей Чекмаев. МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ	659
Игорь Вереснев. АЛЛЕРГИЯ.....	672
Марина Ясинская. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЗОРКОГО БОГА.....	696
Кристина Каримова. НИЧЕГО ОСОБЕННОГО	715

ФУТОРОЛОГИЯ ВСЕРЬЁЗ

Дмитрий Володихин. «РУССКИЙ АПОКАЛИПСИС» ПОНАРОШКУ И ВСЕРЬЁЗ.....	755
Татьяна Беспалова. БЕССТЫЖИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ БУДУЩЕГО.....	767
Дарья Родионова. ШАГ НАЗАД.....	777

ПУБЛИЦИСТИКА НАИЗНАНКУ

Ярослав Веров. ПИСАТЕЛЬ КАК ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЙ ПРИБОР	791
Маргарита Плоская. РЕЦЕНЗИИ	810
Сергей Чебаненко. «РОЗОЧКИ», «ЯЗЫКУШИ», «БОЛТУНЫ»... ..	826

ПАМЯТИ БОРИСА НАТАНОВИЧА СТРУГАЦКОГО

Антон Первушин. КОНСПИРОЛОГИЧЕСКАЯ УТОПИЯ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ	839
Борис Стругацкий. «СПАСИБО ВСЕМ, КТО НАС ЧИТАЕТ!»	855

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА — 2013

Ответственный редактор *И. Минаков*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *М. Тимофеева*
Корректор *В. Авдеева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 127299, Ресей, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru . E-mail: info@eksmo.ru.
Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,
Домбровский көшесі, 3-а, Б. литері, 1 кеңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92,
факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан
Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3-а, Б. литері, 1 кеңсе.
Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru*

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 07.05.2013. Формат 84х108^{1/32}.
Гарнитура «Балтика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,36.
Тираж 3000 экз. Заказ 377.

Отпечатано по технологии CtP
в ООО «Полиграфический комплекс «ЛЕНИЗДАТ»
194044, Санкт - Петербург, ул. Менделеевская, д. 9
Телефон / факс: (812) 495-56-10.

ISBN 978-5-699-63957-1

9 785699 639571 >

ПАРТЕНИТ-2013

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА 2013

Космический грузовоз терпит крушение на планете, посадка на которую категорически запрещена. Но что тогда здесь делает экспедиция земного Института Ксенологии? У невольного робинзона Макса Горнова считанные дни, чтобы разобраться в этом... Французский ученый Рене Миро на исходе девятнадцатого столетия создает мираклин – «сыворотку чудес». Открытие Миро способно изменить человечество, а ведь жестокий двадцатый век уже не за горами...

Борис Стругацкий, Дмитрий Скирюк, Федор Березин, Ярослав Веров, Игорь Минаков, Антон Первушин, Андрей Дашков, Дмитрий Володихин, Дарья Зарубина, Майкл Гелприн и другие в сборнике, выпущенном по итогам Международного фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг-2012».

skomm.ru
снежный ком

